F II 15657

Ключевский

Краткое пособие
по
рус. истории

А. И. Боргманъ.

F III 15657.

РУССКАЯ ИСТОРІЯ

(ПОСОБІЕ ДЛЯ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ И САМООБРАЗОВАНІЯ)

ЧАСТЬ I

ДО ПЕТРА ВЕЛИКАГО

(Ученымъ Комитетомъ М. Н. Пр. допущена въ качествѣ необязат. пособія для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ «Т-ВА А. С. СУВОРИНА — НОВОЕ ВРЕМЯ»
1912

А. И. Боргманъ.

F II 15657.

РУССКАЯ ИСТОРІЯ

(ПОСОБІЕ ДЛЯ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ И САМООБРАЗОВАНІЯ)

19278

Переинв. 1950

ЧАСТЬ I

ДО ПЕТРА ВЕЛИКАГО

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ «Т-ВА А. С. СУВОРИНА — НОВОЕ ВРЕМЯ»
1912

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

ВВЕДЕНІЕ 1

ОЧЕРКЪ I.

Краткій обзоръ исторіи восточно-европейской равнины въ до-русскій періодъ.

§ 1. Древнѣйшее населеніе 3
§ 2. Древнѣйшія поселенія славянъ, литовцевъ и финновъ. 8
§ 3. Населеніе юга Восточно-Европейской равнины въ первые вѣка по Р. Х. . 10
§ 4. Разселеніе славянъ. 12
§ 5. Общіе выводы изъ обзора исторіи населенія Восточно-Европейской равнины. 13
§ 6. Свойства природы Восточно-Европейской равнины и ихъ вліяніе на жизнь ея обитателей 14
§ 7. Періоды русской исторіи 16

ОЧЕРКЪ II.

Днѣпровскій или Кіевскій періодъ русской исторіи.

ЧАСТЬ I.

Бытъ восточныхъ славянъ до начала ихъ объединенія подъ властью русскаго княжескаго рода.

§ 1. Общественный строй восточныхъ славянъ въ до-государственное время . 17
§ 2. Экономическій бытъ восточныхъ славянъ въ до-государственное время . 21
§ 3. Образъ жизни и нравы восточныхъ славянъ въ до-государственное время . 23
§ 4. Религія восточныхъ славянъ 24

ЧАСТЬ II.

Происхожденіе и развитіе Кіевскаго княжества.

§ 1. Появленіе княжеско-дружинной власти у восточныхъ славянъ 26
§ 2. Лѣтописный разсказъ о началѣ Руси; отношеніе къ нему исторической науки 29
§ 3. Княженіе Олега 36
§ 4. Княженіе Игоря 39

стран.

§ 5. Правленіе Ольги 40
§ 6. Княженіе Святослава 41
§ 7. Княженіе Владиміра 43
§ 8. Крещеніе Владиміра и Руси 45
§ 9. Междоусобія сыновей Владиміра 52
§ 10. Княженіе Ярослава I 54

ЧАСТЬ III.

Дробленіе и упадокъ Кіевской Руси.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Выясненіе общихъ причинъ упадка.

§ 1. Кіевская Русь въ періодъ ея расцвѣта и причины ея упадка 56
§ 2. Начало дробленія Кіевскаго государства 56
§ 3. Причины княжескихъ усобицъ 57
§ 4. Средства противъ усобицъ 58
§ 5. Научныя объясненія междукняжескихъ отношеній 59
§ 6. Вліяніе княжескихъ усобицъ на жизнь русскихъ городовъ и вмѣшательство городовъ въ междукняжескія отношенія 62
§ 7. Половецкія нашествія 63
§ 8. Вліяніе половецкихъ нашествій и княжескихъ усобицъ на общественный бытъ 64
§ 9. Признаки упадка Кіевской Руси 65

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Очеркъ исторіи Кіевскаго княжества послѣ Ярослава.

§ 1. Правленіе Изяслава I 66
§ 2. Правленіе Всеволода I 68
§ 3. Правленіе Святополка II. 69
§ 4. Правленіе Мономаха 71
§ 5. Правленіе Мстислава I. 72
§ 6. Второй періодъ исторіи Кіевскаго княжества 73
§ 7. Правленіе Ярополка II 74
§ 8. Правленія Всеволода II и Игоря II Ольговичей 74
§ 9. Борьба Изяслава II Мстиславича съ Юріемъ Владиміровичемъ 76
§ 10. Борьба Ростислава I Мстиславича за Кіевскій престолъ 77
§ 11. Ослабленіе Кіевскаго княжества и возвышеніе Ростово-Суздальскаго края. 78
§ 12. Разореніе Кіева Андреемъ Юрьевичемъ 79
§ 13. Третій періодъ исторіи Кіевскаго княжества. 79
§ 14. Первое нашествіе татаръ 80
§ 15 Второе нашествіе татаръ 81

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Обзоръ политическаго, общественнаго и культурнаго быта Руси въ Кіевскій періодъ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Политическій строй Кіевской Руси.

§ 1. Княжества, князья и вѣче 83
§ 2. Дѣятельность князя 86

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Общественный строй Кіевской Руси.

СТРАН.
§ 1. Холопы 92
§ 2. Закупы и изгои 93
§ 3. Смерды 93
§ 4. Горожане 94
§ 5. Дружина 94
§ 6. Духовенство и церковные люди 95

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Культурное состояніе Кіевской Руси.

§ 1. Просвѣщеніе 100
§ 2. Искусство 103

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Экономическое состояніе Кіевской Руси.

ОЧЕРКЪ III.

Удѣльный періодъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Удѣльные порядки въ Сѣверо-Восточной Руси и вліяніе татаръ.

§ 1. Сѣверо-Восточная Русь 108
§ 2. Политическое преобладаніе Ростово-Суздальскаго края 110
§ 3. Характеристика удѣльнаго періода 112
§ 4. Владычество татаръ 117
§ 5. Просвѣтительное и политическое значеніе духовенства въ удѣльный періодъ 120

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Новгородская земля. Шведы и нѣмцы.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Внутренній бытъ Новгородской земли.

§ 1. Первоначальная исторія Новгородской земли 122
§ 2. Особенности новгородскаго быта 123
§ 3. Политическій строй Новгорода 128
§ 4. Составъ новгородскаго общества 133
§ 5. Несплоченность Новгородской земли 133

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Борьба Новгородской земли со шведами и нѣмцами.

§ 1. Утвержденіе нѣмцевъ въ Прибалтійскомъ краѣ 136
§ 2. Подвиги Александра Невскаго 137
§ 3. Подвиги Довмонта Псковскаго 138

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Юго-Западная Русь, литовцы, поляки и венгры.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Галицко-Волынское княжество.

СТРАН.

§ 1. Первоначальная исторія Волыни и Галиціи 139
§ 2. Княженіе Романа Мстиславича и смута послѣ его кончины 143
§ 3. Положеніе Юго-Западной Руси послѣ Батыева нашествія 144
§ 4. Княженіе Даніила Романовича 145
§ 5. Галицко-Волынское княжество послѣ смерти Даніила 146

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Литовско-Русское государство.

§ 1. Первоначальный бытъ литовцевъ 147
§ 2. Княженіе Миндовга 149
§ 3. Княженіе Гедимина и его сыновей 150
§ 4. Ягайло и унія 153
§ 5. Дѣятельность Витовта 155

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Московское княжество въ удѣльный періодъ.

§ 1. Возвышеніе Московскаго удѣла 160
§ 2. Княженіе Димитрія Донского 164
§ 3. Княженіе Василія I. 168
§ 4. Московская усобица 170
§ 5. Московское княжество въ половинѣ XV в. 171
§ 6. Національзація Русской Церкви 173

ОЧЕРКЪ IV.

Московскій періодъ русской исторіи.—Время національнаго объединенія русской народности.

Введеніе. 175

ЧАСТЬ I.

Образованіе и развитіе національнаго Московскаго государства.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Внѣшнія событія времени Іоанна III и Василія III.

§ 1. Общая характеристика Іоанна III 176
§ 2. Присоединеніе Новгородской земли. 177
§ 3. Отношенія Іоанна къ Пскову и къ удѣламъ 183
§ 4. Состояніе Польско-Литовско-Русскаго государства послѣ Витовта 185
§ 5. Отношеніе Іоанна къ Польско-Литовскому государству. 188
§ 6. Отношеніе Іоанна III къ татарамъ. 189
§ 7. Сношенія Іоанна III съ Западной Европой 191
§ 8. Дворъ и семейныя дѣла Іоанна III 193
§ 9. Княженіе Василія III 194

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Внутреннія перемѣны въ Московскомъ государствѣ во второй половинѣ XV и въ XVI в.в.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Измѣненіе положенія бояръ.

СТРАН.

§ 1. Вліяніе присоединенія удѣловъ на составъ и значеніе боярскаго класса . 198
§ 2. Мѣстничество 200
§ 3. Ограниченіе придворнаго вліянія бояръ 205
§ 4. Ограниченіе вліянія бояръ въ мѣстномъ управленіи 205
§ 5. Московскія правительственныя учрежденія 208

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Устройство военно-служилаго класса.

§ 1. Служилое землевладѣніе 212
§ 2. Служилый классъ 216

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Монастырское землевладѣніе и отношеніе Церкви къ государству.

§ 1. Монастырское землевладѣніе 219
§ 2. Нестяжатели и іосифляне 220
§ 3. Отношеніе Церкви къ государству 224
§ 4. Національстическое движеніе и общественное настроеніе XVI вѣка . . . 227

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Измѣненія въ бытѣ крестьянъ.

§ 1 Положеніе крестьянъ до XVI вѣка. 231
§ 2. Частное прикрѣпленіе крестьянъ. 233
§ 3. Отношеніе правительства къ прикрѣпленію; его указы 238
§ 4. Черносошные крестьяне. 240

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Внутреннія перемѣны въ Литовско-Русскомъ государствѣ во второй половинѣ XV и въ XVI в.в.

ВВЕДЕНІЕ 242

§ 1. Измѣненіе быта «русскихъ провинцій Польской Короны» 242
§ 2. Бытъ русскихъ земель Великаго Княжества Литовскаго 243
§ 3. Постепенное распространеніе польскихъ порядковъ въ Литовско-Русскихъ землякъ 245
§ 4. Положеніе крестьянъ въ Польско-Литовскомъ государствѣ 249
§ 5. Вліяніе нѣмецкаго права на бытъ западно-русскихъ городовъ 252
§ 6. Преобразованіе мѣстнаго управленія 254
§ 7. Рада и министры 256
§ 8. Устройство сейма 257
§ 9. Подготовленіе политической уніи 258
§ 10. Сущность Люблинской уніи и ея послѣдствія 261
§ 11. Подготовленіе церковной уніи 263
§ 12. Установленіе церковной уніи 269
§ 13. Малороссійское козачество 273

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Царствованіе Іоанна IV.

СТРАН.

§ 1. Дѣтство и юность Іоанна IV 277
§ 2. Обзоръ внутренней дѣятельности Іоанна IV въ первый періодъ его правленія. 281
§ 3. Обзоръ внѣшней политики Іоанна IV въ первый періодъ его правленія . 286
§ 4. Разрывъ Іоанна съ совѣтниками 289
§ 5. Борьба Іоанна съ боярами и учрежденіе опричнины 293
§ 6. Внѣшняя политика 2-го періода царствованія Іоанна 299
§ 7. Завоеваніе Сибирскаго Царства 304

ЧАСТЬ II.

Смутное время.

ВВЕДЕНІЕ 305

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Борьба за власть и за московскій престолъ.

§ 1. Распри въ началѣ царствованія Ѳеодора и возвышеніе Годунова 306
§ 2. Учрежденіе патріаршества 308
§ 3. Смерть царевича Димитрія и сужденія о ней. 310
§ 4. Дѣятельность Бориса-правителя 317
§ 5. Воцареніе Бориса 320
§ 6. Царствованіе Бориса 322
§ 7. Борьба Бориса и его сына съ Лжедимитріемъ 325
§ 8. Царствованіе Лжедимитрія 333
§ 9. Воцареніе В. И. Шуйскаго 338

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Народная смута и вмѣшательство иноземцевъ.

§ 1. Смута въ началѣ царствованія Шуйскаго 341
§ 2. Борьба Шуйскаго съ Тушинскимъ воромъ 344
§ 3. Вмѣшательство иноземцевъ въ смуту 348
§ 4. Семибоярщина и избраніе Владислава 354

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Національное движеніе и возстановленіе порядка.

§ 1. Развитіе національнаго чувства и дѣятельность Гермогена 356
§ 2. Первое земское ополченіе 359
§ 3. Лихолѣтье 362
§ 4. Второе земское ополченіе и освобожденіе Москвы отъ поляковъ 365
§ 5. Избраніе на царство Михаила Ѳеодоровича Романова 368

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Слѣдствія смуты.

§ 1. Общественныя слѣдствія смуты 371
§ 2. Политическія, экономическія и культурныя слѣдствія смуты 372

ЧАСТЬ III.

Возстановленіе государственнаго порядка при первыхъ царяхъ изъ дома Романовыхъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Царствованіе Михаила Ѳеодоровича.

СТРАН.

§ 1. Сотрудники государя 375
§ 2. Усмиреніе козаковъ 377
§ 3. Борьба со Швеціей и Польшей 377
§ 4. Двоевластіе 378
§ 5. Дѣятельность Филарета 379
§ 6. Внѣшняя политика 2-й половины царствованія Михаила Ѳеодоровича . . 383

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Царствованіе Алексѣя Михайловича.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Внутренняя политика.

§ 1. Характеристика Алексѣя Михайловича. 385
§ 2. Народныя волненія въ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича . . . 387
§ 3. Соборное Уложеніе 1649 года 388
§ 4. Общественный строй Московской Руси во 2-й половинѣ XVII вѣка . . . 390
§ 5. Упадокъ земскихъ соборовъ и развитіе приказнаго управленія 394
§ 6. Денежная реформа и ея неудача. 399
§ 7. Бунтъ Стеньки Разина 401

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Малороссійскій вопросъ.

§ 1. Отношеніе малороссійскаго козачества къ Польшѣ въ началѣ XVII вѣка. 404
§ 2. Возстановленіе православной Кіевской митрополіи и дѣятельность Петра Могилы. 405
§ 3. Козацкія волненія 2-й четверти XVII вѣка 407
§ 4. Возстаніе Богдана Хмѣльницкаго 408
§ 5. Борьба Московскаго государства за обладаніе Малороссіей 413

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Церковная реформа.

§ 1. Подготовленіе церковной реформы 416
§ 2. Вступленіе Никона на патріаршую каѳедру 422
§ 3. Обрядовая реформа Никона 424
§ 4. Отношеніе современниковъ къ Никону 431
§ 5. Теократическія стремленія Никона 434
§ 6. Ссора Никона съ царемъ 436
§ 7. Осужденіе Никона, утвержденіе его реформы и начало «раскола» 441
§ 8. Расколъ и его толки 446

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Культурная реформа 2-й половины XVII вѣка.

СТРАН.

§ 1. Пріобщеніе Московскаго государства къ Западно-Европейской культурѣ . 452
§ 2. Старозавѣтный московскій бытъ и его недостатки 454
§ 3. Осужденіе московскаго быта современниками. 458
§ 4. Измѣненіе московской жизни во 2-й половинѣ XVII вѣка и усвоеніе западной культуры 459
§ 5. Царствованіе Ѳеодора Алексѣевича 463

ЗАКЛЮЧЕНІЕ 466

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Къ работѣ надъ своимъ курсомъ авторъ приступилъ еще въ то время, когда наша школьная литература была бѣдна книгами по отечественной исторіи. Авторъ задавался цѣлью составить такое руководство, въ которомъ былъ бы использованъ новый богатый матеріалъ, добытый быстро развивающейся русской исторической наукой, и въ которомъ особенное вниманіе было бы обращено на логическую послѣдовательность изложенія. Но написанная книга вышла слишкомъ объемистой, не соотвѣтствующей числу уроковъ исторіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, и потому пригодной только въ качествѣ пособія. Для приспособленія ея къ разучиванію въ классѣ нужны большія сокращенія. Они могли бы быть сдѣланы посредствомъ вынесенія значительной части текста въ мелкій шрифтъ. Однако, большое количество мелкаго шрифта сообщаетъ курсу нежелательную, разсѣивающую вниманіе учащихся пестроту и, кромѣ того, увеличиваетъ стоимость книги. Поэтому авторъ избралъ другое средство для того, чтобы дать возможность пользоваться этимъ курсомъ не только какъ пособіемъ, но и какъ класснымъ руководствомъ — именно, одновременное изданіе его въ двухъ видахъ: въ полномъ, каковою является настоящая книга, и въ сокращенномъ — подъ заглавіемъ «Учебная книга по русской исторіи».

При составленіи своего курса авторъ пользовался не только общими трудами, но и многими спеціальными монографіями и статьями. Поэтому, думается автору, его «Русская исторія» можетъ дать преподавателю достаточный матеріалъ для научнаго освѣщенія нѣкото-

рыхъ вопросовъ, лишь вскользь затронутыхъ въ «Учебной книгѣ», и служить пособіемъ для тѣхъ учащихся, которые интересуются исторіей, но не имѣютъ времени знакомиться со спеціальными трудами, а также для самообразованія.

Часть II курса (Петербургскій періодъ русской исторіи) какъ въ полномъ, такъ и въ сокращенномъ видѣ появится въ свѣтъ осенью текущаго года.

ВВЕДЕНІЕ.

Изложеніе русской исторіи принято начинать съ VIII—IX вв. по Р. Х. Въ это время племена восточныхъ славянъ, изъ объединенія которыхъ сложилось русское государство, 1) достигаютъ извѣстнаго уровня культурнаго развитія, 2) вступаютъ въ торговыя сношенія съ другими народами и 3) начинаютъ постепенно объединяться подъ властью русскаго княжескаго рода. Однако прежде, чѣмъ достигнуть этого и такимъ образомъ выступить въ самостоятельной роли на исторической сценѣ, восточные славяне, какъ и всякій другой народъ, должны были прожить долгій подготовительный до-историческій періодъ своей жизни, теряясь среди иныхъ смѣнявшихъ другъ друга обитателей Восточной Европы.

Поэтому изложенію русской исторіи полезно предпослать краткій очеркъ исторіи Восточно-Европейской равнины въ до-русскій періодъ. Въ этомъ очеркѣ нужно показать: 1) когда впервые заселена была Восточная Европа, 2) какіе исторически-извѣстные народы обитали въ ней, 3) когда появились здѣсь славяне и въ сообществѣ кого жили они, и, наконецъ, 4) какова была природа страны Восточно-Европейской равнины, и какія ея особенности могли своеобразно вліять на жизнь ея обитателей и особенно восточныхъ славянъ, которымъ суждено было развиваться въ ея предѣлахъ.

Выяснивъ все это, нужно также показать, на какіе періоды слѣдуетъ дѣлить русскую исторію и въ зависимости отъ чего производить такое дѣленіе.

ОЧЕРКЪ I.

Краткій обзоръ исторіи Восточно-Европейской равнины въ до-русскій періодъ.

§ 1. Древнѣйшее населеніе.

Свѣдѣнія о самомъ древнемъ, первобытномъ населеніи Восточно-Европейской равнины почерпаются исключительно изъ изученія матеріала, добываемаго при раскопкахъ, производимыхъ въ различныхъ мѣстахъ нынѣшней Россіи [1]).

А. Раскопки орудій каменнаго вѣка.

При этихъ раскопкахъ въ пещерахъ и на нѣкоторой глубинѣ подъ землею находятъ въ большомъ количествѣ остатки человѣческихъ костей, а также множество предметовъ домашней утвари и орудій. Ископаемые сдѣланы изъ кости, дерева и, главнымъ образомъ, камня, вслѣдствіе чего и ту отдаленную эпоху, къ которой они относятся (нѣсколько тысячъ лѣтъ до Р. Х.), принято называть «каменнымъ вѣкомъ», въ отличіе отъ позднѣйшаго времени, когда люди уже научились обдѣлывать металлъ.

Каменныя орудія весьма различны какъ по своей выдѣлкѣ, такъ и по предназначенію. Древнѣйшія изъ нихъ сдѣланы изъ совсѣмъ необ-

[1]) Изученіе это входитъ въ задачу спеціальной науки — археологіи. Археологія, изучающая всевозможные вещественные памятники древности (т. е. вещественные остатки старины, какъ, напримѣръ, древнія строенія, орудія, предметы домашняго обихода, предметы искусства и т. д.), является вспомогательной наукой для исторіи, такъ какъ она дополняетъ и провѣряетъ тѣ свѣдѣнія, которыя послѣдняя получаетъ изъ изученія различныхъ письменныхъ памятниковъ или источниковъ (т. е. письменныхъ остатковъ старины, какъ, напримѣръ, древнихъ надписей, записокъ очевидцевъ, старыхъ историческихъ трудовъ, законодательныхъ сборниковъ, договоровъ и т. д.). Для сужденія объ очень отдаленныхъ временахъ исторія располагаетъ обыкновенно только археологическимъ матеріаломъ, такъ какъ письменные источники появляются въ сравнительно позднее время.

работаннаго или только грубо-обработаннаго камня и предназначены исключительно для занятій охотой и рыболовствомъ. Болѣе позднія орудія отличаются извѣстнымъ совершенствомъ выдѣлки (они имѣютъ правильную форму, иногда отполированы, просверлены) и приспособлены, повидимому, для земледѣлія и скотоводства.

Б. Жизнь людей каменнаго вѣка.

Такимъ образомъ, наблюдая усовершенствованіе производства орудій, можно заключить, что совершенствовалась и жизнь обитателей долгой, тянувшейся цѣлыя тысячелѣтія, эпохи каменнаго вѣка. Первоначально они жили въ пещерахъ, одѣвались въ звѣриныя шкуры, ѣли пищу, попадавшуюся имъ подъ-руку и вели борьбу съ вымершими теперь звѣрями, какъ, напримѣръ, мамонтъ, пещерный медвѣдь и друг. (Кости этихъ животныхъ встрѣчаются при раскопкахъ древнѣйшихъ каменныхъ орудій). Впослѣдствіи жизнь людей каменнаго вѣка нѣсколько усложнилась: они стали селиться не въ естественныхъ пещерахъ, а выкапывали ихъ искусственно, строили себѣ землянки, приручили нѣкоторыхъ животныхъ, занимались скотоводствомъ (кости домашнихъ животныхъ откапываются вмѣстѣ съ позднѣйшими каменными издѣліями), сѣяли хлѣбъ и мололи зерно ручными жерновами. Они научились также выдѣлывать изъ глины посуду и даже разукрашивали ее затѣйливымъ рисункомъ. Наконецъ, они были знакомы съ обрядами погребенія, какъ это видно по многимъ остаткамъ древнихъ могилъ. По характеру найденныхъ череповъ можно составить нѣкоторое представленіе и о внѣшнемъ видѣ первобытныхъ обитателей нашей страны. Именно, они отличались малыми размѣрами и удлиненностью черепа, очень низкимъ лбомъ и сильно развитыми, выдвинувшимися впередъ челюстями.

В. Періоды каменнаго вѣка и постепенное ознакомленіе людей съ металлами.

Въ зависимости отъ усовершенствованія орудій и измѣненій въ жизни населенія, эпоху каменнаго вѣка раздѣляютъ въ наукѣ на два періода: палеолитическій (древне-каменный) и неолитическій (новокаменный). Къ первому относятся необдѣланныя орудія, ко второму — обдѣланныя. Мѣстности, въ которыхъ находятъ каменныя издѣлія, принято называть «стоянками» каменной культуры. Стоянокъ палеолитической культуры въ Восточной Европѣ найдено мало (изъ нихъ очень интересна Кіевская стоянка), зато весьма многочисленны остатки неолитической культуры, находимые преимущественно въ области рѣчныхъ бассейновъ.

Вмѣстѣ съ позднѣйшими орудіями неолитическаго періода при раскопкахъ встрѣчаются также металлическія произведенія. Это показываетъ, что каменная культура постепенно переходила въ металлическую, и что издѣлія первой долго уживались съ издѣліями второй.

Съ обработкой различныхъ металловъ люди познакомились исподволь: прежде всего имъ стала извѣстна мѣдь, потомъ бронза и золото,

значительно позднѣе — желѣзо и серебро. Мѣдныхъ и бронзовыхъ предметовъ въ Восточной Европѣ найдено сравнительно немного (ученые полагаютъ поэтому, что бронзовыя издѣлія были привозными), желѣзные же, золотые и серебряные попадаются въ большомъ количествѣ.

Г. Опредѣленіе времени раскопокъ.

Большинство металлическихъ издѣлій относится уже къ историческому времени, т. е. къ тому времени, когда въ Восточно-Европейской равнинѣ обитало не первобытное населеніе, а позднѣйшіе исторически-извѣстные народы. Поэтому возможно съ извѣстной вѣроятностью опредѣлить, сколь древни произведенія металлической культуры и тѣ каменные предметы, которые раскапываются вмѣстѣ съ ними.

Гораздо труднѣе узнать древность палеолитическихъ и раннихъ неолитическихъ орудій, выдѣланныхъ несравненно ранѣе времени ознакомленія людей съ металломъ. Узнать это можно лишь приблизительно, напримѣръ, слѣдующимъ способомъ:

Случается такъ, что при раскопкахъ, на нѣкоторой глубинѣ, удается найти предметъ, относящійся къ историческому времени и, слѣдовательно, опредѣляемый хронологически (напримѣръ, римскую монету, древность которой можно опредѣлить), а гдѣ-нибудь по близости на гораздо большей глубинѣ—издѣлія каменнаго вѣка. Въ такомъ случаѣ сравниваютъ толщину слоя почвы, покрывающаго первую находку, съ толщиною слоя, покрывающаго вторую, и дѣлаютъ такое заключеніе: во сколько разъ этотъ послѣдній слой толще перваго, во столько разъ и время, потребное для захороненія издѣлій каменнаго вѣка, продолжительнѣе времени, потребнаго для захороненія того предмета, древность котораго можно было опредѣлить (напримѣръ, римской монеты). Изъ указаннаго отношенія приблизительно опредѣляется древность находки каменнаго вѣка. Такъ, напримѣръ, вычислено, что для захороненія предметовъ, найденныхъ въ 1878 году на южномъ берегу Ладожскаго озера, потребовалось 80—90 столѣтій.

Указанный способъ считается, впрочемъ, очень неточнымъ, потому что онъ основывается на признаніи равномѣрности утолщенія почвеннаго слоя, тогда какъ существованіе такой равномѣрности не доказано. Кромѣ того, для примѣненія этого способа нужно предположить, что обѣ откопанныя находки начали покрываться естественными наслоеніями вскорѣ послѣ своей выдѣлки.

Д. Значеніе раскопокъ для исторіи.

О первоначальномъ населеніи Восточно-Европейской равнины не имѣется другихъ свѣдѣній, кромѣ вышеприведенныхъ общихъ соображеній о его бытѣ и о его древности, основанныхъ на изученіи раскопокъ каменнаго вѣка.

Раскопки металлическихъ издѣлій, относящихся къ несравненно болѣе позднему, чѣмъ каменный вѣкъ, времени, служатъ также драгоцѣннымъ матеріаломъ для сужденій о послѣдующихъ, неоднократно

смѣнявшихъ другъ друга обитателяхъ Восточной Европы. Однако сколько-нибудь полныя свѣдѣнія о нихъ можно имѣть только въ томъ случаѣ, когда археологическій матеріалъ (т. е. матеріалъ, даваемый раскопками) дополняется опредѣленными историческими извѣстіями. А самыя раннія изъ такихъ извѣстій относятся къ половинѣ перваго тысячелѣтія до Р. Х.

Е. Греческія колоніи на побережьѣ Чернаго и Азовскаго морей.

Именно, въ греческихъ источникахъ (сочиненіяхъ греческихъ писателей и древне-греческихъ надписяхъ)[1]) встрѣчаются упоминанія о цѣломъ рядѣ колоній, основанныхъ греками на сѣверномъ побережьѣ Чернаго и Азовскаго морей. Основаны онѣ были преимущественно въ VII, VI и V в.в. до Р. Х. Наиболѣе замѣчательны изъ нихъ: Ольвія (при устьѣ Буга), Танаисъ (при устьѣ Дона), Пантикапей (на мѣстѣ нынѣшней Керчи), Херсонесъ (вблизи нынѣшняго Севастополя), Фанагорія (невдалекѣ отъ устья Кубани).

Большинство этихъ колоній было устроено по образцу городовъ Греціи, т. е. въ видѣ независимыхъ городскихъ республикъ. Только Пантикапей уже въ V вѣкѣ обратился въ столицу обширнаго Боспорскаго царства, игравшаго довольно видную роль въ древней исторіи. Около времени Р. Х. почти всѣ черноморскія колоніи подпали подъ зависимость отъ Рима, а въ эпоху великаго переселенія народовъ многія изъ нихъ были разрушены варварами. Уцѣлѣвшія подчинились Византійской Имперіи, но должны были выдерживать безпрестанный натискъ кочевыхъ народовъ, наводнявшихъ въ Средніе вѣка черноморское побережье.

Изъ указанныхъ греческихъ городовъ извѣстный интересъ для русской исторіи представляютъ два: Херсонесъ и Фанагорія. Первый (называвшійся въ русскихъ лѣтописяхъ Корсунемъ) былъ въ X вѣкѣ главнымъ очагомъ византійской культуры для русскихъ славянъ. Что же касается Фанагоріи (получившей впослѣдствіи названіе «Таматарха»), то она въ VII вѣкѣ захвачена была хозарами, а въ X и XI вѣкахъ была владѣніемъ русскихъ князей и носила названіе Тмутаракань.

Въ эпоху своего расцвѣта—въ V—VI в.в. до Р. Х. — греческія черноморскія колоніи стояли на очень высокой ступени культурнаго развитія. Это подтверждается замѣчательнымъ изяществомъ различныхъ издѣлій, находимыхъ при раскопкахъ на мѣстѣ ихъ[2]). Благодаря выгодѣ своего географическаго положенія, колоніи вели обширную торговлю какъ съ Грецією, куда онѣ доставляли хлѣбъ, рыбу, мѣха, кожи,

[1]) Изученіемъ древнихъ надписей занимается спеціальная, вспомогательная для исторіи, наука—эпиграфика.

[2]) Множество этихъ издѣлій хранится въ настоящее время въ Эрмитажѣ. Очень любопытны, напр., коллекціи керченскихъ вещей.

лѣсъ и проч., такъ и съ жившимъ къ сѣверу отъ нихъ туземнымъ народомъ, который былъ извѣстенъ у грековъ подъ названіемъ «скиѳы». Объ этомъ народѣ много писали греческіе историки и географы, въ особенности же родоначальникъ исторіи Геродотъ, живній въ V вѣкѣ до Р. Х. Извѣстія ихъ дополняются изученіемъ матеріала, добытаго при раскопкахъ скиѳскихъ кургановъ (т. е. искусственныхъ насыпей на могилахъ царей и знатныхъ скиѳовъ) [1]).

Ж. Скиѳы, сарматы и другія народности въ южно-русскихъ степяхъ.

Скиѳы обитали въ южной части Восточно-Европейской равнины. (Границы ихъ страны были: Карпаты и нижній Дунай на западѣ, Черное и Азовское моря на югѣ и Донъ на востокѣ; сѣверная граница шла приблизительно по 52° сѣверной широты). Они дѣлились на двѣ группы: на западныхъ, ведшихъ осѣдлый образъ жизни, и на восточныхъ—кочевыхъ [2]). И тѣ и другіе подраздѣлялись въ свою очередь на нѣсколько народцевъ, подвластныхъ различнымъ царькамъ, но иногда объединявшихся подъ вліяніемъ внѣшней опасности.

Южные скиѳы, находившіеся въ постоянныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ греческими колоніями, легко подчинялись ихъ культурѣ и сближались съ греками. (Такъ, напримѣръ, уже при Геродотѣ вблизи Ольвіи существовало смѣшанное населеніе изъ грековъ и скиѳовъ, называемое Геродотомъ «эллино-скиѳы»). Напротивъ, сѣверные кочевники были малокультурнымъ народомъ, отличавшимся воинственностью и жестокостью.

Геродотъ разсказываетъ, напримѣръ, что у скиѳовъ не пользовался никакимъ уваженіемъ тотъ, кто не убилъ никого изъ враговъ, убившій же самое большое количество ихъ награждался особымъ почетомъ: онъ получалъ главную долю военной добычи. Умертвивъ перваго врага, скиѳъ пилъ его кровь, дѣлалъ изъ его черепа кубокъ, а кожу съ головы (скальпъ) сдиралъ, употребляя ее въ видѣ трофея или для привѣшиванья къ уздечкамъ лошадей или для обтягиванія колчана. Своему главному богу—богу войны—скиѳы приносили кровавыя жертвы. Большая жестокость проявлялась также при погребеніи царей: вмѣстѣ съ царемъ хоронили одну изъ его женъ и нѣсколькихъ слугъ; въ могилу его клали трупы коней и множество золотыхъ издѣлій. Первая годовщина смерти царя чествовалась убіеніемъ многихъ знатныхъ людей, которыхъ какъ бы отправляли послами къ умершему царю. Ихъ трупы помѣщались у его могилы, затѣмъ она засыпалась землей и превращалась въ курганъ. Хотя откопанныя до сихъ поръ курганныя находки относятся къ болѣе поздней эпохѣ, чѣмъ описываемая Геродотомъ, тѣмъ не менѣе нѣкоторыя изъ нихъ

---

[1]) Особенно интересны раскопки Никопольскаго или Чертомлыцкаго кургана въ Екатеринославской губ. и Куль-Обскаго кургана близъ Керчи.

[2]) Первые жили къ западу отъ р. Днѣпра, вторые—къ востоку.

подтверждаютъ его показанія. На многихъ изъ откапываемыхъ предметовъ (напр. на вазахъ) имѣются интересныя изображенія, знакомящія съ внѣшнимъ бытомъ скиѳовъ, съ картинами изъ ихъ жизни. Большинство художественныхъ вещей въ курганахъ сдѣлано для скиѳовъ греческими мастерами; попадаются, однако, и болѣе грубыя издѣлія, сработанныя несомнѣнно самими скиѳами. По характеру этихъ издѣлій можно судить о степени ихъ эллинизаціи.

Итакъ, по извѣстіямъ древнихъ писателей и по раскопкамъ можно составить довольно ясное представленіе о бытѣ скиѳовъ. Гораздо труднѣе рѣшается вопросъ о томъ, къ какому племени принадлежали они. Объ этомъ было много споровъ въ наукѣ. Одни ученые считали ихъ монголами, другіе видѣли въ нихъ предковъ славянъ, третьи думали, что скиѳы представляютъ собою совокупность нѣсколькихъ народцевъ разнаго происхожденія, въ различное время пришедшихъ изъ Азіи. Въ послѣднее время, благодаря изученію нѣкоторыхъ сохранившихся остатковъ скиѳскаго языка [1]) (главнымъ образомъ, собственныхъ именъ), большинство ученыхъ признало, что скиѳы принадлежали къ иранской группѣ арійской расы и были родственны древнимъ персамъ.

Начиная съ IV вѣка до Р. Х., могущество скиѳовъ стало клониться къ упадку, и со II вѣка господствующее положеніе въ степяхъ заняли родственные скиѳамъ по происхожденію и по образцу жизни сарматы (обитавшіе ранѣе къ востоку отъ нижняго Дона). Они дѣлились на нѣсколько народцевъ: язиговъ, роксалановъ, алановъ и др. (Потомки алановъ и донынѣ живутъ на сѣверномъ Кавказѣ, называясь теперь осетинами).

§ 2. Древнѣйшія поселенія славянъ, литовцевъ и финновъ.

Въ то время, какъ южная степная полоса Восточно-Европейской равнины занята была народами иранскаго происхожденія (скиѳами и сарматами), въ центральной ея части издавна обитали тѣ племена, которыя разрослись впослѣдствіи въ главное ея населеніе, — именно славяне, литовцы и финны.

А. Европейская прародина славянъ и литовцевъ.

Славяне и литовцы (два наиболѣе родственныхъ между собою по происхожденію народа арійской или индо-европейской расы) жили первоначально только въ западной части Восточно-Европейской равнины. Именно, ихъ поселенія занимали четыреугольникъ,

[1]) Сравненіе языка какого-нибудь народа съ другими языками является лучшимъ способомъ для опредѣленія племеннаго происхожденія народа. Поэтому спеціальная наука «сравнительное языкознаніе» можетъ много помочь историческимъ догадкамъ.

имѣвшій приблизительно слѣдующія границы: Висла на западѣ, Балтійское море на сѣверѣ, среднее теченіе Днѣстра и Днѣпра на югѣ и бассейнъ Днѣпра (исключая восточные его притоки) на востокѣ. Литовцы населяли сѣверную его часть — балтійское юго-восточное побережье и земли между Нѣманомъ и Западною Двиною, а славяне — остальное его пространство. Здѣсь-то и находилась европейская прародина славянъ. Отсюда они стали съ теченіемъ времени разселяться, разбившись на нѣсколько группъ и образовавъ впослѣдствіи нѣсколько народовъ. Когда и откуда появились славяне въ указанномъ краю, очень трудно сказать: древніе писатели были мало знакомы съ ними (въ упоминаемыхъ Геродотомъ сѣверныхъ сосѣдяхъ скиѳовъ—неврахъ, разселившихся по берегамъ Припети и частью по Деснѣ, нѣкоторые ученые видятъ славянъ; латинскіе писатели I вѣка по Р. Х. называли прибалтійскихъ славянъ венедами или венетами; у византійскихъ историковъ VI вѣка встрѣчается уже названіе славяне, но въ примѣненіи къ западнымъ славянамъ, восточные же зовутся антами). Однако можно думать, что въ западной части Восточно-Европейской равнины славяне и литовцы поселились еще до Р. Х.

Б. Вопросъ о прародинѣ арійцевъ.

Вопросъ о прародинѣ славянъ тѣсно связанъ съ вопросомъ о прародинѣ другихъ индо-европейскихъ (арійскихъ) народовъ, къ семьѣ которыхъ принадлежали они. Въ прежнее время въ наукѣ господствовалъ взглядъ, что прародиной арійцевъ была Средняя Азія, что тамъ они прожили пра-индоевропейскій періодъ (т. е. время до своего раздѣленія на группы, изъ которыхъ впослѣдствіи возникли различныя народности), и что оттуда они приблизительно за двѣ тысячи лѣтъ до Р. Х. стали разселяться въ другія страны. Теперь уже не всѣ ученые придерживаются этого взгляда, и нѣкоторые думаютъ, что прародина арійцевъ находилась не въ Азіи, а въ Европѣ, и что славянско-литовскій періодъ (т. е. время, когда славяне и литовцы не распались еще на двѣ народности; такое распаденіе произошло уже около Р. Х.) и пра-славянскій (время до раздѣленія славянъ на отдѣльныя группы) прожиты славянами въ западной части Восточно-Европейской равнины. Если это вѣрно, то возможно, что восточные (русскіе) славяне были исконными обитателями тѣхъ мѣстъ, на которыхъ застаетъ ихъ заря русской исторіи, и что, слѣдовательно, издѣлія неолитической культуры являются нѣмыми свидѣтелями жизни предковъ славянъ.

В. Древнѣйшія поселенія финновъ.

Къ востоку отъ славянъ на громадномъ пространствѣ обитали финскія племена. Границы ихъ поселеній можно прослѣдить по географическимъ названіямъ, главнымъ образомъ по названіямъ русскихъ рѣкъ, многія изъ которыхъ несомнѣнно финскаго происхожденія. Такъ, финны занимали весь бассейнъ Волги, простираясь на западъ до

Днѣпра (почти всѣ лѣвые его притоки носятъ финскія названія). Они заселяли такимъ образомъ сѣверную и центральную части нынѣшней Россіи, а на прибрежьѣ Балтійскаго моря, сдѣлавшемся впослѣдствіи главнымъ мѣстомъ ихъ жительства, появились позже (нѣсколько вѣковъ послѣ Р. Х.).

§ 3. Населеніе юга Восточно-Европейской равнины въ первые вѣка по Р. Х.

А. Готы. (II—IV вв.).

Въ первые вѣка по Р. Х. составъ населенія южной части Восточно-Европейской равнины видоизмѣнился. Господство надъ степями перешло къ народу германскаго происхожденія—готамъ. Первоначально готы обитали по сосѣдству со славянами въ области нижней Вислы. Отсюда они въ концѣ II вѣка стали переселяться на югъ, занявъ пространство отъ нижняго Дуная до Дона и распавшись здѣсь на нѣсколько народностей, наиболѣе крупными изъ которыхъ были остготы (восточные готы) и вестготы (западные готы). Будучи однимъ изъ самыхъ талантливыхъ германскихъ племенъ, готы очень быстро достигли высокой степени культурнаго развитія (христіанство они приняли въ IV вѣкѣ) и большого могущества: они успѣшно воевали, совершали смѣлыя морскія плаванія и подчинили своей власти часть сосѣднихъ финновъ и славянъ. На послѣднихъ готы оказали нѣкоторое культурное вліяніе, сказавшееся между прочимъ и въ славянскомъ языкѣ, заимствовавшемъ нѣсколько готскихъ словъ); такъ, напримѣръ, слова хлѣбъ, хлѣвъ и др.—готскаго происхожденія). Въ серединѣ IV вѣка могущественному изъ остготскихъ королей Германариху была подвластна значительная часть Восточно-Европейской равнины. Однако, готская держава не отличалась сплоченностью и въ томъ же IV вѣкѣ распалась подъ натискомъ дикаго и воинственнаго народа тюрко-монгольской или урало-алтайской расы — гунновъ, около 375 года появившихся у низовьевъ Днѣпра. Послѣ отчаянной борьбы съ гуннами остготы частью были покорены ими, частью бѣжали на западъ; вестготы же, спасаясь отъ гунскаго нашествія, перешли Дунай, войдя въ предѣлы Римской имперіи. На мѣстѣ готской державы и далѣе на западъ раскинулось гунское царство. Оно распалось вскорѣ послѣ смерти Аттилы.

Б. Гунны. (IV—V вв.).

В. Авары. (VI в.).

За гуннами послѣдовали изъ Азіи новыя орды. Такъ, въ VI вѣкѣ черезъ степи прошли авары (родственный гуннамъ народъ) и поселились въ Среднедунайской равнинѣ. Отсюда они дѣлали нападенія на Византійскую имперію и притѣсняли окрестныхъ славянъ. У славянъ они были извѣстны подъ названіемъ «Обры».

Г. Хозары. (VII—X вв.).

Съ VII вѣка на югѣ Восточно-Европейской равнины прочно утвердились хозары (кочевавшіе прежде у Каспійскаго моря) и на нѣкоторое время преградили доступъ въ степи новымъ ордамъ.

Обширная хозарская держава, имѣвшая нѣсколько богатыхъ и хорошо обстроенныхъ городовъ, охватывала приволжскія и придонскія степи, простиралась на югъ до Кавказскихъ горъ, а на западѣ владѣла частью Крыма и частью поселеній восточныхъ славянъ. Она подчинялась неограниченной власти кагана, особа котораго считалась священной. По племенному составу хозары были смѣшаннымъ народомъ: въ него входило нѣсколько различныхъ ордъ, много было также въ Хозаріи арабовъ и евреевъ. Вліяніе послѣднихъ сказывалось, напримѣръ, въ томъ, что каганъ и часть аристократіи исповѣдывали іудейство. Остальное населеніе придерживалось ислама, христіанства и язычества. По своему характеру хозары совершенно не походили на другихъ степняковъ: они отличались гуманностью, вѣротерпимостью, правосудіемъ. Оставивъ кочевой образъ жизни, они обратились къ мирнымъ промысламъ.

Д. Торговля хозаръ и участіе въ ней восточныхъ славянъ.

Подъ вліяніемъ евреевъ и арабовъ, проникшихъ въ степи изъ Закавказья, хозары сдѣлались преимущественно торговымъ народомъ. Ихъ столица Итиль (въ низовьяхъ Волги, недалеко отъ нынѣшней Астрахани) обратилась въ первостепенный торговый рынокъ, привлекавшій разноплеменныхъ купцовъ.

Не менѣе значительную торговлю велъ другой народъ тюркскаго племени, обитавшій между Волгой и Камой, — болгары [1]). Благодаря удобнымъ воднымъ путямъ сообщенія они заводили торговыя сношенія на большомъ пространствѣ, проникая даже въ Среднюю Азію. Столицей ихъ былъ важный торговый городъ «Великій Булгаръ», расположенный на Волгѣ.

Большую роль въ предпріятіяхъ хозаръ и болгаръ играли восточные славяне. Они составляли часть славянскаго народа, который къ VII вѣку успѣлъ значительно расширить мѣста своего жительства по сравненію съ первоначальной своей прародиной.

---

[1]) Болгары нѣкогда входили въ составъ гунскаго царства и жили въ прикавказскомъ краю. Въ началѣ VII вѣка ихъ орда распалась. Часть ихъ осталась на сѣверномъ Кавказѣ подъ названіемъ черныхъ болгаръ; часть двинулась на сѣверъ на Волгу и Каму; остальные устремились на западъ, подчинили себѣ нѣкоторыхъ славянъ, колонизовавшихъ къ этому времени берега Дуная, и образовали здѣсь государство. Оно называлось болгарскимъ, но на самомъ дѣлѣ оно было славянскимъ, такъ какъ болгары скоро растворились въ массѣ своихъ славянскихъ подданныхъ, передавъ однако послѣднимъ свое имя. (Какъ извѣстно, впослѣдствіи болгарами сталъ называться одинъ изъ придунайскихъ славянскихъ народовъ).

§ 4. Разселеніе славянъ.

А. Западные и южные славяне.

Толчкомъ къ разселенію славянъ послужило передвиженіе сосѣднихъ съ ними народовъ. Уже съ той поры, какъ готы двинулись изъ Привислинскаго края на югъ, славяне стали занимать освободившіяся мѣста, колонизуя бассейнъ Одера и Эльбы и пробираясь еще далѣе на западъ въ нѣмецкія страны. Натискъ гунновъ, произведшій громадную перетасовку народовъ, отразился и на славянахъ. Часть ихъ была унесена гунскимъ потокомъ на Дунай. Съ этого времени они начали быстро заселять придунайскія и балканскія земли, страшно громили въ VI и VII вѣкахъ владѣнія Византійской имперіи, боролись или вступали въ союзы съ тюркскими ордами, появлявшимися на Дунаѣ. Къ серединѣ VII вѣка славянскія поселенія на западѣ и югѣ достигли крайнихъ своихъ предѣловъ. Въ послѣдующіе вѣка въ занятыхъ ими земляхъ образовались государства западныхъ и южныхъ славянъ.

Съ выселеніемъ части славянъ за Вислу и за Карпаты въ Восточно-европейской равнинѣ остались *восточные славяне*, которые въ свою очередь расширили свои поселенія. Территорія ихъ въ VIII—IX вѣкахъ была уже довольно обширной.

Б. Поселенія восточныхъ славянъ.

Восточные славяне жили въ это время главнымъ образомъ по линіи Волхова—Днѣпра, простираясь на востокѣ до верховьевъ Оки и Волги, а на западѣ до Карпатъ и верховьевъ Западной Двины. Они дѣлились на нѣсколько племенъ, разселившихся по бассейнамъ рѣкъ. [Именно: славяне ильменскіе обитали по Волхову и озеру Ильменю; кривичи — по верховьямъ Днѣпра, Западной Двины и Волги; дреговичи — между Припетью и Двиною; радимичи — по Сожѣ; поляне — на правомъ берегу средняго Днѣпра; сѣверяне — на лѣвомъ берегу средняго Днѣпра, достигая на востокѣ верховьевъ Оки; далѣе на Окѣ жили вятичи; древляне — къ югу отъ Припети между поселеніями сѣверянъ, полянъ, дреговичей и дулѣбовъ (называвшихся также волынянами и бужанами), обитавшихъ по верховьямъ Западнаго Бута; уличи—между нижнимъ Днѣпромъ и Южнымъ Бугомъ; тиверцы—между Днѣстромъ и Дунаемъ. Поселенія сѣверянъ и уличей распространялись и въ бассейнъ Донца]. Незаселенная славянами часть Восточной Европы занята была литовцами, обитавшими у Балтійскаго моря и по бассейну Западной Двины и Нѣмана, финнами, по прежнему занимавшими сѣверъ и центръ равнины, но нѣсколько подавшимися подъ напоромъ славянъ на востокъ, болгарами и хозарами.

Южныя племена восточныхъ славянъ платили дань хозарамъ, сѣверныя—вели борьбу съ жителями Скандинавскаго полуострова—норманнами. Норманны принимали участіе въ томъ торговомъ движеніи, которымъ руководили хозары и болгары, и которое захватило и восточныхъ славянъ. Торговое общеніе съ хозарами и норманнами и боевыя столкновенія съ послѣдними сильно повліяли на жизнь восточныхъ славянъ: къ VIII—IX вв. они достигли уже извѣстнаго культурнаго развитія, строили города, объединялись для общихъ предпріятій; ихъ прежній общественный и политическій строй сталъ измѣняться. Слѣдовательно, съ ознакомленія съ жизнью восточныхъ славянъ въ VIII—IX вѣкахъ и можно начать изложеніе ихъ исторіи, но предварительно нужно подвести итогъ сказанному выше и разсмотрѣть условія природы той страны, въ которой зародилось и выросло государство восточныхъ славянъ.

§ 5. Общіе выводы изъ обзора исторіи населенія Восточно-Европейской равнины.

Изъ вышеизложеннаго можно вывести слѣдующее:

Населеніе южной части Восточно-Европейской равнины въ до-русскій періодъ отличалось крайней неустойчивостью. Различные народы, побуждаемые различными причинами, устремлялись изъ Азіи въ черноморскія степи, временно располагались здѣсь, основывая свои государства, и потомъ быстро уносились или покорялись вновь нахлынувшими народными потоками: скиѳы (господствовавшіе здѣсь въ V—IV вв. до Р. Х.) смѣнились сарматами, затѣмъ поселились здѣсь готы, пришедшіе съ сѣверо-запада (II—IV вв. по Р. Х.); они были сметены гуннами (конецъ IV и V вв.); за гуннами послѣдовали авары (VI в.) и, наконецъ, хозары (VII—X вв.).

Какъ будетъ видно изъ дальнѣйшаго, смѣна народовъ въ степяхъ не закончилась хозарами. Въ IX в. сюда проникли венгры, вытѣсненные потомъ печенѣгами, за которыми двинулись узы или торки; затѣмъ оба эти народа въ половинѣ XI в. были покорены половцами, которые въ свою очередь въ XIII в. подчинились татарамъ. Восточнымъ славянамъ приходилось выдерживать постоянную борьбу съ этими кочевниками и въ случаѣ неудачи ея передвигаться отъ степи на новыя мѣста жительства, колонизовать новыя области.

Итакъ, частая смѣна пришлыхъ народовъ и неустойчивость поселеній восточныхъ славянъ является одной изъ характерныхъ чертъ всего начальнаго періода русской исторіи. Въ чемъ причины этого?

Одной изъ главныхъ причинъ, толкавшихъ новые народы изъ глубины Азіи въ Восточную Европу, былъ цѣлый рядъ политическихъ переворотовъ въ Китаѣ на протяженіи отъ III до XIII вв. Каждый

изъ нихъ выбрасывалъ въ Восточную Европу новую орду кочевниковъ. Причина же того, что эти народы не могли надолго утвердиться здѣсь, а сметались новыми, заключается въ нѣкоторыхъ особенностяхъ природы Восточно-Европейской равнины.

§ 6. Свойства природы Восточно-Европейской равнины и ихъ вліяніе на жизнь ея обитателей.

Главная характерная особенность Восточной Европы—однообразіе формы ея поверхности: она представляетъ громадную равнину (около 90.000 кв. миль), внутри которой поднимаются сплошныя плоскія возвышенности или гряды холмовъ обширнаго размѣра, но небольшой высоты (именно: Среднерусская возвышенность, сливающаяся на сѣверѣ съ Валдайскими горами и Алаунскимъ плоскогорьемъ, а на югѣ съ Донецкимъ кряжемъ; Приволжская возвышенность, идущая по правому берегу Волги, и Авратынская, образующая своими развѣтвленіями Днѣпровскіе пороги).

Вторая особенность Восточной Европы заключается въ обиліи рѣчныхъ бассейновъ, охватывающихъ громадныя пространства, и въ многочисленности полноводныхъ и судоходныхъ рѣкъ. Водораздѣлами бассейновъ служатъ указанныя возвышенности, особенно Валдайская, у подножія которой берутъ начало важнѣйшія рѣки Европейской Россіи. Рѣчные бассейны близко соприкасаются другъ съ другомъ, чѣмъ облегчается сообщеніе между ними.

По характеру почвы Восточная Европа дѣлится на двѣ полосы: сѣверную область суглинка и область южнаго чернозема; по характеру растительности на два пояса: лѣсной и степной [1]).

Указанныя особенности страны имѣли сильное вліяніе на жизнь ея обитателей. Обширная привольная равнина давала большой просторъ для поселеній пришлыхъ народовъ. На степномъ пространствѣ

---

[1]) Природныя особенности Восточно-Европейской равнины объясняются ея геологическимъ прошлымъ. (Геологіей называется наука о землѣ; подъ геологическимъ прошлымъ какой-нибудь страны разумѣются ея физико-географическія условія, т. е. распредѣленіе въ ней суши и воды, климатъ, животный и растительный міръ, въ весьма отдаленное до-историческое время; въ жизни земли геологія устанавливаетъ нѣсколько періодовъ; періодъ, предшествовавшій современному состоянію земли, носитъ названіе четвертичнаго, предшествовавшій четвертичному—третичнаго). Относительно Восточной Европы геологія устанавливаетъ слѣдующее: Начиная со второй половины третичнаго періода, море, покрывавшее почти всю среднюю и южную часть нынѣшней Россіи, значительно сократилось, отступая по направленію къ югу. (Остатками этого моря являются Черное, Азовское и Каспійское моря). Вмѣстѣ съ тѣмъ появились признаки охлажденія и повышенія влажности; это закончилось надвиганіемъ со стороны Финляндіи и смежныхъ съ нею областей великаго ледника, покрывшаго большую часть Европейской Россіи толстой ледяной корой. Находимые при раскопкахъ остатки такихъ растеній, какъ полярная ива, карликовая береза, и та-

удобно было заниматься скотоводствомъ. Рѣки кишѣли рыбой, лѣса дичью и разными звѣрями. Это способствовало развитію рыболовства и охоты; на черноземѣ процвѣтало земледѣліе. По рѣкамъ, служившимъ лучшими путями сообщенія и проводниками колонизаціи, заводились торговыя сношенія, строились города. Все это способствовало быстрому развитію благосостоянія народовъ, заселявшихъ южную часть Восточно-Европейской равнины.

Однако природа страны представляла и серьезныя опасности. Черноморскія степи вслѣдствіе своей равнинности не имѣли никакихъ естественныхъ преградъ, не давали своимъ обитателямъ никакой естественной защиты, которая въ гористыхъ странахъ дается обыкновенно горными хребтами. Поэтому путь изъ Азіи былъ всегда открытъ для новыхъ гостей-кочевниковъ, и они, не встрѣчая серьезныхъ препятствій со стороны природы, легко сметали прежнихъ жителей Восточной Европы, чтобы потомъ самимъ уступить свои мѣста другимъ пришельцамъ.

Вслѣдствіе незащищенности своихъ поселеній, происходящей изъза равнинности мѣста, восточные славяне тоже должны были часто передвигаться. Эта незащищенность и вынужденное переселеніе задерживали развитіе восточныхъ славянъ: на новыхъ мѣстахъ имъ приходилось приспособляться къ новымъ условіямъ жизни, вновь добиваться тѣхъ культурныхъ улучшеній, которыхъ они уже раньше успѣли достигнуть. Но въ то же время равнинность страны и многочисленность рѣкъ, облегчая переселенія, сослужили большую службу восточнымъ славянамъ: онѣ спасали ихъ отъ истребленія кочевниками и помогали ихъ объединенію. Обиліе земли и происходящая отсюда малонаселенность способствовали тому, что при колонизаціи имъ приходилось не завоевывать новыя области, а мирно занимать ихъ. Такъ, по мѣрѣ разселенія славянъ по Восточно-Европейской равнинѣ, финны передвигались съ запада на востокъ и сѣверъ, но между этими двумя народами не происходило вооруженной борьбы.

кихъ животныхъ, какъ мамонтъ, служатъ показателями суровости климата ледниковой эпохи. Когда солнечная теплота справилась, наконецъ, съ ледяной броней, Европейская Россія выступила на свѣтъ приблизительно въ томъ видѣ, какой она имѣетъ въ настоящее время. Тогда началась работа воды: стали формироваться русла рѣкъ; въ застойныхъ мѣстахъ образовалась масса озеръ, частью перешедшихъ со-временемъ въ торфяники (особенно въ сѣверной Россіи). Въ южной степной полосѣ Россіи шло образованіе мощныхъ толщъ такъ называемаго лесса, который составляетъ подпочву богатаго русскаго чернозема. Къ этому же времени относятся измѣненія въ очертаніяхъ Балтійскаго моря, Ледовитаго океана, Каспійскаго и Чернаго морей. Въ эту-то послѣледниковую пору въ разныхъ мѣстахъ Восточной Европы уже существовалъ человѣкъ. Нельзя, впрочемъ, отрицать возможности появленія человѣка и въ ледниковую эпоху.

§ 7. Періоды русской исторіи.

Бытъ восточныхъ славянъ, т. е. ихъ занятія, ихъ общественный строй, ихъ національныя особенности и весь складъ ихъ жизни, видоизмѣнялся по мѣрѣ ихъ передвиженій по Восточно-Европейской равнинѣ и заселенія ея. Значитъ, перемѣны быта можно пріурочивать къ перемѣнамъ или расширенію мѣста жительства восточныхъ славянъ. А поэтому русскую исторію можно дѣлить на періоды въ зависимости отъ того, въ какой части Восточно-Европейской равнины сосредоточивалась главная масса русскаго населенія, и гдѣ находился центръ русской жизни.

Періоды эти слѣдующіе:

1) Съ VIII до XIII в. главная масса русскаго населенія жила на верхнемъ и среднемъ Днѣпрѣ съ его притоками и на линіи Волхова—Ловати. Политическимъ центромъ въ это время сдѣлался Кіевъ. Это—Днѣпровскій или Кіевскій періодъ русской исторіи.

2) Съ XIII до середины XV в. главная масса русскаго населенія сосредоточивалась въ области верхней Волги съ ея притоками, около Новгорода и въ Приднѣстровскомъ краѣ. Одного политическаго центра въ это время не было: русская земля была раздроблена на независимыя другъ отъ друга части. Это такъ называемый Удѣльный періодъ русской исторіи.

3) Съ половины XV до начала XVIII вѣка русское населеніе изъ области верхней Волги распространялось на югъ и востокъ по донскому и средне-волжскому чернозему, углублялось въ степи и расходилось по всей Восточно-Европейской равнинѣ и за ея предѣлы. Политическимъ центромъ въ это время была Москва, собравшая подъ своею властью почти всѣ области съ русскимъ населеніемъ.

4) Съ начала XVIII вѣка политическимъ центромъ русскаго государства сдѣлался Петербургъ. Съ этого времени можно начинать Петербургскій періодъ русской исторіи.

ОЧЕРКЪ II.

Днѣпровскій или Кіевскій періодъ русской исторіи.

(VIII — XIII в.в.).

19278

Исторію Днѣпровскаго или Кіевскаго періода можно раздѣлить на 3 части: 1) характеристику быта восточныхъ славянъ до начала ихъ объединенія подъ властью русскаго княжескаго рода, 2) исторію происхожденія и развитія княжества Кіевскаго, 3) исторію дробленія и упадка Кіевской Руси.

ЧАСТЬ I.

Бытъ Восточныхъ Славянъ до начала ихъ объединенія подъ властью Русскаго княжескаго рода.

(VIII — IX в.в.).

Восточные славяне, разселившіеся отдѣльными племенами въ области верхняго и средняго Днѣпра съ его притоками и въ области Волхова и Ловати, къ VIII и IX в.в. достигли уже, какъ сказано выше, извѣстной культурности и начали играть историческую роль.

Каковъ же былъ ихъ общественный строй въ это время, какъ жили они и чѣмъ занимались?

§ 1. Общественный строй восточныхъ славянъ въ до-государственное время.

Первоначально, въ до-историческій періодъ своей жизни, славяне жили родовымъ бытомъ.

А. Сущность родового быта.

Сущность родового быта заключается въ слѣдующемъ: 1) Каждое племя состоитъ изъ родовъ, т. е. союзовъ людей, соединенныхъ родственною, кровною

Дон. Гос. Университет
Научн. библиотека
им. М. Горького

связью; число сородичей могло быть очень велико, такъ какъ при разростаніи рода вновь образующіяся семьи не отдѣлялись, а продолжали жить вмѣстѣ. 2) Родомъ управляетъ старѣйшій, которому безпрекословно подчиняются всѣ члены рода. 3) Сородичи составляютъ какъ бы одно цѣлое, а именно, они а) владѣютъ общимъ родовымъ имуществомъ, б) объединены круговой порукой, т. е. обязаны во всемъ помогать другъ другу, в) подчиняются обычаю кровной мести, въ силу котораго члены одного рода должны мстить чужеродцамъ, если послѣдніе нанесутъ какой-нибудь вредъ ихъ сородичу.

О родовомъ бытѣ славянъ свидѣтельствуютъ какъ показанія византійскихъ историковъ и русскаго лѣтописца, который, повѣствуя о прежнемъ времени, разсказываетъ, что восточно-славянскія племена «жили отдѣльно по родамъ и владѣли родами», такъ и нѣкоторыя долго сохранявшіяся у нихъ вѣрованія и нѣкоторые ихъ обычаи, являющіеся остатками или пережитками родового быта.

Б. Разложеніе родового быта.

Однако при разселеніи славянъ въ области Днѣпра родовыя связи стали ослабѣвать. Въ лѣсистой мѣстности (берега Днѣпра въ то время были покрыты лѣсомъ) трудно было селиться цѣлыми родами: приходилось выбирать мѣста, удобныя для хозяйства, и разселяться небольшими группами. Вслѣдствіе этого прежній родъ распадался на свои составныя части—семьи. Съ теченіемъ времени семья, обрабатывавшая извѣстный кусокъ земли, снова разросталась и обращалась въ большую семью,—такъ называемую семейную общину. Въ нее могли входить и другіе члены, не связанные съ нею узами родства, напр. зятья (мужья дочерей), усыновленные и совершенно посторонніе люди, получившіе разрѣшеніе «приселиться». Иногда ради хозяйственныхъ интересовъ такая разросшаяся семья вступала въ тѣсное общеніе съ другой сосѣдской семьей. Такимъ образомъ вмѣсто прежнихъ союзовъ, связанныхъ кровнымъ родствомъ, получались союзы другого рода, члены которыхъ были связаны не исключительно родствомъ, но и сосѣдскими, хозяйственными и имущественными интересами, а именно тѣмъ, что они работали на одной землѣ, частью которой они сообща владѣли [1]). Такіе союзы, извѣстные подъ названіемъ «задругъ», и донынѣ существуютъ у нѣкоторыхъ балканскихъ славянъ. (Число членовъ задруги обыкновенно 20—25, но иногда доходитъ и до 70). У восточныхъ славянъ эти общины назывались обыкновенно вервями. Во главѣ общины стоялъ избранный старшина, называвшійся большакомъ или хозяиномъ. Власть его не походила на власть прежнихъ родовладыкъ: она была сильно ограничена, и всѣ важнѣйшія дѣла рѣшались на совѣщаніяхъ представителей (обыкновенно, отцовъ) семей, входившихъ въ составъ общины.

[1]) Въ общемъ владѣніи находились обыкновенно лѣса и луга; пашня была, по большей части, владѣніемъ тѣсной семьи.

Общины разростались въ деревни и села, гдѣ населеніе жило въ мирное время. На случай нападенія враговъ строились городища, т. е. защищенныя рвомъ и валомъ и огороженныя частоколомъ мѣста, въ которыхъ окрестные жители находили убѣжище во время войны. Городища были различны какъ по своей величинѣ, такъ и по значенію. Нѣкоторыя изъ нихъ заполнялись только въ военное время, а въ остальное стояли пустыми; другія мало-по-малу получали постоянное населеніе и обращались въ города. Появленіе городовъ оказало важное вліяніе на распорядокъ жизни восточныхъ славянъ.

В. Замѣна племенного быта волостнымъ.

Уже самая постройка укрѣпленныхъ мѣстъ, если они предназначались для обороны обширнаго округа, должна была связывать взаимными интересами членовъ различныхъ общинъ, независимо отъ того, были ли они въ родствѣ или нѣтъ, принадлежали ли къ одному племени или къ разнымъ. Связь эта еще болѣе усилилась, когда съ теченіемъ времени, по мѣрѣ развитія славянской торговли, города получили не только военное, но и торговое значеніе, когда они обратились въ складочныя мѣста для товаровъ, въ центры торговой жизни. Они становились тогда средоточіемъ цѣлаго округа, цѣлой области, жители которой сбывали въ нихъ свои продукты и такимъ образомъ были связаны съ ними хозяйственными интересами. А экономическая (хозяйственная) связь съ городомъ объединяла между собою всѣхъ окрестныхъ жителей, независимо отъ того, въ составъ какого племени входили они. Поэтому границы области (области носили также названіе волостей), во главѣ которой стоялъ торговый городъ, перестали совпадать съ границами, занятыми прежде извѣстнымъ племенемъ. Такъ, напр., Новгородъ постепенно дѣлался средоточіемъ не только ильменскихъ славянъ, но и части кривичей; Кіевъ—полянъ, древлянъ и части дреговичей и т. д. Вслѣдствіе этого племенное различіе восточныхъ славянъ съ теченіемъ времени стало ослабѣвать, и они начали дѣлиться уже не по своей принадлежности къ какому-нибудь опредѣленному племени (напр. полянъ, сѣверянъ и т. д.), а по своему жительству въ опредѣленной области («волости»), напр. Кіевской, Смоленской, Новгородской и т. д. Процессъ перехода племенного быта въ волостной совершался, конечно, постепенно, но начало этого процесса относится, вѣроятно, къ VIII вѣку, когда у восточныхъ славянъ существовали уже значительные города, напр., Новгородъ, Смоленскъ, Черниговъ, Любечъ, Кіевъ и друг.

Г. Вѣче.

По мѣрѣ возвышенія города надъ областью, усиливалось также значеніе той власти, которая управляла городскими дѣлами. Такой властью было совѣщаніе жителей города, называвшееся «вѣчемъ». На вѣчѣ такъ же, какъ и на общинныхъ совѣщаніяхъ, участвовали не всѣ обыватели, а только главы семей горожанъ; особеннымъ же вліяніемъ на вѣчахъ пользовались богатые купцы; они и были настоящими

заправилами городской жизни и именовались обыкновенно «старцами градскими».

Постановленіямъ вѣчевыхъ собраній большихъ городовъ повиновалось не только сельское населеніе тѣхъ областей, во главѣ которыхъ стояли они, но обыкновенно и городское населеніе маленькихъ городковъ—такъ называемыхъ «пригородовъ», зависѣвшихъ отъ большихъ. Кромѣ власти вѣча, жители нѣкоторыхъ областей издавна подчинялись и княжеской власти.

Д. Племенные князья.

Еще въ ту пору, когда славяне жили родовымъ и племеннымъ бытомъ, у нихъ существовали племенные вожди—князья. Иногда нѣсколько небольшихъ племенъ объединялись подъ властью одного князя. При ослабленіи родовыхъ и племенныхъ связей прежніе князья не сразу прекратили свое существованіе, и въ нѣкоторыхъ областяхъ бывало иногда по нѣсколько князей. (Были, впрочемъ, области, и вовсе не имѣвшія князей). Но значеніе ихъ падало по мѣрѣ возвышенія городского вѣча. Однако, какъ выяснится изъ послѣдующаго изложенія, дальнѣйшее развитіе у восточныхъ славянъ торговли и городовъ способствовало возрожденію княжеской власти, но уже другого, не-племенного характера.

Изъ сказаннаго видно, что къ IX вѣку родовой и племенной бытъ восточныхъ славянъ сталъ переходить въ задружно-общинный и волостной [1]). Произошло это, какъ было выяснено, главнымъ образомъ благодаря ихъ занятіямъ земледѣліемъ и торговлей.

---

[1]) Вопросъ о бытѣ восточныхъ славянъ въ VIII—IX в. в. вызвалъ большіе споры въ русской исторической наукѣ. Одни ученые (главнымъ образомъ, Эверсъ, Соловьевъ и Кавелинъ) доказывали, что у восточныхъ славянъ господствовалъ родовой бытъ. Мнѣнія этихъ ученыхъ и ихъ послѣдователей получили названіе родовой теоріи или школы родового быта. Многіе представители родовой теоріи назывались также западниками, такъ какъ они придерживались взгляда, что восточные славяне развивались подобно всѣмъ западнымъ народамъ, и, слѣдовательно, подобно имъ, должны были пережить эпоху родового быта. Эта теорія встрѣтила горячихъ противниковъ въ лицѣ другихъ изслѣдователей, такъ называемыхъ славянофиловъ (Хомяковъ, братья Кирѣевскіе, Аксаковы), утверждавшихъ, что славяне развивались не такъ, какъ прочіе народы, а совершенно самобытно (за признаніе самобытности славянъ указанные изслѣдователи и получили названіе славянофиловъ), что родового быта они почти не знали и издавна жили семейно-общиннымъ бытомъ. Въ сравнительно недавнее время появилась третья теорія, посвященная вопросу о бытѣ славянъ и называемая задружно-общинной. Основателемъ ея можно считать профессора Леонтовича. Эта теорія признается наиболѣе достовѣрной, такъ какъ, сглаживая крайности родовой и семейно-общинной теоріи, она заимствуетъ у нихъ справедливое и дастъ ясную картину того, какимъ образомъ древній родъ смѣняется позднѣйшей задругой. Вкратцѣ это изложено въ настоящемъ параграфѣ.

§ 2. Экономическій бытъ восточныхъ славянъ въ до-государственное время.

А. Добывающая промышленность.

Характеръ экономическаго быта восточныхъ славянъ, т. е. ихъ хозяйственныхъ занятій, зависѣлъ, конечно, отъ условій природы заселенной ими страны [1]). Послѣдняя, какъ было выяснено, изобиловала многочисленными дарами: тутъ было множество пушного звѣря, птицъ и рыбъ. Поэтому естественно, что восточные славяне прежде всего обратились къ добывающей промышленности, т. е. къ пользованію безъ особой затраты труда тѣмъ, что давала имъ природа. Именно, они занялись охотою, рыболовствомъ и пчеловодствомъ.

Б. Сельско-хозяйственная дѣятельность.

Издавна ознакомились они и съ сельско-хозяйственной дѣятельностью: земледѣліемъ, скотоводствомъ, птицеводствомъ. Они знали почти всѣ полевыя работы и пользовались уже нѣкоторыми земледѣльческими орудіями (сохой, плугомъ, бороной). О широкомъ распространеніи скотоводства свидѣтельствуетъ то, что на старорусскомъ языкѣ словомъ «скотъ» обозначалось также имущество. Это показываетъ, что въ отдаленное время скотъ былъ единственнымъ или, по крайней мѣрѣ, самымъ цѣннымъ богатствомъ восточныхъ славянъ.

В. Обрабатывающая промышленность.

Раскопки доказываютъ знакомство ихъ съ обрабатывающей промышленностью и нѣкоторыми ремеслами; напр. съ плетеніемъ, съ тканіемъ, съ гончарнымъ, кузнечнымъ, плотничьимъ и столярнымъ ремеслами.

Г. Торговля.

Какъ неоднократно уже было сказано, весьма важную роль въ жизни восточныхъ славянъ играла внѣшняя торговля. Значительнаго развитія она достигла въ VII-VIII вв., когда въ черноморскихъ степяхъ утвердилась хозарская держава. Съ

---

[1]) Источниками для ознакомленія съ экономическимъ бытомъ какого-нибудь народа въ отдаленный періодъ его жизни служатъ: 1) Изученіе природы страны, заселенной этимъ народомъ, позволяющее составить извѣстное представленіе о тѣхъ занятіяхъ, которыя являются наиболѣе вѣроятными, наиболѣе соотвѣтствующими физическимъ особенностямъ страны. 2) Показанія иноземныхъ писателей, повѣствующихъ о бытѣ этого народа. 3) Археологическія раскопки, дающія вещественные памятники минувшаго быта, остатки хозяйственнаго инвентаря. 4) Сравнительное изученіе языковъ родственныхъ по происхожденію народовъ. Такъ напр., если обнаружится, что въ большинствѣ славянскихъ языковъ понятія, относящіяся къ скотоводству или земледѣлію, обозначаются сходными словами (т. е. словами одного корня), то изъ этого можно сдѣлать заключеніе, что славяне были знакомы со скотоводствомъ и земледѣліемъ еще въ праславянскую эпоху, т. е. до своего разселенія, а, слѣдовательно, они, очевидно, занимались этой хозяйственной дѣятельностью и въ позднѣйшее время, т. е. послѣ своего разселенія, когда восточные славяне обособились отъ западныхъ и южныхъ.

этого времени восточные славяне стали вести оживленную торговлю со столицей Византійской имперіи Царьградомъ (Константинополемъ) по такъ называемому великому водному пути, шедшему изъ Балтійскаго моря по Невѣ, Ладожскому озеру, Волхову, Ильменю, Ловати, мелкимъ рѣчкамъ и волокамъ (т. е сухимъ путемъ, по которому «переволакивали» суда) до Днѣпра и далѣе по Днѣпру до Чернаго моря. По этому пути ѣздили торговать съ греками не только славяне, но съ IX вѣка и скандинавскіе жители—норманны, прозывавшіеся у славянъ варягами; вслѣдствіе чего онъ назывался также путемъ «изъ варягъ въ Греки».

Очень развита была также съ VII — VIII в. в. торговля съ восточными народами, напр. арабами. Она велась, главнымъ образомъ, при посредствѣ болгаръ и хозаръ: въ «Великомъ Булгарѣ», посредничавшемъ между сѣверной Европой и Востокомъ, и въ «Итилѣ», игравшемъ такую же роль для южной Европы, было не мало пріѣзжихъ славянскихъ купцовъ. Нѣсколько позже они стали направляться и въ Западную Европу.

Объ обширныхъ торговыхъ сношеніяхъ восточныхъ славянъ сохранились многочисленныя свидѣтельства арабскихъ и византійскихъ историковъ. Равнымъ образомъ обнаруженіе кладовъ съ арабскими монетами VII, VIII и IX вв. въ Приднѣпровьѣ доказываетъ, что отсюда велась оживленная торговля съ азіатскимъ Востокомъ. Наконецъ, указанный уже фактъ, что расположенные по рѣкамъ торговые города способствовали переходу племенного быта въ волостной и притягивали къ себѣ разноплеменное населеніе, убѣждаетъ также въ важности значенія торговли.

При преобладаніи добывающей промышленности восточные славяне, естественно, торговали по преимуществу ея продуктами: главными предметами вывоза были мѣха, медъ и воскъ. Ввозились же въ славянскую землю обработанные продукты и предметы роскоши, напр. оружіе, металлическія издѣлія, шелковыя матеріи, плоды, вина и т. д. Внутренняя торговля велась въ меньшихъ размѣрахъ, чѣмъ внѣшняя.

Первоначально торговля была мѣновой, такъ какъ своихъ денегъ славяне не имѣли и въ качествѣ орудія обмѣна, т. е. средства для опредѣленія сравнительной цѣнности товаровъ, употребляли мѣха животныхъ. И впослѣдствіи названія различныхъ мѣховъ (куны, ногаты, рѣзаны и векши) сдѣлались названіями частей вѣсовой денежной единицы—гривны, представлявшей собою продолговатый серебряный слитокъ. Мѣховыя деньги долго ходили у восточныхъ славянъ наряду съ иностранными металлическими монетами (преимущественно арабскими дирегмами), при чемъ между тѣми и другими деньгами устанавливалась опредѣленная зависимость. Свою металлическую монету восточные славяне начали чеканить съ конца X вѣка.

Изъ указанныхъ видовъ экономическаго быта особенное вниманіе слѣдуетъ обратить на добывающую промышленность, земледѣліе и

торговлю. Первая, какъ сказано, состояла въ непосредственномъ пользованіи дарами природы. Это пользованіе, по большей части, отличалось неразсчетливымъ характеромъ: восточные славяне быстро истощали богатства природы и должны были искать новыхъ мѣстъ для охоты, рыбной ловли и пчеловодства. Такимъ образомъ частыя передвиженія восточныхъ славянъ объясняются не только незащищенностью мѣстъ ихъ жительства, но и тою важною ролью, которую играла добывающая промышленность въ ихъ экономической жизни. Земледѣліе нѣсколько сдерживало этотъ разбродъ, привязывая ихъ къ опредѣленному обрабатываемому участку земли. Впрочемъ, земледѣльческое хозяйство въ то время носило гораздо болѣе подвижной характеръ, чѣмъ теперь: земли не удобрялись, а засѣивались только до тѣхъ поръ, пока давали урожай; потомъ онѣ забрасывались, и хозяйство переносилось на другой участокъ.

§ 3. Образъ жизни и нравы восточныхъ славянъ въ до-государственное время.

Различіе занятій восточныхъ славянъ сказывалось на ихъ образѣ жизни и нравахъ. Торговое населеніе уже въ до-государственный періодъ достигло извѣстной культурности и стало строить города по берегамъ рѣкъ. Земледѣльческое—ютилось въ небольшихъ деревушкахъ и поселкахъ. Населеніе же, обитавшее вдали отъ торговыхъ путей и занимавшееся преимущественно добывающей промышленностью, вовсе не имѣло домовъ, а скрывалось отъ стужи и непогоды въ какихъ-нибудь шалашахъ или землянкахъ. Объ одеждѣ восточныхъ славянъ можно составить нѣкоторое представленіе по тѣмъ предметамъ, которые сохранились въ древнихъ могилахъ. Среди нихъ находится не мало различныхъ украшеній, напр. ожерелій, браслетовъ, глиняныхъ бусъ и оружія. Вооруженіе состояло изъ копій, ножей, мечей, топоровъ, пращей, лука, стрѣлъ и щита. Нѣкоторые носили также броню и шлемъ. Издавна были извѣстны у славянъ музыкальные инструменты: сопѣль, гусли, бубенъ.

Восточные славяне различались между собою не только образомъ жизни, но также нравами и обычаями. Разсказывая о славянскихъ племенахъ, русскій лѣтописецъ противопоставляетъ полянъ, имѣвшихъ «тихій и кроткій обычай», древлянамъ, «жившимъ звѣринскимъ образомъ, скотски». Такое различіе замѣтно, напр., въ формахъ заключенія брака. Одни племена знали уже договорную форму брака, т. е. онъ заключался по соглашенію между женихомъ, невѣстою и ихъ родителями; у другихъ племенъ бракъ имѣлъ характеръ купли-продажи: женихъ покупалъ невѣсту у ея родственниковъ; наконецъ, у третьихъ сохранялась еще древнѣйшая форма умыканія (похищенія) невѣсты.

По этимъ видамъ брака можно судить, насколько то или другое племя удалилось отъ привычекъ прежняго родового быта, при которомъ добыть себѣ жену можно было только умыканіемъ или куплей. У большинства славянъ было распространено многоженство: бѣдные люди имѣли по двѣ, по три жены, а богатые — по нѣсколько десятковъ. Какъ остатокъ родового быта, у славянъ сохранился обычай кровной мести. Постепенный переходъ племенного быта въ волостной способствовалъ, конечно, сглаживанію племенныхъ отличій.

§ 4. Религія восточныхъ славянъ.

Религія восточныхъ славянъ походила на первоначальную религію другихъ языческихъ народовъ. Славянскія религіозныя вѣрованія были двоякаго рода: 1) поклоненіе явленіямъ и силамъ природы и 2) поклоненіе душамъ умершихъ предковъ.

А. Обожествленіе явленій и силъ природы.

I. Живя среди природы, постоянно испытывая ея дѣйствія и не умѣя бороться съ ея грозными силами, восточные славяне чувствовали къ ней суевѣрное благоговѣніе и суевѣрный страхъ, видѣли въ ней что-то могучее, божественное. Первоначально обоготворялась сама природа: славяне поклонялись и приносили жертвы не только солнцу, землѣ, небу, но также озерамъ, болотамъ, лѣсамъ, деревьямъ, камнямъ, однимъ словомъ, всему, что окружало ихъ. Впослѣдствіи явленія природы стали разсматриваться какъ результатъ дѣятельности особыхъ божественныхъ силъ, особыхъ боговъ. Такъ, вмѣсто поклоненія лѣсамъ явилось почитаніе лѣшаго—бога лѣсовъ; вмѣсто поклоненія рѣкамъ, озерамъ, болотамъ и колодцамъ—почитаніе Водяного, какъ олицетворенія всей водной стихіи. Олицетвореніемъ неба и свѣта былъ Сварогъ, солнца—Дажьбогъ или Хорсъ, грома и молніи—Перунъ, вѣтра—Стрибогъ, огня—Сварожичъ. Велесъ считался богомъ-покровителемъ скотоводства и вообще хозяйства. Кромѣ боговъ, признавали множество сверхъестественныхъ существъ, напр. русалокъ, оборотней и т. д.

Богъ солнца, какъ богъ свѣта и тепла, былъ добрымъ началомъ, въ противоположность Моренѣ, олицетворявшей холодъ, тьму и злое начало. Между ними, по представленіямъ славянъ, шла постоянная борьба, и побѣдами того или другого начала объяснялась смѣна временъ года. Въ честь побѣдъ солнца надъ тьмою были установлены и древнѣйшіе языческіе праздники. Первымъ зимнимъ праздникомъ былъ праздникъ «Коляда», совпадавшій съ зимнимъ солнцеворотомъ (около 12 декабря); весною праздновалась «Красная горка», на середину лѣта падалъ главный праздникъ Ярила или Купала (этими названіями обозначался тоже богъ солнца) и т. д.

Б. Вѣра въ загробную жизнь и погребальные обряды.

Загробная жизнь представлялась восточнымъ славянамъ двояко: или въ видѣ жизни гдѣ-то въ глубинѣ подъ землею — «въ колодцахъ бездонныхъ, въ погребахъ глубокихъ», или же въ видѣ жизни въ воздушномъ пространствѣ, въ заоблачной странѣ — «за горами высокими, за облаками ходячими». Слѣды этихъ воззрѣній сохранились во множествѣ существующихъ и теперь похоронныхъ пѣсенъ и обрядовъ. Въ зависимости отъ двоякаго представленія загробнаго существованія извѣстны были и два главныхъ способа погребенія: умершаго или зарывали въ землю вмѣстѣ съ разными припасами и хозяйственными вещами, нужными будто бы для него въ будущей жизни, или же сжигали на кострѣ вмѣстѣ съ его конемъ и нѣкоторыми другими домашними животными, а иногда и съ одною изъ его женъ, которая соглашалась послѣдовать за своимъ мужемъ. Существовалъ и третій способъ погребенія: покойника клали въ лодку и пускали ее по рѣкѣ. Въ честь умершаго совершали такъ называемую «тризну», т. е. поминальный пиръ, на которомъ происходили военныя игры и состязанія.

В. Почитаніе душъ предковъ.

II. Распространенное у восточныхъ славянъ (такъ же, какъ и у другихъ народовъ) почитаніе душъ умершихъ предковъ объясняется пережитками родового быта, вѣрою въ то, что родоначальникъ и послѣ своей смерти является покровителемъ рода и невидимо присутствуетъ среди своихъ сородичей. Мѣстопребываніемъ его души считался домашній очагъ (домовая печь), къ которому поэтому относились съ благоговѣніемъ, какъ къ предмету святыни, центральному мѣсту дома и домашнему жертвеннику. Боги-предки извѣстны были у всѣхъ языческихъ народовъ, жившихъ въ свое время родовымъ бытомъ. У восточныхъ славянъ богъ-предокъ чтился подъ именемъ Рода, Чура или Щура (сравни слово «пра-щуръ»). Онъ считался заступникомъ всѣхъ сородичей (сравни выраженіе: «чуръ меня»), охранителемъ мѣры и порядка (сравни выраженіе: «через-чуръ»), защитникомъ границъ родового владѣнія (пограничные столбы у славянъ въ древности назывались чурбанами). Въ позднѣйшее время онъ получилъ названіе домового.

Память о культѣ предковъ также донынѣ сохранилась въ русскихъ пѣсняхъ и обычаяхъ. Такъ напр., во многихъ мѣстахъ Россіи молодая въ свадебныхъ пѣсняхъ призываетъ на помощь себѣ бога-предка, проситъ у него благословенія. Вступая впервые въ домъ своего мужа, она кидаетъ въ печь разные съѣстные припасы (это — остатки прежнихъ жертвоприношеній), обходитъ вокругъ нея нѣсколько разъ и вообще оказываетъ всевозможные знаки вниманія своему новому домашнему очагу. Точно также во многихъ мѣстностяхъ принято не допускать никакихъ ссоръ и бранн въ той комнатѣ, гдѣ находится печь (сравни пословицу: «для твоей рѣчи не

выносить печи»), лѣчиться водою съ печной золой, при переѣздѣ изъ старой избы въ новую брать пепелъ изъ старой печи и т. д. и т. д.

Г. Вѣра въ колдовство.

Древнія языческія вѣрованія скрываются не только въ народныхъ пѣсняхъ и обычаяхъ, но и въ существующихъ до нашихъ дней заговорахъ и заклинаніяхъ. И донынѣ простые люди вѣрятъ, что извѣстными словами и фразами можно заговорить болѣзнь, прекратить пожаръ, засуху или, напротивъ, навлечь какую-нибудь бѣду. Въ языческое время вѣра въ колдовство, въ волшебство и въ силу человѣческаго слова (заговоровъ и заклинаній) была распространена гораздо сильнѣе. По мнѣнію древнихъ восточныхъ славянъ, нѣкоторые люди были въ особенности одарены силою волшебства: они могли будто-бы оказывать извѣстное вліяніе на явленія природы, творить чудеса и предсказывать будущее. Такіе люди назывались вѣщими или волхвами.

Д. Общій характеръ религіи.

Единственнымъ культомъ (т. е. формой богопочитанія) восточныхъ славянъ были жертвоприношенія. (Въ жертву они приносили различные съѣстные продукты, домашнихъ животныхъ и птицъ, а въ исключительныхъ случаяхъ и людей). Ни храмовъ, ни жрецовъ восточные славяне не имѣли. Ихъ боги не составляли одной опредѣленной семьи (какъ, напр., боги олимпійскіе) и представлялись въ неясныхъ, туманныхъ очертаніяхъ. Славянская религія не успѣла, подобно греческой и римской, развиться до антропоморфизма, т. е. представленія боговъ въ видѣ людей: зачатки антропоморфизма появились не ранѣе X вѣка, когда славяне начали дѣлать изображенія своихъ боговъ. (Изъ такихъ изображеній особенно извѣстенъ былъ идолъ Перуна, стоявшій въ Кіевѣ). Однако, начиная съ X вѣка, язычество стало постепенно вытѣсняться христіанствомъ. Благодаря неразвитости языческой религіи христіанство распространялось быстро, но первоначально оно не уничтожало язычества, а только покрывало его: языческія представленія или жили наряду съ христіанскими, вслѣдствіе чего получалось такъ называемое двоевѣріе, существовавшее очень долгое время, или же смѣшивалось съ ними, вслѣдствіе чего возникали суевѣрія, живущія въ народныхъ массахъ и до нашихъ дней.

ЧАСТЬ II.

Происхожденіе и развитіе Кіевскаго княжества.

§ 1. Появленіе княжеско-дружинной власти у восточныхъ славянъ.

Въ VIII и IX в.в. земля восточныхъ славянъ, какъ мы знаемъ, раздѣлялась на нѣсколько городскихъ областей, во главѣ которыхъ стояли торговые города, управляемые вѣчами.

А. Военныя дружины.

Чѣмъ шире развивалась торговля, тѣмъ яснѣе сознавалась необходимость устройства особыхъ военныхъ дружинъ, которыя защищали бы города и обороняли торговые караваны во время далекаго пути отъ нападеній и грабежей какъ соотечественниковъ, такъ и внѣшнихъ враговъ. Опасность со стороны послѣднихъ начала грозить съ IX вѣка, когда хозарская держава, охранявшая ранѣе Восточно-Европейскую равнину отъ нашествій кочевыхъ ордъ, стала слабнуть подъ напоромъ печенѣговъ, и они, пробившись черезъ хозарскія владѣнія, заняли то степное пространство, по которому шли торговые пути восточныхъ славянъ.

Итакъ, торговые интересы вызывали необходимость образованія военныхъ дружинъ. Онѣ набирались изъ разнаго люда. Въ IX вѣкѣ (а также и въ послѣдующее время вплоть до половины XI) въ такія дружины во множествѣ поступали норманны, пользовавшіяся репутаціей искусныхъ купцовъ и смѣлыхъ воиновъ.

Эти норманны, прозываемые у восточныхъ славянъ варягами, въ IX вѣкѣ (а можетъ быть и еще ранѣе) появились на великомъ водномъ пути, подобно тому, какъ въ то же время, подъ именемъ викинговъ, они появлялись и на западно-европейскихъ рѣкахъ (на Эльбѣ, Рейнѣ, Сенѣ и др.). Какъ въ Западной Европѣ, такъ и въ Восточной они промышляли торговлей, военной службой и грабежомъ. Но, поступая на службу, они рѣдко довольствовались ролью простыхъ наемниковъ: предводители варяжскихъ дружинъ иногда подчиняли себѣ города, въ которыхъ служили, утверждали въ нихъ свое господство.

Б. Варяжскіе захваты.

Въ землѣ восточныхъ славянъ такъ случалось не разъ. Русскій лѣтописецъ разсказываетъ, напр., что варяги покорили славянъ ильменскихъ, кривичей и сосѣднія финскія племена и брали съ нихъ дань, но потомъ были изгнаны. Вскорѣ однако они появились вновь въ Новгородѣ и во многихъ другихъ городахъ.

Путемъ захвата власти и возникли въ IX вѣкѣ въ славянскихъ областяхъ варяжскія княжества. (Весьма возможно, что въ нѣкоторыхъ городахъ власть захватывалась славянскими, а не варяжскими дружинниками, или въ нихъ по разнымъ причинамъ усиливалось значеніе прежнихъ племенныхъ князей). Въ народной памяти сохранились имена нѣсколькихъ князей IX вѣка, напр. Рюрика, правившаго въ Новгородѣ, Трувора—въ Изборскѣ,Синеуса —на Бѣломъ озерѣ, Аскольда и Дира—въ Кіевѣ.

В. Кіевское (Русское) княжество.

Первенствующее значеніе изъ всѣхъ княжествъ получило Кіевское, основанное въ землѣ полянъ, которая стала называться Русью. (Первоначально названіе Русь принадлежало, повидимому, варяжской дружинѣ, захватившей власть надъ полянами, затѣмъ перешло на полянскую землю, а, по мѣрѣ присоединенія къ ней другихъ

областей восточныхъ славянъ, стало распространяться и на нихъ). Быстрое развитіе Кіевскаго княжества, возникшаго, вѣроятно, не позже самаго начала IX вѣка, объясняется тѣмъ, что городъ Кіевъ, благодаря исключительной выгодѣ своего географическаго положенія, былъ 1) главнымъ складочнымъ мѣстомъ для славянскихъ товаровъ, 2) наиболѣе важнымъ военнымъ пунктомъ, защищавшимъ весь рѣчной торговый путь отъ степняковъ-кочевниковъ. Естественно поэтому, что, опираясь на свою сильную варяжскую дружину, русскіе (кіевскіе) князья очень скоро достигли большого могущества: съ IX вѣка они стали совершать смѣлые походы и объединять подъ своею властью славянскія области и племена. (Съ подчиненіемъ Кіеву падала зависимость послѣднихъ отъ хозаръ, и съ X вѣка ея уже не стало) [1]).

Г. Первые походы Руси.

О морскихъ набѣгахъ Руси въ IX в. на побережье Чернаго моря упоминается въ византійскихъ и арабскихъ источникахъ. Плаванія Руси по Черному морю были столь часты, что оно стало называться Русскимъ. Въ половинѣ IX вѣка Русь сдѣлала нападеніе и на самый Константинополь. Едва ли всѣ эти набѣги предпринимались съ цѣлью грабежа. Вѣроятно, нѣкоторые изъ нихъ были военными развѣдками въ интересахъ торговли.

Д. Составъ Кіевскаго княжества.

Къ половинѣ X вѣка почти всѣ земли, населенныя восточными славянами, и нѣкоторыя финскія оказались подъ главенствомъ Кіевскаго княжества. Но ихъ зависимость отъ Кіева была весьма различна. Можно указать слѣдующіе виды ея: 1) Нѣкоторыя области были только союзными съ Кіевскимъ княжествомъ и обязаны были помогать ему во время войны; въ своей же внутренней жизни пользовались полной самостоятельностью и имѣли собственныхъ князей. 2) Другія отличались отъ первыхъ тѣмъ, что платили дань кіевскимъ князьямъ. 3) Третьи управлялись князьями, посаженными, т. е. назначенными, изъ Кіева. 4) Четвертыя находились подъ непосредственнымъ управленіемъ кіевскаго князя и его намѣстниковъ.

Е. Связь между частями Кіевскаго княжества.

Итакъ, Кіевская (Русская) держава первоначально представляла собою лишь совокупность отдѣльныхъ областей или княжествъ, весьма разнообразно, иногда очень слабо и призрачно связанныхъ въ политическомъ отношеніи съ Кіевомъ. Слѣдовательно, она объединялась не столько политическою, сколько торговою связью. Подобно тому, какъ въ свое время торговля притягивала къ городамъ различныя племена, точно также и въ X вѣкѣ

[1]) Память о прежней зависимости отъ хозаръ сказывалась, между прочимъ, въ томъ, что кіевскіе князья именовались иногда каганами, т. е. носили титулъ хозарскихъ вождей, властвовавшихъ въ былое время надъ южными племенами восточныхъ славянъ.

она сплачивала съ самымъ важнымъ торговымъ городомъ—Кіевомъ—разнородныя области. Понятно поэтому, что первая забота кіевскихъ князей состояла въ укрѣпленіи этой связи и въ развитіи главной связующей силы—торговли. Забота объ этомъ побуждала ихъ искать опоры у своей дружины.

Ж. Княжескодружинный строй.

Дружина первыхъ русскихъ князей состояла преимущественно изъ варяговъ (это видно по сохранившимся въ лѣтописи именамъ дружинниковъ). Она давала опору власти кіевскаго князя надъ другими князьями, она была необходима ему при походахъ; наконецъ, изъ числа дружинниковъ князь выбиралъ совѣтниковъ, намѣстниковъ и судей, нужныхъ для внутренняго управленія. Прежнее городское вѣчевое самоуправленіе не прекращало своего существованія, но правительственныя дѣла мало-по-малу переходили къ князю и его дружинѣ. Такимъ образомъ рядомъ съ вѣчевымъ строемъ росъ княжескодружинный строй. Новые князья получали несравненно большее значеніе, чѣмъ прежніе племенные князьки.

Вотъ тѣ общія соображенія, которыя могутъ быть высказаны объ образованіи Русскаго государства. Соображенія эти остаются только догадками, такъ какъ достовѣрныхъ свѣдѣній объ этомъ нѣтъ: разсказъ о началѣ Руси, приводимый въ лѣтописи, является лишь легендой, породившей множество споровъ въ наукѣ.

§ 2. Лѣтописный разсказъ о началѣ Руси; отношеніе къ нему исторической науки.

О происхожденіи русскаго государства лѣтописецъ-составитель «Повѣсти временныхъ лѣтъ»[1]) разсказываетъ слѣдующее:

А. Лѣтописное сказаніе.

«Въ лѣто 6367 (отъ сотворенія міра) пришли Варяги изъ-за моря и брали дань съ Чуди (финское племя) и со Славянъ (ильменскихъ), съ Мери, Веси (финскія племена) и Кривичей, а Хозары брали дань съ Полянъ, Сѣверянъ и Вятичей. Въ лѣто 6370 (т. е. 862-мъ г. отъ Р. Х.) славянскія и финскія племена прогнали Варяговъ за море и перестали платить имъ дань и стали управляться сами собою; но не было у нихъ правды: родъ возсталъ на родъ, и были у нихъ усобицы, и воевали они другъ съ другомъ. Тогда сказали они другъ

[1]) Подъ этимъ названіемъ разумѣется лѣтописный сводъ, составленный на основаніи нѣсколькихъ источниковъ, а именно: болѣе древняго, такъ называемаго Кіевскаго Начальнаго лѣтописнаго свода, нѣкоторыхъ византійскихъ хроникъ и нѣкоторыхъ другихъ письменныхъ памятниковъ, а также устныхъ преданій. Составленъ онъ въ 1116 году игуменомъ Сильвестромъ и сохранился въ нѣсколькихъ спискахъ, древнѣйшіе изъ которыхъ относятся къ XIV вѣку.

другу: «поищемъ себѣ князя, который бы владѣлъ нами, и судилъ по правдѣ». И пошли за море къ варягамъ Руси. (Такъ назывались эти варяги—Русь, какъ другіе называются Свеи (Шведы), другіе—Урмане (Норвежцы), другіе Англяне (Англы, жившіе въ то время въ Шлезвигѣ), другіе Готе (вѣроятно, жители Ютландскаго полуострова). И сказали Чудь, Славяне, Кривичи и Весь Руси: «земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ; приходите княжить и владѣть нами». И были выбраны три брата съ родомъ ихъ; они взяли съ собою всю Русь и пришли. Старшій братъ Рюрикъ сѣлъ княжить въ Новгородѣ, второй—Синеусъ на Бѣлоозерѣ, третій—Труворъ въ Изборскѣ. Отъ этихъ Варяговъ прозвалась Русская Земля».

Далѣе лѣтописецъ разсказываетъ, что два года спустя послѣ призванія Синеусъ и Труворъ умерли, и княжить сталъ одинъ Рюрикъ. Онъ роздалъ города въ управленіе своимъ дружинникамъ, двое изъ которыхъ: Аскольдъ и Диръ, задумали отправиться съ товарищами въ походъ на Царьградъ. На пути туда они захватили городъ Кіевъ, основанный тремя братьями: Кіемъ, Щекомъ и Хоривомъ, и стали княжить въ немъ. Изъ Кіева они сдѣлали нападеніе на Царьградъ, гдѣ въ то время царствовалъ императоръ Михаилъ III. Нападеніе русскихъ сильно встревожило грековъ и грозило городу большой опасностью, но, вслѣдствіе внезапно поднявшейся бури, русскія суда были разсѣяны, и дружина Аскольда и Дира должна была отступить съ урономъ и вернуться въ Кіевъ. Между тѣмъ Рюрикъ умеръ, оставивъ послѣ себя малолѣтняго сына Игоря, опекуномъ котораго сдѣлался его родственникъ князь Олегъ. Этому князю удалось постепенно подчинить себѣ всѣ земли по великому водному пути. Кіевомъ онъ завладѣлъ хитростью, вѣроломно убивъ Аскольда и Дира, и назвалъ Кіевъ «матерью городовъ русскихъ», т. е. столицей всѣхъ подвластныхъ ему славянскихъ земель.

Б. Точка зрѣнія лѣтописца.

Въ изложенномъ разсказѣ особенное вниманіе слѣдуетъ обратить на то, что лѣтописецъ считаетъ основателями русскаго государства князей, призванныхъ изъ какого-то заморскаго племени Русь, отъ котораго произошло будто бы и самое названіе Русской земли. При перечисленіи славянскихъ племенъ лѣтописецъ не называетъ этого племени, а помѣщаетъ его посреди норманскихъ народовъ:—шведовъ, норвежцевъ, готовъ (датчанъ)[1]) и англовъ. Вслѣдствіе этого большинство ученыхъ, разбиравшихъ разсказъ лѣтописца, выводили изъ него заключеніе, что начало русскому государству положено «норманскимъ племенемъ Русь». Эти ученые получили названіе норманистовъ или представителей норманской школы.

[1]) Очевидно, что подъ названіемъ «готы» лѣтописецъ разумѣетъ не древнихъ готовъ, а именно жителей Ютландскаго полуострова—датчанъ.

В. Норманисты.

Къ числу ихъ относятся наиболѣе выдающіеся русскіе историки, напр. Шлецеръ, Карамзинъ, Погодинъ, Куникъ, Соловьевъ, Ключевскій и друг. Подтвержденіе своей теоріи норманисты находятъ не только въ указанномъ разсказѣ, но и въ цѣломъ рядѣ иностранныхъ свидѣтельствъ, важнѣйшія изъ которыхъ слѣдующія:

1) Въ такъ называемыхъ Бертинскихъ лѣтописяхъ, составлявшихся при франкскомъ дворѣ, находится разсказъ о томъ, что въ 839 г. къ Людовику Благочестивому прибыло, вмѣстѣ съ греческимъ посольствомъ, нѣсколько человѣкъ, которые называли свое племя Русью, а своего царя Хаканомъ. Эти люди возбудили подозрѣніе при франкскомъ дворѣ, и когда относительно ихъ было произведено дознаніе, то оказалось, что они шведскаго происхожденія. Итакъ, племя Русь, по извѣстію Бертинскихъ лѣтописей, оказывается шведскимъ.

2) Ломбардскій писатель X в. Ліутпрандъ при перечисленіи сѣверныхъ народовъ указываетъ «нѣкій народъ, который греки, по его наружности, называютъ Руссами (русыми, т. е. рыжими), а итальянцы, по его мѣстожительству, зовутъ норманнами, т. е. сѣверными людьми».

3) Византійскій императоръ—писатель X в. Константинъ Багрянородный, описывая торговый путь, шедшій изъ Балтійскаго моря въ Грецію, приводитъ названія Днѣпровскихъ пороговъ на двухъ языкахъ: по-русски и по-славянски. «Русскія» названія (Ессупи, Ульворси, Геландри, Ейфаръ, Варуфоросъ, Леанти, Струвунъ) по своимъ корнямъ принадлежатъ къ германскимъ языкамъ; напротивъ того, соотвѣтствующія имъ «славянскія» (Островунипрахъ, Неясыть, Вулнипрахъ, Веруци, Напрези) могутъ быть произведены отъ славянскихъ корней. Итакъ, названія, выдаваемыя Константиномъ за «русскія», отличаются отъ славянскихъ и напоминаютъ названія германскаго происхожденія. Изъ этого заключаютъ, что древнее племя Русь, говорившее «русскимъ» языкомъ, было не славянскимъ, а германскимъ народомъ.

4) Имена первыхъ русскихъ князей—Рюрикъ, Аскольдъ, Труворъ Игорь, Олегъ—очень похожи на норманскія имена, изъ чего можно заключить, что эти князья дѣйствительно были норманнами.

Г. Антинорманисты.

Хотя норманская теорія основана на очень опредѣленныхъ свидѣтельствахъ, тѣмъ не менѣе она вызвала много возраженій, и среди историковъ можно насчитать не мало противниковъ ея, извѣстныхъ подъ названіемъ антинорманистовъ. Одни изъ нихъ считаютъ, что русскіе князья призваны не изъ скандинавскаго (норманскаго) племени, а изъ какого-нибудь другого. Такъ, напр., нѣкоторые ученые пытались доказать, что родину первыхъ князей слѣдуетъ искать въ странѣ прибалтійскихъ славянъ на южномъ берегу Балтійскаго моря, или же на островѣ Рюгенѣ, который назывался Ругіей или Рузіей (съ этимъ

названіемъ ставится въ связь названіе Русь). Другіе антинормани-сты вовсе отрицаютъ призваніе князей изъ иноземнаго племени Русь, считая лѣтописный разсказъ объ этомъ простой легендой, и утверждаютъ, что племя Русь было славянскимъ и искони обитало въ южной части Восточно-Европейской равнины.

Уже Ломоносовъ старался опровергнуть норманскую теорію, но настоящей, научной критикѣ подвергли ее Гедеоновъ, Иловайскій и Бильбасовъ. Важнѣйшіе доводы антинормани-стовъ сводятся къ слѣдующему:

1) Ни одинъ историческій источникъ, кромѣ лѣтописи, не упоминаетъ объ основаніи норманскими выходцами государства въ странѣ восточныхъ славянъ. Равнымъ образомъ нѣтъ никакихъ опредѣленныхъ указаній на мѣстожительство племени Русь до его призванія къ славянамъ. Даже самое названіе Руси не удается удовлетворительно объяснить на основаніи скандинавскихъ языковъ.

2) Если призванная Русь была только княжеской дружиной, то трудно понять, какимъ образомъ могла она въ короткое время подчинить своему владычеству почти всѣ племена восточныхъ славянъ и вмѣстѣ съ ними совершать походы на Византію. Если же она была цѣлымъ многолюднымъ племенемъ, то неясно, почему ни въ религіи восточныхъ славянъ, ни въ ихъ обычаяхъ, ни въ языкѣ не замѣтно почти никакого русскаго (норманскаго) вліянія, а напротивъ есть указаніе на то, что призванная Русь очень быстро ославянилась; это трудно объяснить, если признать ея многочисленность. Неясно также и то, что лѣтописецъ, разсказавъ о призваніи Руси сѣверными славянскими племенами, въ своемъ дальнѣйшемъ изложеніи называетъ Русью именно южное племя—полянъ, употребляя для другихъ племенъ ихъ прежнія названія.

3) Лѣтописный разсказъ о призваніи князей изъ племени Русь не можетъ считаться убѣдительнымъ, потому что, по всей вѣроятности, онъ представляетъ собою такую же легенду, какъ и другія фантастическія преданія о происхожденіи разныхъ государствъ. Дѣйствительно, разсказъ этотъ, повѣствующій о призваніи «трехъ братьевъ изъ-за моря», по своему характеру похожъ на сказку. Кромѣ того, онъ очень напоминаетъ преданіе, находящееся въ исторіи саксовъ, написанной западно-европейскимъ средневѣковымъ писателемъ Видукиндомъ, жившимъ приблизительно за сто лѣтъ до русскаго лѣтописца. Преданіе это говоритъ о призваніи бриттами двухъ вождей изъ племени саксовъ для того, чтобы они княжили и владѣли ими. Весьма возможно, по мнѣнію анти-норманистовъ, что Видукиндовъ разсказъ былъ извѣстенъ составителю повѣсти временныхъ лѣтъ, и онъ воспользовался имъ для объясненія начала русскаго государства.

4) Иностранныя свидѣтельства, въ которыхъ Русь называется норманскимъ племенемъ, можно объяснить тѣмъ, что иностранцы смѣшивали славянскую Русь и норманновъ, такъ какъ эти два на-

рода часто дѣйствовали сообща. Если же предположить близкія сношенія этихъ народовъ, то можно понять и заимствованіе русскими славянами кое-какихъ норманскихъ словъ (напр., имена князей, названій днѣпровскихъ пороговъ и т. д.), а также и то, что въ извѣстныхъ случаяхъ норманны выступали какъ бы представителями Русской земли (см. извѣстіе Бертинскихъ лѣтописей).

Итакъ, по мнѣнію антинорманистовъ, ни на основаніи лѣтописнаго разсказа, ни на основаніи указанныхъ иностранныхъ свидѣтельствъ нельзя заключать о тождествѣ Руси и норманновъ тѣмъ болѣе, что имѣются извѣстія, которыя прямо говорятъ противъ него. Важнѣйшія изъ нихъ слѣдующія два: а) Арабскій писатель второй половины IX вѣка Ибнъ-Хордадбехъ, разсказывая о торговлѣ русскихъ купцовъ, называетъ ихъ принадлежащими къ славянскому племени; слѣдовательно, онъ отождествляетъ русскихъ со славянами, а не съ норманнами; б) въ житіи Св. Кирилла, первоучителя славянскаго, сообщается, что Кириллъ, прибывъ въ г. Херсонесъ (въ Крыму), нашелъ тамъ «евангеліе и псалтирь, написанныя русскими письменами, и человѣка, глаголюща тою бесѣдою» (т. е. говорящаго по-русски). Кириллъ познакомился съ этимъ человѣкомъ и скоро научился и русскому языку, и письменамъ. Разсказываемое въ этомъ житіи относится къ болѣе раннему времени, чѣмъ призваніе князей, а, значитъ, русскій—херсонесецъ не могъ быть однимъ изъ пришедшихъ вмѣстѣ съ князьями изъ племени Русь. Кромѣ того, если упоминаемыя въ житіи «русскія» письмена и «русская» бесѣда обозначаютъ какой-нибудь изъ норманскихъ языковъ, то мало вѣроятно, чтобы Кириллъ въ короткое время могъ усвоить ихъ; если же, напротивъ, подъ «русскимъ» разумѣется одно изъ славянскихъ нарѣчій, то вполнѣ понятно, что онъ, будучи хорошо знакомъ съ другими славянскими языками, легко овладѣлъ имъ.

Д. Толкованія названія «варяги».

Итакъ, относительно племени Русь въ наукѣ существуютъ разнообразныя толкованія: одни ученые считаютъ это племя пришлымъ, сѣвернымъ, норманскимъ; другіе—туземнымъ, южнымъ, славянскимъ. Разнорѣчивы толкованія и другого названія, которымъ лѣтописецъ обозначаетъ призванное племя, именно названія: «варяги». По мнѣнію нѣкоторыхъ историковъ, оно является синонимомъ названія «норманны»; другіе утверждаютъ, что варягами назывались всѣ обитатели Балтійскаго поморья (а значитъ, и прибрежные славяне); наконецъ, третьи считаютъ, что подъ «варягами» разумѣлись военныя дружины, составленныя изъ людей разноплеменнаго происхожденія. Самое слово «варягъ» (встрѣчающееся у византійскихъ писателей XI вѣка въ формѣ «варангъ» и въ скандинавскихъ народныхъ пѣсняхъ того же вѣка въ формѣ «верингъ») толкуется различно изъ корней разныхъ языковъ.

Такимъ образомъ, несмотря на то, что споръ между норманистами и ихъ противниками ведется уже болѣе полутораста лѣтъ, онъ до сихъ поръ не можетъ считаться вполнѣ рѣшеннымъ. Разрѣшеніе его въ значительной степени затрудняется тѣмъ, что обѣ спорящія стороны за исходный пунктъ своихъ разсужденій о происхожденіи Русскаго государства принимали вышеприведенный разсказъ о призваніи князей, заключающійся въ повѣсти временныхъ лѣтъ. Между тѣмъ въ настоящее время доказано, что повѣсть временныхъ лѣтъ содержитъ лишь позднѣйшую передѣлку первоначальнаго сказанія о призваніи князей, которое было составлено въ половинѣ XI вѣка и можетъ быть возстановлено при помощи сравненія между собою различныхъ лѣтописныхъ сводовъ.

Е. Первоначальный видъ лѣтописнаго сказанія.

Возстановленное въ своемъ первоначальномъ видѣ, сказаніе о призваніи князей нѣсколько отличается отъ вышеприведеннаго разсказа «Повѣсти временныхъ лѣтъ». Такъ, во-первыхъ, событія излагаются въ немъ безъ всякихъ хронологическихъ датъ; во-вторыхъ, оно разсказываетъ о призваніи князей не отъ варяговъ-Руси, а просто отъ варяговъ и не производитъ названія Русской земли отъ племени призванныхъ князей; въ-третьихъ, говоритъ о приводѣ князьями съ собою «многой и предивной дружины», а не «всей Руси». Составитель «Повѣсти временныхъ лѣтъ» воспользовался этимъ сказаніемъ, но передѣлалъ его по своему: именно, вставилъ въ него хронологическія даты [1]), а также, руководствуясь различными соображеніями, переработалъ и самое сказаніе, отождествивъ, между прочимъ, варяговъ и Русь и объяснивъ въ зависимости отъ этого происхожденіе названія Русской земли. Слѣдовательно, разсказъ «Повѣсти временныхъ лѣтъ» представляетъ собою позднѣйшую переработку древняго сказанія и по этому самому можетъ возбуждать сомнѣнія въ своей правдивости.

Однако и древнее сказаніе едва ли содержитъ въ себѣ что-нибудь большее, чѣмъ намекъ на историческій фактъ. Этотъ фактъ заключается въ томъ, что варяги, подъ которыми лѣтописецъ разумѣетъ, очевидно, норманновъ, играли очень важную роль въ образованіи Русскаго государства. Ихъ участіе въ этомъ дѣлѣ несомнѣнно, Но, признавая это, все же трудно повѣрить лѣтописцу, что славянскія и финскія племена, только что прогнавъ варяговъ отъ себя и отказавшись платить имъ дань, снова зовутъ ихъ и, признаваясь въ неумѣніи устроить свою жизнь, добровольно отдаются подъ чужеземное владычество.

---

[1]) Эти даты составитель повѣсти старался опредѣлить при помощи греческой хроники Амартола, въ которой разсказывалось о первомъ нападеніи Руси на Царьградъ, приписываемомъ составителемъ «Повѣсти» Аскольду и Диру. Конечно, такое опредѣленіе могло быть сдѣлано только приблизительно, а потому многіе изъ годовъ, указываемыхъ въ «Повѣсти», сообщены неточно и даже произвольно.

Гораздо болѣе вѣроятно представить дѣло въ видѣ захвата власти наемной дружиной. Преданіе же о такомъ захватѣ власти призванной на службу дружиной, дошедшее до лѣтописца, могло быть истолковано имъ именно въ смыслѣ добровольнаго призванія князей. Это тѣмъ болѣе естественно, что онъ писалъ уже въ то время, когда потомки варяжскихъ князей считались законными русскими государями.

Итакъ, вопросъ объ образованіи Русскаго государства въ странѣ восточныхъ славянъ разрѣшается лишь предположительно. Предположеніями приходится ограничиваться и при рѣшеніи вопроса о происхожденіи названія Русской земли. Они сводятся къ слѣдующему:

Ж. Толкованія названія «Русь».

Славяне называли норманновъ не только варягами, но также и Русью или Руссами, заимствовавъ это названіе у финновъ, на языкѣ которыхъ слово Ruotsi обозначало шведовъ. Изъ финскаго языка восточные славяне взяли вообще не мало собственныхъ именъ (напр. названій рѣкъ, озеръ и проч.), а заимствовать имя Руси они могли тѣмъ естественнѣе, что финны, обитавшіе въ это время уже у Балтійскаго моря, были именно той посредствующей средой, черезъ которую проникали норманны въ земли славянъ. Подъ именемъ «Русь» они были извѣстны и на сѣверѣ, и на югѣ страны восточныхъ славянъ [1]). Однако на сѣверѣ это названіе не перешло на туземное славянское населеніе, такъ какъ норманны не смѣшивались съ малокультурными сѣверными славянскими и финскими племенами и, захватывая власть надъ ними, довольствовались сборомъ дани съ нихъ. Главная масса норманновъ, не засиживаясь подолгу на сѣверѣ, устремлялась на югъ, гдѣ кипѣла торговая жизнь. Здѣсь, въ Кіевской области, норманны-варяги, извѣстные также подъ именемъ Русь, входили въ тѣсныя сношенія съ мѣстными жителями, участвовали въ общихъ предпріятіяхъ и смѣшивались съ ними. Поэтому имя «Русь» перешло и на славянъ, обитавшихъ по среднему теченію Днѣпра. Случилось это не только вслѣдствіе тѣснаго сближенія ихъ съ норманнами, но и потому, что въ ихъ странѣ положено было норманнами основаніе тому государству, которое затѣмъ объединило сосѣднія племена. Государство это получило названіе Русскаго, такъ какъ оно было основано людьми, слывшими подъ именемъ Ruotsi, а ядро этого государства—славянское племя полянъ—стало прозываться Русью. Затѣмъ это названіе постепенно распространялось и на другихъ славянъ [2]).

---

[1]) Распространенность названія Русь на сѣверѣ и югѣ доказывается старинными географическими названіямя. Такъ, на сѣверѣ извѣстны рѣка и городъ, носящія названіе Русса; на югѣ Черное море прозывалось въ старину Русскимъ».

[2]) Переходъ названія пришлаго народа на туземный встрѣчается не только у восточныхъ славянъ. Такъ, напримѣръ, и дунайскіе славяне прозвались болгарами по имени пришлаго народа.

3. Выводы. Принимая во вниманіе сказанное, легко объяснить противорѣчивыя свидѣтельства о Руси иностранцевъ, одни изъ которыхъ называютъ ее норманскимъ племенемъ, а другіе помѣщаютъ ее на югѣ. Объ употребленіи же термина «Русь» авторомъ «Повѣсти временныхъ лѣтъ» можно высказать слѣдующее:

Когда названіе «Русь» сдѣлалось обозначеніемъ днѣпровскихъ славянъ, за пришлыми норманнами утвердилось окончательно наименованіе «варяги». Первоначальное значеніе Руси съ теченіемъ времени, быть можетъ, было даже забыто, сохранившись только въ древнихъ преданіяхъ. Ими и воспользовался, вѣроятно, составитель Повѣсти. Именно, съ одной стороны онъ зналъ древнее славянское сказаніе о призваніи князей изъ племени варяговъ, съ другой стороны ему было извѣстно, что и названіе «Русь» идетъ отъ нихъ. Сопоставивъ это, онъ и передѣлалъ первоначальное сказаніе въ томъ смыслѣ, что князья были призваны изъ варяговъ-Руси. Въ дальнѣйшемъ же своемъ изложеніи онъ употреблялъ имя Русь въ современномъ ему смыслѣ, т. е. обозначалъ имъ по преимуществу полянъ.

§ 3. Княженіе Олега.

А. Сказанія о первыхъ кіевскихъ князьяхъ. Лѣтопись не даетъ также достовѣрныхъ извѣстій о первыхъ кіевскихъ князьяхъ, правившихъ до X вѣка. Основателями Кіева она считаетъ трехъ братьевъ: Кія, Щека и Хорива. Очевидно, имена эти вымышлены съ цѣлью объяснить происхожденіе географическихъ названій: Кіева, Щековицы и Хоревицы [1]). Весьма скудны также свѣдѣнія лѣтописца о двухъ варягахъ-дружинникахъ: Аскольдѣ и Дирѣ, которые вокняжились въ Кіевѣ, когда тамъ вымерло будто бы потомство Кія, и предприняли смѣлый, но неудачный походъ на Царьградъ. Болѣе подробно разсказываетъ лѣтопись объ Олегѣ, княжившемъ въ концѣ IX и началѣ X вѣковъ. Самое существованіе этого князя не подлежитъ никакому сомнѣнію, но извѣстія о его личности и дѣятельности разукрашены многочисленными легендами: въ народной памяти образъ дѣйствительнаго Олега заслоненъ призракомъ «вѣщаго» (т. е. одареннаго сверхъестественной мудростью) князя-героя-чародѣя.

Б. Лѣтописный разсказъ объ Олегѣ. По свидѣтельству лѣтописи, Олегъ былъ родственникомъ и опекуномъ малолѣтняго Игоря [2]), сына перваго новгородскаго князя Рюрика. Утвердившись въ Новгородѣ послѣ смерти Рюрика, Олегъ пошелъ

[1]) Подобныя преданія, приноровленныя для объясненія географическихъ названій (такъ наз. этимологическіе мифы), встрѣчаются весьма часто. Сравни разсказъ о Ромулѣ и Ремѣ или утвержденіе средневѣковыхъ историковъ, что Парижъ основанъ Парисомъ, супругомъ Прекрасной Елены, и т. д.

[2]) По другому лѣтописному варіанту, Олегъ не опекунъ, а воевода Игоря.

въ походъ на югъ. На великомъ водномъ пути онъ завладѣлъ двумя важными городами: Смоленскомъ и Любечемъ съ ихъ областями. Доѣхавъ до Кіева, гдѣ въ то время княжили Аскольдъ и Диръ, Олегъ хитростью заманилъ ихъ къ себѣ и, объявивъ имъ, что они не имѣютъ права княжить, такъ какъ не происходятъ изъ княжескаго рода, убилъ ихъ и завладѣлъ Кіевомъ. Послѣ этого онъ въ нѣсколько походовъ покорилъ всѣ окрестныя славянскія племена.

Въ изложенный разсказъ необходимо внести цѣлый рядъ поправокъ, существенно измѣняющихъ его. 1) Трудно повѣрить, что Олегъ былъ опекуномъ Игоря: по счету лѣтописца, онъ княжилъ свыше 30 лѣтъ. Не могъ же Игорь все это время считаться несовершеннолѣтнимъ. Слѣдовательно, на Олега нужно смотрѣть какъ на самостоятельнаго князя. 2) Едва ли объединеніе славянскихъ земель шло изъ Новгорода, такъ какъ, судя по тому, что въ послѣдующее время Новгородъ платилъ дань Кіеву, гораздо правдоподобнѣе заключить, что покореніе племенъ славянскихъ начато было кіевскими, а не новгородскими князьями. Это подтверждается и позднѣйшимъ значеніемъ Кіева, бывшаго первенствующимъ городомъ по отношенію къ Новгороду. 3) Захватъ Олегомъ Кіева изображенъ въ лѣтописи неправдоподобно. Почему Аскольдъ и Диръ имѣли меньшія права на Кіевъ, чѣмъ Олегъ и Игорь, сынъ новгородскаго, а не кіевскаго князя? Весьма возможно поэтому, что разсказъ объ убіеніи Аскольда и Дира просто вымышленъ лѣтописцемъ, не знавшимъ, какимъ образомъ утвердился Олегъ въ Кіевѣ. 4) Совсѣмъ невѣроятно, что Олегъ въ одинъ походъ овладѣлъ всѣмъ великимъ воднымъ путемъ, а въ нѣсколько послѣдующихъ — приднѣпровскими землями. Несомнѣнно, дѣятельности одного Олега приписано то, что совершено въ теченіе долгаго времени его предшественниками.

В. Дѣятельность Олега.

Если подвергнуть критическому разбору лѣтописный разсказъ и ограничиться только достовѣрнымъ, то о княженіи Олега придется сказать слѣдующее:

Олегъ былъ кіевскимъ княземъ, продолжавшимъ начатое еще до него дѣло объединенія славянскихъ, а также финскихъ областей. Въ земляхъ покоренныхъ племенъ онъ строилъ города для обороны своихъ владѣній отъ нашествій непріятелей. Кромѣ того, города служили и интересамъ торговли, являясь складочными мѣстами для товаровъ. Въ подвластныя земли Олегъ назначалъ своихъ управителей—намѣстниковъ и сажалъ туда зависимыхъ князей (въ лѣтописи они называются «князья, подъ Олегомъ сущіе»). И самъ Олегъ, и его намѣстники собирали съ населенія дань. Сборъ производился двоякимъ способомъ: повозомъ (населеніе привозило дань въ какіе-нибудь опредѣленные пункты) и полюдьемъ (князь съ дружиной объѣзжалъ подвластныя земли и самъ лично собиралъ дань) и уплачивался или деньгами или, въ большинствѣ случаевъ, натуральными продуктами: мѣхами, кожами, медомъ, воскомъ и т. д. Про-

дукты, собранные княземъ и его дружиной, составляли предметъ внѣшней торговли.

Г. Отношенія къ Византіи при Олегѣ.

Восточные славяне торговали главнымъ образомъ съ Греціей, а потому Олегъ стремился къ установленію выгодныхъ торговыхъ отношеній съ нею. Съ этой цѣлью онъ во главѣ большого войска совершилъ въ 907 году походъ на Византію. Описаніе этого похода, сдѣланное лѣтописцемъ, разукрашено различными легендами и не можетъ считаться достовѣрнымъ, но зато не возбуждаютъ сомнѣнія въ достовѣрности приводимые въ лѣтописи тексты договоровъ Олега съ греками, заключенныхъ послѣ похода [1]). Первый договоръ относится къ 907 году и опредѣляетъ торговыя отношенія между русскими и греками. Такъ, въ немъ указывается, при соблюденіи какихъ условій и въ какомъ числѣ русскіе купцы могутъ быть допущены въ Царьградъ, гдѣ они должны тамъ останавливаться, откуда берутъ себѣ продовольствіе, какимъ правиламъ должны подчиняться во время своего пребыванія въ Греціи и т. д.

Въ 911 году былъ заключенъ второй договоръ, устанавливавшій главнымъ образомъ юридическія отношенія между русскими и греками. А именно, по этому договору, русскіе и греки, въ случаѣ какихъ либо преступленій другъ противъ друга, должны были подвергаться одинаковой отвѣтственности (смертной казни, конфискаціи имущества, штрафу); равнымъ образомъ, они обязывались оказывать другъ другу поддержку при несчастіяхъ (напр. при кораблекрушеніи), выкупать другъ друга изъ плѣна и неволи въ чужихъ странахъ, получая потомъ за это вознагражденіе, взаимно оберегать имущественные интересы; наконецъ, русскимъ предоставлялось право поступать на службу къ византійскому императору.

Вскорѣ по заключеніи второго договора Олегъ скончался. По лѣтописному преданію, одинъ волхвъ задолго до его смерти предсказалъ ему, что онъ погибнетъ отъ своего коня, и, какъ ни старался князь избѣжать исполненія пророчества, однако оно сбылось [2]).

---

[1]) По нѣкоторымъ признакамъ можно судить, что эти тексты представляютъ собою точную копію съ греческихъ оригиналовъ.

[2]) Подобные разсказы о роковой неизбѣжности исполненія предсказаній кудесниковъ встрѣчаются у многихъ народовъ и принадлежатъ поэтому къ числу такъ называемыхъ «бродячихъ сюжетовъ». Любопытно, что въ исландской сагѣ о героѣ Оддѣ находится почти буквальное повтореніе преданія о смерти Олега, объясняющееся непосредственнымъ заимствованіемъ норманнами русскаго сказанія. А такое заимствованіе служитъ лучшимъ показателемъ тѣсныхъ сношеній норманновъ и Кіевской Руси.

§ 4. Княженіе Игоря.

Послѣ Олега въ Кіевѣ княжилъ Игорь. По словамъ лѣтописи, онъ былъ сыномъ перваго новгородскаго князя Рюрика, призваннаго будто бы на княженіе сѣверными славянскими и финскими племенами въ 862 году. (Такъ какъ Игорь считается Рюриковымъ сыномъ, то потомство его, княжившее, а затѣмъ и царствовавшее на Руси безпрерывно до 1598 года, получило названіе Рюриковичей). Кромѣ лѣтописца, объ Игорѣ повѣствуютъ и нѣкоторые иноземные (преимущественно византійскіе) писатели.

Дѣятельность его въ главныхъ чертахъ сходна съ дѣятельностью его предшественника. Такъ, подобно Олегу, онъ продолжалъ объединеніе славянскихъ земель, усмиривъ возставшихъ въ началѣ его княженія древлянъ и покоривъ уличей. Онъ заботился о защитѣ своихъ владѣній отъ печенѣговъ, сдѣлавшихъ при немъ первое нападеніе на Русскую землю. Наконецъ, подобно Олегу, онъ совершилъ походъ на Византію и заключилъ съ ней торговый договоръ.

Объ этомъ походѣ, относящемся къ 941 году, сохранились многочисленныя извѣстія иностранныхъ писателей. По ихъ разсказамъ, Игорь выступилъ во главѣ громаднаго флота и войска (число его воиновъ одни опредѣляютъ въ 400.000, другіе —въ 40.000 человѣкъ, но и та и другая цифра очень преувеличена). Въ Константинопольскомъ проливѣ флотъ Игоря потерпѣлъ страшный уронъ отъ греческой эскадры, дѣйствовавшей противъ него такъ называемымъ «греческимъ огнемъ» (вѣроятно, что-нибудь въ родѣ нынѣшняго пороха), и долженъ былъ отступить къ берегамъ Малой Азіи. Высадившись здѣсь, Игорево войско начало жестокую расправу надъ мѣстнымъ населеніемъ, но послѣ нѣсколькихъ пораженій должно было спасаться бѣгствомъ. Въ происшедшей затѣмъ морской битвѣ уничтожены были остатки русскаго флота, такъ что Игорь вернулся на Русь лишь съ нѣсколькими кораблями. Лѣтописецъ добавляетъ, что послѣ своей неудачи Игорь въ 944 году затѣялъ новый походъ, который однако былъ прерванъ въ самомъ началѣ, такъ какъ греческое правительство, встревоженное военными приготовленіями русскаго князя, обѣщало ему большую дань и убѣдило его заключить мирный договоръ. Но сообщеніе это недостовѣрно, такъ какъ, во-первыхъ, иностранные источники ничего не говорятъ о второмъ походѣ Игоря, а во-вторыхъ, договоръ, дѣйствительно заключенный въ 945 году, вовсе не показываетъ, чтобы греки были особенно напуганы русскими: онъ значительно менѣе выгоденъ для послѣднихъ, чѣмъ Олеговъ. Во многихъ его статьяхъ содержатся существенныя стѣсненія и ограниченія для русскихъ купцовъ (касательно доступа въ Царьградъ, проживанія въ немъ, покупки и продажи товаровъ), и, кромѣ того, на Русь налагаются нѣкоторыя, правда незначительныя, обязательства по отношенію къ грекамъ.

Помимо обстоятельнаго изображенія русско-греческихъ торговыхъ отношеній, Игоревъ договоръ интересенъ и тѣмъ, что онъ свидѣтельствуетъ о распространенности христіанства среди русской дружины. Именно, присяга въ соблюденіи договора принималась въ Кіевѣ русскими двоякимъ образомъ: языческая часть дружины клялась богомъ Перуномъ, оружіемъ и щитами, дружинники же христіане присягали въ Кіевской церкви Св. Иліи. Если же въ Кіевѣ была христіанская церковь, которая при томъ называется соборной (т. е. приходской въ отличіе отъ домовыхъ), то очевидно, что христіанство было значительно распространено въ немъ.

Кромѣ византійскаго похода, въ концѣ княженія Игоря совершенъ былъ смѣлый и опустошительный набѣгъ Руси на побережье Каспійскаго моря. Армянскіе и арабскіе писатели, повѣствующіе объ этомъ походѣ, не указываютъ однако, участвовалъ ли въ немъ Игорь, или же дружина дѣйствовала безъ князя.

Умеръ Игорь около 945 года. По преданію, онъ былъ убитъ древлянами за то, что собравъ съ нихъ большую дань и раздавъ ее своей дружинѣ, опять отправился на полюдье. Этимъ онъ вызвалъ возмущеніе древлянъ, во главѣ которыхъ всталъ одинъ изъ ихъ князьковъ Малъ. Разсказъ лѣтописи объ убіеніи Игоря показываетъ, насколько зависѣлъ князь отъ своей дружины, и насколько ея интересы были ему дороже интересовъ мѣстнаго населенія. Это видно изъ слѣдующаго: взиманіе дани въ землѣ древлянъ Игорь поручилъ сперва одному изъ своихъ военачальниковъ Свенельду, который и вознаградилъ собраннымъ свою дружину. Тогда собственная дружина Игоря стала роптать, что она — бѣднѣе Свенельдовой, и требовала сбора второй дани для себя. Игорь послушался и путемъ разныхъ насилій принудилъ древлянъ заплатить ее, но, удовлетворивъ дружинниковъ, захотѣлъ и самъ поживиться и снова пошелъ на полюдье, окончившееся для него смертью.

Послѣ Игоря остался малолѣтній сынъ Святославъ; до его совершеннолѣтія править стала его мать, супруга Игоря—Ольга.

§ 5. Правленіе Ольги.

Княгиня Ольга жестоко отмстила древлянамъ за возстаніе и за убіеніе мужа [1]), обложивъ ихъ тяжкой данью и подчинивъ тѣсной зависимости отъ Кіева. Затѣмъ она занялась устроеніемъ внутренняго порядка въ своихъ владѣніяхъ. Ея распоряженія создали ей славу мудрой и искусной правительницы. Она замѣчательна еще тѣмъ, что

[1]) Лѣтописецъ много разсказываетъ о способахъ мщенія Ольги, въ изысканіи которыхъ она проявила необыкновенную изобрѣтательность. Весьма возможно, впрочемъ, что разсказы о мести Ольги являются бродячими легендами, лишь пріуроченными къ ея имени.

первая въ княжескомъ родѣ открыто приняла христіанство. По свидѣтельству лѣтописца, она крестилась въ 957 году въ Константинополѣ, причемъ ея воспріемникомъ былъ будто бы византійскій императоръ. Послѣднее свидѣтельство недостовѣрно, такъ какъ царствовавшій тогда императоръ Константинъ Багрянородный въ своемъ подробномъ описаніи [1]) пріема, оказаннаго въ Константинополѣ княгинѣ Ольгѣ, ни слова не говоритъ о ея крещеніи, что было бы, конечно, неестественно, если бы онъ былъ ея крестнымъ отцомъ. Поэтому слѣдуетъ признать, что Ольга приняла крещеніе въ Кіевѣ или же при первомъ своемъ пріѣздѣ въ Константинополь, о которомъ не упоминаетъ Константинъ Багрянородный. (Въ пользу принятія Ольгой христіанства въ Греціи говоритъ ея христіанское имя «Елена», данное ей, очевидно, въ честь прославленной византійской императрицы Елены).

Со времени правленія Ольги начались дипломатическія сношенія Руси съ Западной Европой. Именно, въ нѣмецкихъ лѣтописяхъ разсказывается, что къ Оттону I (Великому) приходили послы отъ русской царицы Елены (это—христіанское имя Ольги), которые просили посвятить для Русской земли епископа и священниковъ, что на Русь дѣйствительно былъ посланъ епископъ, но онъ вернулся назадъ ни съ чѣмъ, и что, какъ потомъ оказалось, русскіе послы вовсе и не были уполномочены просить себѣ епископа. Это странное извѣстіе можно объяснить тѣмъ, что Ольгины послы были отправлены къ Оттону не съ религіозными, а съ иными цѣлями, но что онъ самъ, воспользовавшись ихъ прибытіемъ, сдѣлалъ неудачную попытку подчинить Русь Западной Церкви [2]).

§ 6. Княженіе Святослава.

А. Общая характеристика Святослава и его дѣятельности.

Сынъ Игоря и Ольги Святославъ былъ типичнымъ княземъ-дружинникомъ, непрестанно мечтавшимъ о новыхъ завоеваніяхъ, почти все свое княженіе проведшимъ въ походахъ. Въ походы онъ ходилъ на-легкѣ, не беря съ собой почти никакого

[1]) Описаніе это помѣщено въ сочиненіи Константина: «Объ обрядахъ или церемоніяхъ Византійскаго двора».

[2]) Не исключена, впрочемъ, возможность и другого объясненія, предлагаемаго однимъ новѣйшимъ изслѣдователемъ. Сущность его сводится къ слѣдующему: Ольга, принявъ христіанство и надѣясь распространить его по всей Руси, хотѣла сдѣлать будущую Русскую Церковь вполнѣ самостоятельной, неподчиненной какой либо другой, иными словами, хотѣла получить независимую церковную іерархію. Такъ какъ Греческая Церковь, всегда стремившаяся подчинить себѣ церкви тѣхъ народовъ, которые принимали отъ нея христіанство, отказалась исполнить желаніе Ольги, то послѣдняя обратилась къ Оттону, надѣясь черезъ его посредство получить независимую іерархію отъ Римской Церкви, но затѣмъ отказалась отъ своего намѣренія.

обоза, во время войны готовъ былъ терпѣть всевозможныя лишенія. И русскій лѣтописецъ, и византійскій историкъ (Левъ Діаконъ), и арабскій писатель (Ибнъ-Хаукаль) изображаютъ его пылкимъ, дѣятельнымъ воиномъ и смѣлымъ, безхитростнымъ полководцемъ, а дружину его называютъ «отважной до безумія, храброй и сильной». Личность воинственнаго Святослава очень привлекательна, но дѣятельность его, какъ князя, мало-плодотворна. Задаваясь всегда широкими, иногда фантастическими планами, онъ мало обращалъ вниманія на ближайшія правительственныя нужды.

Б. Предпріятія Святослава на Востокѣ.

Первыя военныя предпріятія Святослава направлены были на восточныя страны, черезъ которыя онъ хотѣлъ проложить себѣ свободный путь въ закаспійскія области. Съ этой цѣлью онъ обрушился на хозаръ, взялъ крѣпость Саркелъ, ограбилъ Итиль и страшно опустошилъ всю страну. Въ связи съ этимъ находилась и его война съ кавказскими народцами: ясами и косогами (такъ назывались въ то время осетины и черкесы), во время которой онъ завоевалъ Таматарху (Тмутаракань). Разгромъ Хозарскаго царства далъ Святославу возможность подчинить своей власти славянское племя вятичей, жившихъ на Окѣ и платившихъ дань хозарамъ. Затѣмъ онъ сдѣлалъ нападеніе на ихъ восточныхъ сосѣдей—камскихъ болгаръ и могущественное финское племя буртасовъ (вѣроятно, это было древнимъ названіемъ мордвы). Своимъ походомъ на хозаръ Святославъ нанесъ послѣдній ударъ и безъ того уже ослабѣвшему ихъ царству, и это было роковой ошибкой его: во-первыхъ, паденіе Хозаріи вредило восточной торговлѣ русскихъ, а во-вторыхъ, разгромивъ хозарскую державу, Святославъ не столько открывалъ себѣ свободный путь въ Азію, сколько облегчалъ доступъ въ Европу азіатскимъ степнымъ кочевникамъ, отъ нашествій которыхъ южно-русскія степи до этого времени были ограждены хозарами.

В. Предпріятія Святослава на Западѣ.

Съ Востока Святославъ перекинулся на Западъ, куда звалъ его византійскій императоръ Никифоръ Фока, желавшій вступить съ нимъ въ союзъ противъ дунайскихъ болгаръ, опустошавшихъ владѣнія имперіи и грозившихъ самой столицѣ—Константинополю. Укрѣпиться на Дунаѣ было очень важно для Святослава, такъ какъ рѣка эта являлась главнымъ воднымъ путемъ, которымъ велась торговля съ Западной Европой, а городъ Переяславль-Дунайскій былъ, по мнѣнію Святослава, тѣмъ центральнымъ мѣстомъ, куда «вся блага сходятся». Поэтому Святославъ ревностно и успѣшно принялся за покореніе Болгаріи, но долженъ былъ прервать свою дѣятельность тамъ, чтобы отразить отъ Кіева печенѣговъ, нахлынувшихъ въ 968 году на Русскую землю и подвергшихъ Кіевъ тяжкой осадѣ. На зовъ кіевлянъ Святославъ вернулся на Русь, прогналъ печенѣговъ въ степи, но не велъ съ ними энергичной борьбы. Затѣмъ, про-

бывъ на Руси недолгое время до смерти Ольги, онъ подѣлилъ свои русскія владѣнія между своими юными сыновьями, а самъ поспѣшилъ въ Болгарію доканчивать начатое. Однако положеніе дѣлъ здѣсь существенно измѣнилось: союзникъ Святослава Никифоръ Фока былъ уже низложенъ, а императоромъ сдѣлался талантливый Іоаннъ Цимисхій, потребовавшій отъ Святослава удаленія изъ Болгаріи. Переговоры между Цимисхіемъ и русскимъ княземъ не увѣнчались успѣхомъ, и между ними возгорѣлась война. Несмотря на громадное мужество, проявленное русской дружиной, Святославъ послѣ ряда пораженій принужденъ былъ заключить съ греками мирный договоръ, по которому онъ обязался оставить Болгарію и не воевать впредь съ Византіей. На обратномъ пути въ Русскую землю онъ наткнулся на печенѣговъ, поджидавшихъ его у днѣпровскихъ пороговъ, и погибъ въ борьбѣ съ ними (972 г.). Послѣ себя онъ оставилъ трехъ сыновей, изъ которыхъ Ярополкъ княжилъ въ Кіевѣ, Олегъ—въ древлянской землѣ, а Владиміръ—въ Новгородѣ, и которымъ въ дѣлахъ правленія помогали прежніе Святославовы воеводы (Свенельдъ, а затѣмъ Блудъ были совѣтниками Ярополка, а Добрыня—Владиміра).

§ 7. Княженіе Владиміра.

А. Междоусобія сыновей Святослава.

Вскорѣ послѣ смерти отца между братьями произошли усобицы. Ярополкъ началъ войну противъ Олега, закончившуюся гибелью послѣдняго. Владиміръ, опасаясь за свою участь, бѣжалъ въ Скандинавію, набралъ тамъ дружинниковъ-варяговъ и, присоединивъ ихъ къ новгородскимъ войскамъ, пошелъ на Кіевъ. На пути онъ завладѣлъ обособившимся отъ Кіева Полоцкимъ княжествомъ, убивъ князя Роговолода и принудивъ дочь его Рогнѣду выйти за себя замужъ [1]). Ярополкъ не могъ выдержать борьбы съ Владиміромъ, такъ какъ встрѣтилъ измѣну въ средѣ своихъ приближенныхъ. Онъ бѣжалъ изъ Кіева и явился затѣмъ къ брату для мирныхъ переговоровъ, но былъ убитъ по его приказанію.

---

[1]) По лѣтописному разсказу, Владиміръ хотѣлъ вступить въ союзъ съ Роговолодомъ и посватался за его дочь, но она надменно отвѣтила, что не хочетъ идти за «рабынича», т. е. сына рабы. (Мать Владиміра Малуша, сестра Добрыни, по преданію, была служанкой княгини Ольги). Оскорбленный этимъ отвѣтомъ, Владиміръ напалъ на Полоцкъ, овладѣлъ Рогнѣдой и на ея глазахъ убилъ ея родителей. Впослѣдствіи Рогнѣда, забытая и брошенная Владиміромъ, хотѣла отмстить ему и пыталась убить его, за что сама едва не поплатилась жизнью, но была спасена благодаря вмѣшательству своего сына Изяслава.

Въ современной исторической наукѣ высказывается предположеніе, что сказаніе о Рогнѣдѣ представляетъ собою былину или легенду, возникшую въ XI вѣкѣ.

Б. Общая характеристика правительственной дѣятельности Владиміра.

Вокняжившись въ Кіевѣ при помощи варяговъ, Владиміръ направилъ всѣ свои усилія къ тому, чтобы: 1) собрать подъ своею властью всѣ отцовскія владѣнія, 2) обезопасить свою землю отъ внѣшнихъ враговъ, главнымъ образомъ, отъ печенѣговъ, 3) скрѣпить ея разнородныя и разноплеменныя части, поднять культурное состояніе народа и упрочить внутренній порядокъ.

Выполненію всего этого и было посвящено продолжительное княженіе Владиміра (980—1015).

Послѣ смерти мудрой правительницы Ольги, за время отсутствія Святослава и правленія его малолѣтнихъ сыновей, нѣкоторыя области и племена, подчиненныя ранѣе кіевскимъ князьямъ, вернули себѣ самостоятельность, и кое-гдѣ возникли даже независимыя отъ Кіева княженія: княжество Роговолода едва ли было единственнымъ; вѣроятно, кромѣ него, были и другія. Владиміръ ревностно принялся за покореніе этихъ отложившихся земель.

Изъ внѣшнихъ враговъ онъ сражался съ поляками, съ литовскимъ племенемъ ятвяговъ и съ другими сосѣдями на Западѣ, а съ камскими болгарами на Востокѣ. Ему пришлось также вмѣшаться въ византійскія дѣла. Онъ помогъ своими войсками византійскимъ императорамъ Василію и Константину (правившимъ совмѣстно), когда противъ нихъ поднято было возстаніе въ Малой Азіи однимъ изъ ихъ полководцевъ. Но послѣ подавленія возстанія они медлили выполнять условія, которыя выговорилъ Владиміръ въ награду за оказанную помощь (однимъ изъ условій было супружество его съ византійской царевной, сестрой императоровъ, Анной, которое, очевидно, должно было имѣть важное государственное значеніе). Поэтому онъ двинулся на владѣнія имперіи въ Крыму и осадилъ городъ Корсунь (Херсонесъ). Взявъ его, онъ вернулъ его обратно грекамъ, когда получилъ отъ нихъ обѣщанное.

Кромѣ всѣхъ этихъ войнъ, Владиміръ долженъ былъ вести напряженную, безпрерывную борьбу съ печенѣгами. Не довольствуясь походами въ степи, онъ, для защиты границы своихъ владѣній отъ печенѣжскихъ набѣговъ; строилъ по ея линіи города, возводилъ различныя укрѣпленія (засѣки, окопы; нѣкоторые остатки этихъ укрѣпленій, напр., длинные валы, сохранились даже донынѣ) и заселялъ южныя окраины славянами и финнами. (Особенно заселена и укрѣплена была при немъ та область, которая образовала впослѣдствіи Переяславское княжество).

По мѣрѣ того, какъ подрастали сыновья Владиміра, онъ сажалъ ихъ на княженія въ различные города, надѣясь, что правленіе сыновей, связанныхъ съ нимъ и между собою родственною связью, лучше объединитъ и сплотитъ различныя части его владѣній, чѣмъ правленіе княжескихъ намѣстниковъ и зависимыхъ князьковъ.

§ 8. Крещеніе Владиміра и Руси.

Той же цѣли объединенія русскихъ областей должно было служить важнѣйшее событіе, происшедшее въ княженіе Владиміра: именно, принятіе имъ христіанства и распространеніе его въ Русской землѣ.

А. Лѣтописный разсказъ о крещеніи Руси.

О крещеніи Владиміра и Руси «Повѣсть временныхъ лѣтъ» разсказываетъ слѣдующее: Въ первые годы своего княженія Владиміръ былъ истымъ язычникомъ: онъ отличался большою жестокостью, нравственною распущенностью (у него было будто бы около 800 женъ) и ревностною приверженностью къ языческой религіи. Всѣми средствами способствовалъ онъ торжеству язычества: воздвигалъ идолы, украшалъ ихъ, усердно приносилъ имъ жертвы, не останавливаясь даже передъ человѣческими жертвоприношеніями. Такъ, напр., однажды послѣ похода Владиміръ, по настоянію своихъ приближенныхъ, согласился принести въ жертву идоламъ кого нибудь изъ кіевскихъ юношей или дѣвицъ по жребію. Жребій палъ на молодого варяга—христіанина. Его отецъ, — тоже христіанинъ,—защищая сына, старался убѣдить язычниковъ въ безсмысленности ихъ религіи, но разъяренная толпа убила обоихъ этихъ христіанъ во славу языческихъ боговъ [1]). Приверженность Владиміра къ язычеству продолжалась семь лѣтъ. На восьмомъ году его княженія, къ нему пришли послы отъ камскихъ болгаръ—магометанъ, говорили ему о своей религіи и предлагали принять ее. Но магометанство не понравилось Владиміру тѣмъ, что оно запрещаетъ пить вино, а между тѣмъ, по его словамъ, «Руси есть веселіе пити,—не можемъ безъ того быти». Вслѣдъ за болгарами явились къ нему нѣмцы, посланные папой, но онъ отвергъ ихъ вѣру потому, «что отцы наши не принимали ея». Приходили къ Владиміру и хозары, исповѣдывавшіе іудейство, и толковали ему о своемъ вѣроисповѣданіи. Князь, выслушавъ ихъ, спросилъ, гдѣ земля еврейская, и, когда они отвѣтили, что она была въ Іерусалимѣ, но Богъ разгнѣвался на евреевъ и предалъ ихъ землю въ руки христіанамъ, Владиміръ сказалъ, что они не могутъ учить другихъ людей своей вѣрѣ, если сами отвержены Богомъ и разсѣяны по всей землѣ. Наконецъ, пришелъ къ Владиміру посланный греками проповѣдникъ-философъ и въ пространной рѣчи изложилъ ему всю священную исторію Ветхаго и Новаго Завѣта, а затѣмъ показалъ полотно, на которомъ была написана картина Страшнаго суда, повѣдавъ ему о блаженствѣ, ожидающемъ

[1]) Эти варяги-христіане чтятся въ русской церкви подъ именемъ первыхъ мучениковъ Іоанна и Ѳеодора. Теперь въ наукѣ предполагается, что имя перваго русскаго мученика было Торъ.

праведниковъ, изображенныхъ направо, и о мукахъ грѣшниковъ, изображенныхъ налѣво. Увидѣвъ картину, князь вздохнулъ и молвилъ: «Хорошо этимъ—стоящимъ направо—и горе—стоящимъ налѣво», на что философъ замѣтилъ ему: «Если хочешь стать съ праведными направо, то крестись». Владиміръ на это отвѣтилъ: «Подожду еще мало»; такъ какъ онъ хотѣлъ испытать всѣ вѣры. Затѣмъ онъ созвалъ бояръ, разсказалъ имъ о приходившихъ къ нему послахъ и объ ихъ рѣчахъ и, по ихъ совѣту, отправилъ русскихъ мужей во всѣ земли, откуда приходили послы, чтобы хорошенько разузнать и испытать ихъ вѣру. Посланцы его посѣтили богослуженія болгарское и нѣмецкое и не одобрили ихъ, но за то восхваляли ту торжественную греческую церковную службу, которую удалось имъ слышать въ Царьградѣ. Служба эта, по ихъ словамъ, была такъ хороша, что они не знали, гдѣ они находятся, на землѣ или на небѣ: «ибо на землѣ нельзя видѣть такого зрѣлища и такой красоты». Выслушавъ пословъ, Владиміръ спросилъ: «Такъ гдѣ же крестимся?», на что бояре отвѣтили ему: «Гдѣ тебѣ угодно»... Черезъ годъ, а именно въ 988 году, Владиміръ рѣшилъ идти походомъ на греческій городъ Корсунь, находившійся въ Крыму. Онъ долго осаждалъ его и не могъ взять, пока, наконецъ, одинъ изъ осажденныхъ, нѣкій Анастасъ, не посовѣтовалъ ему отрѣзать Корсунь отъ источниковъ, снабжавшихъ его водою. Князь послѣдовалъ совѣту и далъ обѣщаніе креститься, если возьметъ городъ. Корсунь дѣйствительно сдался; тогда Владиміръ отправилъ посольство къ греческимъ императорамъ Василію и Константину, требуя, чтобы они выдали за него замужъ свою сестру Анну, и обѣщая въ такомъ случаѣ вернуть имъ взятый городъ. Такъ какъ они отказывались отдать сестру за язычника, то Владиміръ изъявилъ готовность принять крещеніе, и просилъ прислать вмѣстѣ съ царевной священниковъ. Когда Анна прибыла въ Корсунь, князь сильно разболѣлся: онъ ослѣпъ и тѣло его покрылось струпьями. Царевна убѣдила его немедленно креститься, увѣряя, что, крестившись, онъ исцѣлится отъ болѣзни. Ея слова сбылись. Вернувшись христіаниномъ въ Кіевъ, Владиміръ велѣлъ повергнуть кумиры, изрубить ихъ, сжечь или бросить въ воду и, собравъ всѣхъ кіевлянъ, повелѣлъ имъ креститься. Затѣмъ крестились жители другихъ городовъ. Самъ князь совсѣмъ перемѣнился послѣ крещенія: онъ сдѣлался кроткимъ, набожнымъ, нищелюбивымъ, заботился о дальнѣйшемъ распространеніи христіанства, заводилъ школы, строилъ церкви. Вообще князь сталъ самымъ примѣрнымъ христіаниномъ.

Б. Взгляды современныхъ ученыхъ на лѣтописный разсказъ.

По мнѣнію современныхъ ученыхъ (проф. Голубинскаго и ак. Шахматова), изложенное лѣтописное сказаніе о крещеніи Владиміра 1) возникло значительно позже крещенія Руси, а именно въ началѣ XII вѣка, 2) содержитъ въ себѣ наряду съ исторической правдою также и легендарныя черты, 3) составлено съ церковно-

поучительною цѣлью—доказать преимущества греческой православной вѣры передъ всѣми другими.

I. Время возникновенія сказанія можно опредѣлить на основаніи хронологической ошибки, заключающейся въ приводимыхъ лѣтописцемъ словахъ пословъ-евреевъ. Въ княженіе Владиміра они, конечно, не могли говорить, что Іерусалимъ преданъ въ руки христіанамъ, такъ какъ онъ временно достался имъ только въ концѣ перваго крестоваго похода въ 1099 году. Лѣтописецъ допустилъ подобную ошибку, очевидно, потому, что составлялъ свое повѣствованіе въ то время, когда христіане дѣйствительно владѣли Іерусалимомъ, т. е. въ началѣ XII вѣка.

II. Въ основѣ сказанія лежатъ три исторически достовѣрныхъ событія: крещеніе Владиміра, походъ на Корсунь и женитьба на царевнѣ Аннѣ. Однако между этими событіями существовала не такая связь, какая указывается лѣтописцемъ. Именно, въ древнѣйшемъ лѣтописномъ сводѣ и такъ называемомъ древнемъ житіи Владиміра сообщается, что походъ на Корсунь совершенъ былъ Владиміромъ на третій годъ послѣ крещенія. Поэтому можно, конечно, допустить, что онъ ходилъ на Корсунь, чтобы добыть себѣ въ жены Анну, но нельзя признать, что онъ крестился въ немъ. Къ тому же и самъ лѣтописецъ не скрываетъ, что, по другимъ извѣстнымъ ему преданіямъ, крещеніе было принято Владиміромъ не въ Корсунѣ, а въ Кіевѣ или селѣ Василевѣ. Итакъ, крещеніе въ Корсунѣ слѣдуетъ отнести къ области легенды. Сюда же относятся и сообщенія лѣтописи о приходѣ пословъ-проповѣдниковъ и объ испытаніи вѣръ, такъ какъ они не только не подтверждаются другими источниками, упоминающими о крещеніи Руси, но даже противорѣчатъ имъ. Такъ напр., «Слово о законѣ и благодати», написанное около половины XI вѣка кіевскимъ митрополитомъ Иларіономъ, прославляетъ князя Владиміра за принятіе христіанства особенно потому, что онъ обратился къ ученію Христову исключительно по собственному влеченію, а не благодаря чьей-нибудь проповѣди. Въ такомъ же смыслѣ говорится о крещеніи Владиміра и въ сказаніи о сыновьяхъ его Борисѣ и Глѣбѣ. Наконецъ, если даже допустить, что послы-проповѣдники дѣйствительно приходили къ князю, то рѣчи ихъ все же приходится считать вымышленными: вѣдь лѣтописецъ могъ передать ихъ буквально въ своемъ повѣствованіи только въ томъ случаѣ, если онѣ были записаны, а этого не могло быть, такъ какъ письменность стала распространяться на Руси лишь послѣ ея крещенія.

III. Составляя свое сказаніе, лѣтописецъ преслѣдовалъ не столько историческія, сколько поучительныя цѣли. Его сказаніе, какъ легко замѣтить, распадается на три части: приходъ пословъ-проповѣдниковъ, испытаніе вѣръ и походъ на Корсунь. Каждая изъ нихъ представляетъ собою разсказъ на поучительную тему о способахъ обращенія въ новую вѣру: въ первой говорится о проповѣди, во второй—

объ испытаніи вѣръ, въ третьей—объ обращеніи благодаря чуду (исцѣленію отъ болѣзни). Первая и вторая части имѣютъ еще и спеціальное назначеніе — доказать истинность православной греческой религіи и ея первенство надъ всѣми иновѣрными ученіями. Къ написанію повѣствованія въ такомъ духѣ побуждало лѣтописца, быть-можетъ, и то, что въ его время (начало XII вѣка) въ Кіевъ съѣзжались для торговли люди разныхъ народностей, разныхъ вѣроисповѣданій, которые могли распространять свои религіозные взгляды среди туземнаго населенія. Для опроверженія ихъ и написаны двѣ первыя части сказанія. При составленіи первой части лѣтописецъ пользовался, вѣроятно, болгарскимъ преданіемъ X или XI вѣка объ обращеніи въ христіанство болгарскаго князя Бориса; источникомъ же третьей части, повѣствующей о крещеніи Владиміра послѣ взятія Корсуня, была, повидимому, легенда, составленная въ концѣ XI или началѣ XII вѣка кѣмъ-нибудь изъ корсунянъ-грековъ, пріѣхавшихъ на Русь въ качествѣ духовныхъ лицъ. Итакъ, главная цѣль сказанія о крещеніи Владиміра заключается въ опроверженіи иновѣрія и въ доказательствѣ истинности православія.

Весьма возможно, что и сообщаемое лѣтописцемъ о характерѣ Владиміра до и послѣ крещенія имѣетъ тоже поучительный смыслъ. Такъ, вѣроятно, лѣтописецъ намѣренно преувеличилъ пороки Владиміра-язычника и подчеркнулъ достоинства и добродѣтели Владиміра-христіанина, чтобы показать, насколько перерождается человѣкъ отъ принятія христіанства.

Итакъ, лѣтописное сказаніе содержитъ, наряду съ правдой, легендарный элементъ. Другія же свидѣтельства [1]) о крещеніи Владиміра—слишкомъ кратки и неопредѣленны. Поэтому для объясненія обращенія въ христіанство князя Владиміра и Русской земли приходится прибѣгать къ соображеніямъ, вытекающимъ изъ изученія предшествующей русской исторіи.

Христіанство извѣстно было на Руси задолго до того времени, когда оно при Владимірѣ сдѣлалось господствующей религіей. Въ числѣ дружинниковъ первыхъ русскихъ князей было много варяговъ, исповѣдывавшихъ христіанство. При князѣ Игорѣ христіане имѣли уже въ Кіевѣ свою церковь, а, слѣдовательно, и своихъ священниковъ. Возможно, что именно эти варяжскіе священники побудили къ крещенію княгиню Ольгу. Супругъ ея Игорь не исповѣдывалъ открыто христіанства, быть можетъ, только потому, что боялся раздражить язычниковъ.

B. Крещеніе самого Владиміра.

Такимъ образомъ, ко времени вокняженія Владиміра христіанство вовсе не являлось чѣмъ-то невиданнымъ, необычнымъ на Руси, и есть основанія думать, что этотъ князь былъ особенно хорошо знакомъ

[1]) Напр. «Слово» Иларіона. Упоминанія о самомъ фактѣ крещенія Владиміра встрѣчаются также въ византійскихъ и арабскихъ хроникахъ.

съ нимъ. Вѣдь вмѣстѣ съ другими сыновьями Святослава онъ воспитывался Ольгой, а она должна была внушить своимъ воспитанникамъ уваженіе и склонность къ принятой ею вѣрѣ. Къ тому же среди женъ Владиміра было нѣсколько христіанокъ. На основаніи предшествующихъ соображеній легко понять, что Владиміръ, воспитанный христіанкой Ольгой, имѣвшій женъ-христіанокъ и окруженный дружинниками-христіанами, принялъ крещеніе по внутреннему убѣжденію. Крещенъ онъ былъ, повидимому, варяжскими священниками. Годомъ его крещенія принято считать 987 или 988 годъ, а мѣстомъ крещенія — Кіевъ или село Василево, вѣроятно, и прозванное такъ по христіанскому имени Владимира — Василій [1]). (Въ послѣдующее христіанское время у русскихъ князей также было въ обычаѣ носить два имени: одно — христіанское, другое — языческое; оффиціальнымъ именемъ было второе).

Г. Крещеніе народа.

Крестившись самъ, Владиміръ сталъ готовиться къ крещенію народа. Прежде всего ему слѣдовало позаботиться о приглашеніи на Русь духовенства, такъ какъ находившихся въ Кіевѣ варяжскихъ священниковъ было недостаточно для обращенія въ христіанство всей Русской земли. Поэтому, заключая миръ съ византійскими императорами послѣ взятія Корсуня и уступая имъ обратно этотъ городъ, Владиміръ уговорился съ ними относительно присылки необходимаго числа священниковъ изъ Греціи на Русь. Когда эти священники прибыли (въ началѣ прибыли только они, а черезъ нѣкоторое время [2]) пріѣхали на Русь митрополитъ и епископы, поставленные въ Греціи для Русской земли), было приступлено къ крещенію народа, начиная съ кіевлянъ. Вслѣдъ за ними были крещены жители Кіевской области, а затѣмъ въ теченіе остальныхъ 25 лѣтъ княженія Владиміру удалось крестить почти все чисто-славянское населеніе своей земли. Некрещенными при немъ остались инородческія (финскія) племена, а изъ славянскихъ — лишь радимичи и вятичи. Большая часть населенія принимала христіанство безъ сопротивленія; однако въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (напр. въ Новгородѣ) княжескимъ вое-

---

[1]) Къ лику святыхъ князь Владиміръ причисленъ былъ въ XIII вѣкѣ.

[2]) Ни годъ учрежденія русской митрополіи, ни имена первыхъ митрополитовъ съ достовѣрностью неизвѣстны. Въ послѣднее время въ исторической наукѣ высказывается догадка, будто Владиміръ, подобно Ольгѣ (см. прим. выше), добивался, чтобы Русь послѣ крещенія получила независимую церковную іерархію. Встрѣтивъ отказъ со стороны грековъ, онъ обратился будто бы къ Болгаріи, отъ которой и получилъ желаемую іерархію. Обращеніе къ Болгаріи было тѣмъ естественнѣе, что она имѣла богослужебныя книги, переведенныя на церковно-славянскій языкъ свв. Кирилломъ и Меѳодіемъ. Однако самостоятельность Русской Церкви продолжалась очень недолго, такъ какъ послѣ завоеванія Болгаріи Византіей (въ 1019 г.) и Болгарская и Русская Церкви оказались въ подчиненіи у Греческой.

водамъ, вводившимъ новую религію, приходилось прибѣгать даже къ оружію. Главными противниками ея были волхвы. Но противодѣйствіе волхвовъ не могло быть особенно сильнымъ, такъ какъ они не представляли сплоченной жреческой касты, а дѣйствовали въ-разбродъ. Громадное большинство русскаго населенія принимало новую религію лишь внѣшнимъ образомъ, и прежнія языческія вѣрованія продолжали жить на Руси наряду съ христіанскими, образуя такъ называемое двоевѣріе, или же остатки ихъ сохранялись въ видѣ суевѣрій.

Д. Просвѣщеніе народа.

Для того, чтобы превратить русскихъ людей изъ внѣшнихъ христіанъ въ настоящихъ, нужно было совершить огромную, долгую работу—сдѣлать крещеную Русь книжной и грамотной, т. е. просвѣтить народъ. Начало этой работѣ положено было уже Владиміромъ: по словамъ лѣтописи, онъ отдалъ въ обученіе пріѣзжимъ грекамъ и болгарамъ дѣтей знатныхъ русскихъ людей. Такимъ образомъ съ началомъ христіанства совпадаетъ на Руси начало просвѣщенія и распространенія новаго культурнаго вліянія. Это вліяніе было византійскимъ, потому что главными проводниками его были духовныя лица, а они подчинялись византійской культурѣ, ибо Русская Церковь въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ послѣ своего возникновенія находилась въ зависимости отъ Греческой.

Е. Устройство Русской Церкви.

Именно, Русская Церковь, получавшая своихъ представителей (митрополита и епископовъ) изъ Греціи, стала считаться одной изъ епархій (духовныхъ областей) Греческой Церкви и имѣла высшаго начальника въ лицѣ константинопольскаго патріарха. Власть патріарха сказывалась, главнымъ образомъ въ томъ, что онъ избиралъ и поставлялъ для Русской Церкви ея главнаго представителя—митрополита—изъ среды греческаго духовенства. Дѣйствительно, вплоть до XIV вѣка почти всѣ русскіе митрополиты были изъ грековъ. Митрополиту подчинены были епископы. Первоначально и они поставлялись только изъ грековъ, но впослѣдствіи ихъ стали избирать также изъ знатныхъ русскихъ людей, принявшихъ монашество. Митрополитъ и епископы, какъ увидимъ ниже, имѣли свой судъ, вѣдавшій обширный кругъ дѣлъ и служившій проводникомъ византійскаго права. Распространяя христіанство, Владиміръ заботился о постройкѣ церквей: по словамъ лѣтописи, онъ приказалъ ставить церкви въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прежде находились идолы. Изъ кіевскихъ церквей его времени извѣстны: церковь Св. Василія Блаженнаго и церковь въ честь Богородицы, прозываемая, обыкновенно, Десятинной. Такое названіе объясняется тѣмъ, что Владиміръ обѣщалъ жертвовать въ ея пользу десятую часть всѣхъ своихъ доходовъ.

Ж. Вліяніе христіанства на дѣятельность Владиміра.

Постепенное распространеніе христіанства и византійской культуры [1]) должно было способствовать объединенію и сплоченію различныхъ частей русской державы. Кромѣ того, вліяніе церкви весьма замѣтно и въ правительственной дѣятельности Владиміра: онъ часто совѣтовался съ епископами и поступалъ сообразно ихъ указаніямъ въ дѣлахъ внутренняго управленія. Духовенство давало религіозную опору княжеской власти.

Сближаясь съ высшимъ духовенствомъ, Владиміръ старался въ то же время поддерживать тѣсныя сношенія съ вліятельными горожанами и вообще съ мѣстнымъ населеніемъ. Однимъ изъ средствъ для этого были пиры, часто устраивавшіеся имъ. На пиры Владиміра, по словамъ лѣтописи, приглашались всѣ, даже самые бѣдные граждане; тѣмъ же, которые по болѣзни или старости не могли сами явиться на пиръ, княжескія яства привозились на домъ. Такая ласковость князя, его необыкновенное нищелюбіе создавали ему большую популярность, и память о немъ долго жила въ народѣ.

О пирахъ Владиміра-Краснаго Солнышка вспоминаютъ и народныя былины. Самъ князь въ этихъ былинахъ изображается обыкновенно только радушнымъ хозяиномъ, а не героемъ, но вокругъ него собираются всѣ богатыри его времени, они пируютъ въ его горницѣ, похваляются тамъ своими подвигами и замышляютъ новыя похожденія. Былины объясняютъ пиры Владиміра его веселостью, любовью къ дружинѣ, къ которой онъ былъ необыкновенно щедръ; лѣтопись и другія произведенія древней письменности, рисующія его образцомъ христіанина, видятъ въ пирахъ проявленіе христіанской добродѣтели—нищелюбія. Но весьма возможно, что сзывая и угощая народъ, Владиміръ руководился и политическимъ расчетомъ—завоевать симпатіи мѣстнаго населенія.

Изъ разсмотрѣнія дѣятельности Св. Владиміра видно, что онъ былъ очень способнымъ, умнымъ княземъ, имѣвшимъ громадное значеніе въ исторіи Кіевской Руси. Ему удалось собрать и до извѣстной степени объединить русскія области, привить имъ истинную религію и культуру и сблизить княжескую дружину съ мѣстнымъ, городскимъ населеніемъ.

---

[1]) Однимъ изъ признаковъ распространенія византійской культуры являются золотыя и серебряныя монеты, вычеканенныя при Владимірѣ по образцу византійскихъ. До Владиміра русскихъ металлическихъ монетъ не было.

§ 9. Междоусобія сыновей Владиміра.

А. Раздоры Владиміра съ сыновьями.

По свидѣтельству лѣтописи, у князя Владиміра было двѣнадцать сыновей [1]), которые еще при жизни отца получили въ свое управленіе различныя русскія области. Въ этихъ областяхъ они должны были быть только намѣстниками (посадниками) кіевскаго князя, подчиненными ему, но они не довольствовались такою ролью, стремились къ самостоятельности и изъ-за этого вступали въ раздоры съ отцомъ.

Такимъ образомъ еще при жизни Владиміра готовы были разразиться усобицы между князьями. Но онѣ разразились только послѣ его смерти, послѣдовавшей въ 1015 году.

В. Злодѣянія Святополка.

Кончина его вызвала въ Кіевѣ большое смятеніе, такъ какъ вопросъ о престолонаслѣдіи былъ нерѣшенъ. Любимый сынъ Владиміра Борисъ, на котораго многіе кіевляне смотрѣли, какъ на будущаго своего князя, ходилъ въ это время съ отцовской дружиной на печенѣговъ, а въ Кіевѣ, въ моментъ смерти Владиміра, оставался старшій сынъ его Святополкъ [2]). Пользуясь отсутствіемъ брата и дружины, Святополкъ провозгласилъ себя кіевскимъ княземъ и старался расположить къ себѣ вліятельныхъ кіевлянъ различными подарками. Онъ отправилъ также пословъ къ Борису, возвращавшемуся изъ похода, съ извѣщеніемъ о своемъ вокняженіи и обѣщалъ ему жить съ нимъ въ мирѣ и увеличить его владѣнія (при жизни отца Борисъ владѣлъ Ростовской землей). Дружина, находившаяся при Борисѣ, стала уговаривать его идти на Кіевъ, прогнать Святополка и сѣсть самому на отцовскомъ престолѣ. Борисъ колебался: онъ не желалъ начинать враждебныхъ дѣйствій противъ Святополка, уважая въ немъ старшаго брата, но не вѣрилъ и его искренности и не вполнѣ мирился съ его вокняженіемъ. Поэтому онъ въ нерѣшительности сталъ съ войскомъ недалеко отъ Кіева на берегу рѣки Альты. Видя колебанія вождя, большинство дружинниковъ покинуло Бориса и перешло въ Кіевъ на сторону Святополка. Послѣдній, не считая еще своего положенія достаточно упрочившимся и опасаясь возможнаго соперничества братьевъ, началъ дѣйствовать противъ нихъ при помощи наемныхъ убійцъ. Отъ ихъ руки палъ прежде всего Борисъ, а затѣмъ два другихъ его брата: Глѣбъ и Святославъ. Избивая братьевъ, Святополкъ захватывалъ ихъ земли и завладѣлъ такимъ образомъ доброй половиной отцовскаго княжества.

---

[1]) Именно: Изяславъ, Святополкъ, Мстиславъ, Вышеславъ, Ярославъ, Борисъ, Всеволодъ, Святославъ, Болеславъ, Глѣбъ, Станиславъ, Судиславъ.

[2]) Старѣйшій изъ сыновей Владиміра Изяславъ умеръ еще при жизни отца.

Б. Борьба Ярослава съ Святополкомъ.

Соперникомъ Святополка выступилъ новгородскій князь Ярославъ. Борьба между ними продолжалась три года (1016—1019) и шла съ перемѣннымъ успѣхомъ. Ярославу особенно помогали новгородцы и варяжскіе наемные дружинники, а Святополкъ дѣйствовалъ въ союзѣ съ печенѣгами [1]) и своимъ тестемъ польскимъ королемъ Болеславомъ Храбрымъ, которому онъ въ награду за поддержку уступилъ часть своихъ владѣній — земли на лѣвомъ берегу Буга и часть Галиціи. Послѣдняя рѣшительная битва между братьями произошла на рѣкѣ Альтѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ за нѣсколько лѣтъ до этого времени былъ убитъ Борисъ. Здѣсь Святополкъ потерпѣлъ пораженіе и бѣжалъ изъ Русской земли, а Ярославъ утвердился въ Кіевѣ.

Злодѣянія Святополка и его борьба съ Ярославомъ произвели сильное впечатлѣніе на современниковъ и послѣдующія поколѣнія и послужили темой для нѣсколькихъ сказаній, вошедшихъ въ лѣтопись. Въ этихъ сказаніяхъ Борисъ и Глѣбъ, предательски умерщвленные убійцами Святополка и причисленные къ лику святыхъ, изображаются идеаломъ христіанской добродѣтели, нравственности и смиренія, Святополкъ же, прозванный за братоубійства «Окаяннымъ», рисуется безжалостнымъ злодѣемъ, наказаннымъ при жизни маніей преслѣдованія, а послѣ смерти постигнутымъ ужасной карой: — могила его на страхъ всѣмъ убійцамъ испускала будто бы смрадъ. Что же касается Ярослава, то сказанія представляютъ его справедливымъ и великодушнымъ мстителемъ за братьевъ. Описаніе сраженій, происходившихъ между Ярославомъ и Святополкомъ, богато различными эпическими и анекдотическими подробностями. Объ этихъ же сраженіяхъ разсказываетъ польская хроника и одна скандинавская сага (Сага про Эймунда).

Г. Борьба Ярослава съ Мстиславомъ.

Послѣ побѣды при Альтѣ торжество Ярослава было не окончательнымъ: ему предстояло еще выдержать борьбу со своимъ братомъ Мстиславомъ, княжившимъ доселѣ въ отдаленной Тмутаракани и прославившимся тамъ своими подвигами, сдѣлавшими его любимцемъ дружины и героемъ преданій, подобно его дѣду Святославу. Въ предшествующихъ усобицахъ Мстиславъ не принималъ участія, но въ 1023 году онъ напалъ на Кіевъ, а въ слѣдующемъ году нанесъ Ярославу жестокое пораженіе. Однако, несмотря на свой успѣхъ, онъ не стремился къ обладанію кіевскимъ престоломъ, а удовольствовался тѣмъ, что, по договору съ Ярославомъ, взялъ себѣ области къ востоку отъ Днѣпра съ главнымъ городомъ Черниговымъ; западная же часть Русской земли съ Кіевомъ осталась за Ярославомъ. Послѣ дѣлежа земель братья стали жить мирно и дѣйствовать сообща.

---

[1]) Обращеніе Святополка за помощью къ печенѣгамъ было первымъ случаемъ призыва кочевниковъ къ вмѣшательству въ княжескія усобицы.

Мстиславъ умеръ въ 1036 году, и съ этого времени Ярославъ сдѣлался «единовластцемъ Русской земли». Власть его не распространялась только на Полоцкое княжество, расположенное по Березинѣ, Западной Двинѣ и верхнему Нѣману. Это княжество оставалось во владѣніи потомковъ Изяслава, сына Владиміра и Рогнѣды.

§ 10. Княженіе Ярослава.

А. Внѣшняя политика Ярослава.

Ярославъ продолжалъ дѣло своего отца. Главная забота его состояла въ томъ, чтобы вернуть подъ свою власть утраченныя владѣнія и расширить свое княжество. Съ этой цѣлью онъ велъ долгую и упорную борьбу съ Польшей, стремясь отобрать отъ нея земли, уступленныя Святополкомъ Болеславу. Борьба эта значительно облегчалась междоусобіями, начавшимися въ Польшѣ послѣ смерти Болеслава, и велась довольно успѣшно, такъ что западная граница Руси была возстановлена въ прежнемъ видѣ. Сѣверная граница расширилась, такъ какъ при Ярославѣ было совершено нѣсколько походовъ въ финскія земли, и въ Прибалтійскомъ краю построенъ былъ городъ Юрьевъ. На югѣ Русь менѣе, чѣмъ раньше, подвергалась набѣгамъ печенѣговъ, потому что они были сильно ослаблены наступавшими на нихъ узами или торками. Когда, тѣснимые послѣдними, печенѣги въ 1036 году нагрянули на Кіевскую область, Ярославъ нанесъ имъ окончательное пораженіе, послѣ котораго они уже не тревожили Русской земли.

Изъ внѣшнихъ предпріятій Ярослава слѣдуетъ упомянуть еще послѣдній русскій походъ на Византію 1043 г. Поводомъ къ нему послужили недоразумѣнія между греками и русскими купцами. Хотя походъ былъ довольно неудачнымъ (русскій флотъ, посланный подъ начальствомъ сына Ярослава Владиміра, потерпѣлъ пораженіе, а потомъ былъ разбитъ бурей), тѣмъ не менѣе удалось заключить прочный миръ съ греками, закрѣпленный бракомъ Ярославова сына Всеволода съ родственницей императора Константина Мономаха.

Б. Сношенія Ярослава съ иностранными государствами.

Ярославъ вообще любилъ родниться съ иностранными дворами. Самъ онъ былъ въ супружествѣ со шведской принцессой (Ингигердой), одна изъ дочерей его Анна—была замужемъ за французскимъ королемъ Генрихомъ I, другая—за королемъ Норвегіи—Гаральдомъ Смѣлымъ; сыновья его женились на нѣмецкихъ принцессахъ. Связи съ иностранными дворами не ограничивались брачными союзами: со многими государями Европы Ярославъ вступалъ въ дипломатическія сношенія, а съ императоромъ Генрихомъ II, еще во время своей борьбы со Святополкомъ, заключилъ формальный союзъ, но не извлекъ изъ него никакой пользы. При дворѣ Ярослава находили себѣ пріютъ иностранные принцы,

почему-либо изгоняемые изъ отечества, и вообще русскій князь отличался такою любовью къ иноземцамъ, въ особенности же къ своей варяжской дружинѣ, что возбуждалъ даже нареканія со стороны русскаго населенія.

В. Внутренняя дѣятельность Ярослава.

О внутренней дѣятельности Ярослава сохранилось немного свѣдѣній. Извѣстно однако, что онъ пользовался славой хорошаго правителя и заслужилъ у послѣдующихъ поколѣній прозваніе «Мудраго». Издавна приписывали ему составленіе перваго сборника русскихъ законовъ — такъ называемой «Русской Правды». Нѣкоторыя постановленія «Правды» относятся дѣйствительно ко времени Ярослава, но, какъ будетъ показано ниже, самый сборникъ составленъ не имъ. Въ дѣлахъ, касавшихся Церкви, Ярославъ успѣшно продолжалъ дѣятельность своего отца. Онъ заботился о дальнѣйшемъ распространеніи христіанства и объ интересахъ русскаго духовенства. По его желанію, соборъ русскихъ епископовъ (въ 1051 году) поставилъ перваго кіевскаго митрополита изъ русскихъ (до Ярослава и послѣ него, какъ сказано выше, кіевскіе митрополиты назначались изъ среды греческаго духовенства константинопольскимъ патріархомъ). Поставленіемъ русскаго митрополита Ярославъ, быть можетъ, хотѣлъ ослабить зависимость Русской Церкви отъ Греческой. Но онъ не избѣгалъ культурныхъ заимствованій изъ Византіи. Напротивъ, византійское вліяніе распространялось при немъ очень широко. Вещественными памятниками его могутъ, напр., служить постройки времени Ярослава, сооруженныя или непосредственно греческими мастерами или же русскими мастерами по греческимъ образцамъ. Къ числу такихъ построекъ относятся, главнымъ образомъ, церкви, важнѣйшими изъ которыхъ были два великолѣпныхъ храма въ честь Св. Софіи (Премудрости Божіей): въ Кіевѣ и Новгородѣ. Кромѣ церквей, Ярославъ воздвигалъ и монастыри. Такъ, при немъ были учреждены два первыхъ монастыря въ Кіевѣ: мужской и женскій (Св. Георгія и Св. Ирины). Основаніе важнѣйшаго изъ монастырей древней Руси—такъ называемой Кіево-Печерской лавры — также относится къ концу его княженія или къ началу княженія его преемника.

Появленіе монашества при Ярославѣ свидѣтельствуетъ о нѣкоторыхъ успѣхахъ христіанской религіи на Руси, но для дальнѣйшаго развитія ихъ необходимо было просвѣщеніе народа. Въ этомъ отношеніи Ярославъ сдѣлалъ очень много. Онъ устроилъ при кіевскомъ храмѣ Св. Софіи обширную для того времени библіотеку и приглашалъ въ Кіевѣ переписчиковъ и переводчиковъ собранныхъ тамъ священныхъ книгъ. Весьма вѣроятно также извѣстіе, что Ярославъ сталъ заводить школы для русскихъ дѣтей. Самъ онъ, какъ о томъ свидѣтельствуютъ лѣтописцы, отличался образованностью и «прилежаніемъ къ книгамъ», т. е. начитанностью.

Скончался Ярославъ въ 1054 году.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Дробленіе и упадокъ Кіевской Руси.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Выясненіе общихъ причинъ упадка.

§ 1. Кіевская Русь въ періодъ ея расцвѣта и причины ея упадка.

При Ярославѣ Мудромъ Кіевское княжество находилось въ цвѣтущемъ состояніи. Въ составъ его входили всѣ области, заселенныя восточными славянами (за исключеніемъ княжества Полоцкаго), а также нѣкоторыя финскія земли, такъ что оно охватывало громадное пространство отъ Ладожскаго озера до устьевъ рѣки Роси (праваго притока Днѣпра) и Ворсклы (лѣваго притока Днѣпра) и отъ устья Клязьмы до верховьевъ Западнаго Буга. Кіевской Руси принадлежала еще Тмутаракань. Войны Ярослава, въ особенности побѣда его надъ печенѣгами, обезопасили на нѣкоторое время Русскую землю отъ нападенія враговъ. Внѣшней силѣ государства соотвѣтствовало внутреннее благосостояніе, обусловливаемое широкимъ развитіемъ торговли. Принятіе христіанства и распространеніе просвѣщенія дѣлали Русь страною культурной. Однако процвѣтаніе ея было очень недолгимъ.

Постепенный упадокъ Кіевской Руси сталъ сказываться вскорѣ послѣ смерти Ярослава. Главными причинами его были: съ одной стороны—дробленіе Руси на части и междоусобія князей-преемниковъ Ярослава, съ другой стороны — возобновившіяся нападенія на Русскую землю степныхъ кочевниковъ. Эти бѣдствія вели къ ослабленію внѣшней силы Кіевской Руси и тяжко отзывались на народной жизни.

§ 2. Начало дробленія Кіевскаго государства.

Дробленіе Кіевскаго государства началось тотчасъ послѣ Ярослава [1]). Еще при жизни онъ, подобно Владиміру, поручилъ своимъ сыновьямъ управленіе нѣкоторыми областями; передъ смертью же произвелъ окончательный раздѣлъ своихъ владѣній. По этому раздѣлу старшій сынъ его Изяславъ получилъ Кіевскую землю (т. е.

[1]) Чтобы избѣжать всякихъ недоразумѣній, нужно сдѣлать слѣдующія оговорки относительно обозначеній, которыя встрѣтятся въ дальнѣйшемъ изложеніи: 1) Совокупность всѣхъ земель, входившихъ въ составъ Кіевскаго княжества до его раздѣленія Ярославомъ, будетъ обозначаться названіемъ «Кіевская Русь», «Русская земля» или просто «Русь». 2) Крупныя части Кіевской Руси, образовавшіяся послѣ раздѣленія, будутъ называться «землями», «областями», иногда «княжествами». Слѣдовательно, выраженіе «Кіевская земля», «Кіевская область» или «Кіевское княжество» въ дальнѣйшемъ будетъ употребляться въ смыслѣ округа города Кіева — именно

область, заселенную полянами и древлянами), Турово-Пинскую (расположенную по среднему теченію Припети) и Новгородско-Псковскую, второй сынъ Святославъ—Черниговскую, часть Сѣверской, Муромскую и Тмутараканьскую; третій—Всеволодъ—Переяславскую и Ростово-Суздальскій край по верхнему Поволжью: четвертый сынъ, Игорь—получилъ Волынскую землю; пятый—Вячеславъ—Смоленскую. Кромѣ сыновей, Ярославу пришлось надѣлить и внука своего — Ростислава (сына Владиміра Ярославича, умершаго ранѣе кончины отца). Ему досталась Галицкая область.

Дробленіе Русской земли не ограничилось указаннымъ раздѣломъ: по мѣрѣ разростанія княжескаго рода, земли Ярославовыхъ сыновей распадались на болѣе мелкія части — «волости», распредѣлявшіяся между ихъ потомками. Это распредѣленіе сопровождалось почти всегда междоусобіями и раздорами князей. Ярославъ предвидѣлъ возможность такихъ раздоровъ и старался предупредить ихъ. Такъ, по словамъ лѣтописца, онъ передъ смертью призвалъ своихъ дѣтей, завѣщалъ имъ жить другъ съ другомъ въ мирѣ и согласіи, не губить распрями Русской земли и поручилъ старшему сыну Изяславу быть вмѣсто отца для своихъ братьевъ. Но завѣщаніе Ярослава не было исполнено: его сыновья и, въ особенности, внуки и правнуки не жили въ мирѣ, а почти безпрерывно враждовали другъ съ другомъ, такъ что въ теченіе 170 лѣтъ послѣ кончины Ярослава (отъ 1055 до 1225 гг.) было только 90 лѣтъ мирныхъ, а остальныя 80 прошли въ усобицахъ.

§ 3. Причина княжескихъ усобицъ.

Борьба велась изъ-за волостей: каждый князь требовалъ себѣ какую-нибудь волость, но рѣдко довольствовался тѣмъ, что получалъ. Въ большинствѣ случаевъ, князья стремились «передвинуться» изъ доставшихся имъ княжествъ въ лучшія или захватить сразу нѣсколько волостей, чтобы управлять ими единолично, а иногда при посредствѣ ближайшихъ родственниковъ (обыкновенно — сыновей). Больше всего добивались они полученія Кіевскаго княжества, какъ самаго значительнаго и доходнаго. Княжеская *передвижка* изъ одной волости въ другую считалась, повидимому, естественнымъ явленіемъ,

---

области, заселенной полянами и древлянами. (Опредѣлить вполнѣ точно границы Кіевской земли нельзя, такъ какъ онѣ подвергались измѣненіямъ. Приблизительно она соотвѣтствуетъ большей части нынѣшней Кіевской губерніи, восточной половинѣ Волынской, небольшой части Подольской и западнымъ отрѣзкамъ Черниговской и Полтавской). 3) Такъ какъ, по мѣрѣ размноженія членовъ княжескаго рода, земли дробились на болѣе мелкія части, дѣлавшіяся въ свою очередь княжествами, то эти части, въ отличіе отъ «земель», будутъ называться «волостями». Иногда эти волости состояли изъ одного города съ его окрестностями. Напр.: въ Кіевской землѣ были волости-города: Вышгородъ, Бѣлгородъ, Торческъ, Каневъ и др.

если она подчинялась извѣстному порядку. О сущности этого порядка можно судить по раздѣлу, произведенному Ярославомъ: онъ распредѣлилъ свои владѣнія такъ, что старшіе сыновья его получили лучшія и болѣе богатыя области, а младшимъ достались бѣдныя и незначительныя земли. Въ послѣдующее время также признавалось правильнымъ, чтобы на Кіевскомъ престолѣ сидѣлъ старѣйшій въ княжескомъ родѣ, и чтобы его преемникомъ былъ слѣдующій по старшинству, волость котораго, послѣ его вокняженія въ Кіевѣ, должна была переходить къ третьему по старшинству и т. д. [1]). Однако, хотя такой порядокъ «владѣнія по старшинству» почти всѣми признавался, лишь очень немногіе соблюдали его на дѣлѣ. При каждомъ распредѣленіи волостей оказывались обдѣленные или недовольные, и поэтому среди членовъ княжескаго рода шли безпрерывные споры и усобицы. Посредствомъ усобицъ одни князья старались возстановить попранныя права старшинства, а другіе, не взирая на эти права, просто занимались «добываніемъ столовъ» (т. е. княжескихъ престоловъ), разсуждая, что «не мѣсто идетъ къ человѣку, а человѣкъ къ мѣсту». Бывали и такіе князья, которые, не довольствуясь незаконнымъ владѣніемъ волостями при жизни, хотѣли распоряжаться ихъ судьбой и послѣ своей смерти, оставляя ихъ по завѣщанію своимъ близкимъ родственникамъ.

§ 4. Средства противъ усобицъ.

А. Власть Кіевскаго князя.

Прекратить княжескія усобицы было нелегко. Сдерживать ихъ долженъ былъ князь кіевскій, какъ старѣйшій и называемый иногда «великимъ княземъ» [2]). Однако онъ могъ пользоваться правами старшинства только въ томъ случаѣ, если былъ самъ-по-себѣ силенъ и могучъ и обладалъ достаточнымъ авторитетомъ. Въ противномъ же случаѣ его старшинство ничего не значило, и онъ не имѣлъ никакой власти надъ другими князьями, такъ какъ они были самостоятельными государями и обязаны были почитать старшаго только «какъ отца».

Б. Княжескіе ряды и съѣзды.

Поэтому, при слабости кіевскаго князя, единственнымъ средствомъ для полюбовнаго рѣшенія споровъ былъ договоръ или «рядъ», т. е. частное соглашеніе соперниковъ по спорному вопросу. Но нерѣдко такіе

[1]) Права старшинства переходили не по вертикальной линіи (отъ отца къ старшему сыну), а по горизонтальнымъ: отъ брата къ слѣдующему брату, затѣмъ къ слѣдующему и т. д., а отъ младшаго брата къ старшему его племяннику, т. е. старшему сыну старшаго брата, потомъ къ слѣдующему племяннику и т. д.

[2]) Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить что—наименованіе «великій князь» было только почетнымъ названіемъ, а не оффиціальнымъ титуломъ. Лѣтопись иногда называетъ Кіевскаго князя царемъ.

частные ряды не достигали своей цѣли, и тогда нѣсколько князей собирались на съѣздъ, гдѣ совмѣстно обсуждали способы распредѣленія волостей и прекращенія смутъ. Простѣйшимъ способомъ было установленіе такого порядка, при которомъ князья-сыновья владѣли бы «отчиной», т. е. тѣмъ, чѣмъ владѣли отцы. Такой способъ и предложенъ былъ на первомъ княжескомъ съѣздѣ (въ Любечѣ, въ 1097 г.), и въ послѣдующее время получилъ широкое примѣненіе, вытѣсняя прежнее владѣніе по старшинству. При размноженіи членовъ княжескаго рода и происходящей изъ-за этого трудности распредѣленія всѣхъ волостей по старшинству, установленіе «отчины», т. е. владѣнія отцовскимъ наслѣдіемъ, было неизбѣжнымъ.

В. Владѣніе «отчиной» (съ 1097 г.).

Этотъ новый порядокъ приводилъ къ тому, что Русская земля постепенно распадалась на области, находившіяся въ наслѣдственномъ владѣніи княжескихъ линій, изъ которыхъ каждая вела свое происхожденіе отъ опредѣленнаго предка и называлась по его имени. Такъ, напр., были линіи Святославичей, Ольговичей, Мономаховичей, Ростиславичей и. т. д. Князья, принадлежащіе къ такой линіи, раздѣляли свою «отчину» между собой, устанавливая въ ней «большій столъ» (т. е. главное княжество) и меньшіе столы, которыми они владѣли по старшинству [1]). Старѣйшій представитель линіи, сидѣвшій на большемъ столѣ, имѣлъ по отношенію къ своимъ младшимъ сородичамъ такія же права, какъ кіевскій князь по отношенію ко всѣмъ другимъ. Изъ областей, на которыя къ XII вѣку разложилась Русская земля, важнѣйшими были слѣдующія: Черниговская, Смоленская, Полоцкая, Ростовская, Волынская, Галицкая, Муромо-Рязанская. Они находились въ отчинномъ владѣніи. Земли же Кіевская, Переяславская, Новгородская не утвердились наслѣдственно ни за одной княжеской линіей: ожесточенная борьба за обладаніе ими продолжалась.

§ 5. Научныя объясненія междукняжескихъ отношеній.

Вопросъ о причинахъ дробленія Руси и о сущности междукняжескихъ отношеній разрѣшался въ наукѣ неодинаково. Одни ученые, выдвигая на первый планъ безпрестанныя княжескія усобицы, придерживаются взгляда, что въ Кіевскій періодъ не было никакого точнаго порядка ни въ раздѣленіи Русской земли на волости, ни въ распредѣленіи

А. Теорія «добыванія столовъ».

[1]) Правильнѣе всего соблюдался порядокъ владѣнія по старшинству въ предѣлахъ Черниговской волости, гдѣ братья переходили по очереди старшинства съ одного стола на другой, а за ними въ томъ же порядкѣ переходили ихъ сыновья. Такимъ образомъ сама Черниговская земля находилась въ отчинномъ владѣніи, а ея части—во владѣніи по старшинству.

ихъ между князьями. По мнѣнію этихъ ученыхъ, князья, не основываясь ни на какомъ правѣ, кромѣ права сильнаго, просто захватывали волости и лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ упорядочивали свои взаимныя отношенія рядами или постановленіями съѣздовъ, которыя имѣли лишь частное, а не общее значеніе.

Б. Теоріи автономіи областей и обособленія племенъ.

Другіе ученые объясняютъ дробленіе Русской земли тѣмъ, что городовыя волости, изъ которыхъ она сложилась, стремились къ автономіи (т. е. самостоятельности и самоуправленію). Третьи полагаютъ, что славянскія племена, вошедшія въ составъ Кіевской Руси, не успѣли еще слиться въ одну народность и тянули врозь, чѣмъ и обусловливались раздѣлы.

В. Теорія очереднаго порядка.

Какъ видно изъ изложеннаго, всѣ вышеприведенныя мнѣнія объясняютъ дробленіе Руси на волости вполнѣ конкретными фактами (захватами князей, обособленіемъ городовыхъ волостей и розньею племенъ), а не какими-либо отвлеченными соображеніями князей, занимавшихъ отдѣльныя волости. Однако, въ наукѣ существуетъ еще и четвертое мнѣніе, раздѣляемое очень многими историками, будто у князей Кіевскаго періода былъ выработанъ опредѣленный взглядъ на характеръ своей власти надъ Русской землей, и установленъ особый порядокъ владѣнія ея волостями, и что именно вслѣдствіе его примѣненія Русь дробилась на части. Сторонники указаннаго мнѣнія называютъ этотъ порядокъ очереднымъ порядкомъ княжескаго владѣнія и опредѣляютъ его сущность слѣдующимъ образомъ:

Власть надъ Русской землей принадлежитъ совмѣстно всему княжескому роду,—именно: каждый членъ его имѣетъ право на владѣніе тою или другой областью въ зависимости отъ своего старшинства, т. е. старшій въ родѣ получаетъ важнѣйшую по значенію и по доходности область (таковою была область Кіевская вмѣстѣ съ Новгородской), второй по старшинству получаетъ слѣдующую по важности область, третьему достается третья по своимъ качествамъ область и т. д.

Права старшинства переходятъ не по вертикальной линіи (какъ это обыкновенно бываетъ въ царствующихъ династіяхъ, гдѣ верховная власть переходитъ отъ отца къ старшему сыну и отъ него къ старшему внуку), а по горизонтальнымъ линіямъ, т. е. отъ брата—къ слѣдующему брату, затѣмъ къ слѣдующему и такъ далѣе до младшаго брата, а послѣ него къ старѣйшему его племяннику, т. е. къ старшему сыну его старшаго брата, затѣмъ къ слѣдующему племяннику и такъ далѣе въ томъ же порядкѣ. Такимъ образомъ, при перемѣнахъ въ княжескомъ родѣ, происходящихъ отъ умиранія старшихъ и рожденія новыхъ князей, младшіе по очереди старшинства должны занимать освобождающіяся области старшихъ, передавая

свои владѣнія болѣе младшимъ, и такимъ путемъ, постепенно передвигаясь, они приближаются къ обладанію великимъ княжествомъ. Это приближеніе къ кіевскому столу (т. е. престолу) называлось «лѣствичнымъ восхожденіемъ». Благодаря постепенной княжеской передвижкѣ, Русская земля должна были дробиться не на опредѣленное количество частей, которыя находились бы въ прочномъ владѣніи какого-нибудь княжескаго колѣна, а должна была постоянно передѣляться въ зависимости отъ наличнаго числа князей. Послѣдніе являлись «подвижными обладателями» своихъ земель, перекочевывавшими въ другія, по мѣрѣ ихъ освобожденія. Итакъ, основными чертами указаннаго порядка являются слѣдующія: 1) дробленіе русской территоріи сообразно количеству князей, 2) соотвѣтствіе значенія областей старшинству князей, 3) «подвижной», очередной характеръ княжескаго владѣнія. Только въ одномъ опредѣленномъ случаѣ не должна была происходить передвижка князей. Именно, если какой-нибудь князь умиралъ, не достигнувъ кіевскаго княженія, то его сыновья и вообще все его потомство какъ бы выкидывалось изъ очереди, лишалось права продолжать «лѣствичное восхожденіе». Такіе преждевременно оспротѣвшіе князья получали названіе «изгоевъ» [1]); они должны были довольствоваться тѣми волостями, которыя получали отъ своихъ полноправныхъ сородичей.

Г. Объясненіе происхожденія очередного порядка.

Таковъ былъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, очередной порядокъ, опредѣлявшій междукняжескія отношенія въ Кіевскій періодъ. Происхожденіе его объясняется тѣмъ, что среди князей того времени установился взглядъ на Русскую землю, какъ на свое родовое владѣніе. Существованіе такого взгляда весьма естественно: вѣдь князья Ярославичи едва ли ясно сознавали различіе между управленіемъ государствомъ и владѣніемъ собственностью; понятіе же родовой собственности они могли заимствовать у своихъ подданныхъ, въ жизни которыхъ сохранилось не мало пережитковъ родового быта, хотя самъ онъ уже отошелъ въ область преданій.

Д. Выводъ.

Итакъ, въ исторической наукѣ существуютъ четыре главнѣйшихъ мнѣнія относительно причинъ дробленія Руси и характера междукняжескихъ отношеній. Трудно сказать, которое изъ этихъ мнѣній болѣе соотвѣтствуетъ

---

[1]) Слово «изгой» значитъ «изжитой», т. е. выкинутый изъ обычной колеи. Такъ назывались въ древней Руси люди, потерявшіе права своего прежняго состоянія. Именно, къ изгоямъ причислялись: 1) неграмотныя дѣти священниковъ (не имѣющія, слѣдовательно, возможности сами сдѣлаться священниками), 2) разорившіеся купцы, 3) холопы (рабы), выкупившіеся изъ холопства, 4) оспротѣвшіе преждевременно князья.

Существуетъ, впрочемъ, въ наукѣ мнѣніе, что княжеское изгойство основано было не на правѣ, а просто на злоупотребленіяхъ старшихъ сородичей, обижавшихъ младшихъ князей, за которыхъ не могъ вступиться ихъ отецъ.

дѣйствительности, такъ какъ судить о ней можно только по тѣмъ даннымъ, которыя сообщаются лѣтописями, а лѣтописи повѣствуютъ лишь о безпорядочныхъ усобицахъ и разсказываютъ кое-что о княжескихъ переговорахъ. Вѣроятнѣе всего предположить, что очередной порядокъ признавался въ теоріи, какъ нѣчто идеальное, на практикѣ же соблюдался крайне рѣдко. Это утверждаютъ и ученые, доказывающіе существованіе его. Именно, они полагаютъ, что мудреный очередной порядокъ подтачивался съ двухъ сторонъ:—сверху, т. е. со стороны князей, постоянно нарушавшихъ его своими усобицами, и снизу,—т. е. со стороны русскихъ городовъ, которые въ лицѣ своихъ вѣчъ очень часто вмѣшивались въ распорядокъ княжескаго владѣнія.

§ 6. Вліяніе княжескихъ усобицъ на жизнь русскихъ городовъ и вмѣшательство городовъ въ междукняжескія отношенія.

Русскіе города не могли оставаться равнодушными зрителями междукняжескихъ отношеній, потому что эти послѣднія тяжко отзывались на городскомъ и вообще земскомъ благосостояніи. Уже самая передвижка князя изъ одной волости въ другую въ большинствѣ случаевъ была очень невыгодна для мѣстнаго населенія: князь, являясь въ волость въ качествѣ временнаго гостя и не разсчитывая долго удержаться въ ней, стремился какъ можно скорѣе извлечь побольше выгодъ изъ своего управленія. Также смотрѣли на дѣло и приходившіе вмѣстѣ съ княземъ дружинники, изъ среды которыхъ назначались важнѣйшія должностныя лица. Такимъ образомъ, при каждомъ переходѣ волости отъ одного владѣтеля къ другому, мѣстное населеніе должно было приспособляться не только къ характеру новаго князя, но и къ привычкамъ его дружинниковъ и страдать отъ ихъ алчности. А между тѣмъ такой переходъ совершался очень часто. (Такъ напримѣръ, за время отъ 1054 до 1202 г. въ одномъ Кіевскомъ княжествѣ князья смѣнялись сорокъ разъ).

Особенно страдало населеніе отъ усобицъ, предшествовавшихъ каждой такой смѣнѣ. Бѣдствія усугублялись еще тѣмъ, что князья вмѣшивали въ свои распри иноземцевъ: поляковъ, чеховъ, венгровъ и степныхъ кочевниковъ-половцевъ, нашествія которыхъ были особенно губительны. Объ этихъ бѣдствіяхъ можно судить по краткимъ, но достаточно краснорѣчивымъ извѣстіямъ лѣтописцевъ о переговорахъ, происходившихъ между князьями и городскими вѣчами.

Вѣча жаловались князьямъ на назначенныхъ ими должностныхъ лицъ, на разореніе города и волости, на плѣненіе и избіеніе многихъ жителей, на различныя «тяготы» и «напасти», причиненныя кочевниками.

Однако вѣча не ограничивались только жалобами, а вмѣшивались въ междукняжескія отношенія. Княжеской власти они не отрицали, но, когда представлялась возможность, энергично боролись съ неугодными для горожанъ князьями, изгоняли ихъ изъ волости и призывали тѣхъ князей, которыхъ считали народолюбцами, отъ которыхъ ждали защиты своихъ интересовъ и обороны Русской земли отъ половцевъ; напротивъ, князья, пользовавшіеся при усобицахъ половецкой помощью, встрѣчали со стороны вѣчъ неизмѣнно самое безпощадное осужденіе.

§ 7. Половецкія нашествія.

Ненависть русскихъ людей къ половцамъ весьма понятна, такъ какъ половецкія нашествія были жестокимъ бичомъ для всего населенія. Какъ уже сказано выше, Русскому государству съ самаго времени его основанія приходилось вести борьбу со степью. Съ печенѣгами и торками борьба велась довольно успѣшно, но обстоятельства измѣнились, когда въ половинѣ XI вѣка господство въ южнорусскихъ степяхъ перешло къ половцамъ.

Начиная съ 1061 г., когда лѣтопись отмѣчаетъ первое ихъ нападеніе, и кончая 1210 годомъ, половцы сдѣлали 46 крупныхъ набѣговъ на Русь да еще множество мелкихъ. Чаще всего подвергались ихъ опустошеніямъ Переяславское княжество (19 разъ) и Кіевское (16 разъ).

Естественно, что для успѣшной борьбы съ половцами русскіе князья прилагали всѣ свои старанія: соединенными силами они отправлялись на врага въ глубь степей (особенно удачны были походы, совершенные подъ руководствомъ внука Ярослава — Владиміра Всеволодовича, по прозванію Мономаха, въ 1103 и 1111 гг.); они строили валы и крѣпости на степной границѣ и заселяли ее различными кочевыми народцами, которые прежде были покорены половцами, и потому питали вражду къ послѣднимъ. Такими народцами были: турпѣи, берендѣи, торки и пр., извѣстные у русскихъ подъ общимъ названіемъ «Черныхъ Клобуковъ» [1]).

Заселеніе границы было въ высшей степени цѣлесообразной мѣрой, такъ какъ, уводя изъ степей племена, покоренныя половцами, русскіе князья ослабляли послѣднихъ, а, кромѣ того, создавали противъ нихъ оплотъ изъ инородцевъ, знакомыхъ съ пріемами кочевнической борьбы. Довольно часто князья должны были дѣйствовать противъ половцевъ дипломатическимъ путемъ: они стремились возмутить противъ половецкаго господства подвластныя племена, остававшіяся еще въ степи, старались посѣять вражду въ средѣ самихъ половцевъ,

[1]) Такъ называли ихъ потому, что они носили черныя мѣховыя шапки.

сближаясь съ нѣкоторыми ихъ ханами, вступая съ ними въ брачные союзы и «омиряя» ихъ, т. е. одѣляя ихъ деньгами и подарками за заключеніе мира.

Однако главное средство оборонительной борьбы—заселеніе южной границы Черными Клобуками имѣло свою оборотную сторону. Черные Клобуки въ новыхъ мѣстахъ жительства сохраняли свои старыя привычки и прежнія формы быта и пользовались независимостью отъ кіевскихъ князей (у нихъ были свои собственные князьки). Поэтому они плохо поддавались обрусѣнію, мало привязывались къ русскимъ интересамъ и нерѣдко передавались на сторону половцевъ.

§ 8. Вліяніе половецкихъ нашествій и княжескихъ усобицъ на общественный бытъ.

Княжескія усобицы и набѣги половцевъ гибельно вліяли на Русь. Кіевская торговля съ XII вѣка стала падать, такъ какъ въ странѣ царилъ безпорядокъ, и половцы захватили важнѣйшіе торговые пути. Не менѣе страдало земледѣліе, потому что каждый крупный половецкій набѣгъ разорялъ нѣсколько тысячъ хозяйствъ. Послѣдствія такого разоренія были неодинаковы для богатыхъ крупныхъ землевладѣльцевъ и для простого сельскаго земледѣльческаго класса—такъ называемыхъ «смердовъ». Послѣ вражескаго нашествія богатый человѣкъ могъ оправиться, возстановить разореное хозяйство, получить новыхъ рабочихъ вмѣсто взятыхъ въ плѣнъ. Въ иномъ положеніи были смерды: цѣлыми массами они избивались или уводились въ плѣнъ и обращались въ рабство, а тѣ, которые избѣгали подобной участи, все же оказывались совершенно выбитыми изъ колеи: они не въ состояніи были собственными средствами привести въ порядокъ опустошенное хозяйство или завести его въ новомъ мѣстѣ; имъ приходилось брать взаймы у богатыхъ и выплачивать долги своей даровой работой. Такіе должники, отрабатывающіе свой долгъ, назывались «наймитами» или «закупами». Закупы легко могли попасть и въ рабское состояніе.

Рабовладѣніе существовало у восточныхъ славянъ съ древнѣйшихъ временъ, а начиная съ X вѣка у нихъ сильно развилась работорговля: рабы (называемые, обыкновенно, челядью или холопами) во множествѣ вывозились на иноземные рынки и продавались тамъ наряду съ мѣхами, воскомъ, медомъ и прочими предметами вывоза. Главнымъ источникомъ рабства были войны, такъ какъ восточные славяне имѣли обычай порабощать плѣнныхъ враговъ,—не только иноплеменниковъ, но и соотечественниковъ, захваченныхъ при междоусобныхъ войнахъ. Положеніе холоповъ было крайне тяжелымъ: на нихъ смотрѣли не какъ на людей, а какъ на движимое имущество господъ.

§ 9. Признаки упадка Кіевской Руси.

Изъ вышеизложеннаго выяснилось, что три недуга подтачивали благосостояніе Кіевской Руси, вносили полное разстройство въ ея жизнь: половецкія нашествія разрушали ее извнѣ, княжескія усобицы терзали ее изнутри, а несовершенство общественнаго порядка, сказывавшееся въ широкомъ распространеніи рабовладѣнія и упадкѣ сельскаго населенія, вызывало большое недовольство въ средѣ низшихъ слоевъ кіевскаго общества, которые притомъ больше всѣхъ страдали и отъ половцевъ, и отъ княжескихъ неурядицъ. Все это приводило къ тому, что Кіевская Русь стала постепенно клониться къ упадку.

А. Запустѣніе Кіевской Руси.

Признаки такого упадка можно видѣть въ слѣдующемъ:

Подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ условій многія мѣстности Кіевской Руси приходили въ запустѣніе. Замираніе сельской жизни картинно изображено авторомъ «Слова о полку Игоревѣ», который говоритъ, что изъ-за княжескихъ усобицъ и половецкихъ нашествій «по Русской землѣ рѣдко покрикивали пахари, за то часто каркали вороны, дѣля между собою трупы»... Пустѣли не одни поля, но и города и даже цѣлыя области.

Такое запустѣніе объясняется не только непосредственнымъ вліяніемъ княжескихъ смутъ и набѣговъ половцевъ, но и тѣмъ, что населеніе отливало изъ Приднѣпровскаго края, гдѣ ему жилось тяжело и тревожно, и переходило въ болѣе спокойныя мѣста: на западъ, въ область верхняго Днѣстра и Вислы—въ Волынь, Галицію и Полѣсье, и на сѣверо-востокъ—въ сѣверную часть Черниговской волости и далѣе въ Поволжье. Этотъ постепенный отливъ населенія изъ Приднѣпровья, начавшійся въ концѣ XII в., способствовалъ его упадку и въ то же время содѣйствовалъ возникновенію новыхъ политическихъ центровъ въ тѣхъ мѣстахъ, куда направлялась колонизація. Изъ Кіевской Руси выселялись не только земледѣльцы, но также промышленники и купцы: Приднѣпровье теряло для нихъ свою притягательную силу вслѣдствіе ослабленія его торговли.

Б. Паденіе политическаго значенія Кіева.

По мѣрѣ упадка торговли, являвшейся для Кіева главной живительной силой, городъ этотъ утрачивалъ свое важное политическое значеніе. Начиная съ послѣдней трети XII вѣка политическимъ центромъ Руси становился новый городъ, основанный въ Поволжьѣ, въ Ростово-Суздальскомъ краю,—Владиміръ-на-Клязьмѣ. Изъ юго-западныхъ же земель съ конца XII вѣка стала возвышаться Галиція. И Владимірскіе, и Галицкіе князья стремились унизить Кіевъ, поставить его подъ свою опеку. Естественно по-

этому, что владѣніе кіевскимъ престоломъ сдѣлалось уже не столь заманчивымъ, и за обладаніе имъ боролись между собою уже второстепенные князья.

Около половины XIII вѣка произошли событія, окончательно подорвавшія политическое значеніе Кіева. Изъ Азіи нахлынули на Русь новые, наиболѣе опасные кочевники—татары. При первомъ своемъ нашествіи они въ 1223 году нанесли страшное пораженіе соединеннымъ силамъ южно-русскихъ князей, а во время второго нашествія татары подчинили своей власти Русскую землю и въ 1240 году подвергли Кіевъ страшному разоренію. Послѣ этого онъ настолько потерялъ всякое значеніе, что или вовсе не имѣлъ князей, или же подчинялся власти князей, сидѣвшихъ въ другихъ городахъ.

Послѣ выясненія причинъ упадка Кіевской Руси слѣдуетъ приступить къ изложенію главнѣйшихъ событій, происшедшихъ за время отъ кончины Ярослава до разоренія Кіева татарами, а затѣмъ въ систематическомъ видѣ представить важнѣйшія черты политическаго, общественнаго, хозяйственнаго и культурнаго быта этого періода.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Очеркъ исторіи Кіевскаго княжества послѣ Ярослава.

Исторію Кіевскаго княжества послѣ смерти Ярослава Мудраго можно раздѣлить на три періода: I—отъ 1054 до 1132 г.г., II—отъ 1132 до 1169 г.г., III—отъ 1169 до 1240 г.г.

Въ первый періодъ признаки упадка Кіевскаго княжества еще мало замѣтны: Кіевъ попрежнему играетъ первенствующую роль среди русскихъ городовъ и переходитъ отъ одного князя къ другому безъ особенно грубыхъ нарушеній правъ старшинства. Кіевскіе князья сохраняютъ важное значеніе: они владѣютъ большими землями, непрестанно заботятся о пріумноженіи ихъ и, какъ старшіе, руководятъ обще-княжескими предпріятіями. Замѣчательнѣйшимъ изъ нихъ былъ внукъ Ярослава, Владиміръ Всеволодовичъ, по прозванію Мономахъ.

§ 1. Правленіе Изяслава I.

До Мономаха въ Кіевѣ княжили три сына Ярослава и одинъ его внукъ. О княженіяхъ ихъ нужно сказать слѣдующее:

А. Земельныя пріобрѣтенія.

Первые годы послѣ смерти Ярослава протекли довольно мирно. Старшій сынъ его Изяславъ I, не отличавшійся большой энергіей и личной доблестью, старался жить въ согласіи со своими братьями: Святославомъ и Всеволодомъ, и дѣйствовать сообща съ ними. Братья совмѣстно законодательствовали, совмѣстно ходили на торковъ и заботились о пріумноженіи своихъ владѣній. Земельныя пріобрѣтенія они

дѣлали насчетъ младшихъ сородичей. Именно, когда умеръ младшій ихъ братъ Вячеславъ Смоленскій, они перевели въ его волость Игоря, а владѣніе Игоря—Волынь—присвоили себѣ. Когда же вскорѣ скончался и Игорь, Смоленская область тоже была захвачена старшими Ярославичами, такъ что ни сынъ Вячеслава, ни двое сыновей Игоря не получили ничего отъ дядей. Около этого же времени дяди отобрали волость и у старшаго племянника—Ростислава. Лишившись владѣній, этотъ князь принужденъ былъ бѣжать въ Тмутаракань, сталъ воевать тамъ съ сосѣдями, но вскорѣ былъ отравленъ греческимъ намѣстникомъ гор. Херсонеса, опасавшимся его воинственныхъ наклонностей. Со стороны другихъ князей старшіе Ярославичи не встрѣчали особаго противодѣйствія. Только полоцкій князь могущественный Всеславъ (слывшій въ народѣ за волшебника) рѣшился затѣять съ ними войну. Весьма любопытенъ поводъ къ этой войнѣ. Всеславъ построилъ въ Полоцкѣ соборъ Св. Софіи. Такъ какъ на сооруженіе его потрачено было много денегъ и предстояло еще оборудовать его изнутри, то Всеславъ изобрѣлъ весьма своеобразный способъ для сокращенія своихъ расходовъ: онъ напалъ на Новгородскій Софійскій храмъ, разграбилъ его и награбленными вещами разукрасилъ свой полоцкій соборъ. Выходка Всеслава возмутила Ярославичей, и они снарядились въ походъ противъ него. Война эта была очень удачна для Изяслава и его братьевъ: они опустошили нѣсколько полоцкихъ городовъ, разбили Всеслава, потомъ вѣроломно захватили его и заключили въ темницу въ Кіевѣ, а Полоцкую область подѣлили между собой. Такимъ образомъ первыя предпріятія братьевъ сопровождались успѣхомъ; каждый изъ нихъ увеличилъ свои владѣнія. Однако судьба скоро измѣнила Изяславу: несчастіе пришло изъ степи.

Б. Половецкія нашествія и злоключенія Изяслава.

Послѣ того какъ въ 1060 году Ярославичи нанесли жестокое пораженіе торкамъ, которые уже раньше были обезсилены натискомъ новыхъ кочевниковъ—половцевъ, господствующее положеніе въ южнорусскихъ степяхъ перешло къ послѣднимъ. Въ 1061 г. половцы сдѣлали первое нападеніе на Переяславскую землю. Въ 1068 году на нихъ двинулись Ярославичи, но кочевники одолѣли и принялись опустошать и грабить русскія области. Кіевляне просили Изяслава прогнать враговъ, но онъ не рѣшился снова мѣряться съ ними силами и отказывался выступать въ походъ. Тогда въ Кіевѣ началось возстаніе противъ него: кіевское населеніе освободило изъ темницы Всеслава Полоцкаго и провозгласило его княземъ. Изяславу пришлось покинуть Кіевъ и добывать его потомъ съ помощью своего родственника—польскаго короля Болеслава Смѣлаго. Черезъ семь мѣсяцевъ послѣ вокняженія Всеслава, Изяславъ при поддержкѣ поляковъ овладѣлъ Кіевскимъ княжествомъ и заставилъ Всеслава бѣжать въ Полоцкъ.

Вторичное княженіе Изяслава было тоже недолгимъ: перессорившись съ братьями, онъ былъ изгнанъ ими изъ Кіева, и Кіевскимъ престоломъ завладѣлъ энергичный Святославъ II, а Всеволодъ получилъ нѣсколько новыхъ волостей.

Много усилій потратилъ Изяславъ, стремясь вернуть себѣ Кіевъ: онъ обращался опять за помощью къ польскому королю, ѣздилъ въ Майнцъ къ императору Генриху IV, посылалъ своего сына къ папѣ Григорію VII, но ничего, кромѣ словесныхъ утѣшеній, не получалъ, и могъ занять Кіевъ только тогда, когда тамъ княжилъ уже Всеволодъ, сѣвшій на Кіевскомъ престолѣ послѣ смерти Святослава (въ 1076 г.).

Всеволодъ, не обладавшій Святославовой энергіей, предпочелъ возстановить прежнюю дружбу съ Изяславомъ, а потому уступилъ ему Кіевъ. Сдѣлавшись въ третій разъ кіевскимъ княземъ, Изяславъ затѣялъ борьбу со своими племянниками—Святославичами, которыхъ онъ изъ чувства мести къ ихъ отцу лишилъ волостей. Эта борьба была очень тягостна для населенія, такъ какъ Олегъ Святославичъ звалъ на помощь себѣ половцевъ, и они жестоко опустошали русскія области. Въ 1078 году въ одной изъ битвъ Изяславъ погибъ.

§ 2. Правленіе Всеволода I.

По порядку старшинства послѣ Изяслава въ Кіевѣ вокняжился Всеволодъ I. За время своей предшествующей дѣятельности этотъ хитрый политикъ сумѣлъ собрать подъ своей властью значительное количество русскихъ областей, такъ что ко времени его вокняженія въ Кіевѣ *ему принадлежала большая часть отцовскихъ владѣній* (именно: Кіевская, Черниговская, Переяславская и Смоленская области, а также Поволжье), сородичи же его имѣли лишь небольшія области. Однако, чтобы сохранить въ цѣлости свои обширныя земли, Всеволодъ въ теченіе своего пятнадцатилѣтняго правленія долженъ былъ вести частыя войны. Справляться съ многочисленными соперниками онъ могъ только благодаря помощи своего дѣятельнаго и способнаго сына Владиміра, прозваннаго Мономахомъ. Вслѣдствіе безпрестанныхъ войнъ Всеволодъ *обращалъ мало вниманія на внутреннее управленіе*: по свидѣтельству лѣтописца, онъ, пренебрегая совѣтами опытной кіевской дружины, поддался дурному вліянію новыхъ пришлыхъ дружинниковъ и распустилъ своихъ намѣстниковъ и судей до такой степени, что они безнаказанно грабили и притѣсняли народъ. Не будучи ни отважнымъ воиномъ, ни хорошимъ правителемъ, Всеволодъ все же пользовался громкой славой: онъ былъ извѣстенъ своей образованностью (зналъ будто бы пять языковъ) и, *подобно своему отцу, поддерживалъ дипломатическія и родственныя сношенія съ иностранными дворами.*

Всеволодъ, какъ было сказано, состоялъ въ супружествѣ съ византійской принцессой, родственницей Константина Мономаха, по имени котораго и былъ прозванъ Владиміръ. Дочь Всеволода Евпраксія была замужемъ сначала за саксонскимъ маркграфомъ, а затѣмъ за императоромъ Генрихомъ IV. Владиміръ Мономахъ женился на Гидѣ, дочери англійскаго короля Гарольда, разбитаго въ битвѣ при Гастингсѣ, а сынъ Мономаха Мстиславъ былъ женатъ на датской принцессѣ Христинѣ. Такія родственныя связи указываютъ на оживленныя сношенія Кіевской Руси съ Зап. Европой.

§ 3. Правленіе Святополка II.

Послѣ кончины Всеволода въ 1093 году его сынъ Владиміръ Мономахъ не рѣшился овладѣть Кіевскимъ княжествомъ, опасаясь, что изъ-за этого у него возгорится борьба съ двоюроднымъ братомъ, Святополкомъ Изяславичемъ, который *по своему старшинству* (какъ старшій сынъ старшаго Ярославича) имѣлъ большія права на Кіевскій престолъ. Поэтому Мономахъ уступилъ Кіевъ Святополку II. Вокняженіе послѣдняго совпало со временемъ страшнаго нашествія половцевъ.

А. Половецкія нашествія.

Вообще въ первую половину его правленія половцы безпрерывно безпокоили Русь и доходили иногда до самаго Кіева.

Б. Любечскій съѣздъ.

Борьба съ кочевниками затруднялась княжескими усобицами, виновниками которыхъ были Святославичи, Ростиславичи (сыновья Ростислава Владиміровича) и Давидъ Игоревичъ. Первыхъ удалось, наконецъ, удовлетворить на княжескомъ съѣздѣ въ Любечѣ въ 1097 году, на которомъ было постановлено, чтобы внуки Ярослава *владѣли отчиной*, т. е. тѣми же волостями, какъ ихъ отцы. Вслѣдствіе этого постановленія Святославичи получили, наконецъ, Черниговскую область, которую оспаривали у нихъ другіе князья. Однако мира не наступило: вражда возгорѣлась изъ-за *Галицко-Волынской земли*, которая, по приговору съѣзда, была раздѣлена на двѣ части: одною долженъ былъ владѣть Давидъ Игоревичъ, другою — Ростиславичи. Недовольный этимъ Давидъ, тотчасъ же послѣ съѣзда, сталъ злоумышлять противъ Василько Ростиславича и убѣдилъ Святополка помочь ему избавиться отъ этого сосѣда. По наущенію Давида, Святополкъ зазвалъ къ себѣ въ гости Василько Ростиславича, и тутъ Василько былъ закованъ въ цѣпи, а потомъ ослѣпленъ Давидовыми слугами.

В. Ослѣпленіе Василько.

Сказаніе объ ослѣпленіи Василько, внесенное въ лѣтопись, отличается большимъ драматизмомъ и изобилуетъ многими интересными подробностями. Любопытно, напримѣръ, отмѣтить ту роль, которую играли въ этомъ дѣлѣ бояре-дружинники Давида, кіевское вѣче и кіевское духовенство. Опасенія противъ Василько внушаютъ Давиду прежде

всего его бояре. Подъ ихъ вліяніемъ онъ самъ начинаетъ убѣждать Святополка, будто Василько вступилъ въ тайное соглашеніе съ Мономахомъ, и будто они вдвоемъ собираются забрать себѣ всѣ волынскія, а также и кіевскія волости. Захвативъ Василько, Святополкъ созываетъ вѣче и, пересказавъ ему Давидовы опасенія, спрашиваетъ совѣта, какъ поступить. Вѣче даетъ князю уклончивый отвѣтъ, говоря, что утвержденія Давида останутся на его совѣсти, и что, если онъ сказалъ неправду, онъ отвѣтитъ передъ Богомъ. Представители же кіевскаго духовенства, чуя бѣду, грозящую Василько, настоятельно совѣтуютъ Святополку отпустить его на волю. Святополкъ колеблется и готовъ уже уступить ихъ совѣтамъ, но въ концѣ концовъ выдаетъ Василько Давиду, который спѣшно увозитъ его изъ Кіева въ Звенигородъ и тутъ приказываетъ ослѣпить.

Ослѣпленіе Василько, совершеное тотчасъ же послѣ съѣзда, на которомъ цѣловали крестъ въ соблюденіи мира и любви, вызвало сильное негодованіе среди князей, и они обратились съ горькими упреками къ Святополку за его участіе въ этомъ жестокомъ дѣлѣ. Святополкъ свалилъ всю вину на Давида и обѣщался наказать его. Дѣйствительно онъ, въ союзѣ съ нѣкоторыми князьями, началъ войну противъ Давида, и послѣдній долженъ былъ освободить Василько, а затѣмъ, по постановленію Витичевскаго съѣзда въ 1100 году, лишенъ былъ Волынской области, получивъ взамѣнъ ея другіе города.

Въ концѣ концовъ отъ происходившихъ смутъ выиграли только Святополкъ и Мономахъ: оба они получили значительныя пріобрѣтенія.

Г. Удачные походы противъ половцевъ.

Послѣ Витичевскаго съѣзда усобицы затихли, и *этимъ замиреніемъ князья могли воспользоваться для борьбы съ половцами.* Соединенныя силы русскихъ князей, руководимыя Мономахомъ, совершили два очень удачныхъ похода въ половецкія степи *въ 1103 и 1111 гг.* Изъ битвъ второго похода особенно замѣчательна битва на рѣкѣ *Сальницѣ* (притокѣ Донца), въ которой половцы потерпѣли страшное пораженіе. Побѣда надъ кочевниками произвела громадное впечатлѣніе на современниковъ и *прославила на всю Русь главнаго героя борьбы съ ними — Мономаха.* Практическія послѣдствія удачныхъ походовъ были очень велики: половцы долго не могли оправиться отъ пораженія, вызвавшаго къ тому же возстаніе противъ нихъ подвластныхъ имъ степныхъ народцевъ, и *въ теченіе слѣдующихъ пятидесяти лѣтъ сравнительно мало безпокоили Русь.*

Д. Наслѣдники Святополка II.

Святополкъ умеръ въ 1113 году. *По порядку старшинства* наслѣдникомъ его былъ его старшій двоюродный братъ (Давидъ Святославовичъ), *согласно же смыслу постановленій Любечскаго съѣзда,* Кіевъ долженъ былъ достаться его сыну (Ярославу). Однако ни тотъ, ни другой не получили Кіевскаго престола, такъ какъ *вопросъ о престолонаслѣдіи рѣшенъ былъ самими кіевлянами.* Именно,

послѣ смерти Святополка, въ Кіевѣ произошло *народное волненіе*, направленное противъ евреевъ и должностныхъ лицъ. Опасаясь, что оно разростется и приметъ характеръ борьбы городской бѣдноты съ богатыми классами, кіевскіе горожане поспѣшили призвать на княженіе Владиміра II Мономаха, какъ самаго талантливаго и любимаго изъ князей.

§ 4. Правленіе Мономаха (1113—1125 г.).

Правленіе Мономаха было славнымъ и спокойнымъ временемъ въ исторіи Кіевскаго княжества. Этотъ князь и по внѣшнему могуществу, и по авторитету среди сородичей *занималъ совершенно исключительное положеніе.* Къ концу правленія ему удалось *сосредоточить въ рукахъ своей семьи почти три четверти всей Русской земли.* Большинство князей безпрекословно повиновалось ему. По отношенію къ кочевникамъ Мономахъ пользовался плодами своей предшествующей политики: насколько дѣятельно боролся онъ съ половцами до своего вокняженія въ Кіевѣ, настолько обезопасенъ онъ былъ отъ ихъ нападеній теперь.

Съ западно-европейскими дворами Мономахъ поддерживалъ сношенія и роднился съ ними. Такъ, одна изъ его внучекъ была въ супружествѣ сперва съ норвежскимъ королемъ, затѣмъ съ датскимъ, другая вышла замужъ за датскаго принца; одну свою дочь Мономахъ выдалъ за венгерскаго короля, другую—за претендента на византійскій престолъ Льва Діогена. Слѣдствіемъ этого брака было вмѣшательство Мономаха въ византійскія дѣла. Именно, послѣ смерти Льва Діогена онъ пытался пріобрѣсти для себя нѣкоторые болгарскіе города, завоеванные Діогеномъ, и съ этой цѣлью дважды посылалъ въ Болгарію войско. Хотя его предпріятіе и не имѣло успѣха, однако въ позднѣйшее время создалась легенда, будто византійскій императоръ, чтобы избавиться отъ войны съ Мономахомъ, прислалъ къ нему для мирныхъ переговоровъ митрополита съ богатыми дарами и, между прочимъ, съ царскимъ вѣнцомъ, и что будто съ этого времени Мономахъ сталъ титуловаться царемъ. Исторической основы эта легенда не имѣетъ, но она даетъ краснорѣчивое свидѣтельство популярности Мономаха.

Популярность его была очень велика: лѣтописецъ называетъ его «благовѣрнымъ, христолюбивымъ, великимъ, чуднымъ, святымъ и добрымъ страдальцемъ за Русскую землю» и разсказываетъ, что послѣ его смерти «весь народъ плакалъ по немъ, какъ дѣти по отцѣ или матери». Эти похвалы были заслуженными. Хотя Мономаху не чужды были нѣкоторые недостатки, онъ все же былъ *лучшимъ княземъ и лучшимъ представителемъ общества своего времени*, былъ въ высшей степени талантливымъ и *гуманнымъ человѣкомъ*. О его харак-

терѣ и взглядахъ можно судить по составленному имъ «Поученію къ дѣтямъ», въ которомъ онъ описываетъ свою дѣятельность и излагаетъ обязанности князя, причемъ выказываетъ отличное знаніе настроенія и всѣхъ нуждъ своего времени и замѣчательно доброжелательное отношеніе ко всѣмъ безъ различія слоямъ общества. Въ «Поученіи» прежде всего ярко проглядываетъ необыкновенная религіозность Мономаха, религіозность не внѣшняя только и обрядовая, а глубокая, разумная. Онъ прекрасно знаетъ Священное Писаніе, очень удачно и кстати цитируетъ его, способенъ до глубины души проникаться его настроеніями, претворять слово въ дѣло. Много вниманія удѣляетъ онъ благотворительности, и попеченіе о сирыхъ, убогихъ и увѣчныхъ считаетъ одной изъ самыхъ главныхъ заботъ князя. Онъ является, кромѣ того, убѣжденнѣйшимъ противникомъ смертной казни. Какъ истинный христіанинъ, Мономахъ умѣетъ спокойно смотрѣть на мірскія невзгоды, однако онъ не уходитъ отъ міра, не чуждается мірскихъ заботъ. Напротивъ, дѣятельность его кипуча, энергія его неутомима. На своемъ вѣку онъ совершилъ 83 большихъ путешествія ради военныхъ нуждъ или ради разнообразныхъ дѣлъ правленія. Онъ заключилъ 19 договоровъ съ половцами, входилъ самъ лично во всѣ мелочи не только государственныхъ дѣлъ, но и своего собственнаго хозяйства, неутомимо охотился на дикихъ звѣрей. Своимъ дѣтямъ онъ настоятельно совѣтуетъ проявлять такую же дѣятельность, во все входить самимъ, не довѣряться своимъ служащимъ, не позволять имъ обижать ни бѣднаго смерда, ни убогой вдовицы, не пропускать ни одного человѣка, не сказавши ему добраго слова.

Мономахъ былъ не только способнымъ и сильнымъ кіевскимъ властителемъ, но и княземъ *народолюбцемъ*, думавшимъ не объ однихъ лишь вліятельныхъ кіевлянахъ, а также и о *простомъ народѣ*. Извѣстно, напримѣръ, что онъ заботился объ опредѣленіи отношеній должниковъ и закуповъ къ заимодавцамъ и объ ограниченіи злоупотребленій послѣднихъ; извѣстно также, что онъ всегда жилъ въ мирѣ съ кіевлянами, такъ что ихъ *любовь къ нему распространилась и на его ближайшее потомство.*

§ 5. Правленіе Мстислава I.

Послѣ смерти Мономаха въ 1125 году ему наслѣдовалъ старшій сынъ его Мстиславъ I, княжившій ранѣе въ Новгородѣ и пріобрѣвшій тамъ большое расположеніе народа. Сильныхъ соперниковъ у Мстислава не было, и кіевляне «посадили его, по словамъ лѣтописи, на отцовскомъ столѣ». *Княженіе Мстислава было какъ бы продолженіемъ отцовскаго.* Хотя онъ вмѣстѣ со своими сыновьями владѣлъ только половиной Мономаховыхъ владѣній (другая половина доста-

лась младшимъ сыновьямъ Мономаха), тѣмъ не менѣе онъ сумѣлъ поддержать высокій авторитетъ кіевскаго князя, такъ же властно и справедливо, какъ Мономахъ, относился къ своимъ сородичамъ и стремился прекратить ихъ смуты. Воевалъ Мстиславъ съ полоцкими князьями, и эта война закончилась тѣмъ, что онъ *овладѣлъ Полоцкой землей*, захвативъ въ плѣнъ ея князей и отправивъ ихъ въ Византію подъ надзоръ императора.

О внутренней дѣятельности Мстислава не сохранилось никакихъ извѣстій, но, вѣроятно, она вполнѣ соотвѣтствовала нуждамъ времени, потому что этотъ князь *пользовался не меньшей популярностью, чѣмъ его отецъ*. Память о благородномъ, справедливомъ и безкорыстномъ Мстиславѣ долго жила въ народѣ; онъ былъ причисленъ къ лику святыхъ.

Мстиславъ, скончавшійся въ 1132 году, *былъ послѣднимъ изъ Кіевскихъ князей, успѣшно боровшихся съ процессомъ упадка Кіевской Руси*. Хотя ни одному изъ нихъ не удалось объединить подъ своей властью всей Русской земли [1]) и утвердить въ ней полное свое господство, тѣмъ не менѣе, какъ видно изъ изложеннаго, нѣкоторые изъ нихъ (особенно Всеволодъ и Мономахъ) владѣли весьма обширными землями и пользовались, какъ, напримѣръ, Мономахъ и Мстиславъ, громаднымъ авторитетомъ среди другихъ князей.

§ 6. Второй періодъ въ исторіи Кіевскаго княжества.

Послѣ смерти Мстислава (сына Мономаха) начался *второй періодъ* исторіи Кіевскаго княжества, продолжавшійся около сорока лѣтъ (1132—1169 г.) и бывшій періодомъ особенно ожесточенной *борьбы за Кіевскій престолъ*. Борьба эта, въ которую князья многократно вмѣшивали половцевъ, страшно разоряла и ослабляла Кіевское княжество. *Сокращались*, кромѣ того, и самые *размѣры его*, такъ какъ, чтобы удовлетворить своихъ соперниковъ, кіевскіе князья должны были уступать имъ часть своихъ владѣній. Вслѣдствіе этого постепенно *падало ихъ междукняжеское значеніе*. Да и въ самомъ Кіевѣ они не пользовались прежней властью, потому что *городское вѣче*, видя княжескія безурядицы, разорявшія народъ, стремилось усиленнѣе, чѣмъ раньше, *контролировать дѣятельность князей и чаще вмѣшивалось въ вопросы о замѣщеніи престола*. Вмѣшательство вѣча еще болѣе усложняло дѣло, и *смѣна князей въ Кіевѣ происходила съ необыкновенной быстротой: одни и*

[1]) Объединительная политика кіевскихъ князей терпѣла неудачу не только вслѣдствіе соперничества другихъ князей, но также и вслѣдствіе стремленія къ обособленности, проявлявшагося въ тѣхъ областяхъ, населеніе которыхъ не вполнѣ еще слилось въ одинъ народъ, и которыя, помимо общихъ, имѣли еще и свои частные интересы.

тѣ же князья иногда по нѣсколько разъ овладѣвали этимъ городомъ и по нѣсколько разъ лишались его. Несмотря, однако, на все болѣе замѣтный упадокъ значенія Кіевскаго княжества и князя, Кіевъ продолжалъ еще сохранять свою *притягательную силу*, и за него въ это время боролись еще наиболѣе *видные князья.* Именно, борьба велась между слѣдующими княжескими линіями: *Мстиславовичами* (потомками Мстислава I Владиміровича), младшими *Мономаховичами* (младшими сыновьями Мономаха и ихъ дѣтьми), *Ольговичами* и *Давидовичами* (т. е. сыновьями Олега и Давида Святославичей). Представителямъ каждой изъ этихъ линій удавалось хоть на короткое время овладѣть Кіевомъ. Наибольшій интересъ представляетъ борьба Изяслава II Мстиславича съ его дядей Юріемъ Владиміровичемъ, по прозванію Долгорукимъ.

§ 7. Правленіе Ярополка II.

Мстиславъ Владиміровичъ назначилъ преемникомъ своего брата *Ярополка II*, который, съ согласія кіевлянъ, и сѣлъ на Кіевскомъ престолѣ. Ярополкъ владѣлъ *только Кіевской областью* и, несмотря на личную доблесть, отвагу и справедливость, имѣлъ *очень небольшой авторитетъ среди другихъ князей* и дѣйствовалъ противъ непокорныхъ сородичей не столько силою, сколько *всевозможными уступками и соглашеніями.* Положеніе его съ самаго начала крайне затруднялось тѣмъ, что онъ хотѣлъ выполнить завѣщаніе Мономаха, согласно которому Кіевскій престолъ послѣ смерти Ярополка, не имѣвшаго дѣтей, долженъ былъ перейти *Мстиславичамъ.* Чтобы подготовить почву для этого, Ярополкъ вскорѣ послѣ своего вокняженія далъ сыновьямъ Мстислава волости невдалекѣ отъ Кіева въ Переяславскомъ княжествѣ, откуда имъ современемъ легко было перейти въ Кіевъ. Это вызвало страшное негодованіе со стороны братьевъ Ярополка—*младшихъ Мономаховичей:* Вячеслава, Юрія и Андрея, которые ни въ коемъ случаѣ не хотѣли уступать племянникамъ своихъ правъ на Кіевское княженіе. Ярополкъ пытался настоять на своемъ, но затѣмъ вынужденъ былъ отдать братьямъ Переяславль и признать ихъ права на наслѣдованіе Кіевомъ.

§ 8. Правленія Всеволода II и Игоря II Ольговичей.

Послѣ смерти Ярополка II (въ 1139 г.) занятъ Кіевскій престолъ поспѣшилъ братъ его Вячеславъ I. Но не покняжилъ онъ и двухъ недѣль, какъ на него двинулся съ большимъ войскомъ старшій изъ Ольговичей — Черниговскій князь Всеволодъ, который и завладѣлъ Кіевомъ, такъ какъ никто изъ родственниковъ не имѣлъ охоты помогать неспособному Вячеславу. Положеніе Всеволода II вначалѣ было очень нелегкимъ: *онъ не имѣлъ правъ на Кіевъ ни по старшинству,*

ни по обычаю владѣнія отчиной (отецъ его Олегъ Святославичъ никогда въ Кіевѣ не сидѣлъ), а сильныхъ соперниковъ у него было не мало. Кромѣ того, онъ не пользовался любовью народа, такъ какъ на него перешла *дурная слава его отца*, наводившаго половцевъ на Русскую землю, да и самъ онъ дѣйствовалъ противъ кіевлянъ половецкими силами. Однако Всеволодъ сумѣлъ упрочиться въ Кіевѣ и достигнуть большого значенія благодаря своимъ *политическимъ способностямъ и хитрости*. Руководствуясь всегда правиломъ: «*раздѣляй и властвуй*», онъ съ необыкновенной ловкостью ссорилъ и разъединялъ своихъ соперниковъ, привлекалъ ихъ къ себѣ заманчивыми обѣщаніями, которыхъ, по большей части, и не думалъ исполнять, дѣйствовалъ противъ однихъ князей съ помощью другихъ, а, когда было нужно, умѣлъ пользоваться соединенными силами князей.

Упрочивъ свое положеніе, Всеволодъ пересталъ кривить душою и, не взирая на прежнее обѣщаніе—отдать послѣ своей смерти Кіевъ *въ совмѣстное владѣніе* Вячеславу и Изяславу Мстиславичу [1]) (сыну Мстислава I Владиміровича), открыто объявилъ на княжескомъ съѣздѣ, что своимъ преемникомъ онъ дѣлаетъ брата своего Игоря. Князья не возражали, такъ какъ не чувствовали себя подготовленными къ борьбѣ. Но противъ осуществленія намѣренія Всеволода поднялась *другая сила, которой ему не удалось сломить своей хитростной политикой. Этой силой были кіевляне.* Они не любили Ольговичей, дружившихъ съ половцами, и страдали отъ притѣсненій Всеволодовыхъ должностныхъ лицъ. Кіевскіе дружинники тоже не ладили съ этимъ княземъ: ихъ затирала пришлая черниговская дружина. Были недоразумѣнія у Ольговичей и съ духовенствомъ. Вѣроятно, самъ Всеволодъ сознавалъ, что братъ его не встрѣтитъ сочувствія у кіевскаго населенія, и старался задобрить кіевлянъ. Съ этой цѣлью онъ во время своей предсмертной болѣзни пригласилъ къ себѣ вліятельныхъ людей, представилъ имъ Игоря и *просилъ ихъ принять его на княженіе.* Они согласились, а когда Игорь собралъ кіевское вѣче, оно также провозгласило его княземъ и присягнуло ему. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого въ 1146 году Всеволодъ скончался. Игорь вторично созвалъ кіевское населеніе и вторично принялъ присягу. Однако вслѣдъ за этимъ собралось опять вѣче, участники котораго горько жаловались на обиды, чинимыя имъ Всеволодовыми намѣстниками, и на ихъ неправый судъ. На это вѣче явился братъ Игоря (Святославъ), бывшій его ближайшимъ помощникомъ, старался успокоить кіевлянъ, обѣщалъ улучшить судопроизводство, а ненавистныхъ должностныхъ лицъ отдать на расправу народу. Такія же обѣщанія

---

[1]) Такое совмѣстное владѣніе примирило бы Мономаховичей и Мстиславичей. Практическихъ неудобствъ оно, вѣроятно, не вызвало бы, такъ какъ дѣйствительнымъ правителемъ былъ бы, конечно, энергичный Изяславъ, а не неспособный Вячеславъ.

торжественно подъ присягой даны были и самимъ Игоремъ въ присутствіи знатнѣйшихъ кіевлянъ. Народъ разграбилъ дома неугодныхъ должностныхъ лицъ и судей, но волненіе разросталось дальше, такъ что пришлось усмирять его оружіемъ. *Вообще успокоенія въ Кіевѣ не наступило: народныя симпатіи были на сторонѣ Изяслава Мстиславича, сына и внука любимыхъ князей.* Самъ онъ, находясь въ Переяславлѣ, зорко слѣдилъ за кіевскими событіями. Вскорѣ явилось къ нему изъ Кіева посольство, звавшее его на княженіе. Изяславъ тотчасъ же снарядился въ походъ, и на пути его восторженно привѣтствовали жители кіевскихъ пригородовъ. Игорь не успѣлъ вовремя получить помощи отъ своихъ черниговскихъ родственниковъ и тщетно пытался примириться съ городскимъ населеніемъ. Въ рѣшительный моментъ кіевское войско перешло на сторону Изяслава. Игорь, сражавшійся во главѣ одной только своей черниговской дружины, былъ разбитъ, взятъ въ плѣнъ и заточенъ въ монастырь. Княжилъ Игорь всего двѣнадцать дней. На Кіевскомъ престолѣ сѣлъ *Изяславъ II Мстиславичъ.*

§ 9. Борьба Изяслава II Мстиславича съ Юріемъ Владиміровичемъ.

Вокняженіе Изяслава II (въ 1146 году) послужило поводомъ къ началу самой ожесточенной борьбы за Кіевскій престолъ. Старшій его дядя Вячеславъ Владиміровичъ не могъ бороться съ нимъ, такъ какъ былъ бездарнымъ во всѣхъ отношеніяхъ княземъ. За то въ лицѣ второго своего дяди *Юрія Владиміровича* [1]) талантливый Изяславъ нашелъ достойнаго соперника. Борьба между ними продолжалась около восьми лѣтъ (1146—1154) и шла съ перемѣннымъ успѣхомъ. Она интересна во многихъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, въ этой борьбѣ принимали участіе почти всѣ русскіе князья: одни—на сторонѣ Изяслава, другіе—на сторонѣ Юрія. Во-вторыхъ, въ споръ этихъ двухъ князей вмѣшивались и иноплеменники: такъ, Юрія поддерживали половцы, а Изяславу помогали короли: венгерскій, польскій и чешскій. Наконецъ, происходившая борьба весьма любопытна тѣмъ, что *она вызывала къ самодѣятельности и мирное населеніе, которое въ лицѣ своихъ представительствъ—городскихъ вѣчъ—давало то или иныя указанія соперникамъ, помогало имъ или отказывало въ поддержкѣ.* Интереснѣе всего роль кіевлянъ. Они—неизмѣнно послѣдовательны въ своемъ *недоброжелательствѣ къ Черниговскимъ князьямъ*—Ольговичамъ и Давидовичамъ. Это недоброжелательство принимало иногда даже самыя безобразныя формы. Такъ, напримѣръ, когда (въ 1147 г.) въ Кіевъ пришло извѣстіе, что Давидовичи измѣнили своему дого-

[1]) Юрію было дано прозвище «Долгорукій»

вору съ Изяславомъ, кіевская чернь, несмотря на все противодѣйствіе духовенства и должностныхъ лицъ, набросилась на ни въ чемъ неповиннаго бывшаго князя Игоря Ольговича, который въ это время былъ простымъ монахомъ, и звѣрски умертвила его. *Симпатіи кіевлянъ всецѣло лежали на сторонѣ Изяслава и цѣлью ихъ было сдѣлать Кіевъ наслѣдственнымъ владѣніемъ старшей линіи Мономаховаго дома*, представителемъ которой въ данное время былъ Изяславъ. Однако они не хотѣли дѣйствовать и *противъ представителя младшей Мономаховой линіи—Юрія*, и, когда Изяславъ просилъ у вѣча дать въ помощь его дружинѣ кіевское городское ополченіе, вѣче указывало обыкновенно ему, что оно не можетъ идти противъ *Владимірова потомства*. Кромѣ того, у вѣча, помимо княжескихъ, были и свои собственные, мѣстные интересы—интересы возможной безопасности города. Поэтому, хотя кіевляне поддерживали Изяслава и звали его на княженіе, когда онъ изгонялся изъ Кіева Юріемъ, и при возвращеніи встрѣчали его съ «великою радостью и честью», однако, когда они видѣли, что его борьба съ Юріемъ можетъ грозить Кіеву разореніемъ, они сами просили его удалиться и тоже «съ радостью и честью» встрѣчали Юрія.

Борьба особенно разгорѣлась за время отъ 1149 года до 1151. За это время Юрій *дважды* изгонялъ Изяслава изъ Кіева и вокняжался тамъ, но и самъ, въ свою очередь, *дважды* былъ изгнанъ своимъ соперникомъ. Въ 1151 году Изяславъ, къ большой радости преданныхъ ему кіевлянъ, прочно утвердился въ Кіевѣ въ *соправительствѣ съ Вячеславомъ. Это соправительство было для него выгодно потому, что оно лишало характера законности притязанія Юрія, который былъ моложе Вячеслава*. Вскорѣ Изяславъ нанесъ рѣшительное пораженіе Юрію, но недолго могъ пользоваться плодами своей побѣды: въ 1154 году онъ скончался, оплакиваемый, по словамъ лѣтописи, «всей Русской землей». Лѣтопись вообще необыкновенно сочувственно отзывается о немъ, отличая его отъ другихъ князей наименованіемъ «великаго князя и царя». Послѣ смерти Изяслава борьба за Кіевъ продолжалась.

§ 10. Борьба Ростислава I Мстиславича за Кіевскій престолъ.

Преемникомъ Изяслава кіевляне избрали брата его Ростислава I на тѣхъ же условіяхъ, на какихъ княжилъ Изяславъ, именно, въ соправительствѣ съ усыновившимъ его Вячеславомъ. Послѣдній черезъ нѣсколько дней умеръ, а Ростиславъ, не успѣвъ даже заключить съ кіевлянами договора о своемъ самостоятельномъ правленіи, былъ разбитъ въ сраженіи съ новымъ претендентомъ на Кіевскій престолъ—Черниговскимъ княземъ Изяславомъ Давидовичемъ. Но Изяславъ III долженъ былъ уступить Кіевъ *Юрію I Владиміровичу*,

который въ *третій разъ* занялъ его и продержался въ немъ теперь до самой смерти въ 1157 году. Юрій не заслужилъ любви кіевлянъ. ихъ отталкивалъ его сухой, себялюбивый характеръ, его распри съ народнымъ любимцемъ Изяславомъ, наконецъ, больше всего—его союзъ съ половцами: въ послѣдніе годы, на горе Русской землѣ, князья опять стали вмѣшивать въ свои дѣла этихъ кочевниковъ, которые и по собственному почину снова опустошали русскія области. Народное неудовольствіе противъ Юрія разразилось тотчасъ послѣ его смерти, когда кіевская чернь принялась грабить его дворецъ и дома его бояръ. Для водворенія порядка городскимъ заправиламъ пришлось призвать на княженіе снова Изяслава III Давидовича.

Послѣдующіе годы заняты борьбой его съ прежнимъ кіевскимъ княземъ Ростиславомъ I Мстиславичемъ.

§ 11. Ослабленіе Кіевскаго княжества и возвышеніе Ростово-Суздальскаго края.

Кіевское княжество потерпѣло тяжкій уронъ отъ происходившихъ усобицъ: за время княжескихъ раздоровъ *отъ него отдѣлился цѣлый рядъ областей*, находившихся прежде въ тѣсной зависимости отъ Кіева. Такъ, напримѣръ, обособилась *земля Переяславская*, *земля Турово-Пинская*, а также *Волынь*. Иногда князьямъ для удовлетворенія своихъ соперниковъ приходилось *отдавать даже кіевскіе пригороды*. Естественно, что вслѣдствіе всего этого *Кіевское княжество переставало быть политическимъ центромъ Русской земли. Значеніе такого центра постепенно переходило къ Ростово-Суздальскому краю, который усиленно колонизовался населеніемъ, бѣжавшимъ отъ неурядицъ и смутъ южной Руси.*

Этотъ край очень возвысился при княжившемъ тамъ Юріи Владиміровичѣ. Но Юрія, какъ извѣстно, тянуло въ Кіевъ: трижды садился онъ на Кіевскій престолъ и умеръ на немъ. *Другого характера былъ сынъ его Андрей* [1]), *наслѣдовавшій ему въ Ростово-Суздальскомъ краю.* Онъ стремился къ установленію *новыхъ порядковъ*, незнакомыхъ ранѣе Русской землѣ. Цѣлью его было сдѣлать власть свою *неограниченной*, и для осуществленія этого онъ боролся и со своими родичами—сосѣдними князьями, и съ мѣстными городскими вѣчами, и съ вліяніемъ дружинниковъ. Очевидно, онъ долженъ былъ относиться съ глубокой непріязнью къ *старымъ порядкамъ*, *господствовавшимъ въ Кіевской Руси*, гдѣ большимъ значеніемъ пользовались городскія вѣча, гдѣ сила князя опредѣлялась расположеніемъ къ нему его дружинниковъ, гдѣ князья, въ теоріи, должны были подчиняться порядку владѣнія по старшинству, а на практикѣ возвели

[1]) Обычнымъ мѣстожительствомъ Андрея было село Боголюбово, почему онъ и былъ прозванъ Боголюбскимъ.

въ правило свои усобицы. *Къ занятію Кіевскаго престола* Андрей Юрьевичъ *не стремился, такъ какъ положеніе кіевскаго князя, какъ перваго между равными, не соотвѣтствовало его взглядамъ на князя, какъ на самодержца.* Напротивъ, Андрей ненавидѣлъ Кіевъ, потому что этотъ старый городъ все же былъ въ глазахъ народа сильнымъ соперникомъ новаго, возвышаемаго Андреемъ города—Владиміра, и Андрей готовилъ Кіеву ударъ.

§ 12. Разореніе Кіева Андреемъ Юрьевичемъ.

Ударъ этотъ былъ нанесенъ въ княженіе сына Изяслава II—Мстислава II Изяславича. Подъ предводительствомъ послѣдняго южные князья совершили дружный и блестящій походъ на половцевъ. Но вскорѣ распри между ними возобновились со страшной силой. Этими распрями и воспользовался Андрей Юрьевичъ. Онъ отправилъ на Кіевъ большое войско подъ начальствомъ своего сына (Мстислава Андреевича). Къ нему присоединилось и нѣсколько южныхъ князей Соединенныя силы подступили къ Кіеву въ то время, когда Мстиславъ Изяславичъ совершенно не былъ подготовленъ къ нападенію. *8 марта 1169 года* союзники взяли Кіевъ и подвергли его страшному опустошенію и разграбленію. По словамъ лѣтописи, никогда ничего подобнаго въ Кіевѣ не было. Дѣйствительно, хотя ранѣе не разъ вооруженной силой брали Кіевъ, но его брали тѣ князья, которые хотѣли княжить въ немъ. *Совсѣмъ иное было теперь: Андрей взялъ Кіевъ не для себя, а только для того, чтобы унизить и разорить его.*

§ 13. Третій періодъ исторіи Кіевскаго княжества.

Послѣ разоренія Кіева въ 1169 году начался *третій періодъ* исторіи упадка Кіевскаго княжества, продолжавшійся до разгрома его татарами. Періодъ этотъ характеризуется тѣмъ, что Кіевъ *совершенно утрачиваетъ значеніе политическаго центра древней Руси.* Въ политическомъ отношеніи онъ уступаетъ *не только Владиміру*, но и возвысившемуся въ началѣ XIII вѣка *западному городу Галичу.* Борьба за обладаніе Кіевомъ продолжалась, но въ ней принимали участіе преимущественно *второстепенные князья.* Именно, она велась, главнымъ образомъ, между Ростиславичами (племянниками Изяслава Мстиславича, замѣчательнѣйшими изъ которыхъ были Рюрикъ и Мстиславъ Храбрый) и Ольговичами (представителями ихъ былъ сынъ Всеволода II Ольговича—Святославъ). Въ кіевскія дѣла вмѣшивались *Ростовско-Суздальскіе князья* (сперва Андрей, а затѣмъ братъ его Всеволодъ III), стремившіеся распоряжаться Кіевомъ по своему усмотрѣнію и старавшіеся обратить князей Кіевскихъ въ своихъ подручниковъ, т. е. подчиненныхъ, служебныхъ князей. Притязанія на Кіевъ выражали также *Галицко-Волынскіе князья* (особенно Ро-

манъ, сынъ Мстислава II Изяславича). Продолжавшійся раздѣлъ Кіевскаго княжества приводилъ къ тому, что нѣкоторые князья владѣли *однимъ только городомъ Кіевомъ* [1]). Однако и въ этотъ періодъ были свѣтлые промежутки въ исторіи Кіевскаго княжества, когда оно могло нѣсколько отдохнуть отъ тревожныхъ неурядицъ и даже возобновить борьбу съ половцами. Но Кіевская Русь не могла устоять противъ новыхъ степныхъ враговъ—*татаръ*.

§ 14. Первое нашествіе татаръ.

Кочевавшія въ Средней Азіи разрозненныя орды монголовъ были *объединены въ началѣ XIII вѣка ханомъ Темучиномъ, принявшимъ имя Чингисъ-хана*, т. е. великаго хана [2]). Этотъ геніальный полководецъ не только подчинилъ всѣ татарскія и сосѣднія тюркскія орды, но завоевалъ еще южную Монголію, сѣверный Китай и нынѣшнюю Хиву, образовавъ такимъ образомъ громадную монархію.

Въ 1223 году часть его войска подъ начальствомъ двухъ полководцевъ (Чепе и Субутая) проникла черезъ Кавказъ въ черноморскія степи и, встрѣтивъ здѣсь половцевъ, *нанесла имъ жестокое пораженіе*. Устрашенный татарами, половецкій ханъ (Котянъ) обратился за помощью къ Мстиславу Мстиславичу Удалому (сыну Мстислава Храбраго), указывая ему на опасность, которая грозитъ и Русской землѣ отъ новыхъ степныхъ гостей. Утвержденіе въ степяхъ невѣдомыхъ и страшныхъ татаръ было бы дѣйствительно очень невыгодно для русскихъ, и потому Мстиславъ Удалой, собравъ виднѣйшихъ южно-русскихъ князей на съѣздъ въ Кіевъ, сталъ убѣждать ихъ *помочь половцамъ*. Князья единодушно снарядились въ походъ и двинулись вдоль Днѣпра, по направленію къ степямъ. Навстрѣчу имъ вышло татарское посольство, убѣждавшее ихъ, что татары нисколько не посягаютъ на Русскую землю, а намѣрены только разгромить «своихъ рабовъ и конюховъ поганыхъ-половцевъ», и предлагаютъ русскимъ заключить союзъ противъ послѣднихъ. Князья не только не послушали убѣжденій пословъ, но приказали даже убить ихъ. За-

---

[1]) Такъ было въ 1181 г. до 1194 г., когда Кіевомъ владѣлъ Святославъ III Всеволодовичъ, а всѣми Кіевскими волостями Рюрикъ Ростиславичъ. Въ Кіевскомъ княжествѣ установлено было такимъ образомъ *двоевластіе*.

[2]) Монгольскія орды, жившія въ Приамурскомъ краѣ, вмѣстѣ съ сосѣдними тюркскими племенами до XI вѣка входили въ составъ азіатскихъ тюркскихъ государствъ, послѣ упадка которыхъ онѣ сдѣлались независимыми и раздробились. Объединеніе ихъ началось съ XII вѣка, и уже отецъ Темучина властвовалъ надъ нѣсколькими ордами въ сѣверо-восточной Монголіи, но царство его распалось послѣ его смерти, и юному Темучину пришлось заново объединить его. Орды, подчинившіяся Темучину, получили названіе *татаръ*. По своему племенному составу онѣ были весьма различны: въ нихъ входили разныя азіатскія народности, а въ послѣдующее время преобладали тюрки, такъ что монгольскій элементъ и монгольскій языкъ былъ постепенно вытѣсненъ тюркскимъ.

тѣмъ, разбивъ передовые татарскіе отряды, они сосредоточили свои силы близъ юго-восточной границы Руси на берегу рѣки Калки. Прежняго согласія между ними не было, и Мстиславъ Удалой, перейдя Калку, самостоятельно, безъ вѣдома союзниковъ, началъ битву съ татарами. Эта битва была *проиграна*, главнымъ образомъ, вслѣдствіе того, что половцы, находившіеся въ станѣ Мстислава, очень скоро пустились въ бѣгство и этимъ произвели страшное замѣшательство не только въ Мстиславовомъ войскѣ, но и въ войскѣ другихъ князей, не знавшихъ еще о начавшейся битвѣ. Вслѣдствіе этого замѣшательства русскіе разбиты были на-голову, и началось повальное бѣгство. Изъ бѣжавшихъ огромное большинство было избито татарами. На этотъ разъ татары не задержались долго на Руси и вскорѣ послѣ Калкской битвы ушли изъ степей, такъ что ихъ первое нашествіе не имѣло другихъ послѣдствій для Русской земли, кромѣ разгрома войска и массоваго избіенія и разоренія жителей. Самое появленіе ихъ представлялось русскимъ людямъ Божіей карой, мгновенно постигшей ихъ и мгновенно исчезнувшей.

Княжескія отношенія мало измѣнились послѣ битвы при Калкѣ. Борьба за Кіевъ продолжалась.

§ 15. Второе нашествіе татаръ.

Въ 1240 году Кіевъ принадлежалъ Даніилу Романовичу Галицкому, но онъ правилъ имъ не самъ, а черезъ посредство своего намѣстника, нѣкоего боярина Дмитрія. *Въ этомъ году татары снова появились въ Кіевской области.* Уже *въ 1236 году* вступили они въ Уральскія степи и двинулись къ Волгѣ. Ими предводительствовалъ ханъ *Батый*, внукъ знаменитаго Чингисъ-хана, предпринявшій трудный походъ, чтобы утвердиться въ завѣщанныхъ ему его великимъ дѣдомъ, но еще не завоеванныхъ странахъ къ сѣверу отъ Каспійскаго и Аральскаго морей. Татары шли теперь не стройнымъ войскомъ, а громаднымъ таборомъ, съ женщинами, дѣтьми и стадами. Они шли неторопливо, и вѣяло ужасомъ отъ этой медленно движущейся орды. На своемъ пути она прежде всего стерла съ лица земли *царство камскихъ болгаръ*, затѣмъ потянулась далѣе черезъ область финскихъ племенъ и въ 1237 году вступила въ предѣлы *Рязанскаго княжества*. Татары потребовали отъ Рязанскихъ князей уплаты дани, и, получивъ отказъ, подвергли ихъ владѣнія неистовому опустошенію. Неслыханныя звѣрства совершены были не только надъ сражавшимися, но и надъ беззащитными женщинами и дѣтьми. Послѣ шестидневной отчаянной обороны пала Рязань, и были умерщвлены всѣ ея обитатели вмѣстѣ съ княжеской семьей. Не менѣе дикая расправа постигла и Владимірское княжество: оно было опустошено, городъ Владиміръ разоренъ, а его жители, искавшіе спасенія въ соборѣ, были сожжены; въ ихъ числѣ находились члены княжеской семьи и

епископъ. Владимірскій князь Юрій Всеволодовичъ (сынъ Всеволода Юрьевича) попытался противостоять татарамъ въ открытомъ бою, но *потерпѣлъ пораженіе при рѣкѣ Сити въ началѣ* 1238 года и былъ убитъ. Другіе князья не помогали ему. Изъ Ростово-Суздальской земли Батый направился въ Новгородскую, разорилъ тамъ нѣсколько городовъ, но къ самому Новгороду не пошелъ изъ-за весенней распутицы и повернулъ на югъ, задержавшись на цѣлыхъ семь недѣль у небольшого городка Козельска, который съ отчаяннымъ мужествомъ оборонялся отъ него. Придя въ черноморскія степи, татары расположились тамъ на продолжительную двухлѣтнюю стоянку и окончательно разгромили *половецкія орды*. Батый высылалъ изъ степей свои отряды для разоренія Чернигова и Переяславля, а осенью 1240 года *двинулся самъ на Кіевъ*. При его приближеніи южно-русскіе князья бѣжали въ Венгрію и Польшу, покинувъ на произволъ судьбы свои владѣнія.

Страшная орда окружила Кіевъ. Отъ скрипа возовъ, отъ рева верблюдовъ и ржанья лошадей не слышно было въ Кіевѣ, по словамъ лѣтописи, голоса человѣческаго. Осадныя орудія громили стѣны... Однако и тогда, когда стѣны были разрушены, кіевляне продолжали защищаться, наскоро построивъ укрѣпленія вокругъ Десятинной церкви, и на хорахъ этой церкви они искали спасенія въ послѣдній часъ. Церковь рухнула, похоронивъ подъ своими развалинами мужественныхъ защитниковъ Кіева. Татары умертвили еще массу народа, но пощадили доблестнаго намѣстника Даніила—Дмитрія.

Послѣ взятія Кіева, Батый черезъ Галицію и Волынь двинулся на западъ въ Венгрію, оставляя позади себя развалины городовъ и груды труповъ. Опустошивъ Венгрію, Польшу и южно-славянскія земли, онъ въ 1242 году вернулся въ степи, *основавъ здѣсь свое царство, извѣстное подъ названіемъ Золотой или Кипчакской орды, съ главнымъ городомъ Сараемъ, расположеннымъ на нижней Волгѣ. На Русскую землю онъ смотрѣлъ, какъ на покоренную страну, и потому потребовалъ къ себѣ князей для изъявленія покорности, а въ города разослалъ сборщиковъ дани.*

Татарскій разгромъ нанесъ послѣдній, роковой, смертельный ударъ Кіевскому княжеству. Сама Кіевская земля не прекратила, конечно, своего существованія и послѣ этихъ тяжкихъ потрясеній: ея порѣдѣвшее, разбѣжавшееся отъ татаръ населеніе мало-по-малу стало возвращаться на развалины своихъ жилищъ; разоренный, растерзанный Кіевъ сталъ кое-какъ обстраиваться, и на обломкахъ прежней кипучей жизни началось новое житье подъ татарской зависимостью... Но княжество Кіевское съ его своеобразнымъ укладомъ, съ его княжеско-дружиннымъ строемъ и яркой культурой, съ тревожной, безпокойной, но полной интереса исторіей, долго не воскресало: оно надолго затихло, оно какъ-то равнодушно подчинилось татарскому владычеству, точно старый, усталый Кіевъ *уже изжилъ свои начала.*

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Обзоръ политическаго, общественнаго и культурнаго быта Руси въ Кіевскій періодъ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Политическій строй Кіевской Руси.

§ 1. Княжества, князья и вѣче.

До IX вѣка Русская земля слагалась изъ нѣсколькихъ областей, во главѣ которыхъ стояли торговые города, управляемые вѣчами. Затѣмъ эти области на короткое время объединились подъ властью кіевскихъ князей. Однако объединеніе ихъ было весьма непрочнымъ, и съ половины XI вѣка Русь стала распадаться на множество самостоятельныхъ княжествъ. Число ихъ измѣнялось, и границы ихъ перекраивались въ зависимости отъ увеличенія числа князей, между которыми распредѣлялись они. Распредѣленіе княжествъ обусловливалось, какъ выяснено выше, нѣсколькими началами: 1) старшинствомъ, 2) отчиной, 3) вѣчевымъ избраніемъ, 4) захватомъ и 5) завѣщаніями и договорами князей. Ни одно изъ этихъ началъ не было настолько сильнымъ, чтобы вытѣснить другія. *На практикѣ преобладали захваты и договоры.* Посредствомъ своихъ договоровъ-рядовъ князья не только распредѣляли волости и улаживали споры, но и заключали другъ съ другомъ союзы для общихъ дѣйствій противъ соперниковъ и враговъ. Всѣ крупныя предпріятія въ Кіевской Руси совершались не отдѣльными князьями, *а союзами договорившихся князей.* Договоры скрѣплялись крестнымъ цѣлованіемъ и присягой. Хотя на практикѣ они часто нарушались, тѣмъ не менѣе были единственной силой, сдерживавшей княжескій произволъ. Впрочемъ, договоры связывали князей *только въ области внѣшней политики*; вопросовъ внутренняго управленія они не касались, такъ какъ *каждый князь считался самостоятельнымъ государемъ своей волости.*

Будучи самостоятельнымъ, князь не былъ, однако, *неограниченнымъ властителемъ.* Во внутреннемъ управленіи онъ былъ связанъ волею населенія своей волости, выражавшеюся въ постановленіяхъ *вѣчевыхъ собраній.* Такимъ образомъ въ древне-русскихъ княжествахъ господствовало не единовластіе, *а двоевластіе—князъ и вѣче.* Степень зависимости князя отъ вѣча и раздѣленіе между ними правительственныхъ заботъ не были строго опредѣлены, такъ какъ въ Кіевской Руси вообще руководились не точными законами, а обычаемъ и тѣми отношеніями, какія вытекали изъ практики. Поэтому въ разное время и въ разныхъ княжествахъ взаимоотношеніе князей и вѣча было весьма различно.

Подъ вѣчемъ разумѣлось *всякое народное собраніе, достаточно многолюдное для того, чтобы мнѣніе его имѣло вѣсъ, и достаточно сильное для того, чтобы настаивать на исполненіи своего рѣшенія.*

Такія народныя собранія-сходки, извѣстныя и другимъ народамъ, *искони и повсемѣстно* существовали у восточныхъ славянъ. Въ любомъ городѣ и даже деревушкѣ каждой области населеніе могло собраться на сходку и постановить свое рѣшеніе по обсуждаемому вопросу. Но очевидно, что такія рѣшенія имѣли неодинаковый вѣсъ, и въ случаѣ разногласія—мнѣніе большого города получало преобладаніе надъ другими. Поэтому въ до-княжескій періодъ у восточныхъ славянъ вѣча большихъ торговыхъ городовъ были единственной властью, которой обычно подчинялось населеніе пригородовъ и всей области. Съ появленіемъ князей вѣча раздѣлили свою власть съ ними, но не утратили своего значенія, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напримѣръ, въ Кіевѣ, Полоцкой землѣ и особенно въ Новгородѣ, продолжали играть очень важную роль. Вѣча были необходимы, такъ какъ выразителями мѣстныхъ интересовъ были именно они, а не князья, являвшіеся обыкновенно въ волости лишь въ качествѣ кратковременныхъ пришельцевъ.

Будучи такимъ образомъ весьма важнымъ бытовымъ явленіемъ, вѣче не получило однако опредѣленной организаціи ни внѣшней, ни внутренней.

1) *Составъ его былъ всегда случайнымъ.* Хотя каждый свободный горожанинъ имѣлъ *право* участвовать на немъ, однако этимъ правомъ пользовались, конечно, далеко не всѣ. Жители пригородовъ тоже могли являться на вѣче главнаго города и въ особо важныхъ случаяхъ даже приглашались на него, но ихъ присутствіе было необязательно. Вообще не было установлено такого числа собравшихся, при которомъ вѣче считалось бы имѣющимъ законный составъ: самое понятіе законности или незаконности неприложимо къ вѣчу, такъ какъ оно было не учрежденіемъ, установленнымъ какимъ-нибудь закономъ, а существовало въ силу обычая.

2) *Время и мѣсто собранія и порядокъ созыва вѣча были также не опредѣлены.* Оно собиралось не періодически, а тогда, когда извѣстная часть населенія считала нужнымъ обсудить что-нибудь по приглашенію князя или по почину тѣхъ или другихъ лицъ изъ народа. Созывали на вѣче обыкновенно колокольнымъ звономъ или посредствомъ особаго глашатая. Хотя для собранія существовали въ каждомъ городѣ излюбленныя мѣста, но они могли измѣняться.

3) *Порядокъ рѣшенія дѣлъ былъ равнымъ образомъ не установленъ.* Говорить на вѣчѣ начинали обыкновенно тѣ, по зову которыхъ собралось оно, а именно: князь, его уполномоченные или же вожаки народныхъ партій. Далѣе шли пререканія и споры, перекрикиванія другъ на друга. Голосованія вопроса не производилось, а за рѣшеніе признавалось мнѣніе, вызвавшее одобрительные крики подавляющаго

большинства присутствующихъ, замѣтнаго безъ всякаго подсчета голосовъ. Въ случаѣ разногласія, вѣче разбивалось на партіи, изъ которыхъ каждая отстаивала свое мнѣніе. Иногда, одновременно въ различныхъ частяхъ города, собиралось *нѣсколько враждебныхъ вѣчъ;* между ними происходили бурныя столкновенія, часто переходившія въ жестокій бой. Побѣжденная партія должна была уступать. Такія же столкновенія случались между главными городами и пригородами, если ихъ вѣчевыя рѣшенія расходились.

Вѣче могло обсуждать любой вопросъ, такъ какъ кругъ вѣдомства его не былъ ничѣмъ ограниченъ. Обычными же дѣяніями вѣча являлись слѣдующія:

1) *Призваніе князя въ волость и изгнаніе его, если онъ окажется неугоднымъ.* Это было несомнѣннымъ правомъ вѣча, которымъ оно однако могло пользоваться лишь въ томъ случаѣ, если чувствовало себя достаточно сильнымъ. (Въ Кіевскомъ княжествѣ при сорока смѣнахъ князей, за время отъ 1054 до 1202 года, вопросъ о престолонаслѣдіи рѣшенъ былъ городскимъ вѣчемъ 14 разъ; въ Новгородѣ вѣче пользовалось своимъ правомъ гораздо шире и не стѣснялось мѣнять князей нѣсколько разъ въ годъ; въ Полоцкой землѣ не было ни одного князя, который бы княжилъ подъ-рядъ нѣсколько лѣтъ, не бывъ ни разу изгнанъ). Сами князья никогда не отрицали права вѣча избирать ихъ. Когда же они овладѣвали волостью помимо желанія мѣстнаго вѣча, то спѣшили привести населеніе къ крестному цѣлованію, которое являлось какъ бы выраженіемъ согласія народа принять ихъ и замѣной вѣчевого избранія. Равнымъ образомъ на свое изгнаніе изъ волости князья не смотрѣли, какъ на недопустимое, мятежное дѣйствіе.

2) *Договоръ или рядъ съ княземъ*, являвшійся естественнымъ слѣдствіемъ права избранія: призывая князя, вѣче, конечно, могло ставить ему извѣстныя условія. Впрочемъ, послѣднія носили обыкновенно очень общій характеръ: князь обязывался править по старинѣ, судить по правдѣ и не искать больше доходовъ, чѣмъ ему положено.

3) Вмѣшательство въ военныя дѣйствія князя, если онъ велъ ихъ при содѣйствіи не только своей дружины, но и земскаго ополченія (т. е. войска, составленнаго изъ мѣстнаго населенія), или если они наносили существенный ущербъ интересамъ волости.

Въ исключительныхъ случаяхъ вѣче вмѣшивалось также въ княжескій судъ и управленіе, привлекало къ отвѣтственности князя и его должностныхъ лицъ и даже чинило расправу надъ ними. Иногда вѣчамъ приходилось вести переговоры съ другими княжествами помимо своего князя.

§ 2. Дѣятельность князя.

А. Совѣтники князя.

Изъ вышеизложеннаго видно, что вѣче дѣйствовало обыкновенно въ *особо важныхъ случаяхъ*, когда оно признавало свое вмѣшательство необходимымъ. Что касается *текущихъ* правительственныхъ заботъ, то онѣ по большей части лежали на князѣ и его совѣтникахъ. Совѣщаться князь могъ съ кѣмъ хотѣлъ, но обычно онъ приглашалъ въ свою *думу* старшихъ дружинниковъ (дружина раздѣлялась на старшую и младшую; старшіе назывались боярами, младшіе — отроками, дѣтскими), высшихъ духовныхъ лицъ, пользовавшихся большимъ значеніемъ въ народѣ, а въ болѣе раннее время (до XI вѣка) также и старцевъ градскихъ—вліятельныхъ горожанъ.

Б. Общая характеристика дѣятельности князя.

Вѣдѣнію князя подлежали слѣдующія правительственныя дѣла:

1) Внѣшняя политика, т. е. сношенія съ другими князьями, заключеніе съ ними союзовъ и договоровъ, военная оборона княжества отъ внѣшнихъ враговъ.

2) Финансовая дѣятельность, заключавшаяся главнымъ образомъ въ сборѣ податей и налоговъ.

3) Законодательная дѣятельность—установленіе новыхъ законовъ.

4) Высшее управленіе княжествомъ и назначеніе должностныхъ лицъ.

5) Высшій судъ надъ населеніемъ княжества.

По самому происхожденію своей власти князь былъ прежде всего военнымъ сторожемъ своей земли. Безпрестанныя усобицы и частые набѣги кочевниковъ требовали сосредоточенія въ его рукахъ значительныхъ военныхъ силъ. Ядромъ княжескаго войска была конная дружина, но такъ какъ она обыкновенно бывала немногочисленна (у крупныхъ князей рѣдко превышала тысячу человѣкъ, у мелкихъ—меньше), то при каждомъ большомъ походѣ князь долженъ былъ обращаться за помощью къ мѣстному населенію, которое, по его призыву, составляло земское ополченіе. Въ земскомъ ополченіи участвовали или одни добровольцы, или же, по постановленію вѣча, всѣ способные носить оружіе. Кромѣ того, къ участію въ походахъ приглашались и многочисленныя вспомогательныя войска изъ инородцевъ (обыкновенно, изъ Черныхъ Клобуковъ), а также изъ половцевъ и другихъ иноземцевъ.

Для содержанія дружины, двора и для удовлетворенія другихъ государственныхъ, а также церковныхъ потребностей князь нуждался въ денежныхъ средствахъ. Источники, откуда получались они, были троякаго рода: 1) военная добыча, 2) доходы отъ княжескихъ имуществъ (главнымъ образомъ земельныхъ владѣній) и отъ торговли,

въ которой князья принимали дѣятельное участіе, 3) различные налоги и подати. Къ числу важнѣйшихъ налоговъ относились: 1) обычная дань, которую князья собирали съ подвластнаго населенія, 2) денежныя взысканія съ осужденныхъ за различныя преступленія, 3) торговыя пошлины. Кромѣ платежа денежныхъ податей, населеніе обязано было выполнять различныя натуральныя повинности, напр., принимать участіе въ устройствѣ крѣпостей, мостовъ, дорогъ и т. д.

Установленіе податей и повинностей было однимъ изъ проявленій *княжескаго законодательства*. Какъ законодатель, князь могъ также измѣнять судебные порядки. (Ярославичи, напр., постановили замѣнить денежнымъ штрафомъ кровную месть за убійство) и вводить въ жизнь новыя правила (напр. Мономаху приписывается ограниченіе прежнихъ весьма высокихъ процентовъ и опредѣленіе порядка погашенія долговъ). Впрочемъ, законодательная дѣятельность князя была весьма не обширна, такъ какъ древняя Русь жила не по законамъ, а по издавна установившимся обычаямъ, и князь поэтому не столько долженъ былъ вводить преобразованія, сколько «править по старинѣ». На первомъ планѣ были не вопросы законодательства, а вопросы управленія.

Высшимъ правителемъ былъ князь. Онъ назначалъ всѣхъ важнѣйшихъ должностныхъ лицъ. Эти лица были двоякаго рода: одни состояли при княжескомъ дворѣ (самымъ вліятельнымъ изъ нихъ были дворскій или дворецкій), а другія посылались въ качествѣ намѣстниковъ въ подвластные князю города и области. Изъ числа послѣднихъ слѣдуетъ назвать тысяцкихъ и посадниковъ. Довольно большое число должностныхъ лицъ различнаго наименованія установлено было для сбора податей и для несенія всевозможныхъ обязанностей по производству суда. Однимъ и тѣмъ же лицамъ поручались весьма разнородныя дѣла. Напр., княжескіе приказчики—*тіуны*, вѣдавшіе, собственно, различныя отрасли княжескаго хозяйства и назначавшіеся часто изъ среды холоповъ, творили иногда, по порученію князя, также и судъ, даже въ самомъ Кіевѣ. Спеціальныхъ судей на Руси вообще не было, и судили тѣ лица, которыя вѣдали управленіе. Поэтому князь, будучи верховнымъ правителемъ, былъ въ то же время и верховнымъ судьей по всѣмъ дѣламъ, кромѣ подвѣдомственныхъ церковному суду [1]).

Князь творилъ судъ или самъ лично или черезъ посредство своихъ должностныхъ лицъ.

В. Судебные порядки.

О судебныхъ порядкахъ Кіевской Руси даетъ нѣкоторое представленіе дошедшій до нашего времени въ нѣсколькихъ спискахъ сборникъ древнихъ русскихъ судебныхъ обычаевъ и рѣшеній, извѣстный подъ названіемъ «Русской Правды».

---

[1]) О церковномъ судѣ будетъ сказано въ слѣдующемъ отдѣлѣ.

На характеръ «Русской Правды» въ исторической наукѣ смотрятъ неодинаково. Въ прежнее время ее считали сборникомъ законовъ, составленнымъ Ярославомъ Мудрымъ и дополненнымъ его преемниками, однимъ словомъ, *оффиціальнымъ* юридическимъ памятникомъ. Теперь, на основаніи многихъ вѣскихъ данныхъ, этотъ взглядъ опровергнутъ, и въ наукѣ высказывается мнѣніе, что «Русская Правда» имѣетъ не оффиціальное, *а частное* происхожденіе, т. е. что она составлена частными лицами, записывавшими господствующіе на Руси обычаи, примѣнявшіеся въ судебной практикѣ, постановленія князей и княжескихъ судей и тѣ иноземные (византійскіе и скандинавскіе) судебные законы, которые были заимствованы у насъ. Такъ какъ эти записи (подобно лѣтописному своду) дѣлались различными лицами, въ различное время, то естественно явилось нѣсколько редакцій «Русской Правды». Ихъ можно установить три: краткую, пространную и позднѣйшую сокращенную. Краткая возникла не позднѣе шестидесятыхъ годовъ XI вѣка (вѣроятно, при Изяславѣ Ярославичѣ) и состоитъ изъ 43 статей; первыя 17 статей представляли, повидимому, нѣчто самостоятельное—первоначальную древнѣйшую Правду, возникшую еще при Ярославѣ, а можетъ быть и раньше. Пространная редакція составлена при Владимірѣ Мономахѣ и содержитъ свыше 100 статей (въ различныхъ спискахъ число статей отъ 115 до 135). Позднѣйшее сокращеніе пространной Правды принято называть третьей редакціей ея. Итакъ, Русская Правда, подобно лѣтописнымъ сводамъ, составлялась исподволь. Но въ какой средѣ возникла она, кто работалъ надъ ней? Въ наукѣ распространено мнѣніе, что составителями Правды были пріѣзжія на Русь изъ Греціи *духовныя лица*, принимавшія, какъ будетъ показано ниже, видное участіе въ области древнерусскаго суда и нуждавшіяся поэтому въ хорошемъ знаніи господствовавшей судебной практики. Это мнѣніе обстоятельно развито проф. Ключевскимъ; онъ доказываетъ его главнымъ образомъ тѣмъ, что списки Русской Правды дошли до насъ въ сборникахъ, содержащихъ переводы памятниковъ византійскаго церковнаго права, принесеннаго на Русь греческимъ духовенствомъ, а также тѣмъ, что нѣкоторыя постановленія Правды сходны съ византійскими законами. Но, конечно, указанный взглядъ остается лишь предположеніемъ и не исключаетъ возможности другого объясненія происхожденія Правды, напримѣръ, такого, что она записана княжескими судьями. Съ достовѣрностью можно сказать только то, что она возникла въ Кіевѣ. Полной картины судебныхъ порядковъ она не даетъ, а потому для возстановленія этой картины приходится прибѣгать къ косвеннымъ соображеніямъ и догадкамъ.

Судопроизводство Кіевской Руси рѣзко отличалось отъ суда нашего времени, когда правительство считаетъ одной изъ важнѣйшихъ своихъ обязанностей защиту интересовъ частныхъ лицъ, преслѣдованіе преступниковъ и привлеченіе ихъ къ отвѣтственности. Въ Кіев-

ской Руси каждый долженъ былъ самъ блюсти свои интересы. Поэтому потерпѣвшій самъ производилъ слѣдствіе, отыскивая виновнаго, самъ приводилъ его на судъ, выступалъ на судѣ обвинителемъ, представлялъ свидѣтелей и самъ же иногда приводилъ приговоръ въ исполненіе. Княжескіе судьи и должностныя лица ограничивали свою дѣятельность тѣмъ, что оказывали потерпѣвшимъ нѣкоторую помощь въ производствѣ слѣдствія, выслушивали показанія свидѣтелей, взвѣшивали доказательства, произносили приговоръ и съ виновнаго взимали въ пользу князя штрафъ, часть котораго шла имъ самимъ.

Несмотря на столь слабую организацію судопроизводства, веденіе судебнаго дѣла обставлено было различными формальностями. Такъ, напримѣръ, въ случаѣ пропажи какой-нибудь вещи потерпѣвшій долженъ былъ сдѣлать «закличъ на торгу», т. е. объявить объ этомъ на базарной площади въ городѣ. Въ теченіе трехъ дней послѣ заклича пропавшая вещь должна быть возвращена: въ противномъ случаѣ тотъ, у кого находили ее, считался воромъ и не только возвращалъ вещь, но платилъ еще штрафъ. Послѣдствія заклича имѣли, впрочемъ, силу только въ предѣлахъ города, гдѣ онъ былъ произведенъ. Если вещь найдена была до заклича или до истеченія трехдневнаго срока послѣ него, то новый обладатель вещи долженъ былъ или признаться въ воровствѣ, или указать прежнему собственнику ея того человѣка, у котораго онъ купилъ вещь, и идти вмѣстѣ на «сводъ», т. е. на розыски продавца. Послѣдній, въ свою очередь, могъ назвать лицо, продавшее ему вещь, и въ этомъ случаѣ «сводъ» продолжался. Неограниченное продолженіе свода допускалось только въ предѣлахъ города. Если же сводъ выходилъ за городъ, то собственникъ вещи обязанъ былъ идти только до «третьяго свода» и взыскивалъ убытки за свою пропажу съ третьяго лица; послѣднему предоставлялось продолжать поиски дальше до границы земли, подвластной городу, гдѣ сводъ прекращался, такъ какъ въ другую землю сводъ не переносили. Тотъ, на комъ оканчивался сводъ, т. е. тотъ, кто не могъ назвать лицо, продавшее ему вещь, не признавался воромъ лишь тогда, если указывалъ свидѣтелей своей покупки.

Формализмомъ отличалось не только производство слѣдствія, но и самое судоговореніе. Достовѣрными свидѣтелями на судѣ признавались только свободные люди, свидѣтельство рабовъ не допускалось. Кромѣ свидѣтелей-очевидцевъ, такъ называемыхъ «видоковъ», на судѣ фигурировали иногда «послухи». Подъ этимъ названіемъ разумѣлись или свидѣтели совершенія какого нибудь договора, или же свидѣтели добраго поведенія обвиняемаго, когда обвиненіе построено было только на подозрѣніи. Въ послѣднемъ случаѣ обвиняемый долженъ былъ представить не менѣе семи послуховъ (для чужеземца достаточно было и двухъ). Въ случаѣ отсутствія свидѣтелей судья приводилъ обвиняемаго къ присягѣ, иногда же назначалъ ему «испыта-

ніе водою или желѣзомъ». Первое испытаніе состояло, повидимому, въ томъ, что подозрѣваемаго въ преступленіи бросали въ воду и, если онъ не начиналъ тонуть, то считался виновнымъ (чистая вода, по представленію того времени, не хотѣла принимать преступника); при второмъ испытаніи подозрѣваемый прикасался къ раскаленному желѣзу, и для оправданія его нужно было, чтобы черезъ извѣстный промежутокъ времени ожоги прошли. Иногда споръ тяжущихся рѣшался судомъ Божіимъ, такъ называемымъ «полемъ» [1]), т. е. судебнымъ поединкомъ: одолѣвшій противника въ бою считался правымъ, но при этомъ требовалось, чтобы противники были приблизительно равныхъ силъ, и слабѣйшему предоставлялась, поэтому, возможность поставить вмѣсто себя кого-нибудь другого.

Обычными наказаніями за преступленія были *штрафы*. Каждый штрафъ слагался изъ двухъ частей: одна шла въ пользу князя, какъ наказаніе за совершеное беззаконіе, другая — въ пользу потерпѣвшаго, или его родственниковъ, какъ возмѣщеніе нанесеннаго ущерба. Эти штрафы носили различныя названія: осужденный за убійство платилъ князю *виру* (размѣръ обыкновенной виры былъ 40 гривенъ, за убійство старшаго княжескаго дружинника платилась *двойная вира*), а родственникамъ убитаго *головничество* (т. е. плату за голову); за нанесеніе тяжкихъ увѣчій князь взыскивалъ *полувирье* (20 гривенъ; такая же сумма платилась за убійство невѣрной жены); преступленія противъ здоровья и чести, противъ правъ собственности, а также и всѣ другіе проступки, подвѣдомственные княжескому суду, влекли за собою штрафъ въ пользу князя, называвшійся «продажа», потерпѣвшіе же отъ этихъ преступленій получали или плату «за обиду» (если оскорблена была ихъ честь побоями или угрозами) или такъ называемый «урокъ» (возмѣщеніе за кражу или порчу чужой вещи). Такимъ образомъ вира и продажа были штрафами, взимавшимися государственною властью, а «головничество», плата «за обиду» и «урокъ» — частными вознагражденіями [2]). «Продажи» были установлены различныя, въ зависимости отъ качества преступленія (во вниманіе принимался преимущественно матеріальный ущербъ, нанесенный имъ), умышленности и завѣдомости его и степени проявленія злой воли.

Повидимому, существовало четыре рода продажи: въ 12 гривенъ, 3 гривны 30 кунъ, 3 гривны и въ 75 кунъ. Высшая продажа (12 гривенъ) взималась, напримѣръ, за слѣдующія преступленія: вырываніе

---

[1]) «Русская Правда» не упоминаетъ обычая «поля», но на существованіе его есть другія указанія.

[2]) Вира взыскивалась иногда не съ одного человѣка, а съ цѣлаго селенія, съ цѣлой общины (верви). Дѣлалось это въ томъ случаѣ, если въ какомъ-нибудь селеніи оказывался убитый и жители его не выдавали убійцы, или же доказывали, что убійство совершено ихъ сельчаниномъ не умышленно, а нечаянно. Такая вира, платившаяся цѣлой общиной (вервью), называлась *дикой*.

бороды, усовъ, ударъ палкою или другимъ предметомъ, не столько наносящій вредъ, сколько оскорбительный для чести, уничтоженіе полевой межи, похищеніе бобра изъ логовища, кражу чужого холопа (раба), намѣренную порчу чужого скота. Кража со взломомъ каралась среднимъ размѣромъ продажи (въ 3 гривны или 3 гривны 30 кунъ), а кража изъ незамкнутаго помѣщенія, напримѣръ, похищеніе скота, пасущагося въ полѣ—низшимъ размѣромъ [1]).

Въ двухъ случаяхъ и убійство каралось не вирою, а продажею, именно: если убитъ 1) чужой холопъ «безъ вины», 2) свободный, захваченный на мѣстѣ преступленія, но не сопротивлявшійся задержанію (убійство своего холопа или провинившагося чужого холопа, а также убійство при самооборонѣ не влекли за собою никакого наказанія).

Взыскиваніе виры и головничества вытѣснило постепенно прежній способъ расправы съ убійцами—такъ называемый *обычай кровной мести*. «Русская Правда» не считаетъ его самоуправствомъ, а только упорядочиваетъ его: именно, она опредѣляетъ, въ какихъ случаяхъ и кто можетъ выступать въ качествѣ мстителя. Но съ теченіемъ времени кровная месть вышла изъ употребленія (по общепринятому мнѣнію, она была отмѣнена старшими Ярославичами).

Кромѣ штрафовъ, въ древней Руси существовало еще высшее наказаніе, извѣстное подъ названіемъ «*потокъ и разграбленіе*» и состоявшее въ изгнаніи преступника (а иногда и въ отдачѣ его въ рабство) и въ отобраніи (конфискаціи) его имущества. Это наказаніе налагалось за преступленія, считавшіяся особенно тяжкими, а именно: 1) за поджоги, 2) за конокрадство и 3) за умышленное, разбойное убійство. Разбойники одно время при Владимірѣ Св. карались *смертною казнью*; затѣмъ Владиміръ отмѣнилъ ее. Была, повидимому, попытка возстановить еще разъ смертную казнь при Ярославѣ Мудромъ, но и тогда она просуществовала недолго. *Вообще духу Кіевской Руси были чужды какъ смертная казнь, такъ и тѣлесныя наказанія;* послѣднія допускались только по отношенію къ рабамъ и должникамъ-работникамъ (закупамъ). Правда, князья во время усобицъ часто предавали своихъ недруговъ истязаніямъ и смерти, но это было ихъ произвольной расправой, а не исполненіемъ судебныхъ приговоровъ [2]). Наказывать смертью по суду было не въ обычаѣ въ Кіевской Руси, и поэтому «Русская Правда», передающая *судебные обычаи* того времени, смертной казни не знаетъ.

«Русская Правда» говоритъ не только о наказаніяхъ за преступленія; она также даетъ довольно обстоятельную картину *общественнаго строя Кіевской Руси*.

---

[1]) Размѣры головничества и урока были также различны, въ зависимости отъ степени нанесеннаго ущерба.

[2]) Къ тѣлеснымъ наказаніямъ приговаривалъ за нѣкоторыя преступленіи церковный судъ, о характерѣ и вѣдомствѣ котораго будетъ сказано въ слѣдующемъ отдѣлѣ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Общественный строй Кіевской Руси.

§ 1. Холопы.

Населеніе Кіевской Руси пользовалось неодинаковыми правами и имѣло различныя занятія. Наиболѣе замѣтна разница между несвободными (рабами) и свободными.

Несвободные носили названіе *холоповъ*, *челяди*, *слугъ*. Число ихъ было весьма значительно, такъ какъ существовало много источниковъ рабства. Именно, въ холоповъ обращались: 1) непріятели, взятые въ плѣнъ, 2) люди, продавшіеся или проданные своими родителями въ неволю, 3) поступившіе на нѣкоторыя хозяйственныя должности къ другимъ лицамъ безъ договора о сохраненіи за собою свободы, 4) женившіеся на рабыняхъ безъ договора съ ихъ хозяевами, 5) неоплатные должники, 6) приговоренные къ неволѣ за тяжкія преступленія и 7) всѣ потомки несвободныхъ. Холопы работали на своихъ господъ и считались ихъ полною собственностью. Древнерусскіе обычаи и законы охраняли не личность рабовъ, а лишь права на нихъ ихъ хозяевъ. Поэтому, виновный въ убійствѣ или кражѣ чужого холопа подвергался судебной отвѣтственности лишь за то, что своимъ преступленіемъ наносилъ имущественный ущербъ господину холопа; за это, какъ и за уничтоженіе или похищеніе любой чужой вещи, онъ долженъ былъ внести штрафъ-продажу и уплатить хозяину «урокъ»—стоимость холопа. Первоначально холопы не пользовались никакими правами. Такъ, они не могли имѣть своего имущества (все пріобрѣтенное ими принадлежало господину), вступать отъ своего имени въ торговыя сдѣлки, быть свидѣтелями на судѣ, отвѣтствовать передъ судомъ за свои преступленія (за преступленія холоповъ отвѣчалъ ихъ господинъ).

Съ теченіемъ времени, подъ вліяніемъ Церкви, проводившей идею равенства людей и не признававшей рабства, а также вслѣдствіе житейскихъ условій, положеніе холоповъ нѣсколько измѣнилось къ лучшему: на нихъ стали смотрѣть не только какъ на господское имущество, но и какъ на людей, хотя и сильно ограниченныхъ въ своихъ правахъ. Холопы получили возможность владѣть собственностью и выкупаться на свободу и стали пользоваться судебной защитой. Такъ какъ у своихъ господъ они исполняли иногда отвѣтственныя обязанности, а княжескіе рабы служили часто даже должностными лицами, то установилась различная оцѣнка ихъ, и за убійство нѣкоторыхъ княжескихъ холоповъ платилось даже больше, чѣмъ за свободныхъ людей.

§ 2. Закупы и изгои.

Среднее положеніе между несвободными и свободными занимали *закупы*. Это были должники, уплачивавшіе свой долгъ работой на заимодавца. Въ отличіе отъ холоповъ, они пользовались правами, именно: они владѣли имуществомъ, сами отвѣчали передъ судомъ за содѣянныя преступленія, личность ихъ охранялась законами, и господинъ, нарушившій установленныя отношенія къ закупу, подвергался отвѣтственности. Тѣмъ не менѣе они находились въ довольно ощутительной зависимости отъ господъ, такъ какъ послѣднимъ было предоставлено право: 1) наказывать закуповъ «за дѣло», 2) обращать ихъ въ рабство въ случаѣ попытки къ побѣгу или кражи, совершеной закупами у другого лица, 3) привлекать ихъ къ отвѣтственности за причиненные въ хозяйствѣ убытки. Приниженность закуповъ сказывалась и въ томъ, что на судѣ можно было ссылаться на свидѣтельство ихъ только «по нуждѣ», т. е. при отсутствіи свидѣтелей изъ людей вполнѣ свободныхъ.

Наряду съ закупами слѣдуетъ упомянуть *изгоевъ*. Къ нимъ относились 1) выкупившіеся изъ неволи холопы, 2) безграмотные поповичи: 3) разорившіеся купцы. Будучи людьми, вышедшими изъ того общественнаго положенія, къ которому они принадлежали по происхожденію, выбитыми изъ привычной колеи, изгои нуждались и въ матеріальномъ обезпеченіи и въ защитѣ болѣе сильныхъ. Они работали на земляхъ, принадлежавшихъ князьямъ или духовенству, и находились подъ церковной опекой.

§ 3. Смерды.

Низшимъ слоемъ свободнаго населенія были смерды. Такъ называлось сельское земледѣльческое населеніе древней Руси [1]). Обладая всѣми правами свободныхъ, смерды имѣли однако на дѣлѣ меньшее значеніе, чѣмъ горожане: они получали менѣе выгодъ отъ торговли, не принимали участія въ городскихъ вѣчахъ. Ближайшее отношеніе къ завѣдыванію и управленію смердами имѣли князья, которые судили ихъ, брали съ нихъ различные налоги и подати и имѣли право на наслѣдованіе имуществомъ смердовъ, не оставившихъ послѣ себя сыновей. Но, конечно, управленіе князя и его немногочисленныхъ должностныхъ лицъ не могло касаться всѣхъ сторонъ жизни смердовъ, проникать вглубь ея. Поэтому смерды поль-

[1]) Вопросъ о томъ, были ли смерды собственниками обрабатываемыхъ ими земель, или послѣднія являлись собственностью князя и давались смердамъ только въ пользованіе, рѣшается неодинаково различными изслѣдователями.

зовались значительной долей *самоуправленія*. Они жили общинами, и каждая община сама раскладывала между своими членами тѣ подати, которыя шли князю, выбирала своихъ старостъ, сотскихъ и десятскихъ, имѣла свой судъ, вѣдавшій маловажныя дѣла, и распоряжалась тѣми землями, которыя находились не въ частномъ, а въ общемъ владѣніи (напр., лѣсами, выгонами и т. д.). Въ мирное время смерды жили по деревнямъ и по отдѣльнымъ дворамъ, въ военное же—укрывались обыкновенно въ городахъ. Въ древней Руси было не мало городковъ, пустовавшихъ въ мирное время и заполнявшихся лишь во время войны.

§ 4. Горожане.

Но, кромѣ такихъ городковъ, существовали на Руси и большіе города, являвшіеся центрами торговли и промышленности. Ихъ населеніе можно разсматривать какъ особый *городской классъ*. По своему имущественному положенію, горожане дѣлились на *большихъ* или лучшихъ и *меньшихъ* людей. Заправилами городовъ, руководителями городскихъ вѣчъ были богатѣйшіе капиталисты, извѣстные подъ названіемъ «старцевъ градскихъ». Они выдѣлялись по своему политическому вліянію надъ людьми средняго достатка — купцами и ремесленниками и пользовались городскою чернью, какъ своимъ орудіемъ на вѣчахъ. Они имѣли значеніе не только въ городахъ, но и въ цѣлыхъ областяхъ, такъ какъ многіе изъ нихъ были крупными землевладѣльцами—«*земскими боярами*». Мѣстное земское боярство слѣдуетъ отличать отъ *пришлаго боярства*, состоявшаго изъ старшихъ княжескихъ дружинниковъ. Впрочемъ, особенно рѣзкой разницы между ними не было, такъ какъ многіе мѣстные земскіе бояре вступали въ составъ княжеской дружины, и, напротивъ, пришлые дружинники, пріобрѣтая собственность въ волости, часто засиживались въ ней, несмотря на то, что въ волости мѣнялся князь: отъ прежняго князя они переходили на службу къ новому.

§ 5. Дружина.

Дружинники были главной опорой князя—небольшимъ по численности, но важнѣйшимъ по значенію ядромъ его войска. Они дѣйствовали заодно съ княземъ, жили съ нимъ общей жизнью, дѣлили его радости и горести, но, будучи свободными, добровольными слугами князя, имѣли право, въ случаѣ несогласія съ нимъ, перейти къ другому. Дружинники, какъ сказано выше, раздѣлялись на два разряда: младшихъ, называвшихся обыкновенно отроками, дѣтскими, гридями и старшихъ, извѣстныхъ подъ названіемъ бояръ, огнищанъ [1]). Пер-

[1]) Слово «огнищанинъ» понимается двояко: или въ смыслѣ рабовладѣльца, или въ смыслѣ человѣка, живущаго у княжескаго очага.

вые (младшіе) были личными слугами князя, его вооруженной силой, низшими должностными лицами. Вторые (старшіе) являлись сотрудниками князя въ управленіи, его совѣтниками, а иногда даже руководителями не только малолѣтнихъ, но и взрослыхъ князей. За свою службу старшіе дружинники получали отъ князя большія денежныя награды, пользовались нѣкоторыми преимуществами: за убійство боярина платилась двойная вира, а за оскорбленіе его — вчетверо большая, чѣмъ за оскорбленіе смерда; другой привилегіей было то, что, при отсутствіи у боярина сыновей, ему могли наслѣдовать и дочери, тогда какъ наслѣдниками смерда являлись только сыновья. Будучи, такимъ образомъ, привилегированнымъ классомъ, боярство однако не превратилось въ замкнутое сословіе: доступъ въ него не былъ закрытъ людямъ различнаго происхожденія, различныхъ народностей.

§ 6. Духовенство и церковные люди.

Особое положеніе въ древней Руси занимали *духовныя лица* и такъ называемые *церковные люди*, къ числу которыхъ относились разнородные классы общества, пользовавшіеся покровительствомъ Церкви. Обособленность духовенства выражалась въ томъ, что оно имѣло свое собственное управленіе, свои имущества и свой судъ, вѣдавшій весьма широкій кругъ дѣлъ.

А. Положеніе митрополита.

Представителемъ Русской Церкви былъ кіевскій митрополитъ. Онъ находился въ подчиненіи у Константинопольскаго патріарха, такъ какъ древняя Русь со времени принятія христіанства считалась одной изъ епархій Греческой Церкви (при перечисленіи митрополій, подвластныхъ послѣдней, русская митрополія занимала сперва шестидесятое, а затѣмъ, съ XII вѣка, семидесятое мѣсто). Власть патріарха надъ Русскою Церковью выражалась въ томъ, что онъ 1) поставлялъ кіевскаго митрополита изъ среды греческаго духовенства безъ всякихъ предварительныхъ переговоровъ съ русскими князьями и епископами, 2) имѣлъ право судить его самъ или черезъ своего уполномоченнаго, 3) могъ, когда находилъ это нужнымъ, вмѣшиваться въ дѣла русской митрополіи. Въ теченіе всего кіевскаго періода было лишь два случая поставленія митрополитовъ не патріархами и не изъ грековъ. Первый случай относится къ 1051-му году, когда соборъ русскихъ епископовъ, по повелѣнію Ярослава, поставилъ митрополитомъ русскаго священника Иларіона. Второй случай произошелъ въ княженіе Изяслава II Мстиславовича, который, пользуясь тѣмъ, что изъ Греціи въ теченіе цѣлаго года не присылали митрополита, поручилъ собору русскихъ епископовъ избрать на кіевскую митрополію монаха Клима (Климента) Смолятича. Далеко не всѣ русскіе епископы признали Клима, и послѣ многихъ злоключеній онъ

вынужденъ былъ уступить свое мѣсто митрополиту, посвященному въ Византіи.

Б. Положеніе епископовъ.

Кіевскому митрополиту подчинены были епископы, по отношенію къ которымъ онъ пользовался такою же властью, какъ Константинопольскій патріархъ по отношенію къ нему. Къ серединѣ XIII вѣка число епископій на Руси достигло пятнадцати. Возникали онѣ постепенно, по мѣрѣ обособленія княжествъ въ рукахъ княжескихъ линій: крупныя обособившіяся княжества получали обыкновенно своихъ епископовъ, а эти епископы поставлялись кіевскимъ митрополитомъ *по соглашенію съ мѣстными князьями*. Митрополитъ и епископы представляли собою церковное правительство; по важнѣйшимъ дѣламъ, касающимся митрополіи, митрополитъ совѣщался съ соборомъ епископовъ; при послѣднихъ существовало также совѣщательное учрежденіе—такъ называемый *клиръ*, составленный изъ представителей отъ мѣстныхъ священниковъ. Митрополитъ и епископы вѣдали не только чисто-церковныя дѣла: они управляли также церковными имуществами и творили судъ.

В. Доходы церкви.

Доходы Церкви были весьма значительны. Къ числу ихъ относятся: 1) плата за церковныя требы, 2) плата, взимавшаяся митрополитами съ лицъ, посвященныхъ въ епископы, а епископами—съ лицъ, рукополагаемыхъ въ священники, 3) пожертвованія князей и частныхъ лицъ и 4) судебныя пошлины. Третій родъ доходовъ былъ, конечно, самымъ обильнымъ. Уже Владиміръ Св. установилъ *десятину*, т. е. обязался давать въ пользу Церкви часть своихъ княжескихъ доходовъ. Его примѣру слѣдовали другіе князья. Кромѣ того, они жертвовали церквамъ и монастырямъ *земельныя имущества*, села и доходы, получаемые съ нѣкоторыхъ городовъ. Не мало получали митрополиты и епископы отъ суда, который они творили или лично или черезъ «намѣстниковъ».

Г. Епископскій судъ.

Вѣдомство епископскаго суда въ древней Руси было обширно: *извѣстная часть общества отвѣтствовала передъ нимъ за всякаго рода преступленія, другая часть общества — только за нѣкоторыя опредѣленныя преступленія*. Лицами, подлежавшими *исключительно церковному суду* и не судившимися въ свѣтскомъ, были не только монахи, священно- и церковно-служители, но и такъ называемые *церковные люди*. Составъ послѣднихъ былъ весьма разнообразенъ. Къ ихъ числу относятся: 1) семьи духовныхъ лицъ и церковнослужителей, 2) люди, жившіе на церковныхъ земляхъ, 3) убогіе и безпріютные, призрѣваемые въ церковныхъ благотворительныхъ учрежденіяхъ, 4) отпущенные на свободу рабы и вообще изгои. Всѣ указанныя лица судились церковнымъ епископскимъ судомъ, и только при обвиненіи ихъ въ особо важныхъ преступленіяхъ въ этомъ судѣ

участвовалъ княжескій уполномоченный; въ такомъ случаѣ судъ получалъ названіе общаго или «смѣснаго». («Смѣсный» судъ дѣйствовалъ и тогда, когда въ какомъ-нибудь дѣлѣ сталкивались интересы церковнаго и нецерковнаго человѣка).

За извѣстнаго рода проступки епископскому суду подлежали *всѣ безъ различія слои русскаго населенія.* Сюда относились, главнымъ образомъ, тѣ дѣянія, въ которыхъ древняя Русь усматривала не столько преступленія,—караемыя, какъ извѣстно, княжескимъ судомъ,—сколько грѣховность, а именно: 1) проступки противъ религіи (напр., святотатство, ворожба, волхвованіе, приверженность къ языческимъ обрядамъ), 2) дѣла бракоразводныя и проступки противъ нравственности и святости брака (напр., супружеская измѣна, многоженство, неправильное совершеніе браковъ и т. д.), 3) споры и распри между близкими родственниками, 4) ссоры и драки, не повлекшія за собою серьезныхъ послѣдствій (иногда, впрочемъ, и неумышленное убійство тоже подлежало церковному суду).

Осужденные церковнымъ судомъ подвергались не только денежнымъ штрафамъ, но несли и другія кары: церковную эпитемію, заключеніе подъ арестомъ, тѣлесныя наказанія и даже смертную казнь.

Церковный судъ заимствовалъ тѣлесныя наказанія, подчасъ весьма жестокія, не изъ русской судебной практики, не знавшей, какъ сказано выше, ихъ, а изъ византійскаго законодательства, памятниками котораго онъ пользовался. Эти памятники, извѣстные на Руси, были слѣдующіе: 1) Номоканонъ (получившій въ русскомъ переводѣ названіе Кормчей книги)—сводъ церковныхъ правилъ и законовъ византійскихъ императоровъ касательно Церкви; 2) Эклога — византійскій сводъ, касающійся семейнаго права, составленный въ половинѣ VIII вѣка; 3) «Законъ судный людемъ»—славянская передѣлка Эклоги, возникшая у болгаръ въ IX вѣкѣ; 4) «Прохиронъ» — сводъ императора Василія Македонянина IX вѣка. На основаніи переводовъ этихъ византійскихъ законодательныхъ памятниковъ и на основаніи церковной судебной практики, составлены были русскіе *церковные уставы*, опредѣляющіе вѣдомство епископскаго суда. Такихъ уставовъ нѣсколько: одинъ приписывается Владиміру Св., другой — Ярославу Мудрому, третій—новгородскому князю Всеволоду Мстиславичу; имѣются еще церковный уставъ новгородскаго князя Святослава Ольговича и уставная грамота Смоленской епархіи, данная княземъ Ростиславомъ Мстиславичемъ. Три первые устава дошли до нашего времени въ спискахъ, содержащихъ множество позднѣйшихъ вставокъ, измѣненій и наслоеній. Поэтому очень трудно составить представленіе о ихъ первоначальномъ видѣ. Да и вообще настолько же сомнительно считать Владиміра и Ярослава составителями указанныхъ церковныхъ грамотъ, насколько невозможно признавать Ярослава авторомъ Русской Правды: *и Правда и церковные уставы возникали постепенно по мѣрѣ развитія свѣтскаго — княжескаго и церковнаго — епископскаго суда.*

Д. Вліяніе духовенства на міръ.

Посредствомъ своего суда духовенство оказывало значительное вліяніе на древне-русское общество. Кромѣ того, ему, какъ самому образованному классу, поручались иногда и чисто мірскія дѣла: такъ, напримѣръ, епископы наблюдали за правильностью мѣръ и вѣсовъ, исполняли дипломатическія порученія при сношеніяхъ русскихъ князей другъ съ другомъ и съ иноземными государями; на духовенствѣ же лежала и канцелярская работа при заключеніи разныхъ договоровъ. *Политическое значеніе духовенства было велико*: митрополитъ кіевскій, титуловавшійся митрополитомъ «всея Руси», поддерживалъ идею ея національнаго единства, не нарушаемаго политическою раздробленностью; во время усобицъ митрополитъ «ходилъ между князьями», т. е. посредничалъ, стремился привести ихъ къ соглашенію; духовенство поднимало авторитетъ князей, какъ «избранниковъ Божіихъ», требовало повиновенія имъ, участвовало въ княжескихъ совѣщаніяхъ наряду со старшими дружинниками. Еще болѣе замѣтнымъ было *нравственное вліяніе духовенства:* въ своихъ поученіяхъ оно боролось съ суевѣріями и пережитками язычества, съ пороками, смягчало, по возможности, суровое отношеніе къ холопамъ, освобождало отъ рабства тѣхъ холоповъ, которые работали на церковныхъ земляхъ; оно принимало подъ свою защиту обездоленныхъ, занималось дѣлами благотворенія; оно, наконецъ, содѣйствовало устройству монастырей.

Идеалы монашества перешли на Русь изъ Греціи, гдѣ въ XI вѣкѣ оно было очень распространено и пользовалось особеннымъ уваженіемъ. Многіе русскіе люди стремились подражать своимъ учителямъ вѣры—грекамъ и искали спасенія въ отшельничествѣ, пустынножительствѣ, строгомъ постѣ и другихъ подвигахъ отреченія отъ міра. Одиночество и сосредоточенность въ самомъ себѣ были обычнымъ идеаломъ каждаго подвижника. Но этотъ идеалъ рѣдко осуществлялся: обыкновенно, молва объ отшельникѣ, спасающемся гдѣ-нибудь въ лѣсныхъ дебряхъ, распространялась широко по всей округѣ, къ нему приходили подражатели, рыли себѣ пещеры или ставили избушки, затѣмъ строили церковь. Это—одинъ изъ способовъ возникновенія монастырей. Еще чаще общежитія для монаховъ и церкви при нихъ строились князьями и богатыми людьми, видѣвшими въ основаніи монастырей подвигъ благочестія. Первые монастыри (Св. Георгія и св. Ирины) возникли при Ярославѣ Мудромъ; въ послѣдніе годы его княженія или въ началѣ княженія Изяслава было положено основаніе самому замѣчательному изъ древне-русскихъ монастырей—Кіево-Печерскому. Основателемъ его принято считать преп. Антонія (скончавшагося около 1072 г.), а главнымъ устроителемъ—преп. Ѳеодосія.

Житіе Антонія, написанное въ концѣ восьмидесятыхъ и въ началѣ девятидесятыхъ годовъ XI вѣка, не дошло до нашего времени

въ подлинномъ видѣ и можетъ быть возстановлено только приблизительно по позднѣйшимъ передѣлкамъ. По преданію, Антоній былъ уроженцемъ города Любеча. Стремясь къ монашеской жизни, онъ отправился въ Грецію, принялъ постриженіе на Аѳонѣ, но вернулся на Русь, чтобы проповѣдывать здѣсь монашество, поселился невдалекѣ отъ Кіева въ той пещерѣ, гдѣ обиталъ ранѣе Иларіонъ, и предавался аскетическимъ подвигамъ. Когда къ нему стали приходить другіе иноки, онъ поставилъ имъ игумена, а самъ удалился въ отшельническую жизнь. Однимъ изъ первыхъ игуменовъ былъ Ѳеодосій, сынъ дружинника, уроженецъ Василева, проведшій молодые годы въ Курскѣ. При немъ въ 1062 году построена была на горѣ у пещеры Антонія церковь и помѣщеніе для многихъ келій. Житіе Ѳеодосія, написанное Несторомъ, рисуетъ его необыкновеннымъ подвижникомъ, презрѣвшимъ всѣ мірскія выгоды, претерпѣвшимъ жестокія нападки и притѣсненія отъ матери ради стремленія къ иноческой жизни, которой онъ былъ преданъ уже съ самаго дѣтства.

Ѳеодосій ввелъ въ Печерскомъ монастырѣ уставъ, составленный греческимъ монахомъ Ѳеодоромъ Студитомъ (умершимъ въ IX вѣкѣ). Этотъ Студійскій уставъ требовалъ весьма строгаго образа жизни отъ монаховъ: они не могли имѣть частной собственности, должны были содержать себя своими трудами и всѣ безъ различія исполнять всякую работу; кромѣ того, имъ предписывался самый строгій постъ, лишеніе себя сна и отдыха, безусловное послушаніе и т. д. Нѣкоторые, не довольствуясь этимъ, шли еще дальше на пути аскетическихъ подвиговъ: распространено было, напримѣръ, многолѣтнее затворничество въ какой-нибудь пещерѣ, или закапываніе себя по поясъ въ яму.

Несмотря на строгость устава, монастырь привлекалъ иноковъ, и къ концу жизни Ѳеодосія число ихъ достигло уже ста. И впослѣдствіи слава Печерской обители не меркла: она считалась свѣтильникомъ русскаго Православія, ей стремились подражать основатели другихъ многочисленныхъ монастырей. На монашество стали смотрѣть, какъ на высшую форму христіанскаго житія. Понятно поэтому, что его принимали люди различныхъ классовъ: и простые, и дѣти бояръ, и даже князья и княгини. Правда, князей-иноковъ было немного, но зато сильно распространенъ былъ среди князей обычай принимать постриженіе въ предчувствіи смерти (первый сдѣлалъ это Всеволодъ Ольговичъ).

Вмѣстѣ съ монашествомъ развилось на Руси и паломничество. Русскіе люди совершали благочестивыя путешествія на Аѳонъ, въ Царьградъ, въ Іерусалимъ, постригались тамъ въ монахи, а иногда основывали и собственные монастыри.

Конечно, монастыри имѣли не мало недостатковъ: строгіе уставы далеко не всегда исполнялись, обрядовая сторона благочестія часто преобладала надъ внутреннимъ его содержаніемъ, инокамъ не чужды

были мірскіе пороки. Несмотря на все это, монастыри оказывали громадное вліяніе на древнюю Русь. Они являлись *разсадниками русскихъ епископовъ*, которые, несомнѣнно, лучше пріѣзжихъ грековъ могли поучать народъ, бороться съ суевѣріями и двоевѣріемъ и хорошо знали мѣстные нравы. Игумены монастырей возвышали иногда свой голосъ и въ *политическихъ вопросахъ*, обличая князей за неправый судъ, дурное управленіе или распри. Еще важнѣе политической роли монастырей было ихъ крупное *просвѣтительное значеніе*: они были средоточіемъ образованности, и изъ монашеской среды вышли почти всѣ выдающіеся писатели древней Руси—составители проповѣдей и поученій, житій святыхъ и лѣтописцы.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Культурное состояніе Кіевской Руси.

§ 1. Просвѣщеніе.

Послѣ принятія христіанства появлись на Руси зачатки образованности. По словамъ лѣтописи, уже Владиміръ Св. и Ярославъ I положили начало школьному обученію дѣтей. Оно ограничивалось, обыкновенно, чтеніемъ, письмомъ и начатками ариѳметики. Лица, подготовлявшіяся къ высшимъ духовнымъ должностямъ, изучали, кромѣ того, еще и греческій языкъ и, вѣроятно, ораторское искусство. Всѣ другія познанія, извѣстныя въ древней Руси, пріобрѣтались посредствомъ самообразованія, т. е. чтенія, которому въ то время придавали громадное значеніе; въ немъ видѣли не только удовлетвореніе любознательности, но и христіанскій подвигъ, «красоту праведника», «источникъ мудрости», «бесѣду съ Богомъ и святыми мужами». «Источникомъ мудрости» русскихъ людей была довольно обширная греческая литература, переведенная на южно-славянскія нарѣчія или же на русскій языкъ.

Главнѣйшую часть этой литературы составляли *богословскія произведенія:* творенія Отцовъ Церкви, въ особенности же Св. Іоанна Златоуста, толкованія Св. Писанія, житія святыхъ, а также апокрифы. Изъ историческихъ книгъ были извѣстны *греческія хроники* Малалы, Синкела и Амартола, лѣтопись Никифора и такъ называемая Историческая Палея. Отсюда же черпались и географическія познанія. Существовали еще на Руси «*сборники различныхъ изреченій*» не только изъ библейскихъ книгъ, но и изъ древнихъ греческихъ писателей, напр. Гомера, Платона, Аристотеля. (Изъ такихъ сборниковъ слѣдуетъ назвать «Изборникъ Святослава», составленный въ 1083 г., и «Пчелу»).

Объемъ научныхъ познаній древне-русскаго общества ограничивался почти исключительно богословскими свѣдѣніями. Однако и

они извѣстны были весьма небольшому кругу лицъ, и даже князья, повидимому, не всѣ были грамотны. Но среди членовъ княжескаго рода встрѣчались также люди, отличавшіеся по тому времени весьма основательнымъ образованіемъ. Изъ такихъ книголюбцевъ-князей особенно замѣчательны: Ярославъ Мудрый, сыновья его: Святославъ и Всеволодъ, владѣвшій 5 языками, Владиміръ Мономахъ и Владиміръ Васильковичъ. Неодинаково распространено было просвѣщеніе и среди духовенства. Отъ простыхъ священниковъ требовалась только грамотность. Среди высшихъ же представителей кіевскаго духовенства можно указать нѣсколькихъ «философовъ», блиставшихъ въ своихъ поученіяхъ и проповѣдяхъ большою начитанностью и умѣніемъ пользоваться изысканными византійскими ораторскими пріемами. Къ числу ихъ относятся два кіевскихъ митрополита изъ русскихъ людей — Иларіонъ и Климъ Смолятичъ — и епископъ Туровскій Кириллъ.

Замѣчательнѣйшимъ произведеніемъ Иларіона является «Слово о законѣ и благодати» — одно изъ лучшихъ твореній древней русской письменности. Иларіонъ, прибѣгая къ искусственнымъ, заимствованнымъ изъ византійской риторики пріемамъ, не увлекается однако подражаніемъ иноземнымъ образцамъ, а сохраняетъ въ своемъ произведеніи національный русскій характеръ: въ немъ чувствуется и національное самосознаніе и искренній благородный патріотизмъ.

Климъ Смолятичъ, по словамъ лѣтописи, былъ «книжникъ и философъ, какого никогда не бывало на Руси». Судить о его познаніяхъ однако очень трудно, такъ какъ изъ его произведеній сохранилось только одно, притомъ сильно испорченное позднѣйшими вставками, посланіе, въ которомъ онъ прибѣгаетъ къ символическимъ выраженіямъ и хвалится своею начитанностью. Отъ Кирилла Туровскаго сохранилось нѣсколько молитвъ и проповѣдей, написанныхъ очень искусственнымъ языкомъ.

Проповѣдники-философы были, впрочемъ, исключеніемъ среди кіевскихъ духовныхъ писателей, большинство которыхъ, какъ, напримѣръ, епископъ новгородскій Лука, Ѳеодосій Печерскій, монахъ Іаковъ (авторъ «Памяти и Похвалы в. кн. Владиміру») и, наконецъ, Серапіонъ, излагали свои мысли простымъ, чуждымъ всякихъ прикрасъ, языкомъ; они ограничивались вопросами нравственности и обрядности и опроверженіемъ неправославныхъ вѣрованій (напр., Ѳеодосій въ двухъ своихъ посланіяхъ рѣзко нападаетъ на католиковъ и проповѣдуетъ полную нетерпимость къ нимъ).

Литературная дѣятельность духовныхъ писателей не исчерпывалась проповѣдями и поученіями: они составляли житія святыхъ и, что важнѣе всего,—лѣтописные своды. Изъ житій слѣдуетъ отмѣтить нѣсколько сказаній, посвященныхъ описанію мученической кончины Свв. Бориса и Глѣба (древнѣйшія изъ нихъ написаны Несторомъ въ 1081 — 1088 г.г.), и преданій о первыхъ подвижникахъ Кіево-Пе-

черскаго монастыря. Лѣтописные своды являются самыми цѣнными, незамѣнимыми произведеніями древней письменности, изъ которыхъ почерпаются почти всѣ свѣдѣнія о Кіевской Руси.

Старѣйшій изъ сохранившихся до нашего времени въ полномъ видѣ лѣтописныхъ сводовъ носитъ названіе «Повѣсти временныхъ лѣтъ». Эта повѣсть дошла до насъ въ нѣсколькихъ спискахъ, лучшимъ изъ которыхъ признается Лаврентьевскій. Она составлена въ 1116-мъ году игуменомъ Михайловскаго Выдубицкаго монастыря (въ Кіевѣ) Сильвестромъ. Сильвестръ былъ только составителемъ, а отнюдь не авторомъ «Повѣсти»: онъ лишь перерабатывалъ и дополнялъ болѣе древніе лѣтописные своды. Эти послѣдніе не дошли до насъ въ своемъ непосредственномъ видѣ, но могутъ быть приблизительно возстановлены на основаніи анализа текста Сильвестровой повѣсти и сличенія его съ текстами другихъ лѣтописей (главнымъ образомъ, новгородскихъ). Именно, современная историческая наука полагаетъ, что первый кіевскій лѣтописный сводъ (такъ называемый Древнѣйшій) составленъ былъ около 1039 года, когда окончена была постройка Св. Софіи въ Кіевѣ и вполнѣ установлена русская митрополія. Вѣроятно, онъ и составлялся при митрополичьемъ дворѣ или при церкви Св. Софіи, какъ каѳедральномъ соборѣ митрополита. Черезъ нѣкоторое время лѣтописаніе перешло въ Печерскій монастырь, иноки котораго занялись дополненіемъ и переработкой Древнѣйшаго свода. Такъ возникъ въ 1073 году первый Печерскій сводъ, надъ которымъ трудился іеромонахъ Никонъ. Этотъ сводъ впослѣдствіи былъ продолженъ, а въ 1095 году составленъ былъ второй Печерскій сводъ, извѣстный подъ названіемъ Начальнаго кіевскаго свода и имѣющій *общерусскій* характеръ, такъ какъ онъ представляетъ собою соединеніе перваго Печерскаго свода съ лѣтописями, составлявшимися въ другихъ русскихъ городахъ и, главнымъ образомъ, съ первымъ Новгородскимъ сводомъ. Этотъ послѣдній является въ свою очередь переработкой Древнѣйшаго кіевскаго свода, который былъ дополненъ новгородскими извѣстіями, почерпнутыми изъ мѣстныхъ народныхъ преданій и первоначальной новгородской лѣтописи. Начальный кіевскій сводъ послужилъ основаніемъ «Повѣсти временныхъ лѣтъ», изъ которой исходили всѣ позднѣйшіе лѣтописные своды.

Характеръ лѣтописныхъ сводовъ свидѣтельствуетъ о хорошей освѣдомленности, большой начитанности и значительномъ культурномъ развитіи ихъ составителей. Лѣтописцы отлично знаютъ мѣстныя народныя сказанія, удачно сопоставляютъ ихъ, стараются примирить ихъ противорѣчія; они пользуются также письменными источниками, какъ русскими (напр. житіями святыхъ), такъ и иностранными (болгарскою лѣтописью и византійскими хрониками). Не чужда лѣтописцамъ и опредѣленная система изложенія, а также общая точка зрѣнія, съ которой они разсматриваютъ описываемыя

событія. Эта точка зрѣнія — религіозная, церковная. Однако лѣтописцы живо относятся къ мірскимъ интересамъ, умѣютъ высказывать свое негодованіе или свое сочувствіе и за отдѣльными княжествами никогда не теряютъ изъ виду единой Русской земли, нужды которой представляютъ себѣ вполнѣ отчетливо. Однимъ словомъ въ лѣтописяхъ замѣтно сочетаніе духовнаго и свѣтскаго міровоззрѣнія.

На литературномъ поприщѣ въ древней Руси выступали не только духовныя лица, но и свѣтскіе люди. Изъ свѣтскихъ писателей слѣдуетъ упомянуть Владиміра Мономаха и неизвѣстныхъ авторовъ двухъ произведеній: «Моленія Даніила Заточника» и «Слова о полку Игоревѣ». Развитіе литературы является, какъ извѣстно, лучшимъ показателемъ умственнаго уровня общества. Поэтому, несмотря на ограниченность круга знаній и малое распространеніе ихъ въ Кіевской Руси, все же слѣдуетъ признать, что *древне-русское общество, хотя бы въ небольшой своей части, достигло довольно значительной степени культурнаго развитія.*

§ 2. Искусство.

Культурность общества опредѣляется также состояніемъ *изобразительнаго искусства.* Памятниковъ древнѣйшаго, до-христіанскаго зодчества и ваянія на Руси не сохранилось, и о знакомствѣ ея съ послѣднимъ можно догадываться только на основаніи извѣстій о томъ, что русскіе при Владимірѣ воздвигали идоловъ, имѣвшихъ человѣкоподобную форму. Всѣ сохранившіеся донынѣ остатки произведеній древне-русскаго искусства созданы уже въ христіанской Руси греческими мастерами или въ подраженіе имъ, однимъ словомъ, всѣ они возникли *подъ византійскимъ вліяніемъ.* По характеру этихъ произведеній можно заключить, что Кіевская Русь была хорошо знакома съ *зодчествомъ, церковною живописью, мозаичною и ювелирною* работами.

Памятниками зодчества являются древне-русскія церкви (отъ большинства которыхъ сохранились теперь лишь развалины), въ особенности знаменитый соборъ Св. Софіи въ Кіевѣ. Форма церквей была обыкновенно удлиненная четыреугольная съ алтарными полукружными выступами на восточной сторонѣ; постройка покрывалась куполами, стоявшими на цилиндрахъ, опиравшихся на колонны; рядъ колоннъ и соединяющія ихъ арки расходились крестообразно и раздѣляли храмъ въ продольномъ направленіи на нѣсколько (обыкновенно три, иногда пять) частей — такъ называемыхъ «кораблей». Отдѣлка церквей отличалась роскошью и богатствомъ: колонны дѣлались изъ мрамора, порфира, алебастра, полъ изъ разноцвѣтнаго мрамора, стѣны покрывались фресками и мозаикой. Такъ, напримѣръ, въ Софійскомъ храмѣ расписаны были всѣ стѣны, за исключеніемъ надалтарнаго пространства и главнаго купола, украшенныхъ мо-

заикой. Памятниками древне-русской живописи служатъ также иконы, мало-по-малу замѣнившія прежнія фрески, и миніатюры, сохранившіяся въ нѣкоторыхъ рукописяхъ, напримѣръ, Остромировомъ Евангеліи и Изборникѣ Святослава. Живопись не отличалась особеннымъ совершенствомъ: положеніе изображаемыхъ фигуръ, по большей части, было искусственно, выраженіе лицъ однообразно, въ нихъ не чувствовалось настоящей красоты и вдохновенія. Эти недостатки объясняются тѣмъ, что въ XI вѣкѣ византійское искусство переживало время своего застоя и упадка. Ваяніе статуй для церквей не допускалось въ Византіи, и о ваяніи въ древней Руси можно судить только по мраморнымъ рѣзнымъ гробницамъ князей (особенно замѣчателенъ гробъ Ярослава Мудраго, находящійся въ Софійскомъ храмѣ) и архитектурнымъ украшеніямъ. Большого совершенства достигла въ Кіевскій періодъ работа по эмали и ювелирное искусство, которое служило не только нуждамъ церкви, но удовлетворяло также потребностямъ богатыхъ классовъ кіевскаго общества.

Въ городахъ Приднѣпровскаго края существовали мастерскія, выдѣлывавшія всевозможные предметы роскоши: ожерелья, кольца, посуду и изящное оружіе. И искусство, и художественное производство особенно процвѣтали въ Кіевѣ.

Своимъ внѣшнимъ видомъ Кіевъ возбуждалъ удивленіе иностранцевъ-путешественниковъ XI вѣка. Они называютъ его «вѣнцомъ Востока», соперникомъ Константинополя, насчитываютъ въ немъ нѣсколько сотъ церквей и около десятка рынковъ. Конечно, эти отзывы очень преувеличены, но во всякомъ случаѣ Кіевъ былъ богатымъ, хорошо обстроеннымъ и многолюднымъ городомъ. Населеніе его было очень многочисленно (въ XII вѣкѣ оно доходило, пожалуй, до 100.000 ч.) и отличалось разноплеменностью: кромѣ туземцевъ и пріѣзжихъ по торговымъ дѣламъ русскихъ купцовъ, здѣсь проживали, занимая цѣлые кварталы, западно-европейскіе купцы (такъ называемые латины), евреи и армяне. Богатство и населенность Кіева объясняются тѣмъ, что онъ былъ хозяйственнымъ (экономическимъ) центромъ древней Руси.

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Экономическое состояніе Кіевской Руси.

А. Развитіе торговли.

Въ Кіевскій періодъ преобладали тѣ же хозяйственныя занятія, какъ и въ эпоху, предшествовавшую образованію Кіевскаго государства, именно, — добывающая промышленность, сельскохозяйственная дѣятельность и торговля. Во время процвѣтанія Приднѣпровскаго края торговля велась очень оживленно. Изъ Кіева торговые пути шли по всѣмъ направленіямъ, и русскіе купцы заводили сношенія съ многими окрест-

ными странами: съ Азіатскимъ Востокомъ, съ Византіей, ея владѣніями въ Крыму и съ нѣкоторыми западно-европейскими городами (напр. Регенсбургомъ, Прагой и друг.). Развита была и внутренняя торговля съ сѣвернымъ Приднѣпровьемъ и съ Новгородомъ. О широкомъ развитіи торговыхъ оборотовъ свидѣтельствуетъ «Русская Правда», которая удѣляетъ много статей выясненію различныхъ имущественныхъ отношеній, напримѣръ, займа, размѣра процента, обязанностей должниковъ къ заимодавцамъ, торговой несостоятельности и т. д. Благодаря торговлѣ у членовъ княжеской семьи, у дружинниковъ и городскихъ заправилъ накапливались значительныя богатства, удовлетворявшія не только ихъ прихоти, но расходовавшіяся также на благотворительныя нужды, на постройку храмовъ и монастырей. Даже иноземныя церкви не разъ получали щедрые дары отъ русскихъ княгинь. Хотя выгоды отъ торговли доставались небольшому кругу лицъ, и богатства распредѣлялись между населеніемъ очень неравномѣрно, тѣмъ не менѣе торговля была *основой экономической жизни Приднѣпровья*, главной силой, способствовавшей его благосостоянію.

Б. Упадокъ торговли.

Экономическое процвѣтаніе Кіевской Руси было непродолжительнымъ: торговля скоро стала приходить въ упадокъ. Уже въ X вѣкѣ Святославъ Игоревичъ, разгромивъ Болгарское и Хозарское царства, нанесъ жестокій ударъ восточной торговлѣ, ведшейся главнымъ образомъ черезъ посредство Великаго Булгара и Итиля. Въ позднѣйшее время, вслѣдствіе занятія южно-русскихъ степей половцами, сдѣлались затруднительными и торговыя сношенія съ югомъ—Византіей и Крымомъ. Объ этомъ можно судить, напримѣръ, по приводимымъ въ лѣтописи словамъ одного изъ князей второй половины XII вѣка, который скорбитъ о томъ, что «поганые» завладѣли четырьмя торговыми путями, въ томъ числѣ путемъ «греческимъ». Русскіе купцы, торговавшіе съ Греціей, такъ называемые «гречники», подвергались постояннымъ грабежамъ и нуждались въ сильной военной защитѣ. Что касается торговли съ Западной Европой, то, хотя она не прекращалась, однако постепенно переходила въ руки иностранныхъ купцовъ и новгородцевъ.

В. Земледѣліе.

По мѣрѣ упадка торговли населенію приходилось обращаться преимущественно къ земледѣлію. Земли въ Кіевской Руси было достаточно, и занимать свободную землю могъ всякій, кто прилагалъ къ ней свой трудъ. Но для того, чтобы завести хозяйство или возстановить его послѣ опустошенія, произведеннаго княжескими усобицами и половецкими нашествіями, нужны были средства, а ихъ не имѣлось у разоренныхъ смердовъ. Поэтому въ періодъ упадка Кіевской Руси мелкая земельная собственность встрѣчалась рѣже, чѣмъ раньше, и стало преобладать крупное землевладѣніе. Именно, въ XII вѣкѣ нѣкоторые князья,

княжескіе дружинники, городскіе капиталисты и монастыри заводили большія хозяйства, пользуясь для обработки своихъ земель даровымъ трудомъ холоповъ. Однако и крупное землевладѣніе не могло устоять при неблагопріятныхъ условіяхъ, роковымъ образомъ приводившихъ Кіевскую Русь къ полному упадку. Кипучая политическая, торговая и культурная жизнь замирала на Днѣпрѣ, и изъ старыхъ русскихъ городовъ только Новгородъ долгое время сохранялъ свое значеніе.

ОЧЕРКЪ III.

Удѣльный періодъ.

(Время разобщенія Руси Сѣверо-Восточной, Сѣверо-Западной и Юго-Западной—XIII, XIV и половина XV вв..

Введеніе.

До конца XII вѣка Кіевъ былъ хозяйственнымъ, культурнымъ и правительственнымъ центромъ древней Руси, такъ какъ онъ являлся 1) главнымъ торговымъ мѣстомъ на великомъ водномъ пути, 2) мѣстопребываніемъ митрополита и очагомъ просвѣщенія, 3) первенствующимъ по своему политическому значенію городомъ, къ обладанію которымъ стремились всѣ князья. Понятно поэтому, что всѣ крупныя событія древней Руси связывались съ Кіевомъ, и изложеніе этихъ событій называется исторіей кіевскаго періода.

А. Новые центры древней Руси.

По мѣрѣ упадка Кіева, стали возвышаться другіе города, сдѣлавшіеся средоточіемъ крупныхъ областей, а именно: Галичъ въ Юго-Западной Руси, Новгородъ въ Сѣверо-Западной и Владиміръ на Клязьмѣ, а затѣмъ Москва — въ Сѣверо-Восточной. Изъ изложенія исторіи этихъ городовъ и ихъ областей выяснится, что, начиная съ XIII вѣка, въ хозяйственномъ и культурномъ бытѣ и въ политической жизни русскихъ славянъ происходили значительныя измѣненія по сравненію съ Кіевскимъ періодомъ, вслѣдствіе чего въ исторической наукѣ принято приблизительно съ XIII в. начинать новый періодъ русской исторіи — удѣльный [1]).

---

[1]) Терминъ «удѣльный» происходитъ отъ слова «удѣлъ». Такъ назывались мелкія княжества, на которыя распалась въ XIII и XIV вѣкахъ Сѣверо-Восточная Русь, и которыя по своему строю значительно отличались отъ «волостей» Кіевскаго періода. Поэтому, строго говоря, терминъ «удѣльный» можно относить только къ исторіи Сѣверо-Восточной Руси, но ради удобства и для сохраненія хронологическаго параллелизма въ настоящемъ очеркѣ будетъ излагаться также исторія Новгорода и западной Руси; по отношенію къ нимъ понятію «удѣльный» періодъ будетъ придаваться лишь хронологическій смыслъ, именно оно будетъ обозначать XIII, XIV и часть XV вв. ихъ исторіи.

Б. Новые внѣшніе враги древней Руси.

Происшедшія перемѣны объясняются 1) вліяніемъ иныхъ, отличающихся отъ Днѣпровской Руси, условій природы тѣхъ областей, въ которыхъ были расположены указанные города, 2) вліяніемъ чужеземцевъ, съ которыми пришлось встрѣтиться русскимъ въ удѣльный періодъ. Именно, какъ будетъ разсказано ниже, Сѣверо-Восточная [1]) Русь два съ половиной вѣка терпѣла тяжкое владычество татаръ, обширная Новгородская область, менѣе страдая отъ татаръ, должна была вести долгую, ожесточенную борьбу со шведами и прибалтійскими нѣмцами, а Западная Русь вскорѣ послѣ татарскаго нашествія стала постепенно переходить подъ власть Литвы. Эти три части Русской земли долго были обособлены другъ отъ друга, и каждая изъ нихъ выработала свой особый укладъ жизни. Ихъ сближеніе какъ политическое, такъ и культурное началось съ конца XV вѣка, когда усилившееся и собравшее подъ своею властью всю Сѣверо-Восточную Русь Московское княжество сбросило съ себя татарское владычество и принялось за объединеніе всѣхъ областей, заселенныхъ русскимъ народомъ.

Разсмотримъ отдѣльно жизнь каждой изъ этихъ трехъ частей, а затѣмъ прослѣдимъ исторію возвышенія Московскаго Государства.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Удѣльные порядки въ Сѣверо-Восточной Руси и вліяніе татаръ.

§ 1. Сѣверо-Восточная Русь.

А. Заселеніе Сѣверо-Восточной Руси.

Къ XIII вѣку Сѣверо-Восточная Русь была заселена русскими славянами главнымъ образомъ на протяженіи между верхней Волгой и Окой.

Русскіе являлись здѣсь пришлымъ населеніемъ, такъ какъ древнѣйшими коренными обитателями междурѣчья Оки и Волги, какъ вообще всей сѣверной и центральной полосы Восточно-Европейской равнины, были финскія племена: по Окѣ жило племя Мурома, по Волгѣ — Меря, въ области Бѣлоозера — Весь [2]).

---

[1]) Подъ названіемъ Сѣверо-Восточная Русь въ настоящемъ очеркѣ будетъ разумѣться отнюдь не весь сѣверъ и востокъ Восточно-Европейской равнины, а лишь то пространство, которое въ удѣльный періодъ было заселено русскими, именно, главнымъ образомъ, междурѣчье Оки и Волги. Такъ какъ одними изъ первыхъ основанныхъ здѣсь городовъ были Ростовъ и Суздаль, то Сѣверо-Восточная Русь называется обыкновенно Ростово-Суздальскимъ краемъ.

[2]) Давнишнее присутствіе финновъ въ междурѣчьѣ Волги и Оки доказывается, главнымъ образомъ, географическими названіями, особенно названіями рѣкъ, оканчивающимися на «ва». Слово Ока — тоже финскаго происхожденія.

Первые славянскіе переселенцы приходили сюда изъ Новгорода и его окрестностей. Уже издавна они построили здѣсь нѣсколько городовъ, старѣйшими изъ которыхъ были Ростовъ, Суздаль (отъ ихъ имени и вся область часто называется Ростово-Суздальскимъ краемъ), затѣмъ Муромъ, Владиміръ на Клязьмѣ, Ярославль и др. Значительно позднѣе (съ половины XII вѣка) появились въ Ростово-Суздальскомъ краю выходцы изъ Приднѣпровской Руси, и число ихъ тѣмъ болѣе увеличивалось, чѣмъ безпокойнѣе становилась жизнь на югѣ. Южные пришельцы, устраиваясь на новыхъ мѣстахъ, давали своимъ поселеніямъ старыя знакомыя названія. Вслѣдствіе этого въ Сѣверо-Восточной Руси появилось не мало городовъ, носящихъ одинаковыя названія съ городами Приднѣпровья, напр. Переяславль, Звенигородъ, Стародубъ, Галичъ, Вышгородъ и др. Часто одно и то же имя давалось нѣсколькимъ городамъ. На сѣверъ принесены были также былины, сложенныя на югѣ и повѣствующія о кіевскихъ событіяхъ.

Б. Взаимоотношенія русскихъ и финновъ.

Русскіе при разселеніи въ новомъ краю не встрѣчали противодѣйствія со стороны финновъ. Объясняется это отчасти миролюбіемъ послѣднихъ, отчасти — обиліемъ незанятыхъ еще земель. По мѣрѣ притока славянскихъ колонистовъ (особенно увеличившагося послѣ упадка Кіева) финны отступили далѣе на сѣверъ и востокъ, или же, смѣшавшись съ русскими, обрусѣли. Однако и пришельцы, въ свою очередь, испытали извѣстное воздѣйствіе со стороны финновъ, переняли кое-что отъ нихъ. Изъ смѣшенія славянскихъ колонистовъ съ туземцами съ теченіемъ времени выработалась особая вѣтвь русскаго народа — такъ называемые великоруссы. Они стали отличаться отъ своихъ приднѣпровскихъ соплеменниковъ говоромъ, отчасти вѣрованіями, привычками и даже наружностью. Значительно было также различіе въ важнѣйшихъ ихъ занятіяхъ, т. е. въ хозяйственномъ бытѣ, объясняющееся особенностями природы Приволжскаго и Прокскаго края.

В. Хозяйственный бытъ Сѣверо-Восточной Руси.

Географическое положеніе Сѣверо-Восточной Руси, отдаленной отъ великаго воднаго пути и отрѣзанной кочевниками отъ сношеній съ азіатскимъ Востокомъ, не представляло тѣхъ благопріятныхъ условій для развитія внѣшней торговли, какими въ свое время обладала Кіевская Русь. Внутренняя торговля равнымъ образомъ не могла быть значительной въ странѣ съ очень еще рѣдкимъ населеніемъ. Къ тому же въ Верхневолжскій край устремлялись изъ Приднѣпровья главнымъ образомъ земледѣльцы — смерды, наиболѣе терпѣвшіе отъ княжескихъ усобицъ и половецкихъ нашествій. Естественно поэтому, что обитатели Сѣверо-Восточной Руси обратились къ добывающей промышленности, земледѣлію и незатѣйливымъ ремесламъ.

Г. Города Сѣверо-Восточной Руси.

Вслѣдствіе преобладанія земледѣлія надъ торговлей, жизнь стала сосредоточиваться главнымъ образомъ въ деревняхъ, а не въ городахъ: города въ Сѣверо-Восточной Руси имѣли, по большей части, иное значеніе, чѣмъ въ Приднѣпровской. Въ послѣдней они возникали преимущественно въ интересахъ торговли; многіе изъ нихъ существовали въ незапамятное время, еще до появленія на Руси княжеской власти. Слѣдовательно, они были старше князей, и сами князья первоначально являлись какъ бы наемниками на службѣ у городского торговаго населенія. Совершенно иное получалось въ Сѣверо-Восточной Руси. Старые города, какъ, напр., Ростовъ и Суздаль, являлись здѣсь рѣдкими исключеніями. Большинство городовъ Верхне-Волжскаго края возникло ради военныхъ и правительственныхъ нуждъ при князьяхъ-потомкахъ Юрія Долгорукаго, трудившихся надъ заселеніемъ и устроеніемъ Сѣверо-Восточной Руси. Города оказывались, такимъ образомъ, моложе княжеской власти: не они призывали къ себѣ на службу князей, а скорѣе князья зазывали населеніе въ новые города и на пустовавшія земли.

Д. Усиленіе княжеской власти.

При такихъ условіяхъ городскія вѣча не могли пріобрѣсть особеннаго вліянія и соперничать съ княжеской волей. Двоевластіе вѣча и князя постепенно замѣнялось единовластіемъ послѣдняго. Княжеская власть надъ городами усиливалась: князья считали себя хозяевами городовъ и собственниками всего княжества. Это замѣтно уже при Андреѣ Юрьевичѣ и братѣ его Всеволодѣ. Покорный имъ Ростовско-Суздальскій край игралъ, какъ извѣстно, преобладающую политическую роль въ концѣ XII и началѣ XIII в.в.

§ 2. Политическое преобладаніе Ростово-Суздальскаго края.

Объ отважныхъ предпріятіяхъ Андрея Юрьевича было уже упомянуто въ разсказѣ о событіяхъ, происходившихъ въ Кіевской Руси. Въ 1169 году онъ подвергъ Кіевъ страшному разгрому и сталъ сажать тамъ князей по своему усмотрѣнію, стремясь сдѣлать изъ нихъ своихъ подручниковъ. Когда же южные князья возмутились самовластнымъ отношеніемъ Андрея, онъ послалъ противъ нихъ войско, но потерпѣлъ неудачу. Андрей дѣйствовалъ не только на югѣ, но и на сѣверѣ, гдѣ хотѣлъ подчинить своей волѣ Новгородъ. На полѣ сраженія и здѣсь его многочисленныя войска не оказались побѣдоносными: новгородцы массами избивали суздальцевъ, массами забирали ихъ въ плѣнъ, продавая потомъ въ рабство. Но предусмотрительный Андрей нашелъ иной способъ борьбы: отрѣзавъ подвозъ хлѣба къ Новгороду, онъ изморомъ принудилъ новгородцевъ покориться и принять на княженіе его сына. Совершалъ также Андрей походы и на

востокъ—въ землю Камскихъ болгаръ. Эта борьба съ магометанами доставила ему славу среди современниковъ.

Не столь, впрочемъ, интересны обширныя военныя предпріятія этого князя, въ которыхъ онъ проявлялъ много отваги, много хитрости, но не всегда имѣлъ удачу, какъ самый характеръ его и тѣ порядки, которые онъ заводилъ въ своемъ княжествѣ. Своенравный Андрей былъ княземъ новаго типа, ненавидѣвшимъ старину, не стѣснявшимъ себя никакими обычаями и древними завѣтами. Свое пренебреженіе къ Приднѣпровской Руси онъ выказалъ еще въ молодые годы, когда, будучи посаженъ въ Вышгородѣ (кіевскомъ пригородѣ) своимъ отцомъ, княжившимъ тогда въ Кіевѣ, онъ тайно бѣжалъ оттуда къ себѣ на милый сѣверъ. Разгромивъ затѣмъ Кіевъ, онъ не сѣлъ тамъ на княженіе, а отдалъ его младшему брату. И въ своемъ краю онъ не терпѣлъ старыхъ городовъ—Ростова и Суздаля—и въ противовѣсъ имъ возвышалъ свой любимый Владиміръ на Клязьмѣ, обстраивалъ и украшалъ его, поставилъ въ немъ роскошный храмъ Успенія Пресв. Богородицы, главной святыней котораго была чудотворная икона Божіей Матери, принесенная Андреемъ съ юга. Не желая быть даже въ церковной зависимости отъ Кіева, Андрей хлопоталъ, хотя и безуспѣшно, объ учрежденіи митрополіи во Владимірѣ. Нерасположеніе Андрея къ старинѣ объясняется тѣмъ, что отъ нея вѣяло вѣчевымъ укладомъ, несовмѣстимымъ съ устанавливаемымъ имъ княжескимъ полновластіемъ. Не только вѣча, но даже дружинники стѣсняли его, и онъ прогналъ старыхъ отцовскихъ бояръ, окруживъ себя молодою дружиною. Но новые порядки, насаждаемые Андреемъ, не сразу привели къ благопріятнымъ результатамъ. Во всемъ княжествѣ замѣчалось нестроеніе: «была брань лютая въ Ростовской и Суздальской землѣ», говоритъ лѣтописецъ; среди приближенныхъ князя составился заговоръ, жертвою котораго онъ и палъ въ 1175 году; затѣмъ начался народный мятежъ и избіеніе княжескихъ должностныхъ лицъ, и, наконецъ, разгорѣлась страшная усобица между племянниками Андрея, сторону которыхъ приняли Ростовъ и Суздаль, и между младшими братьями его, опиравшимися на поддержку новыхъ городовъ и простонародья.

Побѣдителями въ борьбѣ оказались послѣдніе, и въ Ростово-Суздальскомъ краю утвердился Всеволодъ, по прозванію Большое Гнѣздо (1176—1212). Онъ продолжалъ политику своего брата Андрея и пользовался еще большимъ значеніемъ среди другихъ князей, чѣмъ тотъ; предъ нимъ заискивали всѣ русскіе князья. Но мощь Ростово-Суздальскаго края, столицей котораго сдѣлался Владиміръ на Клязьмѣ, была непродолжительна: послѣ смерти Всеволода опять возникли жестокія усобицы, а вскорѣ затѣмъ въ 1238 году сынъ его Юрій былъ разбитъ татарами въ сраженіи при Сити.

Политическій упадокъ Сѣверо-Восточной Руси объясняется тѣмъ, что она не избѣгла печальной участи Приднѣпровья—дробленія на

части. Андрей и Всеволодъ сумѣли упрочить свою власть, но имъ не удалось установить единодержавія въ своемъ владѣніи и тѣмъ обезопасить его отъ распада: при сыновьяхъ Всеволода его княжество раздробилось на пять частей, при внукахъ на 12, а съ теченіемъ времени на множество кусковъ.

§ 3. Характеристика удѣльнаго періода.

Княжества, на которыя распалась Сѣверо-Восточная Русь, получили названіе—удѣловъ, ихъ владѣльцы — удѣльныхъ князей, а та эпоха, въ которую происходило это распаденіе, — удѣльнаго періода русской исторіи. Новые термины соотвѣтствовали новымъ понятіямъ: удѣльные князья и по порядку наслѣдованія княжествами и по характеру своей власти отличались отъ своихъ предковъ, княжившихъ въ Приднѣпровьѣ.

А. Отсутствіе княжеской передвижки.

Порядокъ распредѣленія удѣловъ былъ инымъ, чѣмъ способъ замѣщенія волостей въ Кіевской Руси: въ кіевскій періодъ князья стремились къ передвижкѣ изъ одной волости въ другую, болѣе доходную; въ удѣльный—они предпочитали оставаться въ своихъ владѣніяхъ на всю жизнь. Отсутствіе передвижки объяснялось главнымъ образомъ тѣмъ, что въ малонаселенномъ, бѣдномъ Ростово-Суздальскомъ краю не было такихъ городовъ, какъ Кіевъ, ради обладанія которыми стоило бы жертвовать своимъ удѣломъ. Наиболѣе заманчивымъ былъ городъ Владиміръ съ его областью, и, по обычаю, шедшему изъ прежнихъ временъ, Владимірское княжество, вмѣстѣ со званіемъ великаго князя, предоставлялось старѣйшему изъ князей, въ придатокъ къ его удѣлу.

Б. Частно-владѣльческій характеръ власти удѣльныхъ князей.

Засиживаясь въ своихъ княжествахъ, упрочивая въ нихъ свою власть, сѣверо-восточные князья стали смотрѣть на удѣлъ, какъ на наслѣдственную земельную собственность, и дробили его по личному усмотрѣнію. Обычно отецъ передъ смертью дѣлилъ свое княжество соотвѣтственно числу сыновей, не передавая его въ боковыя линіи родственниковъ. Но онъ могъ также завѣщать удѣлъ или часть его (напр. нѣсколько селъ) женѣ или дочери. (Часть, выдѣленная вдовѣ въ собственность, называлась «опричниной»). Получавшіяся послѣ раздѣла мелкія княжества группировались вокругъ какихъ-нибудь центровъ, напр. Рязани, Ростова, Ярославля, Твери, князья которыхъ называли себя «великими» по отношенію къ своимъ удѣльнымъ. Такимъ образомъ, кромѣ старшаго великаго княжества Владимірскаго, образовывались еще великія княжества Рязанское, Ростовское, Ярославское, Тверское и другія, раздробленныя на удѣлы.

Продолжавшееся дробленіе приводило къ тому, что нѣкоторые удѣлы по своимъ размѣрамъ не превышали крупнаго частнаго имѣнья, и ихъ князья болѣе походили на землевладѣльцевъ, чѣмъ на государей. На первомъ планѣ у нихъ стояли хозяйственныя, землевладѣльческія заботы, такъ какъ въ Сѣверо-Восточной Руси земля являлась единственнымъ средствомъ обезпеченія и князя, и его слугъ, и всего населенія. Между ними и распредѣлялись различныя части удѣла.

В. Составныя части удѣла.

Часть удѣла находилась въ непосредственномъ владѣніи князя, составляла какъ бы личное его дворцовое хозяйство. Другія земли удѣла заселялись крестьянами (такъ съ конца XIV в. стали называться смерды). Они занимали и обрабатывали земельные участки, распоряжались ими по своему усмотрѣнію, но должны были платить князю подати. Совокупность податей, платимыхъ крестьянскими обществами, обрабатывавшими извѣстное количество земли, называлась «тягломъ». Въ несеніи тягла участвовали также «посадскіе» люди, т. е. горожане, которые въ удѣльное время, вслѣдствіе слабаго развитія торговли, мало отличались по своимъ занятіямъ отъ крестьянъ. Земли, не составлявшія личнаго хозяйства князя или чьей-либо частной собственности (крестьяне считались не собственниками, а только арендаторами), но обложенныя податьми и служившія такимъ образомъ источникомъ княжескихъ доходовъ, назывались «черными», т. е. тяглыми. Впослѣдствіи они получили характеръ казенныхъ, государственныхъ земель.

Въ нѣкоторыхъ удѣлахъ были еще земли, состоявшія въ частномъ владѣніи монастырей, духовныхъ лицъ и бояръ. Происхожденіе ихъ бывало различнымъ: иногда князья, получая удѣлъ, заставали уже въ немъ частныхъ собственниковъ, иногда же они жаловали земли въ наслѣдственное владѣніе монастырямъ, церквамъ и своимъ дружинникамъ-боярамъ. Такія наслѣдственныя земельныя владѣнія назывались «вотчинами».

Итакъ, въ нѣкоторыхъ, обыкновенно въ крупныхъ, удѣлахъ слѣдуетъ различать три рода земель: собственно-княжескія или дворцовыя, черныя и частно-владѣльческія или вотчинныя. Неодинаково было и ихъ управленіе.

Г. Управленіе удѣла.

Различныя отрасли дворцоваго управленія и хозяйства вѣдались «боярами введенными» (т. е. довѣренными) и такъ называемыми «дворцовыми слугами». Территорія, не входившая въ составъ дворцовой земли, подлежала управленію и суду бояръ-«намѣстниковъ» (правившихъ городами и пригородными мѣстностями) и «волостелей» (правившихъ сельскими волостями). Должности такихъ областныхъ правителей назывались «кормленіями», такъ какъ лица, занимавшія ихъ, имѣли право получать съ населенія въ свою пользу доходы: «кормы» (т. е. приношенія отъ всего населенія) и «пошлины» (напр., судебныя, та-

моженныя и свадебныя, платившіяся отдѣльными лицами). Такимъ образомъ «кормленщики» содержались не на средства князя, а на средства населенія. Такъ какъ доходы ихъ были по тому времени весьма значительны, то посылка на «кормленіе» была большой милостью для боярина и служила обыкновенно наградой за его предшествующую службу князю.

Власть намѣстниковъ и волостелей не простиралась на тѣ вотчины, владѣльцы которыхъ (бояре и монастыри) получали отъ князя особыя «жалованныя грамоты», освобождавшія ихъ земли отъ вмѣшательства княжескихъ должностныхъ лицъ и предоставлявшія имъ право суда надъ населеніемъ вотчинъ и сбора податей съ него. Пожалованіе такихъ грамотъ превращало вотчинниковъ не только въ привилегированныхъ землевладѣльцевъ, но и предоставляло имъ какъ бы государственныя права. Не подчиненный княжескимъ должностнымъ лицамъ бояринъ-вотчинникъ мало зависѣлъ и отъ самого князя: онъ не былъ его подданнымъ, а былъ, какъ вообще всѣ бояре, только его вольнымъ слугой и пользовался поэтому правомъ «отъѣзда». Отъѣзжая на службу къ другому князю, онъ сохранялъ однако за собою владѣніе вотчиной въ удѣлѣ того князя, которому раньше служилъ.

Отъ «вольныхъ слугъ» слѣдуетъ отличать «дворцовыхъ слугъ». Дворцовые слуги были различны какъ по своему происхожденію (среди нихъ встрѣчались и свободные и несвободные), такъ и по занятіямъ: одни изъ нихъ исполняли военныя обязанности и соотвѣтствовали младшимъ дружинникамъ Кіевскаго періода, другіе служили на низшихъ хозяйственныхъ должностяхъ, третьи занимались промыслами (напр., рыболовы, бобровники и т. д.). Князь раздавалъ иногда дворцовымъ слугамъ земли, преслѣдуя при этомъ двоякаго рода цѣли: служебныя и хозяйственныя. Именно, съ одной стороны земля должна была давать дворцовому слугѣ средства для несенія службы, обезпечивать его; съ другой стороны ему вмѣнялось въ обязанность заботиться объ улучшеніи хозяйственнаго состоянія полученнаго имъ участка, заселеніи его крестьянами, однимъ словомъ, объ обращеніи его «изъ пуста въ живущее». Такіе участки дворцовыхъ слугъ носили, обыкновенно, названіе «служныхъ земель». Онѣ давались какъ во временное, такъ и въ пожизненное и даже въ наслѣдственное пользованіе и были такимъ образомъ различны по своему характеру, однако всѣ имѣли одну общую черту: именно, онѣ представляли собою не полную собственность дворцовыхъ слугъ, а только ихъ условное владѣніе. Это значитъ, что дворцовые слуги владѣли данными имъ землями только при томъ условіи, если сами они (или ихъ потомки) служили князю. Однимъ словомъ, землевладѣніе дворцовыхъ слугъ было подчинено условію службы.

Подобно князьямъ и другіе крупные вотчинники, напр. бояре и монастыри, раздавали земельные участки въ условное владѣніе, чтобы

обезпечить своихъ слугъ и улучшить хозяйственное состояніе своихъ вотчинъ.

Д. Выводы.

Изъ вышеизложеннаго выяснились характерныя черты удѣльнаго порядка, именно: 1) преобладаніе земледѣлія надъ торговлей, 2) упадокъ значенія городскихъ вѣчъ, 3) измельчаніе и раздробленность удѣловъ, не связанныхъ другъ съ другомъ ни политическою, ни торговою связью, 4) частно-владѣльческій характеръ власти и управленія удѣльныхъ князей, 5) отсутствіе прочныхъ связей между княземъ и боярами, 6) условное землевладѣніе. Наряду съ этимъ нужно отмѣтить обѣднѣніе князей и всего населенія и пониженіе культурности, что являлось слѣдствіемъ упадка торговли и прекращенія сношеній съ образованными иноземными странами.

Е. Черты феодализма въ удѣльный періодъ.

Въ изложенномъ обзорѣ удѣльнаго періода можно найти много сходныхъ чертъ съ западно-европейской феодальной эпохой: именно: 1) раздѣленіе государственной территоріи на множество частей: удѣльныхъ княжествъ и привилегированныхъ боярскихъ вотчинъ, 2) раздробленіе государственной власти (между княземъ и вотчинниками) и смѣшеніе правъ частновладѣльческихъ и государственныхъ, 3) условное землевладѣніе, 4) договорныя (вассальныя), а не подданническія отношенія между землевладѣльцами-государями, 5) господство натуральнаго хозяйства и ничтожность торговаго обмѣна, 6) слабость развитія городовъ и городского класса, 7) политическую и экономическую разобщенность различныхъ областей и 8) упадокъ культурнаго развитія и огрубѣніе нравовъ общества.

Наряду съ чертами сходства нѣкоторые историки указываютъ и различія. Такъ, напр., западно-европейское крѣпостное крестьянство (сервы и вилланы) находилось въ иномъ положеніи, чѣмъ русскіе крестьяне, пользовавшіеся въ удѣльное время правомъ перехода съ одной земли на другую; государственныя права бояръ основывались не столько на ихъ землевладѣніи, сколько на полученныхъ ими жалованныхъ грамотахъ; ихъ служебныя обязанности проистекали не изъ поземельныхъ отношеній къ князьямъ, а изъ договоровъ съ послѣдними.

Однако другіе изслѣдователи не признаютъ подобныхъ различій и утверждаютъ полнѣйшее тождество удѣльныхъ и феодальныхъ порядковъ, прослѣживая его во всѣхъ подробностяхъ. О существованіи на Руси того, что въ феодальную эпоху называлось «иммунитетомъ» (т. е. невмѣшательства правительственной власти въ дѣла привилегированнаго свѣтскаго или духовнаго землевладѣнія), было уже упомянуто. Существовалъ на Руси также обычай «закладничества», вполнѣ соотвѣтствовавшій, по мнѣнію нѣкоторыхъ историковъ, феодальной «коммендаціи», т. е. добровольному признанію свободнымъ лицомъ своей зависимости отъ другого ради полученія отъ него по-

кровительства и защиты. Закладничество, какъ и коммендація, могло быть или только личнымъ или также земельнымъ. Въ послѣднемъ случаѣ закладывавшійся отдавалъ подъ защиту покровителя не только свою личность, но и свою землю и получалъ ее обратно уже не въ качествѣ собственности, а лишь какъ условное владѣніе, т. е. долженъ былъ за пользованіе ею исполнять извѣстныя обязанности по отношенію къ покровителю. Одинаковые обычаи сопровождались и одинаковыми обрядами. Наконецъ, многіе термины, обозначавшіе обычныя въ удѣльной Руси отношенія, являются какъ бы точнымъ переводомъ соотвѣтствующихъ феодальныхъ терминовъ. Это сходство объясняется не заимствованіемъ, а тѣмъ, что русскіе, германцы и французы унаслѣдовали одинаковые обычаи и одинаковыя понятія изъ своей арійской прародины.

Итакъ, по утвержденію нѣкоторыхъ изслѣдователей, Россія, подобно Западной Европѣ, пережила въ свое время эпоху феодализма. Однако, историческій процессъ развитія феодализма на Западѣ и на Руси былъ совсѣмъ неодинаковъ: на Западѣ онъ возникъ вслѣдствіе постепеннаго захвата власти чиновниками и крупными землевладѣльцами при слабыхъ королякъ; на Руси онъ развился вслѣдствіе дробленія ея на удѣлы и роста привилегированнаго землевладѣнія. Но тѣмъ не менѣе и тамъ, и здѣсь онъ былъ подготовленъ одинаковыми экономическими и культурными условіями. Господство натуральнаго хозяйства приводило къ экономической разобщенности областей: онѣ не были связаны другъ съ другомъ торговымъ обмѣномъ, не тянули своими торговыми интересами къ опредѣленнымъ центрамъ. Въ мало населенномъ Ростово-Суздальскомъ краю эта экономическая разобщенность осложнялась еще географическою. Будучи разъединены природными условіями, не имѣя общихъ интересовъ, различныя области обособлялись и политически. Этимъ дѣло не ограничивалось: и русскій князь и западно-европейскій крупный феодалъ не имѣли достаточно организованной администраціи, чтобы давать защиту всему населенію своихъ владѣній; частнымъ лицамъ приходилось самимъ искать себѣ покровителей среди сильныхъ и богатыхъ людей, закладываться, коммендироваться; князья же и феодалы шли навстрѣчу этому, раздавая иммунитеты и тѣмъ облегчая бремя своихъ правительственныхъ заботъ. Въ результатѣ получилось дробленіе общества на обособленные мірки, пользовавшіеся самосудомъ. Одинаковыя экономическія и политическія условія сопровождались и одинаковымъ состояніемъ культурности: эпоха феодализма на Западѣ и удѣльный періодъ въ Россіи были временемъ варваризаціи общества.

Особенности удѣльнаго періода сложились не только подъ вліяніемъ условій природы Верхне-Волжскаго края и создавшагося здѣсь политическаго порядка. Въ образованіи ихъ большую роль сыграла также татарская власть, тяготѣвшая надъ Русью въ удѣльное время.

§ 4. Владычество татаръ.

Русь была покорена татарами во время похода, совершенаго въ 1237—1240 г.г. Батыемъ, однимъ изъ потомковъ Чингисъ-хана, объединившаго подъ своею властью татарскія орды и подчинившаго себѣ всю Среднюю Азію.

А. Характеристика татаръ.

Блестящія завоеванія татаръ объясняются необыкновенною воинственностью этого дикаго кочевого народа. Всѣ взрослые татары входили въ составъ войска, сплоченнаго самой строгой дисциплиной, безпощадно каравшей всякое проявленіе робости, всякій недостатокъ единодушія. Во время своихъ нашествій они умѣли очень искусно обманывать непріятеля обходами, ложными движеніями, притворнымъ бѣгствомъ, набирали массами плѣнныхъ, гнали ихъ передъ собою и заставляли дѣлать осадныя работы, укрываясь такимъ образомъ за ихъ спиной, или же, если плѣнники были не нужны, избивали побѣжденныхъ, не щадя ни женщинъ, ни дѣтей.

Отличаясь безпощадною жестокостью на войнѣ, татары были однако гостепріимнымъ и честнымъ народомъ въ мирное время и славились своей вѣротерпимостью: за религіозныя убѣжденія они никого не преслѣдовали. Сами они, при появленіи на Руси, были язычниками (магометанство они приняли въ XIV вѣкѣ), совершенно чуждыми какихъ-либо признаковъ культурнаго развитія. Очевидно, на покоренныхъ они могли оказывать только отрицательное вліяніе.

Б. Сущность татарскаго владычества.

Къ счастью для Руси, некультурные и жестокіе татары мало входили во внутренній распорядокъ русской жизни: они не затронули православной вѣры (къ русскому духовенству они относились съ большимъ уваженіемъ и освободили его отъ всякой дани)[1]), не уничтожили княжеской власти, не вмѣшивались въ княжеское управленіе и въ между-княжескія отношенія, если только сами князья не впутывали ихъ въ свои распри. Послѣ своего страшнаго и опустошительнаго нашествія, татары, поселившись преимущественно въ приволжскихъ степяхъ и основавъ тамъ такъ называемую Золотую или Кипчакскую орду съ главнымъ городомъ Сараемъ [2]), довольство-

---

[1]) Уваженіе къ православію сказывалось и въ томъ, что татарскіе ханы жестоко преслѣдовали всякое оскорбленіе христіанской Церкви: такъ, напр., хула на христіанство каралась смертною казнью, такое же наказаніе постигало и того, кто требовалъ дани съ духовенства. Впослѣдствіи въ 1261 г. въ столицѣ Золотой орды Сараѣ была учреждена даже православная епископская каѳедра въ зависимости отъ русской митрополіи.

[2]) Золотая орда вначалѣ находилась въ зависимости отъ великихъ хановъ Монголіи. Кромѣ Поволжья, татары кочевали также въ степяхъ между Днѣпромъ и Днѣстромъ.

вались общимъ надзоромъ за покоренной Русью, требовали выраженія покорности и почтенія со стороны русскихъ князей и обложили все населеніе, за исключеніемъ духовенства, данью. Для надзора ханъ въ первое время (до конца XIII в.) посылалъ въ разные города своихъ намѣстниковъ — «баскаковъ» съ отрядами войска. Въ знакъ почтенія князья должны были ѣздить на поклонъ къ ханамъ Золотой орды, а иногда и въ Монголію къ великимъ ханамъ, выполнять различныя унизительныя церемоніи и одѣлять хановъ, ихъ женъ и приближенныхъ богатыми подарками. Подчиненность же князей хану выражалась въ томъ, что, наслѣдуя княжества сообразно установившимся въ удѣльной Руси обычаямъ, они утверждались въ княжескомъ достоинствѣ особыми ханскими грамотами — «ярлыками» и сажались на престолъ ханскими послами, а одинъ изъ князей (обыкновенно старѣйшій) получалъ ярлыкъ «на великое княженіе» и считался старшимъ надъ другими. Въ случаѣ же распри изъ-за княжества, ханъ распоряжался самъ престолонаслѣдіемъ и не стѣснялся произвольно и жестоко расправляться съ князьями. Что касается дани (называвшейся татарскимъ «выходомъ»), то первоначально она собиралась ханскими «данщиками» на основаніи переписи русскаго населенія, произведенной татарскими «писцами» или «численниками». Впослѣдствіи, въ XIV вѣкѣ русскіе князья получили отъ хановъ право самостоятельно собирать дань татарамъ и отвозить ее въ Орду. Кромѣ платежа «выхода», русскіе люди должны были нести въ пользу татаръ и различныя натуральныя повинности, какъ напр. содержать ханскихъ должностныхъ лицъ. Изъ изложеннаго видно, что татарское владычество не слишкомъ проникало въ глубину народной жизни.

В. Тягость татарской власти.

Тѣмъ не менѣе оно было крайне тягостно и оказало весьма печальное вліяніе, особенно на Сѣверо-Восточную Русь. Разоренная и потерявшая массу населенія во время Батыева похода, Русь и впослѣдствіи жестоко страдала отъ баскаковъ, писцовъ, данщиковъ, отъ ханскихъ «пословъ», отправляемыхъ по различнымъ дѣламъ, а также отъ военныхъ татарскихъ отрядовъ, посылавшихся ханомъ при княжескихъ усобицахъ на помощь однимъ князьямъ противъ другихъ. Не мало князей пало жертвами ханскаго гнѣва; многіе изъ нихъ погибли мучениками въ Ордѣ. Возстанія противъ татаръ, поднимавшіяся въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, не имѣли успѣха, такъ какъ силы русскихъ были разрознены, не были объединены ни вѣчами, ни князьями.

Г. Вліяніе татаръ.

Городскія вѣча утратили свое значеніе не только потому, что города были моложе князей, но и потому, что князья могли вовсе не считаться съ голосомъ народа на вѣчѣ, если чувствовали за собой поддержку хана и утверждались его ярлыкомъ.

Сѣверно-русскіе князья значительно отличались отъ своихъ южныхъ предковъ: они унаслѣдовали отъ послѣднихъ склонность къ распрямъ и междоусобіямъ, но далеко не всѣ унаслѣдовали ихъ достоинства: отвагу и умѣнье хоть рѣдко, но дружно и славно дѣйствовать противъ степняковъ. Были среди сѣверныхъ князей и свѣтлыя личности, какъ напр. Александръ Невскій, внукъ Всеволода Большое Гнѣздо, не разъ ѣздившій въ Орду отражать ханскій гнѣвъ отъ Руси. Но многіе изъ князей, отчуждившись другъ отъ друга и обѣдиѣвъ вслѣдствіе измельчанія удѣловъ, сознавая свое безсиліе, думали только о приспособленіи къ татарамъ, объ извлеченіи выгодъ изъ ихъ владычества. Князья выпрашивали у хана ярлыки на княженіе и военную помощь, чтобы дѣйствовать противъ слабыхъ сородичей и захватить («примыслить») что-нибудь изъ ихъ владѣній. Заботами о «примыслахъ» и ограничивался долгое время весь политическій кругозоръ большинства князей. Упадокъ культурности замѣчался также во всѣхъ классахъ общества.

Княжескія должностныя лица, въ особенности низшія (тіуны), еще болѣе, чѣмъ въ Кіевской Руси, тѣснили народъ, еще менѣе справедливо судили его. Судебныя наказанія стали притомъ отличаться крайнею жестокостью: на Руси появились неслыханныя раньше смертныя казни, пытки и тѣлесныя наказанія. По большей части, онѣ заимствованы были отъ татаръ. Но строгость наказаній мало способствовала уменьшенію преступности, разбоевъ и грабежей, за которые корили русскихъ людей составители проповѣдей и поученій. Нравственность народа настолько упала, что нѣкоторыя поученія ставятъ даже татаръ въ примѣръ русскимъ и упрекаютъ послѣднихъ въ томъ, что, заимствуя у татаръ ихъ пороки, они не заимствуютъ ихъ достоинствъ. Ослабленіе нравственности въ значительной степени объяснялось также упадкомъ грамотности и просвѣщенія.

Отдаленная отъ Византіи Сѣверо-Восточная Русь не получала оттуда культурныхъ вліяній, не получала и книгъ, которыя въ большомъ количествѣ доставлялись въ Кіевъ, переводились и переписывались въ немъ и служили образцами для подражанія. Своя туземная письменность, въ видѣ поученій, житій святыхъ и лѣтописей, кое-какъ прозябала и въ удѣльный періодъ, но вслѣдствіе разобщенности частей Русской земли лѣтописи имѣли мѣстный, а не общерусскій характеръ. Велись онѣ по прежнему духовными лицами.

§ 5. Просвѣтительное и политическое значеніе духовенства въ удѣльный періодъ.

А. Городскіе монастыри. Среди мрака и невѣжества, царившаго въ Сѣверо-Восточной Руси, духовныя лица были единственными свѣточами культурности, а монастыри являлись тѣми очагами, гдѣ тлѣла еще искра просвѣщенія, тѣми обителями, гдѣ стремились осуществлять идеальное по понятіямъ того времени житіе.

Монастыри возникали въ Ростово-Суздальскомъ краю по мѣрѣ его заселенія. (Уже въ XIV вѣкѣ построено было ихъ около 80, такое же число прибавилось въ XV вѣкѣ). Какъ и въ Кіевской Руси, монастыри здѣсь были двоякаго рода: одни—городскіе или пригородные, другіе--такъ называемые пустынные. Первые учреждались высшими духовными лицами, князьями, богатыми боярами, иногда же въ складчину цѣлыми обществами людей. Щедро одаренные своими учредителями, освобожденные татарами отъ дани, а княжескими жалованными грамотами—отъ поземельныхъ податей, городскіе и пригородные монастыри быстро богатѣли и, слишкомъ близко соприкасаясь съ міромъ, проникались его недостатками, измѣняли своему первоначальному назначенію, не удовлетворяли людей, жаждавшихъ высокихъ подвиговъ благочестія.

Б. Пустынные монастыри. Аскетически-настроенные люди уходили изъ этихъ мірскихъ монастырей куда-нибудь въ пустынное безмолвіе и уединеніе, «въ лѣса черные, блата, мхи и чащи непроходимыя», долго странствовали, питаясь травой и кореньями, а затѣмъ гдѣ-нибудь строили себѣ одинокую келью. Отшельники уходили отъ міра, но міръ шелъ за ними: къ спасавшемуся подвижнику приходили другіе; на мѣстѣ кельи возникалъ пустынный монастырь. Онъ привлекалъ вниманіе свѣтскихъ людей: князья жаловали ему окрестныя земли, давали денежные вклады на поминовеніе своей души, взносы для постриженія (у князей былъ обычай принимать иночество въ предчувствіи скорой кончины); примѣру князей слѣдовали и бояре. Пустынный монастырь превращался въ богатаго землевладѣльца: иноки сперва сами обрабатывали земли, но по мѣрѣ расширенія своихъ владѣній привлекали крестьянъ, и вокругъ монастыря создавался цѣлый посадъ. Исканіе уединенія и безмолвія дѣлалось такимъ образомъ однимъ изъ способовъ колонизаціи; пустынный монастырь обращался въ мірской, и изъ него, какъ и изъ городскихъ монастырей, уходили нѣкоторые подвижники и основывали новыя обители.

Изъ монастырей, возникшихъ въ удѣльный періодъ, особенно замѣчателенъ по своему громадному значенію для всей послѣдующей

русской исторіи Троицкій Сергіевъ монастырь, основанный въ половинѣ XIV в. невдалекѣ отъ Москвы. Изъ многочисленныхъ же его колоній (иноками Сергіева монастыря учреждено было до 30 обителей) наибольшей славы достигъ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, возникшій въ концѣ XIV в. Основателемъ Троицкой обители былъ великій русскій подвижникъ преп. Сергій Радонежскій, родивш. въ 1313 г. и скончавшійся въ 1391 г.

В. Преп. Сергій.

Житіе преподобнаго Сергія изображаетъ его не меньшимъ аскетомъ, чѣмъ былъ знаменитый подвижникъ Кіевской Руси—преп. Ѳеодосій Печерскій. Сынъ ростовскаго боярина, Сергій отказался отъ всего своего имущества и ушелъ спасаться въ лѣсныя дебри; онъ претерпѣвалъ тамъ всевозможныя лишенія, истощалъ себя непосильной работой, постомъ и безсонными ночами, проводимыми въ непрестанной молитвѣ. Когда къ нему стали стекаться другіе отшельники, онъ сурово указывалъ имъ на тѣ «скорби, бѣды, печали, нужды, труды, постъ, всякія искушенія и подвиги духовные», которые ожидаютъ ихъ. И, дѣйствительно, онъ ввелъ въ своемъ монастырѣ самый строгій уставъ и первый подавалъ примѣръ его точнаго выполненія. Но, будучи страстнымъ, убѣжденнымъ аскетомъ и суровымъ устроителемъ пустынной жизни, Сергій отличался необыкновеннымъ чутьемъ и въ мірскихъ дѣлахъ, глубоко понималъ народныя нужды. Онъ жилъ въ то переходное время, когда Московскій удѣлъ, собирая подъ свою власть раздробленную Русь, начиналъ выростать въ русское государство и приступилъ къ выполненію главной національной задачи — къ борьбѣ съ татарами. Сергій лучше своихъ современниковъ чуялъ великую важность работы московскихъ князей и содѣйствовалъ ея успѣху всѣмъ своимъ нравственнымъ авторитетомъ и своей помощью. Аскетъ-подвижникъ становился политическимъ дѣятелемъ, и основанная Сергіемъ обитель въ дальнѣйшей русской исторіи сыграла немаловажную политическую роль.

Г. Значеніе духовенства и монастырей.

Значеніе монастырей и духовенства для подвластной татарамъ, раздробленной, безгосударственной и непросвѣщенной Сѣверо-Восточной Руси было огромно. Возникновеніе монастырей способствовало обработкѣ и заселенію пустынныхъ пространствъ. Въ монастыряхъ была развита самая широкая благотворительность. (Такъ, напр., Кирилло-Бѣлозерская обитель во время неурожая и голода кормила ежедневно до 600 человѣкъ. Другой, болѣе поздній, монастырь прокормилъ въ теченіе нѣкотораго времени даже 7.000 человѣкъ и взялъ на воспитаніе голодныхъ, брошенныхъ родителями дѣтей). Иноки занимались не только благотворительностью, но и книжною работою: лѣтописаніемъ и составленіемъ житій русскихъ святыхъ, которыя интересны какъ образецъ національной самобытной литературы, какъ выраженіе своеобразныхъ аскетическихъ настроеній того времени.

Высшія духовныя лица часто являлись ходатаями за князей и за русскій народъ въ Ордѣ передъ ханами; духовенство стремилось проводить идею національнаго единства раздробленной Руси; оно вносило извѣстный порядокъ въ междукняжескія отношенія. Поддержка духовенства, въ особенности митрополита, оказываемая какому-нибудь князю, всегда поднимала авторитетъ послѣдняго въ глазахъ народа и возвышала его княжество. Городъ Владиміръ на Клязьмѣ, куда митрополитъ въ концѣ XIII вѣка перенесъ свое мѣстопребываніе изъ Кіева, сталъ терять свое значеніе, когда митрополія съ 1326 года утвердилась въ Москвѣ, бывшей дотолѣ небольшимъ удѣльнымъ городомъ. При дѣятельной помощи духовенства Московское княжество стало быстро возвышаться, присоединять сосѣдніе удѣлы и разрушать безгосударственный удѣльный порядокъ. Усилившись и окрѣпнувъ, оно обратилось къ объединенію подъ своею властью Сѣверной Руси, подчиненной Новгороду, и Западной, подвластной Польско-Литовскому государству. Строй Новгородской области и западно-русскихъ земель значительно отличался отъ удѣльныхъ порядковъ, установившихся въ Ростово-Суздальскомъ краю.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Новгородская земля. Шведы и нѣмцы.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Внутренній бытъ Новгородской земли.

§ 1. Первоначальная исторія Новгородской земли.

Новгородъ, одинъ изъ древнѣйшихъ восточно-славянскихъ городовъ, возникъ, вѣроятно, изъ соединенія нѣсколькихъ отдѣльныхъ селеній, расположенныхъ на обоихъ берегахъ рѣки Волхова невдалекѣ отъ ея истоковъ. Память объ этихъ составныхъ частяхъ Новгорода сохранилась въ раздѣленіи его на пять кварталовъ, такъ называемыхъ «концовъ», каждый изъ которыхъ и впослѣдствіи пользовался извѣстной долей самоуправленія: имѣлъ свои вѣчевыя собранія и «кончанскихъ» старостъ. Три конца (Людинъ или Гончарскій, Загородскій и Неревскій) находились на лѣвомъ берегу, на такъ называемой «Софійской сторонѣ» (здѣсь стоялъ храмъ Св. Софіи), два другихъ (Славенскій и Плотничій)—на правомъ берегу—«Торговой» сторонѣ (здѣсь помѣщалось Ярославово дворище, гдѣ обыкновенно собиралось общегородское вѣче).

Первымъ новгородскимъ княземъ, по лѣтописному преданію, былъ Рюрикъ. Со времени Олега Новгородъ входилъ въ составъ Кіевской державы: имъ правилъ или одинъ изъ сыновей кіевскаго князя (напр.,

Владиміръ, Ярославъ, Изяславъ) или же княжескій намѣстникъ. Ярославъ Мудрый въ благодарность за поддержку, оказанную новгородцами въ его борьбѣ со Святополкомъ, даровалъ имъ, по преданію, грамоту вольностей. На эту грамоту они любили впослѣдствіи ссылаться, но совершенно неизвѣстно, каково было ея содержаніе, такъ какъ она не сохранилась, а отношенія Новгорода къ кіевскимъ князьямъ вплоть до начала XII вѣка ничѣмъ не отличались отъ отношеній къ нимъ другихъ подвластныхъ городовъ.

§ 2. Особенности новгородскаго быта.

Однако съ теченіемъ времени въ новгородской жизни произошли важныя перемѣны, и въ ней постепенно выработались черты, несходныя съ характеромъ быта другихъ частей Русской земли.

А. Перечисленіе особенностей.

Именно: 1) Новгородскія владѣнія расширились на громадное пространство, охвативъ весь сѣверъ Восточно-Европейской равнины и простираясь даже за Бѣлое море и Уральскій хребетъ. 2) Новгородъ сдѣлался первокласснымъ торговымъ городомъ, поддерживавшимъ постоянныя торговыя сношенія какъ съ русскими городами, такъ въ особенности съ Западной Европой, въ то время, когда въ большей части Руси торговля почти замерла. 3) Вслѣдствіе процвѣтанія торговли въ Новгородѣ развилась городская жизнь; вѣче получило исключительное значеніе и полное преобладаніе надъ княжеской властью: князь сдѣлался выборнымъ наемникомъ вѣча, совершенно связаннымъ его волей.

Выборными стали и всѣ должностныя лица. Установилось такимъ образомъ почти республиканское правленіе, ограниченное только тѣмъ, что Новгородъ, имѣя своего выборнаго князя, все же долженъ былъ признавать надъ собой верховенство великихъ князей, сперва владимірскихъ, потомъ московскихъ. Но обширная, богатая, вольная республика Новгородская не благоденствовала: въ ней безпрестанно происходили внутреннія неурядицы общественнаго и политическаго характера: именно, съ одной стороны въ Новгородѣ велась классовая борьба—рознь богатыхъ и бѣдныхъ, съ другой стороны—политическая борьба—распри между приверженцами тѣхъ или другихъ князей. Внутреннія непорядки осложнились внѣшними бѣдствіями: Новгородской области съ сѣвера и запада грозили шведы, нѣмцы и литва, а съ юго-востока—великіе князья московскіе, стремившіеся къ полному подчиненію его. Слѣдствіемъ всего этого было паденіе независимости Новгорода и присоединеніе всей его области къ Московскому государству. Случилось это въ концѣ XV вѣка.

Послѣ вышеизложенныхъ предварительныхъ замѣчаній обратимся къ изученію территоріи Новгородской земли и ея экономическаго, по-

литическаго, общественнаго и культурнаго быта, а также къ изложенію важнѣйшихъ событій Новгородской исторіи.

Б. Расширеніе новгородскихъ владѣній.

Расширеніе новгородскихъ владѣній объясняется причинами экономическими и политическими. Окрестности Новгорода отличались неплодородіемъ почвы. При неумѣніи удобрять ее приходилось часто бросать истощенныя земли и передвигаться на новыя. Но и при занятіи новыхъ участковъ земледѣліе не удовлетворяло всѣхъ нуждъ населенія. Необходима была поэтому добывающая промышленность (пчеловодство, рыболовство, звѣроловство), а она побуждала населеніе къ передвиженіямъ въ дѣвственныя области, гдѣ природныя богатства не были истощены. Колонизація могла имѣть и политическія основанія: при постоянной борьбѣ партій въ Новгородѣ недовольные слои новгородскаго общества искали себѣ счастья и выгодъ въ другихъ мѣстахъ. Такъ, движимые различными побужденіями, новгородцы разъѣзжали на своихъ лодкахъ, такъ называемыхъ «ушкуяхъ» (отсюда произошло названіе «ушкуйники») по сѣвернымъ русскимъ рѣкамъ и по Бѣлому морю, основывали многочисленныя колоніи и утверждали свою власть на громадномъ пространствѣ, рѣдко-заселенномъ финскими племенами, не оказывавшими особеннаго сопротивленія при занятіи ихъ владѣній.

Въ составъ Новгородской области вошли пять слѣдующихъ земель (въ позднѣйшее время, въ XV вѣкѣ, онѣ получили названіе «пятинъ»): Водьская (на сѣверо-западѣ отъ Новгорода между Волховомъ и Лугою), Обонежская (на сѣверо-востокѣ по обѣ стороны Онежскаго озера), Деревская (на юго-востокѣ между Мстою и Ловатью), Шелонская (на юго-западѣ, между Ловатью и Лугою) и Бѣжецкая (за Обонежской и Деревскою, между Мстою и притоками Волги). Высшее управленіе этими пятью землями принадлежало должностнымъ лицамъ пяти новгородскихъ концовъ; ближайшее же завѣдываніе частями земель предоставлено было расположеннымъ въ нихъ новгородскимъ пригородамъ, наиболѣе замѣчательными изъ которыхъ были Псковъ, Старая Русса, Изборскъ и др.

Зависимость пригородовъ отъ Новгорода выражалась въ томъ, что они: 1) управлялись посадниками, назначавшимися обыкновенно изъ Новгорода, 2) по требованію послѣдняго, должны были посылать ему военную помощь, 3) по постановленію новгородскаго вѣча, могли раздаваться князьямъ въ кормленіе (т. е. для сбора съ нихъ доходовъ), 4) зависѣли отъ суда новгородскаго; послѣдній считался верховнымъ судомъ по отношенію къ пригородскимъ. Тѣмъ не менѣе пригороды пользовались нѣкоторою самостоятельностью и имѣли свои вѣча.

Гораздо слабѣе, чѣмъ земли и пригороды, связаны были съ Новгородомъ его отдаленныя владѣнія, такъ называемыя волости, имѣвшія характеръ колоній. Къ ихъ числу принадлежали Заволочье или

Двинская земля (на Сѣв. Двинѣ), Пермская земля (на р. Вычегдѣ), Печора (на р. Печорѣ), Югра (за Уральскимъ хребтомъ), Тре или Терская земля (на сѣв. берегу Бѣлаго моря). Почти не вмѣшиваясь въ управленіе этихъ волостей, новгородцы брали съ нихъ дань и заводили здѣсь свои промыслы.

Впрочемъ, хозяйничали здѣсь не они одни: нѣкоторые князья, напр. московскіе, также стремились извлекать доходы съ этихъ земель. Въ Новгородской области существовали и города, которые находились въ совмѣстномъ владѣніи Новгорода и сосѣднихъ князей, т. е. платили часть дани новгородцамъ, а другую часть — князьямъ (напр. владимірскимъ, московскимъ, смоленскимъ, литовскимъ).

В. Развитіе торговли.

Изъ своихъ обширныхъ владѣній Новгородъ получалъ во множествѣ продукты добывающей промышленности (напр. мѣха, кожи, медъ, воскъ, ленъ, коноплю, рыбу, китовое и моржевое сало, деготь и т. п.). Они не потреблялись цѣликомъ мѣстнымъ населеніемъ, а составляли предметъ торговли. Развитію послѣдней способствовало выгодное географическое положеніе Новгорода: онъ лежалъ на великомъ водномъ пути и на развѣтвленіи цѣлаго ряда другихъ торговыхъ путей, какъ рѣчныхъ, такъ и сухопутныхъ, расходившихся по всѣмъ направленіямъ. Новгородскіе купцы торговали повсюду; торговая дѣятельность являлась для нихъ не только выгоднымъ занятіемъ, но и насущною потребностью: въ обмѣнъ на свое сырье Новгородъ получалъ тѣ продукты, въ которыхъ настоятельно нуждался; именно, изъ русскихъ областей шелъ въ него хлѣбъ, въ которомъ Новгородъ почти всегда ощущалъ недостатокъ; изъ азіатскихъ земель, и особенно изъ Западной Европы, — всевозможные обработанные продукты, излишекъ которыхъ новгородцы перепродавали потомъ по всей Руси.

Изъ русскихъ областей Новгородъ торговалъ первоначально съ Приднѣпровскимъ краемъ: съ Кіевомъ, Черниговомъ, Волынью,—послѣ же запустѣнія его—съ Ростово-Суздальскимъ. И во время татарскаго владычества, когда торговая дѣятельность большинства другихъ русскихъ городовъ почти прекратилась, новгородцы продолжали успѣшно развивать ее: они разъѣзжали по Волгѣ и вступали въ сношенія съ татарскими, персидскими и хивинскими купцами, сбывая свои товары въ самой ордѣ и снабжая восточныя страны, въ обмѣнъ на ткани, ковры и драгоцѣнныя каменья, тѣми произведеніями, которыя шли изъ Западной Европы.

Торговля Новгорода съ Скандинавскими странами и съ Прибалтійскимъ краемъ—весьма древняго происхожденія. Въ XII вѣкѣ особенно оживленныя сношенія велись съ островомъ Готландомъ, торговымъ центромъ котораго былъ городъ Висби, и гдѣ новгородскіе купцы построили даже свою церковь, такъ какъ часто ѣздили туда. Готландскіе («готскіе») купцы прочно утвердились въ Новгородѣ, имѣли здѣсь свой храмъ, контору и поселеніе — такъ называемый готскій

дворъ. Изъ торговли съ Новгородомъ Готландъ извлекалъ большую часть своихъ доходовъ. Кромѣ готскаго, былъ въ Новгородѣ еще «нѣмецкій дворъ», куда наѣзжали для торговли нѣмецкіе купцы преимущественно изъ Любека. Во концѣ XIII вѣка Любекъ сдѣлался главой знаменитаго торговаго союза — Ганзы, въ составъ котораго вошли всѣ нѣмецкіе города по берегу Балтійскаго и Нѣмецкаго морей, города голландскіе, эстляндскіе, лифляндскіе, и который въ XIV вѣкѣ получилъ полное преобладаніе не только торговое, но и политическое на всемъ Балтійскомъ морѣ. Послѣ нѣкотораго соперничества Висби долженъ былъ признать главенство Любека, и нѣмецкій дворъ въ Новгородѣ возобладалъ надъ готскимъ. Нѣмецкій дворъ сдѣлался подчиненной Ганзѣ конторой, и такимъ образомъ въ лицѣ его Новгородъ тоже вошелъ въ Ганзейскій союзъ, но скорѣе проигралъ, чѣмъ выигралъ отъ этого: опираясь на мощную поддержку Ганзы, нѣмецкій дворъ въ Новгородѣ обратился въ какое-то государство въ государствѣ, пользовавшееся самоуправленіемъ и почти неподвѣдомственное мѣстнымъ властямъ (за исключеніемъ только случаевъ судебнаго разбирательства столкновеній новгородцевъ съ нѣмцами); онъ опуталъ новгородцевъ договорами и сосредоточилъ въ своихъ рукахъ всю западную новгородскую торговлю.

Черезъ Новгородъ нѣмцы получали восточные товары, дорогіе мѣха, считавшіеся предметомъ роскоши въ Западной Европѣ, воскъ и разное сырье. Новгородцамъ же они доставляли сукна, пиво, вино, заграничныя пряжи и полотна, соль, сельдей, иногда хлѣбъ (въ случаѣ общерусскаго неурожая) и металлическія издѣлія. Ввозъ металловъ, впрочемъ, былъ стѣсненъ: драгоцѣнные не ввозились, чтобы не обогатить новгородцевъ, а желѣзо и сталь допускались только въ небольшомъ количествѣ, изъ боязни облегчить ихъ вооруженіе; доставка готоваго оружія совершенно запрещалась.

Не опасаясь конкуренціи со стороны другихъ купцовъ, нѣмцы допускали различныя злоупотребленія въ торговлѣ, продавая, напр., совершенно негодные товары. Понятно, что новгородцы платили имъ тѣмъ же и боролись съ ними, составляя товарищества и артели, устраивая стачки и, въ свою очередь, обманывали ихъ при продажѣ. Все это приводило къ частымъ недоразумѣніямъ, а иногда и къ открытымъ столкновеніямъ. Еще болѣе страдала западная новгородская торговля отъ усобицъ и борьбы партій въ Новгородѣ и въ особенности отъ частыхъ войнъ со шведами и прибалтійскими нѣмцами. Во время военныхъ дѣйствій торговыя сношенія иной разъ совершенно прекращались, и нѣмецкій дворъ закрывался. Не благопріятствовалъ торговлѣ также своеобразный способъ дѣйствій руководителей Ганзы. Не довольствуясь эксплоатаціей новгородцевъ, союзный сеймъ Ганзы (т. е. съѣздъ уполномоченныхъ отъ союзныхъ городовъ) эксплоатировалъ и нѣмецкую контору въ Новгородѣ, стѣснялъ ее по-

борами, ограничивалъ ея самодѣятельность и тѣмъ способствовалъ ея упадку [1]).

Г. Нѣмецкій дворъ: его устройство.

Когда впервые появились нѣмецкіе купцы въ Новгородѣ, въ точности не извѣстно. Древнѣйшій договоръ, опредѣлявшій отношенія новгородцевъ къ нѣмцамъ, относится къ концу XII вѣка; кромѣ него сохранились еще четыре договора. По условіямъ ихъ: 1) новгородцы за извѣстную плату обязывались встрѣчать нѣмецкихъ пріѣзжихъ купцовъ, какъ только они достигнутъ Котлина, провожать ихъ до самаго Новгорода, отвѣчать за неприкосновенность ихъ личности и имущества во время пути и доставлять ихъ товары до самаго города; 2) при пріѣздѣ въ Новгородъ нѣмцы платили небольшую пошлину; 3) имущественные интересы ихъ строго оберегались: иноземецъ не могъ быть задержанъ за долги (такъ же, какъ и новгородецъ заграницей), новгородцы выплачивали свои долги прежде всего иноземцамъ, а потомъ уже своимъ соплеменникамъ; въ случаѣ войны Новгорода съ кѣмъ-либо, иноземцы считались вполнѣ нейтральными; 4) неприкосновенность нѣмецкаго двора какъ внутренняя, такъ и внѣшняя всячески охранялась: онъ пользовался полнымъ самоуправленіемъ; новгородскія должностныя лица совершенно не допускались въ него; пререканія между нѣмцами и новгородцами могли разбираться только высшимъ купеческимъ судомъ въ Новгородѣ; около двора не дозволялись народныя сходбища; новгородцы могли входить въ него только днемъ, а за буйство къ немъ подвергались большому штрафу; вокругъ двора должно было на нѣкоторомъ разстояніи оставаться незастроенное мѣсто.

Самый дворъ представлялъ собою довольно обширное огороженное пространство, внутри котораго находились жилыя помѣщенія, клѣти для товаровъ, церковь Св. Петра, служившая также кладовой для наиболѣе цѣнныхъ продуктовъ, больница и многія хозяйственныя постройки. Постояннаго населенія двора не было: купцы наѣзжали артелями на время лѣтомъ и зимою (отсюда названіе лѣтніе и зимніе купцы). Кромѣ купцовъ—мейстеровъ, были еще ихъ слуги—кнехты и ученики. Проживавшіе во дворѣ должны были строго подчиняться уставу, извѣстному подъ названіемъ «Скры». Онъ опредѣлялъ и правительственную организацію двора и отношенія его къ Ганзѣ и дѣйствовавшіе въ немъ судебные порядки. Мейстера составляли совѣтъ (стѣвенъ), которому первоначально принадлежало право выбирать высшее должностное лицо—альдермана двора. (Впослѣдствіи альдерманъ не выбирался, а назначался попеременно Любекомъ или Висби,

[1]) Кромѣ Новгорода, нѣмцы поддерживали также оживленныя торговыя сношенія съ Смоленской землей, въ которой сходились верховья трехъ важнѣйшихъ торговыхъ рѣчныхъ путей: Западной Двины, Днѣпра и Волги. О развитіи торговли Смоленска свидѣтельствуетъ интересный договоръ, заключенный между Смоленскомъ, Ригой и Готландомъ.

а затѣмъ самимъ Ганзейскимъ сеймомъ: съ теченіемъ времени эта должность была упразднена). Альдерманъ имѣлъ громадную власть какъ въ торговыхъ дѣлахъ, такъ и въ управленіи и судѣ: виновныхъ постояльцевъ нѣмецкаго двора онъ могъ приговаривать не только къ крупнымъ штрафамъ, но даже къ смертной казни (напр. за воровство). Кромѣ того, были альдерманы церкви Св. Петра, наблюдавшіе за порядкомъ во дворѣ, и еще много должностныхъ лицъ по выбору или по назначенію альдермана (напр. ратманы, фогты и др.). Секретарскія обязанности при дворѣ исполняли священники церкви Св. Петра.

Несмотря на всѣ стѣсненія, которымъ подвергалась торговля со стороны замкнутаго въ себѣ нѣмецкаго двора и корыстной Ганзы, она все же была важнѣйшимъ занятіемъ не только жителей Новгорода, но и связанныхъ съ нимъ имущественными интересами обитателей всей его области.

§ 3. Политическій строй Новгорода.

А. Слабость власти новгородскихъ князей.

Въ городахъ, живущихъ кипучей торговой и промышленной жизнью, всегда развивается самодѣятельность населенія, проявлявшаяся въ древней Руси на вѣчахъ. Они существовали во всѣхъ городахъ Кіевской Руси и раздѣляли власть съ князьями. Въ Новгородѣ вѣчу удалось получить преобладаніе надъ княжеской властью.

Причины этого слѣдующія: 1) до первой половины XII вѣка Новгородъ управлялся не самостоятельнымъ княземъ, а намѣстникомъ кіевскаго князя, обыкновенно его старшимъ сыномъ, смотрѣвшимъ на свое пребываніе въ Новгородѣ, какъ на переходъ къ владѣнію Кіевомъ, а потому не особенно заботившимся объ упроченіи своей власти здѣсь; 2) съ половины XII вѣка шла, какъ извѣстно, борьба преимущественно за кіевскій престолъ, занимавшая всѣхъ сильнѣйшихъ князей; въ Новгородъ поэтому садились или второстепенные князья, съ которыми вѣче не считало нужнымъ стѣсняться, или же князья, выжидавшіе лишь удобнаго случая, чтобы обратиться къ добыванію кіевскаго стола; лавируя между различными претендентами на кіевскій престолъ, Новгородъ могъ извлекать для себя выгоды; 3) вслѣдствіе географической отдаленности Новгорода князьямъ было трудно возстанавливать свою власть въ немъ съ помощью другихъ князей или кочевниковъ; эта же отдаленность спасла Новгородъ и отъ татарскаго разгрома (онъ не былъ покоренъ татарами, хотя и долженъ былъ платить «выходъ») и отъ частыхъ нашествій татарскихъ полчищъ, на поддержку которыхъ могли опираться удѣльные князья; 4) въ удѣльный періодъ новгородцы признавали обыкновенно верховенство великихъ князей владимірскихъ (а затѣмъ мо-

сковскихъ), но имѣли и своихъ собственныхъ князей (иногда нѣсколькихъ въ одно и то же время), которые превратились вполнѣ во временныхъ должностныхъ лицъ съ весьма ограниченною властью; 5) тѣ ограниченія и стѣсненія, которыми вѣче связывало своихъ князей, дѣлали въ ихъ глазахъ Новгородское княжество мало привлекательнымъ, и они охотно мѣняли его на другое. Властное отношеніе вѣча къ князьямъ можно иллюстрировать многими примѣрами. Въ 1136 г. новгородцы судятъ Всеволода Мстиславича за то, что онъ не блюдетъ смердовъ, не выказываетъ достаточной военной отваги и предпочитаетъ Переяславль Новгороду. Когда Всеволодъ послѣ этого хотѣлъ уйти изъ Новгорода, его не пустили, приказывая ему ждать прихода другого князя. Его преемника Святослава Ольговича новгородцы едва не застрѣлили изъ лука, заточили въ монастырь, а потомъ изгнали. Призванный вновь, онъ тайкомъ бѣжалъ изъ Новгорода: настолько непріятно было княжить тамъ. Сидѣли иногда здѣсь на княженіи и выдающіеся князья, пользовавшіеся большимъ уваженіемъ и любовью, напр. Мстиславъ Мстиславичъ Удалой (сынъ Мстислава Храбраго), но недолго уживались они съ вѣчемъ. Только въ рѣдкихъ случаяхъ князья дорожили Новгородомъ. Такъ было, напр., въ 1270 г., когда Ярославъ Ярославичъ (внукъ Всеволода III), изгнанный изъ Новгорода за превышеніе власти, пытался сперва вернуть его себѣ при помощи татаръ, а затѣмъ просилъ прощенія у вѣча, уступалъ ему во всемъ и цѣловалъ крестъ «на всей волѣ новгородской».

Б. Отношеніе князя къ вѣчу и должностнымъ лицамъ.

Вслѣдствіе слабости княжеской власти, въ Новгородѣ осуществились вполнѣ тѣ права вѣча, которыми другіе города могли пользоваться лишь въ исключительныхъ случаяхъ, именно: право избранія и изгнанія князя, рядъ съ нимъ и наблюденіе за его дѣйствіями. Частая же смѣна князей приводила къ тому, что и направленіе текущей правительственной дѣятельностью, принадлежавшее въ другихъ городахъ князьямъ, мало-по-малу перешло въ руки вѣча. Хотя князь считался представителемъ Новгорода, главнымъ предводителемъ его войска и высшимъ правителемъ и судьей, тѣмъ не менѣе дипломатическія сношенія велись отъ имени «Великаго» Новгорода (такой почетный эпитетъ усвоялся Новгороду въ грамотахъ, гдѣ записывались вѣчевыя рѣшенія, и въ грамотахъ, посылавшихся въ Новгородъ), а въ своей военной и въ особенности правительственной и судебной дѣятельности князь былъ ограниченъ волею вѣча и подчиненъ установленнымъ вѣчемъ правиламъ. Они вырабатывались постепенно посредствомъ рядовъ, скрѣплявшихся взаимнымъ крестоцѣлованіемъ князя и вѣча. По смыслу ихъ, князь за исполненіе своихъ обязанностей получалъ съ Новгородской области опредѣленные доходы и пошлины и пользовался нѣкоторыми угодьями, но не могъ ни для себя, ни для своей дружины пріобрѣтать въ ней

земельной собственности, а также вступать въ непосредственныя торговыя сношенія съ нѣмцами. Имѣя своихъ дружинниковъ (жившихъ вмѣстѣ съ княземъ не въ самомъ Новгородѣ, а въ его предмѣстьѣ Городищѣ), князь не могъ назначать ихъ ни на какія правительственныя должности, такъ какъ послѣднія замѣщались только природными новгородцами; князь не имѣлъ также права смѣщать должностныхъ лицъ «безъ вины», т. е. безъ признанія ея новгородскимъ судомъ.

Высшими должностными лицами были посадникъ и тысяцкій, избиравшіеся вѣчемъ изъ знатнѣйшихъ новгородскихъ фамилій на неопредѣленный срокъ (посадники и тысяцкіе во время исполненія своихъ обязанностей назывались «степенными», а послѣ отставки «старыми»). Посадникъ вѣдалъ по преимуществу гражданскія дѣла и заботился объ интересахъ высшихъ слоевъ новгородскаго общества, а тысяцкій—дѣла военныя и полицейскія, дѣла купечества и простонародья. Трудно, впрочемъ, точно опредѣлить кругъ ихъ дѣйствій: по уполномоченію вѣча, они несли весьма разнообразныя обязанности дипломатическаго, финансоваго, правительственнаго и судебнаго характера и имѣли въ подчиненіи многихъ должностныхъ лицъ (напр. старостъ новгородскихъ концовъ и улицъ, сотскихъ, десятскихъ, подвойскихъ и приставовъ—судебныхъ чиновниковъ и т. д.). Кромѣ того, что всего важнѣе, они (въ особенности же посадникъ) были постоянными сотрудниками князя во всей его дѣятельности и соглядатаями за нимъ. Такъ, князь не имѣлъ права безъ посадника 1) дѣлать какія-либо правительственныя распоряженія, 2) назначать даже на низшія должности, 3) творить судъ. Такъ какъ посадникъ долженъ былъ всегда находиться въ предѣлахъ Новгородской области, то и князь не могъ судить ея жителей внѣ ея.

Судъ въ Новгородѣ вѣдался нѣсколькими судебными присутствіями. Такъ, кромѣ князя, его намѣстника и тіуновъ, за судопроизводствомъ которыхъ наблюдалъ посадникъ или лично или черезъ своихъ уполномоченныхъ, судъ творили посадникъ, тысяцкій и нѣкоторые подвѣдомственные имъ чины. Существовалъ также особый торговый судъ. Послѣдній былъ первоначально въ вѣдѣніи князя, но затѣмъ съ XII вѣка перешелъ въ руки выборнаго совѣта купеческаго общества, состоявшаго подъ покровительствомъ церкви Св. Іоанна. (Это было общество купцовъ, торговавшихъ воскомъ и при продажѣ его вносившихъ пошлину въ пользу своей церкви; впослѣдствіи ему поручено было наблюденіе за правильностью мѣръ и вѣсовъ, а затѣмъ и разборъ торговыхъ недоразумѣній). Въ составъ совѣта торговаго суда входилъ тысяцкій, разбиравшій столкновенія новгородскихъ купцовъ съ нѣмецкими. Въ Новгородѣ былъ и высшій судъ, собиравшійся три раза въ недѣлю во дворѣ архіепископа и состоявшій изъ представителей отъ новгородскихъ купцовъ и 10 присяжныхъ-«докладчиковъ». Судившіеся могли приводить на судъ повѣренныхъ и защит-

никовъ. Вообще, несмотря на сложность своего устройства, судебное дѣло было обставлено въ Новгородѣ хорошо. Принимались мѣры къ тому, чтобы ограничить произвольные аресты, дать возможность судящимся покончить дѣло миромъ, не затягивать судопроизводства, облегчать осужденному выплату штрафа. Въ спорныхъ случаяхъ прибѣгали къ посредству религіи: къ присягамъ и клятвамъ передъ особенно чтимыми иконами. Этимъ способомъ духовенство старалось вытѣснить судебный поединокъ, который, впрочемъ, все же допускался, такъ что отвѣтчикъ могъ вызывать на бой не только истца, но даже свидѣтеля (послуха); наблюдалось, однако, за тѣмъ, чтобы «поле» (судебный поединокъ) не оканчивалось убійствомъ.

Наказаніями за преступленія были, главнымъ образомъ, денежные штрафы или отобраніе имущества, соединявшееся обыкновенно съ ссылкою. Вошла въ употребленіе также смертная казнь. Послѣдняя налагалась обыкновенно по приговору вѣча, которое, въ качествѣ верховнаго судилища, судило и карало за исключительныя преступленія, напр., за измѣну, подстрекательство къ возстанію и тому подобное. Извѣстно нѣсколько случаевъ, когда вѣче приговаривало осужденныхъ къ потопленію, повѣшенію и сожженію, и само же приводило приговоръ въ исполненіе. Конечно, судъ вѣча, какъ собранія народной толпы, отличавшейся въ Новгородѣ крайней несдержанностью и разнузданностью, болѣе походилъ на расправу, чѣмъ на спокойный разборъ дѣла. Поэтому и въ приговорахъ его часто можно видѣть скорѣе проявленіе народной мести, чѣмъ установленныя обычаемъ и закономъ наказанія. Какъ верховное судилище, вѣче собиралось также для суда надъ княземъ и высшими должностными лицами и приговаривало перваго къ изгнанію, а вторыхъ къ лишенію должности и другимъ наказаніямъ.

Кромѣ свѣтскихъ судовъ, существовалъ еще церковный судъ новгородскаго архіепископа (владыки) и его судей.

В. Положеніе новгородскаго владыки.

Первоначально епископъ (получившій съ 1167 года санъ архіепископа) поставлялся кіевскимъ митрополитомъ, но съ развитіемъ новгородской вольности вѣче стало избирать трехъ кандидатовъ въ санъ владыки, выборъ между которыми рѣшался жребіемъ. Бывали, впрочемъ, случаи, когда владыка, въ предчувствіи смерти или уходя на покой, самъ намѣчалъ себѣ преемника. Въ санъ свой владыка посвящался кіевскимъ, а затѣмъ московскимъ митрополитомъ, но нѣкоторые владыки исполняли свои обязанности безъ митрополичьяго посвященія. Обязанности владыкъ были еще сложнѣе, чѣмъ высшихъ іерарховъ Кіевской Руси, такъ какъ, помимо церковнаго суда и многочисленныхъ другихъ заботъ, на нихъ лежало также предсѣдательствованіе въ особомъ новгородскомъ совѣтѣ—«совѣтѣ господъ». Въ немъ засѣдали посадники и тысяцкіе (какъ степенные, такъ и старые, т. е. бывшіе), старосты

концовъ, сотскіе и нѣкоторые вельможи—бояре. Этотъ совѣтъ подготовлялъ и предварительно разсматривалъ вопросы, шедшіе затѣмъ на обсужденіе вѣча.

Г. Права вѣча.

Вѣчу, собиравшемуся по звону колокола, обыкновенно, на Ярославовомъ дворѣ, принадлежала верховная власть. Оно, какъ сказано выше, избирало, судило и смѣщало князя и всѣхъ высшихъ правительственныхъ лицъ (даже владыка могъ быть «сведенъ» съ своей должности по желанію вѣча). Вѣче имѣло также законодательную и распорядительную власть, именно, устанавливало новые законы и правила, заключало ряды съ князьями, утверждало договоры съ иноземцами, дѣлало постановленія объ уступкѣ новгородскихъ земель въ собственность или въ кормленіе, о сборѣ войска; оно, наконецъ, объявляло войну и заключало миръ.

Хотя большинство вопросовъ, обсуждавшихся на вѣчѣ, разсматривалось ранѣе въ совѣтѣ господъ, и хотя участники вѣча могли столковаться относительно ихъ на своихъ частныхъ кончанскихъ собраніяхъ (т. е. собраніяхъ жителей отдѣльныхъ концовъ), тѣмъ не менѣе рѣдко въ какомъ русскомъ городѣ вѣче носило столь бурный, мятежный характеръ и столь часто раздѣлялось на враждебныя партіи, вступавшія другъ съ другомъ въ бой, какъ въ Великомъ Новгородѣ.

Д. Характеръ вѣчевой жизни.

Лѣтописцы часто упрекаютъ новгородцевъ за ихъ «злые поклепы и лихія дѣла и у вѣчьи крича-ніе, за самовластіе и непокореніе», за неправду, отсутствіе справедливаго суда, развитіе ябедничества и разнузданность. Одна лѣтопись называетъ новгородскихъ вѣчниковъ «бѣсноватыми, звѣрями дикими, безчеловѣчный разумъ имущими», говоритъ, что безсловесныя животныя не такъ рычатъ, какъ новгородскіе безъименитые мужики, участвующіе на вѣчѣ. Былины о Садкѣ и о Василіи Буслаевѣ даютъ прекрасную картину бурнаго новгородскаго житья со всѣмъ его непостоянствомъ, съ быстрымъ обогащеніемъ и разореніемъ, со спорами и закладами, съ раздорами, драками и беззавѣтной удалью, со смѣлыми предпріятіями и замаливаніемъ прежнихъ грѣховъ.

Е. Вражда партій въ Новгородѣ.

Безпокойный характеръ новгородской жизни, особенно ярко сказывающійся на вѣчѣ, объясняется существованіемъ въ Новгородѣ политической и общественной (классовой) борьбы партій. Политическая борьба проявлялась обыкновенно при избраніи или изгнаніи князей, а также при избраніи посадниковъ. Иногда она принимала очень ожесточенный характеръ. Еще большимъ ожесточеніемъ отличалась классовая вражда,—борьба бѣдныхъ съ богатыми. Причина ея лежала въ томъ, что, хотя всѣ жители Новгорода, какъ участники вѣча, имѣли одинаковыя политическія права, однако на дѣлѣ пользовались вліяніемъ лишь знатнѣйшіе и богатѣйшіе новгородцы.

Они стремились сдѣлать городскихъ бѣдняковъ орудіемъ для проведенія своихъ желаній на вѣчѣ, пользовались ими для своего избранія на важныя должности, а потомъ ихъ же тѣснили. Вообще въ Новгородѣ, несмотря на его республиканское устройство, было рѣзкое неравенство между отдѣльными классами общества.

§ 4. Составъ новгородскаго общества.

Если исключить изъ состава новгородскаго общества духовенство, княжескихъ дружинниковъ и холоповъ (эти классы занимали въ Новгородѣ такое же положеніе, какъ и въ другихъ русскихъ городахъ), то его можно раздѣлить на два главныхъ разряда по имущественному положенію: на людей лучшихъ и меньшихъ или черныхъ. Къ первому относились бояре, житьи люди и богатые купцы. Боярами назывались крупнѣйшіе капиталисты — землевладѣльцы, изъ среды которыхъ выбирались важнѣйшія должностныя лица. Боярство представляло такимъ образомъ имущественную аристократію и оказывало большое вліяніе на политическую жизнь въ Новгородѣ, принимая участіе въ совѣтѣ господъ и руководя дѣятельностью вѣча. Житьи люди были, вѣроятно, богатыми новгородскими домовладѣльцами. Что касается купечества, то, хотя правомъ торговли пользовался всякій безъ ограниченія, однако существовали также особыя купеческія компаніи и организаціи. Такой организаціей была, напр., община Св. Іоанна, вѣдавшая торговый судъ. Чтобы сдѣлаться полноправнымъ и потомственнымъ («пошлымъ») членомъ «Иванскаго купечества», нужно было уплатить крупный взносъ. Мелкіе купцы входили уже въ разрядъ меньшихъ людей. Преимущественно же меньшими или черными людьми назывались ремесленники, рабочіе и многочисленная, неимѣвшая опредѣленныхъ занятій городская бѣднота. Въ сельскомъ населеніи различались земледѣльцы-собственники, называвшіеся земцами или своеземцами, и смерды, работавшіе на государственныхъ, т. е. принадлежавшихъ Новгороду земляхъ. Частновладѣльческія земли обрабатывались не только холопами, но сдавались также въ наемъ свободнымъ людямъ, которые вносили за это часть урожая, получавшагося съ занятаго ими участка, и назывались поэтому половинками (или третинками или четниками).

Вслѣдствіе рѣзкаго имущественнаго неравенства различныхъ классовъ общества и борьбы партій на вѣчѣ, новгородское населеніе не было тѣсно сплочено и не было объединено общими интересами.

§ 5. Несплоченность Новгородской земли.

Равнымъ образомъ не была сплоченной и обширная Новгородская область: пригороды имѣли свои интересы, стремились къ самостоятельности и не разъ вступали въ распри и даже открытыя столкно-

венія съ Великимъ Новгородомъ. Нѣкоторыя же изъ колоній почти безпрерывно находились во враждѣ съ нимъ. Изъ новгородскихъ колоній особенный интересъ представляетъ Вятка, а изъ пригородовъ — Псковъ.

А. Новгородская колонія Вятка.

Вятка основана была въ послѣдней четверти XII вѣка въ землѣ финскаго народа вотяковъ выходцами изъ Новгорода, выселившимися оттуда вслѣдствіе несогласія съ господствовавшей тамъ партіей. (Возможно, что причиной такого несогласія было примиреніе новгородцевъ съ Андреемъ Боголюбскимъ послѣ его похода). И въ послѣдующее время Вятская земля заселялась людьми, недовольными новгородскими порядками. Изъ городовъ, построенныхъ въ ней, замѣчательны Хлыновъ (нынѣшняя Вятка), Котельничъ, Никулицынъ и др. Пришельцы завели въ новой землѣ порядки, еще болѣе свободные, чѣмъ въ самомъ Новгородѣ: они управлялись только вѣчемъ безъ князя. Вятка была, такимъ образомъ, единственной изъ сѣверныхъ земель, не знавшей совсѣмъ княжеской власти. Въ князѣ—военномъ защитникѣ — вятчане не особенно нуждались, такъ какъ ихъ охраняла географическая отдаленность и условія природы. Но, будучи хорошо ограждены непроходимыми лѣсами отъ нападенія враговъ, вятчане сами отличались большой воинственностью и задоромъ. У нихъ болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, было развито ушкуйничество. Воевали они не только съ сосѣдними финскими народцами, но и съ татарами, подвергнувъ однажды разграбленію самый Сарай. Къ Новгороду они относились враждебно и усердно помогали московскимъ князьямъ, когда тѣ стали покушаться на него. Но и съ москвичами вятчане не ладили и приглашали на помощь противъ нихъ даже татаръ. Однако борьба съ Москвою оказалась слишкомъ неравною: московскіе князья, присоединивъ въ 1478 году къ своимъ владѣніямъ Новгородъ, черезъ 11 лѣтъ положили конецъ вольности Вятки, а потомъ предъявили свои притязанія и на Псковъ.

Б. Псковъ.

Псковъ, старый русскій городъ, былъ построенъ на сліяніи рѣкъ Псковы и Великой. Городъ разросся изъ крѣпости (самая крѣпость называлась Дѣтинцемъ) и дѣлился на 6 концовъ. Невдалекѣ отъ него расположены были 12 пригородовъ, зависѣвшихъ въ управленіи отъ концовъ (къ каждому концу было приписано по два пригорода). И самый Псковъ и его пригороды имѣли видъ и значеніе укрѣпленныхъ военныхъ пунктовъ, ограждавшихъ Русскую землю отъ западныхъ враговъ: литовскихъ племенъ и прибалтійскихъ нѣмцевъ.

До 1347 года Псковъ считался новгородскимъ пригородомъ, но пользовался значительною самостоятельностью: уже съ первой половины XII вѣка онъ имѣлъ собственныхъ князей. Иногда они сажались на княженіе съ согласія Новгорода, иногда же безъ него: не разъ, напр., во Псковѣ находили себѣ пріютъ князья—новгородскіе изгнанники; кня-

жили въ немъ также выходцы изъ Литвы (литовскіе князья призывались порою и въ Новгородъ); со времени усиленія Москвы, она получила преобладающее вліяніе въ дѣлѣ посаженія псковскихъ князей. Съ XIII вѣка Пскову часто приходилось вести самостоятельную внѣшнюю политику. Его одиночество въ военныхъ предпріятіяхъ, отсутствіе помощи и поддержки со стороны Новгорода послужили главной причиной недоразумѣній между этими городами и стремленія Пскова къ полному обособленію. Это обособленіе состоялось въ 1347 году, когда новгородцы признали, наконецъ, Псковъ своимъ «младшимъ братомъ», а не пригородомъ, иными словами, согласились на его независимость. Только въ церковномъ отношеніи онъ остался подчиненнымъ Новгороду, такъ какъ не имѣлъ своего епископа.

Политическій строй во Псковѣ былъ похожъ на новгородскій: послѣ князя важнѣйшими должностными лицами были посадники (во Псковѣ ихъ было два); они, вмѣстѣ съ другими псковскими властями (сотскими и кончанскими старостами), составляли правительственный совѣтъ, подобный новгородской «господѣ»; верховная власть принадлежала вѣчу. Собранія вѣча отличались однако мирнымъ характеромъ: здѣсь не было ожесточенной новгородской борьбы партій, такъ какъ общественный строй во Псковѣ былъ иной, чѣмъ въ Новгородѣ. Вслѣдствіе ограниченности Псковской области и меньшаго развитія ея торговли, въ рукахъ состоятельныхъ псковичей не могли сосредоточиться такія громадныя земельныя и денежныя богатства, какъ у новгородскихъ бояръ. Поэтому во Псковѣ не было рѣзкаго имущественнаго неравенства, не было приниженности бѣднѣйшихъ классовъ общества: холопства совершенно не существовало (это исключеніе во всей Руси), а сельское населеніе, носившее названіе «изорники», находилось въ сносномъ положеніи. Интересы его оберегались псковскимъ законодательствомъ, памятникомъ котораго служитъ Псковская судная грамота (она закончена не ранѣе половины XV вѣка). Отсутствіе во Псковѣ сильной общественной розни и бурныхъ вѣчевыхъ столкновеній благотворно дѣйствовало и на характеръ псковичей: иностранцы хвалили ихъ за мягкость нравовъ и за честность.

В. Внѣшніе враги Новгородской земли.

Внутренняя жизнь Пскова протекала мирно, но внѣшняя политика была крайне тревожной: ему приходилось непрестанно отражать натискъ прибалтійскихъ нѣмцевъ. Съ нѣмцами, а также со шведами долженъ былъ вести ожесточенную борьбу и Новгородъ, войско котораго (земское ополченіе) было хотя и многочисленно, однако плохо организовано. Въ эту борьбу вмѣшивались усилившіяся къ концу удѣльнаго періода государства: Московское съ одной стороны и Литовское — съ другой. Да и сами новгородцы и псковичи вмѣшивали ихъ въ нее, ища помощи себѣ то у Москвы, то у Литвы, и тѣмъ подготовляли паденіе своей независимости.

Такимъ образомъ, обширная Новгородская область терпѣла бѣдствія не только отъ внутреннихъ усобицъ въ вольномъ Новгородѣ и малой сплоченности своихъ составныхъ частей, но также и отъ своихъ европейскихъ сосѣдей, еще болѣе воинственныхъ, чѣмъ дикіе татары.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Борьба Новгородской земли со шведами и нѣмцами.

§ 1. Утвержденіе нѣмцевъ въ Прибалтійскомъ краѣ.

Столкновенія сѣверныхъ племенъ восточныхъ славянъ, жившихъ у Новгорода, съ варягами-скандинавами происходили, какъ извѣстно, еще до образованія Русскаго государства. Борьба со шведами возобновилась въ XII в., когда Новгородъ сталъ подчинять себѣ южную Финляндію, на которую притязали шведы. Съ XIII вѣка на побережьѣ Балтійскаго моря утвердились особенно опасные для новгородцевъ враги—нѣмцы. Первоначально нѣмцы еще въ XII вѣкѣ поселились при устьѣ Западной Двины для торговыхъ цѣлей и вскорѣ принялись насильно распространять католицизмъ среди жившихъ здѣсь языческихъ финскихъ и литовскихъ народцевъ. Въ нѣмецкую колонію прибылъ епископъ съ крестоносною ратью. На Двинѣ былъ построенъ городъ Рига (въ 1201 году), а вскорѣ затѣмъ здѣсь утвержденъ былъ папою духовно-рыцарскій орденъ меченосцевъ, называемый иначе Ливонскимъ. (Мѣстность эта называлась Ливоніей отъ имени финскаго племени, жившаго здѣсь,—ливы). Разселеніе нѣмцевъ происходило съ разрѣшенія полоцкихъ князей, считавшихся владѣтелями этой области, и рыцари сперва избѣгали вражды съ ними. Зато съ новгородцами и псковичами они скоро вступили въ открытую борьбу, такъ какъ ихъ интересы столкнулись при покореніи финскихъ племенъ. Насильственное крещеніе вызывало среди послѣднихъ возстанія. Эсты, напр., до такой степени не терпѣли навязанной имъ вѣры, что не только смывали съ себя посредствомъ языческихъ обрядовъ крещеніе, но даже вырывали изъ земли трупы своихъ крещеныхъ покойниковъ и очищали ихъ. Къ нѣмцамъ они пылали непреодолимою ненавистью, и если захватывали ихъ въ плѣнъ, то совершали надъ ними ужасныя звѣрства. Рыцари отвѣчали на это жестокою расправою и систематическимъ порабощеніемъ окрестныхъ племенъ.

Новгородцы и псковичи не могли оставаться равнодушными къ усиленію нѣмцевъ, такъ какъ Новгородская область также расширялась насчетъ финскихъ земель, а нѣкоторые изъ финновъ были уже крещены по православному обряду. Поэтому новгородцы стали поддерживать и разжигать возстанія противъ рыцарей. Но борьба оказалась въ высшей степени трудной, такъ какъ рыцари своимъ во-

оруженіемъ и военнымъ искусствомъ значительно превосходили соперниковъ, и такъ какъ между отдѣльными финскими и литовскими племенами кипѣла жгучая вражда; вслѣдствіе этого въ то время, какъ одни изъ нихъ бились въ союзѣ съ русскими, другія дѣйствовали заодно съ рыцарями противъ своихъ же соплеменниковъ и русскихъ. Уже въ началѣ XIII вѣка война вспыхивала нѣсколько разъ и отличалась крайне ожесточеннымъ характеромъ. Успѣхъ былъ перемѣнный, но чаще на сторонѣ нѣмцевъ. Они захватили значительную часть полоцкихъ владѣній, а въ 1224 году взяли, несмотря на отчаянное сопротивленіе, Юрьевъ. Силы рыцарей все прибывали. Около времени взятія Юрьева, между Нѣманомъ и Вислою въ землѣ литовскаго племени «пруссовъ» утвердился второй нѣмецкій духовно-рыцарскій орденъ — «Тевтонскій». Этотъ орденъ предназначался для борьбы съ мусульманами въ Палестинѣ, но тевтонскіе рыцари были призваны однимъ польскимъ княземъ для защиты его владѣній отъ нашествій пруссовъ и обосновались въ Прибалтійскомъ краѣ. Въ этомъ же краю, въ Эстляндіи, въ XIII вѣкѣ завели свои поселенія датчане. Ливонскій и Тевтонскій ордена заключили (въ 1237 году) между собою союзъ; набравшись новыхъ силъ, нѣмецкіе рыцари предприняли наступательное движеніе на русскія области съ цѣлью подчинить ихъ католицизму. Въ 1240 году они завладѣли Псковомъ, назначили тамъ посадникомъ приверженнаго себѣ человѣка и готовились идти на Новгородъ. Въ то же время устремились на него и шведы. Съ благословенія папы выступили они, подъ предводительствомъ знаменитаго полководца Биргера и въ сопутствіи многочисленнаго духовенства, въ крестовый походъ противъ финновъ, не желавшихъ принимать католицизма, и ихъ сосѣдей — новгородцевъ.

§ 2. Подвиги Александра Невскаго.

Опасность для Новгорода была огромная, но его спасъ княжившій въ немъ Александръ Ярославичъ (внукъ Всеволода Большое Гнѣздо), способнѣйшій и лучшій князь удѣльнаго періода, выказавшій въ трудной борьбѣ большіе воинскіе таланты.

Увѣренные въ своей побѣдѣ, шведы, войдя на судахъ въ Неву, расположились на ея берегу невдалекѣ отъ Ижоры, не ожидая скораго прихода русскихъ. Но Александръ, увѣдомленный сторожевыми отрядами о прибытіи враговъ, поспѣшилъ неожиданно напасть на нихъ врасплохъ, и 15 іюля 1240 года нанесъ имъ жестокое пораженіе. За свою побѣду Александръ получилъ прозваніе Невскаго. Она была одержана въ тотъ печальный годъ, когда Кіевъ разоряли татары. Послѣ пораженія шведовъ, Новгородъ не былъ еще въ безопасности: вблизи его появились передовыя нѣмецкія силы, при-

шедшія изъ Пскова. Нѣмцы и союзные съ ними финскіе народцы опустошали Новгородскій край, захватывали его владѣнія. Александръ двинулся въ походъ, освободилъ Псковъ отъ нѣмцевъ, а затѣмъ уничтожилъ рыцарское ополченіе въ битвѣ на льду Чудского озера (такъ называемомъ Ледовомъ побоищѣ) 5 апрѣля 1242 года. Послѣ этого Александръ нѣсколько разъ разбивалъ еще литовскія племена. Онъ такъ прославился своими побѣдами, что «имя его, по выраженію лѣтописи, стало извѣстно тьмамъ темъ и тысячамъ тысячъ людей». Значеніе Александра Невскаго не ограничивается его дѣятельностью въ Новгородѣ. Не менѣе славенъ онъ какъ великій князь Владимірскій. Ярлыкъ на великое княженіе онъ получилъ въ 1252 году, вскорѣ послѣ смерти своего отца Ярослава Всеволодовича, перваго великаго князя отъ руки хана. Новое положеніе поставило передъ доблестнымъ Александромъ новую задачу, для осуществленія которой нужны были тягостныя, но неизбѣжныя пока средства. Этой задачей было огражденіе Руси отъ повторенія татарскихъ нашествій; добиться же этого возможно было теперь не силою оружія и не блескомъ побѣдъ, а лишь смиреніемъ передъ ханомъ и удержаніемъ народа въ покорности новымъ властителямъ. И герой войнъ со шведами, рыцарями и литвою долженъ былъ, скрѣпя сердце, смириться передъ ханомъ и побуждать русскихъ людей къ исполненію его требованій. Такъ, онъ настаивалъ, чтобы русскіе позволили татарскимъ численникамъ произвести перепись населенія для опредѣленія размѣра дани, и бунтовщиковъ противъ «численниковъ» (особенно сильный бунтъ былъ въ Новгородѣ) онъ строго и даже жестоко каралъ. Но, исполняя требованія хана, Александръ былъ въ то же время самымъ ревностнымъ и неутомимымъ ходатаемъ передъ нимъ за русскій народъ: нѣсколько разъ ѣздилъ онъ въ Орду отводить ханскій гнѣвъ. На возвратномъ пути послѣ одной изъ такихъ поѣздокъ онъ скончался въ 1263 году. Церковь причислила его, какъ истиннаго «страдальца за Русскую землю», къ лику святыхъ. При немъ Сѣверо-Восточная Русь отдохнула нѣсколько отъ татарскихъ ужасовъ, а Новгородская область—отъ нашествій шведовъ и нѣмцевъ.

§ 3. Подвиги Довмонта Псковскаго.

Однако, во второй половинѣ XIII вѣка возобновилась ожесточенная борьба. Такъ, напр., въ 1268 году русскіе нанесли пораженіе нѣмцамъ въ битвѣ при Раковорѣ (Везенбергѣ).

Однимъ изъ героевъ этой битвы былъ литовскій выходецъ Довмонтъ, принятый псковичами на княженіе и прокняжившій тридцать пять лѣтъ. Его правленіе было самымъ славнымъ, самымъ блестящимъ въ исторіи Пскова. Литовецъ по происхожденію, Довмонтъ совершенно обрусѣлъ, породнился съ потомствомъ Александра Нев-

скаго, воспринялъ лучшія качества русскаго народнаго характера. Судя по восторженнымъ отзывамъ лѣтописи, личность Довмонта была необыкновенно обаятельной, расположеніе народа къ нему было безпредѣльнымъ. Устанавливая миръ и тишину во Псковѣ, поддерживая дружественныя отношенія съ Новгородомъ, этотъ князь-герой часто и побѣдно обнажалъ свой мечъ противъ нѣмецкихъ рыцарей и своихъ соплеменниковъ-литовцевъ. Его военныя удачи дѣлали излишней помощь со стороны Новгорода. Да и трудно было бы ждать ея: Новгородъ долженъ былъ защищаться самъ отъ нападеній шведовъ. Борьба продолжалась и въ XIV вѣкѣ. Такъ, въ 1347 году шведско-норвежскій король Магнусъ, охваченный религіознымъ пыломъ, предпринялъ крестовый походъ на Новгородъ, насильно обращая въ католицизмъ всѣхъ плѣнниковъ. Походъ былъ, впрочемъ, неудаченъ для него: разбитый нѣсколько разъ, Магнусъ поспѣшилъ отступить, спасаясь отъ страшнаго морового повѣтрія, опустошавшаго новгородскій край. (Это была та ужасная чума, которая въ половинѣ XIV вѣка свирѣпствовала во всей Европѣ). Псковъ и въ XIV и въ слѣдующемъ вѣкѣ продолжалъ неустанно отстаивать себя отъ покушеній нѣмцевъ.

Напряженная борьба съ иноземцами, связанныя съ этимъ опустошенія и ущербъ для торговли, несогласія Новгорода съ пригородами и волостями и ожесточенная борьба партій въ немъ обезсиливали Новгородскую землю. А между тѣмъ на границахъ его выросли два сильныхъ государства, простиравшихъ свои виды на нее: съ одной стороны—Московское, съ другой—Литовское. Нужно было выбирать господство того или другого. Когда въ послѣдней четверти XV вѣка возобладала въ Новгородѣ литовская партія, стоявшая за подданство Литвѣ, Московское государство вооруженной силой захватило Новгородскую землю. Литва не поспѣла на выручку Новгорода: ей не удалось овладѣть Сѣверною Русью. Но Русь Юго-Западная—Приднѣпровская и Приднѣстровская, къ исторіи которой слѣдуетъ теперь обратиться, уже давно находилась подъ властью Литвы.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Юго-Западная Русь, литовцы, поляки и венгры.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Галицко-Волынское княжество.

§ 1. Первоначальная исторія Волыни и Галиціи.

Послѣ упадка Кіевскаго княжества, первенствующее значеніе въ Юго-Западной Руси получило княжество Галицко-Волынское, составившееся изъ соединенія въ 1199 г. двухъ земель—Волынской и Галицкой. Первоначальная исторія этихъ земель такова.

А. Обособленіе Волыни и Галиціи.

Земля Волынская (главными городами которой были сперва Волынь а затѣмъ Владиміръ Волынскій), простиравшаяся отъ Западнаго Буга до средняго теченія правыхъ притоковъ Днѣпра и верховьевъ Южнаго Буга, издавна входила въ составъ Кіевскаго государства. За обладаніе Галицкой землей [1]) (ея столицами были сперва Перемышлъ, затѣмъ Галичъ), расположенной по бассейну Днѣстра между Карпатами и верховьями Буговъ, Владиміръ Св. и Ярославъ Мудрый должны были вести борьбу съ поляками. При ближайшихъ преемникахъ Ярослава эти двѣ земли, или совмѣстно или раздѣльно, то захватывались кіевскими князьями, то переходили въ другія руки. Послѣ смутъ, происшедшихъ вслѣдъ за Любечскимъ съѣздомъ, Галиція, въ качествѣ отдѣльнаго княжества, обособилась подъ властью потомковъ Ярославова внука Ростислава Владиміровича. Волынь же продолжала оставаться яблокомъ раздора для различныхъ претендентовъ на кіевскій престолъ; ея обособленіе началось только въ половинѣ XII вѣка, когда въ ней утвердилось потомство Изяслава II Мстиславича. Обособленіе это не было однако полнымъ, такъ какъ Мстиславичи, овладѣвая Кіевомъ, стремились сохранить за собою и Волынь. Галицкіе князья (Василько и Володарь, Владимірко Володаревичъ, Ярославъ Владимірковичъ, по прозванію Осмомыслъ, и Владиміръ Ярославичъ) не интересовались кіевскимъ престоломъ, но всѣми силами противодѣйствовали соединенію Кіевской и Волынской земель, такъ какъ опасались, что слѣдствіемъ его будутъ притязанія Кіева на Галицію. Борьбою съ кіевскими князьями занята вся начальная исторія Галицкой земли. Въ эту борьбу вмѣшивались иногда половцы (отъ ихъ нападеній Волынь и Галиція страдали, впрочемъ, несравненно меньше, чѣмъ другія южныя княжества), особенно же часто венгры и поляки, игравшіе вообще немаловажную роль въ исторіи Юго-Западной Руси.

Б. Дѣятельность галицкихъ князей.

Первыми галицкими князьями слѣдуетъ считать Василько и Володаря (отецъ ихъ Ростиславъ сидѣлъ въ Галиціи лишь короткое время). Имъ пришлось отстаивать свои владѣнія отъ притязаній Ярополка Изяславича (т. е. сына Изяслава I Кіевскаго), волынскаго князя Давида Игоревича, венгровъ и поляковъ. Изъ тяжелой борьбы энергичные Ростиславичи вышли побѣдителями: Ярополкъ былъ убитъ по ихъ наущенію: Давидъ, звѣрски ослѣпившій Василько, лишился Волыни; когда же Святополкъ II Кіевскій попытался завладѣть Галиціею съ помощью венгровъ, то Ростиславичи въ союзѣ съ половцами, въ битвѣ подъ Перемышлемъ въ 1099 г., нанесли сильное пораженіе венгерскому войску, и этой побѣдой обезопасили Галицію на сто

[1]) Галицкая земля называется также Червонной Русью по имени города Червена.

лѣтъ отъ покушеній сосѣдей. Василько и Володарь оставили каждый по два сына, но изъ этихъ четырехъ князей выдѣлился одинъ Владимірко Володаревичъ, который въ скоромъ времени сдѣлался единовластцемъ Галицкой земли. (Долѣе всѣхъ боролся съ нимъ его племянникъ Иванъ Ростиславичъ, по прозванію Берладникъ, т. е. безземельный: въ концѣ концовъ, Иванъ лишенъ былъ всѣхъ владѣній и скитался по Русской землѣ, ища пріюта у разныхъ князей). Владимірко велъ очень смѣлую внѣшнюю политику: онъ былъ во враждебныхъ отношеніяхъ съ поляками и дѣятельно боролся съ кіевскими князьями: Всеволодомъ II Ольговичемъ и Изяславомъ II Мстиславичемъ, стремившимися къ захвату Волыни. Въ борьбѣ съ ними онъ пользовался помощью венгровъ, но когда ихъ король Гейза породнился съ Изяславомъ, то Владимірко нашелъ въ венграхъ опасныхъ враговъ и могъ расчитывать только на поддержку Изяславова соперника—Юрія Долгорукаго; искалъ онъ также союза съ Византіей. Терпя частыя и серьезныя неудачи на полѣ сраженія, Владимірко спасалъ себя дипломатическими переговорами и неразборчивостью въ средствахъ: онъ не останавливался ни передъ подкупомъ венгерскихъ воеводъ, ни передъ притворствомъ и обманомъ (за его искусство вести переговоры и обманывать противниковъ лѣтописецъ называетъ его «Многоглаголивымъ»), ни передъ клятвопреступленіемъ. Такъ, напр., однажды, потерпѣвъ жестокое пораженіе, онъ притворился тяжко больнымъ, обратился къ великодушію Гейзы и умолялъ помирить его съ Изяславомъ; послѣднему онъ обѣщалъ вѣчный союзъ и уступку нѣсколькихъ городовъ. Свое обѣщаніе онъ скрѣпилъ клятвой передъ крестомъ, сдѣланнымъ, по преданію, изъ Св. Креста Господня, но не исполнилъ его. Когда Изяславъ прислалъ своего боярина къ Владимірку напомнить о крестоцѣлованіи, послѣдній цинично отвѣтилъ: «что мнѣ этотъ маленькій крестикъ?!» Лѣтопись утверждаетъ, что въ тотъ же день онъ внезапно скончался.

Владимірку наслѣдовалъ его единственный сынъ Ярославъ Осмомыслъ. Лѣтопись прославляетъ этого князя за мудрость, заботы о просвѣщеніи народа и высокія нравственныя качества: благочестіе, справедливость и нищелюбіе, а «Слово о Полку Игоревѣ» въ поэтическихъ краскахъ описываетъ необыкновенное могущество его. Онъ дѣйствительно пользовался большимъ значеніемъ среди князей того времени: установивъ дружественныя отношенія съ поляками и венграми, пользуясь вниманіемъ со стороны Византіи, Ярославъ былъ очень цѣннымъ союзникомъ для Юрія Долгорукаго въ его борьбѣ за кіевскій престолъ; его союза искали и преемники Юрія. Внѣшнему могуществу Ярослава не соотвѣтствовало однако его положеніе въ самомъ Галицкомъ княжествѣ, гдѣ ему пришлось выдержать борьбу и съ претендентомъ на галицкій престолъ (Иваномъ Берладникомъ) и съ боярами, властно вмѣшивавшимися даже въ его семейныя дѣла. Съ первымъ онъ справился легко, но боярамъ долженъ былъ сдѣ-

лать важныя уступки. Послѣ его смерти въ 1187 г. они возобновили борьбу съ обоими его сыновьями: законнымъ—Владиміромъ и незаконнымъ—Олегомъ. Олега бояре скоро изгнали, а затѣмъ и отравили; они не ладили и съ Владиміромъ, не хотѣвшимъ дѣлиться съ ними властью и раздражавшимъ народъ своей безнравственною жизнью. Владиміръ былъ также изгнанъ, томился въ плѣну у венгровъ, бѣжалъ искать помощи у императора Фридриха Барбароссы и въ Польшѣ, и только въ 1189 году вокняжился вновь и, опираясь на поддержку Всеволода III, спокойно правилъ до своей смерти въ 1199 году. За эти десять лѣтъ Галицкая земля нѣсколько отдохнула отъ смутъ и притязаній сосѣдей, которыя возобновились затѣмъ съ большой силой.

В. Особенности Галицкой земли.

Вмѣшательство поляковъ и венгровъ въ дѣла Галицкой земли облегчалось ея географическимъ положеніемъ: она врѣзывалась въ чужеземный край.

Сосѣдство съ иноземцами имѣло важныя послѣдствія: 1) Галиція была открыта для иностранной колонизаціи, которой дѣятельно покровительствовали галицкіе князья; галицкая культура получила поэтому своеобразный характеръ смѣшенія русско-византійской и западно-латинской культуры. Вліяніе послѣдней замѣтно, напр., въ постройкахъ, въ латинскихъ печатяхъ послѣднихъ галицкихъ князей, въ терпимомъ отношеніи жителей Галиціи къ католицизму. 2) Своеобразная по своей культурѣ, Галиція выработала также и своеобразный общественный бытъ: именно,—въ ней несравненно сильнѣе, чѣмъ гдѣ-либо на Руси, развилось значеніе боярства. Боярство подчинило здѣсь своему вліянію не только городскія вѣча, но и самихъ князей. Усиленіе его объясняется, главнымъ образомъ, политическою обособленностью Галиціи отъ другихъ русскихъ земель: въ продолженіе ста лѣтъ, т. е. съ конца XI вѣка до конца XII вѣка, въ ней, съ ничтожными лишь перерывами, княжила одна династія Ростиславичей, пользовавшаяся услугами мѣстной дружины—боярства; пришлая дружина не смѣняла мѣстную, не лишала ея вліянія. Послѣдняя слагалась поэтому въ аристократическое сословіе, владѣвшее крупными земельными богатствами, наслѣдственно служившее князьямъ и получавшее важныя правительственныя назначенія (вслѣдствіе малосемейности галицкихъ князей бояре занимали такія должности, которыя въ другихъ русскихъ княжествахъ замѣщались обыкновенно сыновьями или родственниками князей; такъ, напр., галицкіе бояре правили иногда нѣсколькими городами и отъ своего имени отдавали ихъ въ управленіе другимъ; нѣкоторые изъ бояръ имѣли собственные многочисленные полки). Привыкнувъ быть вліятельными наслѣдственными сотрудниками князя, бояре стали затѣмъ стремиться подчинить себѣ князей и сосредоточить все управленіе въ своихъ рукахъ. Многихъ уступокъ они добились уже при послѣднихъ Ростиславичахъ (напр. при Ярославѣ Осмомыслѣ); вскорѣ же послѣ прекращенія въ 1199 году династіи Ростиславичей бояре

задумали вполнѣ осуществить свои планы. Съ этою цѣлью они всѣми силами стали разжигать усобицы въ Галицкой землѣ, не давали ни одному князю прочно утвердиться здѣсь, и постоянно вмѣшивали иноземцевъ во внутреннія дѣла Галиціи.

§ 2. Княженіе Романа Мстиславича и смута послѣ его кончины.

Въ 1199 году Галицкой землей завладѣлъ доблестный и предпріимчивый волынскій князь Романъ Мстиславичъ (сынъ Мстислава II Изяславича Кіевскаго). Соединивъ въ своихъ рукахъ Волынь и Галицію, установивъ дружественныя отношенія съ сосѣдями и поддерживая тѣсный союзъ съ могущественнымъ Всеволодомъ III Большое Гнѣздо, Романъ занялъ преобладающее положеніе во всей Юго-Западной Руси. Кіевскій князь Рюрикъ Ростиславичъ пытался было бороться съ нимъ, но лишился Кіева, и этотъ городъ на нѣкоторое время попалъ подъ двойную опеку—Романа и Всеволода III. Обезопасивъ себя отъ сосѣдей, Романъ могъ посвятить свои силы борьбѣ съ половцами. Побѣды его надъ кочевниками прославляются не только русскимъ лѣтописцемъ, который видитъ въ немъ истиннаго послѣдователя Мономаха, но и византійскимъ историкомъ. Слава Романа была велика: лѣтопись титулуетъ его «царемъ» и «самодержцемъ всея Руси»; папа Иннокентій III, по преданію, предлагалъ ему королевскій вѣнецъ и помощь въ дальнѣйшихъ завоеваніяхъ. Могущественный Романъ хотѣлъ упрочить свою власть и въ самой Галиціи и началъ жестокую расправу надъ непокорными боярами, но боярство онъ не уничтожилъ, а только озлобилъ. Оно воспрянуло духомъ тотчасъ же послѣ гибели Романа на войнѣ въ 1205 году. Наслѣдниками его остались два малолѣтнихъ сына: Даніилъ и Василько. Не скоро удалось имъ утвердиться въ отцовскихъ владѣніяхъ: вмѣстѣ со своей матерью они долго скитались, жили въ Польшѣ и Венгріи и только въ 1214 году получили Волынь.

Въ Галицкой же землѣ усобицы продолжались еще свыше тридцати лѣтъ.

Ея владѣтели, поддерживаемые, а затѣмъ изгоняемые боярами, смѣнялись съ необыкновенной быстротой: добывали себѣ Галицію и многіе русскіе князья,—какъ выдающіеся (напр. дѣти героя «Слова о Полку Игоревѣ»—Игоря Святославича [1]) или Мстиславъ Мстиславичъ Удалой), такъ и второстепенные,— и венгры (два венгерскихъ королевича — сперва одинъ, а черезъ нѣсколько лѣтъ другой — были на галицкомъ престолѣ); однажды, правда на короткое время, вокняжился въ Галиціи даже простой бояринъ. При такой частой смѣнѣ

[1]) Добываніе Галиціи кончилось печально для нихъ: противъ нихъ возстали бояре, схватили двухъ князей Игоревичей и повѣсили ихъ.

князей управленіе страной находилось въ рукахъ бояръ. Данилъ Романовичъ, подросши, принялъ тоже живое участіе въ Галицкой смутѣ. Сперва онъ дѣйствовалъ въ союзѣ съ Мстиславомъ Удалымъ, боровшимся за обладаніе Галиціей, надѣясь стать современемъ его наслѣдникомъ и укрѣпить съ его помощью свое положеніе въ Волыни. Но отважный, неустрашимый боецъ и превосходный полководецъ, Мстиславъ былъ неумѣлымъ и недальновиднымъ политикомъ: онъ не смогъ справиться съ боярскими кознями, а послѣ своихъ блестящихъ побѣдъ надъ венграми не нашелъ ничего лучшаго, какъ передать Галичъ венгерскому королевичу. Смерть Мстислава въ 1228 году развязала руки Данилу, и съ этого времени онъ началъ энергичную борьбу за отцовское наслѣдіе. Она облегчалась тѣмъ, что низшіе слои галицкаго населенія были на его сторонѣ, но бояръ, венгровъ и разныхъ претендентовъ на Галицію одолѣть было очень трудно: нѣсколько разъ онъ вокняжался въ Галичѣ и долженъ былъ оставлять его.

Только въ 1245 году Данилъ нанесъ рѣшительное пораженіе своимъ врагамъ (въ битвѣ при г. Ярославѣ) и съ этого времени прочно утвердился въ Галицкой землѣ. Братъ его Василько остался княжить въ Волыни. Оба брата жили дружно, дѣйствовали совмѣстно и были какъ бы соправителями вновь объединившагося Галицко-Волынскаго княжества. Оно было единственнымъ изъ южно-русскихъ княжествъ, жившимъ полною историческою жизнью послѣ нашествія татаръ.

§ 3. Положеніе Юго-Западной Руси послѣ Батыева нашествія.

Во время Батыева похода въ южной Руси происходила только что упомянутая ожесточенная борьба князей за Галицію.

А. Разореніе. При появленіи татаръ многіе князья бѣжали заграницу и вернулись только тогда, когда страшные враги, дважды опустошивъ Южную Русь (въ первый разъ—при своемъ наступленіи, во второй—при возвращеніи изъ Венгріи), утвердились въ Приволжскихъ степяхъ. Всѣ мѣстности на пути татаръ были разорены, нѣкоторые города разрушены до основанія, такъ что впослѣдствіи должны были возрождаться изъ развалинъ и пепла; населеніе замѣтно порѣдѣло. Политическая жизнь въ различныхъ южно-русскихъ земляхъ послѣ татарскаго нашествія сложилась неодинаково.

Б. Безкняжеское управленіе. Нѣкоторые города и области совершенно утратили прежнее княжеско-дружинное управленіе: они оказались въ непосредственной зависимости отъ татаръ, а ихъ внутреннія дѣла вѣдались мѣстными вѣчевыми собраніями. Такіе безкняжьи порядки установились въ такъ называемыхъ Болоховскихъ городахъ (расположенныхъ по верхнему теченію рѣкъ: Южнаго Буга и Случи), въ Кіевской и

Переяславской области. Болоховскіе города добровольно подчинились Батыю, были пощажены имъ и, обязавшись уплачивать татарамъ небольшую дань хлѣбомъ, сохранили свое внутреннее самоуправленіе. Что же касается Кіева, то ярлыкъ на княженіе въ немъ послѣ 1240 г. получилъ Владимірскій великій князь Ярославъ Всеволодовичъ, затѣмъ сынъ его Александръ Невскій; однако оба они только назывались кіевскими князьями, но не были ими въ дѣйствительности, такъ какъ правили въ своихъ сѣверныхъ владѣніяхъ, никогда не заглядывая въ Кіевъ. Вообще отъ татарскаго погрома до XIV вѣка ни одинъ князь не сидѣлъ въ Кіевѣ. Въ XIV вѣкѣ изрѣдка появлялись здѣсь незначительные князья; вообще же населеніе какъ Кіева, такъ и его пригородовъ находилось въ непосредственныхъ отношеніяхъ къ татарамъ. То же можно сказать о Переяславской землѣ. Безкняжье управленіе представляло извѣстныя выгоды и для татаръ и для населенія: первымъ удобнѣе было имѣть подъ своею властью маленькіе, покорные и беззащитные мірки-общины, чѣмъ князей, со стороны которыхъ можно было ожидать возстаній; населеніе также предпочитало безкняжій строй, такъ какъ, во-первыхъ, пользовалось при немъ болѣе широкимъ самоуправленіемъ, а во-вторыхъ, не неся никакихъ повинностей въ пользу князя, было менѣе обременено въ податномъ отношеніи. Поэтому, при покровительствѣ татаръ, противо-княжеское движеніе могло охватить обширное пространство, но князья (напр., Даніилъ Романовичъ) дѣятельно боролись съ нимъ, и оно имѣло успѣхъ только въ указанныхъ областяхъ.

В. Раздробленіе Черниговской земли.

Въ Черниговской землѣ, напротивъ, подъ татарской властью сохранилась прежняя княжеская династія, которая, разростаясь, дробила свои владѣнія на мелкія волости, по величинѣ и по характеру управленія очень напоминавшія сѣверо-восточные удѣлы. Положеніе мелкихъ черниговскихъ князей было безотраднымъ: татары деспотически относились къ нимъ, а нѣкоторыхъ даже замучивали въ ордѣ. (Извѣстенъ, напр., причисленный къ лику святыхъ князь Михаилъ Черниговскій, пострадавшій въ Ордѣ за неисполненіе унизительныхъ обрядовъ).

Изъ изложеннаго видно, что татарское владычество оказало значительное вліяніе на бытъ Юго-Западной Руси. Менѣе всего оно было замѣтно въ Галицко-Волынской землѣ, сохранившей княжеско-дружинный строй и игравшей важную политическую роль.

§ 4. Княженіе Даніила Романовича.

Утвердившись (послѣ Ярославской битвы) въ своемъ княжествѣ, Даніилъ Романовичъ не считалъ себя подданнымъ хана (Галицкая земля, повидимому, не платила татарамъ постоянной дани), и только

опасенія потерять Галичъ побудили его отправиться на поклонъ въ Орду и признать себя «ханскимъ холопомъ». Въ Ордѣ приняли его милостиво, но честь, оказанная татарами, представлялась Даніилу «злѣе зла», и во все время своего правленія онъ лелѣялъ завѣтную мечту—избавиться отъ татарской зависимости. Для осуществленія ея онъ, во-первыхъ, дѣятельно искалъ себѣ союзниковъ на Западѣ въ лицѣ римскаго папы, венгерскаго короля и литовскаго князя Миндовга, съ которымъ раньше враждовалъ, а, во-вторыхъ, усердно укрѣплялъ свои города на случай татарскаго нашествія. Особенно интересны были переговоры Даніила съ папой, ведшіеся черезъ посредство папскаго посла (Плано-Карпини, сдѣлавшаго любопытное описаніе быта татаръ и состоянія Южной Руси подъ ихъ властью): папа побуждалъ Даніила къ принятію уніи (т. е. соединенію Церкви Русской съ Римскою) и за это обѣщалъ ему королевскій титулъ и помощь въ борьбѣ съ татарами. Даніилъ дѣйствительно короновался королевскимъ вѣнцомъ въ 1255 году и выражалъ согласіе на унію; однако онъ не принялъ ея, такъ какъ папская помощь оказалась лишь словесною, и возбудить крестовый походъ противъ татаръ папѣ не удалось.

Не оказали содѣйствія также венгры и Миндовгъ. Отношенія послѣдняго къ Даніилу были очень неровными, и ихъ родственный союзъ (сынъ Даніила Шварнъ былъ въ супружествѣ съ дочерью Миндовга) смѣнялся часто враждою. Несмотря на все это, Даніилъ пытался собственными силами дѣйствовать противъ татаръ и началъ борьбу съ однимъ изъ ханскихъ темниковъ (Куремсою; темниками назывались ханскіе военачальники). Но на смѣну ему ханъ выслалъ другого темника (Бурундая), который добился покорности отъ Даніила и его брата Василька и заставилъ ихъ срыть всѣ укрѣпленія въ ихъ землѣ. Послѣ этого борьба съ татарами сдѣлалась невозможной. Въ 1264 году Даніилъ скончался. Онъ умеръ, не достигнувъ своей завѣтной цѣли, но правленіе его не было безрезультатнымъ. Для Галиціи онъ сдѣлалъ многое: онъ заселилъ ее иностранными колонистами, заботился о развитіи торговыхъ сношеній съ Германіей, обстраивалъ города (важное значеніе получилъ при немъ гор. Холмъ) и, утративъ кое-какія владѣнія на югѣ, расширилъ свое княжество на сѣверѣ.

§ 5. Галицко-Волынское княжество послѣ смерти Даніила.

Вскорѣ послѣ смерти Даніила скончался и братъ его Василько, оставивъ своимъ наслѣдникомъ сына Владиміра. Послѣдній прославился высокими нравственными качествами, обширнымъ образованіемъ, широкою благотворительностью и заботами о культурномъ преуспѣяніи Волынской земли. Въ Галицкой же землѣ Даніилу наслѣдовали три сына (Левъ, Мстиславъ и Шварнъ), одинъ изъ кото-

рыхъ (Шварнъ) въ теченіе нѣкотораго времени владѣлъ также княжествомъ Литовскимъ. При внукѣ Даніила Юріи Львовичѣ, объединившемъ подъ своею властью Галицко-Волынскую землю, наступила блестящая эпоха въ ея жизни: она почти не чувствовала татарской власти и находилась въ самыхъ оживленныхъ дипломатическихъ сношеніяхъ съ сосѣдними европейскими государствами. Послѣ смерти сыновей Юрія (Андрея и Льва) династія Романовичей прекратилась, и бояре избрали на престолъ одного изъ польскихъ князей, Болеслава, который по женской линіи былъ въ родствѣ съ угасшей династіей. Онъ принялъ православіе, назвавшись Юріемъ II, но продолжалъ всячески покровительствовать полякамъ и католикамъ, чѣмъ вызвалъ противъ себя возстаніе бояръ, и въ 1340 году былъ отравленъ. Послѣ него Галицко-Волынская земля досталась другому иноземцу Любарту, сыну литовскаго князя Гедимина, при которомъ Литва стала играть важную историческую роль и объединила подъ своей властью много русскихъ областей.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Литовско-Русское государство.

§ 1. Первоначальный бытъ литовцевъ.

Литовское государство образовалось въ половинѣ XIII вѣка при современникѣ Александра Невскаго и Даніила Романовича князѣ Миндовгѣ.

До Миндовга Литва[1]) не играла замѣтной исторической роли. О первоначальной ея жизни можно сказать слѣдующее. Литовцы, исконные сосѣди и близкіе родственники славянъ, издавна заселяли бассейнъ рѣкъ: Нѣмана и Западной Двины. Сперва ихъ поселенія простирались отъ балтійскаго побережья далеко вглубь материка—до верховьевъ Днѣпра и его притоковъ. Впослѣдствіи, подъ вліяніемъ славянской колонизаціи, они отодвинулись къ морю. Живя въ неблагопріятныхъ условіяхъ природы—въ мѣстности, покрытой дикими лѣсами и болотами, литовцы долго стояли на низкой ступени культурнаго развитія и не знали политическаго объединенія. Преобладающимъ занятіемъ у нихъ была добывающая промышленность; внѣшній бытъ (образъ жизни, жилища, орудія) отличался крайней простотой и бѣдностью. Христіанство стало распространяться среди нихъ очень поздно (часть литов-

А. Занятія, религія и культурное развитіе.

[1]) Слово Литва будетъ употребляться въ трехъ смыслахъ: 1) для обозначенія страны, населенной литовцами, 2) какъ синонимъ понятія литовцы, 3) для обозначенія одного (самаго многочисленнаго) изъ литовскихъ племенъ, которое не имѣло спеціальнаго названія; оно обитало по среднему теченію Нѣмана и по Вилін.

скихъ племенъ была насильственно крещена нѣмцами въ XIII вѣкѣ, другая часть—въ концѣ XIV и даже позже) и принималось только внѣшнимъ образомъ, но и языческая ихъ религія, столь долго существовавшая, не достигла высокаго развитія. Подобно славянамъ, они поклонялись силамъ и явленіямъ природы и душамъ умершихъ предковъ. Было распространено у нихъ почитаніе матери-земли, огня, лѣсовъ и деревьевъ (въ особенности, старыхъ дубовъ), а также нѣкоторыхъ животныхъ (напр. змѣй и ужей). Культъ состоялъ въ жертвоприношеніяхъ и гаданіяхъ. Верховнымъ богомъ считался богъ грома Перкунъ, но каждый родъ и каждое племя имѣли еще собственныхъ боговъ. Родовой бытъ прочно сохранился у литовцевъ. Изъ родовъ слагались племена, которыхъ было нѣсколько (пруссы, ятвяги, литва, жмудь, корсь, жемгала, латыши). Но и роды и племена были разрознены и враждовали между собою: ихъ не объединяли ни города-крѣпости (до половины XIII вѣка у литовцевъ вовсе не было городовъ), ни власть князей (первоначальные литовскіе родовые вожди-князья стояли во главѣ небольшихъ группъ).

Итакъ, характерными чертами первоначальнаго быта литовцевъ являются: 1) низкій уровень культуры, 2) отсутствіе политическаго единства. Первое способствовало тому, что литовцы легко поддавались вліянію тѣхъ народовъ, съ которыми имъ приходилось вступать въ сношенія. Второе затрудняло ихъ борьбу съ внѣшними врагами.

Довольно рано литовцы познакомились съ норманнами и съ русскими: полоцкіе, смоленскіе и новгородскіе купцы наѣзжали къ нимъ для торговли, устраивали здѣсь свои поселенія; въ свою очередь литовцы поступали на службу къ русскимъ князьямъ; русская культура проникала въ Литву. Однако и литовцы оказывали извѣстное вліяніе на сосѣдей. Отчасти подъ ихъ вліяніемъ въ характерѣ и бытѣ русскихъ обитателей Западной Двины, сѣверныхъ притоковъ Днѣпра и сѣверо-восточныхъ притоковъ Волги постепенно образовались національныя особенности, позволяющія выдѣлить ихъ въ особую отрасль русскаго народа—такъ называемыхъ бѣлоруссовъ. Бѣлоруссовъ слѣдуетъ отличать отъ великоруссовъ, а также отъ южнорусской, малороссійской или украинской вѣтви, сложившейся въ области средняго Днѣпра и верховьевъ Буговъ. Происхожденіе національныхъ особенностей малороссовъ объясняется въ наукѣ различно. Извѣстное вліяніе на нихъ оказали несомнѣнно кочевники тюрки.

Отношенія между литовцами и русскими не всегда были мирными. Иногда между сосѣдями возникала вражда: Владиміръ Св. ходилъ на ятвяговъ, Ярославъ Мудрый воевалъ и съ ятвягами и съ племенемъ литвой; столкновенія случались и въ послѣдующее время. Происходили также войны у литовцевъ съ поляками. Но отрывочныя пограничныя распри не грозили особенной опасностью Литвѣ; лишь нѣкоторая часть ея владѣній находилась въ зависимости отъ русскихъ (преимущественно, полоцкихъ) князей и платила имъ дань.

Б. Борьба литовцевъ съ нѣмцами.

Обстоятельства совершенно измѣнились, когда въ XIII вѣкѣ на Балтійскомъ берегу въ мѣстахъ литовскихъ и сосѣднихъ съ ними финскихъ поселеній образовались упомянутые выше духовно-рыцарскіе ордена: Ливонскій и Тевтонскій.

Первый изъ нихъ очень быстро подчинилъ себѣ латышей, корсь и жемгалу, а второй, поработивъ пруссовъ, началъ ожесточенную борьбу съ ятвягами, жмудью и другими литовцами. Подъ безпощадными ударами нѣмцевъ литовскія племена встрепенулись. Началось политическое объединеніе ихъ. Слѣдствіемъ объединенія уцѣлѣвшихъ отъ нѣмецкой грозы литовцевъ были участившіеся набѣги ихъ на русскія области. Особенную воинственность проявили два наиболѣе энергичныхъ племени: ятвяги и литва. Первые не выдержали, впрочемъ, борьбы: въ половинѣ XIII вѣка Ятвяжская земля была подѣлена между Русью, Тевтонскимъ орденомъ и Польшей. Но Литва, закаленная войнами, сложилась въ сильное государство.

§ 2. Княженіе Миндовга.

Первымъ устроителемъ этого государства считаютъ князя Миндовга, отличавшагося рѣдкой отвагой, настойчивостью, исключительною хитростью и находчивостью въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ. Подчинивъ своей власти нѣкоторыя русскія владѣнія въ верховьяхъ Нѣмана (между прочимъ, городъ Новгородокъ), онъ оттуда началъ созиданіе своей державы, ведя упорную борьбу и съ внѣшними врагами, и съ тѣми литовцами, которые не хотѣли признать его главенства.

Опаснѣйшимъ изъ его внѣшнихъ враговъ былъ Даніилъ Романовичъ, возбуждавшій противъ него рыцарей, поляковъ и самихъ литовцевъ. Чтобы предотвратить нашествіе нѣмцевъ, Миндовгъ притворно выразилъ желаніе принять католицизмъ и за свое крещеніе награжденъ былъ королевскимъ вѣнцомъ, дарованнымъ ему папой. Нуждаясь въ перемиріи съ Даніиломъ, онъ породнился съ нимъ и заключилъ союзъ, сдѣлавъ кое-какія земельныя уступки. Но, когда покоренныя нѣмцами литовскія племена подняли противъ нихъ возстаніе, Миндовгъ отрекся отъ христіанства, возобновивъ войны и съ рыцарями и съ русскими. Одновременно съ этимъ, онъ, чтобы установить единовластіе въ Литвѣ, началъ жестокую расправу надъ своими соперниками—другими литовскими князьями и многими изъ своихъ родственниковъ. Въ распряхъ съ ними онъ былъ убитъ въ 1263 году. Однимъ изъ его убійцъ считался прославленный впослѣдствіи Довмонтъ Псковскій.

Въ княженіе Миндовга подъ власть Литвы перешли слѣдующія русскія области: такъ называемая Черная Русь (при-нѣманскій

край, гдѣ нынѣ находятся Гродненская и Минская губерніи) и часть Полоцкой, Витебской и Смоленской земель; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ остались еще русскіе князья, правившіе отъ руки Миндовга. Собираніе русскихъ земель, начатое Миндовгомъ, временно прекратилось послѣ его смерти, вслѣдствіе смутъ и усобицъ, вызванныхъ частой смѣной враждовавшихъ между собою князей, и возобновилось только въ началѣ XIV вѣка, когда на литовскомъ престолѣ утвердилась новая династія.

§ 3. Княженія Гедимина и его сыновей.

А. Правленіе Гедимина.

Однимъ изъ первыхъ ея представителей былъ Гединивъ (по его имени и династія носитъ названіе Гедиминовичей), правившій отъ 1316 до 1341 года. Онъ продолжалъ дѣло Миндовга, но былъ болѣе разборчивъ въ средствахъ. Русскія земли онъ старался присоединять мирнымъ путемъ: различными договорами и брачными союзами. Въ точности неизвѣстно, какія именно области отошли при немъ къ Литвѣ, но несомнѣнно, что его политическое вліяніе было очень велико: оно простиралось и на часть Кіевской земли и на Галицко-Волынскую, княземъ которой за годъ до его смерти сдѣлался сынъ его Любартъ. Гединивъ пытался овладѣть также Новгородомъ и Псковомъ, но встрѣтилъ противодѣйствіе со стороны московскаго князя. Послѣ долгаго и славнаго княженія Гединивъ погибъ въ борьбѣ съ нѣмецкими рыцарями, съ которыми онъ неутомимо и побѣдоносно воевалъ. Успѣшность войнъ съ нѣмцами въ значительной степени объясняется его разумной внутренней дѣятельностью: онъ старался сблизиться со своими русскими подданными, многое заимствовалъ у нихъ, улучшилъ управленіе и военное дѣло, сталъ строить крѣпости, замки и города (такъ напр., города Троки и Вильна, сдѣлавшіеся столицами новаго государства, были построены, по преданію, при немъ). Свое обширное и сильное государство Гединивъ раздѣлилъ между семью сыновьями. Изъ нихъ слѣдуетъ упомянуть Кейстута, Любарта и великаго князя Ольгерда.

Б. Дѣятельность Кейстута.

Кейстутъ княжилъ въ Жмудской землѣ; столицею его были Троки. Будучи любимымъ вождемъ литовскаго народа, онъ оставался вѣренъ язычеству, но своими высокими нравственными качествами и доблестью значительно превосходилъ тѣхъ христіанскихъ нѣмецкихъ рыцарей, борьбѣ съ которыми посвятилъ всѣ свои силы. Эта борьба велась почти безпрерывно: нѣмцы совершили при Кейстутѣ пять большихъ походовъ на литовскія владѣнія и около семидесяти мелкихъ набѣговъ. Герой Кейстутъ не только выдерживалъ напоръ рыцарей, дѣйствуя противъ нихъ всегда открыто и

безупречно, но, кромѣ того, оказывалъ помощь и своимъ братьямъ въ ихъ военныхъ предпріятіяхъ.

В. Борьба Любарта съ Польшей.

Такъ, онъ поддерживалъ Любарта, отстаивавшаго Галицко-Волынскую землю отъ притязаній польскаго короля Казимира III и союзныхъ съ нимъ венгровъ. Долговременная сорокалѣтняя борьба Любарта съ Казимиромъ закончилась тѣмъ, что большая часть Волыни осталась за Литвою, Галиція же съ западными волынскими городами перешла во владѣніе Польши. Такой исходъ польско-литовской распри объясняется различнымъ положеніемъ Волыни и Галиціи. Въ первой изъ этихъ земель Любартъ правилъ самолично; онъ сроднился съ ея русскимъ населеніемъ и нашелъ въ немъ дѣятельную помощь себѣ и рѣзкое противодѣйствіе полякамъ. Между тѣмъ въ Галиціи управленіе находилось по прежнему въ рукахъ бояръ, которые оттѣсняли князя отъ народа. Да и народъ здѣсь, какъ извѣстно, былъ смѣшаннымъ по составу: не мало было иностранныхъ колонистовъ, склонныхъ къ соединенію съ Польшей, и Казимиру нужно было только умѣть воспользоваться этимъ и не раздражать русскаго населенія Галицкой земли [1]).

Г. Дѣятельность Ольгерда.

Въ то время, какъ Кейстутъ сражался на западѣ съ нѣмцами, а Любартъ—съ Польшей, великій князь Литовскій Ольгердъ, владѣвшій Вильной, продолжалъ собираніе русскихъ земель и вступалъ въ борьбу съ усилившимися въ эту пору въ Сѣверо-восточной Руси великими князьями московскими.

Объединительная политика Ольгерда на сѣверѣ и на востокѣ—въ земляхъ псковской, новгородской, смоленской, тверской и другихъ—не имѣла успѣха, такъ какъ встрѣчала сильный отпоръ со стороны московскихъ князей, заинтересованныхъ въ дѣлахъ этихъ

---

[1]) Согласно договору, заключенному Казимиромъ III со своимъ родственникомъ и союзникомъ венгерскимъ королемъ Людовикомъ, Галиція должна была оставаться въ пожизненномъ владѣніи Казимира, а послѣ его смерти перейти, вмѣстѣ съ польской короной и всѣми польскими владѣніями, къ Людовику, такъ какъ Казимиръ не имѣлъ сыновей. Дѣйствительно, въ 1370 году Людовикъ сдѣлался польскимъ королемъ, но, не имѣя, въ свою очередь, мужского потомства и не будучи увѣренъ, что ему удастся укрѣпить владѣніе Польшей за своими дочерьми, онъ старался перевести Галицію въ составъ Венгріи. Не рѣшаясь сдѣлать это прямо, онъ въ 1372 году отдалъ ее въ вассальное владѣніе одному изъ приближенныхъ лицъ—князю Владиславу Опольскому, который полновластно правилъ Галиціей въ теченіе 6 лѣтъ и титуловался ея княземъ и самодержцемъ. Въ 1378 году Людовикъ предложилъ Владиславу другія земли, а Галицію обратилъ въ венгерскую провинцію, управляемую непосредственно венгерскими чиновниками. Когда же, послѣ смерти Людовика, Венгрія и Польша опять раздѣлились, и польской королевой сдѣлалась его младшая дочь Ядвига, она въ 1381 году снова вернула Галицію Польшѣ. Тѣмъ не менѣе и въ послѣдующее время Венгрія не разъ изъявляла свои притязанія на эту землю. Они основываются главнымъ образомъ на томъ, что во время малолѣтства Даніила Романовича венгерскіе королевичи дважды владѣли Галиціей.

областей и не меньше Ольгерда трудившихся надъ собираніемъ въ одно цѣлое Русской земли. Во Псковѣ, Новгородѣ и Смоленскѣ ему удавалось еще по временамъ утверждать свое вліяніе, сажая туда на княженіе родственниковъ или подручниковъ. Но, когда онъ вмѣшался въ тверскія дѣла и вступилъ въ борьбу съ могущественнымъ московскимъ княземъ Димитріемъ Іоанновичемъ, то, несмотря на первоначальныя удачи и даже осаду Москвы, потерпѣлъ въ концѣ концовъ пораженіе. Зато на югѣ и на юго-востокѣ Ольгерду удалось чрезвычайно успѣшно и широко развернуть свои таланты ловкаго, хитраго и скрытнаго политика.

Съ легкостью овладѣлъ онъ здѣсь большею частью земли Черниговo-Сѣверской, землями Кіевской (около 1363 г.), Переяславской и такъ называемымъ Подольемъ (мѣстность по теченію Южнаго Буга и Днѣстра до Чернаго моря.) Успѣхи Ольгерда здѣсь объясняются отсутствіемъ сильныхъ соперниковъ: южно-русскія области, какъ сказано выше, или совсѣмъ не знали княжеской власти или были раздроблены на крошечныя, слабыя княжества. Объединительнымъ планамъ Ольгерда могли противодѣйствовать только татары, но Золотая Орда во второй половинѣ XIV вѣка уже пришла въ полный упадокъ вслѣдствіе междоусобной борьбы въ ней нѣсколькихъ хановъ, а, кромѣ того, по отношенію къ татарамъ Ольгердъ придерживался очень искусной политики: онъ старался ссорить между собою хановъ-соперниковъ; если было нужно, платилъ татарамъ дань, а если представлялось возможнымъ, боролся съ ними (такъ, въ 1363 году онъ нанесъ пораженіе нѣсколькимъ татарскимъ военачальникамъ, орды которыхъ кочевали между низовьями Днѣпра и Днѣстра).

Итакъ, ни южные князья, ни татары не были въ состояніи противиться Ольгерду, а между тѣмъ населеніе присоединяемыхъ русскихъ областей добровольно шло подъ власть литовской династіи, такъ какъ она освобождала его отъ татарскаго владычества. Литовское государство становилось государствомъ русскимъ, правильнѣе, Литовско-Русскимъ.

Д. Торжество русской культуры въ Литовскомъ государствѣ.

Къ концу XIV вѣка огромная часть пространства Литовской державы заселена была русскими. При такомъ численномъ преобладаніи, русское населеніе стало подчинять своей культурѣ податливыхъ иноземному вліянію литовцевъ (только жмудь сохраняла свои національныя особенности). Русскій языкъ быстро распространился среди Литвы и сдѣлался правительственнымъ и придворнымъ языкомъ; также распространилось и православіе; усвоивалось русское искусство и военный строй. Очень скоро обрусѣла и сама литовская династія, породнившаяся съ русскими княжескими родами: уже изъ дѣтей Гедимина многіе были православными, а изъ дѣтей Ольгерда — почти всѣ. Обрусѣніе при-

знавалось даже оффиціально: Гедиминъ титуловалъ себя «королемъ литовскимъ и русскимъ»; Ольгердъ выражалъ притязаніе на обладаніе «всею Русью», хлопоталъ передъ патріархомъ объ учрежденіи особой митрополіи, независимой отъ московской и, въ концѣ концовъ, добился поставленія особаго митрополита для Литвы, но лишь на короткое время.

Политическій строй въ Литовско-Русскомъ государствѣ былъ такой же, какъ и на Руси: кромѣ великаго князя, существовало еще нѣсколько удѣльныхъ. Одни изъ нихъ были потомками Гедимина, другіе—князьями русской династіи, признававшими верховенство Литвы.

Е. Соперничество Москвы и Литвы.

Такимъ образомъ въ XIV вѣкѣ въ Восточной Европѣ одновременно создались два сильныхъ государства: Литовско-Русское и Московское, изъ которыхъ каждое занято было одинаковымъ дѣломъ—собираніемъ Русской земли,—и между которыми происходили уже столкновенія. Если бы Литва послѣ смерти Ольгерда продолжала свою объединительную работу, то было бы трудно предвидѣть исходъ соперничества ея съ Москвою; было бы трудно предсказать, около какого центра объединится Русь: около Москвы или около Литвы? Но, спустя менѣе, чѣмъ десять лѣтъ послѣ смерти Ольгерда, литовское правительство рѣшилось на мѣру, внесшую рознь въ подвластное ему населеніе: оно согласилось на унію (соединеніе) Литовско-Русскаго государства и Польши. Случилось это при ближайшемъ преемникѣ Ольгерда—Ягайлѣ.

§ 4. Ягайло и унія.

А. Смуты въ началѣ правленія Ягайла.

Ольгердъ при кончинѣ своей въ 1377 году завѣщалъ великое княженіе одному изъ младшихъ своихъ сыновей—Ягайлѣ. Выборъ былъ неудачнымъ: Ягайло оказался ничтожнымъ потомкомъ великихъ предковъ; онъ унаслѣдовалъ только ихъ недостатки, не унаслѣдовалъ ни одного достоинства. Кромѣ того, предпочтеніе, отданное Ягайлу, раздражило его старшихъ братьевъ: нѣкоторые изъ нихъ удалились даже въ Московское государство. Московскій князь Димитрій Іоанновичъ (получившій впослѣдствіи прозваніе «Донского»), пользуясь замѣшательствомъ въ Литвѣ, захватилъ нѣсколько принадлежавшихъ ей городовъ. Чтобы отомстить ему, Ягайло рѣшилъ поддержать татарскаго хана Мамая, готовившагося къ борьбѣ съ Москвой, но, запоздавъ на выручку послѣдняго, долженъ былъ съ позоромъ бѣжать изъ Русской земли. Со смутами въ своемъ государствѣ онъ справился только благодаря помощи своего дяди, героя Кейстута. Вмѣсто благодарности, Ягайло вскорѣ вступилъ въ тайные переговоры со смертельными врагами Кейстута—нѣмецкими рыцарями и сталъ злоумышлять противъ него. Въ происшедшей

борьбѣ Кейстутъ сперва одолѣлъ и завладѣлъ великимъ княженіемъ, однако черезъ короткое время попался въ сѣти лукаваго племянника: заманенный Ягайломъ для переговоровъ, онъ былъ схваченъ, заключенъ въ темницу и удавленъ (въ 1382 году). Сынъ его Витовтъ едва спасся изъ заключенія. Злодѣяніями Ягайло не надолго упрочилъ свое положеніе. Поддержаніе власти въ обширныхъ владѣніяхъ, состоявшихъ изъ нѣсколькихъ удѣловъ, было трудной задачей; къ тому же жмудь согласилась признавать Ягайлу только въ томъ случаѣ, если онъ приметъ язычество. Вслѣдствіе всего этого онъ нуждался во внѣшней опорѣ и надѣялся найти ее въ Польшѣ, вступивъ въ бракъ съ юной польской королевой Ядвигой и соединивъ такимъ образомъ Литовско-Русское государство съ Польскимъ.

Б. Стремленіе Польши къ уніи съ Литвой.

Въ 1370 году скончался послѣдній представитель польской династіи Пястовъ—Казимиръ III Великій, объединившій подъ своею властью раздробленную (съ 1140 года) Польшу [1]), утвердившій въ ней внутренній порядокъ и завоевавшій Галицію. Ему наслѣдовалъ венгерскій король Людовикъ, а по смерти его, послѣ нѣкотораго періода смутъ и замѣшательствъ, королевой была избрана его дочь, четырнадцатилѣтняя Ядвига. Дальнѣйшая судьба Польши во многомъ зависѣла отъ выбора ей супруга. Личная симпатія Ядвиги и ея матери склонялась въ сторону одного изъ австрійскихъ принцевъ (Вильгельма). Есть даже извѣстіе, что Ядвига уже успѣла вступить съ нимъ въ бракъ. Но этотъ принцъ былъ устраненъ самымъ грубымъ образомъ польскими панами, когда ихъ вниманіе остановилось на Ягайлѣ. Его предпочли по многимъ причинамъ. I. Польское правительство, руководящая роль въ которомъ принадлежала вельможамъ-панамъ, разсчитывало, что Ягайло, прельщенный польской короной, согласится на всевозможныя уступки въ пользу пановъ и дворянства («шляхты»), но въ то же время прекратитъ внутренніе безпорядки и сплотитъ различныя польскія области. II. Соединеніе съ Литвой должно было обезопасить Польшу отъ ея набѣговъ. III. Въ лицѣ обширнаго Литовско-Русскаго государства поляки получали крайне цѣннаго союзника для борьбы съ нѣмецкими рыцарями и для обороны отъ венгерскихъ притязаній. Было, кромѣ того, и религіозное соображеніе — желаніе распространить католицизмъ въ литовскихъ владѣніяхъ. Повидимому, самая мысль о супружествѣ съ Ядвигой внушена была Ягайлу польскими панами. Онъ съ радостью ухватился за нее и поспѣшилъ принять предложенныя ему (въ 1385 году) условія. Именно, Ягайло принималъ на себя слѣдующія важныя обязательства: 1) обратиться въ католицизмъ и распространить его среди

В. Унія и ея условія.

языческаго населенія своихъ владѣній, 2) присоеди-

[1]) Объединеніе Польши началось еще при его отцѣ—Владиславѣ-Локоткѣ.

нить на вѣчныя времена свои литовскія и русскія земли къ Польской Коронѣ, т. е. Польскому государству, 3) приложить всѣ старанія къ тому, чтобы вернуть земли, отвоеванныя ранѣе отъ Польши и Литвы.

Унія заключена была 18 февраля 1386 года, когда Ягайло принялъ католицизмъ подъ именемъ Владислава, вступилъ въ супружество съ Ядвигой и получилъ польскую корону. Всѣ выгоды изъ уніи извлекала Польша, а Литовско-Русское государство лишь проигрывало: 1) оно лишилось политической самостоятельности (вѣдь, по смыслу принятыхъ условій, оно считалось присоединеннымъ на вѣчное время къ Польшѣ), 2) оно открылось для широкаго распространенія польской культуры и католицизма, которые столкнулись съ русской культурой и православіемъ.

Г. Слѣдствія уніи.

Непосредственнымъ слѣдствіемъ уніи было распространеніе католицизма среди языческой части Литвы. Литовскихъ вельможъ Ягайло склонялъ къ принятію новой вѣры, обѣщая имъ преимущества, принадлежавшія польскому дворянству, которое называлось «шляхтой», и освобождая ихъ отъ нѣкоторыхъ служебныхъ обязанностей. По отношенію же къ простому народу онъ дѣйствовалъ, главнымъ образомъ, принужденіемъ. Были вырублены священныя рощи, истреблены почитаемыя животныя, потушенъ священный огонь, и на мѣстѣ языческихъ святынь построены католическіе храмы. Народъ сгонялся толпами къ рѣкѣ, и здѣсь совершалось общее крещеніе. Изъ литовцевъ-язычниковъ некрещеной оставалась только жмудь. Она была обращена насильственнымъ образомъ въ католицизмъ нѣсколько позже (именно около 1414 года). Окатоличеніе Литвы порождало глубокій внутренній разладъ между литовскимъ населеніемъ и русскимъ, въ громадномъ большинствѣ оставшимся вѣрнымъ православію. Этотъ разладъ ослабилъ Литовско-Русское государство, политическое положеніе котораго послѣ уніи стало очень неопредѣленнымъ.

§ 5. Дѣятельность Витовта.

А. Отношенія Ягайла къ Литовско-Русскому государству.

Сдѣлавшись польскимъ королемъ, Ягайло потребовалъ отъ литовско-русскихъ удѣльныхъ князей присяги на вѣрность себѣ, своей супругѣ и Польской Коронѣ. Присяжныя грамоты были выданы ими, но, когда король назначилъ въ Вильну польскихъ намѣстниковъ, а Ядвига потребовала дани, то нѣкоторые изъ князей подняли возстаніе. Хотя Ягайло справился съ недовольными и отдалъ Литву въ управленіе своему подручнику — младшему брату (Скиргайлу), однако скоро долженъ былъ пойти на уступки, встрѣтивъ опаснаго соперника въ лицѣ Кейстутова сына Витовта. Послѣдній, бѣжавъ изъ заключенія, на время примирился съ Ягайломъ, но затѣмъ въ союзѣ съ нѣмецкими рыцарями началъ упорную

борьбу съ нимъ и добился того, что въ 1392 году былъ признанъ вассальнымъ (т. е. зависимымъ отъ Ягайла) государемъ Литовскимъ.

Б. Двоевластіе.

Такимъ образомъ, съ этого времени въ Ягайловой державѣ установилось двоевластіе: самъ Ягайло, при содѣйствіи польскихъ пановъ, правилъ Польшей, Витовтъ же, титуловавшійся великимъ княземъ, сталъ дѣйствительнымъ пожизненнымъ управителемъ Литовско-Русскаго государства. Его зависимость отъ Ягайла, подтверждавшаяся послѣдующими договорами, была на дѣлѣ весьма слабой и даже призрачной. Могущественный и способный Витовтъ, пріобрѣвшій большое расположеніе своихъ подданныхъ, при извѣстномъ стараніи могъ возстановить полную политическую самостоятельность Литвы. Временами онъ стремился къ этому, но не сумѣлъ довести дѣло до конца, такъ какъ, при всей своей талантливости, отличался большою непослѣдовательностью, а, кромѣ того, по многимъ причинамъ долженъ былъ избѣгать разрыва и вражды съ Ягайломъ.

Важнѣйшія изъ нихъ слѣдующія:

В. Внѣшняя политика Витовта.

I. Въ своей внѣшней политикѣ, отличавшейся необыкновенно широкимъ размахомъ, но недостаточнымъ постоянствомъ, Витовтъ часто нуждался въ помощи Польши. Дѣятельность его была направлена къ дальнѣйшему присоединенію русскихъ областей, къ борьбѣ съ татарами и вмѣшательству въ дѣла нѣмецкихъ рыцарей.

Въ 1395 году онъ завладѣлъ Смоленской областью, нѣсколько позже подчинилъ на время своему вліянію Новгородъ и Псковъ. Походъ Витовта на Псковскую землю сопровождался страшными звѣрствами: при взятіи одного города было задушено множество людей, и одними трупами младенцевъ наполнились двѣ лодки. Новгородцы и псковичи обратились за помощью къ московскому великому князю Василію I. Послѣдній объявилъ Витовту войну, хотя былъ его зятемъ и дружественно относился къ нему прежде. На объявленіе войны Витовтъ отвѣтилъ опять-таки жестокимъ поступкомъ, приказавъ перебить всѣхъ москвичей, проживавшихъ въ его владѣніяхъ. До войны дѣло однако не дошло: Витовтъ и Василій заключили миръ, по которому границей Литовско-Русскаго государства была признана рѣка Угра. Они возстановили прежнюю дружбу, а впослѣдствіи Василій поручилъ даже своего сына, Василія II, попеченію Витовта. Верховенство послѣдняго временно признали также князья рязанскій и тверской. Такимъ образомъ, въ нейтральной полосѣ, отдѣлявшей собственно-московскія владѣнія отъ собственно-литовскихъ, преобладало вліяніе Витовта.

Менѣе удачной была татарская политика его. Въ Ордѣ въ концѣ XIV вѣка происходила ожесточенная борьба между ханомъ Тохтамышемъ и знаменитымъ азіатскимъ завоевателемъ Тамерланомъ.

Разбитый Тохтамышъ бѣжалъ въ Литву и заключилъ договоръ съ Витовтомъ, по которому послѣдній обязывался возстановить его власть въ Ордѣ, а за это получалъ съ его стороны помощь въ предполагавшемся завоеваніи Московскаго государства. Союзники съ благословенія папы двинулись на страшныя полчища татаръ, которыми предводительствовалъ ставленникъ Тамерлана (Едигей). Встрѣча произошла въ 1399 году на рѣкѣ Ворсклѣ, и Витовтъ потерпѣлъ полное пораженіе. Неудача оказалась роковой: она была причиной многихъ уступокъ Витовта польскому правительству и сильно ослабила значеніе послѣдующихъ его успѣховъ въ русскихъ и нѣмецкихъ земляхъ.

Отношенія Витовта къ нѣмецкимъ рыцарямъ были очень сложны: онъ то вступалъ съ ними въ союзническіе договоры, то возобновлялъ борьбу. Рѣшительное сраженіе съ нѣмцами произошло въ 1410 году, когда Витовтъ и Ягайло одержали блестящую побѣду надъ рыцарями и ихъ западно-европейскими союзниками въ битвѣ при Грюнвальдѣ и Танненбергѣ. Славная побѣда имѣла чрезвычайно важныя послѣдствія: она нанесла рыцарямъ непоправимый ударъ и обезопасила Польское и Литовско-Русское государства отъ наступательнаго движенія нѣмцевъ: дальнѣйшія ихъ дѣйствія уже не представляли опасности. Витовтъ могъ бы совершенно покончить съ ними, но не сдѣлалъ этого, чтобы въ случаѣ нужды имѣть въ нихъ союзниковъ противъ польскаго правительства. На открытый разрывъ съ послѣднимъ онъ однако не рѣшался, такъ какъ содѣйствіе Ягайла необходимо было ему не только во внѣшней, но и во внутренней политикѣ.

Г. Внутренняя политика Витовта.

II. Внутренняя политика Витовта заключалась въ разрушеніи удѣльной системы [1]) въ Литовско-Русскомъ государствѣ и въ усиленіи власти великаго князя. Самостоятельно или съ помощью Ягайла онъ отбиралъ земли отъ всѣхъ вліятельныхъ русско-литовскихъ князей, и такимъ способомъ онъ сосредоточилъ въ своихъ рукахъ, кромѣ отцовскаго наслѣдства, области: Полоцкую, Волынскую, Кіевскую, Подольскую и часть Сѣверской. Удѣльные князья, лишенные владѣній, послѣ неудачныхъ попытокъ борьбы съ Витовтомъ, должны были смиряться или отъѣзжали въ Московское государство. Удѣльныя княжества обращались въ подвластныя Витовту провинціи. Его громадная держава (простиравшаяся отъ Чернаго моря почти до Балтійскаго и отъ нижняго Днѣпра, Ворсклы, Оки, Угры и верховьевъ Волги до Западнаго Буга и Днѣстра), не сдѣлалась однако

[1]) Удѣльные порядки Литовско-Русскаго государства не были тождественными съ установившимися въ Сѣверо-восточной Руси, и выраженіе «удѣльная система» слѣдуетъ понимать въ данномъ мѣстѣ лишь условно, именно, въ смыслѣ раздробленія Русско-Литовской державы на нѣсколько княжествъ.

политически сплоченной. Ей не хватало дѣйствительной внутренней связи, такъ какъ Витовтъ внесъ въ нее разладъ своимъ покровительствомъ католицизму.

Д. Церковная политика Витовта.

III. Приверженность Витовта къ католицизму была третьей причиной, мѣшавшей ему провозгласить полную самостоятельность Литовско-Русскаго государства. Онъ былъ усерднымъ и убѣжденнымъ католикомъ, и всѣ его симпатіи склонялись къ католической Литвѣ. Правда, подобно Ольгерду, онъ хотѣлъ учредить для русскаго православнаго населенія своей державы особую митрополію, независимую отъ московской: вопреки желанію константинопольскаго патріарха, онъ приказалъ собору мѣстныхъ епископовъ поставить въ митрополиты одного ученаго болгарина (Григорія Цамблака), но все же къ интересамъ православныхъ онъ относился съ полнымъ равнодушіемъ. Естественно, что русское населеніе поддерживало его совмѣстно съ литовскимъ только въ тѣ періоды, когда онъ отстаивалъ самобытность Литовско-Русскаго государства отъ чрезмѣрныхъ притязаній совсѣмъ ополячившагося Ягайла. Но, когда ярко проявлялась приверженность самого Витовта къ католицизму, то въ русскомъ населеніи должно было пробуждаться тяготѣніе къ православному Московскому государству. Въ Литовско-Русской державѣ замѣчалось такимъ образомъ соперничество литовцевъ-католиковъ и русскихъ-православныхъ. Были еще тамъ приверженцы тѣснаго сліянія съ Польшей, соблазняемые привилегіями польскаго дворянства и побуждавшіе Витовта къ уступкамъ польскому правительству. Вслѣдствіе указанныхъ причинъ: непослѣдовательности самого Витовта, интересовъ его внѣшней и внутренней политики и его католическихъ симпатій, онъ не воспользовался возможностью уничтожить унію 1386 года, а, напротивъ, соглашался на ея подтвержденіе. Такое подтвержденіе было сдѣлано дважды, въ 1401 и 1413 г.г.

Е. Подтвержденіе уніи.

По первому договору, заключенному вскорѣ послѣ пораженія на Ворсклѣ, литовскіе вельможи (русскіе бояре въ заключеніи договора не участвовали) обѣщаютъ вѣрность и неизмѣнное содѣйствіе Ягайлу и польскому правительству и обязуются послѣ кончины Витовта возвратить всѣ литовскія земли Ягайлу или его преемникамъ. Въ свою очередь поляки выражаютъ согласіе въ случаѣ преждевременной и бездѣтной смерти Ягайла не выбирать себѣ короля безъ вѣдома Витовта.

Договоръ, заключенный въ 1413 году въ Городлѣ, имѣетъ своею цѣлью точно установить взаимныя отношенія между Польшей и Литовско-Русскимъ государствомъ. Содержаніе его сводится къ слѣдующему:

1) Очень опредѣленно подтверждается вѣчное соединеніе этихъ двухъ государствъ, но не сліяніе ихъ въ одно;

2) выясняется порядокъ избранія преемниковъ Витовта и Ягайла; именно, въ случаѣ кончины Витовта, преемникъ его назначается по указанію Ягайла съ согласія польскихъ и литовскихъ вельможъ; въ случаѣ кончины Ягайла наслѣдникъ его избирается поляками съ вѣдома и при участіи Витовта и литовскихъ вельможъ;

3) для рѣшенія общихъ дѣлъ вельможи обѣихъ державъ, съ разрѣшенія своихъ государей, собираются на общіе съѣзды въ пограничныхъ мѣстахъ;

4) на литовскихъ вельможъ-католиковъ распространяются различныя привилегіи польской шляхты (напр. право имѣть гербы), и

5) въ великомъ княжествѣ Литовскомъ устанавливается управленіе по образцу польскаго; но на высшія государственныя должности допускаются только лица католическаго вѣроисповѣданія.

Подтвержденія уніи способствовали первоначально только возвышенію литовскихъ вельможъ-католиковъ, получавшихъ новыя права и преимущества и доступъ къ высшимъ государственнымъ должностямъ. Политическое же положеніе Литовско-Русскаго государства всетаки не выяснялось, такъ какъ колеблющійся Витовтъ, несмотря на свою связь съ Польшей, не всегда мирился съ зависимостью отъ Ягайла. Это особенно замѣтно въ послѣдніе годы его княженія, когда онъ былъ наверху своей славы.

Въ это время императоръ Сигизмундъ велъ борьбу съ гусситами (приверженцами чешскаго реформатора Яна Гусса). Опасаясь вмѣшательства Польши и Литвы въ чешскія дѣла, онъ старался привлечь Витовта на свою сторону и предложилъ ему королевскій вѣнецъ. Витовтъ охотно откликнулся на это: королевскій титулъ льстилъ его честолюбію и дѣлалъ его независимымъ отъ Польши. Возможность такой независимости страшно встревожила поляковъ. Подъ ихъ давленіемъ, Ягайло всѣми силами старался помѣшать осуществленію плана: напоминалъ императору объ уніи, о ея подтвержденіяхъ, о вассальномъ положеніи Витовта, соглашался даже на отреченіе отъ престола и предоставленіе Витовту польской короны, лишь бы унія не была разорвана. Такъ какъ ничто не помогало, то поляки рѣшили прибѣгнуть къ насилію: они не пропустили черезъ свои владѣнія уполномоченныхъ Сигизмунда, посланныхъ для коронаціи Витовта. Витовтъ умеръ въ 1430 г., не возложивъ на себя короны и не оставивъ наслѣдниковъ. Вскорѣ послѣ него въ 1434 году сошелъ въ могилу и Ягайло. Вопросъ объ отношеніи Литовско-Русскаго государства къ Польшѣ остался задачей для послѣдующаго времени. Распри, возникшія при рѣшеніи ея, облегчали ростъ Московскаго государства.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Московское княжество въ удѣльный періодъ.

(XIII—1/2 XV вв.).

§ 1. Возвышеніе Московскаго удѣла.

Москва возникла въ серединѣ XII вѣка при Юріи Долгорукомъ [1]). Первоначально она была маленькимъ городкомъ и входила въ составъ владѣній Владимірскихъ князей. Лишь черезъ сто съ лишнимъ лѣтъ послѣ своего возникновенія (во второй половинѣ XIII вѣка) Москва вмѣстѣ съ окрестностями стала самостоятельнымъ удѣломъ, принадлежавшимъ младшей линіи правнуковъ Всеволода «Большое Гнѣздо». Первымъ московскимъ княземъ былъ Даніилъ, сынъ Александра Невскаго. При его ближайшихъ преемникахъ московскій удѣлъ началъ быстро возвышаться.

Причины возвышенія его заключаются: 1) въ выгодномъ географическомъ положеніи Москвы, 2) въ разумной, настойчивой работѣ московскихъ князей, направленной къ достиженію одинаковыхъ цѣлей и притомъ облегчаемой цѣлымъ рядомъ благопріятно сложившихся обстоятельствъ, 3) въ той поддержкѣ, которую оказывали князьямъ духовенство и боярство.

А. Географическое положеніе Москвы.

Москва находилась на рубежѣ между Приднѣпровскимъ и Верхне-Волжскимъ краемъ, на перекресткѣ нѣсколькихъ важныхъ путей, идущихъ въ Ростово-Суздальскую землю и расходившихся по ней. Такое географическое положеніе 1) придавало ей крупное военное значеніе, 2) содѣйствовало заселенности московскаго удѣла, такъ какъ пришельцы изъ Приднѣпровья, колонизовавшіе Верхневолжскій край, проходили здѣсь и селились около Москвы, которая притомъ лучше другихъ городовъ была защищена отъ вражескихъ нашествій. Кромѣ того, находясь невдалекѣ отъ верхней Волги и Оки, Москва имѣла нѣкоторое торговое значеніе. Многочисленность населенія и торговыя выгоды способствовали накопленію денежныхъ средствъ въ рукахъ московскихъ князей, а послѣднее облегчало имъ ихъ непрестанную работу, цѣлью которой было увеличеніе владѣній московскаго удѣла,—«собираніе Русской земли».

Б. Собирательная работа московскихъ князей.

Средства расширенія владѣній были различны: московскіе князья 1) скупали земли у другихъ князей и частныхъ лицъ, 2) призывали слабыхъ и бѣдныхъ князей къ себѣ на службу, при чемъ сохраняли за ними ихъ мелкія владѣнія, но уже въ зависимости

[1]) Въ лѣтописи она впервые упоминается въ 1147 году.

отъ себя, 3) заселяли пустыя земли плѣнниками, выкупленными изъ Орды, 4) захватывали силой удѣлы у сосѣдей, «примысливали» ихъ. «Примыслы» облегчались измельчаніемъ и раздробленіемъ окрестныхъ княжествъ, а также умѣньемъ московскихъ князей въ трудныхъ случаяхъ найти опору въ татарахъ: одарить хана и его приближенныхъ и этимъ способомъ заполучить отъ него ярлыкъ на княженіе или заручиться военною помощью противъ соперника. Дѣйствительно, татары, совершенно безсознательно и во вредъ себѣ, способствовали возвышенію московскихъ князей: ханъ помогъ имъ въ XIV вѣкѣ обезсилить ихъ главныхъ соперниковъ — князей тверскихъ — и утвердилъ за ними владѣніе великимъ княжествомъ Владимірскимъ. О великокняжескомъ ярлыкѣ сталъ хлопотать уже сынъ Даніила, второй московскій князь Юрій.

В. Добываніе ярлыка на великое княженіе.

Онъ отправился въ Орду и оспаривалъ тамъ ярлыкъ у своего дяди, тверского князя Михаила Ярославича (правнука Всеволода III), но послѣдній заплатилъ большій «выходъ» (дань) татарскимъ вельможамъ, и великое княженіе досталось ему. Юрій боролся съ Михаиломъ также изъ-за Новгорода и, чтобы получить помощь отъ татаръ, вторично поѣхалъ въ Орду, женился на сестрѣ хана Узбека—Кончакѣ и затѣмъ съ татарскимъ отрядомъ двинулся на своего противника. Потерпѣвъ неудачу, Юрій и татарскій военачальникъ, помогавшій ему, взвели на своего врага всевозможныя обвиненія передъ ханомъ. Михаилъ былъ вызванъ въ Орду на судъ и послѣ тяжкихъ униженій, которыя онъ переносилъ съ необыкновенною стойкостью, погибъ здѣсь мученическою смертью. Мстя за отца, сынъ его Димитрій убилъ Юрія, успѣвшаго получить ярлыкъ, но поплатился за это жизнью. Великое княжество все же досталось его брату Александру Михаиловичу. Но недолго пользовался имъ Александръ. Въ 1337 году вспыхнуло въ Твери возстаніе противъ татарскаго посла Шевкала (Чолъ-хана или, какъ называли его на Руси, Щелкана), сопровождавшееся избіеніемъ и сожженіемъ татаръ. Узбекъ поручилъ брату Юрія—Іоанну Даниловичу, по прозванію Калита, наказать мятежныхъ тверичей и въ награду обѣщалъ ему великое княженіе. Іоаннъ съ громаднымъ ханскимъ войскомъ, опустошавшимъ русскія области, пошелъ на Тверь. Александръ спасся изъ Твери во Псковъ; когда же, по настоянію Калиты, митрополитъ наложилъ церковное отлученіе на пріютившихъ его псковичей, онъ бѣжалъ въ Литву и вернулся на псковское княженіе лишь черезъ полтора года. Затѣмъ онъ добился прощенія у хана, получилъ обратно Тверь, но вслѣдствіе происковъ Калиты былъ вызванъ въ Орду и казненъ тамъ подобно своему отцу.

Г. Дѣятельность Калиты.

Братъ Юрія, Іоаннъ I Даниловичъ Калита, отличавшійся рѣдкимъ умѣньемъ всегда ладить съ татарами (онъ ѣздилъ въ Орду 9 разъ), получилъ въ

1328 году великое княженіе, и съ этихъ поръ оно навсегда осталось за его потомками. Вмѣстѣ съ тѣмъ ему было предоставлено право собирать для Орды дань со многихъ удѣловъ, а его сыновья-преемники, Симеонъ и Іоаннъ II, сверхъ того, получили отъ хана и судебную власть надъ своими сосѣдями—удѣльными князьями. Такимъ образомъ послѣдніе оказались въ финансовой и судебной зависимости отъ великихъ князей московскихъ, и московское княжество не только переростало другіе удѣлы, но и получало власть надъ ними.

Еще несравненно болѣе выросла Москва въ глазахъ народа отъ того, что, еще до полученія великокняжескаго ярлыка ея князьями, въ ней утвердилась митрополія. Калита былъ въ большой дружбѣ съ митрополитомъ Петромъ, преемникомъ Максима, перенесшаго митрополію изъ Кіева во Владиміръ; Петръ часто наѣзжалъ въ Москву, заложилъ въ ней храмъ въ честь Успенія Божіей Матери, скончался здѣсь въ 1326 г.[1]) и былъ причисленъ къ лику святыхъ. Его преемникъ Ѳеогностъ окончательно утвердилъ митрополію въ Москвѣ. Съ этихъ поръ дѣятельность Калиты освящалась въ глазахъ народа благословеніемъ митрополитовъ, выразителей идеи національнаго единства политически-раздробленной Руси. Москва дѣлалась духовной столицей всей Русской земли. Она выигрывала не только нравственно, но и матеріально, такъ какъ сюда стали приливать митрополичьи доходы. Московскій удѣлъ еще гуще заселялся: пришельцевъ манила та тишина и спокойствіе, которыя установились въ немъ; вслѣдствіе дружбы съ Ордою Московское княжество было обезопасено отъ хищническихъ татарскихъ набѣговъ, вслѣдствіе хозяйственныхъ способностей Калиты въ немъ укрѣпился внутренній порядокъ.

Однако, будучи отличнымъ хозяиномъ, Іоаннъ Калита оказался недальновиднымъ политикомъ: подобно своимъ современникамъ, онъ смотрѣлъ на удѣлъ не какъ на государство, а какъ на частную собственность и по завѣщанію раздробилъ его между членами своей семьи, надѣливъ и трехъ своихъ сыновей и жену съ дочерьми; Москву онъ раздѣлилъ на части по числу сыновей, предоставивъ и вдовѣ своей получать съ нея доходъ; о великомъ княженіи Владимірскомъ Калита не упомянулъ въ завѣщаніи, такъ какъ распоряженіе имъ принадлежало, по его мнѣнію, ханамъ. Итакъ, послѣ смерти Калиты въ 1341 году Московское княжество стало не единымъ государствомъ, а совокупностью удѣловъ, группировавшихся вокругъ раздѣленной на трети Москвы, которая находилась въ общемъ владѣніи ихъ князей. Преемники Калиты слѣдовали его примѣру: подобно ему, они были искусными и опытными, не всегда разборчивыми въ средствахъ «собирателями Русской земли»; но, подобно ему же, они не усваивали идеи единаго государства; эта идея прививалась имъ гораздо медленнѣе, чѣмъ умѣніе «примыслить». Порядокъ наслѣ-

[1]) Годъ кончины Петра и считается годомъ перенесенія митрополіи въ Москву.

дованія удѣлами устанавливался не закономъ, а духовными грамотами князей. По этимъ духовнымъ территоріальныя владѣнія дѣлились между наслѣдниками и наслѣдницами наравнѣ съ движимымъ имуществомъ, съ мелочными предметами домашняго обихода и драгоцѣнностями, при чемъ дѣлились даже черезполосно: каждый изъ сонаслѣдниковъ получалъ города и села въ разныхъ мѣстахъ. Отношенія между сонаслѣдниками не опредѣлялись ничѣмъ инымъ, кромѣ временныхъ договоровъ.

И тѣмъ не менѣе Московское княжество было спасено отъ торжества противогосударственныхъ удѣльныхъ порядковъ, отъ распыленія на множество слабыхъ и мелкихъ удѣловъ, спасено нѣсколькими благопріятными обстоятельствами. Во-первыхъ, собирательная работа шла такъ удачно, что искупала до извѣстной степени зло раздробленія; во-вторыхъ, московскіе князья были связаны чувствомъ семейнаго единодушія, умѣли дѣйствовать дружно и избѣгали усобицъ; въ-третьихъ, московскій княжескій родъ отличался малосемейностью, что предотвращало чрезмѣрную дробность раздѣловъ; въ-четвертыхъ, старшій сынъ великаго князя по установившемуся обычаю получалъ всегда по завѣщанію больше, чѣмъ его братья: ему давались лишніе города и земли «на старѣйшій путь» (т. е. для поддержанія его старшинства), по волѣ же хана ему доставалось великое княжество Владимірское. Вслѣдствіе этого онъ получалъ преобладаніе надъ другими князьями, ставилъ ихъ въ зависимость отъ себя посредствомъ договоровъ и такимъ способомъ до извѣстной степени объединялъ московскій удѣлъ. Наконецъ, московское боярство и духовенство, содѣйствуя росту Московскаго княжества, стремилось къ установленію въ немъ единовластія.

Бояре—вольные слуги—охотно съѣзжались въ Московское княжество, превосходившее другіе удѣлы богатствомъ и спокойствіемъ. Вліяніе ихъ при московскомъ дворѣ было очень значительнымъ: они занимали важныя должности, являлись сотрудниками князя, его «думцами», свидѣтелями при составленіи княжескихъ завѣщаній. Они естественно должны были противиться раздробленію Московскаго удѣла, такъ какъ его измельчаніе и обѣднѣніе могло лишить ихъ выгодныхъ кормленій, препятствовать развитію ихъ землевладѣнія. Бояре, такимъ образомъ, внушали великимъ князьямъ московскимъ объединительную политику отчасти изъ-за личныхъ расчетовъ; духовенство дѣйствовало въ томъ же направленіи во имя принципіальныхъ соображеній, проводя завѣщанную византійской исторіей идею единодержавія и богоустановленности власти. Оно, къ тому же, оказывало великимъ князьямъ большія практическія услуги, руководя ими во время малолѣтства, ходатайствуя за нихъ передъ ханомъ, налагая церковныя отлученія на ихъ враговъ.

Такъ, при поддержкѣ боярства и духовенства, при сочувствіи народа, при безсознательномъ покровительствѣ татаръ крѣпло на сѣ-

веро-востокѣ Московское княжество; на безгосударственную удѣльную почву заронены были сѣмена государственности, и работа московскихъ князей незамѣтно для нихъ самихъ изъ удѣльной превращалась въ національную. Первые ростки національной политики взошли уже при внукѣ Іоанна I Калиты—Димитріи Іоанновичѣ, выросшемъ подъ руководствомъ митрополита и бояръ.

Д. Преемники Калиты.

Предшественниками Димитрія на великокняжескомъ престолѣ были сыновья Калиты: сначала Симеонъ (1341—1352 г.), затѣмъ Іоаннъ II (1352—1359 г.). Симеонъ умѣлъ поддержать достоинство великаго князя (за свое властное отношеніе къ сосѣдямъ онъ получилъ прозваніе «Гордый»), умѣлъ сохранить дружбу съ Ордой, куда ѣздилъ 5 разъ, умѣлъ дать разумный совѣтъ братьямъ въ своей духовной, въ которой убѣждалъ ихъ «жить за-одинъ, лихихъ людей не слушать, которые станутъ ссорить ихъ, слушать владыку Алексѣя (митрополита) да старыхъ бояръ; заботиться о томъ, чтобы не перестала память родителей, чтобы свѣча не угасла». Этими простыми, трогательными словами Симеонъ завѣщалъ своимъ братьямъ продолжать работу предковъ надъ устроеніемъ Московскаго княжества. Но вѣрная оцѣнка значенія духовенства и бояръ и забота о будущемъ не удержали Симеона отъ рѣзкаго проявленія привычекъ удѣльнаго князя: всю принадлежавшую ему часть въ Московскомъ княжествѣ онъ оставилъ въ наслѣдство своей женѣ, происходившей изъ враждебнаго Москвѣ тверского рода. Къ счастью, этимъ наслѣдіемъ скоро завладѣлъ Іоаннъ II, присоединивъ его къ своимъ владѣніямъ. Но и послѣдній, умирая въ молодыхъ годахъ, раздѣлилъ Московское княжество между двумя малолѣтними сыновьями—Димитріемъ и Иваномъ—и племянникомъ Владиміромъ Андреевичемъ.

§ 2. Княженіе Димитрія Донского.

Димитрій остался послѣ смерти отца десятилѣтнимъ ребенкомъ. Его владѣнія окружены были пока еще сильными, соперничавшими съ Москвой, удѣлами; ярлыкъ на великое княженіе успѣлъ получить суздальскій князь (Димитрій Константиновичъ). Создавалось опасное положеніе, и, чтобы поддержать молодое государство и малолѣтняго князя, нужны были особыя усилія митрополита и бояръ. При вокняженіи Димитрія митрополитомъ былъ Алексѣй, прославившійся рѣдкимъ умомъ, исключительными заслугами передъ родиной и вскорѣ послѣ кончины причисленный къ лику святыхъ, какъ одинъ изъ наиболѣе чтимыхъ на Руси угодниковъ.

Онъ не только пользовался необыкновеннымъ авторитетомъ въ русскомъ народѣ, но сумѣлъ внушить къ себѣ глубокое уваженіе и въ Ордѣ, куда его приглашали для исцѣленія слѣпнувшей ханши.

По своему происхожденію онъ принадлежалъ къ знатному московскому боярскому роду—Плещеевыхъ.

При дворѣ Димитрія было не мало бояръ, предки которыхъ явились въ Москву еще въ княженіе Калиты. Значитъ, они служили московскимъ князьямъ потомственно и, естественно, связывали собственное благополучіе съ возвышеніемъ Москвы.

Среди Димитріевыхъ сотрудниковъ встрѣчаются, напр., потомки Родіона Нестеровича и Акиноа, извѣстныхъ еще при Юріи; татарскій выходецъ мурза Четъ, появившійся при Калитѣ, сталъ родоначальникомъ знаменитыхъ впослѣдствіи московскихъ фамилій: Годуновыхъ и Сабуровыхъ. Были и другіе выходцы не только изъ Орды, но и изъ Западной Европы. Насколько цѣнилъ великій князь своихъ сотрудниковъ, видно изъ того, что съ нѣкоторыми изъ нихъ онъ породнился. Объ отношеніи его къ боярамъ можно также судить по словамъ, которыя влагаетъ въ уста Димитрію авторъ его житія. Своихъ слугъ Димитрій назвалъ будто-бы не боярами, но князьями своей земли и завѣщалъ дѣтямъ «бояръ своихъ любить, честь имъ воздавать достойную, безъ воли ихъ ничего не дѣлать». Заслуги боярства въ княженіе Димитрія несомнѣнны.

Бояре выхлопотали для Димитрія (въ 1362 г.) великое княженіе, помогли ему одолѣть суздальскаго князя-соперника, направляли его въ годы юности и содѣйствовали всѣмъ его предпріятіямъ.

Предпріятія Димитрія отличались большою отвагою и сопровождались крупнымъ успѣхомъ. Первая половина его правленія посвящена была упорной борьбѣ съ сосѣдними удѣлами: по словамъ лѣтописи, Димитрій «всѣхъ князей русскихъ приводилъ подъ свою волю, твердо укрѣпилъ подъ собою великое княженіе, а враговъ своихъ посрамилъ». Онъ разрѣшилъ по своему усмотрѣнію споръ между двумя суздальскими князьями изъ-за обладанія Нижнимъ-Новгородомъ, нанесъ страшное пораженію Рязанскому князю («въ злой сѣчѣ рязанцы пали, какъ снопы») и выдержалъ долгую, восьмилѣтнюю (съ нѣкоторыми перерывами) войну съ тверскимъ княземъ Михаиломъ Александровичемъ. Въ эту войну много разъ вмѣшивался литовскій князь Ольгердъ, родственникъ и союзникъ Михаила, но, несмотря на частыя опустошенія русскихъ областей и даже приступы къ самой Москвѣ, успѣха не достигъ. Война эта имѣла важное послѣдствіе: она воспитала въ Димитріи духъ независимости по отношенію къ татарамъ и измѣнила его взгляды на великое княжество Владимірское. Она не походила на удѣльную борьбу его предковъ съ Тверью: и Юрій и Калита дѣйствовали противъ тверскихъ князей не столько собственными силами, сколько наговорами въ Ордѣ и татарскими отрядами; на великое княженіе они смотрѣли какъ на ханскій даръ и частыми поѣздками къ хану укрѣпляли свое положеніе. Правда, и Димитрій бывалъ въ Ордѣ: въ первый разъ его еще ребенкомъ возили туда бояре; во второй разъ онъ отправился

туда самъ, умѣлъ очаровать и хана, и правителя Орды—татарскаго военачальника Мамая,—умѣлъ также выхлопотать уменьшеніе дани. Однако помощи въ борьбѣ съ Тверью онъ ждалъ все же отъ своего оружія и отъ подручныхъ князей [1]), а не отъ татаръ. Михаилъ Александровичъ не разъ добивался въ разъѣдаемой внутренними смутами Ордѣ ярлыка на великое княженіе и, запасшись имъ, выступалъ противъ Димитрія. Не смущаясь ярлыкомъ, Димитрій просто-на-просто не пускалъ его во Владиміръ. Онъ не искалъ гибели своего соперника посредствомъ интригъ и козней, а ограничился тѣмъ, что принудилъ его (въ 1375 году) заключить договоръ, по которому Михаилъ признавалъ себя «младшимъ братомъ» Димитрія, принималъ на себя различныя обязательства и обѣщалъ не искать великаго княжества. Отстоявъ, такимъ образомъ, вооруженною силою, а не милостью хана великое княжество Владимірское, Димитрій сталъ смотрѣть на него, какъ на свою «вотчину», и, не въ примѣръ своимъ предкамъ, упомянулъ о немъ въ духовной, завѣщавъ эту вотчину нераздѣльно своему старшему сыну.

Чувство независимости по отношенію къ татарамъ просыпалось не только въ князѣ, но и въ московскомъ населеніи, которое давно уже не испытывало татарскихъ нашествій. Орда не возбуждала больше ужаса, да и не могла возбуждать его: во второй половинѣ XIV вѣка она, какъ извѣстно, дробилась на части и разлагалась вслѣдствіе междоусобной борьбы хановъ. Разлагавшаяся Орда не внушала страха, но вызывала раздраженіе, такъ какъ изгоняемые изъ нея ханы и царевичи совершали хищническіе набѣги на русскія земли. Особенно страдали отъ нихъ Рязанское и Нижегородское княжества, города которыхъ подвергались разгромамъ и пожарамъ. Удѣльные князья суздальскіе, нижегородскіе и рязанскіе вели съ татарскими насильниками ожесточенную борьбу. Начиная съ 1365 года, схватки происходили почти ежегодно, закаляли смѣлость русскихъ (передъ однимъ сраженіемъ русскіе хвастали, что каждый изъ нихъ пойдетъ въ-одиночку противъ сотни татаръ) и шли съ перемѣннымъ успѣхомъ: такъ, напр., въ 1377 году князья потерпѣли жестокое пораженіе отъ одного царевича (Арапши), зато въ слѣдующемъ году Димитрій побѣдилъ на рѣкѣ Вожѣ большое татарское войско подъ начальствомъ Мамаева полководца.

До сихъ поръ были только столкновенія съ отдѣльными татарскими отрядами, предводительствуемыми изгнанниками изъ Орды. Вожское сраженіе задѣвало самого Мамая, который успѣлъ объединить подъ своею властью Орду. Два года собиралъ онъ силы для отмщенія Димитрію и подъ осень 1380 года, заручившись обѣщаніемъ помощи со стороны Ягайла и рязанскаго князя, двинулся въ походъ. Димитрій готовился дать ему рѣшительный отпоръ и набралъ

[1]) Въ одинъ изъ походовъ онъ велъ противъ Михаила 19 другихъ князей.

огромное войско. Передъ выступленіемъ онъ получилъ благословеніе преп. Сергія, основателя Троицко-Сергіевскаго монастыря. Враги сошлись за Дономъ, на Куликовомъ полѣ, при устьѣ р. Непрядвы. 8 сентября произошла славная Куликовская битва, окончившаяся, благодаря своевременному вмѣшательству запаснаго полка (находившагося въ засадѣ подъ предводительствомъ двоюроднаго брата Димитрія князя Владиміра Андреевича и боярина Боброка-Волынскаго), блестящею побѣдою русскихъ и позорнымъ бѣгствомъ Мамая и отличавшаяся рѣдкимъ кровопролитіемъ (по преданію, осталась въ живыхъ только десятая часть сражавшихся; пало нѣсколько князей, много бояръ; самого Димитрія едва разыскали на полѣ битвы почти бездыханнымъ).

Куликовская битва, представляющая собою одно изъ самыхъ крупныхъ столкновеній Европы и Азіи и имѣющая поэтому интересъ и для обще-европейской исторіи, получила громадное значеніе для Московскаго княжества. Она являлась первымъ и очень замѣтнымъ національнымъ предпріятіемъ въ удѣльное время. Димитрій, получившій прозваніе Донского, дѣйствовалъ противъ татаръ во имя не только московскихъ, но и общерусскихъ интересовъ и придалъ этимъ своей смѣлой борьбѣ народный, общерусскій характеръ. Куликовская битва была до извѣстной степени днемъ рожденія національнаго Русскаго государства. Память о ней долго жила въ народныхъ пѣсняхъ и сказаніяхъ, разукрасившихъ повѣствованіе о великой борьбѣ многочисленными легендами. Въ глазахъ народа Димитрій сталъ русскимъ царемъ.

Огромное нравственное значеніе Куликовской битвы не ослабляется послѣдующими неудачами въ борьбѣ съ татарами. Мамай не былъ уже страшенъ. Не получивъ обѣщанной помощи отъ Ягайла, онъ вернулся въ Орду, но былъ разбитъ ханомъ Тохтамышемъ и вскорѣ погибъ. Тохтамышъ рѣшилъ напомнить Руси о татарской власти и (въ 1382 году) сдѣлалъ быстрый нежданный набѣгъ на Москву. Застигнутый врасплохъ, Димитрій оставилъ свою столицу, чтобы набрать войско. Москва была захвачена татарами и сожжена. Подверглись опустошенію также другія княжества, кромѣ тверского, князь котораго искалъ милостей у хана. Пришлось смириться и Димитрію: онъ отправилъ сына своего Василія въ Орду, чтобы тотъ отстоялъ передъ ханомъ его великокняжескія права, и за подтвержденіе ихъ долженъ былъ заплатить Тохтамышу большую дань. Василію бѣгствомъ пришлось спасаться изъ Орды, такъ какъ ханъ удерживалъ его въ качествѣ заложника.

Димитрій скончался въ 1389 году 39 лѣтъ. Національный вождь на Куликовомъ полѣ остался удѣльнымъ княземъ въ своей духовной, хотя все же и здѣсь шагнулъ значительно впередъ по сравненію со своими предками. При жизни Димитрій владѣлъ двумя долями въ Москвѣ (третья доля принадлежала его двоюродному брату

Владиміру Андреевичу, который по договору обязался «служить Димитрію безъ ослушанія, а также служить его сыну Василію, какъ своему старшему брату»). Одну свою долю онъ завѣщалъ старшему сыну Василію, другую—подѣлилъ между слѣдующими тремя; прочія владѣнія Московскаго княжества также распредѣлены были между четырьмя сыновьями, и изъ каждой сыновней части назначено нѣсколько волостей въ собственность княгинѣ-вдовѣ. Ей же предоставлено право, въ случаѣ бездѣтной кончины кого-либо изъ сыновей, подѣлить его владѣнія между другими. Смыслъ всего этого—чисто удѣльный: дробленіе Московскаго княжества, какъ частной собственности, и назначеніе матери-вдовы опекуншей молодыхъ сыновей. Однако Димитрій внесъ въ духовную и нѣчто новое, не встрѣчавшееся раньше; именно, великое княжество Владимірское онъ назначилъ Василію съ тѣмъ, чтобы оно, въ случаѣ его кончины, вмѣстѣ съ долей его въ Московскомъ княжествѣ, цѣликомъ, безъ раздѣла перешло къ его слѣдующему брату. Очевидно, Димитрій разумѣлъ только бездѣтную кончину Василія; въ случаѣ же, если бы у него оказались дѣти, недѣлимымъ должно было, вѣроятно, считаться лишь великое княжество Владимірское, которое пошло бы цѣликомъ старшему сыну.

Итакъ, новымъ въ завѣщаніи Димитрія было только упоминаніе о великомъ княжествѣ и установленіе его недѣлимости. Но это новое высказывалось въ неясной формѣ и подало поводъ къ страшной усобицѣ, разразившейся послѣ смерти Василія.

§ 3. Княженіе Василія I.

Василій I въ свое княженіе, продолжавшееся съ 1389 г. до 1425 г., занятъ былъ переговорами и столкновеніями съ татарами, новыми «примыслами» и соперничествомъ съ Литовско-Русскимъ государствомъ.

Съ татарскою властью онъ долженъ былъ считаться: онъ былъ посаженъ на княженіе ханскимъ посломъ, ѣздилъ въ Орду и пріобрѣлъ тамъ ярлыкъ на Нижегородское княжество. Послѣднимъ онъ овладѣлъ, впрочемъ, не столько въ силу ярлыка, сколько въ силу перехода на его сторону нижегородскихъ бояръ. Въ рѣшительную минуту они заявили своему князю (Борису Константиновичу): «князь, не надѣйся на насъ, мы уже не твои, и не съ тобою, а на тебя», передались Василію и помогли ему арестовать своего князя. Это—весьма знаменательный случай, доказывающій, что приверженцевъ своей объединительной политики московскіе князья находили не только среди своихъ бояръ, но и среди вольныхъ слугъ другихъ удѣловъ. Такая мѣстная помощь была теперь сильнѣе ханскихъ

ярлыковъ. Однако, время отъ времени татары все же давали себя знать. Въ 1395 году Руси грозило повтореніе ужасовъ Батыя. Великій азіатскій завоеватель Тимуръ или Тамерланъ, сравнявшійся по своимъ успѣхамъ съ Чингисханомъ, прогналъ изъ Орды Тохтамыша и двинулся на Русь. Къ счастью, его нашествіе ограничилось только опустошеніемъ Рязанской земли: дальше онъ не пошелъ [1]). Затѣмъ наступила двѣнадцатилѣтняя передышка: Орда, въ которой возобновились усобицы, не безпокоила русскихъ; Василій пересталъ платить даже дань, ссылаясь на бѣдность Московскаго княжества, и не оказывалъ должнаго уваженія ханскимъ посламъ. Такъ продолжалось вплоть до нападенія на Москву (въ 1408 г.) ордынскаго правителя Едигея, взявшаго съ москвичей большой откупъ. Василій смирился и поѣхалъ на поклонъ къ хану, но не обезопасилъ себя этимъ отъ нападеній отдѣльныхъ татарскихъ отрядовъ, позволявшихъ себѣ неимовѣрныя безчинства (такъ, однажды въ 1411 году татарская шайка, призванная сыновьями нижегородскаго князя, добивавшимися возвращенія отцовскихъ владѣній, подвергла страшному разгрому Владиміръ и не постыдилась расправиться даже со священникомъ: послѣ чудовищныхъ пытокъ онъ былъ привязанъ къ хвосту лошади и умерщвленъ звѣрскимъ образомъ). Несмотря на все это, мысль о скоромъ избавленіи отъ татарской власти все болѣе и болѣе крѣпла въ русскомъ народѣ, и въ договорахъ Василія съ другими князьями чаще, чѣмъ при его предкахъ, высказывается надежда на то, что «Богъ перемѣнитъ Орду», что «Орда отдалится отъ насъ».

Татарскія дѣла препятствовали объединительной работѣ Василія. Отвлекался онъ отъ послѣдней и тѣмъ, что долженъ былъ съ неослабнымъ вниманіемъ слѣдить за возроставшимъ могуществомъ своего тестя Витовта, при которомъ широко развертывалось Литовско-Русское государство, подступая къ московскимъ границамъ. Имѣя въ тылу татаръ, а передъ глазами—Витовта, Василій не смогъ выказать достаточной рѣшительности въ примыслахъ. Несмотря на частые походы на Великій Новгородъ и на полученіе съ него дани, онъ не утвердилъ и тамъ своего прочнаго вліянія и не кончилъ завоеванія Двинской земли, которой очень домогался; не сумѣлъ онъ энергично вмѣшаться и въ тверскія смуты. Крупнымъ его примысломъ было только княжество Нижегородское. Политика Василія по отношенію къ Витовту тоже, какъ извѣстно, отличалась крайнею осторожностью и миролюбіемъ: Витовта онъ назначилъ даже однимъ изъ попечителей своего наслѣдника и сына — Василія. Это объясняется, вѣроятно, опасеніями, что послѣдній встрѣтитъ сильнаго со-

[1]) Въ ожиданіи татарскаго нашествія Василій I перенесъ изъ Владиміра въ Москву прославленную икону Божіей Матери, которая въ свое время была взята изъ Кіева Андреемъ Боголюбскимъ.

перника въ лицѣ дяди Юрія (слѣдующаго брата Василія I), отношенія съ которымъ давно замутились. Даже въ духовной Василія I, завѣщавшаго великое княжество сыну, чувствовалась какая-то неувѣренность [1]).

§ 4. Московская усобица.

Тревоги оправдались: вскорѣ послѣ смерти Василія I началась усобица, единственная крупная усобица въ московскомъ княжескомъ родѣ, тянувшаяся въ теченіе почти всего правленія Василія II, княжившаго отъ 1425 до 1462 года. Виновниками ея были Юрій Димитріевичъ и его сыновья: Димитрій и Василій. Первый имѣлъ прозвище «Шемяка», второй прозванъ былъ Косымъ.

Юрій наотрѣзъ отказался признать старшинство своего малолѣтняго племянника (Василію II было около 10 лѣтъ). Посредничество митрополита, принявшаго сторону послѣдняго, не привело къ миру, и послѣ смерти Витовта (со стороны котораго, какъ попечителя Василія, можно было ждать вмѣшательства) дядя и племянникъ поѣхали рѣшать свой споръ въ Орду. На ханскомъ судѣ выигралъ дѣло Василій II, такъ какъ одинъ изъ его бояръ (Всеволожскій) сумѣлъ польстить хану своей рѣчью; въ ней онъ доказывалъ, что владѣніе великимъ княженіемъ опредѣляется не старшинствомъ, на которое опирался Юрій, а исключительно ханскою милостью. Но ханская милость ненадолго упрочила положеніе Василія II: нежданнымъ нападеніемъ Юрій овладѣлъ Москвою, взялъ въ плѣнъ Василія, и вторично одержалъ надъ нимъ побѣду, когда онъ, будучи отпущенъ на свободу, возобновилъ борьбу.

Усобица получила особенно жестокій, хищническій характеръ, когда, по смерти Юрія, главными соперниками Василія II выступили Василій Косой и Димитрій Шемяка. Первый страшно поплатился за свои незаконныя притязанія на Москву: попавъ въ плѣнъ, онъ, по приказанію Василія II, былъ ослѣпленъ; но Димитрій велъ борьбу съ перемѣннымъ успѣхомъ вплоть до 1450 года и за ослѣпленіе брата отплатилъ тѣмъ же своему врагу, захвативъ его на богомольѣ въ Троицко-Сергіевскомъ монастырѣ: ослѣпленный Василій II получилъ прозваніе Темнаго. Борьба съ Шемякою затруднялась для Василія II тѣмъ, что ему одновременно приходилось отражать татарскіе набѣги.

Особенно опаснымъ противникомъ былъ изгнанный изъ Золотой Орды Улу-Махметъ, который утвердился въ 30-хъ годахъ XV вѣка въ Казани и совершалъ оттуда нападенія. Однажды (въ 1439 г.)

---

[1]) Неувѣренность эта могла проистекать не только изъ опасенія вражды Юрія, но и изъ того, что въ московской практикѣ это былъ первый случай завѣщанія великаго княжества сыну при существованіи братьевъ.

онъ подошелъ къ самой Москвѣ, а черезъ нѣсколько лѣтъ (въ 1445 г.) захватилъ даже въ плѣнъ Василія II и освободилъ его только за богатый выкупъ. Для отраженія татарскихъ нападеній Василій II прибѣгалъ къ тѣмъ же средствамъ, какія примѣнялись когда-то южными князьями въ борьбѣ съ кочевниками: именно, онъ призывалъ къ себѣ на службу татарскихъ царевичей и князей съ отрядами, чтобы пользоваться ихъ помощью противъ ихъ же соплеменниковъ. Эта мѣра не встрѣчала, впрочемъ, сочувствія у москвичей, корившихъ Василія его любовью къ татарамъ.

Несмотря на это, московское населеніе дѣятельно поддерживало своего злополучнаго князя. Особенную помощь оказывало ему духовенство. Оно посредничало между Василіемъ и его соперниками, освобождало его въ нужныхъ случаяхъ отъ присяги въ соблюденіи договоровъ, вызволяло его изъ плѣна, обрушивалось грозными посланіями на Шемяку, настойчиво проводило идею единодержавія.

И, въ концѣ концовъ, Василій II, князь слабовольный и недаровитый, часто отчаявавшійся въ своемъ успѣхѣ и готовый идти на всевозможныя уступки, все же вышелъ побѣдителемъ изъ тяжелой борьбы: Шемяка былъ разбитъ, а затѣмъ отравленъ; его потомство скрылось въ Литву; Новгороду, поднявшему голову во время московской усобицы и пріютившему у себя Шемяку, Василій II оставилъ лишь тѣнь самостоятельности и подготовилъ его присоединеніе къ Москвѣ; въ самомъ Московскомъ княжествѣ онъ, подъ предлогомъ «измѣнъ и крамолъ» своихъ удѣльныхъ родственниковъ, уничтожилъ постепенно всѣ удѣлы, за исключеніемъ одного лишь верейскаго; для предотвращенія въ будущемъ смутъ онъ еще при жизни сдѣлалъ своего старшаго сына и наслѣдника, Іоанна, своимъ соправителемъ съ титуломъ великаго князя. Чтобы возвысить значеніе Іоанна, Василій завѣщалъ ему больше городовъ (14), чѣмъ остальнымъ четыремъ сыновьямъ вмѣстѣ (11). Въ духовной грамотѣ города великаго княжества Владимірскаго перечислены въ перемежку съ городами московскими. Это показываетъ, что Василій считалъ его уже неразрывною частью Московскаго княжества.

§ 5. Московское княжество въ половинѣ XV вѣка.

А. Его территорія.

Московское княжество необыкновенно разрослось менѣе, чѣмъ за двѣсти лѣтъ своего существованія. Родоначальникъ московскихъ князей Даніилъ Александровичъ владѣлъ территоріей меньшей, чѣмъ нынѣшняя Московская губернія, не превышавшей 500 квадр. миль. Потомки его удачно занимались «промыслами», и земли Васильевыхъ сыновей простирались на громадное пространство въ 15.000 кв. миль.

Прослѣдить исторію московскихъ примысловъ можно лишь приблизительно, такъ какъ источники не всегда сообщаютъ данныя о присоединеніи того или другого города или волости. Документально извѣстны лишь нѣкоторые изъ примысловъ. Такъ, напр., Даніилъ захватилъ Коломну при устьѣ Москвы и получилъ, по завѣщанію бездѣтнаго родственника, Переяславль; Юрій Даниловичъ завладѣлъ Можайскомъ при верховьяхъ Москвы; Иванъ Калита прикупилъ 12 новыхъ селъ въ различныхъ мѣстахъ. Покупка селъ продолжалась и при его потомкахъ. Димитрій Донской окончательно утвердилъ за Москвою Дмитровъ, Галичъ, Бѣлоозеро, Угличъ и, вѣроятно, Калугу. Василій I пріобрѣлъ Нижній Новгородъ, Муромъ, Таруссу и множество селъ. Значительный приростъ московскаго удѣла получился отъ присоединенія къ нему великаго княжества Владимірскаго съ его городами.

Московская Русь въ годъ смерти Василія II—1462-й г.—охватывала, кромѣ нынѣшней Московской губерніи, еще значительныя части губерній: Калужской, Тульской, Владимірской, Нижегородской, Вятской, Костромской, Вологодской, Ярославской, Тверской.

Она граничила на юго-востокѣ съ Рязанскимъ княжествомъ; на юго-западѣ съ Литовско-Русскимъ государствомъ, сѣвернѣе—съ владѣніями: тверскими, новгородскими, ростовскими, ярославскими; на востокѣ—съ Вяткою и различными инородцами, находившимися подъ властью казанскихъ татаръ. Сосѣдство Московскаго княжества съ другими русскими областями показываетъ, что объединеніе Руси было не закончено: далеко не все великорусское племя собралось подъ главенствомъ Москвы; масса русскаго народа находилась подъ властью иноплеменной и иновѣрной Литвы. Слѣдовательно, Московское княжество половины XV вѣка не было еще національнымъ государствомъ.

Б. Недостатокъ внутренней сплоченности его.

Строго говоря, его вообще нельзя называть государствомъ, такъ какъ въ немъ самомъ продолжала существовать удѣльная система: къ верейскому князю, сохранившему свой удѣлъ при Василіи II, послѣ смерти послѣдняго прибавилось четыре удѣльныхъ князя—младшихъ братьевъ Іоанна.

Наконецъ, Московская Русь не была еще политически независимой, такъ какъ должна была считаться съ татарскою властью. Борьба съ татарами, начатая Димитріемъ Донскимъ, была проявленіемъ національной дѣятельности московскихъ князей. Другая сторона ихъ дѣятельности («примыслы») обусловливалась не столько идеею національнаго объединенія, сколько удѣльными побужденіями. Національный характеръ Московское княжество получило со времени правленія сына Василія II—Іоанна III. Около этого же времени и Русская Церковь, освободившись отъ своей многовѣковой зависимости отъ константинопольскаго патріарха, сдѣлалась національною.

§ 6. Національзація Русской Церкви.

Зависимость Русской Церкви отъ Греческой постепенно ослабѣвала еще съ давняго времени. Въ удѣльный періодъ константинопольскій патріархъ поставлялъ русскихъ митрополитовъ не исключительно изъ грековъ, а также и изъ русскихъ.

Такъ, напр., и св. Петръ и св. Алексѣй были русскими уроженцами. Послѣдній (Алексѣй) былъ предназначенъ къ митрополичьему сану своимъ предшественникомъ Ѳеогностомъ, при чемъ къ патріарху были своевременно отправлены послы отъ великаго князя и отъ Ѳеогноста съ просьбою не посвящать для Русской земли никого другого, кромѣ Алексѣя. Предполагавшійся преемникъ Алексѣя (Митяй) хотѣлъ обойтись вовсе безъ патріаршаго поставленія и, лишь по настоянію части русскаго духовенства, поѣхалъ въ Константинополь, но умеръ на пути туда. Митрополитовъ, поставляемыхъ въ Греціи безъ согласія московскихъ князей, неохотно принимали въ Москвѣ. Такимъ образомъ, константинопольскій патріархъ долженъ былъ считаться съ желаніями, шедшими изъ Москвы.

Положеніе его еще болѣе затруднялось тѣмъ, что съ половины XIV вѣка началось политическое соперничество Московскаго и Литовско-Русскаго государствъ, перешедшее и на церковную почву: литовскіе князья домогались учрежденія особой митрополіи въ Кіевѣ для православныхъ подданныхъ своихъ владѣній; московскіе—считали митрополію окончательно утвердившеюся въ Москвѣ. Въ Константинополѣ не хотѣли признать раздѣленія Русской Церкви, постоянно подчеркивали ея единство и продолжали именовать русскаго митрополита, пребывавшаго теперь въ Москвѣ, митрополитомъ Кіевскимъ и всея Руси. Но единство Церкви признавалось лишь въ теоріи, на практикѣ же патріархъ шелъ на частыя уступки: посвятивъ Алексѣя, онъ, по требованію Ольгерда, поставилъ митрополитомъ для Литовско-Русскаго государства другое лицо (Романа), при чемъ и тотъ и другой притязали на церковное господство во всей Руси; въ концѣ правленія Ольгерда оказалось даже три митрополита (одинъ — въ Галицкой землѣ, другой—въ Кіевѣ, третій—въ Москвѣ); поставленіе двухъ митрополитовъ случалось и позже. Но если патріархъ соглашался на уступки, то и московскіе князья считались съ его властью.

Такъ продолжалось дѣло до середины правленія Василія II. Въ это время митрополитомъ поставленъ былъ грекъ Исидоръ. Едва появившись въ Москвѣ, онъ отправился на Флорентійскій соборъ, обсуждавшій вопросъ о соединеніи (уніи) Западно-Римской и Восточно-Греческой церквей, и выступилъ на немъ ревностнымъ приверженцемъ папы и поборникомъ католицизма. Отъ папы онъ получилъ санъ кардинала и легата и, вернувшись въ Москву, сталъ при-

зывать православныхъ къ сближенію съ католиками, торжественно объявилъ о состоявшейся уніи, а на литургіи вмѣсто патріарховъ помянулъ папу и пытался вводить католическіе обряды. Этимъ онъ вызвалъ страшное негодованіе въ московскомъ населеніи, которое вѣками пріучено было къ рѣзкой непріязни къ католицизму. Исидоръ въ 1441 г. былъ преданъ суду собора русскаго духовенства, осужденъ на заточеніе, но успѣлъ бѣжать въ Римъ.

Когда въ Москвѣ узнали, что унія принята не только Исидоромъ, но также византійскимъ императоромъ и патріархомъ, то рѣшили не принимать больше митрополитовъ изъ Греціи, а поставлять ихъ соборомъ русскаго духовенства. Такъ именно и былъ поставленъ преемникъ Исидора — Іона. Послѣдовавшее вскорѣ послѣ этого—въ 1453 г.—завоеваніе Византіи турками еще болѣе убѣдило русскихъ въ необходимости обособленія отъ константинопольскаго патріарха. Нѣсколько позже, въ 1458 году, противъ воли Іоны произошло также обособленіе отъ Западно-Русской Церкви: на кіевскую митрополію соборомъ мѣстнаго западно-русскаго духовенства, по указанію великаго князя литовскаго, стали поставляться особые митрополиты, которые получали затѣмъ благословеніе и подтвержденіе своихъ правъ отъ константинопольскаго партіарха [1]).

Послѣ безплодныхъ попытокъ привести православное населеніе Литовско-Русскаго государства подъ свою духовную власть Іона вынужденъ былъ признать окончательное раздѣленіе митрополіи московской и кіевской. Созванный имъ (въ 1459 г.) соборъ сѣверно-русскаго духовенства далъ обѣщаніе вѣрности Московской Церкви, обязался не признавать «самозваннаго» кіевскаго митрополита и постановилъ на будущее время избирать митрополитовъ въ Москвѣ соборомъ, по повелѣнію великаго князя и безъ сношенія съ греками. Однако многовѣковая связь съ Греческой Церковью не могла, конечно, рушиться сразу: и Василій II и Іона въ своихъ посланіяхъ къ патріарху оправдывали новый порядокъ избранія митрополита исключительными обстоятельствами, наступившими въ Византіи. Сношенія съ Греческой Церковью по различнымъ вопросамъ продолжались и въ послѣдующее время. Тѣмъ не менѣе Московская Церковь все же вступила въ новый періодъ своей исторіи: она дѣлалась независимой, національной. Во второй половинѣ XV вѣка и московскій удѣлъ, какъ сказано выше, начинаетъ превращаться въ національное Русское государство. Слѣдовательно, съ этого времени можно начинать новый періодъ русской исторіи — Московскій.

[1]) Въ 1458 г. для Западной Руси поставленъ былъ по желанію папы ученикъ Исидора, Григорій, который получилъ затѣмъ подтвержденіе своихъ правъ отъ патріарха константинопольскаго. Въ послѣдующее время рѣшающее значеніе въ выборѣ митрополита принадлежало великому князю.

ОЧЕРКЪ IV.

Московскій періодъ русской исторіи.— Время національнаго объединенія русской народности.

(половина XV, XVI и XVII в.в.).

Введеніе.

Со второй половины XV вѣка Московское княжество, какъ увидимъ, вступаетъ въ новый періодъ своего развитія: 1) оно объединяетъ подъ своею властью всѣ области, заселенныя великорусскимъ племенемъ, и дѣлается такимъ образомъ государствомъ цѣлой народности, т. е. національнымъ; 2) оно становится политически-независимымъ, такъ какъ въ концѣ XV вѣка уничтожаются послѣдніе признаки татарскаго владычества; 3) придвинувъ свои границы къ иноземнымъ владѣніямъ, Московское государство стремится къ дальнѣйшему расширенію ихъ и для достиженія этой цѣли вступаетъ въ дипломатическія сношенія и въ вооруженную борьбу со своими сосѣдями; 4) сдѣланныя Москвою завоеванія открываютъ просторъ для русской колонизаціи по всей Восточно-Европейской равнинѣ и за ея предѣлами — въ Азіи; 5) измѣненіе внѣшняго положенія Московскаго государства отражается и на переустройствѣ его внутренняго распорядка. Послѣднее сказывается въ слѣдующемъ: 1) измѣняется значеніе московскихъ князей: изъ хозяевъ и собственниковъ московскаго удѣла они превращаются въ самодержавныхъ и единодержавныхъ государей; 2) удѣльная система окончательно уничтожается, и прежніе владѣтельные удѣльные князья дѣлаются подданными и слугами московскаго государя; 3) напряженная внѣшняя политика московской державы, которой приходится вести борьбу на три фронта: съ Польско-Литовскимъ государствомъ, съ татарами и шведами, ставитъ на первый планъ военныя нужды, другія же государственныя задачи (напр., развитіе народнаго хозяйства и просвѣщенія) поневолѣ остаются въ

тѣни; преимущественное вниманіе, удѣляемое московскимъ правительствомъ военнымъ потребностямъ, налагаетъ свой отпечатокъ на общественный строй: послѣдній приспособляется, какъ увидимъ, къ нуждамъ войны и характеризуется прикрѣпленіемъ всѣхъ классовъ общества къ опредѣленнымъ обязанностямъ.

Происшедшія измѣненія, повлекшія за собою паденіе политическаго вліянія боярства и требовавшія громадныхъ жертвъ на военныя нужды со стороны всего русскаго народа, вызываютъ въ средѣ недовольныхъ классовъ общества попытку уничтожить установившійся государственный порядокъ. Это порождаетъ въ началѣ XVII вѣка страшное внутреннее потрясеніе государства, извѣстное подъ названіемъ Смуты. Когда Смута минуетъ, московскимъ царямъ изъ новой династіи Романовыхъ приходится возстанавливать расшатанный Смутой порядокъ, считаясь, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ новыми, выдвинутыми временемъ государственными задачами.

Изъ изложеннаго видно, что исторія національнаго Московскаго государства можетъ быть раздѣлена на три части, изъ которыхъ первая будетъ посвящена образованію и развитію національнаго Московскаго государства, вторая — Смутѣ и третья — возстановленію государственнаго порядка послѣ Смуты при первыхъ царяхъ изъ династіи Романовыхъ.

ЧАСТЬ I.

Образованіе и развитіе національнаго Московскаго государства.

(половина XV и XVI в.в.).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Внѣшнія событія времени Іоанна III (1462—1505) и Василія III (1505—1533).

§ 1. Общая характеристика Іоанна III.

Время правленія преемника Василія II—Іоанна III представляетъ собою переломъ въ исторіи Московскаго княжества. Іоаннъ III продолжалъ собирательную работу своихъ предшественниковъ, но видоизмѣнилъ ее и количественно и качественно: онъ придалъ ей болѣе широкій размахъ и свои примыслы оправдывалъ не правомъ сильнаго, а отвлеченными, главнымъ образомъ, національными соображеніями. Онъ обратился также къ рѣшенію новыхъ государственныхъ задачъ, не назрѣвшихъ еще при его удѣльныхъ предкахъ. Эти задачи выдвинуты были самою жизнью, какъ естественное слѣд-

ствіе возрастанія Московскаго княжества. Іоаннъ III оказался способнымъ къ разрѣшенію ихъ благодаря своимъ политическимъ талантамъ.

Онъ не былъ героемъ: ему не свойственны были ни отвага, ни умѣнье рисковать, ни способность быстро осуществлять высокіе планы; многіе недостатки, какъ, напр., жестокость, алчность, неразборчивость въ средствахъ, затемняли его нравственный обликъ. Но онъ являлся крупнымъ политическимъ дѣятелемъ, отличался большою прозорливостью, рѣдкимъ упорствомъ въ преслѣдованіи своихъ цѣлей, замѣчательнымъ искусствомъ и осторожностью въ достиженіи ихъ. Онъ умѣлъ ставить себя въ самое выгодное положеніе, пользоваться всѣми слабостями противниковъ, обращать ихъ вражду на пользу себѣ; умѣлъ прикрывать силу оплотомъ права, стремленіе къ новизнѣ—видимою приверженностью къ неприкосновенности стараго; таилъ до послѣдней минуты свои истинныя намѣренія и, принимая видъ бездѣйствія, нерѣшительности и даже робости, добивался того, что сами обстоятельства шли какъ бы навстрѣчу его желаніямъ. Особенные таланты выказалъ онъ въ своей объединительной политикѣ.

§ 2. Присоединеніе Новгородской земли.

А. Литовская и московская партіи въ Новгородѣ.

Важнѣйшимъ дѣломъ объединительной политики Іоанна III было присоединеніе Новгородской земли. Земля эта, несмотря на развитіе торговли и богатство своей столицы, все болѣе и болѣе теряла внѣшнюю силу вслѣдствіе внутреннихъ смутъ и раздоровъ партій. Богатство Новгорода дѣлало его завидной приманкой для сосѣдей, а внутреннія неурядицы побуждали ихъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Уже съ XIV вѣка литовскіе и московскіе государи соперничали другъ съ другомъ изъ-за утвержденія своего вліянія въ Новгородѣ и старались найти опору своимъ притязаніямъ въ немъ самомъ, подбирая себѣ приверженцевъ изъ новгородскихъ жителей, создавая тамъ литовскую и московскую партіи. Случаи перевѣса литовской партіи надъ московской были рѣдки: Новгородская земля болѣе тяготѣла къ Москвѣ и признавала (хотя бы на словахъ) верховную власть московскихъ государей, какъ великихъ князей. Однако и съ послѣдними у новгородцевъ происходили частыя столкновенія, объясняющіяся тѣмъ, что всѣ московскіе князья (и Иванъ Калита, и Симеонъ, и Димитрій Донской, и Василій I) стремились извлечь изъ Новгорода какъ можно больше выгодъ, за малѣйшія провинности облагали его тяжкой данью, а въ случаѣ неплатежа ея ходили войною на Новгородскую землю. Во время смутъ, бывшихъ въ Московскомъ княжествѣ послѣ смерти Василія I, новгородцы старались лавировать между Василіемъ II и его соперниками (Васи-

ліемъ Косымъ и Димитріемъ Шемякою), но были строго наказаны за это: разгнѣвавшись на новгородцевъ въ концѣ своего княженія, Василій II двинулся на нихъ въ походъ и при заключеніи мира потребовалъ не только большого «окупа» (т. е. денежнаго вознагражденія) и различныхъ даней, но и уничтоженія «вѣчныхъ» (т. е. вѣчевыхъ) грамотъ [1]). Онъ хотѣлъ подчинить жизнь Новгорода своему строгому надзору и наложить властную руку на его вольность.

Б. Волненія въ Новгородѣ.

Глухая злоба изъ-за московскихъ притязаній закипѣла въ Новгородѣ. Недовольство прорвалось наружу въ началѣ правленія Іоанна III, отъ котораго новгородцы ждали продолженія отцовской политики. Былъ допущенъ цѣлый рядъ вызывающихъ поступковъ: вѣче отказывалось соблюдать договоръ съ Василіемъ II и платить дань; москвичи, проживавшіе въ Новгородѣ, подвергались оскорбленіямъ. Дѣло шло къ полному разрыву съ Москвой.

Недовольными руководила литовская партія, состоявшая, главнымъ образомъ, изъ богатыхъ боярскихъ семей и вдохновляемая фамиліей Борецкихъ, къ которой принадлежала вдова посадника Марѳа и ея сыновья. Цѣною подданства польскому королю и литовскому великому князю Казимиру Ягайловичу эта партія надѣялась спасти прежнюю новгородскую вольность, съ которою не мирилась Москва. Отъ королевскихъ «привилегій» расчитывали выиграть и бояре-землевладѣльцы и горожане. Единственнымъ смущавшимъ обстоятельствомъ былъ католицизмъ Казимира, но приверженцы Литвы надѣялись, что имъ удастся отстоять православіе и подъ ея главенствомъ. Къ тому же, одинъ изъ кандидатовъ въ новгородскіе владыки (Пименъ) выразилъ согласіе, въ случаѣ своего избранія, принять посвященіе не отъ московскаго, а отъ кіевскаго митрополита и такимъ образомъ разорвать даже церковную связь съ Москвой. Но жребій палъ не на него: выбраннымъ оказался Ѳеофилъ, который не рѣшался ѣхать въ Литовское государство на посвященіе, не довѣряя православію его митрополита. Изъ-за религіознаго вопроса произошла великая смута — рознь между московской и литовской партіей. Послѣ ожесточенной борьбы одолѣла литовская: на княженіе въ Новгородъ пріѣхалъ одинъ изъ литовскихъ князей (Михаилъ Олельковичъ, правнукъ Ольгерда), и въ 1471 году вѣче сдѣлало постановленіе о заключеніи договора съ Казимиромъ. Договорная грамота была составлена по образцу прежнихъ новгородскихъ рядовъ съ князьями, но съ еще большими, чѣмъ обычно, обезпеченіями новгородской вольности; интересы Церкви были особенно внимательно оговорены: всѣми мѣрами должна была охраняться неприкосновенность православія.

[1]) Вѣчныя грамоты заключали въ себѣ постановленія вѣча и исходили отъ его имени безъ вѣдома и упоминанія великаго князя. Уничтоженіе ихъ означало установленіе великокняжескаго контроля надъ рѣшеніями вѣча.

Однако Іоаннъ III усмотрѣлъ въ договорѣ новгородцевъ съ католикомъ Казимиромъ именно измѣну православію. Это давало ему вѣскій поводъ оставить прежній выжидательный образъ дѣйствій и готовиться къ рѣшительному выступленію противъ Новгорода. Такое выступленіе оправдывалось теперь въ глазахъ москвичей высокой религіозной идеей—защитой православія. Осторожный и умный Іоаннъ всѣмъ своимъ поведеніемъ хотѣлъ показать, что онъ вынужденъ къ крутой расправѣ съ Новгородомъ не интересами «примысла» новыхъ земель, не уколами собственнаго самолюбія, а самими новгородцами, волею своего народа и высшими побужденіями религіи. Политика Іоанна преслѣдовала именно эти цѣли.

Съ самаго начала новгородскихъ безпорядковъ Іоаннъ издалека чутко слѣдилъ за ними, но проявлялъ необыкновенное спокойствіе, долготерпѣніе и кротость. Въ отвѣтъ на вызывающіе поступки новгородцевъ онъ слалъ имъ спокойныя увѣщательныя грамоты, въ которыхъ убѣждалъ ихъ образумиться, обѣщалъ «жаловать ихъ по старинѣ», но въ то же время неизмѣнно указывалъ, что считаетъ Новгородъ своей «отчиной». Грамоты не имѣли успѣха, московскіе послы подвергались въ Новгородѣ насмѣшкамъ, но Іоаннъ не выказывалъ гнѣва. Онъ лишь осторожно привлекалъ псковичей на свою сторону на случай, если возгорится у него война съ Новгородомъ. Даже послѣ заключенія договора съ Казимиромъ онъ пытался воздѣйствовать на новгородцевъ словами убѣжденія: къ нимъ было послано ласковое увѣщаніе, въ которомъ указывалось, что они отступили «отъ христіанства къ латинству», совершили небывалую измѣну. Въ томъ же укорялъ ихъ и митрополитъ московскій Филиппъ, напоминая гибель Царьграда, принявшаго унію. Грамоты на этотъ разъ произвели сильное смятеніе въ Новгородѣ, но литовская партія опять восторжествовала. Итакъ, Іоаннъ могъ успокоить себя тѣмъ, что для мирнаго улаженія распри онъ сдѣлалъ все. Прекративъ переговоры съ новгородцами, онъ обратился за поддержкой къ своимъ приближеннымъ, созвавъ на совѣтъ сперва своихъ родственниковъ, а затѣмъ высшихъ духовныхъ и должностныхъ лицъ. И тѣ и другіе убѣдили его въ необходимости немедленнаго похода на Новгородъ. И послѣ этого Іоаннъ провелъ не мало времени въ молитвѣ въ московскихъ церквахъ надъ гробами своихъ предковъ и святителей московскихъ, отдавая задуманное дѣло какъ бы подъ ихъ покровительство. Во всемъ его поведеніи чувствовался опредѣленный планъ: имъ руководила не робкая нерѣшительность, а сознательная размѣренность и продуманность каждаго шага.

В. Первый походъ Іоанна.

Когда всѣ предварительныя мѣры были приняты; когда всѣ уговоры новгородцевъ окончились ничѣмъ; когда приближенные Іоанна высказались за немедленное выступленіе, а московское населеніе прониклось религіозной ненавистью къ отступникамъ - новгородцамъ; когда удалось зару-

читься поддержкой тверского князя, татарскихъ отрядовъ, Пскова и нѣкоторыхъ новгородскихъ пригородовъ и колоній (напр. Вологды и Вятки), лишь тогда, въ началѣ іюня 1471 года, двинулись московскія рати въ походъ. Московская лѣтопись сравниваетъ этотъ походъ съ борьбою Димитрія Донского противъ татаръ и смотритъ на новгородцевъ какъ на худшихъ враговъ, чѣмъ татары: послѣдніе никогда не знали православія, а новгородцы пятьсотъ лѣтъ исповѣдывали его и теперь стали отступниками. Понятно, что при такомъ отношеніи къ непріятелямъ война должна была получить крайне жестокій характеръ. Къ тому же москвичамъ данъ былъ особый приказъ — не щадить своихъ упорныхъ враговъ. Успѣхъ сразу склонился на сторону Москвы. Это и неудивительно, такъ какъ, занятый внутренними распрями, Новгородъ не приготовился къ борьбѣ, не сумѣлъ сдѣлать ее общеновгородскою.

Обѣщанная помощь отъ Казимира не пришла; литовскій выходецъ (Михаилъ Олельковичъ), княжившій въ Новгородѣ, уѣхалъ оттуда задолго до начала военныхъ дѣйствій, надѣясь добыть себѣ отъ руки Казимира Кіевъ; приходилось на-спѣхъ приглашать новыхъ военачальниковъ, торопливо и съ большими затрудненіями набирались войска; въ населеніи Новгорода, не отличавшемся вообще военными способностями, замѣчался разладъ: иныхъ силою приходилось гнать на войну; въ пригородахъ, подвергшихся страшному опустошенію московской рати, не щадившей никого, уродовавшей плѣнныхъ и оставлявшей на своемъ пути развалины, было еще большее замѣшательство, просыпался страхъ передъ непобѣдимостью Москвы, росло озлобленіе на новгородцевъ. Того общаго одушевленія, которое руководило москвичами, не было здѣсь, такъ какъ самъ новгородскій владыка колебался въ своемъ отношеніи къ затѣянному дѣлу: воеводамъ, командовавшимъ его полкомъ, онъ даже отдалъ приказъ уклоняться отъ битвъ съ великокняжескими войсками, а дѣйствовать только противъ псковичей. Отказомъ въ помощи со стороны владычняго полка новгородцы объясняли даже свое первое крупное пораженіе (при Коростынѣ).

При первыхъ военныхъ неудачахъ въ Новгородѣ возобновились со страшною силою раздоры и подняла голову московская партія; когда же огромное новгородское войско было на-голову разбито на рѣкѣ Шелони (московскимъ воеводою княземъ Даніиломъ Холмскимъ 14 іюля 1471 года), а помощи отъ Казимира все не было, новгородцы вынуждены были смириться. Владыка Ѳеофилъ и уполномоченные отправились съ богатыми дарами молить Іоанна III простить мятежный Новгородъ. Продолжая свою осторожную политику, Іоаннъ сдался на мольбы, согласился «отдать свое нелюбье и унять мечъ и грозу» (т. е. забыть обиду и прекратить войну) и заключилъ съ Новгородомъ мирный договоръ. По его условіямъ, 1) новгородцы отказывались отъ союза съ Казимиромъ и отъ права принимать ли-

товскихъ выходцевъ на княженіе, 2) возстанавливалась «старина», т. е. условія договора съ Василіемъ II, 3) подтверждалось, что новгородскій владыка можетъ посвящаться только въ Москвѣ, 4) новгородцы дѣлали великому князю кое-какія земельныя уступки и 5) уплачивали ему «за свою вину» $15^1/_2$ тысячъ рублей денежнаго вознагражденія. Такимъ образомъ, за стремленіе отстоять вольность Новгородъ поплатился на этотъ разъ страшнымъ опустошеніемъ своей земли, избіеніемъ и разореніемъ множества жителей и денежнымъ «окупомъ». «Старина» была сохранена, но, конечно, она не могла удовлетворить ни ту, ни другую сторону: новгородцамъ она давала лишь призрачную самостоятельность; съ московской же точки зрѣнія такая самостоятельность казалась чрезмѣрной. Поэтому миръ 1471 года являлся лишь перемиріемъ; новгородская вольность вступала въ періодъ агоніи и скоро должна была умереть. Но Іоаннъ хотѣлъ, чтобы эта смерть была вызвана самими новгородцами. Ему не долго пришлось ждать.

Г. Возобновленіе смутъ въ Новгородѣ и паденіе новгородской вольности.

Оправившись отъ ударовъ 1471 года, литовская партія снова воспрянула духомъ, забрала въ свои руки всѣ важнѣйшія правительственныя и судебныя должности и начала жестоко притѣснять приверженцевъ Москвы. Послѣдніе просили заступничества Іоанна. Онъ (въ 1475 году) отправился въ Новгородъ защищать обиженныхъ и творить свой собственный судъ. Особенное вниманіе оказывалъ онъ простонародью и тѣмъ создалъ въ немъ твердую опору себѣ; къ боярамъ же, напротивъ, относился со строгостью и нѣсколькихъ представителей боярскихъ фамилій, главнымъ образомъ, изъ литовской партіи, уличенныхъ въ разныхъ проступкахъ, выслалъ изъ Новгорода. И по возвращеніи Іоанна въ Москву многіе новгородцы пріѣзжали туда для принесенія различныхъ жалобъ и для исканія суда. Этимъ они нарушали «старину», такъ какъ, по установившемуся искони обычаю, вольные жители Новгорода могли судиться только въ немъ самомъ; но нарушеніе шло съ ихъ стороны, а не со стороны Іоанна. Дальновидный Іоаннъ не могъ отказываться отъ той красивой роли, которую навязывали ему сами новгородцы. Подобно тому, какъ въ 1471 году онъ выступилъ въ качествѣ защитника православія, теперь онъ получалъ значеніе защитника обиженныхъ, нелицепріятнаго судьи. Его партія росла и усиливалась, и, вмѣшиваемый ею, какъ бы противъ своей воли, въ дѣла Новгорода, онъ ждалъ лишь предлога, чтобы окончательно утвердить въ немъ свою власть. Такой предлогъ нашелся въ 1477 году, когда въ Москву пріѣхали два должностныхъ лица новгородскихъ и, при своемъ обращеніи къ Іоанну, назвали его не господиномъ, какъ именовали его раньше новгородскіе послы, а «государемъ». Считая посланныхъ за уполномоченныхъ вѣча и усматривая въ ихъ обращеніи желаніе всего Нов-

города подчиниться его полной государевой волѣ, Іоаннъ запросилъ черезъ своихъ пословъ, какого государства (т. е. какого образа правленія) хотятъ новгородцы. Встревоженное вѣче отвѣчало, что пріѣзжавшія должностныя лица вовсе не были вѣчевыми послами, что никто не поручалъ имъ именовать Іоанна новымъ, небывалымъ у Новгорода титуломъ, и что вѣче желаетъ только сохраненія «старины». Въ самомъ Новгородѣ возобновились безпорядки, началось преслѣдованіе лицъ, ѣздившихъ на судъ въ Москву, а приверженцы Іоанна доносили ему, что у бояръ завелись опять сношенія съ Литвой.

Тогда Іоаннъ въ 1478 году двинулся во второй походъ на Новгородъ, осадилъ его и на этотъ разъ выказалъ неумолимость.

Титулованіе Іоанна «государемъ» со стороны Назара и Захара (такъ звали пріѣхавшихъ къ нему новгородскихъ чиновниковъ) весьма трудно объяснить. Неизвѣстно, сдѣлали ли они это по собственному почину, желая просто выслужиться передъ нимъ, или имѣли соотвѣтствующее порученіе отъ московской партіи. Однако, если даже послѣдняя считала себя настолько сильной, что рѣшалась на устройство полнаго переворота, все же слѣдуетъ признать, что сторонники новгородской вольности были также весьма многочисленны. Они выказали не мало героическаго упорства въ отстаиваніи самостоятельности Новгорода при переговорахъ съ Іоанновыми послами, какъ до похода, такъ въ особенности во время осады Новгорода. Положеніе было отчаянное: осажденные не имѣли ратныхъ людей для защиты, московскіе полки обступили Новгородъ кругомъ, захвативъ даже всѣ окрестные монастыри, въ городѣ со скученнымъ населеніемъ начался голодъ и страшный моръ. При такихъ ужасныхъ условіяхъ шли долгіе, томительные переговоры, любопытные тѣмъ, что здѣсь шелъ послѣдній споръ между вѣчевымъ укладомъ вольнаго Новгорода и московскимъ единодержавіемъ. Уполномоченные плохо понимали другъ друга: новгородскіе послы, по старой памяти, относились къ Іоанну, какъ къ договаривавшейся сторонѣ; они забывали, что передъ ними побѣдитель, государь, пользующійся неограниченною властью въ своихъ владѣніяхъ и требующій отъ нихъ не заключенія договора, къ чему привыкли они, а безусловнаго подданства, полной отдачи на его волю.

Послѣ долгихъ переговоровъ, измученный осадой Новгородъ долженъ былъ согласиться на устройство въ немъ такого же «государства» (т. е. образа правленія), какъ въ Москвѣ; именно: онъ лишался вѣчевого строя, права выбора посадника, подчинялся во всемъ великому князю и его намѣстникамъ; иными словами, Новгородская земля вполнѣ присоединялась къ Москвѣ, вполнѣ лишалась политической самостоятельности [1]). Кромѣ того, Новгородъ обязывался уступить въ

[1]) Послѣдній князь, призванный новгородцами на службу, Василій Шуйскій-Гребенка еще до окончанія переговоровъ добровольно отдался Іоанну III. Нѣкоторыя изъ новгородскихъ земель и колоній (напр. Вятка), не желавшія добровольно подчиниться, были покорены московскими войсками.

собственность Іоанну значительную часть монастырскихъ вотчинъ и уплатить ему поземельную дань. Когда условія были заключены, Іоаннъ отказался цѣловать крестъ въ соблюденіи ихъ: какъ побѣдитель и самодержавный государь, онъ не считалъ себя обязаннымъ приносить присягу своимъ подданнымъ. Напротивъ, всѣхъ новгородцевъ онъ привелъ къ присягѣ на подданство себѣ, а отъ знатныхъ лицъ потребовалъ еще особой служебной присяги.

Единственная уступка, которую онъ соглашался сдѣлать новгородцамъ, заключалась въ обѣщаніи сохранить имъ судъ по старинѣ, не присылать своихъ сборщиковъ дани и не «выводить» новгородцевъ (т. е. не высылать ихъ изъ Новгородской земли и не назначать на службу въ другія мѣстности). Однако послѣдняго обѣщанія онъ не исполнилъ. Въ этомъ же 1478 году Марѳа Борецкая и нѣсколько бояръ были въ оковахъ отправлены въ Москву; вмѣстѣ съ ними повезли и вѣчевой колоколъ — какъ трофей побѣды надъ вольнымъ Новгородомъ. Въ слѣдующіе годы новгородцевъ постигли новыя кары.

Спокойствіе не наступало: исконная вольность слишкомъ впиталась въ кровь новгородцевъ и не могла легко забыться. Надежды на возстановленіе независимости не умирали: надѣялись на Казимира, на татарскаго хана, который своими набѣгами отвлекалъ вниманіе Москвы отъ Новгорода. Въ слѣдующій же годъ послѣ паденія самостоятельности сдѣлана была попытка стряхнуть московскую власть, но она была подавлена Іоанномъ съ большою жестокостью. Однако Іоаннъ долженъ былъ понять, что ни походами, ни казнями, ни приведеніемъ къ присягѣ ему не уничтожить сопротивленія; онъ изобрѣлъ новый способъ борьбы съ нимъ—именно, массовый «выводъ» населенія изъ Новгорода: цѣлыми тысячами сталъ онъ выселять новгородскихъ бояръ и зажиточныхъ людей въ другіе города, а вмѣсто нихъ заполнялъ Новгородъ обитателями Сѣверо-Восточной Руси, не знавшими вѣчевыхъ преданій. Но новымъ жителямъ были чужды и торговые интересы: новгородская торговля пала, а скоро прекратилъ свое существованіе и нѣмецкій дворъ (въ 1494 году). Іоаннъ, разгнѣвавшись на нѣмецкихъ купцовъ, выслалъ и ихъ въ Москву, а всѣ товары и имущество двора отобралъ въ свою пользу.

Новгородская земля окончательно вошла въ составъ Московскаго государства и подчинилась его порядкамъ.

§ 3. Отношенія Іоанна къ Пскову и къ удѣламъ.

Послѣ паденія Новгорода вольнымъ городомъ при Іоаннѣ оставался только Псковъ. Вольность его была, впрочемъ, лишь мнимою, и онъ влачилъ жалкое существованіе подъ тяжелою опекою Москвы. Псковъ во всемъ слушался великаго князя, всегда оказывалъ ему помощь (напр. при походахъ на Новгородъ), щедро одаривалъ деньгами

какъ его, такъ и его приближенныхъ и принималъ князей всегда по его указанію.

Князья, по большей части, были плохіе: они пренебрегали псковской «стариной», вымогали у псковичей все, что только было можно, и жестоко издѣвались надъ ними (особенными издѣвательствами прославился одинъ изъ послѣднихъ князей—Ярославъ Оболенскій). Для разбора пререканій псковичей съ князьями наѣзжали иногда во Псковъ уполномоченные Іоанна, но ихъ пріѣздъ пользы не приносилъ: они только получали съ населенія дары, а въ благодарность—оскорбляли и обирали псковскихъ пословъ, провожавшихъ ихъ «съ честію». Да и самъ Іоаннъ оправлялъ (оправдывалъ) обыкновенно князя, а не псковичей. При такихъ тяжелыхъ условіяхъ Псковъ выказывалъ необыкновенное долготерпѣніе (лишь два-три раза вспыхивали въ немъ волненія) и дотянулъ свою призрачную самостоятельность до правленія Іоаннова сына — Василія III.

Подобно Пскову, и уцѣлѣвшіе удѣльные князья должны были приспособляться къ желаніямъ Іоанна. Онъ опутывалъ ихъ договорами, ставившими ихъ въ служебное положеніе, каралъ ихъ за непослушаніе, побуждалъ къ земельнымъ уступкамъ, къ духовнымъ завѣщаніямъ въ свою пользу. Такъ, ему уступлены были: княжества Ярославское и Ростовское, завѣщаны: Верейское и часть Рязанскаго. Большую помощь Іоанну въ его объединительной дѣятельности оказывали бояре удѣльныхъ князей, передававшіеся на его сторону ради выгодъ службы при московскомъ дворѣ.

Обезсиленные удѣльные князья или отъѣзжали въ Литву или, вслѣдъ за своими боярами, переходили на службу къ Іоанну, становились «служилыми князьями». При этомъ они отказывались отъ своихъ владѣльческихъ правъ, но великій князь жаловалъ ихъ обыкновенно вотчинами въ ихъ же прежнихъ удѣлахъ съ правомъ суда, управленія и сбора дани. Дѣлаясь привилегированными вотчинниками, служилые князья не были однако полными собственниками своихъ земель: за ними не признавалось, какъ за простыми вотчинниками, права отъѣзда съ вотчинами, они не могли завѣщать послѣднихъ по своему усмотрѣнію и владѣли ими только до тѣхъ поръ, пока сами или ихъ потомки служили великому князю. Такимъ образомъ, прежніе удѣлы превращались въ вотчины, жалуемыя, по волѣ Іоанна, въ наслѣдственное, но обусловленное службой владѣніе князей, сохранявшихъ подъ сильною рукою московскаго государя обломки своихъ былыхъ земель и былой верховной власти. Изъ удѣльныхъ князей только шуринъ Іоанна—тверской князь Михаилъ Борисовичъ, да родные братья Іоанна—Андрей и Борисъ—пытались оказать ему сопротивленіе, расчитывая на помощь Казимира Ягайловича. Но надежда на него оказалась тщетною, и попытка смѣльчаковъ окончилась печально: тверское княжество (въ 1485 году) было присоединено къ Москвѣ; Михаилъ Борисовичъ бѣжалъ въ Литву, Борисъ

смирился, а Андрей, въ концѣ концовъ, былъ схваченъ Іоанномъ и умеръ въ заточеніи. Впрочемъ, Іоаннъ, слѣдуя обычной политикѣ, не сразу рѣшался на крутыя мѣры противъ недруговъ: онъ предпочиталъ дѣйствовать убѣжденіемъ и хитростью.

Не всегда, впрочемъ, Іоанну приходилось силой побуждать удѣльныхъ князей къ покорности: нѣкоторые добровольно признавали его верховенство, какъ, напр., западно-русскіе князья. Владѣя отъ руки великаго князя литовскаго мелкими удѣлами, уцѣлѣвшими, несмотря на объединительную политику Витовта, на окраинахъ (въ Смоленской, Черниговской и Сѣверской земляхъ), эти князья (напр., Вяземскіе, Одоевскіе, Воротынскіе, Бѣлевскіе) отдавались вмѣстѣ со своими волостями подъ покровительство Москвы; ихъ побуждали къ этому тѣ притѣсненія, которымъ подвергалась русская народность и православіе въ Польско-Литовскомъ государствѣ. Принимая къ себѣ служилыхъ князей-одновѣрцевъ, щедро жалуя ихъ городами и вотчинами, Іоаннъ выступалъ опять-таки въ красивой роли ревнителя православія и интересовъ угнетеннаго русскаго населенія. Кромѣ того, переходы князей открывали передъ нимъ широкіе горизонты: не довольствуясь объединеніемъ Сѣверной Руси, населенной великороссами, онъ сталъ изъявлять притязанія на обладаніе всей Западной и называлъ ее своею вотчиной, опираясь на свой титулъ великаго князя всея Руси [1]).

Переходы западныхъ князей, частые пограничные споры и притязанія Москвы на западно-русскія области послужили причиной долгой и напряженной борьбы Іоанна III и его преемниковъ съ Польско-Литовскимъ государствомъ. Въ концѣ XV и въ первой половинѣ XVI вѣка эта борьба велась успѣшно. Успѣхи Москвы объясняются, главнымъ образомъ, тѣмъ внутреннимъ нестроеніемъ, которое царило въ Литвѣ и подвластной ей Западной Руси послѣ смерти Витовта и Ягайла.

§ 4. Состояніе Польско-Литовско-Русскаго государства послѣ Витовта.

Послѣ смерти Витовта продолжалось соперничество польской, русской и литовской партій. Цѣлью первой было соединеніе Польши и Литовско-Русскаго государства въ одно недѣлимое цѣлое (чтобы образовался «одинъ народъ, одна нація, одно братство съ общей радой, т. е. правительственнымъ совѣтомъ вельможъ, и единымъ господиномъ-королемъ»). Къ этому поляковъ побуждали интересы внѣшней обороны (въ особенности тогда, когда стала грозить опасность со стороны турокъ, наводнявшихъ сосѣднюю Венгрію), а также желаніе открыть себѣ доступъ къ занятію должностей въ Литвѣ и къ рас-

[1]) Первымъ изъ московскихъ князей, принявшихъ этотъ титулъ, былъ Иванъ Калита. Со времени Іоанна III онъ дѣлается постояннымъ.

пространенію тамъ своего землевладѣнія. Для осуществленія своихъ притязаній, польская партія настойчиво добивалась: 1) подтвержденія и расширенія смысла уніи, 2) включенія въ составъ Польши земель, принадлежавшихъ Литвѣ (напр., Подольской области, которая и перешла къ полякамъ въ 1438 г.).

Унія подтверждалась или грамотами великихъ князей литовскихъ—преемниковъ Витовта—или постановленіями польско-литовскихъ сеймовъ (т. е. съѣздовъ вельможъ и высшихъ духовныхъ лицъ).

Такъ, напр., въ 1501 году условія уніи были изложены въ смыслѣ полнаго сліянія этихъ государствъ: королемъ и великимъ княземъ должно быть одно лицо, выбираемое сообща вельможами Польши и Литвы; монета дѣлается общей; должностныя лица великаго княжества присягаютъ королю и уніи. Иногда поляки высказывали еще болѣе рѣшительныя пожеланія, настаивая, напр., на уничтоженіи самаго титула великаго князя литовскаго и на переименованіи Литвы въ «Новую Польшу».

Однако многократныя скрѣпленія уніи оказывались мертвой буквой. Правда, не разъ одно и то же лицо совмѣщало санъ польскаго короля и великаго князя литовскаго (такъ, напр., Казимиръ Ягайловичъ, выбранный въ 1440 г. на литовскій престолъ, въ 1445 г., послѣ кончины преемника Ягайла—Владислава Ягайловича, сдѣлался польскимъ королемъ и правилъ обоими государствами до 1492 года; послѣ смерти его старшаго сына, польскаго короля Яна-Альбрехта, братъ послѣдняго—Александръ, правившій въ Литвѣ, снова соединилъ въ своихъ рукахъ оба государства и завѣщалъ ихъ въ 1506 году брату Сигизмунду, сынъ котораго, Сигизмундъ II Августъ, также владѣлъ Литвой и Польшей); но въ такомъ случаѣ дѣйствительное управленіе Литовско-Русскимъ государствомъ принадлежало литовской радѣ (совѣту сановниковъ и вельможъ), которая къ концу XV вѣка успѣла значительно ограничить великокняжескую власть. Настоящаго сліянія Польши и Литвы не происходило, такъ какъ польская политика встрѣчала противодѣйствіе со стороны русской и литовской партій. Однако планы двухъ послѣднихъ партій были различны.

Русскіе стремились къ полному обособленію отъ Польши и къ утвержденію своего культурнаго и правительственнаго вліянія въ Литвѣ. Послѣ смерти Витовта, они въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ поддерживали вооруженной силой его ближайшаго преемника Свидригайла Ольгердовича, защитника православія и приверженца интересовъ западно-русскихъ удѣльныхъ князей, и покинули его только тогда, когда онъ окончательно былъ разбитъ своимъ соперникомъ — ставленникомъ литовцевъ и поляковъ (Сигизмундомъ Кейстутовичемъ) [1]).

[1]) И въ послѣдующее время у русской партіи были свои кандидаты на великокняжескій престолъ, именно—совершенно обрусѣвшіе и пользовавшіеся большой

Неудача этого открытаго выступленія побудила русскую партію искать защиты и опоры въ Москвѣ. Начались, какъ сказано, отъѣзды западно-русскихъ князей и вельможъ на службу къ великому князю московскому. Въ самомъ Литовско-Русскомъ государствѣ образовывалась многочисленная партія, побуждавшая московскихъ государей къ вмѣшательству въ дѣла Литвы и облегчавшая ихъ военныя предпріятія.

Національныя стремленія русскихъ и ихъ приверженность къ Москвѣ оказывали сильное вліяніе на образъ дѣйствія литовской партіи. Она занимала какъ бы среднее положеніе между польской и русской. Союзъ съ Польшей былъ для нея соблазнителенъ изъ-за соображеній какъ внѣшней, такъ и внутренней политики: онъ облегчалъ борьбу съ Москвою, татарами и другими врагами и предоставлялъ литовской католической знати преимущества передъ православными русскими. Однако полнаго сліянія съ Польшей литовская партія не желала изъ-за національнаго самолюбія и изъ-за опасенія наплыва поляковъ въ Литву и соперничества съ ними. Даже для правившей династіи такое сліяніе было невыгодно: и въ Литвѣ и въ Польшѣ установился порядокъ избранія государей сеймами, но въ то время, какъ литовцы провозглашали великимъ княземъ непремѣнно кого-нибудь изъ Гедиминовичей, поляки при выборѣ короля не были связаны непремѣнно этой фамиліей; однако, желаніе сохранить унію побуждало ихъ выбирать на польскій престолъ лицо, бывшее великимъ княземъ литовскимъ, или, по крайней мѣрѣ, его близкаго родственника. Слѣдовательно, сохраненіе польской короны за потомками Ягайла въ значительной степени зависѣло отъ того, что Литовско-Русское государство имѣло отдѣльное устройство съ правомъ выбора великаго князя. Поэтому короли лишь нехотя уступали польскимъ панамъ, требовавшимъ скрѣпленія уніи, на дѣлѣ же часто сочувствовали литовской партіи. Идеаломъ послѣдней былъ, какъ видно, тѣсный, но свободный (а не подневольный) союзъ Литвы и Польши въ качествѣ равноправныхъ державъ, подвластныхъ или двумъ разнымъ государямъ или хотя бы одному, но во всякомъ случаѣ имѣющихъ отдѣльное управленіе и особыя права, а не слитыхъ вмѣстѣ, какъ того хотѣли поляки.

Въ теченіе XV и большей части XVI вѣковъ литовская партія торжествовала надъ другими. Литовскіе сеймы выбирали великихъ князей часто даже безъ всякихъ переговоровъ съ поляками, что противорѣчило уніи, по смыслу которой выборы должны были производиться совмѣстно. Иногда Литва имѣла отдѣльныхъ отъ

популярностью, какъ ревнители православія, потомки Владиміра Ольгердовича. Нѣкоторые изъ нихъ сидѣли на княженіи въ Кіевѣ и много сдѣлали для возстановленія его былого величія. Въ 1481 г. составленъ былъ въ пользу ихъ заговоръ противъ Казимира, окончившійся, впрочемъ, полной неудачей и казнью князей-заговорщиковъ.

Польши государей (Свидригайла, Сигизмунда Кейстутовича, а также Александра и Сигизмунда Казимировичей и Сигизмунда II Августа до ихъ воцаренія въ Польшѣ). Если же великій князь литовскій избирался затѣмъ на польскій престолъ, то литовское правительство, въ лицѣ рады, тщательно отстаивало свою самостоятельность. На польско-литовскихъ сеймахъ, обсуждавшихъ вопросы уніи, литовскіе уполномоченные всячески противились объединительнымъ притязаніямъ поляковъ, не признавали невыгодныхъ для себя условій, не соглашались на уступку спорныхъ земель, а въ XVI вѣкѣ иногда и вовсе не являлись на сеймы. Даже во внѣшней политикѣ Литва и Польша не всегда дѣйствовали совмѣстно. Такъ, напр., первая уклонилась отъ участія въ тяжелой польско-прусской войнѣ 1454—1466 годовъ, закончившейся признаніемъ Тевтонскимъ орденомъ вассальной зависимости отъ Польши, а Польша, въ свою очередь, почти не помогала Литвѣ въ ея трудной борьбѣ съ Московскимъ государствомъ, начавшейся съ конца XV вѣка.

Итакъ, уніи не только въ смыслѣ сліянія, но хотя бы въ смыслѣ дѣйствительнаго соединенія двухъ государствъ, не существовало; между ними былъ лишь союзъ, да и то не всегда искренній. Это соотвѣтствовало желаніямъ литовской партіи. Однако и двѣ другія партіи наложили также замѣтный отпечатокъ на Литовско-Русское государство: существованіе въ немъ какъ бы двухъ центробѣжныхъ силъ (польская партія тянула къ Польшѣ, русская—къ Москвѣ) способствовало упадку его внѣшняго могущества. Послѣ кончины Витовта, при которомъ Литовская держава достигла наибольшихъ размѣровъ и наивысшаго могущества, не только прекратилась объединительная дѣятельность Литовскаго правительства, но даже обнаружился обратный процессъ—отливъ русской народности въ Московское государство, изъявлявшее со времени Іоанна III притязанія на всю Западную Русь.

§ 5. Отношеніе Іоанна къ Польско-Литовскому государству.

Уже съ Казимиромъ Ягайловичемъ у Іоанна были недружелюбныя отношенія вслѣдствіе отъѣзда въ Москву многихъ западно-русскихъ князей. Однако до войны дѣло не доходило: Казимиръ былъ слишкомъ занятъ своими династическими интересами (добываніемъ для своихъ сыновей престоловъ венгерскаго и чешскаго), а Іоаннъ руководствовался обычною осторожностью. Поэтому противники довольствовались только взаимными колкостями въ дипломатической перепискѣ да насылали другъ на друга своихъ союзниковъ: Казимиръ подстрекалъ хана Золотой орды—Ахмата—къ нападеніямъ на Московское княжество, а Іоаннъ всѣми средствами разжигалъ вражду своего пріятеля—крымскаго хана Менгли-Гирея—къ Литвѣ. Послѣ смерти Казимира (въ 1492 году) московскіе воеводы начали открытую

войну съ Литвой. Такъ какъ преемникъ Казимира Александръ искалъ примиренія и хотѣлъ скрѣпить его своимъ бракомъ съ Іоанновой дочерью Еленою, то вскорѣ между противниками заключенъ былъ миръ и союзный договоръ. Елена вышла за Александра, при чемъ послѣдній особой грамотою обязался не побуждать своей супруги къ измѣнѣ православію. Но союзъ оказался непрочнымъ. Іоаннъ претендовалъ на зятя за то, что онъ плохо соблюдаетъ данное обязательство и не хочетъ титуловать его великимъ княземъ «всея Руси»; Александръ же жаловался, что тесть не миритъ его, вопреки обѣщанію, съ крымскимъ ханомъ и другими недругами. Кромѣ того, непрекращавшійся отъѣздъ черниговскихъ и сѣверскихъ князей подавалъ поводъ къ постояннымъ недоразумѣніямъ. Мало-по-малу отношенія до того обострились, что въ 1500 году Іоаннъ объявилъ зятю войну. Она началась побѣдою московскаго войска и плѣненіемъ литовскаго военоначальника—Константина Острожскаго. Затѣмъ военныя дѣйствія пошли вяло, враждующія стороны приступили къ переговорамъ и къ поискамъ союзниковъ [1]). Дѣйствительную помощь противъ Іоанна Александръ нашелъ только въ магистрѣ Ливонскаго ордена, уже давно покушавшагося на захватъ Псковской земли и встрѣчавшаго тамъ всегда отпоръ со стороны Москвы. Однако заключеніе союза между нимъ и Александромъ (въ 1501 году) не остановило успѣховъ Іоанна, такъ какъ ливонскіе рыцари не разъ терпѣли уронъ отъ московскаго войска, а литовскія владѣнія опустошались Менгли-Гиреемъ. Въ 1503 г. заключено было, наконецъ, перемиріе между Москвой, Литвою и Ливонскимъ орденомъ. Іоаннъ удержалъ за собою земли всѣхъ переѣхавшихъ къ нему черниговскихъ и сѣверскихъ князей и завоеванные города. Такимъ образомъ, и въ западно-русской объединительной политикѣ онъ имѣлъ успѣхъ.

§ 6. Отношеніе Іоанна III къ татарамъ.

Объединитель Сѣверной Руси и претендентъ на Русь Западную—Іоаннъ III не могъ сносить подчиненія татарамъ, и при немъ исчезли, какъ увидимъ, послѣдніе признаки зависимости отъ татаръ: платежъ дани и изъявленіе покорности золото-ордынскому хану.

Поддерживая дружбу и союзъ съ крымскимъ ханомъ, ведя съ нимъ самую почтительную дипломатическую переписку и щедро одаривая его за помощь, Іоаннъ враждовалъ съ Казанской и Золо-

---

[1]) Въ переговорахъ съ Іоанномъ принимала участіе также Елена, всѣми силами старавшаяся помирить отца съ мужемъ и горько жаловавшаяся на то, что въ Литвѣ смотрятъ на нее, какъ на виновницу кровопролитія. Іоаннъ успокаивалъ дочь, но вмѣстѣ съ тѣмъ скорбѣлъ о неисполненіи своей завѣтной мечты, что Елена своимъ супружествомъ съ Александромъ окажетъ содѣйствіе укрѣпленію греческаго закона (т. е. православія) во всей Западной Руси. Изъ этого видно, что браку своей дочери Іоаннъ придавалъ не только политическое, но и религіозное значеніе.

той ордами. Столкновенія съ казанскими ханами начались въ самомъ началѣ правленія Іоанна и нѣкоторое время шли съ перемѣннымъ успѣхомъ. Когда же въ Казани произошли усобицы, Іоаннъ утвердилъ въ ней свое вліяніе, ставилъ хановъ по своему усмотрѣнію и требовалъ присяги отъ казанскихъ вельможъ. Но въ годъ его смерти Казань сбросила съ себя зависимость отъ Москвы. Зато въ Новгородской колоніи—Пермской землѣ—власть московскаго государя укрѣпилась прочно, и передъ русскими открылся просторъ для колонизаціи за Уралъ: тамъ была покорена земля Югорская, доходившая до р. Оби.

Дѣйствуя рѣшительно противъ казанцевъ и финскихъ народцевъ Пермской земли, Іоаннъ придерживался осторожной политики по отношенію къ хану Золотой орды— Ахмату, непримиримому врагу Менгли-Гирея и союзнику польско-литовскаго короля, и старался избѣжать открытаго разрыва съ нимъ. Такой разрывъ произошелъ только въ 1480 году, когда Ахматъ, подстрекаемый Казимиромъ и пользуясь затруднительнымъ положеніемъ Іоанна (противъ котораго возстали въ то время и новгородцы и родные братья), двинулся въ походъ на Московское государство и сосредоточилъ свои силы на р. Угрѣ. Вѣсть о выступленіи Ахмата страшно встревожила Іоанна: онъ принялъ всѣ мѣры для охраны Москвы, перевелъ даже часть ея жителей въ другое мѣсто, самъ отправился съ войскомъ къ Угрѣ, но скоро вернулся обратно въ Москву, звалъ къ себѣ изъ военнаго стана сына и не рѣшался начинать войны. Осторожность Іоанна, его страхъ передъ сраженіемъ съ ханомъ вызвали рѣзкое осужденіе со стороны духовенства, многихъ приближенныхъ и москвичей, въ средѣ которыхъ замѣчался тогда большой подъемъ національнаго чувства и ненависти къ исконнымъ врагамъ.

Краснорѣчивымъ выразителемъ этихъ чувствъ явился архіепископъ ростовскій Вассіанъ; онъ всѣми мѣрами старался внушить государю отвагу и въ своемъ страстномъ посланіи укорялъ совѣтниковъ Іоанна, настаивавшихъ на осторожномъ образѣ дѣйствій; онъ говорилъ, что они хотятъ честь государя обратить въ безчестіе, славу — въ безславіе, хотятъ сдѣлать его бѣглецомъ и предателемъ христіанскимъ. Вассіанъ ярко изображаетъ Іоанну подвиги его предковъ, жестоко упрекаетъ его за робость и обращается къ нему съ горячимъ призывомъ—смѣло идти на Ахмата, какъ на разбойника, хищника, богоборца, богостыднаго, осквернennаго, самозваннаго царя.

Побуждаемый увѣщаніями духовенства, Іоаннъ возвратился къ войску, стоявшему на Угрѣ противъ полчищъ хана, но все же не отваживался дать битву, пытался начать переговоры съ Ахматомъ, предлагалъ ему дары за отступленіе. Когда же, вслѣдствіе замерзанія рѣки, можно было ждать перехода татаръ, онъ приказалъ своему войску отступить. Однако вскорѣ послѣ этого ушелъ и Ахматъ: та-

тары страдали отъ холода и не рѣшались идти на Москву безъ помощи Казимира, которой они тщетно ждали. Черезъ годъ Ахматъ былъ убитъ однимъ изъ татарскихъ хановъ (Ивакомъ, ханомъ Тюменской орды), а сыновья его въ 1502 г. пали въ борьбѣ съ Менгли-Гиреемъ.

Золотая орда послѣ этого пришла въ окончательный упадокъ. «Сверженіе татарскаго ига», относимое обыкновенно къ 1480 году (т. е. къ встрѣчѣ татаръ и русскихъ на Угрѣ), произошло, такимъ образомъ, безъ пролитія русской крови. Свое освобожденіе отъ послѣднихъ признаковъ татарской зависимости Іоаннъ ознаменовалъ тѣмъ, что въ дипломатическихъ сношеніяхъ съ нѣкоторыми государями сталъ усвоять себѣ новый титулъ самодержца—«царя» (хотя оффиціально и не принималъ царскаго титула и пользовался имъ далеко не всегда) [1]).

§ 7. Сношенія Іоанна III съ Западной Европой.

А. Дипломатическіе переговоры.

Дипломатическія сношенія Іоанна были довольно обширны: дружба его съ Менгли-Гиреемъ, считавшимся вассаломъ турецкаго султана, а также интересы русскихъ купцовъ, торговавшихъ въ турецкихъ владѣніяхъ, побудили его отправить посольство въ Турцію; съ датскимъ королемъ онъ находился одно время въ союзѣ; случайный пріѣздъ въ Москву рыцаря-путешественника (Поппеля) послужилъ началомъ оживленныхъ сношеній съ императоромъ Фридрихомъ III и его сыномъ, знаменитымъ впослѣдствіи Максимиліаномъ I. Между прочимъ, обсуждался вопросъ о женитьбѣ Максимиліана или кого-нибудь изъ нѣмецкихъ князей на одной изъ дочерей Іоанна. Переговоры не привели, однако, къ соглашенію. Равнымъ образомъ не осуществилось намѣреніе императора пожаловать Іоанну королевскій санъ. Іоаннъ гордо отвергъ это предложеніе, заявивъ, что Божіею милостью считаетъ себя наслѣдственнымъ государемъ своей земли, имѣющимъ поставленіе отъ Бога, а потому не нуждается ни въ какомъ новомъ санѣ, даваемомъ земною властью. Въ этихъ словахъ онъ высказалъ идею божественнаго происхожденія своей власти.

Б. Значеніе брака Іоанна III съ Софіею Палеологъ.

Укрѣпленію этой идеи, а также принятію титула самодержца и царя (передѣлка изъ латинскаго цесарь) способствовалъ до извѣстной степени второй бракъ Іоанна (въ первомъ бракѣ онъ состоялъ съ тверскою княжною Маріею Борисовною) съ византій-

---

[1]) Обычный титулъ его читался такъ: «Іоаннъ, Божіею милостью государь всея Руси и великій князь владимірскій и московскій и новгородскій и псковскій и тверской и югорскій и пермскій и болгарскій и иныхъ».

скою царевною, племянницею послѣдняго византійскаго императора (Константина XI) Зоею-Софіей Ѳоминишною Палеологъ, заключенный въ 1472 году. О заключеніи этого брака хлопоталъ римскій папа, пріютившій, послѣ паденія въ 1453 году Византіи, семью Ѳомы Палеолога и воспитавшій его дѣтей въ духѣ Флорентійской уніи. Выдавъ Софію за Іоанна, онъ расчитывалъ черезъ ея посредство утвердить унію на Руси. Кромѣ того, и папа, и венеціанцы, и императоръ надѣялись на помощь Іоанна въ борьбѣ съ угрожавшими имъ турками. Поэтому они внушали ему мысль, что бракъ съ Софіей дѣлаетъ его преемникомъ византійскихъ императоровъ, даетъ ему права на ихъ наслѣдіе, и побуждали его къ войнѣ съ Турціей [1]). Однако ихъ надежды не оправдались. Ревностный поборникъ православія, Іоаннъ не только не склонился къ уніи (да и Софія вовсе не мечтала о введеніи ея), но даже не оказалъ никакой чести папскому легату (послу)—кардиналу, сопровождавшему его невѣсту (кардиналу не позволено было даже ввезти въ Москву католическій крестъ, а всѣ его доводы въ пользу соединенія церквей были будто бы совершенно опровергнуты однимъ московскимъ грамотѣемъ). Іоаннъ оставался также совершенно глухимъ ко всѣмъ напоминаніямъ о константинопольскомъ наслѣдіи, предпочитая ему добываніе своей вотчины — «Русской земли». Тѣмъ не менѣе бракъ съ Софіей имѣлъ извѣстное значеніе. Не притязая на Византію и исключительное положеніе ея императоровъ (они величали себя владыками вселенной), Іоаннъ все же считалъ себя ихъ преемникомъ и въ ознаменованіе этого принялъ византійскій государственный гербъ (двуглавый орелъ) [2]); но своему преемству онъ придавалъ скорѣе религіозное, чѣмъ политическое значеніе: именно, освободившись отъ татарской власти, онъ считалъ себя единственнымъ самодержавнымъ (т. е. независимымъ отъ земной власти) православнымъ государемъ, обязаннымъ, подобно прежнимъ византійскимъ императорамъ, охранять интересы православія во всемъ мірѣ. Кромѣ того, вліяніе Софіи сказалось на придворныхъ распорядкахъ, на переустройствѣ Москвы, на семейныхъ отношеніяхъ Іоанна и на отношеніяхъ его къ боярамъ.

---

[1]) Внушенія эти не имѣли основаній: у Софіи живъ былъ братъ, Андрей Палеологъ, который и долженъ былъ считаться наслѣдникомъ своихъ предковъ. Свои права на Византію онъ продалъ французскому королю; извѣстіе же о томъ, что онъ продалъ ихъ также Іоанну, возбуждаетъ сомнѣніе.

[2]) Впервые на печати Іоанна этотъ гербъ появился въ 1497 году, до него гербы были другого вида.

§ 8. Дворъ и семейныя дѣла Іоанна III.

А. Придворный этикетъ.

Хотя Софія принесла съ собою въ Москву только громкое свое имя, а не богатство и не пышность (византійскаго придворнаго великолѣпія она не помнила, а въ Италіи росла въ самой скромной обстановкѣ), однако все же отчасти подъ ея вліяніемъ московскій «чинъ» (т. е. придворный церемоніалъ) сдѣлался болѣе торжественнымъ и установленъ былъ особый этикетъ для пріема иностранныхъ пословъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Москва разукрашивалась великолѣпными зданіями (новый Успенскій соборъ, замѣнившій собою построенный при Калитѣ, и нѣсколько другихъ церквей, Грановитая палата, каменный дворецъ), строителями которыхъ были, преимущественно пріѣзжіе итальянцы (изъ нихъ особенно прославились уроженецъ Болоньи Аристотель Фіоравенти и нѣсколько венеціанцевъ). При московскомъ дворѣ появлялись иноземцы-дипломаты, лекаря, литейщики, ювелиры, монетчики, пушкари и всевозможные мастера [1]). Однимъ словомъ, оживлялись сношенія съ Европой, понемногу начинали утверждаться культурныя заимствованія: молодое Московское княжество, отодвинутое прежде отъ Запада Польско-Литовскимъ государствомъ и удѣлами и скрытое для него подъ покровомъ татарскаго владычества, выходило теперь изъ прежней обособленности. Причина этого лежала, главнымъ образомъ, въ измѣненіи политическаго положенія Москвы и лишь отчасти—во вліяніи Софіи.

Б. Придворная смута.

Личное вліяніе Софіи на Іоанна, по отзывамъ современниковъ, было значительнымъ: она побуждала будто бы его къ сверженію татарской власти, она сумѣла также отстоять интересы своего сына Василія въ спорѣ о престолонаслѣдіи. Первоначально наслѣдникомъ престола считался старшій сынъ Іоанна отъ перваго брака—Іоаннъ Іоанновичъ, бывшій соправителемъ отца и титуловавшійся великимъ княземъ. Послѣ его преждевременной кончины (въ 1490 году) права наслѣдованія могли перейти или къ его юному сыну Димитрію или къ его брату Василію (сыну Іоанна III отъ Софіи). И тотъ и другой имѣли приверженцевъ при московскомъ дворѣ: перваго поддерживала преимущественно боярская знать, второго—многіе неродовитые люди. Послѣдніе составили даже заговоръ противъ Димитрія, но подверглись за это жестокой карѣ: Василій былъ заточенъ, Софія впала въ немилость, а Димитрія Іоаннъ въ 1498 году торжественно вѣнчалъ на

[1]) Судьба не всегда баловала этихъ пріѣзжихъ искателей счастья; такъ, напр., два лекаря поплатились жизнью за то, что не вылечили своихъ паціентовъ; не избѣгъ немилости и знаменитый Фіоравенти.

великое княженіе и на царство. Однако вскорѣ Димитрій, вѣроятно, по проискамъ Софіи, лишился расположенія дѣда и былъ заключенъ въ темницу, а наслѣдникомъ-соправителемъ, съ титуломъ великаго князя, сдѣлался Василій. Въ его пользу была составлена и «духовная» Іоанна.

В. «Духовная» Іоанна III.

И въ этой духовной проглядываетъ его обычная осторожность, привычка прикрывать новизну старыми формами, попытка сочетать нарождавшіяся государственныя начала съ отжившей удѣльной системой. Съ послѣдней Іоаннъ, какъ извѣстно, боролся всю жизнь и ясно сознавалъ ея вредъ. Но въ своемъ завѣщаніи онъ не рѣшился совершенно отвергнуть ея и потому надѣлилъ городами и землями не только Василія, но и четырехъ младшихъ своихъ сыновей. Однако онъ принялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы сдѣлать ихъ не только вполнѣ безвредными для старшаго, но и подчиненными ему. Именно: 1) Василій одинъ получалъ вдвое больше городовъ (свыше 60), чѣмъ всѣ его остальные братья вмѣстѣ (около 30); 2) владѣя двумя долями въ Москвѣ, онъ пользовался многими доходами и съ третьей доли, находившейся въ совмѣстномъ владѣніи его младшихъ родственниковъ; 3) ему предоставленъ былъ судъ по важнѣйшимъ дѣламъ во всей Москвѣ и подмосковныхъ земляхъ его братьевъ, исключительное право чеканки монеты, сношеній съ иноземцами, пользованія различными торговыми преимуществами, наслѣдованія удѣлами тѣхъ братьевъ, которые не оставятъ дѣтей; наконецъ, 4) особымъ договоромъ великое княжество утверждалось за его будущими потомками, а братья должны были отказаться отъ всякихъ притязаній на него. Такимъ образомъ завѣщаніе Іоанна III сохраняло лишь названія удѣльныхъ князей; на самомъ же дѣлѣ Василій III становился единодержавнымъ властителемъ всѣхъ московскихъ земель. Своею властью онъ, по словамъ иностранца-наблюдателя, германскаго посла Герберштейна, превосходилъ почти всѣхъ государей въ мірѣ. Выгодами создавшагося положенія Василій III могъ воспользоваться для того, чтобы въ свое правленіе, продолжавшееся съ 1505 года до 1533, завершить работу предковъ и стать «послѣднимъ собирателемъ Руси», какъ обыкновенно называютъ его.

§ 9. Княженіе Василія III.

А. Присоединеніе удѣловъ.

При Василіи III были присоединены послѣднія области, сохранявшія еще тѣнь самостоятельности, именно: Псковъ (въ 1510 году), неподчиненная еще Іоанномъ III часть Рязанскаго княжества (въ 1517 г.) и перешедшее при Іоаннѣ III подъ покровительство Москвы Сѣверское княжество (въ 1523 г.). Всѣ эти пріобрѣтенія были сдѣланы очень легко, безъ кровопролитія.

По отношенію къ Пскову Василій III придерживался отцовскаго образа дѣйствій. Намѣстникомъ туда онъ назначилъ князя Репню-Оболенскаго, ненавистнаго населенію, а жалобщикамъ на него не давалъ праваго суда. Но псковичи отличались долготерпѣніемъ: ихъ не легко было побудить къ такимъ поступкамъ, которые могли бы вызвать жестокую кару. Поэтому для того, чтобы сломить остатки псковской вольности, Василію III пришлось прибѣгнуть къ настоящему коварству. Онъ пригласилъ вліятельныхъ псковичей въ Новгородъ, обѣщая разобрать ихъ обиды на намѣстника; здѣсь имъ объявили, что они «поиманы Богомъ и великимъ княземъ», и всѣхъ ихъ подвергли аресту. Вслѣдъ затѣмъ Василій потребовалъ у нихъ согласія на отмѣну вѣчевого строя; такое же требованіе предъявлено было и псковскому вѣчу. Не имѣя надежды на успѣхъ борьбы, оно покорилось и вынуждено было съ почетомъ встрѣтить Василія, пріѣхавшаго во Псковъ праздновать свою безкровную побѣду. Несмотря на все миролюбіе псковичей, продолжались ихъ аресты и начался «выводъ» жителей изъ города; многіе убѣжали добровольно, спасаясь отъ злоупотребленій новыхъ московскихъ намѣстниковъ. «Выводъ» постигъ и жителей Рязанскаго княжества, которое было присоединено, лишь только его князь, изнемогая подъ властной опекой Василія, сдѣлалъ попытку избавиться отъ нея съ помощью крымскаго хана. Два сѣверскихъ князя даже не мечтали объ этомъ: враждуя между собою, они жаловались другъ на друга Василію III и самымъ приниженнымъ тономъ просили его разсудить ихъ распри. (Одинъ изъ сѣверскихъ князей въ своей грамотѣ называлъ себя даже «холопомъ» Василія). Но такая приниженность не спасла ихъ: сначала Василій помогъ одному князю изгнать соперника, а затѣмъ арестовалъ его самого. Такъ безъ всякаго труда овладѣлъ онъ Сѣверскимъ княжествомъ.

Б. Отношенія къ Литовско-Русскому государству.

Зато не мало труда и крови стоила борьба съ Польско-Литовскимъ государемъ и съ татарами. Въ литовскихъ дѣлахъ Василій III слѣдовалъ политикѣ своего отца, притязавшаго на юго-западныя русскія области. Надѣясь на поддержку русской партіи, онъ послѣ кончины Александра хлопоталъ даже черезъ вдову послѣдняго—свою сестру Елену о своемъ избраніи на литовскій престолъ. Хотя хлопоты не увѣнчались успѣхомъ, и преемникомъ Александра сдѣлался его братъ Сигизмундъ, тѣмъ не менѣе обстоятельства сложились очень выгодно для Василія. Во главѣ западно-русскихъ приверженцевъ Москвы всталъ замѣчательный человѣкъ — князь Михаилъ Глинскій (блиставшій гуманистическимъ образованіемъ, лично извѣстный нѣкоторымъ западно-европейскимъ монархамъ, напримѣръ, императору Максимиліану I, и прославившійся громкою побѣдой надъ татарами). При Александрѣ онъ былъ настоящимъ временщикомъ. Когда же при Сигизмундѣ, опасавшемся его широкихъ замысловъ (ему приписывали намѣреніе овладѣть всей западной

Русью), его вліяніе пошатнулось, онъ поднялъ возстаніе, призвавъ на помощь Василія III. Послѣдній откликнулся на призывъ, но не сумѣлъ оказать существенной помощи Глинскому и побуждалъ своихъ воеводъ придерживаться выжидательнаго образа дѣйствій. Да и самъ Глинскій, не встрѣтивъ достаточнаго сочувствія своимъ планамъ въ русскихъ областяхъ, принадлежавшихъ Литвѣ, предпочелъ удалиться въ Москву на службу къ Василію. Между враждующими сторонами (въ 1508 году) былъ заключенъ миръ, по которому Литва навсегда отказывалась отъ земель, завоеванныхъ Іоанномъ. Но Глинскій не успокаивался: онъ всячески подстрекалъ Василія III къ новой войнѣ и подыскивалъ для него союзниковъ (такъ, заключенъ былъ договоръ противъ Сигизмунда съ императоромъ Максиміліаномъ I и съ магистромъ тевтонскаго ордена Альбрехтомъ Бранденбургскимъ). Возгорѣвшаяся (въ 1512 году) вторая война началась съ крупныхъ событій: въ 1514 году, послѣ долгой осады, московскія войска взяли Смоленскъ, но затѣмъ потерпѣли страшное пораженіе при Оршѣ (литовскими войсками предводительствовалъ въ этой битвѣ князь Константинъ Острожскій; москвичей пало въ ней, по преданію, до 30.000). Вскорѣ послѣ взятія Смоленска, Глинскій, обидѣвшись на Василія, недостаточно вознаграждавшаго его заслуги, завелъ сношенія съ Сигизмундомъ, пытался бѣжать къ нему, но былъ арестованъ и долго протомился въ заключеніи. Съ устраненіемъ души всего предпріятія, война продолжалась очень вяло, и (съ 1517 года) начались переговоры о мирѣ при посредничествѣ Максиміліанова посла, Герберштейна. Несмотря на все краснорѣчіе этого ловкаго дипломата, соперники никакъ не могли договориться: московскіе послы съ удивительной настойчивостью требовали окончательной уступки не только Смоленска, но и многихъ другихъ городовъ, подвластныхъ Литвѣ, напр., Кіева, Витебска и другихъ. Все это они называли «отчиной» московскаго государя. Вмѣсто прочнаго мира заключено было только перемиріе, которое возобновлялось затѣмъ нѣсколько разъ. Смоленскъ остался за Москвой.

В. Отношенія къ татарамъ.

Нерѣшительность дѣйствій противъ Литвы объясняется тѣмъ, что Василію приходилось постоянно разсѣивать свои силы вслѣдствіе угрожающаго положенія, принятаго татарами. Особенно опаснымъ былъ Крымъ, гдѣ царствовалъ Менгли-Гирей, а затѣмъ его сыновья. Менгли измѣнилъ прежней дружбѣ съ московскимъ государемъ; пользуясь тѣмъ, что его помощи одинаково искали какъ въ Москвѣ, такъ и въ Литвѣ, онъ вымогалъ самымъ назойливымъ и наглымъ образомъ подарки и у той и у другой стороны и, не стѣсняясь, грабилъ московскихъ пословъ и издѣвался надъ ними. Сигизмундъ былъ щедрѣе, и поэтому Менгли чаще принималъ его сторону и опустошалъ московскія владѣнія. Много хлопотъ доставляла также Казань, куда неоднократно посылались русскіе полки.

Хотя они не разъ терпѣли тамъ неудачи, однако Василію III въ первую половину княженія удавалось держать Казань въ нѣкоторой зависимости отъ Москвы. Но положеніе дѣлъ измѣнилось, когда, послѣ смерти дружественнаго ему хана (Магметъ Аминя), въ Казани утвердился одинъ изъ сыновей Менгли-Гирея. Вмѣстѣ со своимъ братомъ, правившимъ въ Крыму, онъ двинулся на московскія земли. Крымскій ханъ подошелъ къ самой Москвѣ, принудилъ Василія уплатить дань и страшно опустошилъ его владѣнія (по преданію, онъ вывелъ много тысячъ плѣнныхъ). Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого набѣга Василій помирился съ Казанью, но вражда съ хищнымъ разбойничьимъ Крымомъ продолжалась. Борьба съ татарами и Литвой не помѣшала Василію III поддерживать сношенія съ Западной Европой, завязавшіяся при его отцѣ. (Онъ заключалъ договоры не только съ Максиміліаномъ и Альбрехтомъ Бранденбургскимъ, но также съ Ливоніей, Швеціей и Даніей; его послы ѣздили въ Турцію, а черезъ посредство нѣмецкихъ пословъ съ нимъ завелъ переговоры папа Левъ X). Вообще Василій старался во всемъ подражать Іоанну III, но, не обладая его способностями, не имѣлъ и его исключительнаго успѣха.

Г. Семейныя дѣла Василія III.

Неудачно сложилась и семейная жизнь Василія. Онъ былъ женатъ на Соломоніи Сабуровой, но не имѣлъ отъ нея дѣтей и, по извѣстію лѣтописи, горько печаловался изъ-за этого. Отсутствіе наслѣдника представляло, дѣйствительно, большія затрудненія, такъ какъ, въ случаѣ бездѣтной кончины Василія, ему должны были наслѣдовать братья, при которыхъ легко могли возгорѣться усобицы, могла воскреснуть удѣльная система. Чтобы упрочить династію, Василій, несмотря на рѣзкое сопротивленіе многихъ знатныхъ бояръ и вліятельныхъ лицъ изъ духовенства, добился развода съ Соломоніей и вступилъ во второй бракъ съ племянницей извѣстнаго Глинскаго—Еленой Васильевной. Отъ нея онъ имѣлъ двухъ сыновей: Іоанна и Юрія. Но, когда старшему изъ нихъ Іоанну шелъ только четвертый годъ, Василій III скончался. Московскому государству, едва успѣвшему окрѣпнуть, грозили тяжелыя испытанія. Малолѣтній великій князь остался на попеченіи бояръ, непріязненно относившихся къ его отцу изъ-за его властолюбія, не мирившихся съ тѣмъ новымъ положеніемъ, въ которое они были поставлены вслѣдствіе усиленія власти московскихъ государей.

Установленіе новыхъ отношеній между великимъ княземъ и боярами являлось одной изъ важныхъ внутреннихъ перемѣнъ, происходившихъ въ Московскомъ государствѣ одновременно съ измѣненіемъ его внѣшняго положенія. Другими перемѣнами, происшедшими въ XVI вѣкѣ, были: 1) устройство въ Москвѣ государственныхъ учрежденій, 2) образованіе класса военно-служилыхъ людей—такъ называемыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, 3) опредѣленіе отношеній Церкви къ государству, 4) постепенное прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Внутреннія перемѣны въ Московскомъ государствѣ во второй половинѣ XV и въ XVI в.в.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Измѣненіе положенія бояръ.

§ 1. Вліяніе присоединенія удѣловъ на составъ и значеніе боярскаго класса.

Положеніе бояръ стало сильно измѣняться со времени правленія Іоанна III. Причина этого заключалась не столько во вліяніи Софіи, какъ думали современники, сколько въ переходѣ отъ удѣльнаго порядка къ государственному. Объединительная дѣятельность московскихъ государей приводила, какъ сейчасъ увидимъ, къ двумъ противорѣчащимъ другъ другу слѣдствіямъ. Именно, съ одной стороны боярство сдѣлалось болѣе аристократическимъ, чѣмъ раньше, по своему составу и стало изъявлять притязанія на важное политическое значеніе, въ ущербъ самодержавной власти московскихъ государей. Съ другой стороны, напротивъ, самодержавіе развилось, и государи получили возможность вполнѣ подчинить себѣ бояръ.

Разберемся въ этихъ двухъ слѣдствіяхъ:

I. При присоединеніи къ Москвѣ удѣловъ ихъ князья, если они не погибали въ борьбѣ или не убѣгали въ Литву, волей-неволей должны были поступать на службу въ Москву, входить въ составъ московскаго боярства. При этомъ они сохраняли княжескій титулъ и большія вотчины въ своихъ прежнихъ удѣлахъ [1]).

Изъ владѣтельныхъ князей они превращались въ привилегированныхъ вотчинниковъ, пользовавшихся въ своихъ земляхъ значительною судебною и правительственною властью, имѣвшихъ своихъ служилыхъ и ратныхъ людей. Не довольствуясь мѣстнымъ вліяніемъ, они домогались виднаго участія во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ. Удѣльныя преданія не забывались ими: они считали своимъ неотъемлемымъ правомъ быть соучастниками въ управленіи объединенной изъ прежнихъ ихъ владѣній русской землей, смотрѣли на себя какъ на «государей», собравшихся въ Москву для совмѣстнаго съ великимъ княземъ веденія всѣхъ государственныхъ дѣлъ. Ведя свой родъ отъ Рюрика или отъ Гедимина, они кичились такимъ знатнымъ

[1]) Обширность землевладѣнія служилыхъ князей объясняется тѣмъ, что они изъ нихъ жаловались вотчинами въ своихъ же прежнихъ удѣлахъ; другіе, перешедшіе на службу безъ земли, получали ихъ отъ великаго князя.

происхожденіемъ, считали себя выше нетитулованныхъ московскихъ бояръ и свое родословное первенство передъ ними стремились переносить и на служебныя отношенія: «княжата» (такъ назывались въ Москвѣ служилые князья) не хотѣли занимать одинаковыхъ должностей съ нетитулованными и старались «заѣхать» (обойти) ихъ по службѣ. Итакъ, къ прежнему, старинному московскому боярству, привыкшему сотрудничать съ великими князьями и содѣйствовавшему имъ въ разрушеніи удѣльныхъ порядковъ, прибавился новый слой кичливыхъ княжатъ, дорожившихъ удѣльной старіною, домогавшихся служебнаго первенства и политическаго вліянія. (Къ занятію исключительнаго положенія стремились также многочисленные выходцы изъ Орды—различные татарскіе цари и царевичи).

Однимъ словомъ, боярскій классъ аристократизировался, проникся политическими притязаніями. Это было однимъ изъ слѣдствій присоединенія удѣловъ. Второе слѣдствіе противорѣчило ему, именно:

II. Опору для своей удачной національной политики Іоаннъ III и его сынъ находили въ духовенствѣ и во всемъ народѣ; они пользовались неограниченной властью, обладали большими денежными средствами и весьма внушительными военными силами. Поэтому, хотя Іоаннъ, по обычаю старины, и вершилъ дѣла въ сотрудничествѣ съ боярами, однако гораздо менѣе своихъ удѣльныхъ предковъ зависѣлъ отъ нихъ. Напротивъ, бояре во многомъ зависѣли отъ великаго князя: онъ жаловалъ ихъ землями и кормленіями, назначалъ на выгодныя должности; онъ являлся, такимъ образомъ, источникомъ милостей, и притомъ единственнымъ, такъ какъ, съ присоединеніемъ къ Москвѣ почти всѣхъ удѣловъ, бояре лишились *возможности* отъѣзжать къ другимъ князьямъ. Да и самое *право* отъѣзда стало ограничиваться: и Іоаннъ и Василій требовали отъ бояръ грамотъ съ клятвеннымъ обязательствомъ не отъѣзжать, скрѣпленнымъ денежнымъ поручительствомъ ихъ сотоварищей; отъѣздъ въ Литву разсматривался какъ преступленіе,—измѣна отечеству и православію[1]).

Бояре—вольные слуги на дѣлѣ обращались въ *невольныхъ*, договорныя отношенія замѣнялись подданническими. Самое званіе боярина съ теченіемъ времени получило значеніе *чина*, даваемаго по милости государя: великіе князья «сказывали» (жаловали) боярство наиболѣе знатнымъ своимъ слугамъ, а менѣе знатныхъ возводили въ санъ «окольничаго» и другіе придворные чины (напр., постельничихъ, ловчихъ, кравчихъ, стольниковъ, спальниковъ и др.). Такимъ образомъ, развитіе аристократическихъ и политическихъ домогательствъ кня-

[1]) Прежде всего сталъ ограничиваться отъѣздъ служилыхъ князей, такъ какъ они пользовались въ своихъ вотчинахъ многими государственными правами (правомъ суда, управленія и сбора денегъ) и, если бы за ними было сохранено право отъѣзда съ вотчинами, то это грозило бы выводомъ послѣднихъ изъ государственнаго обладанія Москвы. Для избѣжанія такихъ послѣдствій уже издавна было установлено, что служилые князья при отъѣздѣ теряли свои земли.

жатъ оказалось въ полномъ противорѣчіи съ упадкомъ *дѣйствительнаго политическаго значенія* бояръ.

Это противорѣчіе создавало затрудненія двоякаго рода: нужно было 1) установить взаимныя отношенія между боярами такъ, чтобы поставить на соотвѣтствующее мѣсто притязательныхъ княжатъ и не обидѣть старинныхъ, «извѣчныхъ» нетитулованныхъ бояръ московскихъ, гордыхъ своей потомственной службой государямъ и заслугами передъ ними; 2) опредѣлить отношенія бояръ къ самому государю.

§ 2. Мѣстничество.

А. Сущность мѣстничества.

Изъ перваго затрудненія былъ найденъ выходъ, хотя и весьма своеобразный, сложный и неудобный. Именно: выработанъ былъ особый порядокъ, которымъ правительство руководилось при размѣщеніи бояръ въ различныхъ оффиціальныхъ случаяхъ (напр., на торжественныхъ пирахъ за государевымъ столомъ, на свадьбахъ лицъ великокняжеской фамиліи, при встрѣчахъ и пріемахъ пословъ, при церковныхъ церемоніяхъ и т. д.), а равнымъ образомъ при назначеніи ихъ на должности. Этотъ порядокъ, опредѣлявшій служебныя и вообще оффиціальныя отношенія какъ бояръ, такъ и всѣхъ должностныхъ лицъ, носитъ названіе «мѣстничество». Цѣлью его было установить правильное служебное размѣщеніе, принимая во вниманіе три условія: 1) неравенство мѣстъ при дворцовыхъ церемоніяхъ и неодинаковость служебныхъ должностей по ихъ почету и значенію, 2) различія между боярскими фамиліями по «породѣ», т. е. по родовитости, 3) неравенство членовъ одной и той же фамиліи, зависящее отъ степени отдаленія ихъ отъ общаго предка. Разберемся въ этихъ трехъ условіяхъ и посмотримъ, какъ сочетались они.

Б. Условія мѣстничества.

I. И между мѣстами при исполненіи разныхъ дворцовыхъ церемоній и между мѣстами на службѣ существовала извѣстная градація: одно считалось на столько-то степеней выше или ниже другого [1]). Такъ напр., должности воеводъ, начальствовавшихъ надъ различными полками (т. е. частями) московскаго войска, были различнаго служебнаго достоинства; при пріемахъ пословъ наиболѣе почетнымъ признавалось положеніе того, кто встрѣчалъ ихъ послѣднимъ и т. д.

---

[1]) Служебныя должности различались между собою именно степенями; строгаго же раздѣленія службы на придворную, военную и гражданскую въ Московское время не существовало, и потому одни и тѣ же лица выступали на разныхъ поприщахъ; то исполняли преимущественно придворныя обязанности, то управляли и судили въ качествѣ намѣстниковъ, то начальствовали надъ войсками.

II. Члены родовитыхъ фамилій (особенно родовитыми считались потомки великихъ князей удѣльнаго времени), если имъ приходилось выступать или служить (напр., начальствовать надъ войскомъ) *совмѣстно* съ неродовитыми, назначались на болѣе высокія мѣста. Всѣ назначенія записывались въ особыя «разрядныя» книги. Такая запись устанавливала опредѣленныя служебныя отношенія между должностными лицами, показывающія, на сколько «мѣстъ» одно лицо «больше» (т. е. выше по службѣ) другого. Эти отношенія оставались навсегда неизмѣнными не только для данныхъ лицъ, но и для ихъ родственниковъ и всѣхъ потомковъ, равноотстоящихъ отъ нихъ по своему положенію въ семьѣ.

III. Послѣднее условіе (т. е. равное отстояніе) вызывалось тѣмъ, что члены одного и того же рода не всѣ считались равными другъ другу, и между ними существовала особая семейная градація, подчинявшаяся особымъ правиламъ. Именно, отецъ признавался старше своего перваго сына тремя мѣстами, т. е. старшій сынъ занималъ четвертое мѣсто отъ отца и приравнивался къ третьему дядѣ. (Это правило выражалось слѣдующими словами: «старшій племянникъ четвертому дядѣ въ версту», т. е. равенъ; правильнѣе говорить не четвертому, а *третьему*, такъ какъ иначе приходится въ числѣ дядей считать также отца) [1]).

Въ зависимости отъ «мѣста» (положенія) лица въ своей семьѣ опредѣлялось и его служебное отношеніе къ лицу другой фамиліи. Пояснимъ это простѣйшимъ примѣромъ. Положимъ, что бояринъ А служилъ нѣкогда тремя мѣстами выше боярина Б; между ними такое отношеніе должно сохраниться навсегда, но старшій сынъ А, меньшій своего отца тремя мѣстами и соотвѣтствующій ему по старшинству братъ А должны служить наравнѣ съ Б, а второй сынъ А— однимъ мѣстомъ ниже Б и т. д. Слѣдовательно, для установленія правильныхъ «мѣстническихъ» отношеній между нѣсколькими лицами недостаточно было справокъ по «разряднымъ» книгамъ о служебномъ распорядкѣ ихъ предковъ; необходимо было еще вычислить отношеніе ихъ къ послѣднимъ по «родословнымъ» книгамъ, въ которыхъ велись поколѣнныя записи членовъ знатныхъ фамилій. «Разрядныя» служили основой для междуфамильнаго счета и устанавливали служебное «отечество» (такъ назывались служебныя отношенія

[1]) Изобразимъ схематически порядокъ «мѣстъ» въ семьѣ. Буквы означаютъ членовъ семьи, начиная со старшаго брата (А) по степенямъ родства. Цифры наверху буквъ являются показателями степеней семейнаго старшинства этихъ членовъ:

$\overline{\text{А}^1 \quad 4 \quad 5 \quad 6 \quad 7}$ $\overline{\text{Б}^2 \quad 5 \quad 6 \quad 7}$ $\overline{\text{В}^3 \quad 6 \quad 7}$ $\overline{\text{Г}^4 \quad 7 \quad 8}$ $\overline{\text{Д}^5 \quad 8}$ $\overline{\text{Е}^6 \quad 9}$ . . . . . (1-е поколѣніе—отцы).

а б в г д е ж з и к л м н . . . . . (2-е поколѣніе—дѣти).

$\overline{\text{о}^7 \ \text{п}^8 \ \text{р}^9}$ $\overline{\text{с}^8 \ \text{т}^9}$ $\overline{\text{у}^9 \ \text{ф}^{10}}$ . . . . . (3-е поколѣніе—внуки).

и т. д.

предковъ даннаго лица къ предкамъ другого); «родословныя»—для фамильнаго счета и для вычисленія родового «отечества» (положенія даннаго лица въ его родѣ). «Отечество», полагавшееся въ основу мѣстничества, опредѣляло лишь взаимное *отношеніе сотоварищей по совмѣстной службѣ*, а отнюдь не *высоту* самой должности. Никакая должность сама-по-себѣ ни для кого не считалась низкою; равнымъ образомъ, не считалось обиднымъ назначеніе на низшую должность по сравненію съ прежде занимаемой: все дѣло было только въ сослуживцахъ, и должностное лицо могло выражать претензію на назначеніе *только* въ томъ случаѣ, если на *совмѣстной* службѣ его ставили на одинъ уровень или ниже другого лица, которое было ниже его по своему «отечеству». Только въ такомъ случаѣ поднимали «споръ о мѣстахъ» и возникало «мѣстническое дѣло».

В. Мѣстническіе споры.

Самый ходъ «мѣстническаго дѣла» бывалъ обыкновенно слѣдующій:

Обиженный назначеніемъ служилый человѣкъ А подавалъ государю челобитье (прошеніе) о томъ, что ему «невозможно» и «невмѣстно» быть ниже Б, что это наноситъ «поруху его роду» и «потерьку его чести». Въ свою очередь Б, признавая незаконность притязаній А, могъ подать встрѣчное челобитье «объ оборонѣ» или «о безчестіи» (т. е. онъ просилъ защитить его отъ того «безчестія», которое наноситъ ему челобитье А). Противники «утягивали» (допекали) другъ друга разными «случаями», т. е. служебнымъ распорядкомъ предковъ, и прибѣгали ко всевозможнымъ ухищреніямъ. Для разбора дѣла государь назначалъ судъ изъ нѣсколькихъ бояръ, разрѣшавшій возникшій споръ путемъ опредѣленія отношеній мѣстничавшихся бояръ другъ къ другу и къ третьимъ лицамъ. По приговору суда, истецъ А или «разводился» съ отвѣтчикомъ Б (т. е. получалъ другое назначеніе) или, если его притязанія были неправильны, подвергался наказанію: выговору, домашнему аресту, временному лишенію чина и вотчинъ, ссылкѣ, заключенію въ темницу, тѣлеснымъ наказаніямъ, «выдачѣ головою противнику» (послѣднее состояло въ томъ, что неправильно мѣстничавшагося насильно приводили къ крыльцу дома противника и заставляли униженно просить у того прощенія). Мѣстничавшіеся служилые люди предпочитали самое унизительное наказаніе «невмѣстной» службѣ: первое причиняло непріятность только наказываемому, вторая же наносила «поруху всему роду», такъ какъ устанавливала «случай», принижавшій въ мѣстническомъ отношеніи все потомство. Ради «отечества» жертвовали не только личнымъ самолюбіемъ, но и государственными нуждами: до разрѣшенія спора мѣстничавшіяся лица всячески уклонялись отъ исполненія своихъ обязанностей даже въ трудное время, напр., на войнѣ. Не разъ случалось, что одинъ воевода упорно отказывался итти на помощь другому, такъ какъ ему казалось, что помогать кому-нибудь—значитъ признать себя ниже того,

кому помогаешь. Вообще, если сходилось нѣсколько войскъ, всегда начинался ожесточенный споръ о мѣстахъ.

Г. Происхожденіе мѣстничества.

Чрезвычайное упорство мѣстничавшихся лицъ, прочность мѣстничества, прекратившаго свое существованіе только въ самомъ концѣ XVII вѣка, и распространеніе его на всѣ служилые классы доказываетъ, что этотъ своеобразный порядокъ не былъ искусственно придуманъ правительствомъ, а заимствованъ былъ изъ русской жизни, въ которой пустилъ глубокіе корни. По мнѣнію изслѣдователей, служебное мѣстничество, сложившееся въ концѣ XIV и въ началѣ XV в.в. и вполнѣ развившееся къ XVI вѣку, выросло на почвѣ бытового мѣстничества; послѣднее имѣло своимъ основаніемъ старшинство одного человѣка надъ другимъ и связанный съ нимъ почетъ и засвидѣтельствовано для древней Руси многочисленными былинами и пословицами (напр., «по отцу и сыну честь»).

Бытовое мѣстничество, въ свою очередь, основалось на преданіяхъ родового патріархальнаго быта, при которомъ во главѣ рода стоялъ старѣйшій, а вокругъ него группировались остальные сородичи въ порядкѣ старшинства и соотвѣтственнаго почета. Родовыя традиціи оказались прочными. Объясняется это, по мнѣнію нѣкоторыхъ историковъ, слабымъ развитіемъ личности въ древней Руси, связаннымъ съ этимъ отсутствіемъ личнаго самолюбія, сознанія собственныхъ заслугъ. Вслѣдствіе этого человѣкъ, домогаясь почестей и старшинства, ссылался не на личныя заслуги, а на свое положеніе въ родѣ, на значеніе своихъ предковъ.

Своего рода мѣстничество (счетъ старшинствомъ) наблюдалось и въ отношеніяхъ князей Кіевскаго періода; оно проникло и въ дружину, и при пріемѣ новыхъ дружинниковъ князья должны были считаться съ притязаніями на старшинство старыхъ; на почвѣ «заѣзда» (т. е. служебнаго обхода) стараго вольнаго слуги пришельцемъ и возникла первая достовѣрно-извѣстная мѣстническая распря, относящаяся къ началу XIV вѣка, къ княженію Ивана Калиты. Въ Московскій періодъ при появленіи множества бояръ, при уничтоженіи отъѣзда, установленіи различныхъ должностей, чиновъ и степеней мѣстничество развивалось естественно, и правительству оставалось только подчинить его опредѣленнымъ правиламъ и по возможности ограничить его вредъ.

Д. Вредъ мѣстничества.

Мѣстничество, распространившееся на всѣ классы служилыхъ людей[1]), представляло громадныя неудобства: 1) выборъ должностныхъ лицъ обусловливался не ихъ заслугами и талантами, а лишь ихъ происхожденіемъ;

---

[1]) О служилыхъ людяхъ подробно будетъ сказано ниже. Такъ назывались люди, главной обязанностью которыхъ было исполнять, по призыву правительства, конную военную службу. Они носили, обыкновенно, названіе дворянъ и дѣтей боярскихъ.

соотвѣтствіе не способностей, а «отечества» опредѣляло подборъ сотоварищей по совмѣстной службѣ; однимъ словомъ, отвлеченные мѣстническіе знаки предпочитались живымъ людямъ; 2) интересы мѣстничества преобладали надъ государственными интересами: совершенно непроизводительно тратилась масса времени и труда на установленіе мѣстническихъ отношеній; малѣйшее нарушеніе ихъ вызывало мѣстническій споръ, разрѣшавшійся кропотливымъ боярскимъ судомъ при участіи самого государя, вызывало отказъ обиженныхъ должностныхъ лицъ отъ исполненія своихъ обязанностей и всевозможныя злоупотребленія; но даже и при точномъ соблюденіи всѣхъ мудреныхъ правилъ мѣстничества служебныя обязанности часто исполнялись безъ особаго усердія, безъ надежды на оцѣнку личныхъ заслугъ. Правительство сознавало вредъ мѣстничества и единичными мѣрами боролось съ нимъ: оно часто объявляло «безмѣстіе» (т. е. непринятіе того или другого служебнаго распорядка въ расчетъ при послѣдующихъ назначеніяхъ), жестоко карало неправильно мѣстничавшихся лицъ и прибѣгало даже къ разнымъ ухищреніямъ, чтобы ограничить число поводовъ къ спорамъ о мѣстахъ. Тѣмъ не менѣе правительство не только терпѣло, но даже поддерживало мѣстничество въ качествѣ общаго правила. Уничтожить его было очень трудно, какъ обычай, слишкомъ глубоко вкоренившійся въ русскую жизнь. Къ тому же мѣстничество давало правительству средство, которымъ можно было примирить значеніе родовитости и службы, ввести княжатъ въ общій кругъ служилыхъ людей[1]) и незамѣтнымъ образомъ ограничить ихъ притязанія.

Отстаивая всѣми силами мѣстничество, бояре говорили, что «за службу (т. е. заслуги) государь жалуетъ деньгами и землями, а не отечествомъ», т. е. не знатностью; службу они считали слѣдствіемъ «отечества». Но въ дѣйствительности само «отечество» было ничѣмъ инымъ, какъ служебнымъ положеніемъ данныхъ лицъ или ихъ предковъ, значитъ—слѣдствіемъ службы. Княжескій титулъ и высокій чинъ (напр., боярина и окольничаго) принимались, конечно, во вниманіе при назначеніяхъ на высокія должности, но взаимныя отношенія служилыхъ людей опредѣлялись не ими, а, какъ сказано выше, службою предковъ. Будучи знатнымъ по происхожденію, можно было добиться высокой службы, но, не служа долгое время, нельзя было сохранить знатности: тѣ фамиліи, представители которыхъ почему-либо не получали важныхъ должностей, постепенно падали въ мѣстническомъ отношеніи, затирались другими. Итакъ, мѣстничество приводило въ заколдованный кругъ: службу оно обусловливало родо-

[1]) Долѣе всѣхъ не сливались съ московскими чинами служилые татарскіе царевичи; въ теченіе всего XVI в. имъ, изъ уваженія къ ихъ происхожденію, предоставляли исключительное положеніе на службѣ и первыя мѣста. Впрочемъ, они пользовались скорѣе почетомъ, чѣмъ дѣйствительнымъ значеніемъ.

витостью, а родовитость—службою. Оно вело также къ глубокому противорѣчію: боярство искало въ мѣстничествѣ опоры для своего политическаго вліянія, а находило въ немъ источникъ своей разобщенности и слабости. Расколовшись сначала на два слоя—княжатъ и нетитулованныхъ,—боярство продолжало дробиться на ряды фамилій съ различнымъ «отечествомъ», ослаблявшихъ другъ друга мѣстническими спорами. Оно не сложилось, подобно западно-европейской аристократіи, въ однородное сословіе, сплоченное одинаковыми правами и притязаніями, а образовало кругъ чиновныхъ фамилій, разъединенныхъ соперничествомъ изъ-за своей мѣстнической чести. Это, конечно, облегчило разрѣшеніе второго указаннаго затрудненія, заключавшагося въ опредѣленіи отношеній бояръ къ великому князю. Для разрѣшенія его понадобилось, впрочемъ, не мало времени. При Іоаннѣ III оно только началось.

§ 3. Ограниченіе придворнаго вліянія бояръ.

У Іоанна III происходили уже столкновенія съ боярами. Одно изъ нихъ возникло, какъ сказано, изъ-за вопроса о престолонаслѣдіи. Еще раньше паденія Димитрія пострадали его сторонники—родовитые бояре: потомокъ Всеволода III Большое Гнѣздо—князь Ряполовскій—былъ даже казненъ за «высокоумничанье» (своеволіе), потомковъ Гедимина — князей Патрикѣевыхъ — насильно постригли. При Василіи III отношенія сдѣлались еще рѣзче: знатнѣйшій изъ бояръ (князь Холмскій) попалъ за что-то въ тюрьму, другому боярину (Берсеню Беклемишеву) отрубили голову за то, что, подвергшись опалѣ, онъ въ бесѣдѣ съ близкими знакомыми осуждалъ новые порядки. Именно, онъ укорялъ Василія III за «несовѣтіе и высокоуміе», жаловался, что великій князь, запершись самъ-третей (т. е. съ двумя приближенными людьми) у постели, всякія дѣла дѣлаетъ», не допускаетъ никакихъ возраженій и отличается упрямствомъ. Московскіе бояре, не будучи особенно прозорливыми, видѣли источникъ всѣхъ новшествъ, замѣшательствъ и нестроеній только въ Софіи и непріязнь къ ней переносили на ея сына. Онъ, дѣйствительно, любилъ проявлять свою власть, и имѣлъ обыкновеніе совѣтываться о важнѣйшихъ государственныхъ дѣлахъ не съ боярами, а съ неродовитыми людьми.

§ 4. Ограниченіе вліянія бояръ въ мѣстномъ управленіи.

Ограничивая притязанія бояръ на исключительное положеніе при дворѣ, Іоаннъ III хотѣлъ также положить предѣлъ ихъ своеволію и злоупотребленіямъ въ мѣстномъ управленіи. Съ этой цѣлью онъ началъ преобразованія областного управленія, которыя были закончены лишь при его внукѣ—сынѣ Василія III—Іоаннѣ IV.

А. Судебники. Источниками для ознакомленія съ мѣстнымъ управленіемъ и переустройствомъ его, совершеннымъ въ концѣ XV и въ XVI в.в., служатъ два Судебника: одинъ—Іоанна III, другой—Іоанна IV и нѣсколько уставныхъ грамотъ (такъ назывались грамоты, опредѣлявшія порядокъ управленія различныхъ мѣстностей). Судебникъ Іоанна III составленъ былъ въ 1497 г. однимъ изъ великокняжескихъ дьяковъ, т. е. секретарей, Гусевымъ. Онъ представлялъ собою собраніе статей, отчасти заимствованныхъ изъ прежнихъ памятниковъ (напр., Русской Правды и Псковской Судной Грамоты) и указовъ удѣльныхъ князей, отчасти новыхъ. Судебникъ Іоанна IV, появившійся въ 1550 году, много полнѣе перваго. Судебники устанавливали весьма строгія наказанія (напр., сожженіе, отрѣзаніе языка, битье кнутомъ и т. д.) за преступленія, но въ то же время они, какъ и уставныя грамоты, стремились ограничить злоупотребленія кормленщиковъ—намѣстниковъ и волостелей - какъ въ управленіи, такъ и въ судѣ.

Для этого: 1) точнымъ образомъ опредѣлялись доходы кормленщиковъ и порядокъ ихъ судопроизводства, 2) устанавливался надзоръ за ихъ дѣйствіями какъ со стороны правительства, такъ и со стороны населенія, 3) изъ вѣдѣнія ихъ были изъяты нѣкоторыя дѣла и вершеніе ихъ передано выборнымъ лицамъ изъ населенія, 4) въ половинѣ XVI вѣка эти послѣднія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вовсе замѣнили кормленщиковъ, сосредоточивъ все мѣстное управленіе въ своихъ рукахъ.

Доходы кормленщиковъ перечислялись въ особомъ «наказномъ» или «доходномъ» спискѣ и должны были собираться не имъ самимъ, а выборными отъ мѣстныхъ жителей. Больше положеннаго кормленщикъ получать не могъ; строжайше воспрещалось брать и давать взятки. По окончаніи кормленія (не превышавшаго, обыкновенно, въ XVI в. годичнаго срока) обиженные намѣстникомъ могли подавать на него жалобы и даже вызывать его на поединокъ. Но, конечно, такая отвѣтственность послѣ отставки оказывалась недостаточной: необходимо было ограничить произволъ кормленщиковъ и при исполненіи ими служебныхъ обязанностей. Такъ какъ главныя злоупотребленія происходили при судопроизводствѣ, то на него и было обращено особенное вниманіе. Уже со времени Іоанна III судъ кормленщиковъ пересталъ быть единоличнымъ: по постановленію Судебника, на немъ должны были присутствовать: 1) дьяки, 2) выборные отъ мѣстнаго населенія.

Б. Возвышеніе дьяковъ. Классъ дьяковъ слагался изъ людей весьма различнаго происхожденія: въ него входили и отпущенные на свободу холопы, и горожане, и дѣти лицъ духовнаго званія. До конца XV вѣка значеніе дьяковъ было невелико, и дѣятельность ихъ ограничивалась письмоводствомъ, а иногда завѣдываніемъ великокняжеской казной. Но съ этого вре-

мени вліяніе ихъ быстро росло, и мало-по-малу они, въ качествѣ сотрудниковъ бояръ, заполняли всѣ отрасли управленія, привлекались ко всякому замѣтному государственному дѣлу. Кругъ дѣятельности дьяковъ даже обширнѣе, чѣмъ бояръ, такъ какъ многимъ они вѣдали самостоятельно, безъ участія послѣднихъ [1]). Однако важное дѣловое вліяніе дьяковъ не сообщило имъ служебнаго почета: въ дьяки шли неродовитые люди, званіе ихъ считалось «худымъ» чиномъ, у нихъ не было мѣстнической чести, и мѣстничество къ нимъ не привилось. Послѣднее обстоятельство представляло большое удобство для правительства. Важно было также то, что дьякамъ не приходилось давать «кормленія»: ихъ служба обходилась дешевле, чѣмъ боярская. Наконецъ, правительство имѣло въ дьякахъ демократическій противовѣсъ аристократическому боярскому классу. Все это объясняетъ, почему имъ стали поручаться важныя дѣла, а выполненіе ихъ прежнихъ чисто-канцелярскихъ обязанностей перешло къ простымъ писцамъ—*подъячимъ*. Началомъ возвышенія дьяковъ было именно ихъ участіе въ боярскомъ судѣ, установленное Судебникомъ.

В. Участіе въ судѣ выборныхъ отъ населенія.

Дьяки были товарищами кормленщиковъ при судопроизводствѣ, а для наблюденія за правильнымъ веденіемъ дѣлъ присутствовали на судѣ представители отъ мѣстныхъ жителей—«добрые, лучшіе люди» Сперва они выбирались особо на каждое дѣло, но со времени второго Судебника получили постоянное значеніе и стали называться земскими старостами и цѣловальниками. Подвергаясь ихъ надзору, судьи-кормленщики находились также подъ контролемъ правительственной власти: именно, о важнѣйшихъ преступленіяхъ—такъ называемыхъ «лихихъ дѣлахъ» (напр., разбои, убійства и т. п.)—они должны были дѣлать «докладъ» въ московскія учрежденія, являвшіяся высшими инстанціями для областныхъ судовъ. Но съ теченіемъ времени (съ первой половины XVI в.) нѣкоторыя дѣла, въ особенности дѣла о разбояхъ, были вовсе изъяты изъ суда кормленщиковъ и переданы выборнымъ лицамъ, въ обязанность которымъ было вмѣнено не только карать, но и предупреждать преступленія.

Г. Губные старосты.

Эти лица назывались «губными старостами» [2]) и выбирались изъ служилыхъ людей данной мѣстности всѣмъ населеніемъ; имъ подчинены были сотскіе, пятидесятскіе и другіе полицейскіе чины. Губной староста долженъ былъ всѣми силами добиваться, чтобы среди жителей его округа не

---

[1]) Хотя, какъ сказано выше, Московская Русь не знала спеціализаціи службы, т. е. раздѣленія ея на придворную, военную и гражданскую, тѣмъ не менѣе, можно сказать, что дьяки выступали преимущественно въ качествѣ *гражданскихъ* чиновниковъ.

[2]) «Губой» назывался полицейскій округъ. Въ немъ были «губныя избы», т. е. правленіе и тюрьма.

было «лихихъ людей»; онъ какъ бы ручался за благонадежность населенія губы. Въ свою очередь послѣднее отвѣчало за исправность губного старосты.

Разрѣшеніе выбирать губныхъ старостъ предоставляло жителямъ извѣстное самоуправленіе, т. е. право самостоятельно вѣдать свои мѣстныя дѣла. Въ половинѣ XVI вѣка, какъ увидимъ, оно было значительно расширено, и выборныя лица стали вовсе замѣнять кормленщиковъ.

На обязанности выборныхъ «земскихъ старостъ» лежало взиманіе податей въ пользу государства, при чемъ недоборъ ихъ они возмѣщали изъ своихъ средствъ [1]). Введеніе самоуправленія представляло большія выгоды для правительства, такъ какъ оно увеличивало его доходы и обезпечивало болѣе правильное поступленіе ихъ, а, кромѣ того, избавляло его отъ разбора частыхъ тяжбъ населенія съ кормленщиками. Въ тѣ области, которыя пользовались самоуправленіемъ, правительство назначало только «городовыхъ воеводъ» и прочихъ должностныхъ лицъ, вѣдавшихъ военное дѣло.

§ 5. Московскія правительственныя учрежденія.

А. Происхожденіе приказовъ.

Выборныя должностныя лица исполняли свои обязанности безвозмездно. По особенно важнымъ дѣламъ они должны были представлять доклады въ московскія центральныя учрежденія, начало которымъ было положено также при Іоаннѣ III. Именно, при немъ вмѣсто отдѣльныхъ бояръ, которымъ въ прежнее время государь «приказывалъ», т. е. поручалъ, вѣдать различныя дѣла, стали появляться въ Москвѣ особыя присутственныя мѣста — такъ называемые «приказы». Они образовывались постепенно для удовлетворенія назрѣвавшихъ государственныхъ потребностей, и полнаго своего развитія достигли только въ XVII вѣкѣ. Тогда они представляли собою центральныя учрежденія, вѣдавшія или извѣстный кругъ дѣлъ во всемъ государствѣ или же разнородныя дѣла какой-нибудь мѣстности. Къ приказамъ перваго рода относятся, напр., Посольскій, вѣдавшій внѣшнія сношенія, Разрядный — военную администрацію и вообще служебныя назначенія, Разбойный — заботившійся объ искорененіи разбоевъ, приказъ Большого Прихода, вѣдавшій государственные доходы и т. д. Изъ приказовъ второго рода можно указать, напр., Новгородскій, Тверской и т. д.

Впрочемъ, и въ XVII вѣкѣ не было ни строго-установленнаго распредѣленія дѣлъ между приказами, ни точной внѣшней организаціи

[1]) Земскихъ старостъ, вѣдавшихъ сборъ податей, слѣдуетъ отличать отъ вышеупомянутыхъ засѣдателей въ судѣ, носившихъ такое же названіе.

ихъ: иногда во главѣ приказа стоялъ боярин̀ъ, при которомъ находились дьяки, иногда же приказныя дѣла вершилъ одинъ дьякъ съ подъячими. При Іоаннѣ III существовали, вѣроятно, лишь немногіе приказы, да и то въ зачаточномъ состояніи. Первоначальное ихъ назначеніе заключалось, повидимому, въ разборѣ судебныхъ дѣлъ, которыя не могли быть рѣшены кормленщиками (иными словами, приказы были второй судебной инстанціей). Однако и приказы вершили далеко не все: многіе вопросы, касавшіеся суда и управленія, особенно, если для разрѣшенія ихъ требовались новые законы, докладывались государю, который разрѣшалъ ихъ или единолично или по совѣту съ довѣренными людьми.

Б. Государева или боярская дума.

Совѣщанія государя съ приближенными принято называть «государевой» или «боярской думой» или *синклитомъ*. Обычными совѣтниками — «думцами» — были бояре, окольничіе и нѣкоторые придворные чины (дворецкіе, кравчіе) — представители знатныхъ фамилій. Однако со времени Іоанна III и Василія III въ совѣщанія стали привлекаться также люди неродовитые, принадлежавшіе къ классу дѣтей боярскихъ и дворянъ (объ этомъ классѣ будетъ сказано ниже) и дьяки. Какъ въ мѣстномъ управленіи и приказахъ, такъ и въ боярской думѣ они служили противовѣсомъ знати. Дворянамъ и дьякамъ, приглашавшимся въ думу, государь «сказывалъ» почетное званіе «думныхъ» [1]).

Но ни думные дворяне и дьяки, ни обычные «думцы»-бояре не были непремѣнными и обязательными совѣтниками государя. Послѣдній могъ вершить всѣ дѣла безъ чьего-либо совѣта, равнымъ образомъ могъ обращаться за нимъ къ лицамъ, не носившимъ думнаго чина.

Итакъ, составъ государевой думы не былъ всегда одинаковъ; разнообразенъ былъ и порядокъ совѣщаній. Иногда государь, при докладѣ ему различныхъ дѣлъ, просто обращался къ присутствовавшимъ боярамъ за справками, иногда происходило «сидѣнье великаго государя съ бояры» (т. е. болѣе продолжительное обсужденіе чего-нибудь), при чемъ въ такомъ «сидѣньѣ» участвовали или всѣ находившіеся налицо во дворцѣ думцы, или спеціально приглашенныя лица; иногда, наконецъ, совѣтникамъ поручалось выслушать докладъ и обсудить вопросъ въ отсутствіи государя, а затѣмъ представить ему свое мнѣніе.

На языкѣ того времени обычный порядокъ веденія дѣлъ государемъ и думой обозначался словами: «великій государь указалъ, а бояре приговорили». «Боярскій приговоръ» составлялся по любому

[1]) Званія боярина и окольничаго также относились къ думнымъ чинамъ; прочіе же многочисленные чины относились къ категоріи придворныхъ. Особенно близкіе къ государю бояре назывались иногда «ближними» или «комнатными». Но такой эпитетъ не означалъ чина; соотвѣтствовавшее же ему въ удѣльный періодъ наименованіе «введенный» боярин̀ъ въ московское время стало чиномъ.

дѣлу, порученному государемъ: по вопросамъ законодательства, управленія, суда, способа веденія войны и т. д. Изъ общаго состава думцевъ выдѣлялись, въ случаѣ надобности, особыя совѣщанія, являвшіяся какъ бы думскими комиссіями, напр., для завѣдыванія Москвою во время продолжительныхъ отлучекъ государя, для переговоровъ съ иностранными послами, для суда по важнѣйшимъ дѣламъ. Наконецъ, государь, кромѣ обычной боярской думы, могъ имѣть еще «ближнюю» «тайную» думу, состоявшую изъ особо довѣренныхъ бояръ и дьяковъ.

В. Мнѣнія изслѣдователей о думѣ.

Основываясь на томъ, что 1) боярская дума не была обязательной совѣтницей государей, 2) не имѣла строго опредѣленной внѣшней организаціи и компетенціи, 3) что самое выраженіе «боярская или государева дума» является искусственнымъ, такъ какъ памятники говорятъ только о «думѣ съ боярами», при чемъ слово «дума» можетъ толковаться не въ смыслѣ собранія думцевъ, а въ смыслѣ совѣтованія, обдумыванія чего-нибудь, одинъ изслѣдователь (Сергѣевичъ) пришелъ къ выводу, что на думу нельзя смотрѣть какъ на учрежденіе, и что московскіе государи въ ея лицѣ имѣли не постоянный совѣтъ, а только желательныхъ совѣтниковъ. Иначе смотритъ на думу другой историкъ (Ключевскій). Онъ видитъ въ ней учрежденіе, имѣвшее свою продолжительную исторію. Въ X вѣкѣ въ составъ думы, по его мнѣнію, входили княжескіе дружинники, епископы (со времени принятія христіанства) и старцы градскіе. Съ XI вѣка дума Кіевской Руси сдѣлалась односословной, чисто боярской, т. е. состоящей изъ однихъ старшихъ дружинниковъ. Въ удѣльныхъ же княжествахъ она стала «совѣтомъ главныхъ дворцовыхъ прикащиковъ». Въ характеристикѣ думы удѣльнаго времени Ключевскій близко сходится съ Сергѣевичемъ. Онъ называетъ ее совѣтомъ, «измѣнчивымъ по составу, составлявшимся особо для каждаго текущаго или экстреннаго дѣла, которое восходило къ князю». «Эта дума» — продолжаетъ Ключевскій, — «не имѣла привычныхъ намъ формъ государственнаго учрежденія съ уставомъ и постояннымъ составомъ участниковъ, съ точно опредѣленной компетенціей и неизмѣннымъ порядкомъ дѣлопроизводства, съ канцеляріей и протоколами. Это былъ не государственный совѣтъ, а скорѣе княжескій обычай совѣщаться о всякомъ незаурядномъ дѣлѣ». Зато въ Московскій періодъ, какъ утверждаетъ Ключевскій, «дума изъ тѣснаго и измѣнчиваго по составу совѣта съ колеблющимся вѣдомствомъ превратилась въ постоянное сложное учрежденіе съ болѣе устойчивымъ составомъ и опредѣленнымъ кругомъ дѣлъ». Она состояла изъ людей родовитыхъ и выслужившихся. Первымъ «сказывали думу» (т. е. вводили въ нее), «соображаясь съ мѣстническими обычаями и отношеніями». Напротивъ, думные дворяне и думные дьяки получали назначенія по усмотрѣнію государя за личныя качества или государственныя аслуги». «Всѣ служилые люди,

носившіе званіе бояръ, окольничихъ и думныхъ дворянъ, въ силу своихъ званій были членами государственнаго совѣта (т. е. думы) и назывались думными людьми; но тѣ же думные люди управляли московскими приказами, командовали полками въ походахъ и правили областями въ качествѣ намѣстниковъ и воеводъ». «Иногда въ думу приглашались также представители духовенства». Имѣя регулярныя засѣданія, «дума вѣдала очень обширный кругъ дѣлъ судебныхъ и административныхъ»; она «руководила дѣйствіями приказовъ и имѣла контроль надъ областнымъ управленіемъ», но собственно она была «законодательнымъ учрежденіемъ». «Каждый новый законъ исходилъ изъ думы съ обычной помѣтой: «государь указалъ и бояре приговорили». Указъ государя ставилъ вопросъ на очередь, боярскій «приговоръ получалъ силу закона, не восходя даже иногда къ государю на утвержденіе». Чтобы яснѣе представить дѣятельность думы, Ключевскій сравниваетъ ее съ современными учрежденіями. Такъ, онъ видитъ въ ней подобіе «совѣта министровъ», думныхъ дьяковъ называетъ статсъ-секретарями и докладчиками думы; на приказы Посольскій, Разрядный и Помѣстный (вѣдавшій раздачу земель-помѣстій), дѣла которыхъ вела непосредственно сама дума, смотритъ какъ на «отдѣленія думской канцеляріи». Указанныя мнѣнія Ключевскаго раздѣляются многими другими историками.

Боярская дума, какъ видно, была обычнымъ совѣтомъ при государѣ. Въ исключительныхъ же случаяхъ для разрѣшенія затруднявшихъ правительство вопросовъ устраивались особыя совѣщанія, на которыхъ присутствовали не только государь и бояре, но и высшее духовенство (составлявшее такъ называемый «Освященный Соборъ»). Иногда сюда приглашали и московскихъ служилыхъ людей (не носившихъ думнаго чина), и богатѣйшихъ московскихъ купцовъ. Изъ такихъ совѣщаній мало-по-малу и какъ бы незамѣтнымъ образомъ выросли такъ называемые «земскіе соборы» или «совѣты всея земли». Первое отчетливое извѣстіе о «земскихъ соборахъ» относится, какъ увидимъ, ко второй половинѣ XVI вѣка, но возможно, что въ зачаточномъ состояніи они существовали и раньше. Такъ, напр., въ источникахъ попадаются смутныя указанія на то, что еще въ кіевское и удѣльное время князья въ затруднительныхъ случаяхъ обращались за совѣтомъ не только къ дружинникамъ и къ духовенству, но и къ «людямъ градскимъ» или «всимъ людямъ».

Привлеченіе въ правительственныя совѣщанія служилыхъ людей было весьма естественнымъ, такъ какъ со времени Іоанна III служилый классъ получалъ важное значеніе въ государствѣ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Устройство военно-служилаго класса.

§ 1. Служилое землевладѣніе.

А. Характеръ внѣшней политики Московскаго государства.

Служилый классъ, принимавшій участіе на земскихъ соборахъ XVI вѣка, сталъ получать правильное устройство со времени Іоанна III. Подобно другимъ мѣропріятіямъ Іоанна, и организація военно-служилыхъ людей являлась однимъ изъ слѣдствій присоединенія удѣловъ.

Объединеніе Великороссіи и расширеніе предѣловъ Московской Руси до границъ иноземныхъ державъ очень усложнило внѣшнюю политику московскихъ государей. Со времени Іоанна III началось долгое соперничество съ Польско-Литовскимъ государствомъ, съ XVI вѣка стали происходить столкновенія со Швеціей, а въ то же время продолжалась ожесточенная, возобновлявшаяся ежегодно и требовавшая громаднаго напряженія борьба съ крымскими, казанскими, астраханскими и ногайскими татарами, лежавшая теперь всею тяжестью на Москвѣ. Понятно поэтому, что внѣшняя оборона и организація военныхъ силъ была первой, а иногда даже исключительной, заботой московскаго правительства. Всѣ старанія его были направлены къ тому, чтобы создать многочисленный и пригодный къ службѣ классъ ратныхъ людей. Однако при недостаткѣ денежныхъ средствъ, обусловленномъ слабымъ развитіемъ торговли, правительство не могло взять на себя содержаніе и вооруженіе большого войска. Оно могло привлечь къ несенію службы только лицъ болѣе или менѣе обезпеченныхъ, способныхъ явиться въ походъ въ полной боевой готовности. При господствѣ натуральнаго хозяйства главнымъ средствомъ обезпеченія была земля. Поэтому правительство обязало военной службой всѣхъ владѣющихъ землей. Такимъ образомъ, землевладѣніе сдѣлалось условіемъ службы, и обратно: служба стала давать права на землевладѣніе. Связь землевладѣнія со службою не была новостью. Въ удѣльной Руси, какъ упоминалось, существовали особыя «служнія земли», раздававшіяся дворцовымъ слугамъ. Обязательства службы связывались иногда и со владѣніемъ вотчинами, хотя онѣ и считались наслѣдственною собственностью ихъ владѣльцевъ. Итакъ, служилое землевладѣніе встрѣчалось уже въ удѣльный періодъ. Къ концу XV вѣка оно получило дальнѣйшее развитіе, и въ это время окончательно установилось правило, что «земля не должна выходить изъ службы». Руководствуясь имъ, московское правительство 1) требовало

отбыванія службы отъ всѣхъ способныхъ къ ней вотчинниковъ, 2) образовывало особый классъ обязанныхъ службою людей посредствомъ раздачи имъ земельныхъ участковъ въ личное, обусловленное службою, владѣніе. Такія владѣнія получили названіе «помѣстій».

Б. Помѣстья.

Помѣстья по характеру своему весьма напоминали прежнія «служнія земли» (главное различіе заключалось въ томъ, что дворцовый слуга несъ въ пользу князя и служебныя и хозяйственныя повинности; помѣщикъ же прежде всего служилъ, а забота о хозяйственномъ улучшеніи даннаго ему участка считалась второстепеннымъ дѣломъ), а отъ вотчинъ они отличались тѣмъ, что послѣднія признавались наслѣдственною частною собственностью, тогда какъ помѣстья считались лишь обезпеченіемъ и вознагражденіемъ за исполняемую личную службу. Лица служилаго класса, по достиженіи 15-ти-лѣтняго возраста, подвергались осмотру, а затѣмъ опредѣлялись на службу, при чемъ имъ назначали извѣстный окладъ (размѣръ) помѣстья сообразно ихъ «отечеству», служебной годности и въ зависимости отъ того, владѣютъ они вотчинами или нѣтъ (при назначеніи окладовъ уже служившимъ лицамъ принимались во вниманіе ихъ заслуги, ихъ должность и чинъ). Помѣстья отводились обыкновенно въ той мѣстности, въ которой данное лицо должно служить.

В. Верстаніе и испомѣщеніе.

Опредѣленіе на службу и назначеніе помѣстнаго оклада называлось «верстаніемъ». Этимъ завѣдывалъ приказъ Разрядный, въ которомъ сосредоточивалось главное управленіе военно-служилымъ классомъ. Забота же объ «испомѣщеніи» служилыхъ людей, т. е. о самой раздачѣ имъ помѣстій сообразно окладу, лежала на Помѣстномъ приказѣ, находившемся въ зависимости отъ Разряда. Въ раздачу помѣщикамъ шли: 1) дворцовыя земли, доходы съ которыхъ употреблялись на содержаніе дворца, 2) многочисленныя земли, пріобрѣтенныя правительствомъ посредствомъ купли, завоеваній, а также конфискаціи (такъ напр., Іоаннъ III «испомѣстилъ» москвичей на земляхъ, конфискованныхъ у новгородскихъ бояръ), 3) черныя земли.

Земельный капиталъ, находившійся въ распоряженіи правительства, былъ, такимъ образомъ, весьма крупнымъ по количеству. Однако онъ былъ не всегда удовлетворительнымъ по качеству. При малонаселенности нѣкоторыхъ мѣстностей Московской Руси, при крайней бродячести крестьянъ, значительная часть земли не обрабатывалась, пустовала. Между тѣмъ помѣщикъ могъ исправно нести службу только съ «живущей» (т. е. воздѣланной и заселенной) земли: пустая не обезпечивала его, а требовала лишь расходовъ. Недостатокъ живущихъ земель приводилъ къ тому, что «дача» (т. е. количество земли, дѣйствительно отведенной помѣщику) почти всегда была меньше оклада, и помѣщику предоставлялось самому подыскать себѣ подходящую землю для заполненія послѣдняго. Иногда служилый человѣкъ

получалъ земельные участки въ разныхъ мѣстахъ: его помѣстье оказывалось дробнымъ, черезполоснымъ, даже разбросаннымъ по нѣсколькимъ уѣздамъ. Но очень часто правительство, какъ бы упуская изъ виду служебныя обязанности помѣщиковъ и руководствуясь только хозяйственными соображеніями, побуждало служилыхъ людей, предоставленіемъ имъ различныхъ льготъ, принимать въ помѣстья пустыя земли съ тѣмъ, чтобы онѣ черезъ извѣстное время обращены были въ живущія. Въ этомъ случаѣ хозяйственные интересы преобладали надъ служебными, чѣмъ до извѣстной степени нарушался принципъ помѣстья, какъ прежде всего служилаго землевладѣнія. Принципы помѣстной системы еще болѣе нарушались въ другихъ отношеніяхъ. Такъ, напр., хотя правительство смотрѣло на помѣстья, какъ на личное условное владѣніе и поэтому повышало или понижало окладъ ихъ въ зависимости отъ заслугъ или нерадивости служилаго человѣка, а у лицъ, вовсе неспособныхъ къ службѣ, и совсѣмъ отбирало ихъ, тѣмъ не менѣе уже въ XVI вѣкѣ на практикѣ распространялся обычай наслѣдованія помѣстій сыновьями. Еще при жизни отца взрослые (т. е. старше 15 лѣтъ) сыновья «припускались» въ помѣстье къ нему, т. е. дѣлались его совладѣльцами; если же оно не могло обезпечить всѣхъ сыновей, то нѣкоторые изъ нихъ получали земли «въ отводъ», т. е. испомѣщались самостоятельно. Послѣ смерти кого-нибудь изъ совладѣльцевъ его участокъ обыкновенно дѣлился между другими. Даже «недоросль» (несовершеннолѣтній сынъ), непригодный еще къ службѣ, считался наслѣдникомъ отца: ему выдѣлялась часть отцовскаго помѣстья. Отъ недоросля можно было ждать будущей службы, но вдова и дочери помѣщика, очевидно, были къ ней неспособны, а между тѣмъ и онѣ получали часть помѣстья въ «прожитокъ» (т. е. во временное владѣніе: вдова—до вторичнаго замужества, постриженья или смерти, дочери—до 15-ти-лѣтняго возраста, когда имъ полагалось выходить замужъ).

Г. Припускъ и прожитокъ.

Выдѣленіе на «прожитокъ», имѣвшее характеръ пенсіи вдовамъ и сиротамъ, нарушало основной принципъ помѣстной системы: «земля не должна выходить изъ службы». Чтобы избѣжать этого, правительство отдавало иногда прожиточныя земли въ пользованіе служилымъ людямъ, налагая на нихъ обязательство кормить и содержать тѣхъ, кому назначенъ «прожитокъ», но чаще должно было мириться съ отсутствіемъ службы съ послѣдняго. Къ тому же правительство расшатывало указанный принципъ и другими мѣрами. Такъ, напр., бывали случаи пожалованія помѣстной земли церквамъ и монастырямъ; иногда помѣстья отдавались на оброкъ неслужилымъ людямъ, жаловались или продавались въ вотчину, т. е. полную собственность. Что же касается вотчинъ, то хотя онѣ тоже сдѣлались служилымъ владѣніемъ, тѣмъ не менѣе не перестали

Д. Нарушеніе основаній помѣстной системы.

считаться полною собственностью (за исключеніемъ вотчинъ служилыхъ князей). Вотчинники несли обязательную службу со своихъ земель, но сохраняли право распоряженія ими: могли завѣщать, дробить и отчуждать ихъ по своему усмотрѣнію, передавать ихъ въ неслужилыя руки. Такимъ образомъ вотчина съ большою легкостью выходила изъ службы. Правительство боролось съ этимъ частичными мѣрами: оно стѣсняло до извѣстной степени свободу завѣщаній, старалось ограничить переходъ вотчинъ въ руки церковныхъ учрежденій [1]). Но съ другой стороны, преслѣдуя различныя политическія цѣли, оно само часто прибѣгало къ насильственному дробленію, конфискаціи и принудительному обмѣну вотчинъ и этимъ вносило безпорядокъ въ вотчинное землевладѣніе. Практика вообще не соотвѣтствовала теоріи и приводила съ теченіемъ времени къ результатамъ, искажавшимъ тѣ основанія, на которыхъ первоначально было построено взаимоотношеніе землевладѣнія и службы: 1) помѣстья, вслѣдствіе установившагося обычая наслѣдственной передачи ихъ, постепенно все болѣе и болѣе сближались съ вотчинами; 2) какъ вотчины, такъ и помѣстья нерѣдко выходили изъ службы; 3) отчасти этотъ выходъ, а, главнымъ образомъ, запустѣніе многихъ земель вели къ недостатку помѣстнаго запаса, къ значительному несоотвѣтствію оклада и дачи (послѣдняя составляла иногда только четверть оклада), къ крайнему дробленію помѣстій, къ образованію класса мелкопомѣстныхъ, бѣдныхъ служилыхъ людей. Хорошо задуманная система подчиненія землевладѣнія условію службы не была удовлетворительно проведена несмотря на то, что, какъ мы увидимъ, правительство въ теченіе всего XVI вѣка дѣятельно, хотя и не всегда послѣдовательно, работало надъ ея осуществленіемъ. Многаго оно не могло достигнуть потому, что ему пришлось бороться съ трудно-преодолимыми препятствіями: 1) съ экономическими условіями—запустѣніемъ земель, 2) съ обычнымъ правомъ свободнаго распоряженія вотчинами. Частый выходъ земли изъ службы, конечно, крайне неблагопріятно отзывался на служебной годности землевладѣльцевъ.

Е. Служба съ вотчинъ и помѣстій.

Каждый землевладѣлецъ долженъ былъ не только лично являться на службу въ полномъ вооруженіи и съ конемъ, но и приводить съ собою, соотвѣтственно количеству своей земли, извѣстное число

[1]) Заботамъ о сохраненіи служебной годности и о предотвращеніи дробленія вотчинъ, преимущественно княжескихъ и боярскихъ, посвящены были нѣкоторые указы второй половины XVI вѣка. Указъ 1562 года требовалъ, напр., чтобы завѣщанія безсыновныхъ вотчинниковъ утверждались государемъ, ограничивалъ наслѣдственныя права женщинъ и кругъ наслѣдниковъ и устанавливалъ условія перехода вотчины въ собственность государя. Все это было еще опредѣленнѣе и шире развито въ указѣ 1572 года. Въ 1580 г. было запрещено жертвовать вотчины въ пользу монастырей. Однако важнаго практическаго значенія эти указы не имѣли, такъ какъ плохо соблюдались.

«конныхъ и оружныхъ», т. е. вооруженныхъ людей (въ 1556 г. при сынѣ Василія III — Іоаннѣ IV — было установлено, чтобы со ста четвертей въ одномъ полѣ, т. е. 150 десятинъ въ трехъ поляхъ доброй, угожей земли являлся человѣкъ на конѣ и въ полномъ доспѣхѣ, а въ дальній походъ — съ двумя конями). Съ крупными вотчинниками — князьями и боярами — приходили цѣлыя «воинства» ихъ дворовыхъ людей; мелкіе вотчинники и помѣщики являлись съ нѣсколькими холопами, а иногда и одни. Въ качествѣ пособія на вооруженіе служилые люди со времени Василія III стали получать денежное жалованіе.

§ 2. Служилый классъ.

Такъ правительство посредствомъ земли содержало, а посредствомъ денежнаго жалованья вооружало обширный классъ служилыхъ людей, составлявшій главную часть московскаго войска—конницу.

А. Его разряды.

Высшимъ слоемъ этого прикрѣпленнаго къ службѣ класса были князья, бояре и вообще лица, пожалованныя въ думные и придворные чины. Они служили въ войскѣ на первыхъ начальственныхъ мѣстахъ. Второстепенными начальниками и рядовыми воинами были дворяне и дѣти боярскія. Такое названіе носило громадное большинство помѣщиковъ. Классъ дворянъ и дѣтей боярскихъ былъ очень пестрымъ по происхожденію (помѣстьями верстались различные слои населенія) и неоднороднымъ по составу: дворяне и дѣти боярскія раздѣлялись на нѣсколько разрядовъ и статей въ зависимости отъ своего «отечества», служебной годности, величины оклада и даже мѣстонахожденія помѣстья (испомѣщенные вокругъ Москвы считались выше провинціальныхъ). Принимая во вниманіе всѣ эти различія, можно лишь условно назвать дворянъ и дѣтей боярскихъ среднимъ слоемъ служилаго класса.

Терминъ «дѣти боярскія» (въ ед. числѣ сынъ боярскій) толкуется въ наукѣ различно. Одни ученые видятъ въ нихъ потомство захудавшихъ боярскихъ фамилій, члены которыхъ въ теченіе долгаго времени не достигали ни боярства, ни высшихъ должностей, а потому опустились въ мѣстническомъ отношеніи и изъ высшаго служилаго слоя перешли въ средній. Другіе считаютъ этотъ терминъ синонимомъ понятія «отроки бояръ» и поэтому смотрятъ на дѣтей боярскихъ, какъ на дружинниковъ бояръ, которые вмѣстѣ съ послѣдними перешли на московскую службу, занявъ на ней второстепенныя мѣста. Болѣе понятно названіе «дворяне», очевидно происходящее отъ слова «дворъ». Дворяне — это потомки дворовыхъ или дворныхъ людей удѣльнаго времени, въ составъ которыхъ вмѣстѣ съ другими княжескими слугами, какъ свободными, такъ и не свободными, входили и младшіе дружинники. Между

дѣтьми боярскими и дворянами первоначально существовала нѣкоторая разница: до половины XVI вѣка первыя занимаютъ высшее мѣсто сравнительно со вторыми, затѣмъ эти два класса смѣшиваются такъ, что одно названіе часто употребляется вмѣсто другого (одни и тѣ же лица называются то дворянами, то дѣтьми боярскими), а въ XVII вѣкѣ обычнымъ названіемъ для помѣщиковъ дѣлается терминъ «дворяне», выраженіе же «дѣти боярскія» встрѣчается рѣже и, въ противоположность прежнему времени, означаетъ, повидимому, классъ низшій, чѣмъ дворяне. Но сближеніе и даже сліяніе этихъ двухъ терминовъ съ половины XVI вѣка отнюдь не является доказательствомъ внутренней однородности самаго класса дворянъ и дѣтей боярскихъ. Онъ, какъ сказано выше, былъ весьма разнороднымъ и по составу, и по происхожденію. Лучшіе изъ дворянъ достигали, какъ извѣстно, думнаго чина (думные дворяне). Дворяне, испомѣщенные въ окрестностяхъ Москвы и служившіе, такъ сказать, на глазахъ у государя, назывались московскими дворянами. Они составляли нѣчто вродѣ гвардіи и занимали привилегированное положеніе: получали придворные чины, высокія должности, исполняли различныя государевы порученія. Пожалованіе въ московскіе дворяне («написаніе въ московскій списокъ») считалось великой честью для провинціальныхъ дѣтей боярскихъ. Составъ послѣднихъ былъ тоже неодинаковъ: лучшіе изъ провинціальныхъ дѣтей боярскихъ назывались «выборными». Это были тѣ, которыя употреблялись для исполненія различныхъ порученій и занимали низшія начальственныя должности въ войскѣ. Затѣмъ слѣдовали дворовыя дѣти боярскія и, наконецъ, городовыя, служившія въ войскѣ простыми воинами. Но и городовыя дѣти боярскія раздѣлялись на нѣсколько статей, въ зависимости отъ величины оклада. Будучи дробнымъ по составу, классъ дворянъ и дѣтей боярскихъ былъ очень пестрымъ по происхожденію: съ одной стороны въ его ряды входили многія лица даже княжескихъ фамилій, почему-либо не устроившія своей служебной карьеры, съ другой стороны въ служебные списки дворянъ и дѣтей боярскихъ (такъ называемые «десятни») вносились иногда крестьяне и даже холопы, крещеные и некрещенные татары и т. д.

Да и по имущественному положенію многіе изъ дѣтей боярскихъ не отличались отъ крестьянъ: помѣстья нѣкоторыхъ изъ нихъ были очень мелки и совершенно не имѣли крестьянскаго населенія, такъ что имъ приходилось самимъ обрабатывать свои земли. Изъ такихъ мелкопомѣстныхъ дворянъ-землевладѣльцевъ создался впослѣдствіи особый классъ однодворцевъ.

Итакъ, дворяне и дѣти боярскія представляли собою очень разнородную массу, которую нельзя назвать сословіемъ въ строгомъ смыслѣ этого слова. Только три признака до извѣстной степени объединяли ея составные элементы: 1) всѣ принадлежавшіе къ ней вносились въ особые служебные списки (десятни), 2) всѣ владѣли помѣстьями,

3) всѣ были обязаны военной службой. Но два послѣднихъ признака не были исключительными: помѣстьями жаловались также приказные люди (дьяки и подъячіе), а военную службу несли, въ качествѣ низшаго служилаго класса, еще разнообразные слои населенія.

Б. Низшій служилый классъ.

Низшій служилый классъ предназначался, главнымъ образомъ, для сторожевой и осадной службы и составлялъ обыкновенно пѣхоту. Въ него входили какъ мелкопомѣстныя дѣти боярскія, такъ и люди различнаго происхожденія. Напр., во время осады города къ защитѣ его призывались и его неслужилые жители—купцы и посадскіе. Правительство «прибирало», т. е. вербовало, на службу и крестьянъ—по одному съ опредѣленнаго числа дворовъ, и холоповъ. Изъ разнородныхъ людей составлялись особые пѣхотные, вооруженные ружьями полки—стрѣлецкіе, поселенные въ пригородныхъ слободахъ. Появилась и артиллерія—пушкари. На службу принимались также иноземцы, притекавшіе на Русь вслѣдъ за знатными выходцами изъ Литвы и Орды. Наконецъ, правительство охотно пользовалось услугами «козаковъ». Такъ назывались бѣглецы изъ Польско-Литовскаго и Московскаго государствъ, недовольные установившимися тамъ порядками и искавшіе воли въ черноморскихъ степяхъ. Эти «гулящіе люди» занимались преимущественно грабежами и разбоями, но усердно бились съ «басурманами», т. е. татарами. Московское правительство усиленнымъ образомъ «прибирало» козаковъ на сторожевую службу, оставляя ихъ иногда подъ начальствомъ ихъ же собственныхъ атамановъ.

В. Послѣдствія помѣстной системы.

Итакъ, потребности внѣшней обороны вызвали образованіе въ Московскомъ государствѣ многочисленнаго военно-служилаго класса. Главнымъ средствомъ его содержанія была «помѣстная система», т. е. раздача земель въ условное владѣніе. Эта сложная система проводилась постепенно въ теченіе всего XVI вѣка. Для осуществленія ея было необходимо: 1) чтобы всегда имѣлось достаточное количество земли, 2) чтобы эта земля была удовлетворительной по своему качеству, т. е. могла бы обезпечивать служилыхъ людей. Заботы правительства объ этомъ затрогивали, какъ сейчасъ увидимъ, интересы двухъ неслужилыхъ классовъ общества: духовенства и крестьянства, каждаго изъ нихъ по своему. Интересы перваго были затронуты тѣмъ, что правительство пыталось ограничить чрезмѣрный ростъ монастырскаго землевладѣнія, развивавшагося въ ущербъ служилому. Интересы второго—тѣмъ, что оно стремилось прикрѣпить крестьянъ къ служилой землѣ, чтобы предотвратить ея запустѣніе и обезпечить помѣщиковъ крестьянскими рабочими руками.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Монастырское землевладѣніе и отношеніе церкви къ государству.

§ 1. Монастырское землевладѣніе.

О землевладѣніи монастырей шла уже рѣчь при характеристикѣ ихъ значенія въ удѣльное время.

Именно, какъ было сказано, и городскіе или пригородные, и пустынные монастыри силою обстоятельствъ превращались въ богатыхъ землевладѣльцевъ: и тѣ и другіе пышно богатѣли отъ различныхъ вкладовъ, какъ денежныхъ, такъ особенно земельныхъ. Щедрѣе всего притекали вклады на поминовеніе или, какъ они назывались, «вклады по душѣ». Объясняется это широкимъ распространеніемъ въ то время вѣры, что для загробнаго спасенія необходимо монастырское поминовеніе, которое покупалось цѣною большого вклада. Не довольствуясь добровольными вкладами, многіе монастыри вступали на путь чисто коммерческихъ предпріятій (напр., они занимались куплей, перепродажей и мѣной вотчинъ, пріемомъ ихъ въ залогъ, отдачей денегъ въ ростъ, сложными договорами со вкладчиками, изобрѣтеніемъ особыхъ способовъ веденія хозяйства на своихъ земляхъ). Раздача земель въ условное владѣніе (временное или пожизненное, безвозмездное или платное), съ цѣлью улучшенія ихъ культурнаго состоянія, практиковалась монастырями такъ же, какъ и другими крупными вотчинниками. На монастырскихъ земляхъ сидѣли своего рода помѣщики, на земляхъ, принадлежавшихъ митрополичьей каѳедрѣ — служилые люди митрополита: его бояре и дѣти боярскія. Хозяйство монастырскихъ земель находилось въ болѣе благопріятномъ положеніи, по сравненію съ другими. Объясняется это тѣмъ, что монастыри 1) получали различныя податныя льготы и привилегіи, не обременялись тяжелыми поземельными повинностями и потому не терпѣли недостатка въ рабочихъ крестьянскихъ рукахъ, 2) обладали въ изобиліи денежными средствами. Итакъ, монастырское землевладѣніе развивалось не только количественно, раскинувшись чуть ли не на треть всей Московской Руси, но и качественно превосходило всякое другое.

Обогащеніе монастырей приводило къ нежелательнымъ послѣдствіямъ двоякаго рода: 1) оно способствовало упадку монастырской дисциплины, 2) вызывало зависть и недоброжелательство служилаго класса и создавало серьезныя затрудненія для государства. Искаженіе первоначальнаго монастырскаго идеала и упадокъ прежней строгой жизни монастырей были почти повсемѣстнымъ явленіемъ въ XV и XVI вѣкахъ. Тихая община людей, отрекшихся отъ всякаго иму-

щества, превращалась въ богатѣйшаго землевладѣльца; аскеты, чуждые всего мірского, занимались куплей и продажей земель; тяжелый иноческій трудъ, связанный со всевозможными лишеніями, замѣнялся хозяйственными заботами, обрядовымъ выполненіемъ заказного поминовенія да участіемъ въ роскошныхъ «кормахъ» (поминальныхъ пирахъ). Всѣ эти противорѣчія вполнѣ сознавались современниками. Обличеніе упадка монастырской жизни и призывы къ возрожденію ея были любимой темой писателей того времени. Различіе было только въ рекомендуемыхъ средствахъ исправленія зла: одни хотѣли лечить только слѣдствіе—упадокъ монашества, не касаясь причины—монастырскаго землевладѣнія, другіе, болѣе послѣдовательные, хотѣли искоренить и ее и рѣзко высказывались противъ права монастырей владѣть вотчинами.

§ 2. Нестяжатели и Іосифляне.

Представители второго направленія, выступившіе на литературное поприще въ концѣ XV и въ началѣ XVI вѣка, получили названіе «нестяжателей», т. е. противниковъ монастырской собственности.

А. Сущность воззрѣній нестяжателей.

Общій смыслъ ихъ разсужденій сводится къ слѣдующему. Иноки — непогребенные мертвецы, люди, отшедшіе отъ міра; монастыри не должны поэтому вмѣшиваться въ мірскія дѣла; обмірщеніе монастырей, ихъ связь съ землею-міромъ происходитъ вслѣдствіе монастырскаго землевладѣнія; слѣдовательно, лишь уничтоживъ послѣднее, можно поставить монастыри независимо отъ міра и выше его. Нестяжатели были также противниками господствовавшаго тогда обрядоваго благочестія, не придавали особаго значенія его внѣшнимъ проявленіямъ—посту, долгой молитвѣ, изнуренію плоти; они стремились постигнуть глубокій, внутренній смыслъ религіи, пересоздать душу, побѣдить грѣховные помыслы; имъ не чуждо было и мистическое настроеніе — непрестанная, сосредоточенная, доводящая до полнаго самозабвенія мысль о Богѣ и чувство общенія съ нимъ, доставляемое безмолвной молитвой. Заслуживаетъ упоминанія также рѣдкая въ то время религіозная терпимость «нестяжателей», проявленная ими въ борьбѣ съ появившейся въ концѣ XV вѣка ересью «жидовствующихъ».

Эта ересь заключалась въ предпочтеніи Ветхаго Завѣта Новому, въ отрицаніи основныхъ догматовъ христіанства (догмата о Св. Троицѣ, о Божествѣ Іисуса Христа и друг.) и въ рѣзкомъ движеніи противъ иконопочитанія. Она, по преданію, занесена была въ Новгородъ пріѣзжимъ евреемъ Схаріемъ, нашла тамъ много послѣдователей, преимущественно среди священниковъ, а черезъ нихъ распространилась и въ

Москвѣ, увлекши даже нѣкоторыхъ приближенныхъ Іоанна и супругу его старшаго сына Елену (мать Димитрія)[1]). Многіе борцы противъ этой быстро распространившейся и разбившейся на нѣсколько толковъ ереси требовали, какъ увидимъ, безпощаднаго истребленія ея послѣдователей, не исключая даже раскаявшихся. Нестяжатели, напротивъ, совѣтовали дѣйствовать противъ еретиковъ не мѣрами устрашенія, а убѣжденіемъ и милосердіемъ.

Б. Нилъ Сорскій и его послѣдователи.

Основателемъ направленія нестяжателей былъ великій подвижникъ, убѣжденный аскетъ и глубокій мыслитель—мистикъ преп. Нилъ Майковъ († 1508), устроившій скитъ (уединенный монастырь) на рѣкѣ Сорѣ за Волгой. По своему мѣстожительству Нилъ получилъ прозваніе Сорскаго, а приверженцы его, вышедшіе преимущественно изъ Кирилло-Бѣлозерскаго (гдѣ первоначально обиталъ и самъ Нилъ) и другихъ монастырей, расположенныхъ за Волгой, называются часто «заволжскими» старцами.

Изъ послѣдователей преп. Нила Сорскаго слѣдуетъ упомянуть Вассіана Косого (насильно постриженнаго при Іоаннѣ III князя Патрикѣева) и приглашеннаго (въ 1518 г.) въ Москву для перевода богослужебныхъ книгъ великокняжеской библіотеки знаменитаго ученаго аѳонскаго монаха Максима Грека.

Вассіанъ извѣстенъ нѣсколькими сочиненіями, въ которыхъ жестоко и безпощадно, ярко и язвительно бичуются пороки современнаго утопающаго въ роскоши монашества. Ему между прочимъ приписывали (хотя и несправедливо) сочиненіе злѣйшей сатиры на мо-

---

[1]) Ересь жидовствующихъ была отчасти подготовлена другой, распространенной во Псковѣ и Новгородѣ еще съ XIV вѣка, ересью «стригольниковъ». Подъ послѣднею разумѣлись различные виды религіознаго вольномыслія и отрицательнаго отношенія къ духовенству. Одни изъ стригольниковъ возставали только противъ обычая уплаты пошлины при поставленіи въ священники. Другіе отрицали вообще священство, вселенскіе соборы, монашество, таинства, Св. Преданіе. Третьи истолковывали по своему и Св. Писаніе, отвергали почитаніе святыхъ, загробную жизнь и т. д. Происхожденіе какъ той, такъ и другой ереси можетъ быть до извѣстной степени объяснено духомъ протеста противъ обрядоваго характера благочестія того времени. При невысокомъ уровнѣ образованія духовенства, при почти поголовной безграмотности мірянъ религіозные интересы ограничивались въ большинствѣ случаевъ лишь обрядовыми спорами. Образцомъ ихъ можетъ служить возникшій въ концѣ XV вѣка ожесточенный споръ о томъ, слѣдуетъ ли сугубить (повторять два раза) или трегубить (повторять три раза) аллилуія, слѣдуетъ-ли священнику обходить церковь противъ движенія солнца или «по-солонь». Не довольствуясь такими обрядовыми вопросами, нѣкоторые люди вступали на путь религіознаго вольномыслія и увлекались иноземными еретическими направленіями. Такъ, уже издавна на Руси было не мало послѣдователей болгарской секты, возникшей въ X вѣкѣ,—богумильства, придерживавшейся дуализма, т. е. признававшей два равныхъ по силѣ начала міра—доброе и злое. Эта же самая секта повліяла на образованіе во Франціи ереси альбигойцевъ.

наховъ-вотчинниковъ--«Бесѣды валаамскихъ чудотворцевъ» [1]). Въ противоположность Нилу, Вассіанъ былъ политикомъ: въ немъ крѣпко жили княжескія притязанія и недовольство установившимся политическимъ порядкомъ; нападая на монастырское землевладѣніе, онъ разсуждалъ не только какъ монахъ-аскетъ, но и какъ бояринъ-вотчинникъ, съ раздраженіемъ смотрѣвшій на постепенное поглощеніе монастырями боярскаго землевладѣнія.

Максимъ Грекъ получилъ блестящее образованіе въ Италіи, но вынесъ оттуда не религіозное безразличіе, свойственное эпохѣ гуманизма, а глубокое благоговѣніе передъ фанатикомъ Саванаролой. Образъ Саванаролы жилъ всегда въ душѣ Максима, являлся для него путеводной звѣздой. Въ Москвѣ Максимъ прославился обширною литературною дѣятельностью. Онъ сдѣлалъ много переводовъ и толкованій Св. Писанія, указалъ нѣсколько существенныхъ ошибокъ въ русскихъ богослужебныхъ книгахъ, написалъ цѣлый рядъ обличеній не только противъ иновѣрцевъ и еретиковъ (къ жидовствующимъ онъ относился очень непримиримо), но и противъ православныхъ русскихъ, укоряя ихъ въ приверженности къ апокрифическимъ книгамъ (т. е. книгамъ, отвергаемымъ Православною Церковью), къ суевѣріямъ, къ вѣрѣ въ волшебство. Очень зло осмѣялъ Максимъ недостатки русскаго духовенства, лицемѣріе монаховъ, остроумно опровергъ доводы въ пользу монастырскаго землевладѣнія. Въ своихъ обличеніяхъ онъ затронулъ и свѣтскую власть, обвиняя правителей и судей въ злоупотребленіяхъ и лихоимствѣ; нѣсколько замаскированныхъ упрековъ сдѣлалъ онъ и самому великому князю Василію III, съ недоброжелателями котораго (напр., съ Берсеномъ) водилъ близкое знакомство. Роль русскаго Саванаролы и критика русскихъ богослужебныхъ книгъ дорого обошлись Максиму: онъ былъ привлеченъ къ слѣдствію, нѣсколько разъ подвергался допросамъ и около тридцати лѣтъ провелъ въ тяжкомъ монастырскомъ заточеніи. Страданія сломили сильную натуру Максима: подъ конецъ жизни онъ оправдывался въ прежнихъ своихъ мнѣніяхъ, унижался передъ судьями, засыпалъ вліятельныхъ людей мольбами объ отпускѣ его на Аѳонъ. Но ему не удалось видѣть родины, и въ 1556 году онъ скончался въ Троицко-Сергіевскомъ монастырѣ, гдѣ отбывалъ послѣдніе годы своего заключенія. Еще раньше него сошли со сцены другіе «нестяжатели». Восторжествовала та партія духовенства, съ которой они вели литературную полемику.

---

[1]) Это произведеніе, какъ теперь думаютъ, составлено уже въ царствованіе Іоанна IV кѣмъ-нибудь изъ ближайшихъ послѣдователей Вассіана, по его примѣру нападавшихъ на монастырское землевладѣніе, обогащеніе иноковъ и вмѣшательство ихъ въ политику.

В. Іосифъ Санинъ.

«Нестяжатели» посвятили свои силы и таланты, главнымъ образомъ, литературной борьбѣ со своими противниками «іосифлянами», прозванными такъ по имени виднѣйшаго ихъ представителя — Іосифа Санина. Преп. Іосифъ началъ свою дѣятельность въ качествѣ монаха, исходившаго въ исканіи духовныхъ подвиговъ не мало обителей, а затѣмъ основавшаго свой собственный Волоколамскій или Волоцкій монастырь. Сдѣлавшись игуменомъ его, Іосифъ Волоцкій (такъ сталъ онъ прозываться по имени своего монастыря) быстро выдвинулся благодаря своей непреклонной настойчивости, рѣдкой начитанности, большому чисто-практическому уму, отличному знанію современности и умѣнію приспособляться къ обстоятельствамъ. Онъ заслужилъ широкую извѣстность 1) своимъ энергичнымъ содѣйствіемъ новгородскому архіепископу Геннадію, положившему всѣ силы на борьбу съ ересью жидовствующихъ, 2) необыкновенно стойкой защитой монастырскаго землевладѣнія, существованіе котораго онъ пытался примирить со строгой иноческой дисциплиной, 3) заботами объ установленіи тѣснаго союза между Церковью и государствомъ.

Борьба съ жидовствующими, которой посвятилъ себя архіепископъ Геннадій, была труднымъ дѣломъ. Еретики, искусно скрывавшіе свои мнѣнія отъ непосвященныхъ, проникли на многія священническія мѣста особенно въ Москвѣ и, благодаря своей начитанности и видимому благочестію, сумѣли достигнуть большого вліянія при дворѣ. Имъ удалось даже, при посредствѣ близкихъ къ Іоанну III лицъ, добиться возведенія на митрополичью каоедру игумена Зосимы, который втайнѣ сочувствовалъ жидовствующимъ и очень неохотно соглашался на преслѣдованія ихъ. Онъ ненавидѣлъ Геннадія и возстановлялъ противъ него Іоанна III, отлично освѣдомленнаго о ереси, но по какимъ-то причинамъ терпѣвшаго ее. Геннадій тѣмъ не менѣе не уступалъ и въ своихъ посланіяхъ убѣждалъ другихъ владыкъ «никакихъ рѣчей съ еретиками о вѣрѣ не плодить, а созвать соборъ для того, чтобы еретиковъ казнить, жечь и вѣшать». Но, несмотря на свое сочувствіе къ испанской инквизиціи, которую онъ ставилъ въ примѣръ московскому митрополиту, Геннадій понималъ, что одною жестокостью многаго не достигнешь, а потому совѣтовалъ также позаботиться о просвѣщеніи духовенства, бывшаго часто неграмотнымъ, и о заведеніи училищъ. Воззванія Геннадія оставались безуспѣшными: ему удалось добиться наказанія только отдѣльныхъ еретиковъ. Положеніе дѣла измѣнилось, когда онъ призвалъ себѣ въ сотрудники Іосифа Волоцкаго.

Принявшись за борьбу съ ересью, Іосифъ прежде всего обрушился съ рѣзкими обличеніями на митрополита Зосиму, мирволившаго еретикамъ, и принудилъ его къ отреченію отъ митрополіи. Въ опроверженіе ереси онъ написалъ обширное богословское произведеніе подъ заглавіемъ: «Просвѣтитель», въ которомъ изложены были важнѣйшія

истины православной вѣры. По отношенію къ самимъ еретикамъ Іосифъ, подобно Геннадію, требовалъ принятія самыхъ жестокихъ мѣръ. Въ этомъ онъ рѣзко разошелся съ нестяжателями и заслужилъ съ ихъ стороны суровые упреки.

Еще рѣзче было разногласіе по вопросу о монастырскомъ землевладѣніи, страстнымъ и убѣжденнымъ защитникомъ котораго выступилъ Іосифъ. Въ противоположность нестяжателямъ, онъ доказывалъ, что монастыри обязаны не обособляться отъ міра, а, напротивъ, вліять на него и служить разсадниками высшихъ духовныхъ лицъ—епископовъ. Въ епископы же должны, по его мнѣнію, готовиться честные и доброродные, т. е. родовитые, люди, которые не станутъ постригаться, если у монастырей не будетъ вотчинъ, и инокамъ придется нищенствовать. Итакъ, безъ богатыхъ монастырей не будетъ «доброродныхъ старцевъ», а безъ доброродныхъ старцевъ и вѣра поколеблется—вотъ общій смыслъ практическихъ разсужденій Іосифа. Нареканія на корыстолюбіе монаховъ онъ старался опровергнуть указаніями на ихъ широкую благотворительность, а совмѣщеніе владѣнія вотчинами со строгой дисциплиной надѣялся доказать на примѣрѣ своего богатаго, но образцоваго по жизни иноковъ монастыря.

§ 3. Отношеніе Церкви къ государству.

А. Отношеніе правительства къ монастырскому землевладѣнію.

Задача, принятая на себя Іосифомъ, была не изъ легкихъ. Какъ жидовствующіе, такъ въ особенности нестяжатели, имѣли вліятельныхъ покровителей. Монастырское землевладѣніе вызывало рѣзкіе нападки со стороны всего служилаго класса, раздраженнаго землевладѣльческимъ соперничествомъ съ духовенствомъ. Наконецъ, что важнѣе всего, самъ Іоаннъ III терпимо относился къ жидовствующимъ и покушался на отобраніе монастырскихъ вотчинъ. Какъ государь, впервые примѣнившій въ широкихъ размѣрахъ раздачу помѣстій и установившій обязательную службу съ вотчинъ, Іоаннъ съ естественною завистью смотрѣлъ на богатыя монастырскія земельныя имущества, которыя можно было бы превратить въ полезный помѣстный капиталъ; онъ не хотѣлъ мириться съ переходомъ служебныхъ вотчинъ, посредствомъ вкладовъ, въ собственность монастырей и, такимъ образомъ, съ выходомъ ихъ изъ службы. Послѣ покоренія Новгорода онъ уже наложилъ свою руку на часть земли новгородскаго духовенства, раздавъ ее боярскимъ дѣтямъ.

Чуткій въ оцѣнкѣ дѣйствительности, Іосифъ прекрасно учитывалъ вліяніе великаго князя, который и церковными дѣлами распоряжался такъ же властно, какъ мірскими, на митрополитовъ смотрѣлъ, какъ на своихъ ставленниковъ, и смѣло вмѣшивался въ богословскіе

обрядовые споры. Поэтому Іосифъ всѣми силами старался добиться личнаго расположенія Іоанна, а въ своихъ произведеніяхъ проводилъ идею тѣснаго единенія Церкви и государства, защищалъ право свѣтской власти вмѣшиваться въ церковные вопросы, усвоялъ московскому великому князю то громадное значеніе въ дѣлахъ Церкви и всего православнаго міра, какимъ нѣкогда пользовался Византійскій императоръ; признавая, что «царскій судъ святительскимъ судомъ не посужается», Іосифъ ставилъ царскую власть какъ бы выше духовной.

Б. Соборы 1503 и 1504 г.г.

Усилія Іосифа и его дипломатическія способности привели къ желаннымъ для него результатамъ: церковный соборъ 1503 года, несмотря на возраженія Нила Сорскаго, очень опредѣленно высказался противъ отобранія въ пользу государства какъ монастырскихъ, такъ и вообще церковныхъ земель. Вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы обезоружить своихъ противниковъ, іосифляне предложили на этомъ соборѣ нѣсколько мѣръ, поднимавшихъ благочиніе духовенства. (Такъ, напр., запрещено было взимать плату за поставленіе на священническія мѣста, поставлять въ священники ранѣе опредѣленнаго возраста, допускать къ служенію вдовыхъ священниковъ и дьяконовъ, запрещено было монахамъ и монахинямъ жить въ одномъ и томъ же монастырѣ, предписывались строгія монастырскія правила и т. д.).

Слѣдующій 1504 годъ принесъ новое торжество іосифлянамъ: церковный соборъ проклялъ жидовствующихъ, и многіе изъ нихъ были сожжены. Постановленія обоихъ соборовъ получили силу потому, что Іоаннъ III не противился имъ: сближеніе съ іосифлянами, такъ охотно шедшими навстрѣчу усиленію его власти, представляло для него большія выгоды.

В. Продолженіе спора.

Однако и послѣ собора 1503 года вопросъ о монастырскомъ землевладѣніи не замеръ: ни нестяжатели во имя соображеній принципіальныхъ, ни преемники Іоанна III во имя практическихъ соображеній не могли примириться съ нимъ. Нестяжатели вели ожесточенный литературный споръ съ Іосифомъ, а послѣ его смерти (въ 1515 г.)—съ его учениками. Положеніе спорящихъ было неравное: іосифляне дослуживались до высшихъ духовныхъ мѣстъ: двое послѣдователей Іосифа—Даніилъ и Макарій—одинъ за другимъ занимали митрополичью каѳедру; нестяжатели же скрывались въ тѣни монастырей. Неудивительно поэтому, что іосифляне легко отдѣлались отъ докучныхъ принципіальныхъ противниковъ: жестокій обличитель ихъ Вассіанъ былъ сосланъ на исправленіе въ Волоцкій монастырь; тамъ же протомился долгіе годы и Максимъ Грекъ; пострадали и еще нѣкоторые нестяжатели, другіе замолкли. Литературная борьба заглохла, но правительству іосифляне должны были сдѣлать кое-какія уступки въ больномъ для нихъ вопросѣ о монастырскомъ землевладѣніи. Мѣропріятія преемниковъ Іоанна III клонились къ тому, чтобы 1) нѣсколько

ограничить земельные вклады въ монастыри, 2) дать возможность родственникамъ вкладчика выкупать вкладныя вотчины, 3) распространить на монастырскія земли нѣкоторую тягость служебнаго и податного бремени.

Уже при Іоаннѣ III состоялся указъ, разрѣшавшій выкупать у монастырей вотчины, если при вкладѣ ихъ не было оговорено, что онѣ даются на вѣчное поминовеніе. Этотъ указъ подтверждался и впослѣдствіи, но право выкупа обставлялось различными ограничительными условіями: имъ могли пользоваться только боковые родственники вкладчика, притомъ не позже, какъ черезъ сорокъ лѣтъ послѣ вклада; цѣна опредѣлялась полюбовнымъ соглашеніемъ съ монастыремъ и т. д. При Василіи III нѣкоторымъ князьямъ-вотчинникамъ и жителямъ нѣкоторыхъ мѣстностей запрещено было давать монастырямъ вотчины безъ разрѣшенія великаго князя. Въ 1551 г. это запрещеніе было распространено на всю Московскую Русь, но на практикѣ плохо соблюдалось. Не имѣли практическаго значенія и другіе указы второй половины XVI вѣка, предписывавшіе замѣнять земельные вклады денежными (въ видѣ общей мѣры это было постановлено въ 1580 году), такъ какъ въ деньгахъ замѣчался большій недостатокъ, чѣмъ въ земляхъ, да къ тому же правительство противорѣчило самому себѣ, разрѣшая (по указу 1572 г.) земельные вклады въ пользу бѣдныхъ монастырей и само практикуя ихъ. Попытки его установить извѣстныя нормы монастырскаго землевладѣнія (по примѣру помѣстныхъ окладовъ) не увѣнчались успѣхомъ.

Болѣе послѣдовательно дѣйствовало правительство въ своемъ стремленіи распространить на монастырскія земли податныя и служебныя обязанности. Такъ, хотя монастыри и продолжали получать льготныя (тарханныя) грамоты, освобождавшія ихъ отъ податей и повинностей, тѣмъ не менѣе на нихъ лежали расходы, связанные съ ратнымъ дѣломъ. Поэтому монастыри, по крайней мѣрѣ нѣкоторые, обязаны были содержать на свои средства военные отряды, окружать себя укрѣпленіями, возмѣщать военные расходы и т. д. Во второй половинѣ XVI вѣка правительство старалось самыя льготы и земельные вклады монастырямъ обусловить ихъ служебными заслугами.

Однако всѣ мѣры правительства, направленныя къ тому, чтобы ограничить или привлечь къ службѣ монастырское и церковное землевладѣніе, не отличались ни энергіей, ни достаточной послѣдовательностью. Это весьма понятно: борьба съ земельными вкладами затрогивала религіозныя вѣрованія того времени, а выкупъ вкладныхъ вотчинъ не согласовался съ понятіемъ вклада на вѣчное поминовеніе. Къ тому же распри съ духовенствомъ изъ-за этого вопроса не только противорѣчили бы исконному благочестію московскихъ государей, но и представляли бы для нихъ значительныя невыгоды. Духовенство проповѣдывало тѣсный союзъ Церкви съ государствомъ для обоюдной взаимопомощи духовной и свѣтской

власти: Церковь, дѣлаясь государственной, обезпечивала себѣ матеріальное содѣйствіе государства, а послѣднее получало важную религіозную и нравственную поддержку Церкви, такъ какъ духовенство стояло во главѣ того національнаго и патріотическаго движенія, которое давало твердую опору власти московскихъ государей.

§ 4. Національное движеніе и общественное настроеніе XVI вѣка.

Національное движеніе, проявлявшееся съ конца XV вѣка и вызванное успѣхами объединительной политики московскихъ государей, выражалось въ созданіи русскими грамотеями цѣлаго ряда патріотическихъ теорій, имѣвшихъ своею цѣлью выяснить положеніе Московскаго государства въ ряду другихъ, опредѣлить значеніе его государя и указать міровую роль Москвы. Однѣ изъ этихъ теорій прославляли Москву, какъ преемницу Византіи, и переносили на нее исключительное значеніе послѣдней. Другія разукрашивали всевозможными легендами прошлую русскую исторію, смотрѣли на русскій народъ, какъ на избранный и искони возвеличенный надо всѣми. Изъ патріотическихъ теорій наибольшее распространеніе получилъ взглядъ на Москву, какъ на «третій Римъ». Смыслъ его сводится къ слѣдующему:

А. Теорія «Москва — третій Римъ» и ея значеніе.

Древній Римъ, центръ мірового государства, со времени принятія христіанства сталъ также средоточіемъ истинной вѣры. Но онъ палъ вслѣдствіе отклоненія отъ православія, и мѣсто его занялъ «второй Римъ—великій царствующій благочестіемъ градъ Константинополь». Однако и онъ погибъ (завоеванъ турками въ 1453 г.), прельстившись латинствомъ, т. е. католицизмомъ, и измѣнивъ ради него православной греческой вѣрѣ (измѣну грековъ православію русскіе грамотеи видѣли въ принятіи ими Флорентійской уніи). Но истинная вѣра не можетъ погибнуть до скончанія вѣковъ: померкнувъ въ Греціи, она сохраняется въ полной чистотѣ на Руси, принявшей христіанство изъ Византіи, и потому Москвѣ, послѣ паденія Константинополя, предстоитъ роль «третьяго Рима», оплота и опоры православія во всемъ мірѣ. «Два Рима падоша», писалъ при Василіи III одинъ инокъ (Филоѳей, монахъ псковскаго Елеазарова монастыря), «третій — Москва — стоитъ, а четвертому не быть». «Единъ московскій государь—во всей поднебесной христіанамъ царь»: «всѣ царства православныя сошлись въ его единое царство».

Эта теорія, установившая преемство между Византіею и Москвою въ дѣлѣ охраны правовѣрія, была не только чрезвычайно распространена въ русской письменности XVI и слѣдующаго вѣка, но имѣла и нѣкоторое практическое значеніе. Именно, съ одной стороны она способствовала возвышенію власти московскихъ государей, съ

другой—наклала извѣстный отпечатокъ на характеръ дѣятельности духовенства и на міросозерцаніе русскихъ людей. На московскихъ государей, какъ на властителей третьяго Рима, переносилось значеніе владыкъ второго—византійскихъ императоровъ. Правда, какъ уже упоминалось, ни Іоаннъ III, ни его преемники не домогались ихъ политической роли: не титуловали себя, какъ они, «владыками и самодержцами вселенной», не считали себя ихъ дѣйствительными наслѣдниками и не мечтали о «константинопольской вотчинѣ». Однако, при содѣйствіи духовенства, московскіе великіе князья приняли на себя роль византійскихъ императоровъ, какъ блюстителей православія. Своей національной политикой они возвышались въ глазахъ своихъ подданныхъ надъ удѣльными князьями и ихъ потомками; такъ же точно должны были они, по мнѣнію русскихъ людей того времени, выдѣляться изъ среды другихъ государей своей новой міровой задачей—охраной православія во всей вселенной. Да и не одни русскіе, а также и православные иноземцы (балканскіе славяне), тѣснимые турками, видѣли въ властителяхъ Руси единственныхъ защитниковъ правой вѣры.

Такимъ образомъ, теорія «Москва — третій Римъ» еще тѣснѣе скрѣпляла тотъ союзъ между государствомъ и Церковью, за который такъ ратовали іосифляне. Московскіе государи выиграли отъ этого союза: онъ освящалъ ихъ самодержавіе, которое, какъ мы видѣли, развивалось ранѣе самобытно въ силу историческихъ условій и независимо отъ какихъ-либо теорій, и открывалъ имъ доступъ въ важную область церковныхъ дѣлъ. Русская Церковь вслѣдствіе дѣятельной поддержки свѣтской власти также выиграла въ смыслѣ своего внѣшняго блеска. Изъ Москвы стремились сдѣлать дѣйствительный центръ православія: ее разукрашивали великолѣпными храмами, обогащали главнѣйшими предметами православной святыни, собираемыми въ нее изо всѣхъ православныхъ странъ. Въ половинѣ XVI вѣка при митрополитѣ Макаріи торжество Русской Церкви выразилось въ причисленіи къ лику святыхъ многихъ мѣстно-чтимыхъ русскихъ угодниковъ.

Однако іосифляне, стоя у кормила духовной власти, но часто отвлекаясь мірскими заботами и вмѣшательствомъ въ политику, сдѣлали очень мало для внутренняго развитія пастырей и паствы, для распространенія просвѣщенія и улучшенія нравственности. Необразованность духовенства, вызывавшая при Іоаннѣ III нападки архіепископа Геннадія, не исчезла и въ послѣдующее время. Лишь немногія духовныя лица выдѣлялись изъ общей массы, да и то не столько настоящимъ образованіемъ, сколько начетничествомъ. Высшіе іерархи ограничивали свою роль духовныхъ руководителей преимущественно заботами объ охраненіи старины, такъ какъ именно въ поддержаніи древняго благочестія они видѣли главное призваніе «третьяго Рима». Но это благочестіе, по большей части, носило исключительно обря-

довый характеръ. Своей видимою набожностью и точнымъ исполненіемъ установленныхъ обрядовъ русскіе люди, по отзывамъ современниковъ, превосходили чуть ли не всѣхъ христіанъ. Пріѣзжіе греки, напр., не въ состояніи были соблюдать строгихъ русскихъ постовъ, которые въ годины народныхъ бѣдствій налагались даже на грудныхъ младенцевъ. Но приверженность къ обряду и буквѣ, къ сожалѣнію, часто шла въ ущербъ пониманію истиннаго смысла религіи. Это объясняется не только недостаткомъ просвѣщенія, но и болѣе глубокими историческими причинами. Обряды принесены были на Русь въ готовомъ, выработанномъ видѣ вмѣстѣ съ христіанской вѣрой. Поэтому русскіе люди приписывали имъ такое же божественное происхожденіе и такое же непреложное значеніе, какъ и самому вѣроученію. По словамъ одного историка (Каптерева), русскіе «не отъ вѣроученія переходили къ обряду, какъ бы слѣдовало, а совершенно наоборотъ: ...ихъ воспитывалъ и училъ христіанству прежде всего опредѣленный обрядъ, внѣ котораго они не могли ни представить, ни мыслить христіанства», «они не ученіемъ провѣряли обрядъ, но обрядомъ—ученіе». Именно вслѣдствіе этого русскіе люди, считая московское православіе самымъ высшимъ и чистымъ во всей вселенной и страстно желая сохранить его въ неприкосновенности, боялись, какъ ереси, малѣйшаго измѣненія обряда или исправленія богослужебныхъ книгъ. (Извѣстно, что Максимъ Грекъ, осмѣлившійся исправлять ошибки русскихъ богослужебныхъ книгъ, но, впрочемъ, и самъ допустившій нѣсколько погрѣшностей въ своихъ переводахъ, былъ обвиненъ въ «эллинскихъ и жидовскихъ мудрствованіяхъ и чернокнижныхъ волхованіяхъ»). Вслѣдствіе чрезмѣрной приверженности къ старымъ обрядамъ религіозная жизнь осуждалась на внутренній застой. Тотъ же охранительный духъ проявлялся также въ частной и общественной жизни [1]). Русскіе люди съ недовѣріемъ относились ко всякаго рода европейскимъ заимствованіямъ, пугались всякихъ новшествъ, крайне подозрительно смотрѣли на всѣхъ иностранцевъ, даже на прежнихъ своихъ учителей вѣры—грековъ. Себя они считали избраннымъ народомъ. Этотъ взглядъ выражался не только въ теоріи «Мо-

[1]) О частной жизни и семейныхъ отношеніяхъ русскихъ людей XVI вѣка можно судить по литературному памятнику этого времени, извѣстному подъ названіемъ «Домострой». Онъ представляетъ собою сборникъ поученій (о вѣрѣ, о «мірскомъ строеніи», о «домовомъ строеніи», «поученіе къ сыну»), сохранившійся въ нѣсколькихъ редакціяхъ; одна изъ нихъ приписывается священнику Сильвестру, бывшему, какъ увидимъ, приближеннымъ совѣтникомъ Іоанна IV. Этотъ же Сильвестръ признается также сочинителемъ одной изъ статей Домостроя: «поученіе къ сыну Анѳиму». Цѣль поученій—сохранить и утвердить старое преданіе. Семейный укладъ, защищаемый Домостроемъ, отличается патріархальностью, житейская мудрость, предписываемая имъ,—эгоистичностью; мораль его носитъ практическій характеръ: главѣ семьи рекомендуются суровыя мѣры по отношенію къ домочадцамъ; и «учить жену» и «спасать дѣтей» нужно «страхомъ», т. е. посредствомъ тѣлесныхъ наказаній.

сква—третій Римъ», но еще въ цѣломъ рядѣ патріотическихъ преданій и легендъ, имѣвшихъ своею цѣлью прославить Русскую Церковь, московскую династію и русскій народъ, независимо отъ преемства ими значенія отъ Византіи.

Б. Патріотическія легенды.

Изъ патріотическихъ религіозныхъ преданій прежде всего слѣдуетъ отмѣтить разсказъ о томъ, что апостолъ Андрей посѣтилъ Русскую землю и былъ на Кіевскихъ горахъ. Основываясь на этомъ преданіи, сынъ Василія III—Іоаннъ IV—въ бесѣдѣ съ однимъ іезуитомъ утверждалъ, что христіанство насаждено на Руси уже апостоломъ Андреемъ, а не принято отъ грековъ. Тотъ же Іоаннъ IV, отстаивая передъ польско-литовскимъ правительствомъ свои права на царскій титулъ, ссылался на цѣлый рядъ патріотическихъ легендъ, напр., на то, что будто бы еще Владиміръ Мономахъ вѣнчался царскимъ вѣнцомъ и получилъ изъ Византіи знаки царскаго достоинства, на то, что императорская корона была прислана римскими императорами Аркадіемъ и Гоноріемъ Владиміру Св. (Іоанна не смущало обстоятельство, что Аркадій и Гоноріи жили за 500 лѣтъ до Владиміра), а также на то, что московскіе государи ведутъ свой родъ отъ брата римскаго императора Августа-Прусса (въ дѣйствительности никогда не существовавшаго). Такія и подобныя имъ легенды, прославляя московскую династію самое по себѣ, независимо отъ преемства ею значенія византійскихъ императоровъ, болѣе, чѣмъ теорія—«Москва—третій Римъ» соотвѣтствовали самобытному, необусловленному вліяніемъ Византіи, развитію московскаго самодержавія и національному взгляду московскихъ государей на свою власть, такъ ярко выраженному Іоанномъ III въ вышеприведенномъ его отвѣтѣ Поппелю. Поэтому онѣ были особенно распространены въ придворной и правительственной средѣ, тогда какъ теорія «Москва—третій Римъ» была по преимуществу церковной.

Измышленіе патріотическихъ легендъ, начавшееся въ XVI вѣкѣ, продолжалось и въ слѣдующемъ. Московскіе грамотеи этого вѣка, стремясь довести русскую исторію до праотца Ноя, изобрѣли близкихъ потомковъ его: Словена и Русса, которые будто бы основали Новгородъ и Руссу и сдѣлались родоначальниками славяно-русскаго племени. Но патріотическое чувство не позволяло оставить и Москву безъ древняго основателя, и вотъ придуманъ былъ для этой цѣли Мосохъ, шестой сынъ Іафета, внукъ Ноя. Создана была цѣлая древняя русская исторія, полная самыхъ фантастическихъ разсказовъ. По словамъ нѣкоторыхъ лѣтописцевъ, русскіе славяне побѣдоносно обошли весь свѣтъ, нападали на Римъ, Царьградъ, Іерусалимъ, досадили всей вселенной. Наконецъ, внемля жалобамъ всего міра, «царь царей» Александръ Македонскій прислалъ будто бы имъ жалованную грамоту съ просьбой прекратить кровопролитіе. Августъ Кесарь также робѣлъ будто бы передъ славянами и не рѣшался сражаться съ ними. Такимъ образомъ «третій Римъ»—Москва—превозносится даже надъ первымъ.

Созданіе патріотическихъ легендъ возбуждало интересъ къ русскому прошлому, и въ XVI вѣкѣ оживляется лѣтописаніе, собираніе лѣтописей и приведеніе ихъ въ систему. Лѣтописаніе получаетъ даже оффиціальный характеръ, ведется подъ руководствомъ правительства. Въ лѣтописныхъ сводахъ этого времени историческая правда часто смѣшивается съ фантастическими легендами. Цѣль ихъ, какъ уже упоминалось, заключалась въ возвеличеніи Москвы и въ историческомъ оправданіи установившагося въ ней порядка. Этимъ порядкомъ, какъ мы знаемъ, недовольны были княжата. Недовольство распространилось также среди крестьянъ, въ жизни которыхъ въ XVI вѣкѣ стали происходить большія перемѣны. Сущность ихъ заключалась 1) въ увеличеніи крестьянскихъ повинностей и 2) въ постепенномъ ограниченіи свободы перехода крестьянъ съ одного земельнаго участка на другой и въ прикрѣпленіи ихъ къ обрабатываемой ими землѣ.

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Измѣненія въ бытѣ крестьянъ.

§ 1. Положеніе крестьянъ до XVI вѣка.

Крестьяне представляли собою, какъ извѣстно, свободное сельское населеніе. Не имѣя въ большинствѣ случаевъ земельной собственности, они арендовали земельные участки во владѣніяхъ частныхъ лицъ и учрежденій (напр. свѣтскихъ вотчинниковъ, монастырей, митрополита и т. д.) или же занимали земли, не розданныя великимъ княземъ въ чье-либо владѣніе, а служившія источникомъ дворцовыхъ и казенныхъ доходовъ. Такія земли назывались дворцовыми [1]) и черными. Хотя черносошные крестьяне (т. е. съемщики черныхъ земель) первоначально распоряжались занятыми участками совершенно свободно (а именно: могли продавать, закладывать и завѣщать ихъ), тѣмъ не менѣе называли ихъ «землями великаго князя, а своего владѣнія», слѣдовательно, не считали себя ихъ полными собственниками [2]). Такимъ образомъ, по отношенію ко всѣмъ землевладѣльцамъ (въ томъ числѣ и къ государю) крестьяне были арендаторами-съемщиками; по отношенію же къ государству они являлись податнымъ классомъ.

---

[1]) Дворцовыя земли окончательно выдѣлились въ особую спеціальную категорію только въ половинѣ XVI вѣка. Ранѣе онѣ не имѣли замѣтнаго отличія отъ другихъ земель, находившихся въ княжескомъ, а не въ частномъ владѣніи.

[2]) Вопросъ о правахъ крестьянъ на землю считается спорнымъ. Въ Кіевской Руси земледѣльческимъ сословіемъ были, какъ извѣстно, смерды. Они несомнѣнно владѣли извѣстнымъ имуществомъ (напр., хозяйственнымъ инвентаремъ), но были ли они собственниками обрабатываемыхъ ими земель или же настоящимъ владѣльцемъ ихъ считался князь, на этотъ вопросъ изслѣдователи, какъ мы знаемъ, отвѣчаютъ

Главною обязанностью крестьянъ, такъ же какъ и посадскихъ людей (т. е. неслужилыхъ горожанъ), было «несеніе тягла», т. е. участіе въ платежѣ податей. Подати въ Московской Руси взимались обыкновенно «по сохамъ». (При обложеніи крестьянъ подъ «сохою» разумѣлся опредѣленный размѣръ обрабатываемой ими земли; для посадскихъ же людей «соха» означала извѣстное количество населенныхъ ими дворовъ). Правительство устанавливало только общую сумму податей, подлежащую уплатѣ съ опредѣленнаго количества земли, раскладка же ея по частямъ (въ зависимости отъ величины участка каждаго тяглаго человѣка, его имущественнаго и семейнаго состоянія) и ея взиманіе предоставлялись самимъ крестьянамъ, сидѣвшимъ на этой землѣ.

Для выполненія этого крестьяне соединялись въ волости [1]) и выбирали должностныхъ лицъ, которыя завѣдывали не только распредѣленіемъ податей, но также хозяйственными и судебными дѣлами.

Такъ, волость (т. е. общество составлявшихъ ее крестьянъ) раздавала пустые участки для обработки, привлекала новыхъ пришельцевъ, заключала съ нимъ договоры, вступала въ сдѣлки съ другими волостями и лицами по поводу своей земли (напр., обмѣнивала свои участки на чужіе), защищала ее передъ судомъ въ случаѣ какихъ либо покушеній на нее, распоряжалась той частью ея, которая состояла въ общемъ владѣніи, а не была подѣлена на участки, имѣла полицейскую и судебную власть надъ своими сочленами и т. д.

Особенно развито было общинное, «мірское» самоуправленіе у черносошныхъ крестьянъ, но оно существовало также и у частновладѣльческихъ, т. е. занимавшихъ вотчинныя земли. Послѣдніе, кромѣ государева тягла, которое они несли въ меньшемъ, впрочемъ, размѣрѣ, чѣмъ черносошные [2]), отбывали еще различныя повинности и уплачивали извѣстный оброкъ въ пользу собственника земли (свѣтскаго вотчинника или монастыря). Характеръ этихъ повинностей опредѣлялся «порядной записью», т. е. арендным договоромъ, за-

---

различно. Трудно также съ достовѣрностью установить отношеніе крестьянъ къ землѣ въ Удѣльный періодъ. Въ Новгородской области, повидимому, существовали крестьяне-собственники-своеземцы. Въ Московскій періодъ, съ развитіемъ частнаго землевладѣнія и съ усиленіемъ великокняжеской власти, большинство земель, по крайней мѣрѣ въ средней части Восточно-Европейской равнины, были «обоярены» (т. е. достались во владѣніе вотчинникамъ и монастырямъ) или «окняжены» (т. е. стали достояніемъ великаго князя). Крестьяне центра Россіи очутились такимъ образомъ на чужой землѣ.

[1]) Слово «волость» употреблялось въ нѣсколькихъ смыслахъ: въ данномъ случаѣ подъ нимъ разумѣется общество крестьянъ нѣсколькихъ сосѣднихъ селеній.

[2]) Въ соху черныхъ крестьянъ вносилось менѣе земли (500 четвертей въ одномъ полѣ, значитъ 1500 четвертей въ трехъ поляхъ; четверть равняется половинѣ десятины), чѣмъ въ соху монастырскихъ (600 четв. въ одномъ полѣ) и частновладѣльческихъ крестьянъ (800 четвертей въ одномъ полѣ). Такимъ образомъ послѣдніе съ большаго количества земли платили то же, что черносошные съ меньшаго.

ключавшимся при наймѣ земельнаго участка и перечислявшимъ обязанности, добровольно принимаемыя на себя нанимателемъ.

Такимъ образомъ крестьяне были тяглыми свободными арендаторами. Свобода ихъ выражалась не только въ томъ, что законъ рѣзко отличалъ ихъ отъ рабовъ-холоповъ, но и въ томъ, что они могли выйти изъ своего состоянія, бросивъ обрабатываемый участокъ земли, или, «отказавшись» отъ даннаго землевладѣльца, могли снять землю у другого. Но такой «отказъ» и «выходъ» ставилъ, конечно, землевладѣльца въ затруднительное положеніе, особенно, если онъ совершался въ страдную пору. Поэтому общепринятымъ срокомъ крестьянскаго «выхода» сдѣлался конецъ ноября мѣсяца (недѣля до и недѣля послѣ Юрьева дня осенняго, т. е. 26 ноября), когда сельскохозяйственныя работы прекращались. Срокъ этотъ опредѣленъ былъ и въ Судебникѣ Іоанна III, предписавшемъ также, чтобы крестьянинъ при выходѣ уплачивалъ землевладѣльцу «пожилое», т. е. плату за пользованіе дворомъ.

§ 2. Частное прикрѣпленіе крестьянъ.

Однако установленіе законнаго срока «отказа» не прекращало разброда крестьянъ и не обезпечивало интересовъ ни государства, ни землевладѣльцевъ, не устраняло пустованія громадныхъ пространствъ земли и недостатка рабочихъ рукъ. А между тѣмъ съ объединеніемъ Московскаго государства, съ началомъ тяжелыхъ войнъ и съ ростомъ государственныхъ расходовъ связывалась особенно настоятельная нужда въ томъ, чтобы «земля не выходила изъ тягла и изъ службы», т. е. чтобы съ нея 1) исправно платили и 2) отбывали военную службу.

А. Вліяніе тягла и помѣстной системы на бытъ крестьянъ.

Для удовлетворенія перваго условія достаточно было бы запретить крестьянамъ выходъ изъ ихъ тяглаго состоянія, т. е. прикрѣпить ихъ къ тяглу. Но осуществленіе второго условія, т. е. служилаго землевладѣнія, неизбѣжно вело, какъ сейчасъ увидимъ, къ постепенному прикрѣпленію крестьянъ не только къ тяглу, но и къ землѣ и даже къ личности землевладѣльца. Въ помѣстную раздачу шли какъ вновь завоеванныя земли, такъ и дворцовыя съ черными. Послѣднихъ поэтому въ центрѣ Московскаго государства осталось очень немного. Огромное количество черной земли сохранилось только на сѣверѣ въ такъ называемыхъ «поморскихъ уѣздахъ», гдѣ правительство не нуждалось въ ратныхъ людяхъ. Развитіе служилаго землевладѣнія на остальномъ пространствѣ Московской Руси двояко отразилось на жизни крестьянъ.

Съ одной стороны землевладѣлецъ дѣлался какъ бы посредникомъ между крестьянами и правительствомъ, до извѣстной степени былъ

отвѣтственъ за ихъ платежную исправность, вмѣшивался поэтому въ ихъ общинныя дѣла, а иногда, въ силу жалованныхъ грамотъ, получалъ право управленія и суда надъ ними. Такимъ образомъ, при переходѣ дворцовыхъ и черныхъ земель въ частное владѣніе, населявшіе ихъ крестьяне теряли долю своей самостоятельности. Съ другой стороны, кромѣ несенія тягла, на крестьянъ падала новая обязанность: своими повинностями и работами на господской землѣ, т. е. барщиной, они должны были обезпечивать землевладѣльцевъ настолько, чтобы тѣ могли отбывать ратную службу. Естественно, что вотчинники и помѣщики, жившіе и служившіе на счетъ крестьянъ, а также монастыри, извлекавшіе изъ крестьянской аренды и труда свои доходы, прилагали всѣ усилія къ тому, чтобы удержать за собою сидѣвшихъ на ихъ земляхъ крестьянъ и призвать «новоселовъ» (т. е. новыхъ поселенцевъ). Для этого землевладѣльцы прибѣгали къ разнымъ средствамъ: 1) привлекали новоселовъ временными льготами, т. е. освобожденіемъ отъ тягла [1]) или повинностей въ теченіе одного, а то и нѣсколькихъ лѣтъ, иногда же лишь сокращеніемъ ихъ, 2) давали имъ «ссуду» или «подмогу», т. е. вспомоществованіе деньгами или хозяйственными продуктами, для первоначальнаго обзаведенія или приведенія хозяйства въ порядокъ, 3) ссужали крестьянъ займами для взноса податей, 4) включали въ порядную условіе объ уплатѣ ими неустойки въ случаѣ ухода или неисполненія принятыхъ обязательствъ, 5) побуждали другихъ крестьянъ поручаться неустойками за пришельца. Какъ видно, главныя стремленія землевладѣльца были направлены къ тому, чтобы сдѣлать крестьянъ должниками и тѣмъ поставить ихъ въ зависимость отъ себя. Крестьяне легко попадались въ разставленныя сѣти, изнемогая подъ бременемъ возраставшихъ повинностей.

По мѣрѣ развитія государственныхъ нуждъ увеличивались и налоги. Въ XVI вѣкѣ стали тяжелѣе, чѣмъ прежде, также повинности крестьянъ въ пользу землевладѣльцевъ. Послѣдніе получали отъ нихъ или опредѣленную часть ежегоднаго урожая, собраннаго съ занятыхъ участковъ, или заранѣе опредѣленный (слѣдовательно, независѣвшій отъ урожая) оброкъ натуральными продуктами или деньгами, а иногда тѣмъ и другимъ вмѣстѣ. Величина оброка бывала весьма различной даже на землѣ одного и того же владѣльца и часто зависѣла отъ его произвола. Кромѣ оброка, крестьяне платили еще «мелкій доходъ» (обыкновенно, съѣстными припасами), всякія пошлины (свадебныя, судебныя и торговыя) и штрафы, подносили землевладѣльцу «дары», отбывали повинности въ пользу приказчика. Барщина, также отличавшаяся великимъ разнообразіемъ, заключалась въ исполненіи вмѣстѣ съ холопами всевозможныхъ работъ на

[1]) Землевладѣльцы имѣли право съ разрѣшенія правительства временно освобождать своихъ крестьянъ отъ государственныхъ податей.

господскомъ полѣ и дворѣ. Оброкъ и барщина были очень велики уже въ концѣ XV и началѣ XVI в.в., какъ видно изъ показаній современниковъ. Такъ, напр., Іосифъ Санинъ упрекалъ сосѣдей—землевладѣльцевъ за непосильныя повинности, налагаемыя на крестьянъ; Вассіанъ, въ свою очередь, нападалъ на монастыри за ростовщичество и безчеловѣчное отношенію къ ихъ крестьянамъ; по словамъ Герберштейна, въ нѣкоторыхъ вотчинахъ была установлена барщина по шести дней въ недѣлю.

Б. Вліяніе задолженности.

Задолженность обремененныхъ повинностями крестьянъ была одной изъ главныхъ причинъ постепеннаго прикрѣпленія ихъ къ землѣ. Пользуясь правомъ «выхода», они въ огромномъ большинствѣ случаевъ лишены были возможности осуществлять его: чтобы «отказаться» отъ землевладѣльца, нужно было расплатиться съ нимъ, а задолжавшій крестьянинъ не только не имѣлъ свободныхъ средствъ, но очень часто и хозяйствомъ-то обзаводился исключительно на господскія деньги; случалось, что и тягло вносилъ за него землевладѣлецъ. Задолженнымъ крестьянамъ, лишившимся *возможности* выхода, представлялись поэтому четыре исхода: 1) или крѣпко сидѣть за землевладѣльцемъ, 2) или пуститься въ «бѣга», не расплатившись съ нимъ, 3) или ждать «вывоза» другимъ землевладѣльцемъ, который согласился бы разсчитаться за крестьянина по всѣмъ его обязательствамъ 4) или, наконецъ, освободиться отъ тягла и повинностей, бросивъ пашню, и ставъ «бобылемъ» (т. е. непашеннымъ крестьяниномъ) и даже холопомъ, работать на господскомъ дворѣ. (Бобыли не несли тягла). Всѣ четыре исхода испробованы были крестьянами уже въ XVI вѣкѣ.

В. Крѣпость старожильцевъ.

Засидѣвшіеся на одной землѣ крестьяне, въ противоположность новоселамъ, получали названіе «старинныхъ» или «старожильцевъ». Ихъ, какъ наиболѣе задолжавшихъ, землевладѣльцы вовсе не отпускали отъ себя и ужъ въ XVI вѣкѣ оправдывали свои притязанія на ихъ крѣпость ссылкой на «писцовыя книги». Эти книги составлялись московскимъ правительствомъ для упорядоченія податного обложенія. Въ нихъ описывалось хозяйственное состояніе извѣстной мѣстности, опредѣлялось количество обрабатываемой въ ней земли и перечислялись сидѣвшіе на ней крестьяне. Но, по установившемуся обычаю, въ писцовыя книги вносили не все крестьянское населеніе, а лишь прочно осѣвшихъ на своихъ участкахъ домохозяевъ. Для казны было важно прикрѣпленіе ихъ къ тяглу, для землевладѣльцевъ же также и ихъ земельное прикрѣпленіе. Въ этомъ была заинтересована сама волость, такъ какъ въ случаѣ ухода «тяглеца» (т. е. платившаго подати человѣка) его доля въ тяглѣ должна была выплачиваться оставшимися. Поэтому занесенные въ писцовыя книги старожильцы не имѣли не только возможности, но, повидимому, даже права выхода: не выражая этого

въ общемъ законѣ, правительство, однако, въ цѣломъ рядѣ отдѣльныхъ и частныхъ распоряженій, относящихся къ XVI вѣку и даже къ болѣе раннему времени, запрещаетъ «вывозить» старожильцевъ, а въ случаѣ «вывоза» разрѣшаетъ ихъ прежнимъ владѣльцамъ возвращать ихъ на старыя мѣста. Невнесенные же въ писцовыя книги родственники (напр., дѣти, неотдѣленные братья и племянники) старожильцевъ сохраняли право перехода. Они, вмѣстѣ съ выходцами изъ-за границы, отпущенными на волю холопами, бѣглыми крестьянами и другими почему-либо не приписанными къ тяглу и не служащими людьми считались «вольными». (Впрочемъ, и старожилецъ могъ вернуть себѣ волю, если находилъ кого-нибудь другого, кому могъ передать свой участокъ и свои обязательства). Такіе «вольные, гулящіе люди» могли поряжаться въ крестьяне въ качествѣ новоселовъ, «новоприходцевъ», чтобы затѣмъ съ теченіемъ времени также «застарѣть».

Сколько именно времени нужно было прожить за землевладѣльцемъ, чтобы «застарѣть», на этотъ вопросъ московское законодательство, отличавшееся вообще большою неполнотою, не давало опредѣленнаго отвѣта. Но, повидимому, для «старины» или «старожильства» нужна была давность поселенія не менѣе 10 лѣтъ. «Старина» устанавливалась, впрочемъ, и другими способами. Такъ, старожильцами считались «родившіеся въ крестьянствѣ», т. е. дѣти крестьянъ, родившіяся на землѣ даннаго лица и унаслѣдовавшія отцовскія «жеребья» (участки [1]). Далѣе къ нимъ причислялись также тѣ, кого, при переходѣ имѣнія изъ однѣхъ рукъ въ другія, заставалъ на пріобрѣтаемой землѣ новый владѣлецъ. Юридическій же признакъ «старины» заключался, повидимому, именно въ занесеніи въ писцовыя книги и черезъ это въ прикрѣпленіи къ тяглу.

Г. Бѣга.

Однако ни старина, ни содѣйствовавшая ея возникновенію задолженность не могли удержать все крестьянское населеніе на мѣстахъ его жительства и обезопасить землевладѣльцевъ отъ побѣговъ крестьянъ и отъ «вывоза» ихъ другими искателями рабочихъ рукъ. Сами условія жизни побуждали къ побѣгамъ. Частыя войны XVI вѣка вызывали сильное разореніе крестьянъ, такъ какъ мелкіе вотчинники и помѣщики, за которыми они сидѣли, старались возмѣщать свои издержки увеличеніемъ крестьянскихъ повинностей. Но, съ другой стороны, тѣ же войны, въ особенности завоеванія сына Василія III—Іоанна IV, покорившаго, какъ увидимъ, все среднее и нижнее теченіе Волги,—открывали громадный просторъ для русской колонизаціи. И во второй половинѣ XVI вѣка крестьяне, убѣгая отъ тяжкой доли, устремлялись въ Поволжье и въ Придонскій край. Здѣсь переселенцы отлично

[1]) Дѣти же, жившія при родителяхъ и не приписанныя къ тяглу, въ XVI вѣкѣ сохраняли свободу перехода.

устраивались на богатомъ черноземѣ и, какъ новоселы, пользовались на первыхъ порахъ даже льготами, но съ теченіемъ времени тягло и распространеніе служилаго землевладѣнія со всѣми ихъ послѣдствіями настигали ихъ и тутъ.

Однако не вездѣ крестьянская жизнь была одинаково тяжела. Сидѣнье за крупнымъ привилегированнымъ вотчинникомъ или богатымъ монастыремъ имѣло важныя преимущества: вліятельные свѣтскіе землевладѣльцы и монастыри пользовались обыкновенно поземельными льготами, облегчавшими податное бремя крестьянъ, не были заинтересованы въ отягощеніи ихъ поборами; напротивъ, они могли прокормить ихъ во время голода и, въ случаѣ нужды, заступиться за нихъ передъ властями. Понятно поэтому, что крестьяне бѣжали не только на окраины, но и на земли крупныхъ и богатыхъ вотчинниковъ.

Д. Запустѣніе центра Московскаго государства.

Вслѣдствіе такого разброда крестьянъ центръ Московскаго государства, гдѣ находились земли многихъ мелкихъ вотчинниковъ и помѣщиковъ, сталъ пустѣть. Въ концѣ XVI вѣка пустѣли цѣлыя села и деревни; въ окрестностяхъ Москвы до 40% земли стояло «въ пустѣ». Владѣльцы пустующей земли, обязанные ратной службой, оказывались въ отчаянномъ положеніи: для поддержанія своей служебной годности и хозяйства они должны были всячески закрѣплять за собой крестьянъ ссудами или же «вывозить» новыхъ поселенцевъ на мѣсто ушедшихъ. Но въ «вывозѣ» крестьянъ, въ борьбѣ за рабочія руки, въ погонѣ за бѣглыми мелкіе помѣщики и вотчинники не могли, конечно, соперничать съ крупными: всѣ выгоды оставались на сторонѣ послѣднихъ. Богатый имѣлъ возможность «вывезти» крестьянина какъ съ установленнымъ «отказомъ», такъ и насильственно, заманить къ себѣ бѣглеца обѣщаніемъ привольной жизни, укрыть его въ своей большой вотчинѣ [1]).

Е. Закладничество и кабальное холопство.

Кромѣ побѣга и вывоза, у крестьянъ было еще одно средство облегченія своей участи, примѣнявшееся издавна: это—освобожденіе отъ тягла. Уже въ древности (въ XIII вѣкѣ и даже ранѣе) существовало «закладничество». «Закладчиками» назывались люди, забросившіе свое хозяйство, вышедшіе изъ тягла и жившіе за кѣмъ-нибудь, обыкновенно за своимъ кредиторомъ, на его дворѣ или же посаженные имъ на льготную (освобожденную

[1]) Характерную картину хозяйственнаго состоянія центральныхъ мѣстностей Московскаго государства въ концѣ XVI вѣка даетъ писцовая книга 1580 года, описывающая одну изъ тверскихъ крупныхъ вотчинъ. Въ теченіе 5 лѣтъ изъ этой вотчины ушло 14% крестьянъ. Изъ числа ушедшихъ: 17% вышло съ «отказомъ» (но только два крестьянина—въ Юрьевъ день), 62%—«вывезено», 21%—«выбѣжало». Можно думать, что въ мелкихъ вотчинахъ число «вывезенныхъ» и «выбѣжавшихъ» было еще гораздо больше.

отъ тягла) землю и исполнявшіе въ пользу него различныя работы. То лицо, за которымъ они жили, не всегда было ихъ дѣйствительнымъ кредиторомъ, а иногда просто покровителемъ: въ такомъ случаѣ заемная запись (т. е. росписка въ полученіи денегъ) была фиктивной (мнимой), служившей лишь для закрѣпленія закладчиковъ, а ихъ повинности въ пользу покровителя имѣли характеръ платы за заступничество. Въ XVI вѣкѣ, при ухудшеніи положенія крестьянъ, очень распространился способъ закладничества, получившій названіе «служилой кабалы» (кабала—арабское слово, означающее заемъ). Давшіе на себя «служилую кабалу», т. е. совершившіе заемъ и обязавшіеся отрабатывать проценты личнымъ трудомъ (иными словами, закладывавшіе свою личность въ обезпеченіе долга), становились «кабальными холопами». Законъ отличалъ ихъ отъ полныхъ холоповъ, которые считались безусловною и наслѣдственною собственностью господина, тогда какъ «кабальные» могли вернуть свою свободу возвращеніемъ долга (только указы конца XVI вѣка узаконили ихъ «крѣпость» до смерти заимодавца). Но на дѣлѣ они находились въ полной зависимости отъ господина, такъ какъ, отдавая ему весь свой трудъ въ видѣ процента, не имѣли средствъ для уплаты долга. Однако такое почти рабское положеніе и личное (а уже не поземельное) прикрѣпленіе все же представляло извѣстныя выгоды для задолженныхъ крестьянъ, такъ какъ избавляло ихъ отъ бремени тягла. Забросивъ пашню, а вмѣстѣ съ тѣмъ освободившись отъ тягла, кабальные холопы занимались на барскомъ дворѣ сельскими работами, служили ключниками, дворниками и т. д. Весьма близко къ нимъ стояли и, вѣроятно, частью выходили изъ ихъ среды и «бобыли»—непашенные, безземельные крестьяне.

§ 3. Отношеніе правительства къ прикрѣпленію; его указы.

Всѣ указанные способы выхода изъ крестьянства ставили московское правительство въ большое затрудненіе: разбродъ крестьянъ и запустѣніе земель (вслѣдствіе побѣговъ и вывозовъ) дѣлали непригодными къ службѣ мелкихъ вотчинниковъ и помѣщиковъ, препятствовали осуществленію помѣстной системы и вели къ сокращенію тягла. Послѣднее обусловливалось также непомѣрнымъ развитіемъ бобыльства и кабальнаго холопства. Однако правительство не рѣшалось на крупныя преобразованія въ крестьянскомъ вопросѣ. Въ этомъ дѣлѣ оно не столько направляло жизнь, сколько шло за ней, часто при томъ отставая. Всѣ его распоряженія XV и XVI вѣковъ по крестьянскимъ дѣламъ носили или мѣстный или частичный характеръ, касаясь лишь одной какой-нибудь стороны сложныхъ взаимныхъ отношеній землевладѣльцевъ и крестьянъ, и сводились въ сущности къ слѣдующему:

1) Устанавливались правила для крестьянскаго выхода, опредѣлявшія его срокъ и выходныя пошлины (этому посвящены были статьи Судебника Іоанна III и позднѣйшаго, составленнаго въ 1550 г., Судебника Іоанна IV; второй въ этомъ вопросѣ отличается отъ перваго тѣмъ, что, кромѣ «пожилого», устанавливаетъ еще плату за «повозъ», т. е. пошлину съ каждаго воза, на которомъ крестьянинъ вывозилъ свое имущество).

2) Принимались мѣры къ прикрѣпленію «старожильцевъ» (нѣсколькими грамотами XV и XVI в. в. запрещался «вывозъ» и разрѣшалось возвращеніе на прежнія мѣста «старинныхъ тяглецовъ»; отчасти этой цѣли служили и писцовыя книги, изъ которыхъ особенное значеніе имѣли составленныя въ 1592—3 г.г.).

3) Запрещалось тяглымъ людямъ вступать въ закладничество и кабальное холопство (съ закладничествомъ правительство всегда вело борьбу; Судебникъ 1550 г. разрѣшилъ давать на себя служилыя кабалы только «вольнымъ людямъ»; указы 1586 и 1597 г.г. установили надзоръ правительственной власти за записью въ холопы и закрѣпили кабальныхъ за ихъ господиномъ до смерти послѣдняго, лишивъ ихъ права прекращать свою зависимость возвращеніемъ долга).

4) Затруднялся переходъ крестьянъ на льготныя земли и «вывозъ» ихъ изъ мелкихъ вотчинъ и помѣстій въ крупныя (для затрудненія такого перехода правительство, какъ извѣстно, ограничивало развитіе монастырскаго землевладѣнія и его податныя льготы; указы 1601 и 1602 г.г. вовсе запрещали «вывозъ» въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, а въ другихъ разрѣшали его только мелкимъ, а не крупнымъ служилымъ землевладѣльцамъ).

5) Упорядочивалось дѣлопроизводство по чрезмѣрно накопившимся искамъ землевладѣльцевъ о возвращеніи бѣглыхъ крестьянъ. Съ этой цѣлью въ 1597 году былъ изданъ указъ, которымъ предписывалось возвратить по искамъ землевладѣльцевъ только тѣхъ крестьянъ, которые бѣжали отъ нихъ не раньше, какъ за пять лѣтъ до изданія указа, т. е. не раньше 1592 года; если же крестьянинъ бѣжалъ до этого срока, и землевладѣлецъ не вчинилъ тогда же иска о немъ, то дальнѣйшія притязанія его на возвращеніе бѣжавшаго не имѣли уже судебной защиты. Слѣдовательно указъ 1597 г. устанавливалъ «урочныя лѣта» (т. е. опредѣленный пятилѣтній срокъ или пятилѣтнюю давность) для исковъ о бѣглыхъ крестьянахъ, и по смыслу его бѣглый, сумѣвшій укрыться отъ прежняго владѣльца въ теченіе пяти лѣтъ, не подлежалъ уже водворенію на старое мѣсто жительства.

Основываясь на 5-ти-лѣтней давности, установленной въ 1597 году, многіе изслѣдователи приходятъ къ заключенію, что за 5 лѣтъ до этого времени, слѣдовательно, около 1592 г., было издано общее правительственное распоряженіе, отмѣнившее право крестьянскаго «выхода», и что вслѣдствіе него всѣ крестьяне, вышедшіе послѣ 1592 года, были объявлены бѣглыми и подлежащими возвращенію. Такое распоряженіе правительства, а не задолженность крестьянъ,

имѣло будто бы рѣшающее значеніе въ дѣлѣ прикрѣпленія ихъ къ землѣ, такъ какъ до отмѣны «выхода» землевладѣлецъ могъ искать только своихъ убытковъ съ ушедшаго должника-крестьянина, а не требовать возвращенія его. Однако другіе изслѣдователи отрицаютъ существованіе общаго закона о прикрѣпленіи 1) потому, что онъ не дошелъ до насъ, и 2) потому что съ конца XVI вѣка въ отношеніяхъ крестьянъ къ землевладѣльцамъ не замѣчается никакихъ рѣзкихъ измѣненій по сравненію съ предшествующимъ временемъ.

Въ памятникахъ XVI вѣка сохранились упоминанія лишь объ указанныхъ выше мѣропріятіяхъ, которыми правительство узаконяло и отчасти упорядочивало отношенія, выработанныя условіями жизни крестьянъ и стремленіемъ землевладѣльцевъ къ ихъ прикрѣпленію. Явившееся слѣдствіемъ этихъ условій поземельное прикрѣпленіе огромнаго числа крестьянъ было переходной ступенью къ крѣпостному праву, возникшему въ половинѣ XVII вѣка, когда, какъ увидимъ, крестьяне изъ свободныхъ арендаторовъ по договору окончательно превратились въ подневольныхъ, лично-зависимыхъ отъ землевладѣльца «крѣпостныхъ людей» по закону. Однако, право на трудъ крестьянъ разсматривалось правительствомъ не какъ сословная привилегія землевладѣльцевъ, а какъ право служилыхъ людей: крестьяне были прикрѣплены къ землевладѣльцамъ только потому, что послѣдніе, въ свою очередь, были прикрѣплены къ службѣ. Значитъ, съ точки зрѣнія правительства прикрѣпленіе преслѣдовало государственные интересы,—главнымъ образомъ, интересы служилаго землевладѣнія.

Служилое землевладѣніе отразилось неблагопріятно и на бытѣ посадскаго (городского) населенія. Въ городахъ заводились военныя слободы и осадные дворы; поселенные въ нихъ стрѣльцы, пушкари и другіе низшіе служилые люди вытѣсняли коренныхъ жителей, завладѣвали ихъ промыслами. Городъ, получая военное значеніе, терялъ торговое и тяглое.

§ 4. Черносошные крестьяне.

Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ служилое землевладѣніе не было развито, не только «посадскіе міры» (т. е. общины) сохраняли свою стойкость, но и судьба крестьянъ сложилась иначе. Такъ было на сѣверѣ въ прежнихъ новгородскихъ земляхъ, лежавшихъ по берегамъ Бѣлаго моря, Онеги и Сѣв. Двины, до Урала. Этотъ край назывался Поморьемъ или Поморскими городами. Помѣстій здѣсь не было и, хотя не мало земли находилось въ частномъ владѣніи монастырей (особенно богатъ былъ Соловецкій монастырь), церквей, свѣтскихъ вотчинниковъ, а отчасти и «своеземцевъ», тѣмъ не менѣе преобладали черныя земли, на которыхъ сидѣли черносошные крестьяне.

А. Самоуправленіе черносошныхъ крестьянъ.

Въ податномъ и административномъ отношеніи они были объединены въ крупныя общины — такъ называемыя волости съ широко развитымъ «мірскимъ» самоуправленіемъ, сносившіяся непосредственно съ правительствомъ. Садившіеся на черную землю крестьяне заключали съ волостью порядную, но не несли повинностей, кромѣ тягла, и распоряжались занятыми участками совершенно свободно, отчуждая ихъ по своему усмотрѣнію. И государство и волость терпѣли уронъ, если земля переходила въ нетяглыя руки. Поэтому правительство стало привлекать къ несенію тягла всѣхъ держателей черной земли, кто бы они ни были по своему положенію, а затѣмъ и вовсе запретило продавать ее нетяглымъ людямъ безъ особаго разрѣшенія. Интересы волости страдали также отъ «выхода» ея сочленовъ, а потому и на волостныхъ земляхъ принимались мѣры къ прикрѣпленію старожильцевъ. Однако въ Поморьѣ, а отчасти и въ средней Россіи осталось значительное количество крестьянъ, сохранившихъ свободу перехода и извѣстныхъ подъ названіемъ «половниковъ» (снимавшихъ земли на опредѣленный срокъ и вносившихъ за это извѣстную часть, обыкновенно половину, ежегоднаго урожая) и порядчиковъ. Вообще прикрѣпленіе не остановило вполнѣ бродячести крестьянъ. Немпрившіеся съ неволей предпріимчивые люди бѣжали на такъ называемое «дикое поле» къ югу отъ Оки, въ мѣста, гдѣ московское правительство еще не стояло твердой ногой. Здѣсь «козаки» (такъ назывались эти выходцы) гуляли на свободѣ, испытывали свою отвагу и жертвовали буйными головами въ бояхъ съ татарами и турками, въ нападеніяхъ на проѣзжихъ московскихъ и иностранныхъ пословъ, въ разбояхъ и грабежахъ, а иногда, какъ извѣстно, «прибирались» и на московскую службу въ качествѣ низшихъ служилыхъ людей. Козаками дѣлались не только выходцы изъ Московской Руси, но и изъ Литовско-Русскаго государства. Первыхъ гнали сюда невыгодныя общественныя условія, а вторыхъ, кромѣ того, и тѣ притѣсненія, которыя въ XVI вѣкѣ стала испытывать русская народность въ земляхъ, подвластныхъ Польшѣ и Литвѣ.

Б. Образованіе козачества, какъ слѣдствіе прикрѣпленія крестьянъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Внутреннія перемѣны въ Литовско-Русскомъ государствѣ во второй половинѣ XV и XVI в.в.

Введеніе. Внутреннія перемѣны, происходившія послѣ смерти Витовта въ Западной половинѣ Русской земли, вошедшей почти цѣликомъ въ составъ Литовско-Русскаго государства, обусловливались не тѣми причинами, которыя вызывали измѣненіе быта Восточной ея половины, объединенной великимъ княжествомъ Московскимъ, а совсѣмъ иными. Характерныя черты древне-русской жизни (напр., вѣчевое устройство, княжеско-дружинный строй, широкое развитіе торговли и т. д.) перерождались, какъ мы знаемъ, въ Сѣверо-Восточной удѣльной и Московской Руси, сперва вслѣдствіе условій природы и колонизаціи, а также татарскаго владычества, затѣмъ—вслѣдствіе новыхъ, главнымъ образомъ военныхъ, нуждъ Московскаго государства. Измѣненіе тѣхъ же древнерусскихъ чертъ, заложенныхъ въ основу быта Западной Руси, вызвано было иноземнымъ, преимущественно польскимъ, вліяніемъ.

§ 1. Измѣненіе быта «Русскихъ провинцій Польской Короны».

Прежде всего и наболѣе замѣтно сказалось оно въ областяхъ, непосредственно присоединенныхъ къ Польшѣ, именно—въ Галиціи и нѣкоторыхъ другихъ русскихъ «провинціяхъ Польской Короны» (напр., въ Подольѣ, Холмщинѣ и друг.). Вслѣдствіе пограничнаго положенія этихъ земель иноземныя вѣянія, какъ извѣстно, чувствовались въ нихъ издавна (съ XII—XIII в.в.); со времени же польскаго господства русская культура должна была окончательно отступить здѣсь передъ польской. Проводниками послѣдней были многочисленные польскіе колонисты, устремлявшіеся сюда въ надеждѣ на легкое обогащеніе или же направляемые сюда самимъ правительствомъ, искавшимъ въ нихъ опоры для своей власти надъ вновь занятыми землями.

А. Русское боярство и шляхта. Русское боярство, игравшее, какъ извѣстно, съ давнихъ поръ первенствующую роль въ этомъ краю, не только не противодѣйствовало польскому вліянію, но, напротивъ, за-одно со всѣмъ мѣстнымъ землевладѣльческимъ и военно-служилымъ классомъ, какъ русскимъ, такъ и пришлымъ польскимъ, домогалось полнаго уравненія русскихъ провинцій съ исконными польскими землями и введенія польскаго права. Къ этому побуждали его сословные интересы,—именно, стремленіе добиться тѣхъ правъ и преимуществъ, которыми пользовалась шляхта, т. е. дворянство, въ Польшѣ.

Польская шляхта уже въ XIV вѣкѣ сдѣлалась привилегированнымъ сословіемъ: 1) ея землевладѣніе не было обусловлено службой, а основывалось на правѣ полной собственности; 2) сельское населеніе ея земель находилось въ полномъ ея распоряженіи и не было подвѣдомственно правительственнымъ властямъ; 3) обязанности шляхтичей по отношенію къ государству ограничивались участіемъ въ военной оборонѣ его и починкѣ пограничныхъ крѣпостей; 4) шляхта пользовалась многими судебными привилегіями и большимъ значеніемъ въ политической жизни. Въ полномъ объемѣ эти преимущества принадлежали только собственно-польской шляхтѣ. Бояре же и вообще служилые землевладѣльцы «русскихъ провинцій Короны», прозвавшіеся впослѣдствіи (съ XVI в.) также шляхтой или шляхтичами, не имѣли права свободнаго распоряженія своими землями, обязаны были нести съ нихъ военную службу и вообще были отягощены повинностями, неизвѣстными польскому дворянству. Привилегированность послѣдняго была для русскихъ тою приманкой, которая заставляла ихъ забывать національные интересы и дѣйствовать за-одно съ поляками, добиваясь введенія польскаго права.

Б. Ополяченіе провинцій.

Несмотря на противодѣйствіе польской культурѣ, оказываемое православнымъ духовенствомъ и сельскимъ населеніемъ, впадавшимъ въ полную зависимость отъ шляхты, русскія провинціи Польской Короны уже въ первой половинѣ XV вѣка были сильно ополячены: въ 1435 году здѣсь было введено польское право (за исключеніемъ тѣхъ городовъ и мѣстечекъ, которымъ было предоставлено жить на нѣмецкомъ, такъ называемомъ магдебургскомъ правѣ); управленіе перестраивалось по польскому образцу; въ дѣлопроизводство проникалъ латинскій языкъ; шляхта получила выборные суды и важныя политическія права и была уравнена съ польской, хотя и не вполнѣ: ея военныя повинности, связанныя съ землевладѣніемъ, сохранились и въ послѣдующее время.

§ 2. Бытъ русскихъ земель великаго княжества Литовскаго.

А. Ихъ политическій строй.

Гораздо дольше и прочнѣе удерживался русскій складъ жизни въ земляхъ, вошедшихъ въ составъ великаго княжества Литовскаго. Нѣкоторыя изъ нихъ (напр., Сѣверская, къ началу XVI в. почти цѣликомъ отошедшая къ Москвѣ, и Переяславская) сохраняли его вполнѣ, другія (напримѣръ, Волынская и Кіевская) подверглись отчасти литовскому вліянію. Но такъ какъ русская культура, какъ извѣстно, была выше литовской, то литовское вліяніе не могло принести съ собою важныхъ внутреннихъ перемѣнъ и ограничилось на первыхъ порахъ лишь внѣшними. Объединительная дѣятельность Ви-

товта сильно затронула интересы удѣльныхъ князей, лишивъ большинство изъ нихъ владѣльческихъ правъ, но не коснулась замѣтно внутренняго быта земель. Ближайшіе преемники Витовта, руководствуясь правиломъ «старины не рушить и новизны не вводить», предоставляли имъ своими «земскими привилеями» (или привилегіями, т. е. грамотами, въ которыхъ перечислялись права отдѣльныхъ областей) широкую автономію, т. е. самоуправленіе, и обезпечивали неприкосновенность установившихся въ нихъ порядковъ. Каждая земля жила по своему мѣстному праву. Въ нѣкоторыхъ (напр., Полоцкой, Витебской, Смоленской, Кіевской и друг.) въ XV и даже въ началѣ XVI в. сохранились старинныя общенародныя вѣча—сеймы, на которыхъ мѣстные епископы, должностныя лица, землевладѣльцы, низшіе служилые люди, горожане и даже крестьяне обсуждали свои нужды, рѣшали мѣстныя дѣла, касавшіяся какъ управленія, такъ и суда, договаривались съ областнымъ намѣстникомъ-воеводою, а иногда даже избирали его. Въ другихъ земляхъ (напр., въ Волынской) сеймы имѣли не общенародный, а сословный, шляхетскій характеръ.

Б. Рада.

Пользуясь внутреннимъ самоуправленіемъ, литовско-русскія области объединялись между собою властью великаго князя и высшимъ правительственнымъ совѣтомъ—«радою». Развившись изъ древне-русской княжеской думы, рада получила огромное политическое значеніе: по привилею Александра Казимировича, великій князь обязывался во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ дѣйствовать съ согласія рады; она была какъ бы совѣтомъ министровъ, а въ отсутствіе государя замѣняла его. Такимъ образомъ, рада играла неизмѣримо болѣе крупную роль, чѣмъ соотвѣтствовавшая ей московская государева дума и гораздо больше нея походила на учрежденіе. Въ составъ рады входили важнѣйшіе сановники, католическіе епископы и представители знатнѣйшихъ княжескихъ и боярскихъ фамилій, не только литовскихъ, но и русскихъ. Участіе послѣднихъ въ радѣ разрѣшалось вопреки закону, такъ какъ не только Ягайловы привилеи (1387 г. и 1413 г.), но и постановленія его преемниковъ открывали доступъ въ раду и къ занятію высшихъ должностей («урядовъ») только для католиковъ, а не для православныхъ. Это ограниченіе православныхъ не было отмѣнено въ законодательномъ порядкѣ вплоть до второй половины XVI в., несмотря на то, что уже вскорѣ послѣ смерти Витовта изданъ былъ привилей, не разъ подтверждавшійся впослѣдствіи, который уравнивалъ гражданскія и имущественныя права русскихъ и литовцевъ. Но на дѣлѣ это ограниченіе не имѣло значенія: русскіе вельможи проникали въ раду, добивались иногда и высшихъ государственныхъ должностей. Что же касается областного управленія, то оно долгое время находилось въ рукахъ мѣстной знати и сеймовъ, а это, конечно, способствовало сохраненію самобытности русскихъ земель, подвластныхъ Литвѣ. Такимъ образомъ, политическій и общественный строй Ли-

товско-Русскаго государства при первыхъ Ягеллонахъ (т. е. потомкахъ Ягайла) отличался аристократическимъ и автономнымъ характеромъ; полновластная рада и высшія должности замѣщались знатью, а отдѣльныя области пользовались самоуправленіемъ настолько развитымъ, что великое княжество Литовское можетъ быть названо до извѣстной степени федеративнымъ (союзнымъ) государствомъ. Уже самъ-по-себѣ такой строй былъ очень непрочнымъ.

В. Рознь между русской и литовской партіями.

Непрочность его увеличивалась еще тѣмъ внутреннимъ разладомъ, который являлся слѣдствіемъ уніи съ Польшей. Ни правовое уравненіе православныхъ съ католиками, ни земскіе привилеи, ни обѣщаніе «старины не рушить и новизны не вводить» не могли примирить розни между литовской и русской партіями, политическія программы которыхъ были различны и которыя неодинаково относились къ притязаніямъ третьей партіи—польской. Западно-русскіе вельможи—потомки удѣльныхъ князей—являлись здѣсь не только хранителями удѣльныхъ завѣтовъ, какъ ихъ сѣверно-русскіе сотоварищи, но и защитниками національныхъ началъ: въ соперничествѣ съ литовскою знатью при занятіи мѣстъ въ радѣ и «урядовъ» они видѣли униженіе русской народности, а недопущеніе въ раду православнаго митрополита и епископовъ считали за оскорбленіе православія. Къ тому же вообще, несмотря на провозглашенныя правительствомъ вѣротерпимость и уваженіе къ религіознымъ интересамъ русскихъ подданныхъ Литвы, православная вѣра на самомъ дѣлѣ не была равноправной съ католической: затруднялась, напр., постройка православныхъ церквей, бывали случаи принужденія православныхъ къ переходу въ католицизмъ. Все это увеличивало внутренній расколъ, который, какъ неоднократно отмѣчалось, способствовалъ упадку внѣшняго могущества государства, сказавшемуся въ концѣ XV и началѣ XVI в.в.

§ 3. Постепенное распространеніе польскихъ порядковъ въ литовско-русскихъ земляхъ.

А. Измѣненіе общественнаго строя.

Для успѣха внѣшней политики обоихъ государствъ: Польши и Литвы—необходимо было ихъ сліяніе въ одно цѣлое. Но такъ какъ этому сліянію противилась большая часть знати не только русской, но и литовской, то сторонники его старались найти противовѣсъ ей въ среднемъ землевладѣльческомъ и служиломъ литовско-русскомъ сословіи—шляхтѣ, подкупая послѣднюю въ пользу тѣсной уніи съ Польшей дарованіемъ ей польскихъ шляхетскихъ правъ и преимуществъ. Хотя еще при заключеніи уніи 1386 г. эти права были обѣщаны литовцамъ-католикамъ, а позже и русскимъ, однако на дѣлѣ они не

были осуществлены, и общественный строй великаго княжества Литовскаго былъ инымъ, чѣмъ Польши. Для привлеченія на свою сторону литовско-русской шляхты польская партія (насколько могла она вліять черезъ посредство короля-великаго князя на внутреннія дѣла Литовско-Русскаго государства) всячески способствовала преобразованію его общественнаго строя по польскому образцу. Сущность такого преобразованія заключалась 1) въ ограниченіи привилегій литовской и русской аристократіи и уравненіи ея со шляхтой, права которой, напротивъ, расширялись; 2) въ закрѣпощеніи крестьянъ и 3) въ распространеніи на горожанъ нѣмецкаго права. Вмѣстѣ съ этимъ происходили также измѣненія въ организаціи управленія. Вслѣдствіе этого во второй половинѣ XVI в. въ Литвѣ и подвластныхъ ей русскихъ областяхъ уже господствовали польскіе порядки. Литовско-русскіе вельможи—магнаты или паны — поневолѣ должны были мириться съ заведеніемъ польскаго строя, такъ какъ съ одной стороны этого настойчиво требовало польское правительство, а съ другой стороны—литовско-русская шляхта стремилась къ сближенію съ Польшей.

Б. Литовско-русская аристократія и шляхта.

Въ составъ литовско-русской аристократіи, сформировавшейся въ XV вѣкѣ, входили прежніе удѣльные князья и важнѣйшіе нетитулованные роды литовскаго и русскаго происхожденія. Магнаты пользовались слѣдующими преимуществами: 1) они были обычными членами рады, засѣдая въ ней или въ силу своего высокаго служебнаго положенія, или по праву рожденія, 2) назначались на важнѣйшія должности, 3) подлежали непосредственно суду великаго князя или рады и были независимы отъ мѣстныхъ властей, 4) владѣли громадными землями, на которыхъ, кромѣ крестьянскаго населенія, сидѣли также шляхтичи, обязанные имъ службой и находившіеся въ судебной зависимости отъ нихъ, 5) посылали съ своихъ земель ратныхъ людей въ походы подъ своими фамильными знаменами. Такими привилегіями магнаты отличались первоначально отъ простой, рядовой шляхты.

Шляхтичи (называвшіеся также земянами и боярами [1]) соотвѣтствовали московскимъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ и по своимъ обязанностямъ, и по составу. Въ Литовско-Русскомъ государствѣ такъ же, какъ въ Московскомъ, основой военнаго строя было служилое землевладѣніе, и великій князь считался верховнымъ собственникомъ всѣхъ земель, предоставлявшимъ ихъ лишь во владѣніе своимъ слугамъ. Такъ какъ обязанность поставлять съ земли ратныхъ людей была распространена и на магнатовъ, которые посылали многочисленные отряды, и на состоятельныхъ крестьянъ, вооружавшихъ въ склад-

[1]) Слово боярин въ Литовской Руси не имѣло такого аристократическаго оттѣнка какъ въ Московской.

чину конныхъ воиновъ, то понятно, что шляхта не представляла собою сначала строго опредѣленнаго, обособленнаго сословія: верхи шляхты приближались къ магнатамъ, а низами своими она опускалась до земледѣльческаго класса. Посредствующимъ звеномъ между шляхтою и селянами (крестьянами) были такъ называемые «бояре путные» (исполнявшіе различныя правительственныя порученія, напр., курьерскую службу) и «слуги замковые» (т. е. служившіе при крѣпостяхъ въ качествѣ сторожей, пушкарей и т. д.), или «ордынскіе» (сопровождавшіе пословъ въ Орду) [1]).

Характеръ сословія шляхта получила только тогда, когда правительство, ища въ ней опоры, стало перестраивать ее по польскому образцу: въ теченіе XV и особенно XVI в. в. постепенно, въ силу различныхъ привилеевъ, литовско-русская шляхта, какъ католическая, такъ и православная, пріобрѣтала права польскаго шляхетства: судебную власть и верховенство надъ своими подданными-крестьянами, свободу отъ постоянныхъ податей, выборные «земскіе» суды, судебныя привилегіи, шляхетскіе сеймики наподобіе польскихъ, а также право свободнаго распоряженія своими землями. Эти права подтверждены были также сводомъ литовскихъ законовъ, такъ называемымъ Литовскимъ Статутомъ, сохранившимся въ трехъ редакціяхъ (1529, 1566 и 1588 г.г.). Онъ разсматривалъ шляхту какъ привилегированное сословіе, устанавливая самыя тяжелыя наказанія за проступки противъ шляхтичей, весьма снисходительно карая преступленія, совершенныя ими, и предоставляя имъ важныя политическія права.

Возвышеніе шляхты способствовало постепенному уравненію ея съ магнатами, которые лишь въ силу своего имущественнаго и личнаго значенія, а не въ силу закона продолжали пользоваться большимъ вліяніемъ. Однако правительство признавало широкія привилегіи лишь за тѣми изъ шляхтичей, которые издавна принадлежали къ боярству и свою принадлежность къ нему могли подтвердить документально; остальные, не сумѣвшіе доказать своихъ шляхетскихъ правъ, низводились въ податное сословіе. Кромѣ того, наряду съ полноправной существовала еще неполноправная шляхта.

Къ ней относились шляхтичи, 1) отбывавшіе, кромѣ общей для всѣхъ военной службы, еще разнообразныя повинности, 2) сидѣвшіе на земляхъ князей, пановъ или просто шляхты и непосредственно зависѣвшіе, такимъ образомъ, отъ частныхъ лицъ, а не отъ короля. Такая зависимость устанавливалась различными способами: или правительство предоставляло въ верховное владѣніе магнатовъ обширныя земли вмѣстѣ съ находившимися тамъ шляхетскими хозяйствами, или магнаты раздавали свои земли лицамъ шляхетскаго класса подъ

[1]) Обязанность поставлять воиновъ распространялась также на церковныя земли, вслѣдствіе чего вопросъ о церковномъ землевладѣніи не имѣлъ въ Литвѣ такого значенія, какъ въ Московской Руси.

условіемъ службы, или наконецъ, сами шляхтичи по тѣмъ или инымъ причинамъ отдавались подъ покровительство крупныхъ землевладѣльцевъ. Сущность зависимости выражалась въ томъ, что шляхтичи 1) должны были нести службу въ пользу пана, въ случаѣ же прекращенія ея теряли свои земли; 2) были подчинены панскому суду; 3) ихъ хозяйства считались принадлежностью панскаго имѣнія, такъ что послѣднее продавалось вмѣстѣ съ сидѣвшими на немъ шляхтичами, т. е. покупателю предоставлялось право на ихъ службу и судебную власть надъ ними. Въ коронныхъ земляхъ зависимая шляхта встрѣчалась въ видѣ исключенія, но въ великомъ княжествѣ Литовскомъ первоначально былъ очень распространенъ обычай раздачи земель съ населявшей ихъ шляхтой и лишь по мѣрѣ возвышенія послѣдней онъ сталъ выходить изъ употребленія.

Однако и полноправная литовско-русская шляхта, несмотря на дарованныя ей привилегіи, осталась, подобно шляхтѣ русскихъ коронныхъ земель, служилымъ сословіемъ: ея землевладѣніе и въ XVI в. обусловлено было военной службой. Именно, сейму принадлежало право постановлять «посполитое рушенье», т. е. созывать поголовное ополченіе шляхты на защиту родины отъ враговъ. Въ этомъ ополченіи каждый землевладѣлецъ долженъ былъ участвовать лично вмѣстѣ со своими людьми (число ихъ, какъ и въ Московской Руси, обусловливалось количествомъ земли); непригодные къ военной службѣ посылали за себя наемныхъ ратниковъ. Уклонившимся отъ участія въ посполитомъ рушеньѣ грозило отобраніе имѣнья; строгія наказанія налагались также за проступки противъ дисциплины. «Рушившаяся» шляхта составляла «земское» войско [1]). Но это многочисленное войско все же не удовлетворяло военныхъ нуждъ великаго княжества Литовскаго, и поэтому правительство прибѣгало къ услугамъ «войска наемнаго», такъ называемыхъ «служилыхъ людей» (въ составъ ихъ входили жолнеры, гусары и т. д.), а также татарскихъ и козацкихъ отрядовъ. Отдѣльными частями наемнаго войска командовали ротмистры, принадлежавшіе къ разнообразнымъ слоямъ населенія, начиная съ князей и кончая людьми нешляхетскаго званія и даже иностранными выходцами, высшее же начальствованіе надъ нимъ предоставлено было гетману польному или дворному. Онъ былъ подчиненъ гетману наивысшему, который стоялъ во главѣ всѣхъ военныхъ силъ литовскихъ, т. е. и земскаго и наемнаго войска. Списки служилыхъ людей велъ писарь польный; онъ же завѣдывалъ и выдачей имъ жалованья. Такъ какъ литовское правительство, вѣчно нуждавшееся въ деньгахъ, часто задерживало жалованье наемникамъ, то они вознаграждали себя обыкновенно поборами съ мѣстнаго насе-

[1]) Кромѣ участія въ посполитомъ рушеньѣ, шляхта по постановленію сейма должна была уплачивать, когда это признавалось нужнымъ, особый денежный налогъ, такъ называемую «серебщизну».

ленія и чинили при этомъ не мало насилій. Борьба правительства съ этимъ зломъ была безуспѣшной: оно мирилось съ разнузданностью ротмистровъ, цѣня въ нихъ не только опытныхъ военачальниковъ, но и людей, которые, обогатившись во время походовъ, могли ссудить казну деньгами. Такимъ образомъ, въ жертву военнымъ и финансовымъ нуждамъ приносились интересы населенія, особенно низшаго.

§ 4. Положеніе крестьянъ въ Польско-Литовскомъ государствѣ.

Еще ранѣе возвышенія шляхты, въ русскихъ земляхъ Польской Короны и великаго княжества Литовскаго начался упадокъ крестьянства: права и привилегіи первой расширялись въ ущербъ низшему классу. Правда, древне-русское невольничество существовало въ Литовско-Русскомъ государствѣ только въ незначительномъ количествѣ и постепенно исчезало. Но оно исчезало потому, что мало-помалу сливалось съ крестьянствомъ, различныя категоріи котораго стали немногимъ отличаться отъ невольниковъ—холоповъ.

А. Составъ западно-русскаго крестьянства.

Многочисленныя категоріи западно-русскаго крестьянства можно распредѣлить на три главныхъ разряда: данники, служебные и работные или тяглые. Данники жили въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ не было развито частное землевладѣніе (преимущественно въ Пинскомъ Полѣсьѣ и нѣкоторыхъ южныхъ окраинахъ); они обложены были податьми (податной единицей считалась совокупность нѣсколькихъ хозяйствъ), не несли барщины, но исполняли кое-какія работы (главнымъ образомъ, по постройкѣ укрѣпленій) въ пользу правительства. Впрочемъ, различныя работы лежали не столько на данникахъ, сколько на другомъ разрядѣ земледѣльческаго класса, такъ называемыхъ «людяхъ служебныхъ», къ числу которыхъ принадлежали или «слуги» разныхъ наименованій (напр., замковые, ордынскіе, земскіе, стрѣльцы и т. д.) или промышленники (напр., ловцы, бобровники, сокольники, лѣсничіе, рудники, бондари и т. д.). Особенно много служебныхъ людей было въ степной полосѣ Кіевской земли. Высшіе разряды ихъ составляли, какъ упоминалось, переходную ступень къ шляхтѣ. Однако, несмотря на это, въ средѣ низшихъ служебныхъ людей было не мало потомковъ несвободной челяди. Еще болѣе несвободныхъ входило въ составъ третьяго разряда крестьянъ-работныхъ или тяглыхъ, которые заняты были преимущественно барщиной, но платили также подати. По мѣрѣ развитія частнаго землевладѣнія число работныхъ крестьянъ возрастало насчетъ двухъ другихъ разрядовъ.

Б. Польское, русское, нѣмецкое и волошское право.

Различіе положенія крестьянъ зависѣло не только отъ того, къ какому разряду принадлежали они, но также и отъ того, на какомъ правѣ жило то или другое селеніе. Именно, въ земляхъ Польско-Литовскаго государства встрѣчались поселенія польскаго, русскаго, нѣмецкаго и волошскаго (румынскаго) права. Подобно московскимъ черносошнымъ крестьянамъ, западно-русскіе крестьяне, жившіе на русскомъ правѣ, составляли волость, выбирали должностныхъ лицъ (старцевъ, сотскихъ, атамановъ и т. п.), имѣли свой судъ и пользовались широкимъ самоуправленіемъ. Остатками его служили надолго сохранившіеся въ Литовско-Русскомъ государствѣ «копные» суды. «Копою» назывался союзъ населенія извѣстной мѣстности (нѣчто вродѣ древне-русской верви), имѣвшій цѣлью раскрывать преступленія, совершенныя въ ея предѣлахъ, предупреждать ихъ и поддерживать внутренній порядокъ. Судебныя слѣдствія, производившіяся «копою», очень напоминаютъ «своды», устанавливаемые Русской Правдой. Первоначально въ «копу» входили и шляхтичи, но впослѣдствіи она сдѣлалась исключительно крестьянской. Въ селахъ нѣмецкаго права крестьянское самоуправленіе не было развито: первенствующее значеніе въ нихъ получили войты. Такъ называлось лицо (обыкновенно польскаго или нѣмецкаго происхожденія), которое за уплату извѣстной суммы собственнику земли или правительству получало наслѣдственное право сбора части доходовъ съ крестьянскаго населенія и суда надъ нимъ и становилось, такимъ образомъ, начальникомъ крестьянской общины. Въ селахъ польскаго права войту до извѣстной степени соотвѣтствовалъ сельскій начальникъ; въ поселеніяхъ же волошскаго права (оно встрѣчалось преимущественно въ коронныхъ русскихъ земляхъ и было принесено сюда колонистами изъ Прикарпатскаго края) роль войта замѣнялъ наслѣдственный старшина, называвшійся «княземъ», но по внутреннимъ своимъ порядкамъ они близко стояли къ русскимъ селамъ. Главныя различія въ хозяйственныхъ занятіяхъ крестьянъ сводились къ тому, что въ селеніяхъ съ нѣмецкимъ правомъ первоначально не была распространена барщина, а крестьяне волошскаго права занимались не столько земледѣліемъ, сколько скотоводствомъ.

Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ усиленія шляхты, различія въ положеніи крестьянъ, жившихъ на разныхъ правахъ, стали стираться: всюду первенствующее положеніе получили привилегированные землевладѣльцы; войты становились вполнѣ зависимыми отъ нихъ, самоуправленіе крестьянъ разрушалось и неволя ихъ росла.

В. Причины закрѣпощенія крестьянъ.

Развитіе крестьянской неволи зависѣло, главнымъ образомъ, отъ трехъ причинъ: 1) подчиненія крестьянъ исключительно суду землевладѣльцевъ, 2) ограниченія права крестьянъ распоряжаться землями, а также права перехода и 3) увеличенія барщины.

Судебная зависимость крестьянъ отъ землевладѣльцевъ существовала въ польскихъ земляхъ уже въ XIV вѣкѣ, въ великомъ княжествѣ Литовскомъ — въ половинѣ XV, а въ первой половинѣ XVI в. установилось правило, что никакая власть, даже самъ король, не могутъ вмѣшиваться въ отношенія пана къ его «подданнымъ», и правительственные суды не имѣютъ права принимать ихъ жалобъ. Только крестьяне государственныхъ земель подлежали суду правительственныхъ должностныхъ лицъ изъ землевладѣльческаго шляхетскаго сословія.

Право свободнаго распоряженія землями, принадлежавшее древнерусскимъ смердамъ, также постепенно утрачивалось. Польскіе законы признавали собственниками земель только лицъ привилегированнаго класса, крестьянъ же считали только съемщиками ихъ. Въ съемщиковъ частновладѣльческихъ земель обратились и крестьяне великаго княжества Литовскаго, вслѣдствіе развитія въ немъ служилаго землевладѣнія и связанной съ нимъ раздачи населенной земли магнатамъ и шляхтѣ. Вмѣстѣ съ этимъ исчезало и право свободнаго перехода. Въ польскихъ земляхъ цѣлый рядъ законодательныхъ (королевскихъ или сеймовыхъ) постановленій ограничивалъ свободу перехода «кметовъ» (т. е. крестьянъ) 1) уже въ серединѣ XIV вѣка устанавливая срокъ и большой выкупъ для выхода, 2) (въ началѣ XVI в.) ставя самый выходъ въ зависимость отъ согласія пана. Свободными остались только такъ называемые лѣзные, соотвѣтствовавшіе московскимъ «вольнымъ», «гулящимъ» людямъ и пополнявшіеся бѣглыми, мѣщанами (т. е. горожанами) и «слугами». Въ литовско-русскихъ земляхъ прикрѣпленіе устанавливалось не столько законодательнымъ порядкомъ, сколько условіями жизни и, главнымъ образомъ, развитіемъ служилаго землевладѣнія, для обезпеченія котораго необходимо было закрѣпощеніе крестьянъ. Такъ же, какъ и въ Московской Руси, «непохожими», т. е. утратившими право перехода, становятся прежде всего засидѣвшіеся, «старожильцы», называющіеся здѣсь «извѣчными», «отчичами».

Г. Барщина.

Вмѣстѣ съ успѣхами прикрѣпленія возрастала и барщина. Точнаго опредѣленія ея не было, но тогда какъ въ коронныхъ земляхъ въ XV вѣкѣ барщина колебалась между 14-ю днями въ году и однимъ днемъ еженедѣльно, въ XVI вѣкѣ обычнымъ ея размѣромъ становятся два дня въ недѣлю, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ крестьяне отбываютъ ее и шесть разъ въ недѣлю по полъ-дня. Въ земляхъ великаго княжества Литовскаго барщина стала развиваться позже и значительныхъ размѣровъ достигла только въ половинѣ XVI вѣка, но и то не всюду: въ южной степной полосѣ, т. е. въ земляхъ по Днѣпру къ югу отъ Кіева и по Южному Бугу, вслѣдствіе непрестанныхъ нашествій крымскихъ татаръ, не было развито господское хозяйство, и здѣшнее населеніе, служившее государству своей смѣлой борьбой съ татарами, жило

своеобразнымъ бытомъ, оставаясь чуждымъ какъ литовскаго, такъ и польскаго вліянія, и не только не знало неволи, но было почти неподвѣдомственно и государственнымъ властямъ.

Д. Отношеніе правительства къ крестьянскому вопросу.

Литовское правительство, подобно Московскому, мало занималось законодательствомъ по крестьянскому вопросу. Исключеніе составляетъ только его грандіозный проектъ преобразованія податного обложенія и поземельныхъ отношеній, извѣстный подъ названіемъ «Устава о волокахъ», который былъ составленъ въ 1557 году. Именно, предполагалось раздѣлить всѣ земли на равномѣрные, приносящіе одинаковый доходъ участки (волоки), раздать ихъ крестьянамъ и точнымъ образомъ опредѣлить подати и повинности послѣднихъ. Цѣль проекта заключалась въ установленіи соотвѣтствія между крестьянскимъ землепользованіемъ и обложеніемъ. Приведеніе его въ исполненіе потребовало громадной работы со стороны правительственныхъ уполномоченныхъ: перемежеванія старинныхъ крестьянскихъ участковъ, переоцѣнки ихъ, перевода крестьянъ съ однихъ земель на другія. Однако осуществлено все это было только въ западныхъ земляхъ великаго княжества.

§ 5. Вліяніе нѣмецкаго права на бытъ западно-русскихъ городовъ.

Польское вліяніе, какъ выяснено, способствовало главнымъ образомъ измѣненію положенія шляхты и крестьянства. Другое иноземное вліяніе—нѣмецкое право—кореннымъ образомъ преобразовало бытъ западно-русскихъ городовъ. Древне-русскій городъ былъ, какъ извѣстно, экономическимъ, культурнымъ и политическимъ центромъ земли, былъ тѣсно связанъ со всѣмъ ея населеніемъ. Напротивъ, средневѣковый нѣмецкій городъ съ его муниципальнымъ строемъ, автономіей (т. е. самоуправленіемъ) и иммунитетомъ (неподвѣдомственностью внѣгородскимъ властямъ)—представлялъ собой обособленный, тѣсно замкнутый въ себѣ міръ. Вызванное различными причинами какъ политическими, такъ и экономическими, введеніе нѣмецкаго права въ русскіе города Польской Короны и великаго княжества Литовскаго также разорвало ихъ живую связь съ областями, которыми они когда-то руководили, отрѣзало ихъ отъ общей политической жизни, но не улучшило ихъ правового положенія, не избавило отъ внутренней розни и способствовало не экономическому ихъ развитію, а скорѣе ихъ упадку.

Уже въ XIII вѣкѣ послѣ татарскаго опустошенія польское правительство вводитъ нѣмецкое право въ своихъ разоренныхъ городахъ для привлеченія туда нѣмецкихъ колонистовъ. Въ XIV вѣкѣ и въ Галицко-Волынской землѣ встрѣчаются общины иностранцевъ, живу-

щихъ на нѣмецкомъ правѣ. Онѣ существовали, напримѣръ, во Владимірѣ (повидимому уже въ XIII вѣкѣ), Львовѣ и другихъ мѣстахъ. Со времени распространенія Литовскаго и Польскаго владычества въ Западной Руси, особенно со времени Витовта, покровительство иноземной колонизаціи и постепенное введеніе нѣмецкаго права, отрывающаго городъ отъ земли, преслѣдовало не только экономическія, но и политическія цѣли, служило средствомъ для ослабленія русской народности. Русскіе города устраивались по образцу польскихъ, образцомъ же для послѣднихъ служилъ преимущественно Магдебургъ. Впрочемъ, полнаго однообразія не было, и каждый городъ имѣлъ свои особенности. Въ общемъ введеніе нѣмецкаго права сказывалось въ слѣдующемъ:

Населеніе города—мѣщане—освобождалось отъ управленія и суда правительственныхъ властей (напр., старостъ и воеводъ) и иногда даже отъ подчиненія общегосударственному законодательству. Городъ управлялся на основаніи нѣмецкаго права, а самое управленіе сосредоточивалось въ рукахъ городской имущественной аристократіи, изъ среды которой составлялся совѣтъ (магистратъ), выбирались должностныя лица (напр., бурмистры) и члены судебныхъ коллегій (присяжные). Впрочемъ, самоуправленіе было не полнымъ, такъ какъ во всѣхъ городахъ большимъ значеніемъ пользовался войтъ, служившій посредникомъ между правительствомъ и городской общиной и имѣвшій судебную и административную власть. Лишь немногимъ городамъ удалось добиться права самостоятельно замѣщать должность войта. Въ большинствѣ она была или наслѣдственной и принадлежала въ такомъ случаѣ основателю города (или мѣстечка) съ его потомствомъ, или назначенной отъ правительства [1]). Такъ какъ это званіе доставляло большія выгоды, то претендентами на него являлись обыкновенно шляхтичи. Это было однимъ изъ средствъ вліянія шляхты на жизнь города. Ея вліяніе не ограничивалось этимъ. На сеймахъ, гдѣ не участвовали представители отъ городовъ, шляхта проводила постановленія, очень невыгодныя для нихъ.

Страдая извнѣ отъ сеймоваго шляхетскаго законодательства, города не пользовались и внутреннимъ миромъ: въ нихъ происходила борьба классовая, т. е. вражда городской бѣдноты съ имущественной аристократіей, захватившей власть въ свои руки, и борьба національная, т. е. соперничество различныхъ населявшихъ городъ народностей, пользовавшихся неодинаковыми правами. Полноправными гражданами считались только католики. Напротивъ, русское православное населеніе было принижено: цѣлымъ рядомъ несправедливыхъ и оскорбитель-

[1]) Въ городахъ и мѣстечкахъ, построенныхъ на частновладѣльческой землѣ, самоуправленіе было совершенно призрачнымъ: вся полнота власти принадлежала собственнику городской территоріи, который единолично издавалъ различныя обязательныя постановленія для мѣщанъ.

ныхъ ограниченій оно было почти оттѣснено отъ участія въ городскомъ управленіи; кромѣ того, ему приходилось вести тяжелую, непосильную борьбу съ евреями, также ограниченными въ правахъ, но сумѣвшими, тѣмъ не менѣе, добиться экономическаго господства.

Въ нѣкоторыхъ городахъ (напр., во Львовѣ) положеніе русскихъ было особенно плачевно: ихъ религія едва терпится, религіозный культъ подвергается всевозможнымъ стѣсненіямъ, судебная присяга русскихъ считается сомнительной; они не допускаются къ занятію городскихъ должностей, къ поступленію во многіе цехи, ихъ дѣти не могутъ посѣщать школъ; ограничиваются не только ихъ торговыя права, но даже право мѣстожительства въ городѣ: имъ отводится опредѣленный кварталъ, внѣ котораго они не могутъ покупать домовъ.

Русскіе были въ худшемъ положеніи, чѣмъ армяне и евреи, такъ какъ послѣдніе, будучи оттѣснены отъ общаго городского управленія, все-таки имѣли свое собственное, котораго русскіе могли добиться далеко не вездѣ. Евреи появились въ Западной Руси еще въ Кіевскій періодъ, но численность ихъ колоній была тогда невелика, они сближались съ русскими и подвергались обрусѣнію. Впослѣдствіи массовый приливъ нѣмецкаго еврейства, а также цѣлый рядъ распоряженій польскаго правительства, стремившагося обособить евреевъ отъ христіанскаго населенія, способствовали замкнутости ихъ жизни. Стѣсненные всевозможными ограниченіями, они старались преодолѣть ихъ широкоразвитой взаимопомощью и покровительствомъ различныхъ польскихъ магнатовъ и должностныхъ лицъ, и прилагали всѣ усилія къ тому, чтобы стать экономически господствующимъ классомъ.

Нѣмецкое право, не давъ городамъ внутренняго мира, не способствовало и успѣшному экономическому развитію, такъ какъ цеховое устройство до крайности стѣсняло промышленность.

§ 6. Преобразованіе мѣстнаго управленія.

Вмѣстѣ съ измѣненіемъ общественнаго строя преобразовывалось и управленіе Литовско-Русскаго государства какъ мѣстное, такъ и центральное. Старорусскія его основы замѣнились польскими.

А. Старосты.

Въ сложномъ областномъ дѣленіи великаго княжества слѣдуетъ различать: 1) державы, подчиненныя державцамъ или «несудовымъ старостамъ»; 2) «повѣты», управляемые старостами судовыми, и 3) воеводства, во главѣ которыхъ стояли воеводы. «Державцею» или старостою несудовымъ дѣлалось такое лицо, которое, въ награду за свои заслуги или въ обезпеченіе ссуды, данной имъ казнѣ, получало отъ великаго князя, на извѣстный срокъ или пожизненно, нѣкоторое количество государ-

ственной (т. е. великоняжеской, а не частновладѣльческой) земли съ правомъ управленія, суда и сбора доходовъ. На обязанности «державцы» лежало: 1) завѣдываніе сельскимъ хозяйствомъ въ державѣ и эксплоатація ея, при чемъ получаемые доходы частью или цѣликомъ (если онъ былъ кредиторомъ казны) шли въ его пользу, 2) заботы о правильной постановкѣ военнаго дѣла въ державѣ, напр., объ исправности ея крѣпостей, 3) сборъ денежнаго налога съ ея населенія, 4) судъ надъ ея обывателями, не принадлежащими къ шляхтѣ и привилегированному (пользующемуся нѣмецкимъ правомъ) городскому классу. Кромѣ державцевъ или старостъ несудовыхъ, существовали еще судовые, которые, пользуясь всѣмъ значеніемъ первыхъ (т. е. несудовыхъ), являлись въ то же время правительственными чиновниками, стоявшими во главѣ цѣлаго повѣта, т. е. земельнаго округа, въ предѣлахъ котораго находилась ихъ держава. Имъ принадлежала административная и судебная власть.

Б. Воеводы.

Изъ нѣсколькихъ повѣтовъ или старостъ судовыхъ составлялось воеводство. Въ началѣ XV вѣка было только три воеводства, но ко второй половинѣ XVI вѣка они были раздроблены, вслѣдствіе чего число ихъ значительно увеличилось [1]). Воевода всегда былъ паномъ раднымъ, т. е. членомъ рады, и принадлежалъ такимъ образомъ къ центральному правительству; въ мѣстномъ же управленіи онъ соединялъ въ своемъ лицѣ значеніе и державцы, и судового старосты главнаго повѣта, входившаго въ составъ воеводства [2]), и начальника послѣдняго. Въ предѣлахъ всего воеводства онъ являлся какъ-бы посредникомъ между великимъ княземъ и населеніемъ и военнымъ главою воеводства: онъ заботился объ оборонѣ его; при «посполитомъ рушеньѣ» шляхты становился во главѣ ея и велъ ее подъ начальство главнокомандующаго—гетмана наивысшаго; въ военномъ отношеніи ему были подчинены всѣ старосты воеводства. Въ качествѣ высшаго представителя администраціи, онъ назначалъ должностныхъ лицъ повѣтовъ, которые утверждались затѣмъ королемъ; къ нему поступали жалобы на постановленія судовъ державцевъ; по отношенію къ городамъ, пользовавшимся нѣмецкимъ правомъ, ему принадлежало право надзора.

В. Каштеляны и маршалки.

Второе мѣсто послѣ воеводы занималъ его помощникъ, бывшій также членомъ рады, такъ называемый «каштелянъ». При посполитомъ рушеньѣ онъ начальствовалъ шляхтой центральнаго (главнаго) повѣта воеводства до поступленія ея подъ команду воеводы. Въ осталь-

---

[1]) Въ составъ воеводства съ половины XVI вѣка входило обыкновенно отъ 2 до 5 повѣтовъ-староствъ. Впрочемъ, въ трехъ воеводствахъ было по одному повѣту, и одно изъ нихъ (Жомоитское) даже именовалось староствомъ, а не воеводствомъ, хотя его староста и былъ равноправенъ съ воеводами.

[2]) Иногда въ главномъ (центральномъ) повѣтѣ воеводства, кромѣ воеводы, былъ также староста.

ныхъ повѣтахъ каштеляну соотвѣтствовалъ «маршалокъ». Мобилизаціей шляхты завѣдывали «хоружіе»; они же были и знаменосцами шляхетскихъ отрядовъ. Въ повѣтахъ было не мало и второстепенныхъ должностныхъ лицъ разнаго наименованія. Распространенный въ великомъ княжествѣ Литовскомъ обычай совмѣстительства должностей (напр., старостинскихъ урядовъ) приводилъ къ тому, что воеводы и старосты правили своими областями не лично, а черезъ посредство своихъ намѣстниковъ.

Переустройство общественнаго быта Литовско-Русскаго государства оказало извѣстное вліяніе на мѣстное управленіе: судъ и власть надъ господскими крестьянами сосредоточились въ рукахъ самой шляхты, города съ нѣмецкимъ правомъ стремились избавиться отъ всякаго вмѣшательства и надзора областныхъ правителей-воеводъ и старостъ; устройство выборныхъ «земскихъ» шляхетскихъ судовъ (аппеляціонными инстанціями для которыхъ служили высшіе трибуналы) и развитіе шляхетскаго самоуправленія, органами котораго сдѣлались повѣтовые сеймики, въ значительной степени изъяло шляхту изъ вѣдѣнія воеводъ.

§ 7. Рада и министры.

Воеводы, каштеляны и повѣтовые маршалки, стоя во главѣ мѣстнаго управленія, были въ то же время членами рады, занимая въ ней мѣста послѣ первенствующихъ ея членовъ-католическихъ епископовъ (бискуповъ). Кромѣ нихъ, въ составъ рады входили еще сановники, вѣдавшіе отдѣльными отраслями управленія во всемъ великомъ княжествѣ, т. е. имѣвшіе значеніе министровъ. Къ числу ихъ относились: 1) Великій земскій маршалокъ, исполнявшій обязанности министра двора, оберъ-церемоніймейстера, блюстителя порядка въ засѣданіяхъ сейма и рады, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ замѣнявшій гетмана наивысшаго; 2) маршалокъ дворный, бывшій помощникомъ земскаго, но имѣвшій и свои спеціальныя обязанности, 3) канцлеръ, 4) его товарищъ—подканцлеръ, завѣдывавшіе государственной канцеляріей и хранители государственныхъ печатей, безъ приложенія которыхъ ни одинъ великокняжескій указъ не имѣлъ силы, 5) земскій подскарбій, несшій самыя трудныя и сложныя обязанности въ великомъ княжествѣ—именно, завѣдываніе финансами и государственной казной, 6) гетманъ наивысшій—главнокомандующій всѣми войсками (должность его не была постоянной и замѣщалась только во время особенно серьезныхъ войнъ).

Перечисленныя должности созданы были по польскому образцу.

§ 8. Устройство сейма.

Переустройство сословій, выразившееся, главнымъ образомъ, въ распространеніи на литовско-русскую шляхту польскаго, а на горожанъ—нѣмецкаго права, видоизмѣнило и центральное управленіе великаго княжества Литовскаго. Аристократическая рада, какъ правительственный органъ, утрачивала свое исключительное значеніе и должна была дѣлить его съ выборными представителями шляхты. Собранія рады и этихъ представителей образовали такъ называемый «великій общій сеймъ литовскій».

Литовская сеймовая организація создалась по образцу польской.

А. Польскій сеймъ и сеймики.

Польскій сеймъ первоначально состоялъ изъ важнѣйшихъ сановниковъ—«пановъ радныхъ»; съ XIV в. въ него стали приглашаться также «земскіе послы», т. е. выборные отъ мѣстной шляхты, обыкновенно по два отъ каждаго повѣта. Они составляли вторую палату сейма — такъ называемое «коло посольское» или рыцарское, или посольскую палату, а паны радные — первую палату, «коло сенаторское» или сенатъ. Для предварительнаго ознакомленія шляхты съ дѣлами, вносимыми правительствомъ на обсужденіе сейма, для выбора земскихъ пословъ и снабженія ихъ соотвѣтствующими инструкціями со стороны населенія собирались за нѣсколько недѣль до созыва сейма повѣтовые сеймики. Они являлись также органами шляхетскаго самоуправленія и присвоили себѣ многія важныя государственныя права (напр., сборъ податей, замѣщеніе нѣкоторыхъ должностей и т. д.). Общему же сейму принадлежала полнота законодательной власти: изданіе новыхъ, отмѣна или измѣненіе старыхъ законовъ, назначеніе новыхъ податей, а также объявленіе войны и заключеніе мира могли состояться только на общемъ сеймѣ по единогласному рѣшенію всѣхъ его участниковъ. Требованіе единогласнаго рѣшенія (замѣнившее съ начала XVI в. прежній порядокъ рѣшенія по большинству голосовъ) крайне затрудняло дѣятельность сейма: голосъ какого-нибудь одного несговорчиваго посла могъ «сорвать», т. е. лишить обязательности, постановленіе сейма.

Б. Литовскій сеймъ.

«Великій вальный (т. е. общій)» сеймъ литовскій возникъ въ концѣ XV вѣка, когда появились такія общегосударственныя потребности, которыя касались всѣхъ областей великаго княжества и могли быть разрѣшены лишь на собраніи ихъ представителей. До второй половины XVI вѣка порядокъ избранія депутатовъ не былъ строго опредѣленъ, а въ 1565 году его установили по польскому образцу. Именно, съ этого времени прежнія безсословныя вѣча—сеймы окончательно замѣнились повѣтовыми шляхетскими сеймиками наподобіе и съ правами польскихъ. На Литовскомъ сеймѣ такъ же, какъ и на Коронномъ (поль-

скомъ), образовалось два кола: первое состояло изъ рады, въ составъ которой входили, однако, не одни высшіе сановники (какъ было въ польскомъ сенатѣ), но и аристократы-магнаты, второе—изъ выборныхъ отъ шляхты: установлено было тоже единогласное рѣшеніе дѣлъ. Сейму было предоставлено широкое участіе въ законодательствѣ, но его рѣшенія не имѣли для великаго князя такой обязательной силы, какая признавалась за короннымъ.

В. Чрезвычайные сеймы.

Отъ обычныхъ польскихъ и литовскихъ сеймовъ слѣдуетъ отличать чрезвычайные. Къ числу послѣднихъ относились, напримѣръ, военно-полевые или лагерные сеймы для рѣшенія вопросовъ, возникавшихъ во время похода, «элекціійные» сеймы для избранія короля и «спольные», т. е. совмѣстные польско-литовскіе сеймы, собиравшіеся для обсужденія дѣлъ, которыя касались обоихъ государствъ.

§ 9. Подготовленіе политической уніи.

Дѣятельность такихъ спольныхъ сеймовъ оживилась въ шестидесятыхъ годахъ XVI вѣка, когда опять выдвинулся на первый планъ и горячо обсуждался вопросъ о закрѣпленіи уніи. Уже съ сороковыхъ годовъ, съ конца царствованія Сигизмунда I Казимировича и начала правленія его сына и преемника—Сигизмунда II Августа, польское правительство (въ особенности посольская палата короннаго сейма,—сенатъ же велъ себя сдержаннѣе), устрашенное успѣхами турокъ, наводнявшихъ сосѣднюю Венгрію, съ непреклонной настойчивостью возобновило свои требованія объ «инкорпораціи» Литвы, т. е. о сліяніи ея съ Польшей.

Литовско-русскіе магнаты упорно противились этому и долго не соглашались даже на созывъ спольнаго сейма, на которомъ предполагалось разрѣшить наконецъ старый вопросъ объ уніи. Но три обстоятельства заставили ихъ сдѣлаться болѣе сговорчивыми. Во-первыхъ, Литва вмѣшалась въ войну, которую велъ московскій государь Іоаннъ IV съ Ливонскимъ орденомъ. Послѣ нѣсколькихъ пораженій, понесенныхъ литовскимъ войскомъ, литовское правительство пришло къ убѣжденію, что ему не обойтись безъ помощи Польши, тѣмъ болѣе, что и разгромленный Ливонскій орденъ (въ 1561 году) отдался подъ покровительство не только Литвы, но и Польши. Польская помощь нужна была также для отраженія страшныхъ набѣговъ крымскихъ татаръ. Во-вторыхъ, истомленная военной службой литовско-русская шляхта сама обратилась (въ 1562 г., а затѣмъ вторично въ 1566 г.) къ Сигизмунду II Августу съ энергичной просьбой о подтвержденіи уніи и съ угрозами по отношенію къ магнатамъ. Въ-третьихъ, Сигизмундъ II Августъ, который первоначально, подъ вліяніемъ своей второй супруги (Варвары), родствен-

ницы одного изъ виднѣйшихъ приверженцевъ независимости Литвы—Радзивилла, весьма сдержанно относился къ уніи и отказывался принуждать къ ней раду, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ рѣзко измѣнилъ свои взгляды. Онъ не имѣлъ наслѣдниковъ, не былъ поэтому заинтересованъ въ обособленности Литвы и отказался отъ своихъ наслѣдственныхъ правъ на нее въ пользу Короны (т. е. Польши) [1]). Его бездѣтность должна была служить, съ польской точки зрѣнія, однимъ изъ самыхъ важныхъ побужденій въ пользу уніи, такъ какъ послѣ его кончины могли порваться и тѣ узы, которыя, въ лицѣ одной династіи соединяли съ 1386 года оба государства. Поэтому Сигизмундъ II въ послѣднее десятилѣтіе своего правленія сталъ ревностнымъ сторонникомъ «инкорпораціи»; онъ щедро осыпалъ литовско-русскую шляхту различными привилегіями (такъ, напр., въ 1563 году православная шляхта вполнѣ уравнивалась съ католической, въ 1564 году заводились выборные шляхетскіе суды, въ 1565 году шляхетскіе сеймики), такъ что именно въ связи съ вопросомъ объ уніи она перестроена была по польскому образцу; онъ побуждалъ магнатовъ къ согласію на унію, требовалъ ихъ присутствія на спольныхъ сеймахъ.

Все это мало-по-малу подорвало энергію литовской знати, боровшейся за независимость Литвы. Принявъ участіе въ обсужденіи уніи, она на первыхъ спольныхъ сеймахъ отвергала еще притязанія поляковъ и отстаивала непріемлемыя для нихъ условія уніи, но на Люблинскомъ сеймѣ 1569 года ея протестъ былъ окончательно сломленъ.

На Варшавскомъ сеймѣ 1563—64 г. и на Парчевскомъ 1564 г. литовскіе уполномоченные предлагали полякамъ свою обычную программу: тѣсный союзъ Польши и Литвы, совмѣстное веденіе войнъ и всѣхъ дѣлъ внѣшней политики, но полную самостоятельность великаго княжества во внутреннихъ дѣлахъ и сохраненіе неприкосновенности его права и строя. Въ притязаніяхъ поляковъ, направленныхъ къ полному уничтоженію независимости Литвы, они видѣли посягательства на свои исконныя права, видѣли желаніе Польши взять Литву приступомъ и выражали готовность протестовать противъ этого передъ всѣми державами [2]). И Люблинскій сеймъ вначалѣ не предвѣщалъ ничего отраднаго для поляковъ. Литовскіе магнаты, среди которыхъ особенно выдѣлялись Радзивиллъ и Ходкѣвичъ, твердо стояли на своемъ, держали въ повиновеніи у себя уполномоченныхъ отъ шляхты и оберегали ихъ отъ вліянія польской партіи. Разбираться

[1]) Съ литовской точки зрѣнія это былъ незаконный поступокъ, такъ какъ Сигизмундъ II, хотя и происходилъ изъ династіи Ягайла, тѣмъ не менѣе, подобно своимъ предшественникамъ, считался избраннымъ, а не наслѣдственнымъ великимъ княземъ.

[2]) На Варшавскомъ сеймѣ литовскіе магнаты просили предоставить толкованіе прежнихъ актовъ уніи иностраннымъ державамъ или докторамъ Болонскаго университета.

въ прежнихъ актахъ уніи они не хотѣли, такъ какъ эти акты, по ихъ мнѣнію, «вывѣтрились» отъ времени, никогда не были осуществлены на практикѣ, а, по утвержденію Ходкѣвича, являлись даже незаконными, такъ какъ большинство изъ нихъ, какъ, напримѣръ, унія 1386 года, установлено было единоличной властью короля-великаго князя безъ вѣдома рады. Они энергично протестовали и теперь противъ вмѣшательства Сигизмунда II, такъ какъ «до уніи королю нѣтъ дѣла и толковать о ней могутъ только они сами, какъ вольные люди». Совмѣстные переговоры объ уніи они соглашались начать только въ томъ случаѣ, если поляки представятъ имъ письменно новый текстъ ея, составленный независимо отъ прежнихъ актовъ и особенно отъ акта 1501 года, на который, какъ на особенно выгодный для Польши, постоянно ссылалась польская партія. Наконецъ, убѣдившись въ невозможности придти къ соглашенію съ поляками, возлагавшими, напротивъ, всѣ свои упованія на вмѣшательство короля и на старыя условія уніи, литовскіе магнаты внезапно покинули сеймъ съ цѣлью «сорвать» его. Однако поляки (въ особенности посольская палата), при дѣятельной поддержкѣ Сигизмунда II Августа, пошли напроломъ: рѣшено было произнести надъ Литвой заочный приговоръ—считать унію скрѣпленной, несмотря на отсутствіе литовскихъ уполномоченныхъ, уничтожить всѣ противорѣчащія ей литовскія привилегіи, подвергнуть карамъ всѣхъ несогласныхъ съ ней и, на всякій случай, готовиться къ войнѣ съ великимъ княжествомъ, а для этого обратиться за помощью къ татарамъ. Но такъ какъ все же не разсѣялись опасенія, что унія не осуществится, то посольская палата постаралась не пропустить удобнаго момента для отобранія отъ Литвы нѣкоторыхъ земель, на которыя Польша имѣла будто бы «историческія права», прежде всего Волыни и Подляшья. Изготовлены были два королевскихъ привилея: одинъ о присоединеніи къ Коронѣ Подляшской области, уравниваемой во всѣхъ правахъ съ коронными землями, другой — о присоединеніи Волыни, которой обѣщано было сохраненіе Литовскаго статута и русскаго языка при дѣлопроизводствѣ; въ обѣихъ земляхъ правительственныя должности могли замѣщаться лишь мѣстными уроженцами; шляхта освобождалась отъ различныхъ повинностей.

Послѣ изданія такихъ привилеевъ, находившіеся въ Люблинѣ уполномоченные отъ Подляшской земли приведены были къ присягѣ Коронѣ, а затѣмъ отдано было приказаніе, чтобы для принесенія присяги явились и всѣ должностныя лица изъ Волыни и Подляшья. Побуждаемые угрозами короля, они стали понемногу съѣзжаться на сеймъ и послѣ нѣкоторыхъ колебаній (особенно упорствовали волынскіе магнаты: Александръ Чарторійскій, К. Острожскій, Б. Корецкій и К. Вишневецкій) принесли требуемую присягу. Успѣхъ окрылилъ польскую партію и, не довольствуясь пріобрѣтеннымъ, она добилась также отобранія отъ Литвы Брацлавской земли (лежавшей

по Ю. Бугу) и Кіевской, на которыя поляки также предъявляли свои «историческія права» [1]). Впрочемъ, не всѣ они домогались Кіевской области: болѣе осторожные находили, что ея оборона будетъ не по силамъ Польшѣ. Восторжествовало, однако, мнѣніе крайней партіи, и Кіевская земля присоединена была на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и Волынь, Брацлавская же включена въ составъ послѣдней.

Еще до присоединенія этихъ земель вернулись на сеймъ литовскіе магнаты, встревоженные его постановленіями, а также тѣмъ волненіемъ, которое охватило литовско-русскую шляхту, настроенную въ пользу уніи. Прежняго упорства у нихъ уже не было; свой отъѣздъ они объясняли недоразумѣніемъ, выражали готовность возобновить переговоры объ уніи на основаніи хотя бы акта 1501 года, приняли примирительный тонъ по отношенію къ полякамъ, умоляли короля согласиться хотя бы на незначительныя уступки, горько жаловались, что отобраніемъ Литовскихъ земель Польша «обрѣзала крылья Литвѣ». Но поляки оставались непреклонными и указывали на совершившееся постановленіе объ уніи. Литовцамъ, подъ давленіемъ короля, оставалось только уступить, испытавъ не мало униженій.

§ 10. Сущность Люблинской уніи и ея послѣдствія.

Послѣ долгихъ пререканій скрѣпленіе уніи было признано на вѣчныя времена и нерушимо.

Условія Люблинской уніи сводятся къ слѣдующему: Королевство Польское и Великое Княжество Литовское сливаются въ единое и нераздѣльное тѣло и единое общее государство — Рѣчь Посполитую (отъ слова «республика»). Оно на вѣчныя времена должно имѣть одного общаго государя-короля, избираемаго совмѣстно поляками и литовцами; сеймъ долженъ быть общій [2]) (а не два отдѣльныхъ), монета—также общая и однообразная; поляки въ Литвѣ и литовцы въ Польшѣ могутъ пріобрѣтать недвижимую собственность. Однако за Литвой остается наименованіе Великаго Княжества Литовскаго; король среди другихъ своихъ титуловъ носитъ также титулъ великаго князя Литовскаго; сохраняются особое войско и финансовое управленіе, всѣ государственныя должности, а также всѣ права и привилегіи литовскихъ сословій, дарованныя ранѣе и упомянутыя въ Литовскомъ Статутѣ (сводѣ Литовскихъ законовъ). Но размѣръ великаго княже-

---

[1]) Въ числѣ историческихъ правъ на Кіевъ указывалось, напр., то, что въ XI в. (значитъ, при Болеславѣ) онъ временно принадлежалъ Польшѣ. Поляки на Люблинскомъ сеймѣ были такъ же неразборчивы въ изысканіи правъ, какъ «присоединительныя камеры» Людовика XIV.

[2]) На общемъ сеймѣ представители отъ Литвы составляли менѣе трети числа всѣхъ его членовъ.

ства Литовскаго сокращенъ былъ почти вдвое: въ силу особыхъ королевскихъ постановленій, изданныхъ на Люблинскомъ сеймѣ, принадлежавшія Литвѣ южно-русскія области: Волынская, Брацлавская (по южному Бугу), Подляшье (западная часть нынѣшней Гродненской губерніи) и Кіевская были присоединены непосредственно къ Коронѣ (т. е. Польшѣ), за княжествомъ же оставались земли чисто Литовскія и западно-русскія (Бѣлоруссія).

Пораженіе литовской партіи на Люблинскомъ сеймѣ объясняется многими причинами: 1) какъ извѣстно, она никогда не рѣшалась на полный разрывъ уніи съ Польшей, а лишь стремилась къ выгоднымъ для себя условіямъ ея; 2) между литовскими и русскими магнатами существовалъ внутренній разладъ; 3) еще большій разладъ былъ между магнатами, стремившимися установить олигархію, и шляхтой, преобразованной по польскому образцу, дорожившей своими вольностями и тяготѣвшей къ Польшѣ. Этими же причинами объясняются и неудачи послѣдующихъ попытокъ литовской партіи оправиться отъ удара, нанесеннаго ей Люблинской уніей.

Послѣ смерти Сигизмунда II Августа въ 1572 году литовцы требовали возвращенія отобранныхъ у нихъ земель и пересмотра актовъ 1569 года, но не настояли на своемъ и совмѣстно съ поляками выбрали королемъ Генриха Валуа, не поддержавъ кандидатуры на литовскій престолъ московскаго царя Іоанна IV, вокняженіе котораго могло бы разорвать унію съ Польшей.

Въ избраніи преемника Генриха,—Стефана Баторія—Литва не приняла участія, но выбрать себѣ отдѣльнаго князя не рѣшилась и въ концѣ-концовъ признала Баторія, удовлетворившись нѣкоторыми уступками его. И въ послѣдующее время литовская партія дѣлала попытки вернуть своей родинѣ былую независимость, но особаго успѣха она не имѣла.

Протестуя противъ уніи, литовскіе вельможи отстаивали не только національные, но и свои классовые интересы: изъ-за нея они много проиграли, какъ проигрывали они и изъ-за всѣхъ предшествовавшихъ ей сословныхъ реформъ, проведенныхъ въ интересахъ шляхты: они потеряли нѣсколько мѣстъ въ радѣ, слившейся съ польскимъ сенатомъ, такъ какъ въ него не были допущены тѣ аристократы, которые засѣдали въ радѣ по праву рожденія, а не по занимаемой должности, да и изъ должностныхъ лицъ, имѣвшихъ мѣсто въ радѣ, нѣкоторые (напр., повѣтовые маршалки) не получили доступа въ сенатъ; далѣе, уравненіе магнатовъ со шляхтой, начатое до уніи, продолжалось съ еще большимъ успѣхомъ послѣ нея, но все же литовская шляхта не сдѣлалась такимъ однороднымъ и равноправнымъ сословіемъ, какъ польская: память о быломъ первенствѣ магнатовъ сохранилась, напримѣръ, въ томъ, что они удержали свои титулы (княжескіе и графскіе), которыхъ не знала Польша.

Люблинская унія была невыгодна для вельможъ, но ея условія обезпечивавшія Литвѣ неприкосновенность ея законовъ и внутренняго управленія, обезопасили великое княжество отъ совершеннаго подчиненія Польшѣ. Гораздо хуже были послѣдствія уніи для русскихъ земель: 1) сліяніе съ Польшей грозило православію, 2) польское господство давало полное торжество закрѣпощенію крестьянъ и распространяло послѣднее на тотъ край, который до уніи не зналъ его, именно — на привольную «Украйну» (соотвѣтствующую приблизительно нынѣшнимъ Кіевской и Полтавской губерніямъ съ частью Черниговской и Подольской), заселенную преимущественно козаками.

§ 11. Подготовленіе церковной уніи.

Соединеніе Польши и великаго княжества Литовскаго, установленное Люблинской уніей, было еще неполнымъ, такъ какъ совершенному сліянію вступившихъ въ унію земель препятствовали не только національныя, но и вѣроисповѣдныя различія: масса западнорусскаго населенія оставалась православной, а въ Польшѣ и въ собственной Литвѣ въ правленіе Сигизмунда II Августа господствовало разновѣріе и наблюдался развалъ католицизма.

А. Распространеніе протестантизма въ Польшѣ и въ Литвѣ.

Вслѣдствіе установившейся въ Польшѣ въ серединѣ XVI вѣка полной религіозной свободы, здѣсь успѣшно распространялся не только протестантизмъ, но и ереси, возникшія въ реформаціонную эпоху. Въ Литвѣ сильно привился кальвинизмъ (его распространенію особенно способствовалъ Николай Радзивиллъ Черный). Протестантское и еретическія ученія нашли нѣкоторый откликъ и въ русскихъ областяхъ, гдѣ среди шляхтичей встрѣчались кальвинисты, антитринитаріи (отвергавшіе догматъ Пресвятой Троицы), послѣдователи Социна (взгляды котораго напоминали аріанство), а также приверженцы сектъ, переходившихъ сюда изъ Московской Руси, напр., ереси жидовствующихъ. Однимъ словомъ, Рѣчь Посполитая была заражена религіознымъ вольномысліемъ.

Для борьбы съ успѣхами реформаціи въ Польшу и Литву въ шестидесятыхъ годахъ XVI вѣка явились главные воины католической реакціи—іезуиты. Они постарались распространить свою дѣятельность и на юго-западную Русь, чтобы искоренить въ ней не только сектантство, но и «схизму», какъ называли они православіе. Какъ и вездѣ, они дѣйствовали здѣсь посредствомъ проповѣди, печати и воспитанія юношества въ католическомъ духѣ. Дѣятельность ихъ имѣла успѣхъ и въ Польшѣ, и въ Литвѣ, и среди нѣкоторой части православныхъ магнатовъ и шляхты. Однако отдѣльные случаи обращенія православныхъ въ католицизмъ не могли удовлетворить іезуитовъ, носившихся со смѣлой мечтой—подчинить папскому

престолу всѣхъ «схизматиковъ» какъ Рѣчи Посполитой, такъ даже православнаго Московскаго государства.

Въ качествѣ перваго шага для осуществленія такого грандіознаго плана, рѣшено было возобновить давнишнія притязанія на установленіе церковной уніи Западно-Русской Церкви съ Римскою, т. е. побудить православныхъ подданныхъ Рѣчи Посполитой признать главенство папы, сохранивъ имъ на первыхъ порахъ православную обрядность.

Б. Идея церковной уніи.

Идею церковной уніи особенно развивали іезуиты—Петръ Скарга и Антоній Поссевино. Первый написалъ получившее широкую извѣстность сочиненіе: «Объ единствѣ Церкви Божіей подъ единымъ Пастыремъ и о греческихъ отщепенцахъ отъ этого единства». Второй имѣлъ своей спеціальной цѣлью побужденіе къ уніи Московскаго государства и надѣялся достигнуть ея, подчинивъ предварительно папѣ Западно-Русскую Церковь. Для этого онъ составилъ цѣлую программу различныхъ мѣропріятій.

Мечтанія іезуитовъ были встрѣчены съ большимъ сочувствіемъ королемъ Стефаномъ Баторіемъ. Церковная унія, какъ переходная ступень къ католицизму, должна была, по мнѣнію Баторія, тѣсно сплотить съ Польшей вновь пріобрѣтенныя ею (по Люблинской уніи) русскія земли. Онъ надѣялся также, что общій подъемъ религіознаго одушевленія, который явится результатомъ дѣятельности іезуитовъ, поможетъ ему осуществить его завѣтное желаніе—побудить всѣхъ христіанъ къ крестовому походу для изгнанія турокъ изъ Европы. Къ тому же самая идея церковной уніи была столь же старой, какъ стара была Юго-Западная Русь, и самолюбію Баторія льстила слава разрѣшенія того вопроса, который не сумѣли рѣшить его предшественники, владѣвшіе юго-западными русскими землями.

В. Первоначальныя попытки уніи.

Переговоры о церковной уніи велись, какъ извѣстно, папской куріей еще съ Даніиломъ Романовичемъ Галицкимъ и даже съ его предшественниками. Они возобновились съ большей силой, когда Литовско-Русское государство вступило въ династическую унію съ Польшей: ревностными приверженцами соединенія Церквей были, напримѣръ, Ягайло и Витовтъ. Изъ нѣсколькихъ попытокъ ихъ установить церковную унію слѣдуетъ отмѣтить посылку ими митрополита Григорія Цамблака (поставленнаго соборомъ Западно-Русскаго духовенства) на Констанцскій соборъ. Цамблакъ явился сюда съ многочисленной пышной свитой и съ горячими выспренними рѣчами о стремленіи православныхъ къ единенію Церквей и признанію папскаго главенства. Милостиво принятый папой и императоромъ, онъ вернулся однако ни съ чѣмъ, такъ какъ предложенный имъ способъ установленія уніи—созваніе для этого собора изъ представителей Западной и Восточной Церквей—совсѣмъ не улыбался папѣ,

который и безъ того ужъ слишкомъ тяготился Констанцскимъ соборомъ и вовсе не намѣревался связывать себя еще новымъ. Прошло нѣсколько лѣтъ, и въ Литовско-Русское государство, на пути съ Флорентійскаго собора въ Москву, явился извѣстный митрополитъ Исидоръ съ вѣстью о заключеніи уніи и съ самымъ широкимъ толкованіемъ ея въ смыслѣ полнаго уничтоженія всякихъ различій между Греческой и Римской Церквами. Но горячая проповѣдь Исидора оказалась тщетной: польское и литовское правительства были заняты въ это время другими заботами, оттѣснявшими церковный вопросъ на второй планъ; католическое духовенство склонялось въ сторону Базельскаго собора, не признававшаго законности Флорентійскаго, а въ православномъ населеніи Литовско-Русскаго государства Исидоръ встрѣтилъ почти такое же непріязненое отношеніе, какъ нѣсколько времени спустя въ Москвѣ. Провозглашенная имъ унія не осуществилась на дѣлѣ, хотя во второй половинѣ XV вѣка часть западно-русскаго духовенства вмѣстѣ съ нѣсколькими магнатами неоднократно обращалась къ папѣ съ льстивыми посланіями, въ которыхъ подчеркивалась приверженность къ уніи. Но эти выступленія настолько не имѣли подъ собою почвы въ массѣ русскаго населенія, что папы даже не придавали имъ серьезнаго значенія. Въ концѣ XV и началѣ XVI в.в. вопросъ о церковной уніи замеръ, такъ какъ правительство боялось раздражать имъ многочисленную русскую партію, тяготѣвшую къ Москвѣ и облегчавшую московскіе захваты.

Г. Положеніе православнаго духовенства.

Предшественники Баторія на Польско-Литовскомъ престолѣ не сумѣли установить церковной уніи, но они добились учрежденія особой, независимой отъ Московской, митрополіи для православныхъ подданныхъ своего государства и приложили всѣ свои старанія къ тому, чтобы подчинить какъ митрополита, такъ и все духовенство своей власти и довести православную Церковь въ Юго-Западной Руси до полнаго нравственнаго упадка.

Уже въ правленіе Ольгерда великіе князья литовскіе добивались, какъ извѣстно, учрежденія отдѣльной митрополіи. Константинопольскіе патріархи неохотно соглашались на это и предпочитали поставлять митрополитовъ для «всей Руси», которые, поселяясь въ Москвѣ, часто оставляли Западную Русь безъ своего руководительства, что, конечно, вредно отзывалось на ея церковной жизни.

Только въ 1458 году учреждена была окончательно особая Кіевская митрополія для всего православнаго населенія Короны и Великаго Княжества (въ составъ ея входило десять епархій). Съ этого времени замѣщеніе митрополичьей каѳедры фактически перешло въ руки великаго князя: соборное избраніе митрополита обратилось въ простую формальность, не всегда даже соблюдавшуюся, а роль константинопольскаго патріарха сводилась къ тому, что онъ посвящалъ намѣченнаго кандидата въ митрополиты, получая за это дары. Такимъ

образомъ, великій князь въ сущности назначалъ митрополита какъ любое должностное лицо; иногда при его жизни онъ выбиралъ уже ему преемника, иногда разрѣшалъ митрополиту продать свою должность другому. Замѣщеніе епископскихъ каѳедръ также стало зависѣть отъ великаго князя. На судъ его и сейма шли жалобы на высшихъ духовныхъ лицъ, направлявшіяся прежде къ патріарху. Духовная власть всецѣло подчинилась католической свѣтской власти, которая, очевидно, не благопріятствовала православію и едва терпѣла его.

Первыя покушенія на православіе предприняты были въ коронныхъ русскихъ земляхъ еще въ XIV вѣкѣ, задолго до учрежденія особой кіевской митрополіи. Уже Казимиръ Польскій пытался учредить въ Галиціи католическую митрополію и сносился по этому поводу съ папой. Папская курія пришла къ рѣшенію назначить въ епархіяхъ Галицкой и Волынской земель католическихъ епископовъ на мѣсто православныхъ, и въ этомъ смыслѣ составлена была папская булла 1375 года, послужившая основаніемъ для организаціи католическихъ каѳедръ въ Юго-Западной Руси. Правда, это рѣшеніе не вполнѣ осуществилось, и наряду съ католическими продолжали существовать также православные епископы, но въ то время, какъ первые пользовались привилегіями,—вторые вмѣстѣ со своей паствой принижались: въ отличіе отъ католическаго духовенства, свободнаго отъ податей, православное было обременено ими; богослуженіе, особенно въ городахъ съ нѣмецкимъ правомъ, подвергалось ограниченіямъ; не допускалась постройка новыхъ церквей; православные въ коронныхъ земляхъ вплоть до уніи 1569 года не могли занимать сенаторскихъ должностей; дѣти отъ смѣшанныхъ браковъ съ католиками обращались въ католицизмъ; наконецъ, православные должны были участвовать въ расходахъ на содержаніе католическаго духовенства.

Меньшимъ ограниченіямъ, какъ извѣстно, подвергались православные въ земляхъ великаго княжества; однако и здѣсь ихъ духовенство стояло далеко не на высотѣ положенія. Іерархическая зависимость между духовными степенями ослабла: митрополитъ почти не зависѣлъ отъ патріарха, епископы—отъ митрополита, архимандриты монастырей—отъ епископовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ духовныя лица впали въ подчиненіе свѣтскимъ властямъ. Вмѣшательство правительства и вообще мірянъ въ церковныя дѣла ярче всего проявилось въ распространившемся въ XVI вѣкѣ обычаѣ «патроната» или покровительства. Именно, церкви и монастыри на частныхъ земляхъ находились подъ патронатомъ вотчинниковъ, на государственныхъ—подъ патронатомъ великаго князя; онъ же являлся патрономъ и всѣхъ епископскихъ каѳедръ. Система покровительства на практикѣ сводилась къ тому, что патроны извлекали всевозможные доходы изъ опекаемыхъ ими православныхъ церковныхъ учрежденій: получали дары отъ назначаемыхъ духовныхъ лицъ, завѣдывали имуществомъ

вакантныхъ епархій, приходовъ и монастырей, обращали часть его въ свою пользу. Да и не только церковныя имущества, но и сами духовныя должности разсматривались съ чисто коммерческой точки зрѣнія: онѣ покупались, продавались, обмѣнивались, закладывались и т. д. Покупателями ихъ бывали не только люди, не посвященные въ духовный санъ, но даже и неправославные. Выполнять религіозныя обязанности по своей должности они, конечно, не могли и не хотѣли; въ лучшемъ случаѣ они поручали ихъ выполненіе какому-нибудь замѣстителю, сами же заботились лишь о доходахъ и нерѣдко расхищали не только церковныя земли, обращая ихъ въ собственность своей семьи, но даже и церковную утварь, передѣлывая ее въ предметы домашняго обихода и украшенія. Случалось и такъ, что право на одну и ту же епархію или должность продавалось нѣсколькимъ лицамъ, и соперникамъ приходилось тогда или мириться на какой-нибудь сдѣлкѣ или вступать въ вооруженную борьбу изъ-за спорной каѳедры, сгоняя съ нея другъ друга. Вообще, епископы того времени нерѣдко выступали въ роли вождей во главѣ многочисленныхъ вооруженныхъ полковъ, и за нѣкоторыми изъ нихъ, кромѣ тягчайшихъ преступленій противъ религіи и нравственности, числились даже убійства.

Д. «Братства».

Впавшее въ зависимость отъ свѣтской власти и утратившее нравственный авторитетъ духовенство выказало въ исходѣ XVI вѣка полную неспособность къ борьбѣ съ иновѣріемъ и къ отстаиванію интересовъ православія. На защиту православія пришлось подняться мірянамъ какъ изъ среды западно-русскихъ вельможъ, такъ, въ особенности, изъ среды мѣщанъ, т. е. жителей городовъ, во многихъ изъ которыхъ введеніе нѣмецкаго права ставило католиковъ въ привилегированное положеніе, и гдѣ православные особенно болѣзненно чувствовали притѣсненія своей вѣры. Прихожане городскихъ православныхъ церквей образовывали особыя общества, такъ называемыя «братства», первоначальной цѣлью которыхъ была забота о матеріальномъ благосостояніи церквей. Однако вскорѣ братства большихъ городовъ (напримѣръ, Кіева, Луцка, Владиміра, Львова и др.) присвоили себѣ право участія въ выборѣ духовныхъ лицъ, надзора за ними, обличенія ихъ пороковъ и злоупотребленій, защиты интересовъ православной Церкви и борьбы съ неправославными ученіями посредствомъ выпуска богословскихъ сочиненій и устройства школъ.

Опору своимъ притязаніямъ на контроль надъ состояніемъ Церкви братства нашли у восточныхъ патріарховъ: сперва Антіохійскій патріархъ Іоакимъ, а затѣмъ Константинопольскій—Іеремія, посѣтившіе въ концѣ 80-хъ годовъ XVI вѣка Западно-Русскія земли, очень сочувственно взглянули на дѣятельность братствъ, подтвердили и расширили ихъ права, предоставивъ имъ въ извѣстныхъ случаяхъ надзоръ даже за высшими представителями Церкви—епископами.

Тѣсный союзъ патріарховъ съ братствами весьма понятенъ: и тѣ и другіе были противниками уніи, на пользу которой іезуиты работали своими проповѣдями и перьями, а польское правительство, во главѣ котораго стоялъ съ 1587 г. преемникъ Баторія—Сигизмундъ III, изъ династіи Ваза,—рѣзкими гоненіями на православныхъ и надругательствомъ надъ ихъ храмами.

Е. Отношеніе епископовъ къ братствамъ.

Но весьма понятно также, что братское движеніе, которому такъ покровительствовали патріархи, было очень не по сердцу западно-русскимъ владыкамъ: тѣснимые сверху—со стороны правительства, они стали теперь терпѣть вмѣшательство и обличеніе снизу—со стороны «портныхъ, сѣдельниковъ и кожемяковъ», какъ называли они мѣщанъ-братчиковъ. Къ тому же и самъ Іеремія не щадилъ самолюбія представителей высшей западно-русской іерархіи и, при своемъ пріѣздѣ въ 1589 году, сдѣлалъ цѣлый рядъ оскорбительныхъ для нихъ распоряженій: онъ всталъ на сторону львовскаго братства въ спорѣ его съ львовскимъ владыкой Балабаномъ и пригрозилъ послѣднему проклятіемъ; смѣстилъ безъ уважительныхъ причинъ кіевскаго митрополита; когда же на митрополію возведенъ былъ, по желанію короля, Михаилъ Рогоза, Іеремія, подчеркивая свое неблаговоленіе къ нему, учредилъ въ противовѣсъ митрополиту новую должность екзарха, съ весьма широкими полномочіями по надзору за епископами, и назначилъ на нее извѣстнаго многими неблаговидными поступками епископа луцкаго—Терлецкаго. Различныя распоряженія Іеремін притомъ часто противорѣчили другъ другу и этимъ вызывали смуту. Послѣ отъѣзда его, въ Юго-Западную Русь нахлынули цѣлою массою всевозможные греческіе іерархи разныхъ наименованій, иногда просто самозванцы; они издавали отъ своего имени и отъ имени патріарха всевозможныя, часто поддѣланныя съ корыстной цѣлью, грамоты съ угрозами по адресу западно-русскихъ епископовъ. Положеніе послѣднихъ при такихъ условіяхъ сдѣлалось невыносимымъ: въ ихъ дѣла вмѣшивались и представители свѣтской власти, и братства, и восточное духовенство; всѣ ихъ обличали, грозили имъ лишеніемъ сана; а на свой духовный санъ большинство епископовъ смотрѣло, какъ на источникъ доходовъ, и исполняло свои обязанности чисто формально, нисколько не заботясь о благѣ Церкви. Своекорыстныя соображенія побуждали западно-русскихъ епископовъ искать выхода изъ тяжелаго положенія, и этотъ выходъ, освобождающій ихъ отъ непрошенной опеки, они надѣялись найти въ уніи, въ покровительствѣ высокаго и щедраго папскаго престола.

§ 12. Установленіе церковной уніи.

А. Православные епископы-приверженцы уніи.

Изъ православныхъ владыкъ первымъ подалъ мысль о спасительности уніи наиболѣе обиженный патріархомъ и не ладившій со своимъ братствомъ — львовскій епископъ Балабанъ. Онъ и три его сотоварища (епископы: луцкій — Терлецкій, пинскій и туровскій — Пельчицкій, холмскій — Збируйскій) уже въ 1590 г. подписали заявленіе о томъ, что они «для спасенія своего и всего христіанскаго люда» отдаются подъ главенство «наисвятѣйшаго отца—римскаго папы», подъ условіемъ: 1) сохраненія православныхъ обрядовъ Западно-Русской Церкви, 2) уравненія уніатскихъ епископовъ съ католическимъ духовенствомъ въ правахъ и 3) пожизненнаго обезпеченія за ними ихъ каѳедръ. Это заявленіе, хранившееся въ полной тайнѣ отъ другихъ іерарховъ, Терлецкій долженъ былъ представить королю. Онъ не торопился съ этимъ и только въ 1592 году обратился къ Сигизмунду III, надѣясь, что тотъ оцѣнитъ его приверженность къ уніи и вмѣстѣ съ тѣмъ избавитъ его отъ жестокихъ преслѣдованій, которымъ онъ подвергался со стороны луцкаго старосты (намѣстника). Король, дѣйствительно, съ радостью выслушалъ заявленіе о готовности принять унію и высказалъ желаніе, чтобы къ ней примкнула вся Западно-Русская Церковь со всѣми своими владыками, и чтобы они гласно изъявили свое подчиненіе папѣ.

Послѣдующіе годы и были заняты выработкой условій уніи, привлеченіемъ къ ней другихъ іерарховъ, переговорами съ вліятельнѣйшими представителями западно-русскаго общества и приготовленіями къ оформленію уніи королемъ и папою.

Б. Условія уніи.

Мотивы и условія уніи наиболѣе обстоятельно были изложены въ актахъ, относящихся къ 1594 и 1595 г.г. Сущность ихъ сводится къ слѣдующему: 1) западно-русскіе владыки признаютъ необходимость единства Церкви особенно теперь, когда, вслѣдствіе ея раздѣленія, умножились ереси и безпорядки; разувѣрившись въ томъ, что объ уніи позаботятся подвластные туркамъ восточные патріархи, они (т. е. русскіе владыки) берутъ починъ ея на себя и признаютъ главенство папы; при этомъ 2) нѣкоторые католическіе догматы принимаются цѣликомъ, другіе въ нѣсколько смягченномъ въ сторону православія видѣ (напримѣръ, догматъ объ исхожденіи Св. Духа), 3) православные обряды и церковный строй сохраняются неприкосновенными, 4) запрещается обращеніе уніатскихъ монастырей въ католическіе, 5) разрѣшается устройство русскихъ школъ и типографій подъ надзоромъ епископовъ, 6) допускаются смѣшанные браки, 7) епископскія каѳедры замѣщаются королемъ изъ числа кандидатовъ,

избранныхъ духовенствомъ; митрополита посвящаютъ епископы, а отъ папы онъ получаетъ утвержденіе, причемъ къ занятію каѳедры могутъ быть допускаемы только ученые и пригодные для этого люди, 8) уніатскіе іерархи пользуются всѣми привилегіями католическаго духовенства, а именно: участвуютъ въ сенатѣ и сеймѣ и освобождаются отъ всякихъ податей, а міряне-уніаты могутъ занимать всякія должности, 9) всѣ монастыри находятся въ вѣдѣніи епископовъ, 10) въ отношенія епископовъ къ священникамъ не въ правѣ вмѣшиваться ни свѣтскія власти, ни міряне, 11) братства, если они приняли унію, могутъ существовать, но подъ условіемъ послушанія митрополиту и епископамъ; разныя же привилегіи, дарованныя имъ патріархами, уничтожаются, 12) всякая зависимость отъ греческихъ іерарховъ отвергается, и сами они не должны быть допускаемы въ предѣлы Рѣчи Посполитой, такъ какъ они могутъ помѣшать дѣлу уніи и возбудить междоусобія; ихъ проклятіямъ по поводу уніи и ихъ грамотамъ не придавать никакого значенія; лицъ, которыя будутъ получать отъ нихъ посвященія, не признавать и также не пропускать въ границы государства; 13) правительство обязано принять мѣры къ тому, чтобы то духовенство, которое не приметъ уніи, не могло исполнять своихъ обязанностей, и чтобы былъ подавленъ протестъ народа противъ соединенія Церквей.

В. Отношеніе къ уніи русскаго населенія.

Число приверженцевъ уніи увеличилось: къ нимъ примкнулъ вліятельный епископъ владимірскій Ипатій Поцѣй, а затѣмъ, послѣ продолжительныхъ колебаній, и самъ митрополитъ Михаилъ Рогоза. Онъ имѣлъ основанія быть недовольнымъ патріархомъ; къ тому же, его побуждали къ уніи католическіе іерархи (особенно, католическій луцкій епископъ Мацѣевскій) и самъ король, обѣщая ему всякія блага. Но все же онъ оставался въ нерѣшительности и долго старался скрыть отъ постороннихъ свое согласіе на унію, такъ какъ его смущало несочувствіе къ ней нѣкоторыхъ виднѣйшихъ представителей западно-русскаго общества. Переговоры объ уніи перестали уже быть тайной: и Терлецкій и Балабанъ открыто заявляли въ своихъ епархіяхъ о подготовленіи ея. Многіе міряне относились къ этому безразлично, но также очень многіе возмущались предполагавшейся уніей и особенно способами проведенія ея.

Наиболѣе сильный протестъ выказалъ родовитѣйшій западно-русскій аристократъ, знатный вельможа, членъ сената, общепризнанный защитникъ православія—кіевскій воевода кн. Константинъ Острожскій. Онъ самъ интересовался вопросомъ объ уніи, но представлялъ ее въ видѣ соединенія всей Восточной Церкви съ Западною, установленнаго соборомъ; проведеніе же уніи посредствомъ тайнаго соглашенія нѣсколькихъ епископовъ, имѣвшаго характеръ заговора, возмущало его. И негодованіе кн. Острожскаго все крѣпло и росло, несмотря на увѣщанія Рогозы и Поцѣя и льстивое посланіе короля, напоминавшаго

князю о его давнишнемъ сочувствіи соединенію Церквей и убѣждавшаго его въ ненужности собора, который можетъ только повредить уніи, уже принятой владыками. Не взирая на всѣ убѣжденія, Острожскій въ 1595 году разразился грознымъ «Окружнымъ посланіемъ», въ которомъ назвалъ дѣйствія епископовъ-приверженцевъ уніи безстыдными и беззаконными, давалъ обѣтъ остаться вѣрнымъ православію и призывалъ къ этому всѣхъ русскихъ людей. Не довольствуясь словомъ, Острожскій готовъ былъ перейти и къ дѣлу: 1) онъ обратился къ съѣзду польскихъ и литовскихъ протестантовъ (собравшемуся въ Торунѣ), побуждая ихъ къ вооруженному протесту противъ католической интриги и образа дѣйствій короля, который своимъ покровительствомъ уніи нарушилъ установленную свободу вѣроисповѣданія, 2) онъ изъявилъ готовность выставить собственное большое войско на защиту православія.

Посланіе Острожскаго произвело громадное впечатлѣніе, нашло горячій отзвукъ въ средѣ православныхъ: и шляхтичей, и многихъ духовныхъ лицъ, и горожанъ, которые, въ свою очередь, стали протестовать противъ уніи; даже два епископа: львовскій—Балабанъ—и перемышльскій, изъ которыхъ первый былъ зачинщикомъ уніи, сочли теперь за лучшее отречься отъ своего участія въ подготовленіи ея, и Балабанъ безъ стѣсненія утверждалъ, что тѣ заявленія объ уніи, на которыхъ стоитъ его подпись, поддѣланы Терлецкимъ.

Движеніе принимало такіе грозные размѣры, что королевскій дворъ въ Краковѣ встревожился. Сигизмундъ III возбудилъ даже вопросъ, не слѣдуетъ ли повременить съ уніей, и можно ли, какъ было рѣшено, посылать Терлецкаго и Поцѣя въ Римъ для окончательныхъ переговоровъ съ папой. Но эти два епископа, явившись въ Краковъ, успокоили короля увѣреніями, что при его поддержкѣ унія состоится. Ободренный этимъ, Сигизмундъ III издалъ манифестъ, въ которомъ съ радостью возвѣщалъ о согласіи митрополита и епископовъ на унію и объ отправленіи къ папѣ двухъ владыкъ для утвержденія ея.

Г. Утвержденіе уніи въ Римѣ.

Въ Римѣ встрѣтили Терлецкаго и Поцѣя съ большимъ почетомъ, но имъ долго пришлось дожидаться оффиціальной аудіенціи у папы Климента VIII: папская курія предусмотрительно наводила справки объ осуществимости уніи. Разбираться въ подробныхъ условіяхъ ея, привезенныхъ епископами, папа не счелъ нужнымъ, и отъ нихъ просто потребовали принесенія присяги въ томъ, что они принимаютъ вѣроисповѣданіе, установленное для грековъ, переходящихъ въ католицизмъ. Поцѣй и Терлецкій, допущенные, наконецъ, папой на торжественную аудіенцію въ присутствіи кардиналовъ и вельможъ, принесли требуемую присягу за себя и за другихъ владыкъ. Послѣ этого они были отпущены на родину. Ихъ присяга и считалась установленіемъ уніи. Оставалось только торжественно

объявить о ней западно-русскому населенію на соборѣ, который долженъ былъ, по желанію короля, состояться въ Брестѣ въ 1596 году.

Д. Протестъ противъ уніи.

Но еще до созыва собора православные, руководимые Острожскимъ, на сеймѣ (1596 года) выступили съ рѣзкимъ протестомъ противъ уніи и владыкъ, самовольно принявшихъ ее, требуя лишенія ихъ сана. Претензіи православныхъ были поддержаны протестантами, также негодовавшими на правительство за ограниченіе ихъ религіозной свободы, но практическаго значенія не имѣли: король считалъ унію уже состоявшейся, на созывъ собора смотрѣлъ только какъ на формальность, но ставилъ непремѣннымъ условіемъ недопущеніе на него иноземцевъ. Послѣднее подчеркивалось для того, чтобы воспрепятствовать православнымъ пригласить греческихъ іерарховъ, отъ которыхъ они ждали поддержки въ своей борьбѣ противъ уніи. Въ Греціи въ это время было большое замѣшательство: тамъ смѣнилось въ короткое время нѣсколько патріарховъ. Поэтому помощи отъ нихъ ждать было нельзя, но на зовъ православныхъ явился въ Западную Русь изъ Молдавіи патріаршій намѣстникъ Никифоръ, славившійся своей ученостью. На пути онъ былъ арестованъ, съ трудомъ освободился изъ заключенія, но все же прибылъ въ Брестъ и пригласилъ туда еще нѣсколькихъ восточныхъ іерарховъ.

Е. Брестскій соборъ.

Никифоръ сдѣлался руководителемъ и предсѣдателемъ многолюднаго собранія православныхъ, на которое пріѣхали два епископа, отвергшіе унію (Балабанъ и епископъ перемышльскій), свыше двухсотъ второстепенныхъ духовныхъ лицъ (архимандритовъ, игуменовъ и священниковъ), князь Острожскій и еще нѣсколько аристократовъ, а также много уполномоченныхъ отъ шляхты, горожанъ и братствъ; на ихъ собранія были допущены и нѣкоторые протестанты.

Одновременно съ православными, въ Брестъ съѣзжались уніаты и католики: Рогоза, Терлецкій и его приспѣшники-епископы, нѣсколько іезуитовъ и католическихъ духовныхъ прелатовъ и нѣкоторые польскіе вельможи, посланные королемъ. На соборъ обѣ партіи смотрѣли совершенно различно: православнымъ онъ нуженъ былъ для того, чтобы сорвать на немъ унію, — католикамъ и уніатамъ для того, чтобы подтвердить и провозгласить ее. Съ самаго начала обнаружилась невозможность не только какого-нибудь соглашенія, но даже совмѣстнаго засѣданія двухъ враждебныхъ партій. Рогоза и епископы-уніаты не хотѣли явиться на зовъ православныхъ въ ихъ совѣщаніе; православные же не могли участвовать на собраніи уніатовъ, такъ какъ ихъ руководителемъ былъ Никифоръ, который, въ силу королевскаго распоряженія, не допускался на соборъ, какъ иноземецъ. Послѣ безплодныхъ переговоровъ образовалось два собора: многолюдный православный и малочисленный уніатскій. Естественно, что и рѣшенія были вынесены противоположныя: православные отвергли

унію, заключенную самовольно епископами, объявили ихъ лишенными сана, предали анаоемѣ приверженцевъ ея и сообщили королю, что вопросъ объ установленіи уніи не можетъ быть рѣшенъ безъ вѣдома восточныхъ патріарховъ; уніаты—торжественно провозгласили унію и прокляли духовенство, участвовавшее на православномъ соборѣ. Король, конечно, всталъ на сторону уніатовъ: основываясь на ихъ постановленіи, онъ призналъ законной уніатскую церковь, а православную объявилъ не подчинившейся «свободному» рѣшенію собора, а потому не имѣющей права на существованіе. За участіе на православномъ соборѣ пострадалъ прежде всего Никифоръ, протомившійся до самой смерти въ заключеніи. Затѣмъ начались жестокія преслѣдованія всѣхъ православныхъ, на которыхъ правительство смотрѣло какъ на отщепенцевъ.

Ж. Слѣдствія Брестской уніи.

Брестская унія 1596 года имѣла, какъ видно, важныя послѣдствія: 1) она произвела расколъ въ Западно-Русской Церкви, раздѣливъ ее на уніатскую и православную, 2) она дала законное основаніе тѣмъ преслѣдованіямъ, которымъ стала подвергаться послѣдняя. Гоненія принимали страшные размѣры: православныя церкви или уничтожались или отдавались на откупъ евреямъ; богослуженіе всячески стѣснялось; православные не допускались на должности; за ними не признавалось политическихъ правъ; они подвергались всевозможнымъ насиліямъ. Вслѣдствіе всего этого ряды православной шляхты рѣдѣли: она переходила въ уніатство или католицизмъ; православіе считалось вѣрой «хлопской», т. е. религіей низшаго класса общества. Унія, такимъ образомъ, расколола не только церковь, но и западно-русское населеніе. И тѣмъ не менѣе, несмотря ни на что, православіе не было задушено: братства еще шире, чѣмъ раньше, развивали свою просвѣтительную дѣятельность, устраивали учебныя заведенія, выпускали изъ нихъ европейски-образованныхъ борцовъ противъ уніи и католицизма. Кромѣ братствъ, на защиту православія выступили и малороссійскіе козаки, которымъ, по выраженію одного историка (Костомарова), «суждено было стать борцами за русскую народность противъ Польши, охранителями православной вѣры, проводниками свободы, независимости и единенія русскаго народа».

§ 13. Малороссійское козачество.

А. Бытъ козаковъ.

Слово «козакъ» (тюркскаго или турецкаго происхожденія) означало легковооруженнаго воина, партизана. «Малороссійскими», «днѣпровскими», «украинскими» козаками или «черкасами» (отъ имени города Черкасы на Днѣпрѣ) назывались выходцы изъ Литовской и Польской Руси, искавшіе воли

на Украйнѣ. Условія жизни этой мѣстности, угрожаемой безпрерывными набѣгами сосѣдняго хищническаго Крымскаго ханства, которое особенно осмѣлѣло съ тѣхъ поръ, какъ въ концѣ XV вѣка подпало подъ главенство Турціи, поддерживали и развивали въ козакахъ духъ предпріимчивости, воинственности и беззавѣтной удали. Пропитаніе они добывали себѣ отважными промыслами или грабежами, смѣло ходили подъ предводительствомъ выборныхъ гетмановъ и атамановъ на татаръ и на турокъ и не хотѣли признавать надъ собою никакой правительственной власти. Да ея и не было долгое время, такъ какъ польско-литовское правительство еще не стояло твердой ногой въ этомъ пограничномъ краю и, не обладая ни умѣньемъ, ни средствами для защиты его отъ татаръ, охотно предоставляло ее самому населенію.

Переустройство Литовско-Русскаго государства по польскому образцу содѣйствовало росту козачества, такъ какъ ухудшало положеніе крестьянъ и православныхъ горожанъ. Польская и тянувшаяся за ней литовско-русская шляхта, въ средѣ которой въ XVI вѣкѣ распространилась страсть къ роскоши и дорогимъ удовольствіямъ, увеличивала до крайности повинности крестьянъ, впавшихъ въ почти рабскую зависимость. Крестьяне, по выраженію современника, «мучились, какъ въ чистилищѣ» и искали спасенія въ свободной Украйнѣ. Но польскіе порядки и польская шляхта мало-по-малу добирались и до нея: здѣсь стало распространяться, въ особенности послѣ Люблинской уніи, шляхетское землевладѣніе, грозившее установленіемъ крѣпостного права. Правда, польскіе шляхтичи на первыхъ порахъ старались привлечь поселенцевъ на свои пустовавшія земли различными льготами и предоставляли крестьянамъ сносныя условія жизни, но вольные козаки не терпѣли и малѣйшихъ ограниченій своей свободы. Они отвѣчали на нихъ уходомъ за Днѣпровскіе пороги, въ такъ называемый «Низъ», гдѣ изъ козацкихъ поселеній на островкахъ Днѣпра образовалась «Запорожская Сѣчь».

Б. Запорожская Сѣчь.

Первоначально Сѣчь не имѣла постояннаго населенія: она была, по выраженію историка (Костомарова), «военнымъ станомъ, часто переносившимся съ мѣста на мѣсто; большинство обитателей ея состояло изъ временныхъ посѣтителей — промышленниковъ-рыболововъ и охотниковъ». Но къ концу XVI вѣка она превратилась какъ бы въ городъ съ своеобразнымъ внутреннимъ устройствомъ: запорожцы представляли собою товарищество съ выборными предводителями (атаманами) и не терпѣли никакого подчиненія посторонней власти.

Въ Сѣчь допускались только мужчины: вводить туда женщинъ воспрещалось подъ страхомъ смертной казни. Всѣ запорожцы обязывались исповѣдывать православную вѣру, бороться противъ ея утѣснителей и соблюдать строгую товарищескую дисциплину. Воровство и разбои въ мирное время карались повѣшеніемъ; строго наказывали и за ссоры другъ съ другомъ. Запорожская община называлась ко-

шемъ и подчинялась кошевому атаману, который избирался на общей сходкѣ, пользовался неограниченной властью, но по окончаніи своихъ полномочій отдавалъ отчетъ въ управленіи и въ случаѣ злоупотребленій предавался смертной казни. При избраніи кошевому особымъ обрядомъ напоминали, что власть его носитъ демократическій характеръ, и что онъ не долженъ гордиться ею: ему вымазывали лицо грязью. Подъ начальствомъ кошевого стояли: «куренные» атаманы, выбиравшіеся частями коша «куренями», полковой писарь и нѣкоторыя другія должностныя лица. Члены куреня жили вмѣстѣ въ шалашахъ и имѣли общее хозяйство.

Составляя самоуправляющуюся общину, запорожцы не хотѣли признавать себя ничьими подданными и вели какъ бы свою самостоятельную внѣшнюю политику: дѣйствовали заодно съ московскими козаками, средоточіемъ которыхъ былъ Донъ, заключали договоры съ московскимъ государемъ, съ германскимъ императоромъ, громили татаръ и турокъ, вмѣшивались въ дѣла придунайскихъ земель. Своимъ своеволіемъ они заражали и все украинское козачество и даже проживавшихъ на Украйнѣ польскихъ пановъ и должностныхъ лицъ, которые, во главѣ козаковъ, безъ вѣдома правительства, отваживались на рискованныя военныя предпріятія. Однимъ словомъ, Сѣчь была и пристанищемъ для всѣхъ недовольныхъ, и средоточіемъ козацкой вольницы, и тѣмъ гнѣздомъ, которое питало противогосударственныя анархическія стремленія.

В. Отношеніе правительства къ козакамъ.

Польско-литовское правительство не могло относиться равнодушно къ козацкому вопросу: во-первыхъ, уходъ крестьянскаго населенія въ козачество подрывалъ шляхетское землевладѣніе, во-вторыхъ, козацкіе набѣги на турокъ и татаръ ставились послѣдними въ вину польско-литовскому правительству и служили причиной частыхъ дипломатическихъ столкновеній, грозившихъ войной; въ-третьихъ, государство, всегда нуждавшееся въ ратныхъ людяхъ, естественно стремилось къ тому, чтобы использовать воинственность козаковъ въ своихъ интересахъ для внѣшней обороны. Для этого нужно было дать козачеству правильное устройство, обратить часть его въ спеціально-военное сословіе, подчиненное государственному надзору, а остальныхъ—прикрѣпить къ землѣ. Надъ такимъ приспособленіемъ козачества къ нуждамъ государства уже издавна работали польскіе короли, но существенныхъ успѣховъ въ этомъ отношеніи добился лишь Стефанъ Баторій. Онъ выдѣлилъ изъ всей массы козаковъ небольшую часть (около 500 человѣкъ), которую внесъ въ особые реестры (списки), отъ чего они и получили названіе «реестровыхъ», и далъ имъ организацію по образцу венгерской пограничной стражи—«гайдуковъ». Реестровые получали опредѣленное жалованье и имѣли извѣстную долю самоуправленія, ограниченнаго, впрочемъ, правительственнымъ контролемъ. Ихъ главный начальникъ—гетманъ поль-

зовался большимъ почетомъ и властью. Центромъ реестроваго козачества сдѣланъ былъ укрѣпленный городъ Трехтемировъ. Реформа Баторія имѣла цѣлью произвести расколъ въ козачествѣ: разъединить реестровыхъ—законныхъ и незаконныхъ козаковъ и подавить своеволіе послѣднихъ. Онъ хотѣлъ забрать въ свои руки и запорожцевъ и жестоко расправлялся съ ихъ вождями, но этимъ только озлобилъ ихъ. При Сигизмундѣ III была сдѣлана попытка продолжить начатую реформу: по постановленію сейма (1590 года), у козаковъ отняли и остатки самоуправленія: они подчинялись польскому главнокомандующему—коронному гетману—и другимъ начальникамъ, назначеннымъ изъ польской шляхты; безъ согласія этихъ лицъ никто не допускался въ козачество; строжайше запрещался уходъ въ Сѣчь; назначались особыя должностныя лица для предотвращенія всякихъ проявленій своеволія и побѣговъ крестьянъ.

Г. Козацкія возстанія конца XVI в.

Эти строгія постановленія только раздражали козачество. Въ 1593 году оно поднялось подъ предводительствомъ Косинскаго, привлекло на свою сторону множество хлоповъ (крѣпостныхъ) и подвергло сильному опустошенію нѣсколько воеводствъ. Послѣ страшнаго кровопролитія бунтъ Косинскаго былъ подавленъ, самъ онъ погибъ отъ руки подосланныхъ убійцъ, а противъ вольности козацкой изданы новые, но столь же безцѣльные, какъ и прежде, законы. Въ періодъ введенія уніи разразилось еще болѣе грозное возстаніе, руководимое козацкимъ гетманомъ Лободою и атаманомъ Наливайкомъ, выступившими защитниками жертвъ польскаго угнетенія и борцами за православіе. Усмиреніе этого мятежа потребовало громаднаго напряженія силъ со стороны Польши и Литвы, и лишь талантливѣйшему польскому полководцу Жолкѣвскому удалось поставить возставшихъ козаковъ въ такое отчаянное положеніе, что они возмутились противъ Лободы и отрубили ему голову, а Наливайку выдали польскому правительству. Послѣ жестокихъ пытокъ онъ преданъ былъ мучительной казни—сожженію на медленномъ огнѣ.

Въ началѣ XVII вѣка нашлась отдушина для козацкой удали, грабежей и своеволія. Это была смута, терзавшая Московское государство. Днѣпровскіе козаки вмѣстѣ съ московскими приняли въ ней самое дѣятельное участіе, поддерживая самозванцевъ, добивавшихся русскаго престола, и разныхъ польскихъ искателей приключеній.

Причина смуты, т. е. тяжелыхъ потрясеній, пережитыхъ Московскимъ государствомъ въ началѣ XVII вѣка, коренится въ недовольствѣ общества тѣми порядками, которые установились на Руси. Недовольство это замѣтно проявлялось уже въ царствованіе сына и преемника Василія III—Іоанна IV, получившаго прозваніе «Грозный».

ГЛАВА IV.

Царствованіе Іоанна IV.

(1533—1584)

§ 1. Дѣтство и юность Іоанна IV.

А. Правленіе Елены и бояръ.

Послѣ кончины Василія III-го его старшій сынъ—Іоаннъ IV — остался трехлѣтнимъ ребенкомъ. Правленіе перешло въ руки его властолюбивой матери Елены Васильевны (рожденной Глинской) и бояръ. Они легко справились съ братьями покойнаго государя: князьями Юріемъ и Андреемъ, которые, по старой памяти, хотѣли установить договорныя отношенія со своимъ племянникомъ, какъ это было принято между удѣльными князьями. Бояре отказались цѣловать крестъ Юрію и Андрею отъ имени малолѣтняго Іоанна, но вынудили ихъ присягнуть ему. Этой присягой, замѣнившей прежній обоюдный договоръ князей, дяди были обращены въ обыкновенныхъ подданныхъ своего племянника. Когда же они, не считая себя связанными «невольнымъ крестоцѣлованіемъ» заволновались, бояре схватили сперва одного изъ нихъ, а потомъ и другого и продержали въ заточеніи до самой смерти. Трудно сказать, чѣмъ руководствовались въ этомъ дѣлѣ бояре: мудрымъ ли сознаніемъ, что развитіе московскаго единодержавія и установленіе государственныхъ порядковъ исключаютъ возможность договорныхъ отношеній, или просто своекорыстными расчетами. Во всякомъ случаѣ ни въ чемъ другомъ въ малолѣтство Іоанна IV бояре не выказали государственной мудрости. Они только опозорили себя беззастѣнчивымъ своеволіемъ и взяточничествомъ, ожесточенными распрями [1]) и хищеніями великокняжескаго имущества. Все это особенно ярко проявилось послѣ кончины въ 1538 году Елены, которая, по слухамъ, была отравлена боярами. Тогда началась яростная борьба за власть между виднѣйшими боярскими фамиліями: Шуйскими, Бѣльскими и Глинскими, сопровождавшаяся смѣной митрополитовъ, дикими драками, казнями, ссылками и преступленіями. Одни изъ этихъ самозванныхъ правителей были хуже, другіе лучше, но всѣ—достаточно плохи: недобрую память оставили они по себѣ въ угнетаемомъ ими народѣ, и самое мрачное воспоминаніе о нихъ навсегда сохранилъ невольный зритель всѣхъ боярскихъ безобразій—

[1]) Одной изъ первыхъ жертвъ этихъ распрей былъ знаменитый литовскій выходецъ Михаилъ Глинскій, дядя царицы. Перессорившись съ ея любимцемъ кн. Овчиною-Телепневымъ-Оболенскимъ, притязавшимъ на первенствующее мѣсто, онъ былъ обвиненъ въ отравленіи покойнаго великаго князя и въ разныхъ преступныхъ замыслахъ и заключенъ въ темницу, гдѣ вскорѣ скончался.

малолѣтній государь. Чуткая душа Іоанна была искажена отвратительными впечатлѣніями дѣтства и юности, его недюжинный умъ направился въ дурную сторону, и изъ живого, способнаго ребенка выросъ Грозный царь, поражавшій впослѣдствіи всѣхъ своею необузданною жестокостью, злымъ лукавствомъ, лицемѣріемъ, неукротимыми припадками безжалостнаго гнѣва и безудержными порывами къ деспотической, не терпящей ни въ чемъ стѣсненій, власти. Изъ всѣхъ лицъ, окружавшихъ Іоанна въ ранней юности, одинъ только митрополитъ Макарій хорошо вліялъ на него [1]). Большинство же другихъ точно нарочно дѣлали все, чтобы испортить ребенка.

Б. Характеристика Іоанна.

Рано осиротѣвшій Іоаннъ жилъ одинокимъ, не встрѣчая ни ласки, ни привѣта среди чужихъ, равнодушно или даже враждебно относившихся къ нему людей. Его съ братомъ Юріемъ бояре держали въ черномъ тѣлѣ, обижали, дразнили, уязвляли его дѣтское самолюбіе оскорбительными отзывами объ его родителяхъ, отдаляли отъ него людей, къ которымъ онъ привязывался, пугали его своими безчинствами и драками, происходившими у него на виду, иногда въ его спальнѣ. Все это возбуждало въ Іоаннѣ недовѣріе къ людямъ, стремленіе «беречься отъ нихъ», безотчетный страхъ, повышенную впечатлительность, озлобленіе и жестокость—качества, которыя съ годами страшно развились, но проявлялись уже въ дѣтствѣ. Еще ребенкомъ Іоаннъ мучилъ домашнихъ животныхъ, еще 13-лѣтнимъ мальчикомъ онъ какъ-то въ порывѣ гнѣва отдалъ одного изъ Шуйскихъ на растерзаніе псарямъ. Но не въ однихъ жестокихъ забавахъ проходили одинокіе досуги юнаго великаго князя: онъ много думалъ и много читалъ. Думать онъ началъ очень рано, въ тѣ годы, когда чувство вполнѣ преобладаетъ надъ разсудкомъ. Поэтому съ малыхъ лѣтъ и до конца жизни мысль Іоанна всегда окрашивалась чувствомъ, страстью. Руководимыя страстью, которой не умѣла сдерживать лишенная всякаго воспитанія воля, настроенія Іоанна постоянно смѣнялись: отъ

[1]) Макарій, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ іерарховъ Русской Церкви, до своего восшествія на митрополичью каѳедру былъ владыкой въ Новгородѣ и заслужилъ тамъ большое расположеніе народа, который восторгался его доступными и понятными для всѣхъ проповѣдями. Лѣтопись вспоминаетъ «тихія и прохладныя времена его правленія» и говоритъ, что отъ него «бысть радость велія людямъ въ Новгородѣ, Псковѣ и повсюду». Огромная его заслуга заключается въ составленіи т. наз. Четій-Миней, т. е. помѣсячныхъ чтеній,—сборника «всѣхъ святыхъ книгъ, которыя въ русской землѣ обрѣтаются». Надъ разысканіемъ и приведеніемъ въ порядокъ и переписываніемъ ихъ, а также надъ составленіемъ для этого сборника новыхъ житій святыхъ работало подъ руководствомъ Макарія какъ бы цѣлое литературное общество близкихъ ему людей. Громадный трудъ (около 14 тысячъ большихъ листовъ) законченъ былъ въ 1558 году. Одинъ изъ послѣдователей Макарія—Афанасій, сдѣлавшійся впослѣдствіи митрополитомъ, написалъ т. наз. «Степенную книгу», историческій сборникъ, въ которомъ событія излагались не въ хронологическомъ порядкѣ, а по степенямъ родословія великихъ князей.

тихой грусти или высокихъ порывовъ онъ мгновенно переходилъ къ жаждѣ грубыхъ удовольствій и вспышкамъ бѣшенаго гнѣва. Такая же неустойчивость замѣчалась и въ поступкахъ: полезныя и крупныя предпріятія Іоанна чередовались, какъ увидимъ, съ безсмысленными и позорными по своей жестокости дѣяніями. Набожность и благочестіе, глубоко проникавшія его натуру, не удерживали его, однако, впослѣдствіи отъ самыхъ невѣроятныхъ кощунствъ: въ минуты злобы онъ подвергалъ настоящему разграбленію церкви и монастыри, избивалъ священниковъ, не останавливался передъ убіеніемъ своихъ недруговъ въ храмѣ у самаго алтаря, во время божественной службы. Неистовый въ гнѣвѣ, онъ не щадилъ себя въ часы покаянія: подъ бременемъ чудовищныхъ угрызеній совѣсти, онъ до изнеможенія молился объ упокоеніи душъ казненныхъ имъ, искренно страдалъ, облачался въ монашескую рясу, предавался благочестивымъ подвигамъ. Глубокой тоской проникнуты, напримѣръ, слова его духовнаго завѣщанія: «тѣло изнемогло, болѣзнуетъ духъ, струпы душевные и тѣлесные умножились»... Но настроенія мѣнялись, и за религіознымъ экстазомъ слѣдовали эксцессы святотатства. Противорѣчія, свойственныя Іоанну, осложнялись еще его привычкой къ притворству, питаемой тѣмъ лицемѣріемъ, которое онъ съ дѣтства видѣлъ вокругъ себя. Онъ любилъ рисоваться, научился театральности, высокопарному битью на эффектъ, глубокому презрѣнію къ чувству человѣческаго достоинства. Въ юности онъ не могъ относиться съ уваженіемъ къ окружающимъ, которые, всячески принижая его наединѣ, гнули передъ нимъ спины при людяхъ, которые сразу присмирѣли и начали «страхъ имѣть и послушаніе», стали потакать ему во всемъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ однажды отдалъ Андрея Шуйскаго на растерзаніе псарямъ. Наблюдая показное раболѣпство заносчивыхъ и своевольныхъ въ иное время бояръ, Іоаннъ рано созналъ все значеніе своей власти, рано сообразилъ, что все творится его именемъ, и идея власти прочно засѣла въ его умѣ, властолюбіе пропитало все его существо. Онъ былъ первымъ изъ московскихъ государей, который вполнѣ сознательно принялся за теоретическое обоснованіе своего самодержавія. Обоснованіе его сдѣлалось самою сильною и, быть можетъ, единственною неизмѣнною его страстью. Въ книгахъ, которыя онъ прочелъ (читалъ онъ много и преимущественно духовную и историческую литературу), его вниманіе приковывали тѣ мѣста, гдѣ говорилось о богоустановленности и неограниченности царской власти. Они глубоко запали ему въ душу, до самой смерти помнилъ онъ ихъ наизусть и часто повторялъ въ своихъ посланіяхъ, въ которыхъ обнаружилъ крупный для того времени писательскій талантъ и рѣдкое по колкости остроуміе. Для подтвержденія силы и широты своей власти Іоаннъ воспользовался взглядами писателей-іосифлянъ и патріотическими теоріями московскихъ грамотеевъ, и дополнилъ ихъ своими измышленіями

въ которыхъ возводилъ свой родъ до Прусса, брата римскаго императора Августа; онъ доказывалъ, что только цесарь римскій (т. е. императоръ Священной Римской Имперіи Германской націи) и султанъ турецкій «могутъ равняться съ нимъ по своему значенію, да и то не совсѣмъ, такъ какъ «никоторое царство, писалъ Іоаннъ, намъ равно не бывало». Возвеличиваніе своей власти доводило его до крайняго самомнѣнія, до самообожанія, до оскорбительныхъ выходокъ по отношенію къ другимъ государямъ. Онъ корилъ Стефана Баторія его избирательной властью, называлъ его королемъ «избраннымъ мятежомъ человѣческимъ», королемъ «со вчерашняго дня»; считалъ династію шведскихъ королей «мужичьимъ родомъ» и говорилъ, что «звать себя въ дипломатическихъ сношеніяхъ братомъ шведскаго короля—все равно, что называться братомъ водовоза»; позволялъ себѣ рѣзкія и грубыя выраженія въ перепискѣ съ англійской королевой Елизаветой. Составивъ самое высокое представленіе о своей власти, Іоаннъ IV смотрѣлъ на нее очень односторонне: онъ видѣлъ въ ней только источникъ своихъ правъ и не замѣчалъ проистекающихъ изъ нея обязанностей. Въ жертву минутной прихоти ненасытнаго властолюбія онъ готовъ былъ принести все. Руководимый имъ, онъ своими мѣропріятіями расшаталъ и надорвалъ государство, привелъ его къ смутѣ, а своей жестокостью заслужилъ такую же страшную извѣстность во всемірной исторіи, какъ его современники: «демонъ юга» Филиппъ II Испанскій, Марія Кровавая, королева Англіи, Екатерина Медичи, правительница Франціи.

Чѣмъ старше становился Іоаннъ IV, тѣмъ больше поддавался онъ дурнымъ влеченіямъ своего характера, тѣмъ сильнѣе затемняли они его умъ.

В. Вѣнчаніе на царство и бракъ Іоанна.

Въ молодости онъ, несмотря на нравственную неустойчивость, умѣлъ владѣть собою и выказалъ большую разсудительность. На семнадцатомъ году жизни Іоаннъ IV съ большимъ глубокомысліемъ завелъ съ боярами рѣчь о своемъ намѣреніи принять царскій титулъ и вступить въ бракъ. Вѣнчаніе на царство совершено было въ 1547 году. За подтвержденіемъ новаго титула, сдѣлавшагося съ этого времени оффиціальнымъ наименованіемъ московскихъ государей, Іоаннъ обратился къ восточнымъ патріархамъ. Константинопольскій патріархъ въ своей отвѣтной грамотѣ призналъ Іоанна царемъ на томъ основаніи, что онъ является потомкомъ греческой царевны Анны и Владиміра Мономаха, вѣнчаннаго, по преданію, на царство греческимъ митрополитомъ. (Любопытно, что патріаршая грамота совершенно не упоминала о родствѣ Іоанна съ династіей Палеологъ черезъ его бабку Софію). Несмотря на подтвержденіе патріарха, не всѣ государи, съ которыми Іоаннъ находился въ дипломатическихъ сношеніяхъ, согласились титуловать его царемъ.

Въ 1547 году состоялась и женитьба Іоанна. Изъ множества

привезенныхъ на смотрины въ Москву невѣстъ онъ выбралъ себѣ въ супруги Анастасію Романовну Захарьину-Юрьеву, происходившую изъ стариннаго московскаго боярскаго рода, предки котораго, по преданію, были выходцами изъ Пруссіи и служили еще первымъ московскимъ князьямъ. Многіе изъ княжатъ были недовольны царскимъ выборомъ и жаловались, что Іоаннъ, взявъ въ супруги нетитулованную боярышню и возвысивъ тѣмъ самымъ ея родню, «истѣснилъ» ихъ, т. е. задѣлъ ихъ мѣстническую честь. Анастасія Романовна имѣла на мужа самое благотворное вліяніе, сдерживая его жестокіе порывы.

Г. Московскіе пожары.

Облагораживающимъ образомъ подѣйствовали на юнаго царя и тѣ тревоги, которыя пришлось ему испытать вскорѣ послѣ женитьбы въ томъ же 1547 г. Въ Москвѣ лѣтомъ вспыхнули одинъ за другимъ страшные пожары, опустошившіе чуть ли не весь городъ и унесшіе массу жертвъ. Охваченный ужасомъ, московскій народъ поднялъ мятежъ противъ стоявшихъ тогда у власти Глинскихъ, колдовству которыхъ суевѣрная толпа приписывала пожары. Мятежъ былъ подавленъ лишь послѣ казни нѣсколькихъ бунтовщиковъ. Смятеннымъ настроеніемъ Іоанна, которому, по его словамъ, «вошелъ страхъ въ душу и трепетъ въ кости», воспользовался священникъ Благовѣщенскаго собора Сильвестръ, истолковавшій происшедшія бѣдствія, какъ наказаніе за грѣхи царя и его нерадѣніе къ правительственнымъ дѣламъ.

Д. Избранная рада.

Умный Сильвестръ сталъ самымъ близкимъ къ царю лицомъ. Другимъ приближеннымъ сдѣлался человѣкъ также незнатнаго рода, возведенный Іоанномъ въ чинъ окольничаго, Алексѣй Адашевъ. «Пособникомъ и учителемъ» царя продолжалъ быть и митрополитъ Макарій. Къ этимъ тремъ лицамъ примкнуло нѣсколько знатнѣйшихъ бояръ (напр., кн. Андрей Мих. Курбскій, кн. Дм. Курлятевъ, кн. С. Ростовскій, трое Морозовыхъ и нѣк. друг.). Всѣ они вмѣстѣ составили тѣсный кружокъ-совѣтъ, называвшійся «избранная рада». Этотъ кружокъ Сильвестра стремился подчинить своему вліянію юнаго царя, и, дѣйствительно, оно замѣтно сказывалось въ первый періодъ дѣятельности Іоанна IV, продолжавшійся до начала 1560-хъ годовъ.

§ 2. Обзоръ внутренней дѣятельности Іоанна IV въ первый періодъ его правленія.

Въ этотъ періодъ дѣятельность его была направлена:

1) къ устроенію церковныхъ дѣлъ, 2) къ улучшенію судопроизводства и областного управленія, 3) къ дальнѣйшему развитію помѣстной системы, 4) къ борьбѣ съ татарами.

А. Церковные соборы. Для удовлетворенія нуждъ Церкви нѣсколько разъ созывались духовные соборы. Соборы 1547 г. и 1549 г. замѣчательны тѣмъ, что по ихъ опредѣленію многіе мѣстные святые (т. е. чтившіеся не повсемѣстно на Руси, а лишь въ нѣкоторыхъ областяхъ) получили значеніе общерусскихъ. Такая канонизація (т. е. причисленіе къ лику святыхъ) мѣстныхъ угодниковъ должна была содѣйствовать сближенію различныхъ частей Русской земли; уже и раньше было въ обычаѣ, при присоединеніи удѣловъ къ Москвѣ, привозить въ нее удѣльныя святыни и оказывать поклоненіе удѣльнымъ угодникамъ. Сонмъ новопричисленныхъ святыхъ способствовалъ прославленію и блеску Русской Церкви.

Б. Стоглавъ. Для исправленія ея недостатковъ, которыхъ русскіе люди того времени, несмотря на всю свою приверженность къ Церкви, не могли не сознавать, и для установленія добрыхъ порядковъ церковныхъ и гражданскихъ въ 1551 году былъ созванъ новый духовный соборъ (на немъ присутствовали и бояре). На немъ было указано на многія нестроенія, напр., на неправильности въ богослуженіи, въ писаніи иконъ, погрѣшности въ богослужебныхъ книгахъ, на несоблюденіе монастырскихъ уставовъ, отсутствіе церковнаго благочинія, невѣжество и порочную жизнь духовенства, на злоупотребленія въ области церковнаго суда, а также на крайне низкій уровень религіозно-нравственнаго развитія мірянъ, въ средѣ которыхъ сохранились языческія суевѣрія, обряды и гаданія, волшебство, скоморошество, и которые увлекались недопустимыми съ точки зрѣнія духовенства иноземными заимствованіями: подражали татарамъ въ одеждѣ, заводили привычку брить бороды и т. д. По поводу этихъ нестроеній царь задавалъ собору вопросы. Вопросы царя и отвѣты Собора были записаны, и, такимъ образомъ, получился сборникъ, заключающій въ себѣ описаніе дѣяній и постановленія Собора. Сохранившіеся списки этого сборника раздѣлены на 100 главъ. Поэтому его принято называть Стоглавомъ, а соборъ 1551 г.—Стоглавымъ соборомъ. Задуманный, какъ можно полагать, нестяжателями, Стоглавый соборъ далъ однако побѣду іосифлянамъ и къ существеннымъ церковнымъ исправленіямъ не привелъ. Правда, были выработаны мѣры для упорядоченія епископскаго управленія и суда и для надзора за благочиніемъ духовенства, было предложено устраивать школы въ домахъ добрыхъ священниковъ и дьяконовъ. Но главную причину всѣхъ нестроеній соборъ усматривалъ въ томъ, что «старые обычаи поисшатались и законы порушены», и стремился къ возстановленію ихъ. Богослужебныя книги рѣшено было исправлять по «старымъ добрымъ переводамъ», а такое домашнее исправленіе безъ обращенія къ греческимъ оригиналамъ было, конечно, недостаточно. Когда въ Москвѣ появилось книгопечатаніе [1])

[1]) Типографское искусство завезъ въ Москву въ 1552 г. одинъ пріѣзжій датча-

(первая печатная книга вышла въ 1564 году), то многія погрѣшности вслѣдствіе невѣжества печатниковъ проникли изъ рукописей въ печать. Это послужило одной изъ причинъ того, что на Руси устанавливались церковные обычаи и чтенія нѣкоторыхъ мѣстъ богослужебныхъ книгъ, не схожіе съ принятыми въ это время въ Греческой Церкви. Другой причиной такого несходства была обособленность Русской Церкви отъ Греческой, вслѣдствіе чего первая не заимствовала тѣхъ измѣненій церковныхъ обычаевъ и обрядовъ, которыя происходили съ теченіемъ времени въ послѣдней. Такъ, напр., въ то время какъ греки съ XIII вѣка замѣнили двоеперстное крестное знаменіе троеперстіемъ, русскіе не только сохранили двоеперстіе, воспринятое ими съ самаго начала распространенія христіанства на Руси, но и утвердили его, какъ обязательное и неизмѣнное, авторитетомъ Стоглаваго собора, который проклялъ всѣхъ, кто «не знаменуется двумя перстами».

Кромѣ церковныхъ вопросовъ, на Стоглавомъ соборѣ были затронуты и чисто свѣтскіе, составлявшіе заботу правительства юнаго царя. Такъ, Іоаннъ IV предложилъ на разсмотрѣніе собора Судебникъ 1550 г., являвшійся, какъ извѣстно, дополненной переработкой перваго Судебника 1497 г. (въ послѣднемъ—68 статей, тогда какъ въ Судебникѣ Іоанна IV—100 статей), а также возвѣстилъ о преобразованіи областного устройства.

В. Земское самоуправленіе.

Сущность этого преобразованія заключалась въ отмѣнѣ кормленій и въ введеніи земскаго самоуправленія. Кормленщики, какъ извѣстно, представляли большія неудобства и для правительства, и для населенія, такъ какъ 1) кормленія отвлекали отъ ратной службы много служилыхъ людей, 2) несмотря на строгій надзоръ, кормленщики все же допускали злоупотребленія, 3) на вознагражденіе ихъ шли платежи съ народа, которые могли бы пригодиться государству. Поэтому правительство съ 1550 года стало принимать подготовительныя мѣры къ отмѣнѣ кормленій, а въ 1555 году разрѣшило всѣмъ городамъ и областямъ, которые этого пожелаютъ, «откупиться» отъ кормленщиковъ, т. е. вмѣсто платежей въ ихъ пользу вносить опредѣленный оброкъ въ казну. За это населеніе получало право выбирать себѣ для управленія и суда «излюбленныхъ старостъ» или «земскихъ судей». Между ними, «губными старостами» (они выбирались изъ служилыхъ людей и, значитъ, встрѣчались лишь въ тѣхъ областяхъ, гдѣ проживали не только тяглые, т. е. крестьяне и горожане, но и служи-

---

нинъ. Первыми русскими печатниками были діаконъ Иванъ Федоровъ и Петръ Тимофеевъ Мстиславецъ. Вслѣдствіе преслѣдованій враговъ завистниковъ они должны были бѣжать изъ Москвы въ Вильну; первый печатный дворъ (т. е. типографія) въ Москвѣ былъ сожженъ и возстановленъ только въ 1568 году.

лые) и нѣкоторыми другими выборными лицами были распредѣлены всѣ мѣстныя дѣла[1]).

Въ самоуправлявшіяся области правительство, какъ выше упомянуто (стр. 208), назначало отъ себя только «городовыхъ воеводъ» и прочихъ должностныхъ лицъ, вѣдавшихъ военное дѣло.

Г. Земскій соборъ.

Предоставляя провинціальному населенію самоуправленіе, Іоаннъ IV сдѣлалъ также попытку привлечь нѣкоторую часть столичнаго населенія къ обсужденію общегосударственныхъ вопросовъ. Это видно изъ того, что ко времени его царствованія относятся опредѣленныя указанія на созывъ Земскаго Собора. Первый Соборъ былъ будто бы созванъ Іоанномъ въ 1550 г., чтобы «уничтожить крамолы, разорить неправды, утолить вражду». При открытіи его царь, по преданію, произнесъ пылкую рѣчь, въ которой вспоминалъ печальныя обстоятельства своего дѣтства, громилъ бояръ за ихъ лихоимство и неправый судъ, призывалъ народъ къ миру и обѣщалъ ему быть судьей и обороной обиженныхъ. Извѣстіе объ этой рѣчи содержится только въ одномъ историческомъ памятникѣ (въ такъ называемой Хрущовской Степенной книгѣ), да и въ немъ оно помѣщено на вклеенномъ, вмѣсто вырванной страницы, листкѣ, написанномъ позднѣйшимъ почеркомъ. Поэтому приходится считать сомнительной не только рѣчь царя, но, быть можетъ, и самое существованіе Земскаго Собора 1550 г. Достовѣрныя свѣдѣнія имѣются о Соборѣ болѣе поздняго времени. Именно, въ 1566 году царь предложилъ на обсужденіе Земскаго Собора важный вопросъ, связанный съ трудною войной, которую вело въ это время Московское государство (это—такъ называемая Ливонская война; см. о ней ниже). Объ этомъ Соборѣ нужно сказать слѣдующее:

I. На немъ участвовали преимущественно должностныя московскія лица, призывавшіяся на Соборъ не въ силу народнаго избранія, а въ силу своего служебнаго положенія и званія, именно: 1) высшія духовныя лица (составлявшія такъ называемый «Освященный Соборъ»), 2) бояре и думные чины (обычные участники государевой или боярской думы), а также начальники приказовъ и прочіе чиновные люди, 3) московскіе дворяне, т. е. столичные служилые люди, 4) представители московскаго, преимущественно богатѣйшаго, купечества.

Московскихъ дворянъ приглашали потому, что они занимали различныя правительственныя должности и обыкновенно началь-

[1]) О «губныхъ старостахъ» упомянуто выше (см. стр. 207). Въ выборѣ ихъ участвовали, какъ сказано, и служилые и тяглые люди. Одни же служилые люди выбирали себѣ «городового прикащика», который вѣдалъ дѣла служилыхъ людей такъ же, какъ излюбленный староста — дѣла тяглыхъ. Вообще самоуправленіе было сословнымъ или, лучше сказать, классовымъ и отличалось большой дробностью: самоуправлявшіеся земскіе мірки (посады, волости, станы, слободы и села) были очень мелкими и разобщенными другъ съ другомъ. Только округа губныхъ старостъ были крупнѣе.

ствовали надъ провинціальными служилыми людьми; богатѣйшихъ московскихъ купцовъ (такъ называемыхъ «гостей») — потому, что правительство поручало имъ веденіе разныхъ казенныхъ финансовыхъ предпріятій, и потому, что они служили по выборамъ въ купеческихъ обществахъ («сотняхъ»). И тѣ и другіе были, такимъ образомъ, своего рода властями.

II. Цѣль Собора заключалась не столько въ ознакомленіи съ мѣстными народными нуждами, сколько въ разрѣшеніи затрудненій правительства и проведеніи его желаній. Именно, хотя мнѣніе Собора вовсе не было обязательно для государя и принималось имъ только какъ совѣтъ, однако, если онъ склонялся къ этому мнѣнію, то участники Собора брали на себя обязательство провести его въ жизнь.

Изъ изложеннаго видно, что такой Земскій Соборъ, какъ выражается историкъ (Ключевскій), «былъ не народнымъ представительствомъ (т. е. не собраніемъ уполномоченныхъ отъ народа для выраженія народной воли), а расширеніемъ центральнаго правительства», «совѣщаніемъ его съ собственными агентами», «средствомъ для объединенія мнѣній и дѣйствій высшаго правительства и его подчиненныхъ органовъ».

Д. Начало торговыхъ сношеній съ англичанами.

Къ первому періоду правленія Іоанна IV относится также начало торговыхъ сношеній съ Англіей. Заведены они были совершенно случайно: въ 1553 году въ заливъ при устьѣ Сѣверной Двины занесенъ былъ англійскій корабль, уцѣлѣвшій изъ флотиліи, посланной для отысканія сѣвернаго пути въ Китай, но погибшей въ Ледовитомъ океанѣ. Капитанъ этого корабля, предпріимчивый Ченслеръ направился въ Москву къ Іоанну и черезъ два года вторично явился сюда уже въ качествѣ уполномоченнаго отъ своего правительства для заключенія торговаго договора. Англичане получили право повсемѣстной безпошлинной торговли на Руси, выговорили себѣ еще цѣлый рядъ льготъ и сумѣли отлично воспользоваться полученнымъ, устроивъ во многихъ русскихъ городахъ склады своихъ товаровъ, а также создавъ при устьѣ Сѣверной Двины обширный рынокъ и морской портъ, обратившійся впослѣдствіи въ городъ Архангельскъ. Въ благодарность за полученныя торговыя льготы, англійское правительство, къ которому послѣ пріема Ченслера былъ отправленъ русскій посолъ, предоставило, въ свою очередь, русскимъ купцамъ право безпошлинной торговли и особаго покровительства въ англійскихъ владѣніяхъ. Своей поѣздкой въ Лондонъ русскій посолъ воспользовался для того, чтобы вывезти оттуда нужныхъ для Москвы мастеровъ и ремесленниковъ.

Такимъ образомъ, случайное прибытіе занесеннаго бурей къ русскимъ берегамъ корабля послужило поводомъ къ заведенію оживленныхъ торговыхъ сношеній съ Англіей, а затѣмъ и съ Голландіей, и Архангельскъ явился до извѣстной степени окномъ въ Западную

Европу. Къ сближенію съ ней Іоаннъ IV искренно стремился и, какъ увидимъ, потратилъ больше всего силъ на то, чтобы прочно утвердиться не только на Бѣломъ морѣ, но и на Балтійскомъ. Стремленіе къ Балтійскому побережью было новой задачей, осложнившей внѣшнюю политику Іоанна IV, завѣщанную ему его дѣдомъ и отцомъ и заключавшуюся, преимущественно, въ соперничествѣ съ польско-литовскимъ государствомъ и въ борьбѣ съ татарами.

§ 3. Обзоръ внѣшней политики Іоанна IV въ первый періодъ его правленія.

А. Отношенія къ Литвѣ. Столкновенія съ Литвою происходили еще въ малолѣтство Іоанна во время боярскаго правленія, при чемъ успѣхъ былъ чаще на сторонѣ Москвы. Чтобы развязать себѣ руки для борьбы съ татарами, Іоаннъ IV искалъ примиренія съ Литвою, но «вѣчнаго», т. е. прочнаго, мира съ нею заключить не могъ: Литовское правительство соглашалось на него лишь при условіи уступки Смоленска, Московское же притязало на пріобрѣтеніе «вотчины извѣчной»—земель Кіевской, Волынской, Полоцкой и проч. Другой причиной, мѣшавшей «вѣчному» миру, было нежеланіе литовскаго правительства признать царскій титулъ московскаго государя, на которомъ упорно настаивалъ Іоаннъ IV. Поэтому вмѣсто мира заключались лишь кратковременныя перемирія, нѣсколько разъ возобновлявшіяся.

Б. Отношенія къ татарамъ. Однако миролюбіе, проявленное Сигизмундомъ II Августомъ, дало возможность Іоанну, не опасаясь нападеній съ Запада, устремиться прежде всего на татаръ, державшихся враждебно и нагло по отношенію къ Москвѣ. Наибольшую опасность представлялъ вассалъ турецкаго султана—крымскій ханъ, оставшійся вѣрнымъ стародавнему обычаю своихъ предшественниковъ: грозить одновременно Москвѣ и Литвѣ, ссорить ихъ между собою и брать отъ той и отъ другой «поминки» (т. е. подарки) за прекращеніе хищническихъ набѣговъ.

Опасность со стороны татаръ увеличилась отъ того, что въ Казани снова восторжествовала крымская партія, враждебная Москвѣ, и ханомъ сдѣлался Сафа-Гирей, родственникъ крымскаго властителя. Крымцы и казанцы съ двухъ сторонъ опустошали русскія пограничныя области. Іоаннъ IV началъ рѣшительныя дѣйствія противъ Казани. Первый походъ 1550 г. былъ неудаченъ, но, когда вскорѣ послѣ него Іоаннъ построилъ невдалекѣ отъ Казани укрѣпленный городъ Свіяжскъ въ качествѣ оплота противъ нея, и когда на сторону Москвы привлечены были нѣкоторые окрестные инородцы, положеніе дѣла измѣнилось. Оставалось только, оградивъ себя сторожевымъ войскомъ

со стороны Крыма, смѣло идти на Казань. Въ 1552 году она была окружена многочисленною русскою ратью (здѣсь собралось будто бы 150.000 войска при 150 пушкахъ) и подвергнута тяжкой осадѣ, во время которой русскіе впервые прибѣгали къ подкопамъ и взрывамъ стѣнъ. Казанцы выказали отчаянное сопротивленіе, и при послѣднемъ приступѣ московскаго войска 2 октября 1552 года пали почти всѣ. Плѣнниковъ Іоаннъ отдалъ воинамъ, себѣ же взялъ послѣдняго казанскаго царя Едигера, одного изъ преемниковъ Сафа-Гирея, и его знамена. На мѣстѣ разоренной и сожженной до-тла татарской Казани была выстроена русская, заселявшаяся русскими людьми.

Взятіе Казани имѣло громадное значеніе, еще большее, чѣмъ Куликовская битва. Подвигъ Димитрія Донского заключался въ первомъ рѣшительномъ отпорѣ, данномъ татарамъ, подвигъ же Іоанна IV въ первомъ рѣшительномъ наступленіи на нихъ, въ первомъ завоеваніи татарскаго царства. Народныя сказанія прославляли Димитрія и величали его царемъ. Также прославлялся Іоаннъ IV. Сознавая важность содѣяннаго имъ, онъ самъ считалъ, что взятіе Казанскаго царства даетъ ему еще новое право на царскій титулъ. Помимо нравственнаго значенія, взятіе Казани имѣло также важныя практическія послѣдствія: 1) оно обезопасило русскія владѣнія отъ хищническихъ набѣговъ казанцевъ, а русскихъ людей отъ массоваго увода въ плѣнъ, 2) оно открывало широкій просторъ для русской колонизаціи за Уралъ въ Азію, 3) давало возможность Московскому государству утвердиться на всемъ громадномъ плодородномъ пространствѣ по теченію Волги. Для осуществленія послѣдняго понадобилось еще около 5 лѣтъ, въ теченіе которыхъ московское правительство подчинило своей власти инородцевъ, зависѣвшихъ ранѣе отъ Казани (напримѣръ, черемисовъ, чувашей, башкировъ, мордву и друг.) и добралось до Астрахани.

Захвату Астрахани содѣйствовали отчасти ногайскіе ханы, враждовавшіе другъ съ другомъ и съ Крымомъ, вмѣшивавшіе Іоанна въ свои распри и, по обычаю своихъ собратьевъ, выпрашивавшіе у него поминки. Вскорѣ послѣ взятія Казани одинъ изъ ногайскихъ хановъ (Дербышъ-Алей) посаженъ былъ московскими воеводами въ Астрахань въ качествѣ подручника и данника Іоанна, но вскорѣ измѣнилъ ему, передавшись на сторону Крыма, а при приближеніи московскаго войска и своихъ соперниковъ—другихъ ногайскихъ хановъ—долженъ былъ бѣжать. По просьбѣ самихъ астраханцевъ, истомленныхъ смутами, русскіе военачальники вступили въ городъ, и такимъ образомъ Астрахань въ 1556 году была захвачена безъ боя. Окрестные ногайскіе татары продолжали истреблять другъ друга междоусобіями. Утвержденіе въ Астрахани открывало для русской колонизаціи и Кавказъ.

Послѣ взятія Казани и Астрахани и полнаго развала Ногайской орды, страшнымъ для Москвы оставался лишь крымскій ханъ, сильный поддержкой турецкаго султана и защищенный труднопереходи-

мыми степями. Іоаннъ первый изъ московскихъ государей сталъ бороться противъ него наступательно. Съ 1555 года начались походы въ степи. Въ союзѣ съ московскими ратными людьми часто дѣйствовали и малороссійскіе козаки (на службу къ Іоанну поступилъ, между прочимъ, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ устроителей Запорожской Сѣчи — Димитрій Вишневецкій). Особенно удачнымъ былъ походъ 1569 года, когда московское войско, спустившись по Днѣпру, сдѣлало высадку въ самомъ Крыму, опустошило татарскія селенія и освободило много русскихъ плѣнныхъ. (Воеводою въ этомъ походѣ былъ Даніилъ Адашевъ, братъ Алексѣя).

В. Столкновеніе со Швеціей.

«Избранная рада», руководимая Сильвестромъ, побуждала государя къ настойчивой борьбѣ съ крымскими татарами, стараясь внушить ему несбыточную по тому времени мысль о завоеваніи ихъ хищническаго гнѣзда. Іоаннъ считался, конечно, съ Крымомъ, но не хотѣлъ отдавать всѣ силы борьбѣ съ нимъ. Его влекло не столько Черное море, сколько Балтійское, являвшееся удобною дорогою въ Западную Европу. Еще до занятія Астрахани онъ воевалъ со шведскимъ королемъ Густавомъ Вазою, съ которымъ у него были пограничные споры, и который оскорблялся на Іоанна за то, что послѣдній отказывалъ ему въ непосредственныхъ дипломатическихъ сношеніяхъ и сносился съ нимъ черезъ новгородскихъ намѣстниковъ. Пріобрѣтеній эта война Іоанну не дала, но дала удовлетвореніе его самолюбію.

Шведскій король въ своей грамотѣ «билъ челомъ» Іоанну о мирѣ, а отъ него получилъ отвѣтъ, въ которомъ говорилось, что за нарушеніе перемирія «благовѣрный царь и великій князь наложилъ было гнѣвъ на Густава короля и на всю землю шведскую», и что порядокъ дипломатическихъ сношеній долженъ остаться прежнимъ, такъ какъ столица Швеціи, Стокгольмъ, меньше будто бы даже новгородскихъ пригородовъ—Пскова и Устюга.

Г. Происхожденіе Ливонской войны.

Унизивъ шведскаго короля, Іоаннъ обратилъ свой взоръ на владѣнія Ливонскаго ордена, самаго слабаго изъ западныхъ сосѣдей. Несмотря на свою слабость, Ливонія являлась серьезной преградой для сближенія Московскаго государства съ Западомъ: бывали случаи, когда она не пропускала черезъ свои предѣлы выписываемыхъ въ Москву западно-европейскихъ мастеровъ и ремесленниковъ, опасаясь, что послѣдняя усилится благодаря развитію культуры и военнаго дѣла. Теоретикъ и резонеръ по натурѣ, Іоаннъ IV искалъ законнаго повода къ разрыву съ Ливоніей и сталъ доказывать, что она представляетъ собою старинную русскую вотчину, и что рыцари поселились въ этой странѣ съ разрѣшенія его предковъ и съ обязательствомъ платить дань, но такъ какъ теперь они не только не платятъ ея, но еще разграбили церкви Божіи и свергли власть

папы (въ Ливоніи въ это время распространялся протестантизмъ), то на нихъ должны быть обращены «огонь, мечъ и расхищеніе». Считая себя «мстителемъ необузданнымъ ливонцамъ», Іоаннъ потребовалъ у дерптскаго епископа дани и недоимокъ за 50 лѣтъ. Не будучи подготовленнымъ къ борьбѣ, епископъ согласился на требованіе, но затѣмъ ливонскіе послы подъ разными предлогами оттягивали уплату дани и просили о сложеніи ея. Тогда въ 1558 году Іоаннъ IV началъ войну страшнымъ опустошеніемъ Ливоніи. Эта война, носящая названіе Ливонской, шла сперва, какъ увидимъ, весьма успѣшно, но впослѣдствіи привела къ тягостнымъ осложненіямъ, страшно подорвавшимъ Московское государство. Затѣянная вопреки настояніямъ Сильвестра, она должна быть отнесена ко второму періоду правленія Іоанна, когда онъ разошелся со своими совѣтниками, освободился отъ опеки «избранной рады», чтобы подпасть подъ власть страстей и дурныхъ сторонъ своего характера.

§ 4. Разрывъ Іоанна съ совѣтниками.

А. Недоразумѣнія изъ-за престолонаслѣдія.

Непріязнь царя къ своимъ первымъ сподвижникамъ назрѣвала постепенно и обусловливалась многими причинами. Уже вскорѣ послѣ казанскаго похода Іоаннъ съ горечью убѣдился въ неискренности своихъ совѣтниковъ и въ ихъ явно враждебныхъ отношеніяхъ къ царицѣ Анастасіи и ея родственникамъ, Захарьинымъ-Юрьевымъ. Именно, въ 1553 году царь опасно захворалъ и, считая болѣзнь смертельной, сталъ дѣлать распоряженія о престолонаслѣдіи. Государство онъ завѣщалъ своему малолѣтнему сыну Димитрію и потребовалъ отъ окружающихъ присяги на вѣрность ему. Это вызвало «мятежъ большой, шумъ и рѣчи многія» у постели тяжко больного царя. Многіе бояре отказывались отъ крестоцѣлованія, твердя на всѣ лады, что Димитрій — младенецъ, что власть за его малолѣтствомъ перейдетъ къ Захарьинымъ, а послѣднимъ они служить не хотятъ и не дадутъ имъ владѣть собою. Отвергая Димитрія, они держали сторону двоюроднаго брата Іоанна, князя старицкаго Владиміра Андреевича, который, въ свою очередь, не хотѣлъ присягать малюткѣ-племяннику и предъявлялъ права на наслѣдованіе престоломъ. Признанію Владиміра наслѣдникомъ сочувствовалъ Сильвестръ; отецъ Адашева открыто хлопоталъ объ этомъ такъ же, какъ и многіе княжата. Изнемогавшему отъ болѣзни царю долго приходилось усовѣщевать двоюроднаго брата и бояръ, попрекать ихъ тѣмъ, что, если они не хотятъ служить государю-младенцу, то и взрослому не станутъ служить; онъ молилъ вѣрныхъ людей не забыть послѣ его кончины жены и сына, не дать ихъ на поруганіе боярамъ. Въ концѣ концовъ послѣ многихъ пререканій бояре все же присягнули

Димитрію и вынудили присягу ему у Владиміра Андреевича, но искренности крестоцѣлованія Іоаннъ вѣрить не могъ.

Б. Тягость опеки избранной рады.

Іоаннъ оправился отъ болѣзни, и вопросъ о престолонаслѣдіи самъ собою снятъ былъ съ очереди, тѣмъ болѣе, что Димитрій вскорѣ скончался. Однако тягостныя пренія 1553 года не были забыты царемъ: «избранная рада» глубоко затронула больное мѣсто его характера — его страшную подозрительность. Она задѣла и другую не менѣе чувствительную сторону натуры Іоанна—его властолюбіе. Властная опека Сильвестра начала тяготить его. Царь «за себя сталъ». Ему казалось, что «попъ» со своими приспѣшниками «снимаютъ съ него власть», развиваютъ самовольство и «противословіе» бояръ, равняютъ ихъ честью чуть ли не съ самимъ царемъ, всюду насаждаютъ своихъ ставленниковъ, все вершатъ по своему желанію, пренебрегаютъ даже царскими совѣтами, сочувствуютъ людямъ, впавшимъ въ немилость царя. Несмотря на всю склонность къ преувеличеніямъ, Іоаннъ не былъ неправъ въ оцѣнкѣ дѣятельности «рады»: самъ ея участникъ и пылкій защитникъ князь Курбскій не отрицаетъ, что безъ ея совѣта царь «ничего устроить и мыслить не могъ» [1]). Сильвестръ не старался даже скрывать своихъ притязаній на вліяніе: такъ, напримѣръ, онъ настаивалъ на завоеваніи Крыма и рѣзко нападалъ на Іоанна за веденіе Ливонской войны, приписывая всѣ бѣдствія, постигшія царя, гнѣву Божію за то, что царь не слѣдуетъ его совѣтамъ.

В. Опалы на совѣтниковъ.

Чѣмъ властнѣе становилась избранная рада, тѣмъ сильнѣе раздражался Іоаннъ, стремясь отдѣлаться отъ опеки. И мало-по-малу рада стала распадаться. Сильвестръ и Адашевъ были устранены: первый очутился въ Соловецкомъ монастырѣ, а второй, посланный на войну въ Ливонію, умеръ затѣмъ въ заточеніи. Разрыву съ прежними совѣтниками много способствовала и кончина въ 1560 году царицы Анастасіи, которая умѣла сдерживать гнѣвныя вспышки своего мужа. Скорбь о любимой женѣ естественно должна была возбуждать въ Іоаннѣ чувство ненависти къ людямъ, непріязненно относившимся къ ней. (Курбскій утверждаетъ даже, что царь удалилъ Сильвестра и Адашева, подозрѣвая ихъ въ отравленіи царицы. Впрочемъ, онъ указываетъ и другую причину перемѣны въ характерѣ Іоанна. На послѣдняго, по его словамъ, произвелъ сильное впечатлѣніе совѣтъ одного инока, Вассіана Топоркова, который сказалъ

---

[1]) Одинъ изъ изслѣдователей (проф. Сергѣевичъ) утверждаетъ, что рада сдѣлала даже попытку формально ограничить царскую власть. Объ этомъ, по его мнѣнію, свидѣтельствуетъ Судебникъ 1550 года, въ которомъ говорится, что для пополненія его новыми статьями требуется «приговоръ всѣхъ бояръ»; иными словами, боярству предоставляется какъ бы законодательная власть.

будто бы царю, навѣстившему его въ монастырѣ: «Если хочешь быть самодержцемъ, не держи при себѣ ни одного совѣтника, который былъ бы умнѣе тебя, потому что ты лучше всѣхъ; если такъ будешь поступать, то будешь твердъ на царствѣ и все будешь имѣть въ рукахъ своихъ»). Начались опалы и казни, постигшія прежде всего родственниковъ и приверженцевъ Сильвестра и Адашева, не отставшихъ, несмотря на увѣщанія царя, отъ нихъ и хлопотавшихъ о возстановленіи ихъ вліянія при дворѣ. Въ отвѣтъ на преслѣдованія нѣкоторые княжата стали помышлять о побѣгѣ въ Литву. Царь связывалъ бояръ круговою порукою о неотъѣздѣ, подвергалъ ихъ гоненіямъ и этимъ все сильнѣе и сильнѣе возбуждалъ ихъ непріязнь, разжигалъ въ самомъ себѣ ненависть къ боярскому классу. Сильное впечатлѣніе произвелъ на него отъѣздъ одного изъ прежнихъ его любимцевъ—князя Андрея Курбскаго, который въ 1564 году, страшась царскаго гнѣва (по преданію—за неудачную битву), бѣжалъ въ Литву и обратился оттуда къ Іоанну съ грознымъ обличительнымъ посланіемъ. Царь отвѣтилъ бѣглецу «широковѣщательнымъ и многошумящимъ» письмомъ съ рѣзкими выпадами противъ боярства.

Г. Переписка съ Курбскимъ.

Завязалась злобная переписка [1]). Она интересна какъ потому, что оба соперника были наиболѣе образованными, начитанными людьми и самыми яркими писателями своего вѣка, такъ и потому, что здѣсь столкнулись два враждебныхъ міровоззрѣнія: на одной сторонѣ стоялъ рьяный приверженецъ старинныхъ удѣльныхъ преданій, защитникъ притязаній княжатъ на политическое вліяніе, на другой—страстный поборникъ неограниченной власти, не признававшій никакихъ стѣсненій, стремившійся возвышаться надо всѣми, какъ одинокій дубъ на гладкой равнинѣ. Оба доказывали свои взгляды и практически—воспоминаніями о пережитомъ и перечувствованномъ, и теоретически—ссылками на обширную литературу, но оба не могли разсуждать спокойно и подчинялись не столько доводамъ разума, сколько порывамъ разгоряченной страсти.

Угрюмой злобой дышатъ страницы посланій Курбскаго и его «исторіи князя великаго московскаго». Жестоко обрушивается онъ на «издавна кровопійственный московскій родъ, привыкшій пить кровь братій своихъ»—удѣльныхъ князей, воздвигшій гоненія на бояръ. Ѣдко нападаетъ Курбскій на вынужденныя присяги и «про-

---

[1]) За время отъ 1564 года до 1579 Іоаннъ написалъ два письма, Курбскій—четыре. Курбскій измѣнилъ государю, сражаясь впослѣдствіи въ рядахъ его враговъ, но остался вѣренъ православію, явившись ревностнымъ защитникомъ его отъ покушеній католиковъ и сторонниковъ уніи. Горячо отстаивая необходимость просвѣщенія, Курбскій не полѣнился на старости лѣтъ изучить латинскій языкъ и свою тоску по родинѣ старался заглушить научными занятіями и переводами. Скончался онъ въ 1583 году, когда Западной Руси уже грозила церковная унія.

клятыя» грамоты о неотъѣздѣ, порицаетъ царя и его предковъ за приближеніе къ себѣ неродовитыхъ людей. Не отрицая необходимости для государя обращаться въ извѣстныхъ случаяхъ къ совѣту всенародныхъ человѣкъ», т. е. земскаго собора, Курбскій на первомъ планѣ ставитъ боярскій «синклитъ», т. е. думу, и старается доказать, что пока Іоаннъ слѣдовалъ боярскимъ указаніямъ, онъ былъ добрымъ и великимъ царемъ, самоотверженно трудившимся въ борьбѣ съ врагами креста Христова и заслужившимъ громкую славу. Въ преслѣдованіи мудрыхъ совѣтниковъ, въ убіеніи, затѣсненіи и разогнаніи «сильныхъ въ Израилѣ» (т. е. вліятельныхъ людей) онъ видитъ величайшее преступленіе Іоанна и корень всего зла. Въ своихъ попрекахъ князь договаривается до того, что пророчитъ гибель дому Іоанна.

Царь усмотрѣлъ въ писаніяхъ Курбскаго «неслыханныя хуленія», «ядъ аспида» и «горечь полыни» и отвѣчалъ ему съ еще большею страстью и язвительностью. Посланія царя полны личныхъ переживаній. Онъ вспоминаетъ о томъ «утѣсненіи», которое онъ терпѣлъ отъ «попа - невѣжды» (Сильвестра) и «собаки» Алексѣя Адашева и ихъ приспѣшниковъ, обращавшихся съ нимъ не какъ съ владыкою или даже братомъ, но какъ съ низшимъ, помыкавшихъ имъ, какъ младенцемъ. Съ болью въ сердцѣ повѣствуетъ онъ о событіяхъ 1553 года, о враждебномъ отношеніи бояръ къ покойной Анастасіи, на которую они смотрѣли какъ на нечестивую царицу, во время смертельной болѣзни которой не оказывали ей помощи.

Но сущность писемъ царя заключается въ страстной защитѣ «самодержавства». Къ ней Іоаннъ ежеминутно возвращается, ей отдаетъ весь пылъ своего краснорѣчія. Подъ самодержавіемъ онъ разумѣетъ не внѣшнюю международную независимость, какъ толковали это понятіе его предки, а всю полноту неограниченной верховной власти. Царство—собственность царя. «Мы родились на царствѣ, а не чужое похитили», говоритъ Іоаннъ. «Како же самодержецъ наречется, аще не самъ строитъ?»—спрашиваетъ онъ и отвѣчаетъ на этотъ вопросъ словами: «Русскіе самодержцы изначала сами владѣютъ всѣмъ царствомъ, а не бояре и вельможи». Цѣлымъ рядомъ примѣровъ изъ ветхозавѣтной и византійской исторіи доказываетъ онъ недопустимость вмѣшательства духовенства въ свѣтскія дѣла, гибельность многовластія и самовольства. «Истина и свѣтъ для народа—въ познаніи Бога и отъ Бога даннаго государя». «Противнымъ разуму» считаетъ онъ такой порядокъ, при которомъ царь «обладаемъ рабами». Рабами Іоаннъ считаетъ всѣхъ подвластныхъ себѣ и горячо отстаиваетъ свое право «жаловать своихъ холоповъ и казнить ихъ». Отвѣчая на попреки Курбскаго въ гоненіяхъ бояръ, онъ грозно перечисляетъ всѣ ихъ крамолы и измѣны. Въ бѣгствѣ Курбскаго онъ видитъ «погибель его души», возстаніе противъ самого Бога. Іоаннъ не боится остаться безъ «сильныхъ въ Израилѣ», безъ

«чадъ Авраамовыхъ», такъ какъ «Богъ можетъ и изъ камней воздвигнуть чадъ Аврааму». Такихъ новыхъ чадъ, новыхъ покорныхъ сподвижниковъ и захотѣлъ создать себѣ Іоаннъ послѣ распаденія властолюбивой и притязательной «избранной рады».

§ 5. Борьба Іоанна IV съ боярами и учрежденіе опричнины.

А. Цѣль борьбы.

Послѣ отъѣзда Курбскаго избранная рада окончательно распалась. Около Іоанна не стало неугодныхъ ему лицъ, но боярство, какъ классъ и какъ политическая сила, продолжало существовать. Царь могъ опасаться, что оно снова воспрянетъ духомъ и возобновитъ борьбу за власть и за вліяніе, тѣмъ болѣе, что правительственное значеніе бояръ было обычнымъ порядкомъ, вѣками укоренившимся въ Московской Руси. Ближайшіе предшественники Іоанна старались, насколько могли, ограничить его, но не умѣли его уничтожить. Іоаннъ, не довольствуясь гоненіями на отдѣльныхъ лицъ, поднялъ руку на все боярство, какъ классъ, началъ борьбу съ существующимъ порядкомъ. Онъ возъимѣрился уничтожить самый источникъ княжескихъ притязаній. Опору имъ княжата находили, какъ извѣстно, во-первыхъ, въ своей родовитости, во-вторыхъ, въ крупныхъ вотчинахъ, расположенныхъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ предки ихъ были удѣльными князьями и гдѣ сами они, естественно, пользовались большимъ вліяніемъ. Значитъ, чтобы успѣшно вести борьбу съ правительственнымъ значеніемъ бояръ, царь долженъ былъ окружить себя людьми, обязанными своимъ возвышеніемъ всецѣло ему, и оторвать княжатъ отъ тѣхъ земель, которыя поддерживали ихъ старыя удѣльныя преданія. Оба способа были не новы: первый примѣнялся со времени Іоанна III, примѣненъ былъ прежде и самимъ Іоанномъ IV, хотя и неудачно: къ неродовитымъ Сильвестру и Адашеву примкнули, какъ извѣстно, многіе княжата. Изобрѣтателемъ второго способа былъ также Іоаннъ III, подавлявшій вольность Новгорода «выводомъ» его жителей. Іоаннъ IV, разошедшись съ радой, до крайности развилъ эти способы посредствомъ учрежденія такъ называемой «опричнины».

Б. Начало опричнины.

Своеобразна исторія опричнины, начавшаяся страннымъ поступкомъ царя. Въ началѣ декабря 1564 года царь со своей второй супругой (кавказской уроженкой Маріей Темрюковной), съ дѣтьми, со свитой и со многими дворянами собрался куда-то въ путь изъ Москвы, захвативъ свои драгоцѣнности и свою казну. По сборамъ было видно, что предстоитъ не обычная поѣздка на богомолье, а нѣчто иное. Остановившись на нѣсколько времени въ селѣ Коломенскомъ, а затѣмъ въ Троицко-Сергіевскомъ монастырѣ, Іоаннъ поселился въ Александровской слободѣ (своей лѣтней резиденціи) и черезъ мѣсяцъ

послѣ отъѣзда—въ январѣ 1565 года—прислалъ московскому митрополиту двѣ грамоты. Въ одной онъ исчислялъ измѣны бояръ и другихъ служилыхъ людей, ихъ беззаконія и хищенія, налагалъ свой гнѣвъ на нихъ, а также и на потакавшее имъ духовенство и въ заключеніе объявлялъ, что «не могши многихъ измѣнныхъ дѣлъ терпѣть», онъ оставилъ свое государство и поѣхалъ поселиться тамъ, «гдѣ Богъ ему укажетъ». Въ другой грамотѣ, обращенной къ купцамъ и простонародью Москвы, онъ извѣщалъ, что на нихъ гнѣва и опалы нѣтъ. Такимъ образомъ Іоаннъ отрекался отъ престола и апеллировалъ (жаловался) народу на бояръ и ихъ приспѣшниковъ. Грамоты стали извѣстны народу и привели его въ смятеніе: москвичи, по словамъ лѣтописи, ужаснулись, увидѣвъ себя «овцами безъ пастыря», и въ страхѣ стали просить митрополита вмѣстѣ съ прочимъ духовенствомъ умолить царя не покидать государства, править, какъ ему угодно, и выражали готовность истребить «государскихъ лиходѣевъ и измѣнниковъ».

В. Устройство опричнины.

Отъ смятенной столицы были отправлены посланцы къ Іоанну. Онъ внялъ ихъ просьбамъ, согласился вернуться на царство, но на извѣстныхъ условіяхъ. Возвратившись въ Москву постарѣвшимъ до неузнаваемости изъ-за пережитыхъ волненій, онъ потребовалъ, чтобы ему не мѣшали «на всѣхъ измѣнниковъ и ослушниковъ опалы класть, а иныхъ и казнить», а также, чтобы ему дали возможность «учинить себѣ опричнину», т. е. создать какъ бы особое владѣніе въ государствѣ, съ особымъ дворомъ, казною и штатомъ придворныхъ и служилыхъ людей. Территорія опричнины, постепенно расширявшаяся, охватила въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ добрую половину государства. Въ составъ ея вошли: 1) сѣверныя области, прилегавшія къ Бѣлому морю,—такъ называемое Поморье, крупные промышленные посады котораго давали большіе доходы, 2) важнѣйшіе торговые пути съ расположенными на нихъ городами (въ Москвѣ въ опричнину было взято нѣсколько улицъ и слободъ), 3) центральныя части государства, именно тѣ, гдѣ существовали вотчины княжатъ. Владѣльцы этихъ вотчинъ или подвергались казнямъ, ссылкамъ и опаламъ или поступали въ опричнину или, въ большинствѣ случаевъ, «выводились» изъ своихъ земель и вмѣсто нихъ получали владѣнія въ другихъ мѣстахъ, обыкновенно на окраинахъ государства, гдѣ они, какъ новые, пришлые люди, не имѣли ни традиціоннаго значенія, ни вліянія, ни почвы для своихъ аристократическихъ притязаній. Постепенно почти всѣ княжескія наслѣдственныя земли перешли въ опричнину, и на нихъ были «испомѣщены» другіе владѣльцы — «опришнинскіе» (т. е. опричные) служилые люди, набранные царемъ преимущественно изъ неродовитыхъ фамилій. Такимъ образомъ опричнина, получившая со временемъ (въ 1572 г.) названіе «двора» и состоявшая въ непосредственномъ вѣдѣніи Іоанна,

овладѣла большими матеріальными средствами и охватила сѣверъ и центръ государства. Прочія окраинныя земли, не вошедшія въ ея составъ, носили названіе «земщины».

Г. Земщина.

Земщину государь поручилъ вѣдать комиссіи бояръ и подчиненнымъ ей приказамъ; лишь ратныя и важнѣйшія дѣла земщины должны были докладываться царю. Дѣла же, касавшіяся опричнины, вершились особымъ штатомъ приказныхъ людей и шли непосредственно на рѣшеніе царя, минуя боярскую комиссію. Слѣдовательно, въ опричнинѣ было особое дѣлопроизводство, но отдѣльныхъ правительственныхъ учрежденій она, повидимому, не имѣла: въ однихъ и тѣхъ же приказахъ работали и «дворовые» (опричные) и земскіе (т. е. земщинскіе) чиновники по своимъ вѣдомствамъ.

Д. Слѣдствія опричнины.

Изъ изложеннаго видно, что учрежденіе опричнины сопровождалось пересмотромъ и ломкой землевладѣнія, принудительной мѣной земель. Слѣдствіемъ этого былъ желанный для Іоанна разгромъ княжескаго класса, утратившаго свою земельную опору. Этимъ разгромомъ Грозный царь хотѣлъ уничтожить ненавистный ему аристократическій порядокъ. Но опричнина ударила не по однимъ княжатамъ: раздробленіе крупныхъ привилегированныхъ вотчинъ между мелкими опричными помѣщиками, передвиженіе землевладѣльцевъ, обращеніе однихъ земель въ другія (напр., черныхъ и дворцовыхъ во владѣльческія), все это тяжко отозвалось и на крестьянскомъ населеніи, побуждало его къ побѣгамъ. Это приводило въ запустѣніе центръ Московскаго государства, разоряло его благосостояніе.

Е. Странности и жестокости опричнины.

Этимъ дѣло не ограничивалось: исторія опричнины изобиловала непостижимыми странностями и невѣроятными жестокостями. Одной изъ загадокъ было поставленіе Грознымъ въ 1575 году во главѣ земщины крещенаго татарскаго царевича Симеона Бекбулатовича. Іоаннъ «посадилъ его на великое княженіе на Москвѣ», титуловалъ его «государемъ великимъ княземъ», а себя называлъ княземъ московскимъ Иваномъ (или Иванцемъ) Васильевымъ, писалъ ему почтительныя челобитныя, ѣздилъ на пріемъ, занимая мѣсто среди бояръ. Конечно, дѣйствительной власти Симеонъ не имѣлъ, отъ иностранцевъ его скрывали, а московскіе приказы даже не отвѣчали на его запросы. Къ тому же черезъ короткое время онъ былъ сведенъ изъ Москвы въ Тверь. Такимъ образомъ посаженіе Симеона было какою-то забавою. Но не однѣ забавы, а и страшныя жестокости были въ опричнинѣ. Грозный набиралъ опричниковъ (или «кромѣшниковъ», какъ ихъ часто называли въ народѣ) изъ разнаго люда: сюда попали и нѣкоторые умѣвшіе угодить ему княжата, но много было здѣсь и разнаго сброда, развращеннаго, разнузданнаго, свирѣпаго, старавшагося заслужить милость царя безпощаднымъ истребленіемъ всѣхъ, въ комъ его подозрительность видѣла недру-

говъ. Свою обязанность «выметать изъ государства измѣну» опричники выполняли съ безчеловѣчнымъ усердіемъ и, пользуясь безнаказанностью, часто подъ видомъ истребленія крамолы сводили счеты съ личными врагами. Жертвами опричниковъ не всегда были отдѣльныя лица; ярость ихъ распространялась иногда на цѣлыя семьи и даже города. Однимъ изъ самыхъ страшныхъ звѣрствъ былъ разгромъ Новгорода, заподозрѣннаго въ измѣнѣ, въ 1570 году. Походъ Іоанна съ опричниками на Новгородъ производитъ впечатлѣніе нашествія Батыя.

Описаніе этого разгрома настолько ужасно, что положительно трудно вѣрить въ правдивость его. Отрядъ опричниковъ, явившійся въ Новгородъ, окружилъ его крѣпкими заставами, чтобы никто изъ жителей не убѣжалъ. Началась расправа надъ духовенствомъ, которое было заподозрѣно въ сношеніяхъ съ Литвою: нѣсколько сотъ монаховъ было избито до смерти палками, монастыри и церкви (въ томъ числѣ Софійскій соборъ) страшно разграблены; разграбленъ былъ также дворъ владыки, а самъ онъ арестованъ и сосланъ. Натѣшившись надъ духовенствомъ, кинулись на мірянъ. При допросѣ ихъ пытали какою-то «составною мудростію огненною», осужденныхъ бросали въ Волховъ, туда же кидали ихъ женъ вмѣстѣ съ привязанными къ нимъ дѣтьми; разъѣзжавшіе въ лодкахъ опричники добивали тѣхъ, кто выплывалъ. Затѣмъ начался грабежъ рынковъ, лавокъ, амбаровъ, частныхъ жилищъ, какъ въ самомъ Новгородѣ, такъ и въ окрестностяхъ: пустошили и грабили чуть ли не всю новгородскую область. Такъ продолжалось шесть недѣль. Приказавъ уцѣлѣвшимъ новгородцамъ молиться и объявивъ, что «вся пролитая кровь взыщется на измѣнникахъ», Грозный двинулся на Псковъ. Жители его встрѣтили царя на колѣняхъ съ хлѣбомъ и солью. Это спасло ихъ отъ казней, но не отъ разграбленія имущества.

Ж. Св. митрополитъ Филиппъ.

Противъ неистовствъ опричнины возстало духовенство. Третій преемникъ Макарія (скончавшагося въ 1563 году), Филиппъ (изъ боярскаго рода Колычевыхъ) долго не соглашался вступить на митрополію при существованіи опричнины. Убѣжденный, наконецъ, не вмѣшиваться въ ея дѣла, онъ тѣмъ не менѣе всегда «печаловался» (заступался) передъ царемъ о гонимыхъ и приговоренныхъ къ казни. Грозный избѣгалъ встрѣчъ съ нимъ и говорилъ, что ему «нѣтъ дѣла до царскихъ совѣтовъ» (т. е. намѣреній), а затѣмъ, поддавшись ложному доносу, свелъ Филиппа съ митрополіи и заточилъ въ (Тверской Отрочь) монастырь. Здѣсь онъ скоро (въ 1569 году) былъ задушенъ однимъ изъ самыхъ безчеловѣчныхъ опричниковъ Григоріемъ Малютою-Скуратовымъ-Бѣльскимъ за то, что отказался благословить его. Около этого же времени погибъ вмѣстѣ съ семьей и двоюродный братъ Іоанна, Владиміръ Андреевичъ: его не спасли ни

крестоцѣловальныя записи, ни готовность на всевозможныя уступки и условія, ни тотъ строгій надзоръ, подъ которымъ онъ жилъ.

3. Семейная жизнь Грознаго въ эпоху опричнины.

Свойственное Іоанну неумѣніе сдерживать необузданные порывы проявилось и въ его семейной жизни. Послѣ кончины своей второй супруги, черкешенки Маріи Темрюковны, онъ перемѣнилъ еще нѣсколькихъ женъ, требуя у духовенства разрѣшенія на недозволенные браки и соглашаясь нести за это церковныя эпитеміи (т. е. наказанія). Отъ перваго брака, кромѣ рано умершаго Димитрія, Грозный имѣлъ еще двухъ сыновей: унаслѣдовавшаго отцовскую жестокость—Ивана и кроткаго, набожнаго, но неспособнаго—Ѳеодора; отъ послѣдняго (седьмого) брака съ Маріей Нагой родился въ 1582 году Димитрій. Около этого же времени старшій сынъ Иванъ сталъ жертвой отцовской несдержанности: разсердившись на что-то, Грозный ударилъ его посохомъ такъ неосторожно, что царевичъ палъ мертвымъ. Чудовищныя угрызенія совѣсти испытывалъ послѣ этого царь и, по преданію, хотѣлъ даже отречься отъ престола. Порывы раскаянія не были и раньше чужды Грозному, но вслѣдствіе странностей его характера даже покаяніе принимало у него какія-то причудливыя формы: Александровскую слободу онъ обращалъ въ подобіе монастыря, самъ становился игуменомъ, опричниковъ облачалъ въ монашескія рясы, но въ иноческихъ подвигахъ царя трудно было провести границу между благочестіемъ и кощунствомъ. Современники Іоанна не считали его душевно-больнымъ (какъ это предполагаютъ нѣкоторые новѣйшіе изслѣдователи), но, наблюдая всѣ странности и жестокости опричнины и страдая отъ нея, въ недоумѣніи останавливались передъ разгадкой ея смысла.

И. Оцѣнка опричнины современниками и прежними историками.

Довольно правдивую оцѣнку ея сдѣлалъ только англичанинъ Флетчеръ, посѣтившій Московское государство въ 1588—89 гг. и составившій описаніе его. Сущность опричнины онъ усмотрѣлъ именно въ переселеніи княжатъ «въ отдаленныя земли, гдѣ они не имѣютъ ни любви народной, ни вліянія» и въ стремленіи сравнять высшую знать съ остальными. Курбскій взглянулъ на дѣло слишкомъ односторонне, приписавъ царю лишь желаніе овладѣть вотчинами и имуществомъ княжатъ. Другіе современники представляютъ опричнину такъ: «вслѣдствіе умноженія грѣховъ всего православнаго христіанства царь Иванъ Васильевичъ исполнился гнѣва и ярости, началъ подвластныхъ своихъ рабовъ жестоко гнать и кровь ихъ проливать и раздѣлилъ царство свое на двѣ части: одну взялъ себѣ, другую — поручилъ царю Симеону и приказалъ своей части (опричнинѣ) оную часть (земщину) насиловать и смерти предавать». Даже самъ царь сознавалъ, что учрежденная имъ опричнина можетъ подать поводъ къ превратнымъ толкованіямъ и не будетъ понята его иноземными сосѣдями. Однако, несмотря на свой-

ственную ему привычку разъяснять[1]) имъ дипломатическимъ путемъ всѣ могущія возникнуть у нихъ недоумѣнія, онъ предпочиталъ вовсе замалчивать опричнину, и на вопросы литовскихъ пословъ о ней русскимъ боярамъ приказано было отвѣчать такъ: «у государя никакой опричнины нѣтъ, живетъ государь на своемъ царскомъ дворѣ, и которые дворяне служатъ ему правдою, тѣ при государѣ и живутъ близко, а тѣ, которые дѣлали неправды, тѣ живутъ отъ государя подальше; а что мужичье, не зная, зоветъ опричниной, то мужичьимъ рѣчамъ вѣрить нечего; воленъ государь, гдѣ хочетъ дворы и хоромы ставить, тамъ и ставитъ; отъ кого государю отдѣляться?» Въ исторической наукѣ до недавняго времени опричнина освѣщалась также односторонне: въ ней видѣли или «уходъ царя отъ стариннаго вельможества», «удаленіе главы государства отъ государства» или созданіе «высшей полиціи по дѣламъ государственной измѣны» съ особымъ отрядомъ тѣлохранителей-опричниковъ. Лишь недавно выясненъ истинный смыслъ ея.

К. Смыслъ опричнины.

Смыслъ опричнины, какъ видно изъ изложеннаго, заключался въ разгромѣ землевладѣнія княжатъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ подавленіи ихъ притязаній. Цѣль ея — уничтоженіе правительственнаго значенія аристократическаго боярскаго класса[2]). Но эта цѣль достигалась цѣною страшныхъ средствъ: невѣроятныхъ жестокостей, крайняго озлобленія боярства, разстройства крестьянской жизни, запустѣнія центра Московской Руси. Молодое государство испытывало отъ всего этого

---

[1]) Для характеристики такихъ разъясненій стоитъ упомянуть нѣкоторыя изъ нихъ. Такъ, напримѣръ, въ случаѣ разспросовъ литовскаго правительства о причинахъ отъѣзда Димитрія Вишневецкаго, русскіе послы должны истолковывать ихъ такъ: «притекъ онъ (Вишневецкій) къ государю нашему какъ собака и потекъ отъ государя какъ собака же, а государю нашему и землѣ убытка никакого не учинилъ». Бѣгству Курбскаго давалось слѣдующее объясненіе: «Государь было его пожаловалъ великимъ жалованіемъ, а онъ сталъ государю дѣлать измѣнныя дѣла: государь хотѣлъ было его понаказать, а онъ государю измѣнилъ; но это не диво: бѣжали изъ государства и не въ Курбскаго версту, да и тѣ измѣнники государству московскому не сдѣлали ничего; московское государство не безъ людей: Курбскій собакой потекъ, собакой и пропадетъ».

[2]) Одинъ изъ историковъ самаго послѣдняго времени высказываетъ предположеніе, что учрежденіемъ опричнины Грозный преслѣдовалъ не одни свои политическіе интересы, но также экономическіе интересы средняго служилаго класса, стремившагося къ захвату богатыхъ и обширныхъ боярскихъ вотчинъ. Этотъ классъ, составлявшій главную массу государева воинства, и содѣйствовалъ будто бы опричнинѣ, соединившись для этой цѣли съ торгово-промышленными людьми, ждавшими отъ нея торговыхъ выгодъ. Поэтому впослѣдствіи торговые города были взяты въ опричнину, а дворяне и дѣти боярскіе испомѣщены на ея земляхъ. Литературнымъ выраженіемъ пожеланій средняго служилаго класса является неизвѣстно кѣмъ составленное произведеніе подъ заглавіемъ: «Эпистоли (т. е. письма) Ивашки Семенова Пересвѣтова». Оно направлено противъ «вельможества» и оправдываетъ гоненія Грознаго на бояръ.

сильныя потрясенія какъ разъ въ то время, когда его внѣшняя политика была особенно напряженной вслѣдствіе набѣговъ крымскаго хана и тяжелой, долгой Ливонской войны.

§ 6. Внѣшняя политика второго періода царствованія Іоанна IV.

А. Борьба съ Крымомъ.

Съ Крымомъ продолжались прежнія отношенія: худой миръ смѣнялся ссорами. Кромѣ «поминковъ» (т. е. даровъ), ханъ требовалъ отъ Іоанна уступки Казани и Астрахани. На нихъ изъявлялъ притязанія и турецкій султанъ, также грозившій войною московскому царю. Ханъ отговаривалъ султана отъ похода, опасаясь чрезмѣрнаго усиленія его, и не оказалъ помощи одному изъ турецкихъ пашей, неудачно дѣйствовавшему противъ Астрахани, но самъ въ 1571 году нагрянулъ на Русь. Застигнутый врасплохъ Іоаннъ долженъ былъ отступить, и крымцы, въ числѣ 120 тысячъ человѣкъ, подошли къ Москвѣ и спалили ее. На пожарищѣ, вслѣдствіе поднявшейся суматохи, погибло, по преданію, до 800 тысячъ человѣкъ и около 150 тысячъ было взято въ плѣнъ. (Вѣроятно, обѣ цифры сильно преувеличены). Ханъ сталъ домогаться большихъ поминковъ и земельныхъ уступокъ, но неудачи, постигшія его въ слѣдующемъ году, поубавили его спесь. Оборона отъ крымскихъ нашествій составляла предметъ непрестанныхъ заботъ московскаго правительства. На «дикомъ полѣ» къ югу отъ средняго теченія Оки, гдѣ бродило козачество, появились отряды московскаго войска и разъѣзды, напряженно слѣдившіе за движеніями крымцевъ; строился рядъ крѣпостей, уходившихъ все дальше на югъ, стало появляться также осѣдлое населеніе. Козаки, не мирившіеся съ постепеннымъ усиленіемъ здѣсь правительственнаго вліянія, уходили подобно своимъ днѣпровскимъ собратьямъ также на «Низъ» — въ низовье Дона и Донца, живя здѣсь самоуправляющимися общинами и по своему почину воюя съ крымцами. Опасность со стороны Крыма была одной изъ причинъ неудачъ Грознаго въ Ливонской войнѣ, начавшейся блестящими успѣхами въ 1558 году, но принявшей затѣмъ трагическій оборотъ и закончившейся невыгоднымъ миромъ въ 1582 году.

Б. Ливонская война.

Война открылась цѣлымъ рядомъ удачныхъ дѣйствій русскихъ воеводъ: взята была Нарва, затѣмъ сдался Дерптъ (прежній русскій Юрьевъ). Ливонія была страшно опустошена. Послѣ тщетныхъ попытокъ заключить миръ ливонское правительство стало искать помощи у сосѣдей и отдалось подъ покровительство Литвы, а когда ея поддержка оказалась недостаточной, то и Польши. (Впрочемъ, послѣдняя не принимала значительнаго участія въ войнѣ).

Сосѣдская помощь была добыта цѣною распада въ 1560 и 1561 гг. орденскихъ владѣній: именно, Лифляндія была присоединена къ Литвѣ, эзельскій епископъ продалъ свои земли датскому королю, который уступилъ ихъ брату своему Магнусу, Эстляндія съ Ревелемъ присягнула Швеціи. Магистеръ же (т. е. начальникъ) Ордена Кетлеръ сохранилъ за собою Курляндію, превращенную изъ духовнаго владѣнія въ свѣтское герцогство въ вассальной зависимости отъ польскаго короля. Съ этого времени Іоанну пришлось бороться уже не съ слабымъ, потрясеннымъ реформаціей, ливонскимъ правительствомъ, а съ Литвою и со Швеціей.

Въ 1563 году московское войско подъ предводительствомъ царя взяло важный торговый городъ Полоцкъ, но вскорѣ послѣ этого гетманъ Радзивиллъ нанесъ сильное пораженіе воеводѣ кн. Петру Шуйскому въ битвѣ при Оршѣ. Военныя дѣйствія прерывались продолжительными переговорами съ польско-литовскимъ правительствомъ, въ которыхъ дѣятельное участіе принималъ самъ Іоаннъ, обращаясь съ пространными рѣчами къ литовскимъ посламъ. Для заключенія выгоднаго мира онъ выражалъ желаніе вступить въ бракъ съ одной изъ сестеръ Сигизмунда II Августа. Но соглашенія не состоялось, такъ какъ Іоаннъ усиленно домогался Риги и приморскихъ городовъ Ливоніи, а литовское правительство соглашалось уступить ему только Полоцкъ и другія завоеванныя имъ мѣстности ливонскія. Такъ какъ уступка эта была все же значительна, Іоаннъ рѣшилъ созвать въ 1566 году земскій соборъ для обсужденія вопроса о заключеніи мира или о продолженіи войны. Участники собора (духовенство, бояре, московскіе служилые люди и богатѣйшіе московскіе купцы) единодушно высказали свою «мысль»—«за ливонскіе города стоять крѣпко», иными словами, поддержали намѣреніе царя продолжать войну за обладаніе Ливоніей. (Насколько важнымъ считалъ Іоаннъ пріобрѣтеніе этой приморской страны, видно изъ того, что, не будучи увѣренъ въ завоеваніи ея, онъ домогался хотя бы косвеннаго владѣнія ею и съ этой цѣлью призналъ ливонскимъ правителемъ эзельскаго властителя Магнуса, съ тѣмъ, чтобы послѣдній сдѣлался его подручникомъ, т. е. вассаломъ). Несмотря на мнѣніе собора вести войну дальше, съ Литвою было заключено кратковременное перемиріе, и переговоры продолжались. При этомъ обсуждался весьма важный вопросъ объ избраніи преемника бездѣтному Сигизмунду II Августу. Въ Польско-Литовскомъ государствѣ (какъ разъ въ это время скрѣпленномъ Люблинской уніей) были приверженцы возведенія на престолъ одного изъ сыновей Іоанна (Іоанна или Ѳеодора) или его самого. Но Іоаннъ IV не выказалъ достаточной энергіи въ отстаиваніи своей кандидатуры, и королемъ былъ избранъ французскій принцъ Генрихъ Валуа, а послѣ бѣгства его во Францію (гдѣ онъ сталъ править подъ именемъ Генриха III)—седмиградскій князь Стефанъ Баторій.

Представителю московской царствующей фамиліи не удалось всту-

нить на польско-литовскій престолъ по нѣсколькимъ причинамъ. Іоаннъ не хотѣлъ отпускать въ Польшу сына, такъ какъ самъ стремился къ полученію королевскаго сана. Однако, сознавая трудность соединенія Московскаго государства и съ Литвой и съ Польшей, онъ предпочиталъ предоставить послѣднюю кому-нибудь другому, отдѣливъ ее отъ Литвы, чего, конечно, не хотѣла допустить польская партія. Далѣе онъ считалъ ниже своего достоинства хлопотать о своемъ избраніи и подкупать вельможъ богатыми дарами. Нѣсколько рѣшительнѣе сталъ онъ дѣйствовать только послѣ того, какъ Генрихъ, неумѣвшій освоиться въ чуждой странѣ и сдѣлавшійся игрушкой въ рукахъ своевольныхъ магнатовъ, бѣжалъ тайкомъ на родину. Но притязанія Іоанна оказались уже запоздалыми. Къ тому же было не мало противниковъ его кандидатуры, которыхъ возстанавливала противъ московскаго царя его непріязнь къ Польшѣ, приверженность къ интересамъ православія, а также жестокій нравъ. (Любопытно, что московскимъ посламъ, ведшимъ переговоры, приказано было утверждать, что «государь милостивъ, а лихихъ людей вездѣ казнятъ»). Наконецъ, въ вопросъ о замѣщеніи польскаго престола вмѣшивались императоръ Максимиліанъ II, шведскій король и султанъ, поддерживая своихъ кандидатовъ. Восторжествовалъ кандидатъ султана Стефанъ Баторій, вступившій въ бракъ съ сестрой покойнаго Сигизмунда II Августа.

Избраніе на польско-литовскій престолъ блестящаго полководца Баторія побуждало Іоанна стремиться къ заключенію мира со шведскимъ королемъ, съ которымъ онъ воевалъ изъ-за Эстляндіи. Долгіе переговоры съ нимъ, сопровождавшіеся взаимными рѣзкостями въ дипломатической перепискѣ, привели только къ кратковременному перемирію.

Вѣрный своему пренебрежительному отношенію къ династіи Густава Вазы, Іоаннъ предъявлялъ шведскому королю неумѣренныя требованія и оскорблялъ его своими грамотами. Онъ настаивалъ не только на уступкѣ Эстляндіи, но и на уплатѣ Швеціей денежнаго вознагражденія, а также на присылкѣ оттуда обученнаго нѣмецкому строю военнаго отряда и разныхъ мастеровъ; онъ изъявлялъ притязанія на титулъ шведскаго царя и шведскій государственный гербъ. Въ своихъ грамотахъ Іоаннъ объявлялъ королю «грозное повелѣніе», обѣщалъ «гнѣвъ свой на всю его землю прострѣть», называлъ его «обезумѣвшимъ», бранилъ его «мужичій родъ» и, намекая на ограниченность королевской власти въ Швеціи, сравнивалъ положеніе шведскаго короля съ положеніемъ старосты въ московской волости. Въ заключеніе Іоаннъ требовалъ, чтобы король покорился и поддался ему, и ссылался на то, что варяги—шведы были подданными Ярослава Мудраго. Изъ Швеціи отвѣчали московскому царю также бранными письмами. Отношенія настолько обострились, что въ Стокгольмѣ вельможи оскорбляли московскаго посла, раздѣвали и

обыскивали его, стараясь найти у него грамоту, которую онъ не хотѣлъ давать никому другому, кромѣ короля, а въ Москвѣ задерживали шведскихъ гонцовъ подъ тѣмъ предлогомъ, что они должны учить русскихъ дѣтей шведской азбукѣ. При такихъ условіяхъ заключенное перемиріе не могло быть, конечно, прочнымъ. Не могло установиться мира и съ Рѣчью Посполитою, такъ какъ и отъ нея Грозный требовалъ очень многаго: Ливоніи, Курляндіи, Кіевской и Витебской областей, называлъ и Польшу и Литву своею вотчиною (ссылаясь на родство свое съ Гедиминовичами), а къ Стефану Баторію относился свысока, именуя его «сосѣдомъ» (а не братомъ) и укоряя его неродовитостью.

Перемиріе со Швеціей и Польско-Литовскимъ государствомъ вскорѣ смѣнилось ожесточенною борьбой въ Эстляндіи и Лифляндіи. Въ открытыхъ сраженіяхъ русскіе потерпѣли нѣсколько неудачъ, но мужественно отсиживались въ городахъ. Поворотнымъ временемъ въ войнѣ былъ 1579 годъ, когда Баторій, произведя важныя преобразованія въ строѣ своего войска (особенное значеніе онъ придавалъ пѣхотѣ и артиллеріи, а не конницѣ), началъ наступательныя дѣйствія противъ Московскаго государства, осадивъ и взявъ занятый русскими Полоцкъ и нѣсколько крѣпостей. Въ это же время врагами были опустошены Сѣверская и Смоленская области. Слѣдующіе годы принесли Баторію новые успѣхи. Упоенный удачами Баторій занесся: его пылкому воображенію грезилось покореніе всего Московскаго государства и, несмотря на несочувствіе къ его завоевательнымъ планамъ шляхты, тяготившейся частыми походами, онъ стремился къ продолженію войны. Роли враждующихъ сторонъ перемѣнились: гордому, самолюбивому Іоанну пришлось искать теперь мира, поступаясь почти всѣми прежними требованіями и снося дипломатическіе уколы со стороны зазнавшагося, надменнаго Баторія. Выказанное Грознымъ миролюбіе нельзя объяснить только неустойчивостью его характера, ослабленіемъ его способностей вслѣдствіе преждевременно наступившей старости. Причины его лежатъ глубже: Московская Русь испытывала въ эти годы тяжелыя послѣдствія опричнины. Въ государствѣ не только крѣпло общественное недовольство, но и силы его были надорваны: вслѣдствіе частыхъ побѣговъ крестьянъ, вслѣдствіе разстройства землевладѣнія, центръ Московскаго государства пустѣлъ, не давалъ ни ратныхъ людей, ни доходовъ. Сознаніе этого государственнаго недуга вселяло Грозному мысль о невозможности продолженія войны и побуждало его къ уступкамъ.

Іоаннъ соглашался уступить Баторію всю Лифляндію за исключеніемъ нѣсколькихъ городовъ. Московскимъ посламъ, ведшимъ переговоры, приказано было сносить нарушенія установленнаго этикета при пріемѣ ихъ и, «если ихъ станутъ безчестить, тѣснить, досаждать, бранить, то жаловаться на это слегка, а прытко объ этомъ не говорить, терпѣть». И, дѣйствительно, послы сносили униженія, чуть не

побои, выслушивали «великія задорныя рѣчи и непригожія слова». Въ случаѣ заключенія мира Іоаннъ соглашался на то, чтобы въ грамотахъ поляки не титуловали его царемъ, мирился даже съ тѣмъ, что Баторій не станетъ величать его «братомъ» (прежде, какъ мы видѣли, Іоаннъ отказывалъ Баторію въ этомъ наименованіи). Но въ концѣ концовъ надменность короля взбѣсила Грознаго и въ своей грамотѣ онъ разразился цѣлымъ рядомъ упрековъ. Онъ негодовалъ на «превозношеніе и безмѣріе» Баторія, на его страсть къ кровопролитію, на «умаленіе христіанства» въ его землѣ, на то, что, воюя съ Москвою, король уповаетъ, главнымъ образомъ, на измѣнниковъ въ родѣ Курбскаго и другихъ. Баторій, въ свою очередь, отвѣчалъ дерзкимъ письмомъ, называя Іоанна «Фараономъ московскимъ, волкомъ, вторгнувшимся къ овцамъ, человѣкомъ, исполненнымъ яда», упрекая его въ трусости и т. д.

Вслѣдствіе заносчивости Баторія мирные переговоры были прерваны, и король приступилъ къ осадѣ сильнѣйшей русской крѣпости Пскова, защищаемой самымъ способнымъ изъ московскихъ воеводъ, кн. Иваномъ Петровичемъ Шуйскимъ. Псковъ стойко выдерживалъ ожесточенную осаду и не сдавался. Но опасность пришла съ другой стороны: шведы подъ начальствомъ Делагарди успѣшно дѣйствовали противъ русскихъ въ Кореліи и Эстляндіи, а во время осады Баторіемъ Пскова они взяли Нарву и, наконецъ, овладѣли русскими городами: Ивангородомъ, Ямомъ и Копорьемъ. Угрожаемый съ двухъ сторонъ наступленіемъ сильныхъ враговъ, измученный долгой войной, Грозный обратился къ папѣ Григорію XIII, ища его содѣйствія для заключенія мира съ Баторіемъ.

Въ качествѣ посредника между противниками выступилъ папскій посолъ, образованный хитрый іезуитъ Антоній Поссевинъ. Главною цѣлью его было склонить московскаго царя къ принятію уніи; свое посредничество въ веденіи мирныхъ переговоровъ онъ, естественно, ставилъ въ зависимость отъ возможности достиженія этой цѣли. Поэтому, когда Поссевинъ убѣдился, что Іоаннъ, несмотря на всѣ уговоры, не соглашается не только на унію, но даже на постройку католической церкви въ Москвѣ для пріѣзжихъ иностранцевъ, онъ сталъ высказывать пристрастіе въ пользу Баторія. Перемиріе на 10 лѣтъ, заключенное въ 1582 году (у мѣстечка Запольскаго Яма), было невыгодно для Московскаго государства: Іоаннъ отказывался отъ своихъ завоеваній въ Литвѣ и отъ Лифляндіи. Еще менѣе выгодно было перемиріе со шведами въ 1583 году: они удерживали Эстляндію и захваченные ими русскіе города.

В. Сношенія съ Англіей.

Въ послѣдніе годы жизни Іоаннъ пытался заключить союзъ и породниться съ англійской королевой Елизаветой, чтобы съ ея помощью дѣйствовать противъ своихъ враговъ. Но англійское правительство, домогаясь разныхъ торговыхъ выгодъ и права исключительной тор-

говли въ Россіи, не соглашалось, однако, на формальный союзъ. Стремленіе Грознаго утвердиться на Балтійскомъ морѣ и завязать сношенія съ Западомъ не осуществилось. Судьба указывала ему путь на Востокъ: при немъ русская колонизація, занявъ бассейнъ Волги, перешагнула и за Уралъ, чтобы затѣмъ постепенно распространиться по необозримой Сибири.

§ 7. Завоеваніе Сибирскаго царства.

Русскіе люди открыли дорогу за Уралъ еще задолго до Іоанна IV: въ очень давнее время здѣсь промышляли новгородцы, а ратные люди Іоанна III покоряли Югорскую землю, простиравшуюся до р. Оби. Послѣ завоеванія Казани властитель такъ называемаго Сибирскаго татарскаго ханства, образовавшагося въ срединѣ нынѣшней Тобольской губерніи, добровольно отдался подъ покровительство Іоанна, обязавшись «быть у него въ холопствѣ и платить ежегодную дань». Но вслѣдствіе отдаленности Сибирскаго ханства зависимость его отъ Москвы была мнимой: смѣнявшіеся и враждовавшіе другъ съ другомъ ханы отказывались отъ дани, а ханъ Кучумъ сталъ враждебно относиться къ Москвѣ, нападая на подвластныхъ Московскому царю инородцевъ (напр., остяковъ) и убивая московскихъ пословъ. Чтобы утвердиться за Ураломъ, необходимо было заселить пустынныя пріуральскія земли.

Надъ такимъ заселеніемъ трудилась богатая предпріимчивая семья Строгановыхъ. Еще при Василіи III она владѣла большими земельными участками въ Устюжскомъ уѣздѣ, а у Іоанна IV выпросила себѣ громадныя земли по рѣкѣ Камѣ и на среднемъ Уралѣ. Чтобы заселить и оживить эти пустыни, Строгановы выхлопотали разрѣшеніе зазывать къ себѣ незаписанныхъ въ тягло людей, получили къ тому же различныя поземельныя и торговыя льготы. Имъ было предоставлено также право самостоятельно вѣдать и судить своихъ поселенцевъ и строить «города», т. е. крѣпости, для защиты своихъ владѣній отъ набѣговъ еще непокоренныхъ восточныхъ инородцевъ и враждебнаго Кучума. Въ качествѣ ратныхъ людей у Строгановыхъ появились козаки съ Дона и Волги. Нѣкоторые козацкіе отряды надѣялись вѣрной службой Строгановымъ заслужить себѣ прощеніе у московскаго правительства за разбои и грабежи на «дикомъ полѣ». Строгановы въ свою очередь разсчитывали при козацкой помощи пріобрѣсть «землицы» и за Ураломъ.

Подъ осень 1581 года отрядъ, составленный изъ гарнизоновъ строгановскихъ крѣпостей и изъ козаковъ, численностью въ 840 человѣкъ, подъ начальствомъ атамана Ермака Тимофеева перешелъ Уральскій хребетъ и отважно двинулся впередъ по сибирскимъ рѣкамъ. Отряды Кучума были разбиты въ нѣсколькихъ стычкахъ,

столица его,—Сибирь,—захвачена, а самъ онъ бѣжалъ. Успѣхи козаковъ въ значительной степени объясняются тѣмъ, что они пользовались огнестрѣльнымъ оружіемъ, котораго не знали сибиряки. Въ 1582 году были покорены татарскіе городки по Иртышу и Оби, и Ермакъ отправилъ посланцевъ къ царю и къ Строгановымъ съ вѣстью о своихъ завоеваніяхъ. Самъ Ермакъ вскорѣ утонулъ при неожиданномъ ночномъ нападеніи татаръ на его стоянку, но царскіе воеводы, посланные на помощь козакамъ, закончили его дѣло, утвердивъ русскую власть въ бассейнѣ рѣки Оби. Завоеваніе Сибирскаго ханства (соотвѣтствующаго приблизительно нынѣшней Тобольской губерніи) нѣсколько скрасило послѣдніе мрачные годы царствованія Грознаго, годы внѣшнихъ неудачъ и глубокаго общественнаго недовольства. Боярство было озлоблено опричниной, казнями и опалами, средніе служилые люди изнемогали подъ бременемъ военныхъ повинностей и разорялись вслѣдствіе побѣговъ крестьянъ. Тяглое населеніе жило сносно лишь въ промышленныхъ сѣверныхъ областяхъ, не знавшихъ служилаго землевладѣнія, которое, какъ выше сказано, тяжко отражалось на бытѣ посадскихъ людей и крестьянъ средины и юга Московской Руси. Эти крестьяне, разоренные, задолженные, впавшіе въ частную зависимость, раздраженные надвигавшейся неволей, массами бѣжали съ своихъ хозяйствъ, вступая въ ряды козачества, не терпѣвшаго никакой власти и враждебно относившагося къ московскимъ порядкамъ.

ЧАСТЬ II.

Смутное время.

Введеніе. Причина и общій ходъ смуты.

Недовольство почти всѣхъ классовъ населенія политическими и общественными порядками, установившимися въ XVI вѣкѣ, послужило причиной смуты. Наступленіе ея было ускорено тѣмъ положеніемъ, которое создалось при царскомъ дворѣ послѣ смерти Грознаго. Іоаннъ IV, скончавшійся 18 марта 1584 года, оставилъ двухъ сыновей: Ѳеодора и Димитрія. Оба они были неспособны къ правленію: первый — вслѣдствіе болѣзненности и умственной отсталости, второй — вслѣдствіе малолѣтства (ему шелъ третій годъ). Вступившій на престолъ Ѳеодоръ Іоанновичъ долженъ былъ предоставить веденіе государственныхъ дѣлъ своимъ приближеннымъ боярамъ. Между ними начались распри изъ-за вліянія, изъ-за власти. Съ этого и пошла смута.

Послѣ кончины Димитрія, считавшагося наслѣдникомъ престола, а затѣмъ и самого Ѳеодора, въ лицѣ котораго угасала царствовавшая династія, боярскіе споры и раздоры приняли грозный характеръ,

превратившись въ борьбу за московскій престолъ. Выйдя изъ тѣснаго придворнаго круга, смута постепенно захватила широкіе слои населенія: и служилыхъ людей, и козачество, а затѣмъ и весь народъ. Разрастаясь какъ лавина, она втянула въ свое бурное теченіе также сосѣдей-иноземцевъ, старавшихся использовать расшатанность Московскаго государства для своекорыстныхъ цѣлей. Торжество иностранцевъ пробудило въ русскомъ народѣ національное движеніе во имя борьбы съ чужеземнымъ вмѣшательствомъ и возстановленія порядка. Таковъ былъ общій ходъ смуты. Начавшаяся со вступленія на престолъ Ѳеодора Іоанновича, она закончилась воцареніемъ Михаила Ѳеодоровича Романова.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Борьба за власть и за московскій престолъ.

§ 1. Распри въ началѣ царствованія Ѳеодора и возвышеніе Годунова.

Руководителями болѣзненнаго, кроткаго и набожнаго царя Ѳеодора I являлись тѣ же лица, которыя окружали въ послѣдніе годы его отца. По большей части, это были царскіе родственники и свойственники: Н. Р. Юрьевъ (братъ покойной царицы Анастасіи), Б. Ѳ. Годуновъ (братъ супруги Ѳеодора, царицы Ирины), князья Мстиславскіе и Шуйскіе. Къ нимъ примыкало еще нѣсколько довѣренныхъ лицъ, возвышенныхъ за заслуги Грознымъ, въ томъ числѣ два «великихъ» дьяка Щелкаловы. Другіе родственники Іоанна—Нагіе вмѣстѣ съ его любимцемъ Богданомъ Бѣльскимъ сгруппировались вокругъ малютки Димитрія и его матери, вдовствующей царицы Маріи.

Приближенные Ѳеодора опасливо смотрѣли на кружокъ Димитрія. Нагихъ и Бѣльскаго подозрѣвали въ замыслахъ противъ царя въ пользу его младшаго брата. Поэтому тотчасъ послѣ смерти Грознаго его вдова съ братьями и съ сыномъ были удалены въ Угличъ, назначенный Димитрію въ удѣлъ (Димитрій можетъ поэтому считаться послѣднимъ удѣльнымъ княземъ). Другіе родственники ея, а также Бѣльскій, были посланы изъ Москвы на воеводства. Удаленіемъ Димитрія и его близкихъ надѣялись упрочить положеніе Ѳеодора [1]).

Избавившись отъ возможнаго соперничества Нагихъ, приближенные царя Ѳеодора вскорѣ принялись за личные счеты. Знатнѣйшимъ

[1]) Въ теченіе нѣкотораго времени послѣ смерти Грознаго положеніе Ѳеодора, повидимому, вообще было непрочнымъ. Указаніе на это можно видѣть въ томъ, что для утвержденія его на престолѣ былъ созванъ весною 1584 года земскій соборъ.

въ ихъ кругу былъ старшій представитель Шуйскихъ, князь Иванъ Петровичъ. Ему уступалъ по своей родовитости кн. И. Ѳ. Мстиславскій, вознесенный, однако, очень высоко милостями Грознаго. Но не этимъ княжатамъ и не ихъ родовитымъ родственникамъ, пощаженнымъ бурями опричнины, принадлежало преобладающее вліяніе въ первые мѣсяцы царствованія Ѳеодора. Оно сосредоточивалось въ рукахъ Никиты Романовича Юрьева. Когда же онъ заболѣлъ и скончался (въ апрѣлѣ 1585 года), то мѣсто его захотѣлъ занять царскій шуринъ Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ.

По своимъ исключительнымъ способностямъ онъ заслуживалъ этого. Обладая необыкновенно крупнымъ умомъ, прирожденнымъ лукавствомъ, рѣдкой изворотливостью, искусствомъ сохранять въ трудныхъ обстоятельствахъ невозмутимое присутствіе духа, надѣвать на себя соотвѣтствующую личину и удачно подыскивать нужныя средства для достиженія ясно сознаваемой цѣли, Борисъ сумѣлъ возвыситься уже при Грозномъ, и, несмотря на свое родство съ злодѣемъ Малютой-Скуратовымъ-Бѣльскимъ, на дочери котораго, Маріи, онъ былъ женатъ, несмотря на ревностную службу въ опричнинѣ, онъ не забрызгалъ себя ея кровью и грязью, не связалъ замѣтно своего имени съ ея страшными и темными дѣлами. То «злое сластолюбіе власти» и то «хитростройное пронырство», въ которыхъ упрекаютъ Бориса писатели начала XVII вѣка, не помѣшало ему проявить много «свѣтлодушія», т. е. мягкости, и «ласки великой людямъ», а во всей своей послѣдующей дѣятельности Борисъ никогда не упускалъ изъ виду государственныхъ интересовъ, искусно сочеталъ личныя своекорыстныя стремленія съ широкими, полезными замыслами, съ желаніемъ блага Руси. Однако при всемъ этомъ лживая и жестокосердая школа Грознаго наложила на него свои слѣды.

Руководимый своимъ изощреннымъ, тонкимъ и чуткимъ умомъ, Годуновъ твердыми и равномѣрными шагами проторялъ себѣ надежный путь къ власти. Опору своимъ вожделѣніямъ онъ находилъ, во-первыхъ, въ близкомъ родствѣ съ царемъ, во-вторыхъ въ «завѣщательномъ (т. е. традиціонномъ) союзѣ дружбы» съ роднею покойнаго Никиты Романовича, получившею фамилію Романовыхъ, въ-третьихъ, въ тѣсныхъ пріятельскихъ отношеніяхъ съ вліятельными и опытными дьяками Щелкаловыми. Все это помогло Борису смести со своего пути возможныхъ соперниковъ. Легко осилилъ онъ стараго князя И. Ф. Мстиславскаго, пославъ его на постриженіе въ монастырь. Здѣсь Мстиславскій скоро умеръ. Еще раньше подверглись опаламъ нѣкоторые его сторонники. Больше хлопотъ стоили Годунову Шуйскіе, крѣпко стоявшіе за себя, не поддававшіеся ему ни въ чемъ. Но ихъ погубила та яма, которую они хотѣли вырыть Годунову. Справедливо считая, что прочность положенія Бориса зиждется, главнымъ образомъ, на родствѣ его съ царемъ, Шуйскіе, стакнувшись съ митрополитомъ Діонисіемъ и привлекши на свою

сторону широкіе круги московскаго населенія, обратились (въ 1587 г.) къ Ѳеодору Іоанновичу съ челобитьемъ, чтобы онъ развелся со своей бездѣтной женой Ириною и вступилъ бы во второй бракъ. Смѣлая затѣя Шуйскихъ оказалась роковой для нихъ, и ударъ, направленный противъ Годунова, обрушился на ихъ головы: царь усмотрѣлъ въ челобитьѣ оскорбительное вмѣшательство въ свои семейныя дѣла, и старшіе Шуйскіе поплатились ссылкой, гдѣ скоро скончались. Нѣкоторые ихъ сторонники изъ простонародья были казнены, а митрополитъ смѣщенъ. Младшіе отпрыски рода Мстиславскихъ и Шуйскихъ, уцѣлѣвшіе при Московскомъ дворѣ, не были опасны Годунову, и онъ сдѣлался полномочнымъ правителемъ государства и вполнѣ закрылъ своею властною фигурою избѣгавшаго «мірской суеты и докуки» Ѳеодора, именемъ котораго онъ все творилъ.

Честолюбивый Борисъ не могъ остановиться на этомъ. Дальнѣйшей цѣлью себѣ онъ поставилъ—узаконить свое исключительное положеніе, добиться признанія своей первенствующей роли не только на дѣлѣ, но и на оффиціальномъ языкѣ. Достигнулъ онъ этого тремя способами: 1) съ разрѣшенія государя придумалъ себѣ весьма пышный титулъ (конюшій, слуга, дворовый воевода, намѣстникъ Казанскій и Астраханскій, правитель; англичане называли Бориса лордомъ-протекторомъ и считали его соправителемъ Ѳеодора), 2) добился права самостоятельныхъ дипломатическихъ сношеній съ иностранными дворами, 3) окружилъ себя великолѣпнымъ этикетомъ, представлявшимъ сколокъ съ царскаго. Борисъ сумѣлъ извлечь извѣстную выгоду для себя и изъ важнѣйшаго церковнаго событія въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича, именно, изъ учрежденія на Руси въ 1589 году патріаршества.

§ 2. Учрежденіе патріаршества.

Учрежденіе патріаршества являлось естественнымъ слѣдствіемъ положенія, занятаго въ это время Русскою Церковью. Какъ извѣстно, съ половины XV вѣка (со времени поставленія Іоны) она сдѣлалась національной и самостоятельной (автокефальной); однако ея зависимость отъ Греческой Церкви не была уничтожена оффиціально, и духовный представитель могущественнѣйшаго православнаго государства, «третьяго Рима»—московскій митрополитъ—продолжалъ считаться зависимымъ отъ константинопольскаго патріарха, бывшаго въ это время подданнымъ турецкаго султана. Московскимъ людямъ, такъ заботившимся о внѣшнемъ блескѣ своей Церкви, было, конечно, трудно мириться съ этимъ. Они, естественно, стремились увѣнчать Русскую Церковь высокимъ саномъ патріарха. Далѣе, принятіе царскаго титула Іоанномъ IV также должно было возбуждать мысль о необходимости патріаршества, такъ какъ, по византійскимъ понятіямъ заимствованнымъ Русью, наряду съ царемъ (цесаремъ) непремѣнно долженъ былъ существовать патріархъ.

Задумавъ учредить патріаршество, правительство Ѳеодора Іоанновича не рѣшилось, однако, сдѣлать этого безъ вѣдома и разрѣшенія восточныхъ патріарховъ. А тутъ какъ разъ представился удобный случай завести съ ними переговоры. Въ 1586 году вмѣсто второстепенныхъ восточныхъ іерарховъ, наѣзжавшихъ прежде на Русь для сбора пожертвованій, явился въ Москву самъ антіохійскій патріархъ (Іоакимъ). Ему было заявлено о намѣреніи «устроить въ Москвѣ превысочайшій престолъ патріаршій», и его просили похлопотать объ этомъ передъ другими восточными патріархами. Однако послѣдніе отмалчивались, и только два года спустя (въ 1588 году) въ Москву пріѣхалъ константинопольскій патріархъ Іеремія. Необходимо было столковаться съ нимъ, при чемъ московское правительство для достиженія желанной цѣли рѣшило прибѣгнуть къ искусной уловкѣ. Чтобы побудить Іеремію согласиться на учрежденіе патріаршества, ему предложили самому стать русскимъ патріархомъ, но затѣмъ обставили это предложеніе непріемлемыми для него условіями. Именно, его просили жить не въ Москвѣ, а во Владимірѣ, т. е. въ удаленіи отъ двора и вмѣстѣ съ тѣмъ отъ всякаго политическаго вліянія. Уловка удалась: Іеремія, котораго, какъ грека, русскіе люди вовсе не желали имѣть во главѣ своей Церкви, отказался отъ лестнаго предложенія, но, давъ согласіе на учрежденіе патріаршества, онъ вынужденъ былъ волей-неволей поставить патріархомъ желаннаго для московскаго правительства и преданнаго Борису Годунову московскаго митрополита Іова. Черезъ нѣсколько лѣтъ (въ 1593 г.) соборъ восточныхъ іерарховъ, созванный въ Константинополѣ, оффиціально подтвердилъ учрежденіе московскаго патріаршества. Вмѣстѣ съ возведеніемъ московскаго митрополита въ санъ патріарха четыре архіепископа: новгородскій, казанскій, ростовскій и крутицкій (викарій московскаго митрополита) получили санъ митрополитовъ.

Новыя высокія званія не измѣнили, однако, существа дѣла: отъ прежнихъ московскихъ митрополитовъ патріархъ сталъ отличаться только внѣшними признаками (болѣе роскошнымъ облаченіемъ, исключительными правами при богослуженіи, большимъ количествомъ состоявшихъ при немъ должностныхъ лицъ), а не какими-либо особыми правами. Равнымъ образомъ четыре новыхъ митрополита остались при своихъ старыхъ архіепископскихъ правахъ [1]). Отношенія между свѣтской и духовной властями также сохранились неизмѣнными: государь имѣлъ полную возможность вліять на избраніе па-

[1]) Къ концу XVII вѣка число русскихъ епархій возросло: именно, ихъ имѣлось: патріаршая, 13 митрополичьихъ, 7—архіепископскихъ, 2 епископскихъ. Равнымъ образомъ къ этому времени усложнилась и организація патріаршаго управленія: дѣла, подвѣдомственныя ему, стали поручаться не отдѣльнымъ лицамъ, а четыремъ приказамъ: 1) судному или разряду, 2) казенному (финансовому), 3) дворцовому (хозяйственному) и 4) приказу церковныхъ дѣлъ (заботившемуся о церковномъ благочиніи). Приказы устраивались также въ епархіяхъ другихъ іерарховъ.

тріарха, поставляемаго соборомъ русскихъ епископовъ, и вмѣшиваться въ церковныя дѣла. Іовъ, много потрудившійся надъ устроеніемъ Русской Церкви, былъ въ то же время ревностнымъ сподвижникомъ Бориса Годунова и оказалъ ему не мало услугъ.

§ 3. Смерть царевича Димитрія и сужденія о ней.

А. Отношенія между московскимъ и углицкимъ дворами.

Въ началѣ 90-хъ годовъ XVI вѣка полновластному правителю Борису засвѣтилась надежда на то, о чемъ онъ втайнѣ, быть можетъ, грезилъ и раньше,— надежда вступить на московскій престолъ послѣ кончины Ѳеодора. Въ первую половину царствованія Ѳеодора наслѣдникомъ считался царевичъ Димитрій. Отрицать его права на наслѣдованіе было очень трудно, хотя въ Москвѣ не всѣ считали его законнымъ сыномъ Грознаго (онъ былъ рожденъ отъ седьмого, непозволительнаго съ церковной точки зрѣнія, брака Іоанна IV), и хотя отношенія между московскимъ и углицкимъ дворами становились все болѣе и болѣе непріязненными. Московское правительство относилось къ углицкому двору и свысока и съ подозрѣніемъ. Имѣются, напр., извѣстія о томъ, что Борисъ запретилъ будто бы поминать имя Димитрія на ектеніяхъ, что о немъ старались умалчивать въ оффиціальныхъ случаяхъ, и что посланному въ Угличъ клеврету Годунова дьяку Михаилу Битяговскому было вмѣнено въ обязанность неослабно наблюдать за дѣйствіями Нагихъ. Нагіе, тяготясь своимъ поднадзорнымъ положеніемъ, постоянно ссорились съ Битяговскимъ, да и вообще окружавшіе царевича люди пылали ненавистью къ московскому правительству: царица Марія не могла примириться съ удаленіемъ (въ сущности съ ссылкой) въ захолустный Угличъ; ея братья, гордые своимъ родствомъ съ покойнымъ царемъ, были раздражены устраненіемъ ихъ отъ всякаго политическаго вліянія. Ненависть къ московскому боярству внушалась и малолѣтнему Димитрію, который, какъ можно судить по показаніямъ иностранцевъ, унаслѣдовалъ отчасти отцовское жестокосердіе и въ своихъ дѣтскихъ играхъ проявлялъ злобное отношеніе къ боярамъ[1]). Изъ словъ русскаго повѣствователя начала XVII вѣка (Авраамія Палицына) также видно, что Димитрій, подъ вліяніемъ окружающихъ, «нелѣпо» (т. е. враждебно) отзывался о приближенныхъ своего брата и, въ особенности, о Борисѣ Годуновѣ, и что это съ преувеличеніями доносилось послѣднему. Весьма понятно, что при

[1]) Иностранцы разсказываютъ, напр., что однажды Димитрій велѣлъ своимъ товарищамъ сдѣлать изъ снѣга нѣсколько чурбановъ, назвалъ ихъ именами московскихъ бояръ и началъ рубить ихъ саблей, грозя, что такъ онъ расправится съ боярами, когда сдѣлается царемъ. Его упрекаютъ также въ томъ, что онъ забавлялся мученіями животныхъ.

натянутости отношеній между московскимъ и углицкимъ дворами и при невозможности законнымъ образомъ устранить Димитрія отъ престолонаслѣдія, въ народѣ ходили слухи, будто враги готовы отдѣлаться отъ него преступнымъ путемъ. Отголосокъ этихъ слуховъ замѣтенъ въ сочиненіи одного очень наблюдательнаго и правдиваго англичанина (Флетчера), посѣтившаго Московское государство въ 1588—89 г.г. Предсказывая потрясенія, грозящія въ будущемъ Московской Руси, расшатанной политикой Грознаго, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ упоминаетъ, что «жизнь царевича находится въ опасности отъ покушеній со стороны тѣхъ, которые простираютъ свои виды на обладаніе престоломъ въ случаѣ бездѣтной смерти царя». Изъ этихъ словъ видно, что, вѣроятно, не одинъ Борисъ Годуновъ лелѣялъ мечту о царствѣ.

Б. Кончина Димитрія и слѣдствіе.

15 мая 1591 года царевича Димитрія не стало. Обстоятельства его внезапной кончины темны и загадочны: среди дня во внутреннемъ дворѣ углицкаго дворца онъ палъ мертвымъ; горло его было перерѣзано ножомъ. Смерть Димитрія вызвала въ Угличѣ страшное смятеніе и большіе безпорядки, выразившіеся въ убійствѣ Михаила Битяговскаго, его сына и еще нѣсколькихъ близкихъ ему лицъ, которыхъ подозрѣвали въ убіеніи царевича.

Когда въ Москвѣ узнали объ углицкихъ событіяхъ, то оттуда немедленно прислали въ Угличъ для производства слѣдствія князя Василія Ивановича Шуйскаго, окольничаго Клешнина (родственника Годунова), дьяка Вылузгина и крутицкаго митрополита Геласія. Имъ было вмѣнено въ обязанность выяснить, «какимъ обычаемъ (т. е. образомъ) царевича не стало, и что у него за болѣзнь была». Слѣдователи допросили Нагихъ, затѣмъ очевидцевъ смерти Димитрія, нѣсколькихъ представителей духовенства, дворовыхъ и должностныхъ лицъ и, наконецъ, нѣкоторыхъ посадскихъ людей, виновныхъ въ избіеніи предполагаемыхъ убійцъ царевича, записали ихъ показанія и пріобщили къ нимъ документы. Все это составило такъ называемое «слѣдственное дѣло». Оно изображаетъ происшедшее событіе слѣдующимъ образомъ: 15 мая царевичъ въ присутствіи своей мамки (Василисы Волоховой), кормилицы и постельницы игралъ во дворѣ со своими сверстниками, держа въ рукахъ ножъ. Въ это время съ нимъ случился припадокъ падучей болѣзни, которою онъ въ сильной степени страдалъ и раньше. Въ припадкѣ царевичъ самъ накололся на ножъ и умеръ на рукахъ кормилицы. Выбѣжавшая изъ дворца царица, обезумѣвъ отъ ужаса и отчаянія, стала бить мамку Волохову полѣномъ, крича, будто царевича зарѣзали ея, мамкинъ, сынъ (Осипъ Волоховъ), сынъ Битяговскаго (Данила) и Никита Качаловъ. Между тѣмъ Угличъ огласился набатнымъ звономъ, на который сбѣжалась во дворъ большая толпа. М. Битяговскій, также явившійся сюда, «началъ разговаривать» (стараясь, вѣроятно, успокоить разбу-

шевавшійся народъ), но былъ убитъ. Затѣмъ, по наущенію Нагихъ, умерщвлены были и другія оговоренныя царицей лица и ихъ близкіе, какъ бывшіе во дворѣ, такъ и находившіеся въ другихъ мѣстахъ города. Далѣе слѣдственное дѣло устанавливаетъ, что Нагіе сами испугались вызванныхъ ими безпорядковъ, старались до пріѣзда слѣдователей создать улики, доказывающія убіеніе царевича [1]), а на допросѣ лишь глухо утверждали, что Димитрій зарѣзанъ, не выясняя даже, отъ кого они знаютъ объ этомъ; свое же подстрекательство къ убійствамъ Битяговскаго и другихъ они всячески отрицали.

О результатахъ разслѣдованія Шуйскій и его товарищи доложили въ Москву. По повелѣнію царя, углицкое дѣло было отдано на обсужденіе духовнаго собора подъ предсѣдательствомъ патріарха. Въ дополненіе къ матеріалу, добытому слѣдствіемъ, митрополитъ Геласій передалъ собору устное заявленіе царицы Маріи, въ которомъ она признавала, будто бы, убійство Битяговскаго и другихъ грѣшнымъ и неправымъ дѣломъ и просила оказать снисхожденіе Нагимъ. Соборъ обвинилъ Нагихъ и угличанъ въ самоуправствѣ и избіеніи неповинныхъ людей (Битяговскаго и другихъ), предоставивъ свѣтской власти назначить имъ наказанія. По приговору государя и бояръ, царица Марія была пострижена подъ именемъ Марѳы въ одинъ изъ отдаленныхъ монастырей, Нагіе — отправлены въ ссылку въ разные города, многіе бунтовщики-угличане были казнены, другіе—сосланы въ Пелымъ. Итакъ, московское правительство признало самоубійство царевича въ припадкѣ падучей болѣзни, а происшедшіе вслѣдъ за этимъ безпорядки объяснило самоуправствомъ Нагихъ.

В. Слухи объ убіеніи царевича и сказанія объ его мученической смерти.

Однако взгляды правительства раздѣлялись далеко не всѣми: въ народѣ распространялись слухи, записанные иностранцами, что Димитрій убитъ Битяговскимъ и его клевретами по наущенію московскихъ бояръ. Главнымъ подстрекателемъ къ убійству стали затѣмъ называть Бориса Годунова. Съ теченіемъ времени подъ вліяніемъ событій, о которыхъ будетъ сказано ниже, эти глухіе слухи и сплетни все крѣпли и крѣпли. Въ началѣ XVII вѣка, когда, какъ увидимъ, во главѣ московскаго правительства стояли люди, враждебные Годунову, и когда Димитрій, какъ мученикъ, былъ причисленъ къ лику святыхъ, виновность Годунова въ смерти его возвѣщалась уже оффиціально.

---

[1]) Такъ, напр., они будто бы много разъ заставляли клясться углицкаго городового прикащика (это—очень важная и отвѣтственная должность; занималъ ее въ это время нѣкій Раковъ) въ томъ, что онъ будетъ на ихъ сторонѣ, побуждали его положить на тѣла убитыхъ, по ихъ наущенію, лицъ ножи и сабли, вымазанные куриною кровью, какъ доказательство ихъ преступленія, съ безпокойствомъ ждали пріѣзда слѣдователей. Любопытно также показаніе одного изъ свидѣтелей, будто одинъ изъ Нагихъ (Михаилъ), бывшій притомъ главнымъ зачинщикомъ безпорядковъ, въ день 15 мая былъ совершенно пьянъ.

Въ это же время какъ въ запискахъ иностранцевъ, такъ и у русскихъ писателей встрѣчаются упоминанія или разсказы объ убіеніи царевича по повелѣнію преступнаго Годунова. Сперва они были очень смутны и кратки, но затѣмъ становятся все болѣе и болѣе обстоятельными и, наконецъ, въ 20-хъ годахъ XVII вѣка въ лѣтописномъ сводѣ (извѣстномъ подъ названіемъ «Новый Лѣтописецъ») появляется обширное сказаніе «О убіеніи царевича Димитрія Іоанновича и о запустѣніи града Углеча», въ которомъ описываются отношенія Бориса къ царевичу и картинно изображается убіеніе его 15 мая.

Сущность сказанія сводится къ слѣдующему: Борисъ издавна злоумышлялъ противъ царевича и пытался отравить его, но такъ какъ ядъ, по волѣ Божіей, не дѣйствовалъ, рѣшено было прибѣгнуть къ ножу. При посредствѣ Клешнина убійство поручается двумъ лицамъ (Владиміру Загрязскому и Никифору Чепчюгову), но они съ негодованіемъ отказываются отъ преступнаго предложенія. Тогда Клешнинъ находитъ исполнителей воли Бориса въ лицѣ Битяговскаго, его родственниковъ и клевретовъ. Царица чуетъ бѣду и всячески охраняетъ сына, но злодѣи, въ числѣ которыхъ находился сынъ мамки царевича, Волоховой, привлекаютъ Волохову на свою сторону и съ ея помощью рѣшаютъ осуществить свой замыселъ 15 мая 1591 года. Въ этотъ день мамка, по предварительному уговору, вывела на крыльцо Димитрія. Волоховъ подошелъ къ нему, взялъ его за руку и спросилъ: «Государь, у тебя надѣто новое ожерелье?» Димитрій отвѣтилъ: «Нѣтъ, это старое» и поднялъ голову, чтобы показать его. Воспользовавшись этимъ, Волоховъ ударилъ царевича ножомъ въ горло, но не пронзилъ гортани. Кормилица (не мамка) кинулась къ ребенку и стала кричать. Волоховъ убѣжалъ, а два другіе злодѣя (сынъ Битяговскаго и Качаловъ) исколотили кормилицу и добили царевича. Затѣмъ разсказывается объ отчаяніи царицы, о поднявшейся тревогѣ и безпорядкахъ и о посылкѣ въ Москву гонца съ извѣстіемъ о случившемся. По приказанію Бориса, грамота гонца была будто бы передѣлана въ томъ смыслѣ, что царевичъ закололся самъ. Въ заключеніе говорится о пріѣздѣ В. И. Шуйскаго, объ его плачѣ надъ трупомъ и о томъ, что онъ, несмотря на единодушное утвержденіе всѣхъ угличанъ, будто царевичъ убитъ по повелѣнію Бориса, неправедно донесъ царю о самоубійствѣ и навлекъ этимъ наказаніе на жителей Углича. Существуетъ еще другое обстоятельное сказаніе объ убіеніи Димитрія, изобилующее правдивыми подробностями, но не вполнѣ согласное съ изложеннымъ.

Итакъ, между слѣдственнымъ дѣломъ, составленнымъ нѣсколько дней спустя послѣ кончины Димитрія (слѣдствіе производилось 20-го мая) и различными сказаніями, возникшими много лѣтъ послѣ нея, существуетъ непримиримое противорѣчіе въ отвѣтѣ на главный вопросъ.

Г. Отношеніе исторической науки къ вопросу о виновности Бориса въ убіеніи Димитрія.

Этимъ противорѣчіемъ объясняется и различное толкованіе смерти царевича исторической наукой. Въ прежнее время огромное большинство историковъ, отдавая предпочтеніе сказаніямъ и запискамъ иностранцевъ, утверждало убійство и поносило Бориса, какъ злодѣя. Число историковъ-защитниковъ Годунова, весьма небольшое раньше, въ послѣдніе годы все растетъ и растетъ, такъ какъ крѣпнетъ вѣра въ правдивость слѣдственнаго дѣла.

Въ пользу него говорятъ: 1) близость составленія его къ совершившимся событіямъ, затрудняющая возможность намѣреннаго искаженія истины (трудно поддѣлывать показанія свидѣтелей, когда послѣдніе, находясь въ живыхъ, могутъ опровергнуть поддѣлку); 2) живость многихъ записанныхъ показаній (напр., припадки падучей болѣзни, которою страдалъ царевичъ, описываются очень ярко и естественно); 3) отсутствіе замѣтныхъ противорѣчій между свидѣтельствами очевидцевъ смерти царевича. (Наиболѣе подробно показывала Волохова, сообщенія кормилицы, постельницы, дѣтей и одного дворового человѣка весьма кратки, но въ главныхъ чертахъ сходны со словами Волоховой; 4) полная неопредѣленность показаній свидѣтелей, утверждавшихъ, что царевичъ убитъ. (Никто явно не признаетъ себя очевидцемъ убіенія, а тѣ, которые говорятъ о немъ, ограничиваются лишь заявленіями, что они слышали, будто царевичъ зарѣзанъ, при чемъ нѣкоторые не выясняютъ даже источника этихъ слуховъ. Напр., Григорій Нагой показываетъ, что объ убіеніи Димитрія начали говорить «невѣдомо кто»).

Однако многое можно сказать и противъ правдивости слѣдственнаго дѣла: I. Какъ легко предположить, первое сообщеніе въ Москву объ углицкихъ событіяхъ сдѣлано было городовымъ прикащикомъ Углича Раковымъ, который въ своей челобитной приписываетъ смерть царевича самоубійству въ припадкѣ падучей и сообщаетъ о преступныхъ дѣйствіяхъ Нагихъ (весьма естественно, что Раковъ, какъ должностное лицо, представилъ дѣло такъ лишь для того, чтобы снять съ себя хоть часть отвѣтственности за безпорядки). Получивъ такое сообщеніе, слѣдователи выѣхали въ Угличъ, очевидно, съ предвзятой мыслью о самоубійствѣ и о виновности Нагихъ. Предвзятость замѣтна, напр., въ вопросахъ, заданныхъ М. Нагому, допрашивавшемуся первымъ: «которымъ обычаемъ царевича Димитрія не стало, и что его болѣзнь была, и для чего онъ (Нагой) велѣлъ убить Битяговскаго и другихъ и для чего велѣлъ сбирать ножи... и класти на убитыхъ людей... и почему Ракова приводилъ къ цѣлованію, что ему стояти съ нимъ за одинъ и противъ кого было имъ стояти» (см. примѣчаніе выше). II. Трудно представить, чтобы подборъ слѣдователей сдѣланъ

былъ безъ вѣдома Бориса [1]); поэтому слѣдственную комиссію можно заподозрить въ пристрастіи. Борисъ могъ повліять и на рѣшеніе патріарха и собора. III. Легко допустимымъ пристрастіемъ слѣдователей можно объяснить краткость и неопредѣленность записи показаній, подтверждающихъ убійство, а также недопросъ нѣкоторыхъ, повидимому важныхъ, свидѣтелей (напр., пономаря, который первый ударилъ въ набатъ) и, въ особенности, царицы. (Впрочемъ, ее, быть можетъ, не допрашивали изъ уваженія къ ея высокому сану). Подозрительнымъ представляется также и то, что кормилица царевича, которая была очевидицей его смерти и, по вышеприведенному сказанію, старалась защитить его, вскорѣ послѣ слѣдствія вмѣстѣ со своимъ мужемъ была подъ строгой охраной («чтобы съ дороги не утекла и дурна надъ собою не учинила») вытребована въ Москву. Ея дальнѣйшая судьба неизвѣстна. IV. Возбуждаетъ нѣкоторое недоумѣніе и самое описаніе смерти Димитрія: очень странно, что онъ, держа ножъ въ рукахъ, во время судорогъ припадка нанесъ себѣ рану именно въ горло; было бы естественнѣе, если бы онъ искололъ себя въ разныхъ мѣстахъ.

Все, что говоритъ противъ «слѣдственнаго дѣла», можно обратить въ пользу слуховъ, упоминаній и сказаній объ убіеніи царевича и виновности въ этомъ Бориса. Но и послѣднія далеко не безупречны: I. Какъ упомянуто выше, первыя извѣстія о виновности Бориса въ страшномъ преступленіи—очень глухи и неопредѣленны. Они носятъ характеръ сплетенъ. Клеветническія сплетни были въ то время въ большомъ ходу и являлись обычнымъ средствомъ тайной политической борьбы. На такого виднаго человѣка, какъ Годуновъ, затронувшаго интересы многихъ, имѣвшаго массу враговъ и правившаго, а затѣмъ царствовавшаго въ смутное время разгара страстей и соперничества партій и классовъ, должны были, естественно, выливаться цѣлые ушаты клеветы. И, дѣйствительно, какія только обвиненія ни нагромождались на него. Ему приписывали смерть Грознаго, Шуйскихъ, поджогъ Москвы въ 1591 г. для отвлеченія вниманія отъ углицкаго дѣла, побужденіе съ тою же цѣлью крымскаго хана къ нападенію на Русь, кончину малолѣтней внучки покойнаго Владиміра Старицкаго и малолѣтней дочери Ѳеодора—Ѳеодосіи въ 1594 г., ослѣпленіе Симеона Бекбулатовича, кончину самого Ѳеодора и т. д. Однимъ словомъ, слухи и сплетни изображаютъ Бориса въ роли какого-то закоренѣлаго профессіональнаго убійцы и подстрекателя. Впрочемъ, онъ не представляетъ собою исключенія: слухи и сплетни,

[1]) Выборъ В. И. Шуйскаго можетъ толковаться, какъ удачный маневръ со стороны Годунова. Принадлежность Шуйскаго къ семьѣ, находившейся въ жестокой враждѣ съ Борисомъ, могла служить въ глазахъ народа ручательствомъ безпристрастія слѣдствія. Однако на самомъ дѣлѣ Василій Ивановичъ, какъ увидимъ, былъ человѣкомъ съ такой гибкой и лукавой совѣстью и съ такими измѣнчивыми взглядами, что ради выгоды онъ могъ утверждать все, что угодно.

шедшіе изъ иныхъ, быть можетъ дружественныхъ Борису, источниковъ, навязывали и многимъ его соперникамъ (напр., Бѣльскому, Мстиславскому, Шуйскимъ и другимъ) такія же, хотя и второстепенныя, роли трагическихъ злодѣевъ: количество обвиненій какъ бы соразмѣрялось съ величиною политическаго дѣятеля. Итакъ, въ злодѣйствахъ обвинялся не одинъ Годуновъ, и не одно убіеніе царевича вмѣнялось ему. Послѣднему обвиненію только болѣе посчастливилось, что весьма понятно, такъ какъ всѣмъ была извѣстна натянутость отношеній между Москвою и Угличемъ, всѣ (какъ это видно, напр., изъ словъ Флетчера) сознавали опасности, грозившія царевичу. При такихъ условіяхъ обвиненіе, брошенное московскому боярству и Борису царицей Маріей, быть можетъ, добросовѣстно заблуждавшейся въ порывѣ своего горя, упало на благодарную почву. Оно пустило глубокіе корни, когда Борисъ вступилъ на престолъ, и пышно разрослось, когда, послѣ его смерти, его виновность стала утверждаться оффиціально. II. Однако, несмотря на всю затверженность этого обвиненія, безпристрастные русскіе писатели начала XVII вѣка (Иванъ Тимофеевъ, Авраамій Палицынъ, князья Хворостининъ и Катыревъ-Ростовскій) какъ-то избѣгаютъ говорить о страшномъ преступленіи, приписываемомъ Борису, и очень кратко и вскользь приводятъ пріѣвшіеся слухи о немъ. III. Сказанія и житія, спеціально повѣствующія объ убіеніи царевича, возбуждаютъ подозрѣнія въ своей достовѣрности, такъ какъ 1) всѣ они являются хронологически-запоздалыми, написанными много лѣтъ послѣ углицкаго событія, уже въ то время, когда Димитрій былъ причисленъ къ лику святыхъ; 2) большинство изъ нихъ имѣетъ своимъ источникомъ такъ называемое «Иное сказаніе», составленное въ 1606 году кѣмъ-то изъ приверженцевъ Шуйскихъ и потому тенденціозное; 3) другія повѣсти также возникли, повидимому, подъ вліяніемъ сплетенъ и оффиціальныхъ злобныхъ навѣтовъ Шуйскихъ и содержатъ неправдоподобныя хулы на Бориса; къ тому же онѣ расходятся другъ съ другомъ въ подробностяхъ и не чужды значительныхъ несообразностей. Изъ изложеннаго видно, что при тѣхъ источникахъ, которыми въ данное время располагаетъ историческая наука, обстоятельства кончины царевича Димитрія не могутъ быть возстановлены съ полной достовѣрностью. Остается широкій просторъ для догадокъ.

Д. Вопросъ о престолонаслѣдіи послѣ смерти Димитрія.

Противорѣчивость извѣстій о смерти Димитрія явилась одной изъ причинъ, облегчившихъ распространеніе слуховъ, пущенныхъ, какъ увидимъ, нѣсколько лѣтъ спустя послѣ углицкаго событія, будто вмѣсто царевича въ Угличѣ погибъ другой, похожій на него младенецъ, самъ же онъ спасся отъ руки подосланныхъ Борисомъ убійцъ. Однако, какъ бы ни смотрѣть на углицкое дѣло, все же слѣдуетъ признать, что неопровержимыхъ уликъ, доказывающихъ виновность Годунова въ смерти

Димитрія, не имѣется. Далѣе, если даже согласиться, что Борисъ рѣшился страшнымъ преступленіемъ расчистить себѣ путь къ престолу, то остается необъяснимымъ, почему для совершенія его онъ выбралъ именно 1591 годъ. Въ это время нельзя было еще предвидѣть ни скорой кончины Ѳеодора, ни невозможности для него имѣть дѣтей: не далѣе, какъ годъ спустя послѣ углицкаго событія, у царской четы родилась дочь Ѳеодосія. Наконецъ, не одинъ царевичъ Димитрій загораживалъ Борису дорогу къ царству: Ѳеодору могла наслѣдовать его супруга Ирина, были, повидимому и другіе претенденты на преемство его власти. Такъ, напр., извѣстно, что дьякъ А. Щелкаловъ (бывшій когда-то большимъ пріятелемъ Годунова) и нѣкоторые бояре вели тайные переговоры съ императоромъ Рудольфомъ II о возведеніи на московскій престолъ австрійскаго эрцгерцога Максимиліана (Щелкаловъ поплатился за это опалой). Изъ словъ Флетчера также видно, что не только Борисъ, но и другіе «простирали свои виды на обладаніе престоломъ». Однако изъ всѣхъ претендентовъ на московскій престолъ во вторую половину царствованія Ѳеодора Іоанновича (т. е. послѣ кончины Димитрія) самымъ сильнымъ былъ все-таки Борисъ. Онъ отлично сознавалъ это и даже съ обычной осторожностью какъ бы подготовлялъ общественное мнѣніе къ своему воцаренію. Именно, когда послѣ смерти (въ 1594 году) царевны Ѳеодосіи Ѳеодоръ Іоанновичъ потерялъ надежду имѣть дѣтей, Борисъ сталъ выдвигать въ оффиціальныхъ случаяхъ своего сына Ѳеодора, какъ бы пріучая этимъ московскій народъ и иностранныя правительства видѣть въ послѣднемъ будущаго наслѣдника престола. Сила Бориса заключалась, конечно, не въ приписываемыхъ ему злодѣяніяхъ (убійство Димитрія и прочія преступленія), а въ тѣхъ его огромныхъ заслугахъ, которыхъ не могли отрицать даже очень враждебно-настроенные противъ него люди. Такъ, напр., писатели начала XVII вѣка, не мало наклеветавшіе на него, все-таки признаютъ его «мужемъ зѣло чуднымъ» и прославляютъ «праведное и крѣпкое правленіе» его.

§ 4. Дѣятельность Бориса-правителя.

А. Внѣшняя политика.

Внѣшняя политика правителя Бориса не отличалась выдающимися событіями. Ему пришлось воевать только со шведами, да и эта война (тянувшаяся съ перерывами отъ 1590 до 1595 г.) изобиловала не столько сраженіями, сколько переговорами. Въ результатѣ ихъ Московское государство вернуло себѣ уступленные Іоанномъ IV города: Ямъ, Ивангородъ, Орѣшекъ и Корѣлу.

Во время столкновенія со Швеціей крымскій ханъ совершилъ грозное, но неудачное нашествіе на Москву. Чтобы удержать его на будущее время отъ набѣговъ, Борисъ строилъ крѣпости на «ди-

комъ полѣ» и отправлялъ пословъ къ султану (вассаломъ котораго былъ ханъ) съ увѣреніями о своемъ миролюбіи, но въ то же время велъ тайные переговоры съ императоромъ и персидскимъ шахомъ на случай войны съ Турціей. Предметомъ частыхъ дипломатическихъ сношеній съ Англіей были договоры о привилегіяхъ англійскихъ купцовъ, торговавшихъ на Руси, при чемъ Годуновъ по мѣрѣ возможности старался поубавить ихъ чрезмѣрныя притязанія. Очень интересны были переговоры съ Рѣчью Посполитой, въ которой послѣ смерти Стефана Баторія выдвигался снова вопросъ объ избраніи на польскій престолъ Ѳеодора Іоанновича. Хотя московское правительство предлагало польско-литовскому очень выгодныя для послѣдняго условія избранія, однако сойтись съ нимъ не могло, такъ какъ 1) Ѳеодоръ не соглашался писать королевскій (польскій) титулъ выше царскаго (московскаго), 2) возникли религіозныя несогласія, 3) Москва поскупилась деньгами на подкупъ магнатовъ. Избраннымъ на польскій престолъ оказался шведскій принцъ, принявшій имя Сигизмунда III.

Миролюбіе, проявленное Годуновымъ во внѣшней политикѣ, объясняется, главнымъ образомъ, тѣмъ тягостнымъ состояніемъ Московскаго государства, въ которое оно было приведено опричниной и Ливонской войной: разстроено было не только землевладѣніе и земледѣліе вслѣдствіе запустѣнія центра Московской Руси, но значительно упала и торговля (вывозъ нѣкоторыхъ товаровъ уменьшился въ двадцать разъ); въ нѣдрахъ народной жизни таилось глубокое недовольство и замѣчался даже какой-то нравственный развалъ общества, истерзаннаго жестокостями Грознаго, привыкшаго при немъ ежеминутно дрожать за свое имущество и жизнь.

Б. Внутренняя политика.

Умиротворенію страны и исцѣленію указанныхъ ея недуговъ и была посвящена внутренняя дѣятельность Бориса. Онъ прославился своей широкой и разумной благотворительностью, щедро расточаемыми милостями (напр., сложеніемъ недоимокъ, облегченіемъ податей, торговыми льготами и увеличеніемъ жалованья служилымъ людямъ), заботами о правосудіи и порядкѣ, о развитіи русской торговли и промышленности.

Борисъ любилъ хвататься за воротъ своей рубашки и говорить, что и ею онъ готовъ подѣлиться съ нищими, любилъ хвалиться, что «строеніе» (т. е. устройство) въ его землѣ таково, какого николи не бывало: никто большой, ни сильный никакого человѣка, ни худого сиротки не изобидитъ». Несомнѣнно, все это—преувеличенія. Однако и современники признавались, что московскіе люди при Борисѣ «начали утѣшаться отъ прежней скорби и тихо и безмятежно жить, и что Русь цвѣла при немъ всякими благостями», а нѣкоторые иностранные писатели договаривались даже до утвержденія, что «простой народъ взиралъ на Бориса, какъ на Бога».

Годуновъ не ограничивался частными мѣропріятіями, разсчитан-

ными иногда только на снисканіе народной любви и бившими на показной эффектъ, но придерживался также вполнѣ опредѣленной правительственной системы. Заботясь по мѣрѣ силъ объ общемъ благѣ, онъ удѣлялъ однако особенное вниманіе интересамъ среднихъ слоевъ московскаго общества, именно, среднихъ служилыхъ людей, представлявшихъ собою главную военную силу государства, и торгово-промышленнаго класса.

Какъ ученикъ, хотя и облагороженный, Іоанна Грознаго (Годуновъ служилъ при немъ въ опричнинѣ), какъ отпрыскъ не блиставшаго знатностью рода (предкомъ его былъ татарскій выходецъ XIV вѣка—мурза Четъ), наконецъ, какъ политическій дѣятель, возбудившій своимъ возвышеніемъ негодованіе всѣхъ «чиноначальниковъ» (т. е. вельможъ), Борисъ, естественно, не могъ благоволить къ княжатамъ и видѣлъ въ нихъ или тайныхъ соперниковъ или явныхъ враговъ. При немъ, поэтому, продолжается заведенный раньше порядокъ возвышенія дьяковъ и «худородныхъ» людей.

Какъ покровитель средняго служилаго сословія, Борисъ старался прежде всего оградить его земельные интересы. Съ этою цѣлью онъ противился развитію монастырскаго землевладѣнія (не выказывая, однако, въ этомъ достаточной послѣдовательности), но особенно настойчиво онъ боролся съ обезлюденіемъ земель мелкихъ вотчинниковъ и помѣщиковъ. Именно, въ его правленіе (а затѣмъ въ его царствованіе), какъ мы знаемъ (см. выше, стр. 239), были изданы указы, которыми правительство шло навстрѣчу землевладѣльцамъ (притомъ преимущественно среднимъ и мелкимъ) въ ихъ стремленіи прикрѣпить крестьянъ. Равнымъ образомъ, при немъ были приняты мѣры, устанавливавшія надзоръ правительственной власти за записью въ кабальные холопы и запрещавшія держать «вольныхъ» (т. е. не записанныхъ соотвѣтствующимъ образомъ) холоповъ: вольный человѣкъ, прослужившій больше полугода господину, обязанъ былъ давать на себя кабалу. Вообще Борисъ энергично дѣйствовалъ противъ «вольныхъ, гулящихъ людей». Изъ изложеннаго видно, что политика Годунова, въ общемъ разумная и приспособлявшаяся къ нуждамъ времени, не благопріятствовала, однако, интересамъ какъ высшихъ, такъ и низшихъ классовъ общества. Эти классы враждебно относились къ талантливому и умному правителю, но въ моментъ смерти Ѳеодора ихъ силы были недостаточны для того, чтобы помѣшать Борису вступить на московскій престолъ. Однако ихъ, какъ увидимъ, хватило на то, чтобы сдѣлать непрочнымъ положеніе Бориса-царя, тѣмъ болѣе, что своимъ стремленіемъ къ престолу онъ нажилъ себѣ и новыхъ враговъ среди прежнихъ друзей.

§ 5. Воцареніе Бориса.

А. Кончина Ѳеодора и созывъ Земскаго Собора.

Бездѣтный Ѳеодоръ Іоанновичъ скончался въ началѣ января 1598 года. Его преемницей считалась царица Ирина, которой и была принесена присяга. Но она отказалась отъ царства и постриглась въ одномъ изъ подмосковныхъ монастырей, принявъ имя Александры. Бразды правленія временно оказались въ рукахъ патріарха и бояръ. Для избранія царя, которое рѣшено было произвести по прошествіи сорока дней со смерти Ѳеодора, въ Москвѣ созывался земскій соборъ. Чтобы избѣжать всякаго вмѣшательства иноземныхъ государствъ въ дѣло замѣщенія престола, пограничные города были укрѣплены, на дорогахъ устроены заставы, иностранцы задерживались на пути, тщательно оберегались отъ всякихъ вѣстей. Эти мѣры предосторожности показываютъ, что въ Московскомъ государствѣ далеко не все шло гладко и спокойно. Правда, земскій соборъ (обычный по составу и отличавшійся отъ прежнихъ соборовъ только тѣмъ, что на немъ, кромѣ московскихъ людей, участвовали еще представители отъ провинціальныхъ городовъ, хотя и въ очень небольшомъ числѣ, а именно 50 человѣкъ изъ 500 участниковъ собора) подъ вліяніемъ руководившаго его засѣданіями Іова, повидимому, скоро и вполнѣ опредѣленно склонился въ пользу избранія Бориса.

Б. Соперники Бориса.

Но внѣ земскаго собора дѣло не обстояло такъ благополучно: Борисъ нашелъ сильныхъ соперниковъ и, чтобы одолѣть ихъ, долженъ былъ начать трудную игру. Съ одной стороны онъ показывалъ видъ, что вовсе не желаетъ царствовать: удалился къ сестрѣ и отвергалъ всѣ настоятельныя просьбы патріарха, который еще до соборнаго избранія какъ единолично, такъ и совмѣстно съ депутаціями отъ народа не разъ молилъ его вступить на царство. Съ другой стороны, при посредствѣ своихъ клевретовъ, онъ неослабно дѣйствовалъ въ пользу своего избранія и велъ ожесточенную борьбу съ соперниками. Титулованная знать, задавленная опричниной и предшествующей политикой Бориса-правителя, не могла выставить изъ своей среды сильнаго противника ему, и изъ княжатъ одинъ только Ѳеодоръ Мстиславскій (потомокъ Гедимина) считался претендентомъ на царство. Но, не имѣя собственнаго вліятельнаго кандидата, родословная знать поддерживала представителя той самой фамиліи, на которую свысока смотрѣла въ началѣ правленія Іоанна, именно, Ѳеодора Никитича Романова (сына покойнаго Никиты Романовича). Этотъ прежній пріятель Бориса, связанный съ нимъ «союзомъ завѣщательной дружбы», выступилъ теперь самымъ серьезнымъ соперникомъ его; онъ опирался на расположеніе народа и на свое болѣе давнее родство съ угасшей династіей, чѣмъ родство Годуновыхъ. Третьимъ соперни-

комъ былъ дерзкій Богданъ Бѣльскій, явившійся съ многочисленною челядью въ Москву. Онъ страшенъ былъ Борису не своими правами, которыхъ вовсе не имѣлъ, а своею наглостью и готовностью идти напроломъ.

В. Вступленіе Бориса на престолъ.

Послѣ трудной и настойчивой борьбы Борисъ одолѣлъ, и, когда во второй половинѣ февраля земскій соборъ единогласно избралъ его на царство, а патріархъ, сопутствуемый крестнымъ ходомъ и громадною толпой, сталъ грозить ему отлученіемъ отъ Церкви въ случаѣ его отказа отъ избранія, онъ, поломавшись, согласился (21 февраля) вступить на престолъ. Была составлена торжественная избирательная грамота и грозная присяга, каравшая проклятіемъ каждаго, кто осмѣлился бы измѣнить Борису. Но волненія не улеглись, и вскорѣ послѣ воцаренія его открыто было покушеніе знати возвести на московскій престолъ прежняго властителя земщины—слѣпого Симеона Бекбулатовича. Только къ осени 1598 года Борисъ считалъ свое положеніе болѣе или менѣе упрочившимся и вѣнчался на царство.

Г. Слухи и сказанія о событіяхъ 1598 года.

Событія начала 1598 года оставили слѣдъ какъ въ иностранныхъ, такъ и въ русскихъ историческихъ источникахъ. Къ сожалѣнію, въ нихъ содержится много недостовѣрнаго, и потому обстановка воцаренія Бориса окутана почти такимъ же туманомъ, какъ приписываемое ему участіе въ углицкомъ дѣлѣ. До иностранцевъ доходили лишь смутные и искаженные слухи, случайно перелетѣвшіе черезъ московскія заставы. Общій смыслъ ихъ сводится къ тому, что 1) Ѳеодоръ Никитичъ имѣлъ бо̀льшія данныя для воцаренія, чѣмъ Борисъ, 2) что самъ царь Ѳеодоръ Іоанновичъ, сомнѣваясь въ возможности избранія своего незнатнаго шурина, назначилъ своимъ преемникомъ именно Ѳеодора Никитича, 3) что между этими соперниками дѣло едва не доходило до вооруженнаго столкновенія, а въ Москвѣ происходила большая смута, 4) что Годуновъ занимался усиленной агитаціей въ свою пользу и прибѣгалъ даже къ совершенно фантастическимъ пріемамъ (такъ, напр., онъ держалъ будто бы при себѣ своего друга, похожаго на покойнаго Димитрія, чтобы, въ случаѣ своей неудачи при избраніи, объявить его спасшимся отъ смерти царевичемъ и возвести на престолъ), 5) что Годуновъ воцарился насильно. Какъ видно, иностранцы приписываютъ Борису весьма неказистую роль. Еще болѣе грѣшатъ въ этомъ отношеніи русскіе источники, основывающіеся, главнымъ образомъ, на извѣстномъ «Иномъ сказаніи», объявившемъ, какъ мы знаемъ, Бориса убійцей Димитрія и вообще рисующемъ его какимъ-то типичнымъ злодѣемъ. Въ ихъ изображеніи избраніе Бориса на царство представляется дѣломъ небольшого кружка его приспѣшниковъ и, въ особенности, его клеврета патріарха Іова. Борисъ будто бы дѣйствовалъ подкупомъ (подкупалъ даже бояръ), обращался за помощью къ стрѣлецкимъ началь-

никамъ, а также къ монахамъ, вдовамъ и сиротамъ, всячески прославлявшимъ его; народъ будто бы палками согнялся къ монастырю, гдѣ скрывался Борисъ, и долженъ былъ натирать себѣ глаза, чтобы вызвать слезы мольбы. О патріархѣ же разсказывается, что онъ предрекъ Бориса на царство еще задолго до созванія собора; а на самомъ соборѣ не давалъ говорить его противникамъ и грозилъ имъ проклятіемъ. Наконецъ, самый составъ собора представляется искусственно подобраннымъ въ пользу Бориса. Во всемъ этомъ, несомнѣнно, не мало клеветы, и Борису, а также патріарху приписываются слишкомъ грубые и наивные пріемы. Далѣе, какъ выяснено современной исторической наукой, «въ составѣ избирательнаго собора нельзя подмѣтить никакого слѣда выборной агитаціи или какой-либо подтасовки членовъ»: «на немъ было очень мало представителей многочисленнаго класса рядовыхъ дворянъ, въ которыхъ привыкли видѣть главную опору Бориса». Поэтому, при критическомъ отношеніи къ показаніямъ иностранныхъ и русскихъ писателей, изъ передаваемыхъ ими слуховъ можно сдѣлать только то заключеніе, что не безъ упорной борьбы вступилъ Борисъ на престолъ и не легкое бремя бралъ онъ на себя.

§ 6. Царствованіе Бориса.

А. Забота Бориса о культурномъ развитіи государства.

Сдѣлавшись царемъ, Борисъ продолжалъ свою прежнюю политику, выказывая при этомъ заботы не только объ умиротвореніи государства, но и объ его культурномъ развитіи, котораго онъ хотѣлъ достигнуть посредствомъ сближенія съ Западной Европой. Свойственныя русскимъ людямъ этого времени недовѣріе къ иностранцамъ и приверженность къ старому укладу жизни Борисъ надѣялся преодолѣть собственнымъ примѣромъ: своему сыну и наслѣднику Ѳеодору онъ далъ хорошее образованіе, въ мужья свой дочери Ксеніи прочилъ иноземнаго принца (сперва шведскаго Густава, затѣмъ датскаго Христіана; сватовство, впрочемъ не увѣнчалось успѣхомъ, такъ какъ съ Густавомъ Борисъ разсорился, а Христіанъ умеръ женихомъ). При Борисѣ такъ же, какъ и прежде, приглашались въ Москву иностранные доктора, аптекаря, мастера и ремесленники; кромѣ того, изъ иноземцевъ былъ образованъ особый военный отрядъ. Борисъ посылалъ русскихъ людей на выучку за-границу и мечталъ объ устройствѣ на Руси школъ по западно-европейскому образцу. Наконецъ, со времени Бориса московское правительство начинаетъ отказываться отъ распространеннаго ранѣе взгляда на грековъ какъ на запятнанныхъ навсегда Флорентійской уніей (которая при томъ не была даже проведена въ жизнь) и возобновляетъ сношенія съ Православнымъ Востокомъ: еще въ

правленіе Годунова восточные патріархи не только получали въ Москвѣ щедрыя пожертвованія, но и были, какъ извѣстно, привлечены къ дѣлу учрежденія московскаго патріаршества; при царѣ Борисѣ нѣкоторые пріѣзжіе восточные іерархи навсегда оставались на Руси и возводились въ санъ русскихъ архіепископовъ. Какъ видно, всѣ Борисовы стремленія клонились къ тому, чтобы русскій народъ могъ мирно жить и постепенно развиваться.

Б. Опалы на бояръ.

Но мира не установилось: было только временное затишье передъ страшной грозой. Съ воцареніемъ Бориса, какъ мы знаемъ, далеко не всѣ хотѣли мириться. Сознавая это и дрожа за свою власть, онъ искалъ случая раздѣлаться прежде всего со своими соперниками при избраніи на царство, и въ 1600—1601 гг. опала, ссылка и заточеніе постигли какъ Бѣльскаго, такъ и братьевъ Ѳеодора Никитича Романова (Александра, Василія, Ивана и Михаила), а также многочисленную родню его и близкихъ людей. Самъ Ѳеодоръ Никитичъ, какъ наиболѣе опасный противникъ, и его супруга были не только сосланы, но и насильно пострижены въ монашество. Ему при постриженіи дано было имя Филарета, ей — имя Марѳы. Обстоятельства, послужившія поводомъ къ гоненію на Бѣльскаго и Романовыхъ, съ достовѣрностью неизвѣстны, такъ какъ трудно довѣрять оффиціальному разъясненію ихъ: Бѣльскому были вмѣнены въ преступленіе его высокомѣрныя слова о царѣ, а Романовыхъ по доносу одного изъ ихъ слугъ (Никитина-Бартенева) обвинили въ «вѣдовствѣ» (т. е. колдовствѣ) противъ Бориса. Дѣло, повидимому, было серьезнѣе, чѣмъ оффиціально представляло его правительство: Борисъ подозрѣвалъ Романовыхъ въ покушеніяхъ на захватъ царской власти и постригъ Ѳеодора Никитича съ очевиднымъ намѣреніемъ заградить ему навсегда путь къ престолу. Весьма возможно также, что именно въ боярскомъ кружкѣ, близкомъ къ Бѣльскому и Романовымъ, Борисъ надѣялся найти источникъ новаго заговора, имѣвшаго цѣлью поднять противъ него народное возстаніе.

В. Слухи о появленіи царевича Димитрія.

Возбудить народныя массы противъ Бориса было не слишкомъ легко: власть его опиралась на избраніе земскаго собора и была укрѣплена особо-торжественною присягою на вѣрность; значительная часть населенія, далекая отъ дворцовыхъ распрей и боярскихъ интригъ, относилась къ царю доброжелательно; недовольство враждебныхъ ему слоевъ общества сдерживалось пока еще его твердой рукой. При такихъ условіяхъ поколебать Борисову власть въ глазахъ всего народа могъ только тотъ, кто имѣлъ бо́льшія права на престолъ, чѣмъ Борисъ, иными словами, тотъ, кому престолъ долженъ былъ принадлежать не въ силу избранія, а по праву рожденія. Но за прекращеніемъ прежней московской династіи такого лица не было. Однако ненависть къ Борису могла искус-

ственно создать его. И дѣйствительно, въ самомъ началѣ XVII вѣка, какъ разъ во время розыска о Романовыхъ, кѣмъ-то, по всей вѣроятности, враждебными Борису боярами, были пущены слухи, что царевичъ Димитрій Ивановичъ Углицкій живъ, что покушеніе Бориса на его жизнь не удалось, и что въ Угличѣ былъ убитъ другой младенецъ вмѣсто царевича, котораго Нагіе уберегли отъ смерти, и который скоро теперь явится изъ-за литовской границы, чтобы отомстить незаконно-царствующему Годунову. Такимъ образомъ, за неимѣніемъ дѣйствительнаго представителя династіи Рюриковичей враждебныя Борису силы рѣшили обратиться къ созданію Самозванца, т. е. такого лица, которое выдавало бы себя за Димитрія. Распространявшіяся вѣсти приносили Борису двоякій вредъ: во-первыхъ, онѣ воскрешали изъ гроба страшнаго для него законнаго претендента на московскій престолъ; во-вторыхъ, онѣ способствовали возобновленію прежнихъ глухихъ слуховъ о виновности Бориса въ покушеніи на жизнь Димитрія и тѣмъ самымъ подрывали народное довѣріе и расположеніе къ царю.

Г. Московскій голодъ.

Къ тому же въ началѣ XVII вѣка (1601 — 3 гг.) на Московское государство обрушилось страшное стихійное бѣдствіе: неурожаи нѣсколькихъ лѣтъ вызвали небывалый еще по своимъ размѣрамъ голодъ. Борисъ щедро благотворилъ и принималъ разумныя мѣры для борьбы съ голодомъ, но его старанія, по большей части, были безуспѣшными вслѣдствіе злоупотребленій должностныхъ лицъ и нѣсколькихъ негодяевъ-хлѣботорговцевъ, думавшихъ использовать для своекорыстныхъ цѣлей народное бѣдствіе.

Описанія голода этого времени — прямо чудовищны. Въ самой Москвѣ ѣли сѣно, солому, всякую падаль, всякихъ животныхъ и даже торговали человѣческимъ мясомъ. По дорогамъ ловили путниковъ, зарѣзывали ихъ и съѣдали. Родители готовы были пожирать своихъ дѣтей. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ были запасы хлѣба, онъ сгнивалъ, такъ какъ его владѣльцы выжидали еще бо̀льшаго поднятія цѣнъ на него. Борисъ боролся съ этимъ, устанавливалъ опредѣленныя цѣны на хлѣбъ, дешево продавалъ запасы своихъ многочисленныхъ житницъ, щедро осыпалъ деньгами бѣдняковъ. Но все это мало помогало. Областные правители вступали въ сдѣлки съ безчестными хлѣботорговцами; подъ видомъ нищихъ милостыню получали иногда и состоятельные люди, а сосредоточеніе помощи голодающимъ въ Москвѣ вызывало стеченіе сюда такой массы ихъ, какой не могла прокормить ни самая щедрая милостыня, ни тѣ заработки, которые получалъ народъ отъ затѣянныхъ Борисомъ обширныхъ построекъ. Къ тому же притокъ въ столицу многочисленнаго голоднаго люда, волнуемаго притомъ разнообразными слухами, представлялся царю опаснымъ и въ политическомъ отношеніи. Поэтому раздача денегъ въ Москвѣ была прекращена, и тѣмъ несчастнымъ, которые

разсчитывали на нее, оставалось одно изъ двухъ: или умирать съ голоду или добывать средства къ жизни разбоемъ.

Д. Настроеніе народа.

Муки голода (отъ котораго въ одной Москвѣ погибло, по преданію, свыше 100.000 человѣкъ), обнаружившіяся злоупотребленія должностныхъ лицъ и участившіеся во время голода разбои и грабежи возбуждали всенародное недовольство, которое являлось самой благопріятной почвой для распространенія слуховъ, сулящихъ гибель Борису. Какъ всегда въ годины стихійныхъ бѣдствій, такъ и теперь развивалось суевѣріе: въ народѣ говорили о чудесахъ, видѣніяхъ и предзнаменованіяхъ, пророчившихъ новыя бѣды; распространялось убѣжденіе, что царствованіе Бориса Ѳеодоровича неблагополучно; невольно навязывался вопросъ: «почему оно неблагополучно?» Все крѣпнувшіе слухи о спасеніи Димитрія давали на него такой отвѣтъ: «Царствованіе Бориса неблагополучно потому, что незаконно царствуетъ «лукавый рабъ», покушавшійся на жизнь своего господина, похитившій у него престолъ». Борисъ съ отчаяніемъ и съ ужасомъ искалъ источника этихъ слуховъ. На воскрешеніе Димитрія онъ отвѣтилъ воскрешеніемъ сыска и жестокостей Іоанна; всюду сновали шпіоны, всячески поощрялись доносы (въ особенности, слугъ на господъ), вынытывались всевозможныя показанія, опалѣ подвергались всѣ подозрѣваемыя лица. Эти преслѣдованія были особенно тягостны потому, что растерявшееся правительство старалось утаить истинныя причины ихъ и приписывало гонимымъ лицамъ вымышленныя преступленія. Но наступило время, когда скрываться дольше было невозможно.

§ 7. Борьба Бориса и его сына съ Лжедимитріемъ.

А. Появленіе Лжедимитрія въ Польско-Литовскомъ государствѣ.

Призракъ Димитрія, наконецъ, воплотился: въ концѣ 1603 года одинъ московскій выходецъ, состоявшій на службѣ у западно-русскаго магната князя Адама Вишневецкаго, владѣвшаго огромными землями на Волыни (т. е. въ предѣлахъ Рѣчи Посполитой), объявилъ себя царевичемъ Димитріемъ Іоанновичемъ [1]). Князь Адамъ, естественно, захотѣлъ заинтересовать судьбою своего слуги и короля Сигизмунда III, и папскаго нунція (т. е. посла, Рангони), и самого папу. Для этого онъ обратился за

[1]) Обстоятельства, при которыхъ слуга Вишневецкаго назвалъ себя царевичемъ, передаются различно: по однимъ извѣстіямъ, онъ сдѣлалъ это признаніе своему духовнику во время тяжкой болѣзни; по другимъ, Вишневецкій какъ-то разъ выбранилъ и ударилъ своего слугу за нерасторопность, на что послѣдній съ горькимъ упрекомъ сказалъ ему: «Если бы ты зналъ, кто я, то не ругалъ бы и не билъ меня: я — московскій царевичъ Димитрій».

содѣйствіемъ къ своему дальнему свойственнику сандомирскому воеводѣ пану Юрію Мнишку, составившему себѣ весьма печальную извѣстность различными неблаговидными поступками и искавшему теперь случая поправить свои разстроенныя денежныя дѣла и возстановить прежнее вліяніе при дворѣ. На призывъ Вишневецкаго онъ откликнулся тѣмъ охотнѣе, что новоявленный московскій царевичъ полюбилъ дочь его Марину и посватался за нее. Мнишекъ поспѣшилъ привезти своего будущаго зятя въ Краковъ, гдѣ онъ въ мартѣ 1604 года получилъ аудіенцію у Сигизмунда. Король призналъ его царевичемъ Димитріемъ и обѣщалъ ему поддержку въ достиженіи отеческаго престола. Помимо своекорыстныхъ выгодъ, которыхъ король и Мнишекъ ждали отъ воцаренія покровительствуемаго ими претендента, и на обѣщанія которыхъ послѣдній не скупился, ими руководилъ еще иной расчетъ — именно, надежда утвердить при его помощи католицизмъ въ Московской Руси. Поэтому съ самаго появленія Лжедимитрія I (будемъ такъ называть перваго претендента на московскій престолъ) у Мнишка, его постарались окружить католическими монахами (сперва францисканцами, затѣмъ іезуитами). Они склонили его къ переходу въ католицизмъ, о чемъ онъ увѣдомилъ папу собственноручнымъ письмомъ, но что тщательно скрывалъ отъ русскихъ людей. Вообще онъ довольно удачно игралъ роль московскаго царевича, хотя и не умѣлъ достаточно убѣдительно доказать своего тождества съ Димитріемъ Угличкимъ. Воспоминанія о прошломъ были у него довольно смутны. Въ Польшѣ онъ разсказывалъ, что его спасъ въ Угличѣ его наставникъ (или врачъ) Семенъ, положившій вмѣсто него на его постель другого мальчика, котораго затѣмъ и зарѣзали ночью подосланные Борисомъ убійцы. Въ своихъ «прелестныхъ письмахъ» (т. е. воззваніяхъ) къ русскому народу онъ ограничивался краткимъ утвержденіемъ, что Богъ укрылъ его, Димитрія, отъ измѣнника Бориса Годунова, «хотящаго его злой смерти предати».

Б. Отношеніе польскаго общества къ Лжедимитрію.

Личность отважнаго претендента возбуждала не мало сомнѣній, особенно въ Польшѣ, и многіе видные представители польскаго общества съ нескрываемымъ недовѣріемъ относились къ нему, называя все затѣянное имъ дѣло какой-то комедіей и считая совершенно невѣроятнымъ, чтобы въ Угличѣ вмѣсто царевича могъ погибнуть какой-то невѣдомый, подставной ребенокъ. Подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, весьма опредѣленно высказаннаго впослѣдствіи и на сеймѣ, Сигизмундъ III не рѣшился нарушить мира съ Московскимъ государствомъ изъ-за Лжедимитрія и открыто помогать послѣднему; онъ ограничился лишь денежной поддержкой, а также позволилъ ему набирать въ Польшѣ добровольцевъ для предстоящей борьбы съ Борисомъ. Изъ изложеннаго видно, что не польско-литовское правительство и не католическая церковь создали претендента на московскій престолъ (какъ это думали раньше нѣкоторые историки): они по-

лучили его уже готовымъ въ свои руки и, надѣясь извлечь изъ его предпріятія нѣкоторыя выгоды, не препятствовали ему и лично заинтересованному въ его судьбѣ Мнишку набрать нѣсколько сотъ искателей приключеній изъ польской шляхты для предполагаемаго похода на Русь. Въ приготовленіяхъ къ этому походу и прошло лѣто 1604 года. Лжедимитрій въ качествѣ жениха Марины провелъ его въ резиденціи Мнишка Самборѣ, поддерживая оживленныя сношенія съ пограничнымъ козачествомъ, на помощь котораго онъ не безъ основанія уповалъ.

В. Отношеніе московскаго правительства и общества къ Лжедимитрію.

Дѣйствительно, на Руси обстоятельства слагались очень благопріятно для лица, принявшаго имя Димитрія. Растерявшееся московское правительство должно было теперь уже считаться съ появленіемъ его. Стремясь доказать народу и польско-литовскимъ властямъ самозванство дерзкаго претендента, правительство оффиціально объявило его Григоріемъ Отрепьевымъ и сообщало всю исторію его жизни: Отрепьевъ происходилъ будто бы изъ класса дѣтей боярскихъ, въ юности постригся въ монахи, исходилъ нѣсколько обителей, жилъ въ Московскомъ Чудовомъ монастырѣ, водилъ знакомство съ Романовыми, а затѣмъ вмѣстѣ съ тремя другими бѣглыми монахами скрылся за польско-литовскую границу и здѣсь послѣ разныхъ скитаній и мытарствъ провозгласилъ себя царевичемъ. Однако, неопровержимыхъ доказательствъ тождества Григорія Отрепьева и появившагося претендента правительство представить не могло и поэтому оказывалось нравственно безсильнымъ передъ лицомъ тѣхъ, кто не хотѣлъ или не могъ раздѣлять оффиціальную точку зрѣнія.

А такихъ было не мало. Идея о появленіи Димитрія была пущена въ ходъ, какъ можно думать, нѣкоторою частью московскаго боярства. Естественно, что эти бояре не могли бороться съ претендентомъ, осуществившимъ ихъ идею. Другая часть боярства — княжеская знать, къ услугамъ которой хотѣлъ теперь обратиться разошедшійся съ прежними друзьями Борисъ, не могла простить ему былыхъ гоненій. Поэтому, хотя она и не принимала, повидимому, участія въ самозванческомъ заговорѣ, тѣмъ не менѣе не старалась спасти Бориса отъ грозившаго ему крушенія. Она надѣялась свергнуть со временемъ и Самозванца, чтобы возстановить тотъ аристократическій распорядокъ, который такъ систематически расшатывали всѣ послѣдніе московскіе государи, и который, какъ казалось, былъ совершенно задушенъ опричниной Грознаго и мѣропріятіями Годунова. Другой недовольный классъ — козачество — открыто и энергично поднимался въ пользу Лжедимитрія. Въ началѣ XVII вѣка козачество было особенно многочисленно и особенно возбужденно: указы, направленные къ прикрѣпленію крестьянъ, голодъ, разорившій ихъ, освобожденіе холоповъ опальныхъ бояръ,—все это гнало на «дикое

поле» массу народа, а строгія мѣры Бориса противъ «гулящаго люда», его старанія застроить «поле» крѣпостями и притянуть козаковъ на службу возбуждали въ ихъ средѣ самую пламенную ненависть къ московскимъ порядкамъ, страстное желаніе ниспровергнуть ихъ. Къ тому же идея самозванства была вообще не новостью на степной Украйнѣ: въ исходѣ XVI вѣка украинское козачество нѣсколько разъ доставляло господство въ Молдавіи различнымъ самозванцамъ; съ тѣмъ большимъ успѣхомъ поднялись и днѣпровскіе и донскіе козаки, чтобы помочь тому претенденту, въ котораго готово было вѣрить значительное большинство русскаго населенія, подавленнаго суевѣрнымъ сознаніемъ «неблагополучія» царствованія Годунова.

Г. Личность Лжедимитрія.

Итакъ, современники, руководствуясь своими интересами и настроеніями, не хотѣли признавать претендента на московскій престолъ Григоріемъ Отрепьевымъ и вѣрили или заставляли себя вѣрить въ его царственное происхожденіе, возлагая на него большія надежды. Когда же, какъ увидимъ, онъ, воцарившись, не оправдалъ упованій наиболѣе дѣятельныхъ своихъ сторонниковъ и палъ жертвой враговъ, тогда тѣ же современники, также подъ вліяніемъ чувствъ и интересовъ, слѣпо увѣровали въ самозванство своего царя и проклинали его какъ «окаяннаго растригу (т. е. разстриженнаго монаха) Гришку Отрепьева». Историческая наука, которая руководствуется не настроеніями, а критически-провѣренными источниками, не можетъ такъ легко смотрѣть на личность перваго Лжедимитрія. Для нея эта личность и понынѣ остается загадочной и задернутой такой непроницаемой дымкой таинственности, которой не разсѣяли пока еще многочисленныя и кропотливыя научныя изысканія, и которая оставляетъ большой просторъ для различныхъ предположеній и догадокъ. Такъ, приводятся данныя и въ пользу тождества претендента съ Отрепьевымъ и въ пользу тождества его съ истиннымъ царевичемъ Димитріемъ; нѣкоторые изъ изслѣдователей считаютъ его сознательнымъ самозванцемъ, руководимымъ Отрепьевымъ, другіе, напротивъ, утверждаютъ, что подъ вліяніемъ внушенія окружавшихъ его лицъ онъ былъ глубоко увѣренъ въ своемъ царственномъ происхожденіи и въ своихъ правахъ на престолъ. Наконецъ, наиболѣе осторожные — вовсе отказываются отъ опредѣленія личности претендента.

Литература, посвященная этому вопросу, очень обширна и, какъ указано, содержитъ противорѣчивыя мнѣнія. Коснемся лишь важнѣйшихъ взглядовъ, вошедшихъ въ научный оборотъ. I. Уже давно высказывались возраженія противъ оффиціальнаго отождествленія претендента съ Отрепьевымъ. Они основываются, между прочимъ, на слѣдующемъ: 1) Отрепьевъ, проживавшій въ Московскомъ Чудовомъ монастырѣ и вращавшійся среди бояръ, былъ слишкомъ хорошо знакомъ москвичамъ, чтобы остаться неузнаннымъ ими при своемъ появле-

нiи въ качествѣ Димитрiя. 2) Претендентъ на московскiй престолъ, по преданiю, имѣлъ при себѣ Отрепьева и показывалъ его народу. 3) Донесенiе монаха Варлаама, которое является однимъ изъ основанiй для отождествленiя Отрепьева съ претендентомъ, страдаетъ многими внутренними противорѣчiями.

II. Однако эти и подобныя возраженiя не поколебали взглядовъ тѣхъ историковъ, которые доказываютъ справедливость оффицiальнаго утвержденiя и не могутъ допустить, чтобы правительство безосновательно провозгласило самозванца Отрепьевымъ: вѣдь и враждебный Годунову В. И. Шуйскiй, свергшiй, какъ увидимъ, съ престола Лжедимитрiя, такъ же настойчиво, какъ и Борисъ, сталъ называть его именно Гришкой Отрепьевымъ. III. Признанiе претендента дѣйствительнымъ царевичемъ Димитрiемъ опровергается 1) указанiемъ на неестественность и почти чудесность спасенiя Димитрiя Углицкаго, смерть котораго удостовѣрена столькими свидѣтелями, что возможность убiенiя вмѣсто него другого младенца почти совершенно исключается; 2) тѣмъ, что какъ самъ претедентъ, такъ и его близкiе не умѣли толково назвать ни тѣхъ лицъ, которыя спасли царевича, ни того мѣста, гдѣ онъ много лѣтъ укрывался (предположить же, чтобы, уберегши Димитрiя отъ смерти, его пустили слоняться по монастырямъ подъ именемъ Григорiя Отрепьева, весьма трудно); 3) указанiемъ на невѣроятность непредъявленiя правъ Димитрiя (если онъ былъ живъ) на престолъ послѣ бездѣтной кончины Ѳеодора, естественнымъ наслѣдникомъ котораго онъ былъ. IV. Если не отождествлять претендента ни съ Отрепьевымъ, ни съ Димитрiемъ, то приходится пока считать личность его невыясненной. Высказывавшiяся прежде мнѣнiя, будто онъ былъ польскимъ выходцемъ, подготовленнымъ правительствомъ Рѣчи Посполитой и iезуитами, въ настоящее время опровергнуты, такъ какъ тщательное изслѣдованiе его письма на польскомъ языкѣ, адресованнаго папѣ, показываетъ, что оно написано рукою москвича, плохо знакомаго съ польскимъ языкомъ и алфавитомъ; далѣе, какъ изложено выше, польское правительство—въ лицѣ сейма—съ большимъ недовѣрiемъ относилось къ Самозванцу, а Сигизмундъ III и духовенство рѣшили воспользоваться имъ уже тогда, когда онъ объявился. Наболѣе достовѣрными и осторожными нужно признать взгляды тѣхъ историковъ, которые считаютъ претендента москвичомъ, подготовленнымъ московскими боярами (но не княжатами) къ принятiю имени Димитрiя. Весьма возможно (несмотря на вышеприведенныя возраженiя), что этотъ москвичъ былъ именно Григорiй Отрепьевъ. Послѣдniй во всякомъ случаѣ принималъ то или иное участiе въ самозванческой затѣѣ. Далѣе, многiя данныя свидѣтельствуютъ, что самозванецъ почему-то былъ убѣжденъ въ справедливости своихъ притязанiй на престолъ и выказывалъ поэтому необыкновенную самоувѣренность въ своихъ домога-

тельствахъ. Эта самоувѣренность проявилась уже во время его похода изъ Самбора на Русь.

Д. Походъ Лжедимитрія на Русь.

Самозванецъ собрался въ походъ на Русь подъ осень 1604 года. Онъ располагалъ небольшимъ отрядомъ, не превышавшимъ четырехъ тысячъ человѣкъ и притомъ весьма пестрымъ по составу (въ него входило свыше тысячи польскихъ добровольцевъ, навербованныхъ Мнишкомъ, нѣсколько сотъ московскихъ выходцевъ и козаки). Конечно, не на эту ничтожную по численности горсточку разношерстныхъ и плохо-дисциплинированныхъ ратныхъ людей возлагалъ свои надежды смѣлый претендентъ: онъ разсчитывалъ на обѣщанную помощь всего донского козачества и запорожцевъ, а также на измѣну Борису пограничныхъ русскихъ крѣпостей-городовъ. Поэтому онъ отважно перешелъ Днѣпръ подъ Кіевомъ (въ серединѣ октября) и вступилъ въ такъ называемую Сѣверскую Украйну, чтобы, перезывая на свою сторону служилыхъ людей ея городовъ, двинуться затѣмъ на Тулу или Калугу. Надежды не обманули его: къ востоку отъ той мѣстности, куда вступилъ онъ со своимъ отрядомъ, въ такъ называемомъ «полѣ», козаки начали самостоятельно дѣйствовать въ пользу самозванца и подвигались на сѣверъ. Въ то же время «сѣверскіе» и «польскіе» (т. е. расположенные «въ полѣ») города-крѣпости (напр., Моравскъ, Черниговъ, Путивль, Рыльскъ, Сѣвскъ, Курскъ, Кромы и мн. др.) стали одинъ за другимъ переходить на его сторону. Объясняется это тѣмъ, что гарнизонъ ихъ состоялъ, по большей части, изъ низшихъ служилыхъ людей мѣстнаго степного населенія, тяготившагося службой и враждебнаго Борису; ратные люди связывали своихъ воеводъ и провозглашали царемъ Димитрія Іоанновича. Такимъ образомъ, движеніе сразу охватило два района, и козаки сами по себѣ дѣйствовали успѣшнѣе, чѣмъ признанный ими царь. Послѣдній надолго былъ задержанъ осадою Новгорода-Сѣверскаго, гдѣ успѣлъ засѣсть способный московскій воевода Басмановъ съ нѣсколькими сотнями приведенныхъ изъ Москвы (а не мѣстныхъ) стрѣльцовъ. Правда, польскому отряду самозванца удалось отбить нападеніе московскаго войска, пришедшаго подъ начальствомъ кн. Ѳ. И. Мстиславскаго на выручку Новгорода-Сѣверскаго, но вслѣдъ за этимъ большинство поляковъ вмѣстѣ съ Мнишкомъ ушло отъ самозванца, разссорившись съ нимъ. Лжедимитрій, не рѣшаясь продолжать безъ нихъ трудную осаду, снялъ ее и двинулся на востокъ на соединеніе съ козаками. Но на рѣкѣ Сѣвѣ, при мѣстечкѣ Добрыничи онъ (20 января 1605 года) потерпѣлъ страшное пораженіе отъ московскихъ воеводъ и долженъ былъ спасаться въ Путивлѣ. Однако это не погубило его дѣла, не прекратило перехода на его сторону новыхъ городовъ и не остановило козацкихъ успѣховъ. Московскіе воеводы, опасаясь вторженія польско-литовской рати, сосредоточивали свои силы на западѣ, не обративъ во-время

должнаго вниманія на дѣйствія козаковъ: они двинулись на послѣднихъ только тогда, когда тѣ укрѣпились въ городкѣ Кромахъ и грозили отрѣзать московскую рать отъ центра государства. Борьба за Кромы продолжалась въ теченіе всей весны 1605 года. Этотъ удобно расположенный городокъ нашелъ искуснаго защитника въ лицѣ атамана Корѣлы. Московскіе воеводы (сперва Шереметевъ, затѣмъ князья Мстиславскій, Голицыны, а также Василій и Димитрій Шуйскіе) вели осаду вяло. Объясняется это, главнымъ образомъ, тѣмъ, что ихъ служилые люди были утомлены зимнимъ походомъ и долговременной осадой и разъѣзжались по домамъ. Къ тому же и настроеніе войска было ненадежное: раздавался ропотъ противъ Бориса и, по слухамъ, нѣкоторые изъ осаждавшихъ вели тайные переговоры съ осажденными. Однако измѣны еще не было: воеводы-княжата не опредѣлили еще окончательно своихъ отношеній къ претенденту, а служилые люди, злобясь на Бориса, не рѣшались открыто возстать противъ него.

Е. Кончина Бориса и воцареніе Ѳеодора II Борисовича.

Но настроеніе войска опредѣлилось вскорѣ послѣ смерти Бориса. Борисъ внезапно скончался 13 апрѣля 1605 года, завѣщавъ царство своему сыну Ѳеодору II. Въ тяжелую годину вступалъ на престолъ молодой, неопытный царь. Тягость его положенія усугублялась тѣмъ, что, кромѣ малодаровитой родни, онъ не имѣлъ никого вокругъ себя, былъ лишенъ всякой поддержки. Онъ попытался найти себѣ опору въ Басмановѣ, прославленномъ мужественной обороной Новгорода-Сѣверскаго, и въ княжатахъ, не заподозрѣнныхъ въ самозванческой затѣѣ. Въ Москву были вызваны изъ-подъ Кромъ Мстиславскій и Шуйскіе, а туда на помощь оставленнымъ тамъ Голицынымъ (Василію и Ивану Васильевичамъ) послали кн. Катырева-Ростовскаго и Басманова, а также митрополита новгородскаго—для приведенія войска къ присягѣ Ѳеодору Борисовичу. Итакъ, виднѣйшіе Рюриковичи-Шуйскіе и старѣйшіе Гедиминовичи—Голицыны вновь поднимали голову. Но, очевидно, послѣ всѣхъ долгихъ пережитыхъ ими гоненій они не хотѣли служить опорой Борисова сына и лишь способствовали ускоренію его гибели. Такъ дѣйствовали они и подъ Кромами и въ Москвѣ.

Ж. Переходъ московской рати на сторону Лжедимитрія и гибель Годуновыхъ.

Хотя подъ Кромами и была принесена требуемая присяга, тѣмъ не менѣе очень скоро (7-го мая 1605 г.) войско, увлеченное князьями Голицыными и Басмановымъ, провозгласило царемъ Димитрія Ивановича, соединилось съ осажденными и почти цѣликомъ перешло на сторону самозванца. Дѣятельное участіе въ подготовленіи этой измѣны приняли также вліятельные и безпокойные рязанскіе дворяне Ляпуновы (братья Прокопій и Захаръ), руководившіе всѣмъ рязанскимъ краемъ.

Трудно сказать, что больше побуждало къ измѣнѣ: простое ли желаніе переворота, сулящаго въ будущемъ различныя облегченія

и льготы, или дѣйствительная вѣра въ тождество претендента съ Димитріемъ Углицкимъ. Во всякомъ случаѣ, эта вѣра была не у всѣхъ: часть служилыхъ людей не пристала къ измѣнникамъ и въ смятеніи бѣжала къ Москвѣ; другіе, уже послѣ измѣны, разъѣхались по домамъ или были распущены самимъ самозванцемъ; по нѣкоторымъ извѣстіямъ, Басмановъ и В. В. Голицынъ передъ тѣмъ, какъ передаться самозванцу, приказали ратнымъ людямъ связать себя, чтобы избавиться отъ нареканій въ случаѣ неудачи затѣяннаго дѣла. Княжата, какъ увидимъ изъ дальнѣйшаго ихъ поведенія, едва ли когда-либо вѣрили въ подлинность претендента; его торжество было нужно имъ только какъ средство для государственнаго переворота.

Измѣна подъ Кромами оказалась роковой для Ѳеодора Борисовича, лишивъ его послѣдней опоры и войска. Ему оставалось только трепетно ждать страшной развязки, не имѣя возможности предупредить ее. Самозванецъ, увѣдомленный о переходѣ на его сторону войска, двинулся изъ Путивля черезъ Орелъ, Тулу и Серпуховъ къ Москвѣ. На пути онъ держалъ себя настоящимъ царемъ, принималъ депутаціи, приводилъ населеніе къ присягѣ, бесѣдовалъ о будущихъ государственныхъ преобразованіяхъ. Въ Москвѣ между тѣмъ царило жуткое, зловѣщее настроеніе. Взоры всѣхъ невольно обращались на кн. В. И. Шуйскаго, углицкаго слѣдователя и свидѣтеля погребенія царевича Димитрія. Шуйскій велъ себя двусмысленно: гласно онъ увѣрялъ народъ, что истинный царевичъ умеръ въ 1591 году, негласно же распускалъ слухи о спасеніи его отъ смерти. Понятно, что при такихъ условіяхъ смятеніе не прекращалось, и слабыя попытки правительства Ѳеодора Борисовича приготовить столицу къ вооруженному отпору самозванцу встрѣчали лишь насмѣшки со стороны разнузданной толпы, мечтавшей о грабежахъ и ждавшей вѣстей отъ новаго царя. Милостивыя грамоты отъ него были привезены 1 іюня его гонцами (Пушкинымъ и Плещеевымъ). Возбужденная ими толпа, подъ руководствомъ вельможъ, бросилась ко дворцу и съ издѣвательствами выволокла оттуда Ѳеодора, его мать (дочь Малюты-Скуратова) и сестру Ксенію и повезла ихъ въ старые Годуновскіе хоромы, оставивъ тамъ подъ стражей. Затѣмъ чернь, подстрекаемая извѣстнымъ Богданомъ Бѣльскимъ, принялась грабить родственниковъ Годуновыхъ и вовсе непричастныхъ къ нимъ людей, а знать, во главѣ съ В. И. Шуйскимъ, отправилась навстрѣчу самозванцу привѣтствовать его. Итакъ, 1 іюня 1605 года власть Годуновыхъ рухнула окончательно. Новый царь поручилъ начальствованіе надъ войскомъ Басманову, а для управленія столицей и для устраненія своихъ враговъ послалъ въ Москву кн. В. В. Голицына и Рубца-Мосальскаго. По ихъ распоряженію, Ѳеодоръ Борисовичъ и его мать были задушены (10 іюня). Народу было объявлено, что они отравились. Вмѣсто удаленнаго въ монастырь Іова, на патріаршество поставили преданнаго самозванцу грека Игнатія. 20 іюня царь, радостно привѣтствуемый народомъ, въѣхалъ въ Москву.

§ 8. Царствованіе Лжедимитрія.

А. Причины непрочности его положенія.

Легко достигнутое Лжедимитріемъ торжество было однако непрочнымъ. Причины этого лежали какъ въ обстоятельствахъ его воцаренія, такъ отчасти и въ его личныхъ свойствахъ и въ характерѣ его правительственной дѣятельности. Какъ видно изъ вышеизложеннаго, претендентъ на московскій престолъ былъ подготовленъ кружкомъ враждебнаго Борису боярства. Объявившись въ Польшѣ, онъ заинтересовалъ собою короля, католическое духовенство и часть шляхты, возлагавшихъ на него своекорыстныя надежды. Дѣятельную помощь онъ нашелъ въ населеніи западныхъ пограничныхъ русскихъ областей, а окончательное торжество доставили ему княжата. Нельзя отрицать, что на первыхъ порахъ многіе изъ приспѣшниковъ претендента вѣрили въ царственное происхожденіе его. Но не мало было среди нихъ и такихъ, которые искали въ немъ лишь орудія для низложенія Годуновыхъ и средства для осуществленія своихъ домогательствъ политическихъ, религіозныхъ, общественныхъ и партійныхъ. Эти домогательства и интересы были столь различны и даже противоположны, что новый царь не могъ, конечно, удовлетворить ихъ и въ то же время не рѣшался искать опоры въ какомъ-нибудь одномъ общественномъ классѣ. Заслужить народное расположеніе онъ не умѣлъ потому, что ни его дѣятельность, отличавшаяся порывистостью, самоувѣренностью и отсутствіемъ всякаго плана, ни его легкомысленное поведеніе, ни самый характеръ, непривычный для москвичей, не внушали симпатій современникамъ.

Б. Отношеніе княжатъ къ Лжедимитрію.

Первыми разочаровались въ немъ тѣ, которые послѣдними передались ему, именно, — княжата, и изъ нихъ прежде всего — В. И. Шуйскій. Ему хотѣлось только сверженія Годуновыхъ, и тотчасъ послѣ гибели ихъ онъ началъ строить козни противъ новаго царя, отъ котораго, конечно, не могъ ждать особенныхъ милостей, такъ какъ не разъ мѣнялъ свои показанія объ углицкомъ дѣлѣ. Вѣроятно, еще до въѣзда царя въ Москву Шуйскій началъ внушать народу мысль о его самозванствѣ. На этотъ разъ ловкій интриганъ слишкомъ поторопился и попался впросакъ: общественное мнѣніе не было еще возбуждено противъ новаго царя, и В. И. Шуйскаго схватили, судили на какомъ-то соборѣ (подобіе земскаго) и приговорили къ смертной казни (она была назначена на 30 іюня). Въ послѣднюю минуту царь замѣнилъ казнь ссылкой. Вмѣстѣ съ Шуйскимъ пострадали его родственники и приверженцы. Непріятное впечатлѣніе отъ внушеній Шуйскаго было на время изглажено трогательной встрѣчей царя съ постриженной царицей Маріей (теперь инокиней Маѳоой), которая признала въ немъ своего сына Димитрія. (Трудно ска-

зать, искренне ли было это признаніе; во всякомъ случаѣ, сцена свиданія матери съ сыномъ была разыграна прекрасно и произвела большое впечатлѣніе на народъ). Однако и впослѣдствіи то и дѣло слышались толки о самозванствѣ царя. Какъ относился онъ къ этимъ толкамъ, съ достовѣрностью неизвѣстно: одни разсказываютъ, что въ началѣ его правленія «каждый день то тамъ, то здѣсь происходили казни», другіе, напротивъ, утверждаютъ, что царь не преслѣдовалъ тѣхъ, которые сомнѣвались въ его тождествѣ съ Димитріемъ, а лишь усовѣщевалъ и укорялъ ихъ. Повидимому, онъ дѣйствительно былъ твердо убѣжденъ въ прочности своего положенія: черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ своего вѣнчанія на царство онъ не побоялся вернуть въ Москву изъ ссылки В. И. Шуйскаго вмѣстѣ съ родней, не старался ни передъ кѣмъ заискивать, велъ себя очень самоувѣренно, не остерегаясь вызывать недовольство и вліятельныхъ лицъ, и всего народа, и своихъ иноземныхъ покровителей.

В. Отношеніе Лжедимитрія къ различнымъ классамъ русскаго общества.

Княжата имѣли вѣскія основанія злобствовать на царя: они способствовали свержению Годуновыхъ, чтобы установить аристократическій строй, а царь явно возвышалъ людей той среды, которая при Грозномъ и при правителѣ — Годуновѣ оттѣсняла княжатъ. Именно, особенное благоволеніе выказывалъ онъ Романовымъ, Нагимъ и Бѣльскому. Оставшіеся въ живыхъ Романовы были возвращены изъ ссылки и щедро награждены, а Филаретъ (постриженный Ѳеодоръ Никитичъ) былъ возведенъ въ санъ ростовскаго митрополита. Изъ новыхъ людей держался у власти Басмановъ и еще нѣсколько совсѣмъ неродовитыхъ. Большимъ вліяніемъ пользовались также пріѣзжіе поляки и офицеры наемнаго иноземнаго отряда тѣлохранителей. Однимъ словомъ, княжата оставались въ тѣни. Царь не стѣснялся больно задѣвать ихъ самолюбіе, выказывая въ ихъ присутствіи преувеличенное вниманіе козакамъ. Но, лаская козаковъ, онъ не выражалъ намѣренія связывать своей судьбы съ ихъ интересами и даже поспѣшилъ отправить ихъ подальше отъ Москвы въ пограничныя области. Для облегченія положенія крестьянъ и тягости налоговъ сдѣлано было мало. Больше предпринято было мѣръ для улучшенія быта среднихъ служилыхъ людей и для развитія торговли. (Царь былъ сторонникомъ свободы торговаго обмѣна и щедро надѣлялъ льготами какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ купцовъ; отъ этого будто бы всѣ товары подешевѣли). Однако и благія мѣропріятія царя не искупали тѣхъ оскорбленій, которыя онъ съ какою-то ребяческою безпечностью постоянно наносилъ національному, нравственному и религіозному чувству русскихъ людей.

Окруженный поляками, ополячившимися выходцами изъ юго-западной Руси и другими иностранцами, державшимися въ Москвѣ, какъ въ завоеванной странѣ, царь и въ своемъ домашнемъ обиходѣ

и при придворныхъ церемоніяхъ точно намѣренно обнаруживалъ явное презрѣніе къ русскимъ обычаямъ, велъ себя не только крайне легкомысленно, но и безнравственно. (Особенно постыдно поступилъ онъ съ Ксеніей Борисовной, которая, послѣ пережитыхъ ею униженій, была пострижена въ монахини). Соблюдая внѣшнимъ образомъ православіе и тщательно скрывая свой католицизмъ, онъ тѣмъ не менѣе былъ совершенно равнодушенъ къ дѣламъ религіи, мечталъ о насажденіи на Руси западно-европейскаго образованія, твердилъ о необходимости свободы совѣсти и недоброжелательно относился къ русскому духовенству, чѣмъ нажилъ себѣ въ послѣднемъ злѣйшаго врага. Духовенство видѣло въ немъ «разстригу», «еретика», разорителя православія и къ тому же посягателя на монастырское имущество. (Царь бралъ поборы съ монастырей и отнималъ у нихъ земельные участки). Но религіозное вольномысліе царя, вызвавшее негодованіе православныхъ, не встрѣтило одобренія и у католиковъ: іезуиты, окружавшіе самозванца, отчаялись въ надеждѣ насадить католицизмъ на Руси, папа убѣдился въ безуспѣшности переговоровъ объ уніи, Сигизмундъ III не могъ добиться постройки костеловъ (католическихъ храмовъ) въ Москвѣ.

Г. Внѣшняя политика Лжедимитрія.

Съ Сигизмундомъ III царь ссорился не только изъ-за религіозныхъ, но и изъ-за другихъ вопросовъ: онъ упорно отказывалъ Польшѣ въ тѣхъ земельныхъ уступкахъ (Смоленска и Сѣверской области), которыя обѣщалъ передъ своимъ походомъ на Бориса, и требовалъ отъ польскаго правительства признанія своего царскаго титула. (Впослѣдствіи онъ сталъ титуловаться даже «непобѣдимымъ императоромъ»). Возбуждая всѣмъ этимъ непріязнь со стороны поляковъ, онъ въ то же время съ рѣдкою самонадѣянностью готовился къ походу на турокъ съ цѣлью изгнанія ихъ изъ Европы и для этого подыскивалъ себѣ союзниковъ на Западѣ. Походъ этотъ, если бы онъ осуществился, грозилъ бы неисчислимыми бѣдствіями неокрѣпшему Московскому государству. Изъ изложеннаго видно, что за короткое время своего правленія самозванецъ не сумѣлъ заслужить народнаго расположенія, хотя, при всемъ своемъ легкомысліи и своенравіи, обладалъ и достаточнымъ умомъ и извѣстнымъ добродушіемъ.

Д. Отзывы иностранцевъ о Лжедимитріи.

Большинство иностранцевъ, служившихъ Лжедимитрію, весьма благосклонно отзывается о немъ, преувеличивая, вѣроятно, его достоинства. Такъ разсказываютъ, напримѣръ, что, находясь въ Путивлѣ, онъ простилъ монаховъ, подосланныхъ Борисомъ для отравленія его; что онъ выражалъ готовность помиловать Годуновыхъ и оплакивалъ ихъ гибель; что обѣщалъ быть не царемъ, а отцомъ своихъ подданныхъ и стремился къ тому, чтобы всѣ кругомъ него веселились и не знали никакихъ стѣсненій. Утверждаютъ далѣе, что въ боярской думѣ, которую онъ называлъ сенатомъ, и которой будто

бы далъ правильную организацію, онъ поражалъ присутствующихъ своею смѣткою, умѣньемъ быстро разбираться въ трудныхъ вопросахъ. Ему приписываютъ, далѣе, самые широкіе просвѣтительные планы, желаніе основать въ Москвѣ университетъ и школы, посылать русскихъ для ученья заграницу, обучать ихъ всякимъ наукамъ и искусствамъ. Наконецъ, подчеркиваютъ его рѣдкую въ то время чисто гуманистическую вѣротерпимость, отвращеніе ко всякимъ стѣсненіямъ религіозной свободы. Впрочемъ, послѣднія свойства самозванца, какъ указано выше, были не по сердцу ни католикамъ, ни православнымъ и вовсе не являлись съ ихъ точки зрѣнія достоинствами.

Е. Недовольство народа правленіемъ Лжедимитрія.

Недовольство противъ царя разросталось сильнѣе и сильнѣе. Уже въ началѣ 1606 года московскій посолъ передалъ Сигизмунду III тайную жалобу князей Шуйскихъ и Голицыныхъ, которые упрекали короля за то, что онъ далъ имъ въ цари человѣка низкаго, легкомысленнаго, преданнаго распутству и расточительности, и выражали желаніе свергнуть его и посадить на царство Сигизмундова сына Владислава. Въ Москвѣ во главѣ недовольныхъ снова всталъ возвращенный изъ ссылки В. И. Шуйскій, имѣвшій крѣпкія связи съ московскимъ торговымъ и служилымъ населеніемъ. Онъ обвинялъ царя въ самозванствѣ, въ покушеніяхъ на православіе и въ оскорбительномъ пренебреженіи къ русскимъ обычаямъ. Послѣднее достигло высшей степени послѣ пріѣзда въ Москву (весною 1606 года) царской невѣсты Марины съ отцомъ и многочисленной польской свитой. Польскіе и западно-русскіе выходцы своимъ безцеремоннымъ и разгульнымъ поведеніемъ вызывали страшное раздраженіе москвичей.

Лѣтописецъ негодуетъ на ихъ «крикъ, вопль, говоръ неподобный» и изумляется, «какъ огонь не сойдетъ съ неба и не попалитъ сихъ окаянныхъ». Непрерывная музыка, пѣсни, стрѣльба заглушали привычный для московскаго уха звонъ колоколовъ. Марина, проживая до свадьбы въ монастырѣ, гдѣ находилась ея будущая свекровь (инокиня Мароа), не стѣснялась развлекаться польскими концертами въ самой святой обители, съ презрѣніемъ относилась къ русскимъ обычаямъ, печаловалась, что ей не позволяютъ присутствовать на католическомъ богослуженіи, совершаемомъ привезеннымъ ею ксендзомъ, весьма неохотно исполняла просьбы своего мужа — оказывать хоть внѣшнее уваженіе православію. Готовясь быть московской царицей и добившись до свадьбы коронованія, она и не думала измѣнять католицизму и согласилась только причаститься по православному обряду.

Ж. Сверженіе Лжедимитрія.

Бракосочетаніе царя, совершенное 8 мая, только усилило народное негодованіе: въ царицѣ-католичкѣ видѣли «еретичку»; къ тому же свадьба сы-

грана была съ нарушеніемъ установившихся обычаевъ (подъ Николинъ день) и обиднымъ для москвичей образомъ (простонародье не пустили въ этотъ день даже въ Кремль). На почвѣ общаго недовольства быстро и успѣшно росъ заговоръ, руководителемъ котораго былъ В. И. Шуйскій. Къ нему примкнуло еще нѣсколько княжатъ. Царь чуть ли не ежедневно получалъ отъ близкихъ людей предупрежденія о грозящей ему опасности, но, занятый всецѣло пирами и весельемъ, не обращалъ на нихъ никакого вниманія и даже, по преданію, запретилъ впредь принимать доносы. Такъ провеселился онъ вплоть до рокового утра 17 мая 1606 года, когда Шуйскій со своими клевретами натравилъ московскую толпу на поляковъ и, пользуясь происшедшимъ смятеніемъ и замѣшательствомъ, сдѣлалъ нападеніе на царскій дворецъ. Наемные тѣлохранители и Басмановъ тщетно пытались оборонить царя: онъ оказался въ рукахъ своихъ враговъ, подвергся грубымъ издѣвательствамъ и былъ умерщвленъ. Его трупъ, изуродованный до неузнаваемости, былъ отданъ на страшное поруганіе опьяненной кровью толпы. Вмѣстѣ съ самозванцемъ былъ низложенъ и патріархъ Игнатій.

О гибели самозванца разсказывается слѣдующее. 16 мая вечеромъ Шуйскій, будто бы по приказанію царя, сократилъ численность дворцовой нѣмецкой стражи до 30 человѣкъ, а на разсвѣтѣ слѣдующаго дня освободилъ изъ тюремъ преступниковъ и вооружилъ ихъ. Затѣмъ городъ огласился набатнымъ звономъ. Шуйскій и другіе руководители заговора, собравшись на Красную площадь, стали кричать сбѣгавшемуся народу, будто «паны (т. е. поляки) рѣжутъ бояръ». Толпа принялась громить дома, гдѣ квартировали поляки, Шуйскій же со своими приближенными двинулся въ Кремль, чтобы расправиться съ царемъ. Разбуженный набатнымъ звономъ, царь не сразу созналъ всю опасность и, не успѣвъ во-время спастись изъ дворца, оказался въ западнѣ. Его тѣлохранители вынуждены были сложить оружіе, Басмановъ, старавшійся защитить царя, былъ убитъ. Самозванецъ, крикнувъ заговорщикамъ: «Прочь! я вамъ не Борисъ», хотѣлъ было обороняться, но, подъ натискомъ врывавшейся во дворецъ толпы, рѣшилъ искать спасенія въ бѣгствѣ и отдаться подъ защиту стоявшихъ неподалеку отъ дворца стрѣльцовъ. Онъ выпрыгнулъ изъ окна, при паденіи получилъ сильные ушибы и лишился чувствъ. Очнувшись, онъ сталъ звать на помощь стрѣльцовъ, обѣщая имъ всякія милости. Однако, устрашенные угрозами заговорщиковъ, они не посмѣли выручать его изъ бѣды. Клевреты Шуйскаго внесли царя обратно во дворецъ и здѣсь жестокими издѣвательствами и оскорбленіями старались вынудить у него признаніе въ самозванствѣ. Но все было напрасно: царь продолжалъ называть себя Димитріемъ и умолялъ дать ему возможность обратиться съ рѣчью къ народу. Между тѣмъ одинъ изъ заговорщиковъ крикнулъ, будто инокиня Марѳа не признаетъ больше царя своимъ сыномъ. Возбужденная

этимъ слухомъ толпа, окружавшая дворецъ, стала требовать смерти самозванца, и тогда Григорій Валуевъ пристрѣлилъ его. Трупъ его притащили на Красную площадь, нарядили въ одежду скомороха, и озвѣрѣвшая чернь всячески ругалась надъ нимъ. Затѣмъ его зарыли на кладбищѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ погребали нищихъ, безродныхъ и преступниковъ. Но и въ землѣ не дали ему покоя: пошли слухи, будто надъ его могилой творится что-то неладное, будто онъ мертвымъ ходитъ по Москвѣ. Трупъ вырыли, сожгли, пепломъ зарядили пушку и выстрѣлили въ ту сторону, откуда пришелъ самозванецъ на Русь. Марина лишь случайно укрылась отъ ярости черни. Подвергшись разнымъ униженіямъ и лишившись всѣхъ своихъ сокровищъ и драгоцѣнностей, она вмѣстѣ со своимъ отцомъ отдана была подъ стражу.

Въ теченіе двухъ дней послѣ сверженія самозванца продолжались буйства и польскій погромъ. Руководители заговора противъ царя были сами напуганы грозными размѣрами народнаго волненія, старались укрыть въ безопасныхъ мѣстахъ или выслать заграницу уцѣлѣвшихъ поляковъ и успокоить разбушевавшуюся московскую толпу.

§ 9. Воцареніе В. И. Шуйскаго.

А. Характеръ избранія Шуйскаго.

Самозванецъ былъ низложенъ, и побѣдители-княжата спѣшили пожать плоды своей побѣды, посадивъ на царство представителя аристократической среды. Въ цари они прочили В. И. Шуйскаго, какъ наиболѣе родовитаго вельможу, не мало потрудившагося въ борьбѣ съ прежнимъ царемъ, имѣвшаго притомъ много сторонниковъ среди торгово-промышленнаго населенія Москвы [1]). Не надѣясь однако, что за Шуйскаго выскажется земскій соборъ, они рѣшили обойтись вовсе безъ него. Поэтому, когда бояре, непричастные къ замысламъ княжатъ, заговорили объ избраніи новаго патріарха и о созывѣ земскаго собора, московская толпа, собравшаяся 19 мая на Красной площади, по наущенію приверженцевъ Шуйскаго, стала кричать, что раньше патріарха слѣдуетъ избрать царя, и что царемъ долженъ быть Василій Ивановичъ. Такой крикъ случайной толпы Шуйскій счелъ достаточнымъ основаніемъ для своего воцаренія и черезъ нѣсколько дней, не дождавшись даже выбора патріарха, поторопился вѣнчаться на царство. Итакъ, новый царь былъ не избранъ, а «выкрикнутъ своими доброхотами»; по выраженію современниковъ, онъ «сѣлъ царствовать безъ избранія земскаго» «по волчьему праву»; «и въ Москвѣ», говоритъ лѣтопись, «не вѣдали многіе люди, какъ избрали его».

[1]) У Шуйскаго была такая прочная и давнишняя связь съ московскими посадскими людьми, что одинъ изъ новѣйшихъ историковъ называетъ его даже «посадскимъ царемъ».

Въ самомъ дѣлѣ, обстановка воцаренія Шуйскаго была неказистой и необычной. Далѣе, необычно было и то, что царь, принимая власть, принесъ въ Успенскомъ соборѣ особую присягу. Именно, онъ «цѣловалъ крестъ» (т. е. присягалъ) всей землѣ на томъ, что не будетъ никого предавать смерти, «не осудя истиннымъ судомъ съ боярами своими» не станетъ преслѣдовать родню виновнаго и полагаться на непровѣренные доносы. Эти обѣщанія внесены были въ «крестоцѣловальную запись», которая затѣмъ была обнародована во всеобщее свѣдѣніе [1]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ разсылаемыхъ по всему государству грамотахъ Василій Ивановичъ выражалъ намѣреніе «держать Московское государство (т. е. править имъ) по тому же (т. е. такъ же), какъ прародители наши великіе государи россійскіе цари», и старался доказать законность своего воцаренія. Въ подтвержденіе своихъ правъ на престолъ онъ ссылался на свое происхожденіе отъ Рюрика (котораго такъ же, какъ и Іоаннъ IV, считалъ потомкомъ Августа Кесаря) и отъ Александра Невскаго и называлъ поэтому Русскую землю «отчиною» своихъ прародителей, перешедшую ему по праву рожденія и «по моленью (т. е. избранію и просьбѣ) всѣхъ людей Московскаго государства». (Выраженіе: «Московское государство» могло толковаться двусмысленно: и въ смыслѣ одной Москвы съ ея областью, и въ смыслѣ всей Руси). Наконецъ, чтобы объяснить народу (въ особенности немосковскому населенію) событія 17 мая, новый царь прибѣгъ опять таки къ цѣлому ряду грамотъ, въ которыхъ и отъ своего имени и отъ имени бояръ и инокини Марѳы всячески чернилъ своего предшественника, приписывалъ ему всякія злокозненные замыслы и доказывалъ его тождество съ Григоріемъ Отрепьевымъ. Чтобы убѣдить народъ въ самозванствѣ прежняго царя, Шуйскій не остановился и передъ религіознымъ воздѣйствіемъ: 3 іюня были перенесены изъ Углича въ Москву мощи царевича Димитрія, причисленнаго къ лику святыхъ. Это религіозное торжество Шуйскій какъ бы хотѣлъ использовать въ качествѣ доказательства преступности двухъ ближайшихъ своихъ предшественниковъ, изъ которыхъ первый (Борисъ) теперь уже оффиціально обвинялся въ

---

[1]) Въ крестоцѣловальной записи Шуйскаго нѣкоторые изслѣдователи видятъ ограниченія его власти въ пользу боярства, возведшаго его на престолъ, и думаютъ, что Шуйскій сдѣлалъ неудачную попытку «замѣнить боярское ограниченіе ограниченіемъ всей земли» (т. е. земскаго собора). Именно, по словамъ лѣтописца, въ Успенскомъ храмѣ Шуйскій клялся «ни надъ кѣмъ не сдѣлать безъ собору никакого дурна», а въ крестоцѣловальной записи о соборѣ уже не упоминается, но зато появляется обѣщаніе не казнить никого безъ боярскаго суда. Однако другіе изслѣдователи отрицаютъ ограниченіе власти Шуйскаго и въ записи видятъ не ограничительный договоръ съ боярами, а «торжественный манифестъ», просто возвѣщавшій о возстановленіи стараго порядка управленія, поколебленнаго злоупотребленіями Грознаго и Бориса, преслѣдовавшихъ невинныхъ людей на основаніи ложныхъ доносовъ.

убіеніи царевича мученика, а второй (Самозванецъ) — въ дерзкомъ присвоеніи его имени. Въ соотвѣтствующемъ духѣ составлялись, по порученію Шуйскаго, и литературныя сказанія. Однако всѣ доводы, пущенные въ оборотъ многочисленными грамотами Шуйскаго, не упрочили его положенія. Воцареніе Василія Ивановича не остановило развитія Смуты, а, напротивъ, ускорило его, едва не погубивъ Московскаго государства.

Б. Характеристика В. И. Шуйскаго.

Кромѣ своей исключительной родовитости, Василій Ивановичъ не блисталъ ничѣмъ. Онъ былъ потомкомъ Суздальскихъ князей, ведшихъ свой родъ отъ Александра Невскаго; они превосходили своимъ старѣйшинствомъ московскихъ князей (предкомъ которыхъ былъ младшій сынъ Александра—Даніилъ) и въ XIV вѣкѣ оспаривали у послѣднихъ права на великое княженіе. Въ малолѣтство Іоанна IV Шуйскіе, первенствовавшіе при московскомъ дворѣ, являлись главными смутьянами и своевольниками, и Андрей Шуйскій, отданный юнымъ царемъ на расправу псарямъ, приходился роднымъ дѣдомъ Василію Ивановичу. Послѣдній, вслѣдствіе своей нравственной гибкости и лукавства, сумѣлъ уцѣлѣть среди всѣхъ грозъ, разражавшихся надъ его родней. Службу онъ началъ опричникомъ, избѣжалъ гоненій, поднятыхъ на Шуйскихъ Годуновымъ, и настолько подольстился къ нему, что фигурировалъ сперва въ качествѣ углицкаго слѣдователя, а затѣмъ въ качествѣ одного изъ воеводъ, дѣйствовавшихъ противъ самозванца. Побѣда послѣдняго застала Шуйскаго, какъ извѣстно, врасплохъ: онъ переметывался изъ стороны въ сторону, положилъ было уже свою голову на плаху, но, помилованный въ послѣднюю минуту, возобновилъ свои козни противъ легкомысленнаго царя, доведя ихъ до желаннаго конца. За время своей долгой политической дѣятельности онъ достаточно обнаружилъ свой характеръ: по словамъ одного историка (Костомарова), Василій Ивановичъ «гнулъ шею передъ силою, покорно служилъ власти, пока она была могуча для него, прятался отъ всякой возможности стать съ нею въ разрѣзъ, но измѣнялъ ей, когда видѣлъ, что она слабѣла, и вмѣстѣ съ другими топталъ то, передъ чѣмъ прежде преклонялся; онъ былъ суевѣренъ, но не боялся лгать именемъ Бога и употреблять святыню для своихъ цѣлей; мелочный, скупой до скряжничества, завистливый и подозрительный, постоянно лживый и постоянно дѣлавшій промахи, онъ менѣе чѣмъ кто-нибудь способенъ былъ пріобрѣсть любовь подвластныхъ, находясь въ санѣ государя».

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Народная смута и вмѣшательство иноземцевъ.

§ 1. Смута въ началѣ царствованія Шуйскаго.

«Выкрикнутый» на царство, не любимый народомъ и не обладавшій государственными талантами, Василій Ивановичъ не умѣлъ снискать уваженія даже тѣхъ вельможъ (князей Голицыныхъ, Куракиныхъ и Воротынскаго), которые возвели его на престолъ; съ боярами же, не принадлежавшими къ тѣсному княжескому кружку, онъ совсѣмъ разошелся. Мучимый подозрительностью и поддаваясь, вопреки своему обѣщанію, всякимъ доносамъ, онъ не стѣснялся налагать опалы на неугодныхъ бояръ и раздражать вліятельныхъ людей. Такъ, напримѣръ, онъ вооружилъ противъ себя Романовыхъ тѣмъ, что принудилъ Филарета Никитича отказаться отъ обѣщаннаго ему патріаршества, поставивъ патріархомъ казанскаго митрополита Гермогена[1]).

А. Отношеніе къ Шуйскому различныхъ классовъ населенія.

Московская чернь, возбуждаемая ранѣе Шуйскимъ противъ Годуновыхъ и самозванца и готовая, по словамъ иностранца-современника, еженедѣльно мѣнять государя въ надеждѣ на грабежъ, охотно поднималась теперь противъ самого Василія Ивановича. Уже вскорѣ послѣ воцаренія ему приходилось спасаться отъ народныхъ волненій, запираясь въ Кремлѣ и окружая его пушками. Еще большее недовольство замѣчалось въ различныхъ областяхъ Московскаго государства, для которыхъ воцареніе Шуйскаго являлось полною неожиданностью и самоуправствомъ. Противъ него было козачество и тѣ служилые люди, преимущественно окраинныхъ областей, которымъ аристократическое правленіе Василія Ивановича не сулило никакихъ выгодъ, а скорѣе грозило гоненіями за недавнюю поддержку самозванца. Козачество и крестьяне, естественно, не могли ждать отъ Шуйскаго улучшенія своего тяжелаго положенія; средніе же служилые люди должны были опасаться ухудшенія своей судьбы: во-первыхъ, княжата, которые верховодили теперь дѣлами, были, какъ извѣстно, счастливыми соперниками мелкихъ помѣщиковъ и вотчинниковъ въ борьбѣ за рабочія руки, а, во-вторыхъ, аристократическій строй лишалъ среднее сословіе, какъ «худородное», надежды на выслугу, на повышеніе. Такимъ образомъ, воцареніе Шуйскаго обострило до-нельзя классовые ин-

[1]) Непріязнь Шуйскаго къ Романовымъ объясняется тѣмъ, что онъ такъ же, какъ и Борисъ, видѣлъ въ нихъ лицъ, имѣвшихъ права на московскій престолъ и стоявшихъ во главѣ того круга бояръ, который не могъ примириться съ возрожденіемъ значенія княжатъ.

тересы различныхъ слоевъ русскаго населенія, разожгло до крайности общественную вражду. Этимъ и объясняется, почему движеніе противъ Шуйскаго должно было принять грандіозные размѣры. Отъ предшествовавшаго движенія оно отличалось не только количественно, но и качественно; поэтому въ наукѣ и принято съ воцаренія Шуйскаго начинать новый періодъ смуты. Именно, до него смута носила, такъ сказать, династическій характеръ, являясь борьбою за московскій престолъ. Хотя и возставшіе противъ Годунова руководились, какъ мы видѣли, классовыми интересами, однако послѣдніе уравновѣшивались или, по крайней мѣрѣ, прикрывались желаніемъ доставить торжество тому претенденту, котораго многіе считали или заставляли себя считать истиннымъ царевичемъ. Послѣ же воцаренія Шуйскаго особенно ярко обнаружилась противоположность классовыхъ интересовъ; стремленіе къ удовлетворенію ихъ являлось главнымъ стимуломъ къ возстанію, вслѣдствіе чего, и смута получила съ этого времени характеръ преимущественно народный, имѣла своей цѣлью не столько политическій, сколько общественный переворотъ.

Однако, чтобы объединить всѣ слои общества, недовольные Шуйскимъ, потребовалось опять какое-нибудь знамя, и вновь выкинуто было старое, истрепавшееся, но еще живучее знамя самозванства: были пущены слухи, будто 17 мая въ Москвѣ умертвили не царя Димитрія, а какого-то стрѣльца, Димитрій же вторично чудеснымъ образомъ спасся отъ смерти. Тѣ, которые хотѣли, могли вѣрить правдивости этого слуха: провинціальное населеніе не видѣло трупа убитаго царя, а москвичи видѣли его обезображеннымъ до неузнаваемости. Впрочемъ, пущенный слухъ и не претендовалъ на достовѣрность: непріязнь къ Шуйскому была настолько велика, что движеніе противъ него началось задолго до воплощенія тѣни призрака Димитрія. Оно началось еще въ то время, когда клевреты перваго самозванца: Молчановъ, бѣжавшій изъ Москвы въ Самборъ, и кн. Григ. Шаховской, сидѣвшій воеводою въ Путивлѣ,—тщетно искали человѣка, который рѣшился бы принять на себя роль вторично воскреснувшаго Димитрія. Это показываетъ, что при Шуйскомъ еще гораздо больше, чѣмъ при Годуновѣ, нужна была не личность самого Димитрія, а лишь имя его.

Б. Движеніе Болотникова.

Уже къ осени 1606 года возстаніе противъ Шуйскаго охватило южныя, западныя и восточныя окраины государства; вѣрной ему оставалась пока лишь та часть государства (центръ и Поморье), которая соотвѣтствовала приблизительно территоріи опричнины Грознаго. Въ приволжскомъ краю къ возставшимъ примкнули инородцы, въ особенности мордва. Сюда же пришли съ Терека козаки съ самозванцемъ, выдававшимъ себя за (никогда не существовавшаго) сына покойнаго царя Ѳеодора Іоанновича Петра, скрытаго будто бы въ свое время Борисомъ. (Этотъ самозванецъ—козакъ Илейка Муромецъ—началъ

собою цѣлый рядъ козацкихъ самозванцевъ, принимавшихъ самыя фантастическія имена). Наиболѣе опаснымъ для Шуйскаго было движеніе въ Сѣверской землѣ, поднятое кн. Шаховскимъ и нашедшее способнаго руководителя въ лицѣ бывшаго холопа Ивана Болотникова, прославившагося своими приключеніями. (Захваченный когда-то въ плѣнъ татарами, онъ проданъ былъ въ рабство въ Турцію, бѣжалъ оттуда въ Италію, затѣмъ въ Польшу, сошелся тамъ съ Молчановымъ и былъ отправленъ послѣднимъ къ князю Шаховскому). Шаховской, именемъ царя Димитрія, поручилъ Болотникову начальство надъ значительнымъ отрядомъ, который постоянно пополнялся козаками, «гулящими людьми» и бѣглыми крестьянами. Со своей буйною ратью Болотниковъ одолѣлъ царское войско подъ Кромами и двинулся оттуда къ Москвѣ.

На соединеніе съ нимъ шли служилые люди рязанской и сосѣднихъ съ нею земель, подъ предводительствомъ Прокопія Ляпунова, Григорія Сумбулова и Истомы Пашкова. Соединившись вмѣстѣ, эти разношерстные отряды (въ октябрѣ 1606 года) укрѣпились въ подмосковномъ селѣ Коломенскомъ и грозили беззащитной столицѣ, которая переживала въ это время страшную тревогу, ища спасенія въ покаяніи и религіозныхъ торжествахъ. Однако союзъ Ляпунова и Болотникова не могъ быть, конечно, прочнымъ: войско перваго состояло изъ служилыхъ людей, войско второго—изъ враждебныхъ имъ бѣглыхъ холоповъ и крестьянъ, не считавшихъ даже нужнымъ скрывать своихъ «воровскихъ», т. е. преступныхъ, замысловъ: Болотниковъ въ разсылаемыхъ «листахъ» (т. е. воззваніяхъ) откровенно проповѣдывалъ истребленіе и грабежъ бояръ и всѣхъ состоятельныхъ людей и установленіе такого общественнаго порядка, который соотвѣтствовалъ бы козацкимъ вожделѣніямъ. Служилые люди, простоявъ около мѣсяца съ болотниковскими «ворами» [1]), отлично поняли, что послѣдніе много опаснѣе для нихъ, чѣмъ Шуйскій, и предпочли мириться съ нимъ.

Первыми отъѣхали въ Москву высшіе слои служилыхъ людей коломенскаго ополченія во главѣ съ Ляпуновымъ, который былъ прощенъ и щедро награжденъ царемъ. За ними потянулись и другіе дворяне и дѣти боярскія: съ «ворами» осталась лишь служилая мелкота, да и та измѣнила Болотникову, когда (2-го декабря) воспрянувшій духомъ царь двинулъ московскую рать на коломенскій станъ. Оставшійся безъ союзниковъ Болотниковъ былъ разбитъ и долженъ былъ отступить отъ Москвы съ большимъ урономъ. Онъ укрѣпился въ Калугѣ и цѣлую зиму выдерживалъ осаду московскихъ воеводъ, а затѣмъ перебрался въ Тулу, гдѣ собрались главныя воровскія силы: сюда пришелъ и Лжепетръ (мнимый сынъ Ѳео-

[1]) На языкѣ того времени слово «воръ» обозначало всякаго злоумышленника, беззаконника и преступника.

дора Іоанновича) со своими козаками и два князя, служившіе призраку царя Димитрія, Шаховской и Телятевскій. Между тѣмъ московскіе воеводы съ невѣроятною жестокостью усмиряли области, охваченныя возстаніемъ, предавая ихъ совершенному разоренію и истребляя тысячами плѣнныхъ «воровъ», а самъ царь съ боярами вырабатывалъ указы, имѣвшіе цѣлью прочнѣе, чѣмъ прежде, закрѣпить холоповъ и крестьянъ. (Особенный интересъ представляетъ указъ 9 марта 1607 года, не сохранившійся, впрочемъ, въ подлинномъ видѣ, въ силу котораго 1) вовсе отмѣнялся крестьянскій «выходъ», 2) налагался штрафъ на того, кто принялъ бѣглаго крестьянина, 3) устанавливался 15-ти-лѣтній срокъ для исковъ о бѣглыхъ, 4) обязанность разыскивать ихъ возлагалась на должностныхъ лицъ. Однако важнаго практическаго значенія этотъ указъ не имѣлъ и впослѣдствіи былъ какъ бы забытъ). Лѣтомъ 1607 года Шуйскій выступилъ въ походъ и съ іюня мѣсяца обратился къ осадѣ мятежной Тулы. Осажденные, не ждавшіе себѣ пощады, проявляли отчаянное мужество, но, когда Шуйскій, по совѣту одного сына боярскаго (Кравкова), приказалъ запрудить рѣчку Упу, на которой стоитъ Тула, и такимъ образомъ затопилъ городъ, «воры» не выдержали и стали выдавать царю своихъ вождей. Въ началѣ октября Тула была взята. Началась страшная расправа: Лжепетръ былъ повѣшенъ, Болотниковъ исчезъ безвѣстно (вѣроятно, и его казнили), «воровъ» массами топили, сажали въ тюрьмы, отдавали въ рабство. Нѣкоторые были отпущены на волю и ушли на югъ, чтобы затѣмъ съ еще большимъ озлобленіемъ возобновить борьбу съ правительствомъ Шуйскаго.

§ 2. Борьба Шуйскаго съ Тушинскимъ воромъ.

А. Появленіе Лжедимитрія II.

Но царь Василій Ивановичъ не чуялъ близкой опасности: празднуя взятіе Тулы, онъ не спѣшилъ укрѣпить свою власть въ Сѣверскихъ городахъ, а между тѣмъ оттуда на него надвигалась новая гроза. Еще во время осады Тулы въ Стародубѣ-Сѣверскомъ произошло наконецъ то, чего долго ждали враги Шуйскаго: какой-то невѣдомый человѣкъ провозгласилъ себя царемъ Димитріемъ Ивановичемъ, спасшимся отъ московскаго погрома 17-го мая, и сталъ сзывать къ себѣ приспѣшниковъ[1]). Это былъ вполнѣ сознательный самозванецъ, почти

[1]) Дѣйствительная личность второго самозванца еще менѣе выяснена пока исторической наукой, чѣмъ личность перваго. Спорной является даже его національность; по нѣкоторымъ извѣстіямъ, онъ былъ не русскимъ, а литвиномъ или евреемъ; одно преданіе считаетъ его сыномъ Курбскаго. Явившись на Русь, повидимому, изъ Литвы, самозванецъ выдавалъ себя въ Стародубѣ первоначально за одного изъ Нагихъ, родственниковъ прежняго царя, и говорилъ, что послѣдній, спасшись отъ руки Шуйскаго, скоро явится сюда. Когда же стародубцы, наскучивъ ожиданіемъ, стали грозить мнимому Нагому побоями и пыткой, если онъ не покажетъ имъ царя, онъ самъ принялъ имя Димитрія.

никому не внушавшій довѣрія, сдѣлавшійся очень скоро жалкою игрушкою въ рукахъ своихъ соратниковъ, которые оставляли его, когда хотѣли, глумились надъ нимъ и даже порой брали его подъ стражу. Не соратники служили ему, а скорѣе онъ, т. е. его имя служило имъ для удовлетворенія ихъ разнообразныхъ, большею частью преступныхъ, интересовъ. Лжедимитрій Второй рѣзко отличался отъ Перваго, убѣжденнаго въ своихъ правахъ на престолъ и умѣвшаго убѣждать въ этомъ многихъ другихъ; какъ орудіе злоумышленниковъ - «воровъ», онъ и самъ получилъ отъ неувлеченныхъ смутою современниковъ достойное прозвище «Вора».

Б. Походъ «Вора» и образованіе Тушина.

Однако, несмотря на все свое нравственное ничтожество, Воръ сумѣлъ постепенно собрать вокругъ себя значительныя и притомъ постоянно пополнявшіяся силы, состоявшія изъ польско-литовскихъ выходцевъ [1]), изъ козаковъ и другихъ безпокойныхъ слоевъ московскаго населенія. Со своею разнородною ратью подъ осень 1607 года онъ двинулся къ Тулѣ, но, узнавъ о взятіи ея Шуйскимъ, поспѣшно бѣжалъ назадъ. Не видя однако за собою погони, онъ въ началѣ 1608 года пришелъ въ Орелъ и занялся организаціей своего многочисленнаго войска: гетманомъ, т. е. главнокомандующимъ, былъ избранъ выходецъ изъ Рѣчи Посполитой князь Рожинскій, державшій Вора въ ежовыхъ рукавицахъ, а во главѣ козачества поставлены были Лисовскій (литовскій шляхтичъ) и русскій атаманъ Иванъ Заруцкій, одинъ изъ прежнихъ сподвижниковъ Болотникова. Весною ополченіе Вора нанесло сильное пораженіе московской рати, предводительствуемой братомъ царя Димитріемъ Шуйскимъ, и, подкрѣпившись новыми «воровскими» шайками, къ лѣту 1608 года приблизилось къ Москвѣ и засѣло вблизи нея въ селѣ Тушинѣ, которое съ этого времени сдѣлалось главною крѣпостью и резиденціею Вора. (По имени этого села его стали прозывать «Тушинскимъ Воромъ»). Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ овладѣть Москвою, самозванецъ задался цѣлью занять всѣ дороги, идущія къ столицѣ, и, такимъ образомъ отрѣзавъ ее отъ сношеній со всѣмъ государствомъ, взять ее изморомъ. Этотъ планъ былъ успѣшно выполненъ двумя талантливѣйшими сподвижниками Вора: Лисовскимъ и знатнымъ магнатомъ Яномъ-Петромъ Сапѣгою, который, съ разрѣшенія короля Сигизмунда III, привелъ съ собою цѣлое воинство на помощь самозванцу.

---

[1]) Наплывъ многочисленныхъ выходцевъ изъ Рѣчи Посполитой въ станъ Вора объясняется, главнымъ образомъ, тѣмъ, что какъ разъ въ это время въ Польшѣ было усмирено возстаніе шляхты противъ короля, и участники его частью были изгнаны изъ отечества, частью сами бѣжали. На Руси, терзаемой смутой, имъ открывалось широкое поле дѣятельности. Къ нимъ присоединились и люди, скрывавшіеся отъ кредиторовъ, и всевозможные искатели приключеній, безпорядковъ и легкой наживы.

В. Осада Троицко-Сергіевскаго монастыря и Москвы; успѣхи Вора.

Сапѣга съ осени 1608 года осадилъ Троицко-Сергіевскій монастырь. Прославленная обитель выказала въ годину общественной разрухи и «шатости» (т. е. политической неустойчивости) удивительное геройство и непреклонную стойкость, мужественно выдерживая натискъ осаждавшихъ въ теченіе шестнадцати мѣсяцевъ. Полное оцѣпленіе Москвы не осуществилось только благодаря упорному сопротивленію Коломны, стоявшей на дорогѣ въ рязанскій край; вслѣдствіе этого сношенія Москвы съ нимъ не прекратились, и рязанцы, во главѣ съ Прокопіемъ Ляпуновымъ, вѣрно служили теперь царю Василію [1]), тогда какъ собранные ранѣе въ Москвѣ служилые люди другихъ городовъ разъѣзжались по домамъ, бросая столицу на произволъ судьбы.

Да и само московское населеніе сверху до низу выказывало непозволительную «шатость». Шуйскому не могли простить того, что онъ—«самоизбранный» царь; негодовали на его безталанное правленіе, на его безнравственную жизнь и подозрительную жестокость (по словамъ современника, онъ «хапалъ обоюду, не вѣдая кого», т. е. преслѣдовалъ всѣхъ безъ разбора), сѣтовали на то, что «его ради кровь проливается многая», что «изъ-за него гладъ и мечъ» (т. е. война).

Изголодавшійся во время осады московскій народъ еще чаще, чѣмъ прежде, возставалъ противъ Шуйскаго, грозя ему сверженіемъ съ престола. Эти мятежи вспыхивали не безъ подстрекательства тушинцевъ. Вообще, близость Тушина съ его воровскимъ царемъ, съ его разгуломъ и безнаказаннымъ грабежомъ дѣйствовала развращающимъ образомъ на москвичей: люди очень видные, умѣвшіе при другихъ обстоятельствахъ честно служить отечеству, вступали теперь въ тайныя сношенія съ тушинскимъ правительствомъ; появились также постыдные «перелеты». Именно, москвичи отъѣзжали въ Тушино, признавали Вора царемъ и за это выпрашивали у него чины, дары и пожалованія «деревнишками и людишками», затѣмъ возвращались въ Москву, приносили повинную Шуйскому и за то, что «отъ воровства отстали», получали награды и отъ него. Такимъ позоромъ запятнали себя люди «всякихъ чиновъ», не исключая бояръ и князей (напр., князья Сицкій, Черкасскій, Трубецкой, Засѣкины, Гагаринъ и др.). Кромѣ «перелетовъ» изъ Москвы, «тушинское боярство» постоянно пополнялось и другими людьми самаго различнаго происхожденія, которыхъ разныя побужденія, а главнымъ образомъ, непріязнь къ Шуйскому, влекли въ воровской станъ.

Составъ русскихъ сподвижниковъ Вора—его «думцевъ», придворныхъ и воеводъ—былъ дѣйствительно необыкновенно разношерстнымъ.

[1]) Усердная служба рязанцевъ объясняется въ значительной степени тѣмъ, что до начала осады Москвы они привезли сюда свои семейства.

Здѣсь встрѣчались и «самые худые (т. е. неродовитые) люди, торговые мужики, «молодыя дѣтишки боярскія», въ родѣ кожевника Ѳедьки Андронова или отъявленнаго проходимца Молчанова, который еще при Борисѣ считался измѣнникомъ, участвовалъ въ звѣрской расправѣ надъ его сыномъ, служилъ первому самозванцу, былъ битъ кнутомъ при Шуйскомъ, ушелъ въ Польшу, хотѣлъ самъ играть роль второго самозванца, но удовольствовался лишь подготовкой его, затѣмъ бѣжалъ къ Сапѣгѣ и въ Тушино. Наряду съ такими людьми стояли представители московской знати, возвысившіеся въ эпоху опричнины и Бориса, напр., Салтыковы, Вельяминовы, и даже обломки Годуновскаго рода. Наконецъ, среди «тушинскихъ воеводъ» попадались въ большомъ количествѣ и княжата. Конечно, не любовь къ Вору влекла въ его станъ всѣхъ этихъ людей, и даже не всегда корысть и надежда на возвышеніе. Многіе служили Вору (или, лучше сказать, командовали имъ), такъ какъ видѣли въ немъ такое же орудіе противъ Шуйскаго, какимъ былъ первый Самозванецъ противъ Бориса.

Особое положеніе въ Тушинѣ занималъ Филаретъ Никитичъ Романовъ. Онъ былъ привезенъ въ Тушинскій станъ насильно въ качествѣ плѣнника и претерпѣлъ на пути даже униженія. Но здѣсь онъ сталъ держать себя вполнѣ независимо, не преклоняясь, по словамъ современника, ни направо, ни налѣво. Не имѣя никакихъ основаній любить Шуйскаго и желать ему побѣды, онъ съ другой стороны не могъ также содѣйствовать торжеству Вора. Въ качествѣ «нареченнаго патріарха» (такъ именовался Филаретъ въ Тушинѣ), онъ сумѣлъ сдѣлаться главою русской тушинской знати, которая вмѣстѣ съ нимъ не столько служила Вору, сколько выжидала исхода борьбы его съ Шуйскимъ.

Обстоятельства слагались очень неблагопріятно для послѣдняго: значительная часть Московскаго государства (центръ, верховья Волги, земли приволжскихъ инородцевъ, многіе города Псковской и Новгородской областей, но не самъ Новгородъ) отложились теперь отъ него и передались Вору. Успѣхамъ послѣдняго много содѣйствовалъ пріѣздъ въ Тушино несчастной Марины и вынужденное у нея признаніе Вора своимъ мужемъ.

Послѣ погрома 17 мая 1606 года Марина вмѣстѣ со своимъ отцомъ, свитой и многими знатными поляками содержалась въ заключеніи. Только подъ осень 1608 года Шуйскій по условію, заключенному съ польско-литовскимъ правительствомъ, рѣшилъ отпустить своихъ плѣнниковъ на родину. Юрій Мнишекъ, обратившійся изъ тестя царя въ тестя свергнутаго и опозореннаго Разстриги, стыдился, вѣроятно, вернуться на родину и не прочь былъ поискать счастья въ новыхъ приключеніяхъ. Поэтому, по преданію, онъ намѣренно избралъ такой путь, чтобы быть захваченнымъ тушинскими разъѣздами. Такъ оно и случилось. Мнишка привезли въ Тушино вмѣстѣ

съ Мариною, которую убѣдили, что здѣсь находится ея мужъ—прежній царь. Она искренно радовалась встрѣчѣ съ нимъ, но пришла въ отчаяніе, увидѣвъ себя обманутой. Выхода однако не было. По настоянію Мнишка, который не посовѣстился за деньги продать свою дочь Вору, подъ вліяніемъ убѣжденій какого-то іезуита, говорившаго объ интересахъ католической церкви, и вслѣдствіе уговоровъ и угрозъ тушинскихъ пановъ, несчастная Марина принуждена была признать самозванца своимъ мужемъ и играть роль нѣжной супруги. Самъ Мнишекъ скоро уѣхалъ на родину и не считалъ даже нужнымъ отвѣчать на многочисленныя письма своей дочери, томившейся въ ужасной, разгульной и буйной обстановкѣ разбойничьяго гнѣзда: поразмыславъ, онъ счелъ, вѣроятно, за лучшее забыть о своихъ зятьяхъ, изъ которыхъ одинъ оказался Разстригой, а второй Воромъ, и не связывать своей судьбы съ судьбою дочери, такъ постыдно проданной и преданной имъ. Жертва Марины, которая, какъ увидимъ, несмотря на всѣ испытанія, твердо отстаивала свои права на престолъ, принесла Вору временный успѣхъ.

§ 3. Вмѣшательство иноземцевъ въ смуту.

А. Договоръ Шуйскаго со Швеціей и походъ Скопина.

Успѣхи Вора поставили Шуйскаго въ отчаянное положеніе и побудили обратиться къ иноземной помощи. Онъ поручилъ своему родственнику М. В. Скопину-Шуйскому, посланному въ Новгородскій край для сбора ратныхъ людей, просить военной помощи у шведскаго короля Карла IX, который уже давно предлагалъ Василію Ивановичу свое содѣйствіе для подавленія смуты. Скопинъ, занявъ Новгородъ, отправилъ въ Швецію своего приближеннаго (Головина) для переговоровъ съ королемъ. Въ февралѣ 1609 года въ Выборгѣ былъ заключенъ союзный договоръ, по которому Карлъ за большое денежное вознагражденіе и за уступку ему русскаго города Корѣлы съ окрестностями (т. е. всего юго-восточнаго побережья Финскаго залива съ городами: Иванъ-Городомъ, Ямомъ, Копорьемъ, Орѣшкомъ) обязывался прислать Скопину вспомогательный отрядъ, состоящій изъ 15 тысячъ разноплеменныхъ наемниковъ, подъ предводительствомъ Делагарди.

Поджидая прибытія его, Скопинъ сталъ изъ Новгорода руководить тѣмъ движеніемъ противъ Вора, которое съ конца 1608 года поднялось въ Заволжскихъ сѣверныхъ городахъ (расположенныхъ къ сѣверу отъ средняго теченія Волги), и главными центрами котораго были Вологда (стоявшая на перекресткѣ важнѣйшихъ дорогъ этого края и являвшаяся складочнымъ мѣстомъ для товаровъ, привезенныхъ съ Бѣлаго моря) и Устюгъ.

Какъ извѣстно, сѣверныя области Московскаго государства, по характеру своего быта, не походили на другія: ихъ свободное тяглое населеніе жило самоуправляющимися городскими и сельскими общинами, крѣпко связанными между собою промышленными интересами; оно не знало служилаго землевладѣнія, не было подавлено бременемъ военной службы, не страдало отъ общественной розни и сохранило старинную самодѣятельность. Сѣверные города не питали любви къ Шуйскому и потому, при появленіи здѣсь воровскихъ отрядовъ, не оказывали имъ первоначально особаго сопротивленія, но не спѣшили и присягать Вору, не зная «на чемъ совершится» (т. е. что будетъ впереди). Однако, когда сподвижники Вора начали здѣсь свой обычный безнаказанный грабежъ, а поляки стали къ тому же оскорблять религіозное чувство русскихъ чудовищными кощунствами и глумленіемъ надъ святыней, сѣверные «мужики» не задумались предпочесть порядокъ, поддерживаемый нелюбимымъ Шуйскимъ, разбою того, кто называлъ себя Димитріемъ Ивановичемъ. Города стали обмѣниваться грамотами, призывая другъ друга къ совмѣстнымъ дѣйствіямъ, къ дружному отпору ворамъ. Отъ словъ «мужики» не замедлили перейти къ дѣлу, выказавъ рѣдкую находчивость, умѣнье быстро организовать ополченіе, выбирать себѣ «головъ» (т. е. военачальниковъ), смѣло сражаться и съ воровскими шайками, и съ регулярными польскими отрядами и искусно выгонять воровъ изъ тѣхъ мѣстъ, которыми они завладѣли.

Скопинъ-Шуйскій всячески поддерживалъ движеніе сѣверныхъ «мужиковъ» (т. е. тяглыхъ людей), помогалъ имъ своими совѣтами, отправлялъ къ нимъ своихъ воеводъ. Царь Василій Ивановичъ также слалъ имъ грамоты не только со словами похвалы и одобренія, но и съ полезными указаніями. Успѣхи народнаго ополченія, сумѣвшаго вытѣснить воровъ изъ Заволжья, въ значительной степени облегчали дѣйствія Скопина, который, выступивъ вмѣстѣ съ Делагарди изъ Новгорода лѣтомъ 1609 года, осторожно приближался къ Москвѣ. Соединившись подъ Калязинымъ съ «мужицкими» отрядами, онъ занялъ Александровскую слободу, около которой поджидало его другое войско подъ начальствомъ Ф. И. Шереметева. Послѣдній еще въ 1606 году былъ посланъ Шуйскимъ для усмиренія возставшей Астрахани и мятежныхъ приволжскихъ инородцевъ. Оттуда онъ двинулся въ трудный походъ на сѣверъ и сдѣлался главнымъ руководителемъ земскаго движенія противъ Вора въ Клязьменскомъ краю (т. е. въ мѣстности по рѣкѣ Клязьмѣ между Волгою и Окою). Это движеніе, имѣвшее главную опору въ Нижнемъ-Новгородѣ, происходило одновременно съ заволжскимъ и очень походило на него.

Результатъ земскихъ движеній и дѣятельности Скопина и Шереметева былъ огромный: воровскія шайки были выбиты изъ занятыхъ ими мѣстъ и принуждены даже снять осаду Троицко-Сергіев-

скаго монастыря. Притиснутыя къ Москвѣ, онѣ не представляли прежней опасности, такъ какъ на нихъ изъ Александровской слободы надвигалась сильная рать. Самъ Тушинскій станъ, какъ увидимъ, распался въ началѣ 1610 года. Такимъ образомъ подъ весну этого года Москва была освобождена отъ осады. Шуйскій вторично торжествовалъ побѣду: первую побѣду (надъ Болотниковымъ) онъ одержалъ благодаря поддержкѣ среднихъ служилыхъ людей съ рязанцами во главѣ, которые не могли дѣйствовать за-одно съ козаками, вторую— благодаря самоотверженнымъ стараніямъ сѣверныхъ «мужиковъ» и талантамъ Скопина. Но и это не упрочило положенія Шуйскаго: въ то время, какъ Скопинъ освобождалъ Москву отъ осады, на царя Василія Ивановича шла новая, третья гроза, на этотъ разъ уже роковая. Такой грозой было вмѣшательство въ смуту польскаго короля Сигизмунда III.

Б. Вмѣшательство Сигизмунда III и начало осады Смоленска.

Поводомъ къ вмѣшательству былъ союзный договоръ Шуйскаго со шведскимъ королемъ, съ которымъ Сигизмундъ III находился въ смертельной враждѣ [1]). Перенеся теперь свой гнѣвъ и на Шуйскаго, онъ лѣтомъ 1609 года выступилъ въ походъ, и въ сентябрѣ началъ осаду Смоленска. Геройски обороняемый воеводою Шеинымъ, этотъ крѣпкій городъ не сдавался, и король, расположившись у стѣнъ его на долгую стоянку, сдѣлалъ попытку овладѣть Московскимъ государствомъ мирнымъ дипломатическимъ путемъ. Онъ отправилъ въ Тушино своихъ пословъ, которые, минуя Вора и Марину, должны были вступить отъ имени короля въ непосредственные переговоры съ находившимися въ Тушинскомъ станѣ польско-литовскими выходцами, а также съ русскими тушинскими боярами, во главѣ которыхъ стоялъ Филаретъ. Первыхъ Сигизмундъ III требовалъ къ себѣ на службу подъ Смоленскъ, вторыхъ убѣждалъ признать свою власть, обѣщая за это всякія милости.

В. Распаденіе Тушинскаго стана.

Прибытіе въ концѣ 1609 года пословъ съ такими предложеніями произвело въ Тушинѣ большой переполохъ и даже междоусобіе. Многіе польско-литовскіе выходцы негодовали на короля за то, что, вмѣшавшись въ смуту, онъ пользуется плодами ихъ трудовъ и думаетъ лишить ихъ добычи. Однако, пошумѣвъ и поломавшись, они все же рѣшили итти на службу къ Сигизмунду; лишь небольшое число ихъ предпочло выжидать событій. Воръ игралъ самую жалкую

[1]) Вражда происходила изъ-за шведскаго престола. Сигизмундъ (изъ династіи Ваза) былъ раньше шведскимъ королемъ, но затѣмъ шведы свергли его съ престола и провозгласили королемъ его дядю Карла IX. Племянникъ объявилъ дядѣ войну, и послѣдній, заключая въ 1609 году договоръ съ Шуйскимъ, заручился между прочимъ обѣщаніемъ русской помощи противъ Сигизмунда III.

роль въ происходившей суматохѣ: пренебрегаемый королевскими послами, оскорбляемый своими слугами, дрожа за свою жизнь, онъ (въ началѣ января 1610 года) тайкомъ бѣжалъ въ Калугу, призывая къ себѣ вѣрныхъ козаковъ и побуждая ихъ къ борьбѣ съ измѣнниками поляками. Между ними, дѣйствительно, произошло нѣсколько кровавыхъ столкновеній, такъ какъ большинство козаковъ держало сторону своего «царика», т. е. самозванца, и пошло къ нему въ Калугу. Туда же вскорѣ помчалась и Марина, предварительно обратившись къ королю съ письменнымъ протестомъ противъ его вмѣшательства въ дѣла Московскаго государства, которое она считала своимъ достояніемъ.

Слова этого протеста обнаруживаютъ въ Маринѣ сильную, непреклонную натуру. «Если кѣмъ-нибудь на свѣтѣ играла судьба», писала Марина, «то конечно мною; изъ шляхетскаго званія она возвела меня на высоту московскаго престола только для того, чтобы бросить въ ужасное заключеніе; только лишь проглянула обманчивая свобода, какъ судьба ввергнула меня въ неволю, на самомъ дѣлѣ еще злополучнѣйшую, и теперь привела меня въ такое положеніе, въ которомъ я не могу жить спокойно, сообразно своему сану. Все отняла у меня судьба; остались только справедливость и право на московскій престолъ, обезпеченное коронаціею, утвержденное признаніемъ за мною титула московской царицы, укрѣпленное двойною присягою всѣхъ сословій Московскаго государства». Гонимая отовсюду», писала Марина въ другомъ посланіи, «свидѣтельствуюсь Богомъ, что буду вѣчно стоять за мою честь и достоинство. Бывши разъ московскою царицею, повелительницею многихъ народовъ, не могу возвратиться въ званіе польской шляхтянки, никогда не захочу этого».

Г. Договоръ Тушинской знати съ королемъ.

Въ распадавшемся Тушинскомъ станѣ Филаретъ и руководимые имъ русскіе бояре и служилые люди выработали свой особый планъ дѣйствій. На предложеніе королевскихъ пословъ признать московскимъ государемъ Сигизмунда III они отвѣтили уклончивымъ заявленіемъ, что не могутъ этого сдѣлать безъ «совѣта всей земли» (т. е. земскаго собора). Однако вмѣстѣ съ тѣмъ они рѣшили, повидимому по соглашенію съ московскими недругами Шуйскаго, снарядить посольство подъ Смоленскъ, чтобы просить на московскій престолъ Сигизмундова сына Владислава и договориться объ условіяхъ его воцаренія. Тушинскіе посланцы (М. Г. Салтыковъ съ сыномъ, князья Юрій Хворостининъ и Вас. Мосальскій, Левъ Плещеевъ и другіе) прибыли въ станъ Сигизмунда и (4 февраля 1610 года) заключили съ нимъ договоръ. Сущность его заключалась въ слѣдующемъ: король отпускалъ своего сына на Московское царство; между Рѣчью Посполитою и Московскимъ государствомъ заключался тѣсный военный союзъ; послѣднее сохраняло полную внутреннюю самостоятельность: православіе и весь московскій распорядокъ оставались въ неприкосновенности.

Чтобы это условіе не оказалось мертвой буквой, рѣшено было ограничить власть Владислава думою и судомъ бояръ и «совѣтомъ всея земли». Далѣе Владиславъ обязывался не понижать безъ вины людей «великихъ чиновъ», уважать мѣстническія отношенія, но въ то же время возвышать «меньшихъ» людей по заслугамъ. Ему ставилось также въ обязанность разрѣшать русскимъ людямъ ѣздить за-границу «для науки», открыть свободный пропускъ русскимъ купцамъ черезъ Польшу и Литву. Наконецъ, новоизбранный царь долженъ былъ заботиться объ интересахъ землевладѣльцевъ и о расширеніи ихъ правъ надъ крестьянами и холопами и «не давать вольности» послѣднимъ. Условія договора 4 февраля 1610 года показываютъ, что творцами его были люди, возвысившіеся въ эпоху Годунова, проникшіеся его идеями. Стремясь къ возстановленію выгодныхъ для нихъ Годуновскихъ порядковъ, они надѣялись легче достигнуть этого въ уніи съ иновѣрной Рѣчью Посполитой и подъ властью царя-иноплеменника, чѣмъ подъ скипетромъ Рюриковича-Шуйскаго, придерживавшагося несимпатичной имъ княжеской политической программы.

Д. Критическое положеніе Шуйскаго и его сверженіе.

Изъ изложеннаго видно, что въ то время, какъ Василій Ивановичъ Шуйскій торжествовалъ свою побѣду, за его спиною избирали новаго царя. Да и опасность со стороны Вора еще не совсѣмъ исчезла. Правда, Тушино, распавшееся, какъ выяснено, не только вслѣдствіе успѣховъ Скопина, но еще болѣе вслѣдствіе вмѣшательства Сигизмунда III, совершенно опустѣло и (въ мартѣ 1610 года) было даже сожжено Рожинскимъ (который вскорѣ послѣ этого умеръ). Однако Воръ съ его козачествомъ продолжалъ грозить изъ Калуги. Такимъ образомъ вмѣсто одного врага Шуйскій имѣлъ уже двухъ: Сигизмунда съ его сыномъ и Вора. При такихъ обстоятельствахъ онъ могъ бы удержаться на престолѣ лишь при дружной поддержкѣ всего народа. Но именно на это и не могъ разсчитывать «самоизбранный» и «несчастливый» царь Василій. Единственнымъ оплотомъ его былъ Скопинъ, талантливый полководецъ, вдохновитель и вождь «сѣверныхъ мужиковъ», любимый герой московскаго народа. Однако Шуйскій, и въ особенности его родные братья, завистливо смотрѣли на Скопина, подозрѣвая въ немъ претендента на царство. Весною 1610 года (23 апрѣля), вскорѣ послѣ своего торжественнаго въѣзда въ освобожденную Москву и во время приготовленій къ походу на Сигизмунда, 23-хъ-лѣтній Скопинъ внезапно скончался. Молва приписала его смерть козняхъ Шуйскихъ[1]). Василій Ивановичъ лишился не только послѣд-

[1]) Неизвѣстно, насколько справедлива эта молва. Шуйскій имѣлъ нѣкоторыя основанія подозрительно относиться къ Скопину: послѣдній еще въ Александровской слободѣ получилъ отъ Прокопія Ляпунова посланіе, въ которомъ тотъ отъ имени

няго побѣдоноснаго военачальника, но и послѣдняго народнаго довѣрія. Со времени кончины Скопина дни правленія Шуйскаго были сочтены.

Надъ тѣмъ, «какъ бы царя Василія съ государства ссадить», стали думать теперь не одни московскіе бунтари, но и два кружка видныхъ и вліятельныхъ людей. Во главѣ перваго стояли князь Вас. Вас. Голицынъ, мечтавшій самъ о престолѣ, и Прокопій Ляпуновъ, который лелѣялъ надежду провозгласить царемъ Скопина, а послѣ его смерти настолько возненавидѣлъ Шуйскаго, что готовъ былъ предпочесть ему хотя бы Вора. Осторожнымъ руководителемъ второго кружка сдѣлался Филаретъ, возвращенный въ Москву изъ Тушина, встрѣченный здѣсь съ почетомъ, но неизмѣнившій своей непріязни къ Шуйскому. Этотъ второй кружокъ стремился къ возведенію на престолъ Владислава на основаніяхъ договора, заключеннаго 4 февраля 1610 года тушинскою знатью.

Доканала Шуйскаго страшная военная неудача, постигшая его брата Димитрія. Этотъ бездарный, нелюбимый народомъ воевода, назначенный послѣ смерти Скопина главнокомандующимъ, выступилъ противъ польскаго гетмана Жолкѣвскаго, который шелъ изъ-подъ Смоленска вглубь Московскаго государства. Враги встрѣтились у села Клушина, и здѣсь Жолкѣвскій нанесъ непоправимое пораженіе Димитрію Шуйскому, отбросилъ къ Новгородской землѣ вспомогательный шведскій отрядъ и сталъ приближаться къ Москвѣ. Узнавъ о Клушинской битвѣ, Воръ тоже встрепенулся и изъ Калуги двинулся на Москву. Его приверженцы стали убѣждать москвичей низложить Шуйскаго, обѣщая въ такомъ случаѣ отказаться и отъ своего «царика», чтобы «всей землей» избрать новаго царя. Вѣсть о позорномъ Клушинскомъ пораженіи, страхъ передъ Жолкѣвскимъ, лживыя обѣщанія «воровскихъ людей» и, наконецъ, увѣренность въ полной беззащитности Шуйскаго, — все это вызвало въ Москвѣ открытый мятежъ 17-го іюля 1610 года. Толпа, руководимая Захаромъ Ляпуновымъ (братомъ Прокопія), бросилась ко дворцу и послѣ долгихъ препирательствъ съ царемъ принудила его отречься отъ престола. Вскорѣ затѣмъ Василій Ивановичъ былъ насильно постриженъ въ монахи.

народа выражалъ желаніе видѣть Скопина царемъ. Негодуя на это посланіе, Скопинъ однако не счелъ нужнымъ говорить о немъ Шуйскому и этимъ возбудилъ въ послѣднемъ подозрѣніе. Далѣе Василію Ивановичу могло быть также извѣстно, что и скопинская рать называла своего вождя царемъ. Наконецъ, опасной представлялась ему и та необыкновенная популярность, которою пользовался Скопинъ въ Москвѣ. Весьма естественно поэтому, что, когда Скопинъ внезапно заболѣлъ на крестинномъ пиру у князя Воротынскаго, то не только москвичи, но и иностранцы-современники стали говорить, что его отравила жена Димитрія Шуйскаго (брата Василія), положивъ ядъ въ поданную ему чашу съ виномъ.

§ 4. Семибоярщина и избраніе Владислава.

А. Договоръ съ Жолкѣвскимъ и великое посольство.

Послѣ низложенія Шуйскаго значеніе законной власти сохранила лишь боярская дума. Въ ней первенствовалъ въ это время князь Ф. И. Мстиславскій; около него сгруппировалось еще 6 виднѣйшихъ представителей боярства. Этотъ кружокъ, оффиціально называвшійся «Князь Ф. И. Мстиславскій съ товарищи», а неоффиціально—«семибоярщина» или «седмочисленные бояре», и сдѣлался временнымъ правительствомъ. Ему приходилось считаться 1) со смутой, царившей въ большей части государства, 2) съ близостью Вора, несшею торжество козацкихъ порядковъ, 3) съ успѣхами Жолкѣвскаго, грозившими завоеваніемъ столицы и всей страны, и при такихъ исключительно тяжелыхъ обстоятельствахъ рѣшать вопросъ объ избраніи преемника Шуйскому. Временное правительство нашло только одинъ выходъ изъ труднаго положенія: оно рѣшило опереться на извѣстный тушинскій договоръ объ избраніи на царство Владислава. Сдѣлавъ въ немъ кое-какія поправки въ аристократическомъ духѣ, «седмочисленные бояре» представили его на одобреніе и утвержденіе наскоро созваннаго земскаго собора, состоявшаго изъ москвичей и находившихся въ Москвѣ провинціаловъ, и поспѣшили вступить въ переговоры съ Жолкѣвскимъ. Ему было сообщено, что Владиславъ избранъ «всѣмъ государствомъ» на извѣстныхъ условіяхъ, обезпечивающихъ неприкосновенность православія и русскихъ обычаевъ. Эти условія были приняты польскимъ гетманомъ. 17-го августа 1610 года договоръ былъ подписанъ, и Москва присягнула Владиславу.

Затѣмъ снарядили «великое» посольство подъ Смоленскъ, чтобы просить короля отпустить сына на Московское царство. Въ составъ этого многочисленнаго посольства вошла значительная часть московскаго земскаго собора; представителемъ отъ боярства отправился князь Василій Васильевичъ Голицынъ, представителемъ отъ духовенства—Филаретъ. Выборъ этихъ двухъ лицъ, произведенный не безъ давленія Жолкѣвскаго, преслѣдовалъ особую цѣль: въ лицѣ Голицына удаленъ былъ изъ Москвы вельможа, считавшій себя, какъ извѣстно, претендентомъ на престолъ, въ лицѣ Филарета—представитель наиболѣе любимой боярской фамиліи и отецъ юнаго Михаила Ѳеодоровича, котораго уже теперь многіе хотѣли видѣть царемъ. Для укрѣпленія кандидатуры Владислава дѣйствительно нужны были исключительныя мѣры предосторожности, такъ какъ, хотя соборъ и утвердилъ его избраніе подъ условіемъ принятія имъ православія, однако желаніе посадить на царство иноплеменника было далеко не единодушнымъ; къ тому же московская чернь не переставала волноваться и готова была признать Вора, несмотря на то, что онъ былъ прогнанъ Жолкѣвскимъ въ Калугу.

Опасаясь народныхъ возстаній и противодѣйствія воцаренію Владислава, бояре прибѣгли къ крайней мѣрѣ: они пригласили Жолкѣвскаго занять Москву польскимъ отрядомъ, надѣясь найти въ немъ поддержку порядка и своей власти вплоть до прибытія новоизбраннаго царя. Вступленіе польскаго войска въ столицу, казалось, вполнѣ обезпечивало престолъ Владиславу. Однако, очень скоро и бояре и Жолкѣвскій убѣдились, что дѣло, такъ быстро налаженное ими, неминуемо должно рухнуть. Разрушилъ его никто иной, какъ своенравный и взбалмошный Сигизмундъ, который не только не допускалъ перехода Владислава въ православіе, но и вовсе не хотѣлъ отпускать его на московскій престолъ, а добивался престола для себя и распоряжался Московскимъ государствомъ, какъ завоеванной страной.

Б. Отношеніе Сигизмунда III къ кандидатурѣ сына и поведеніе пословъ.

Для подготовленія своего воцаренія король затягивалъ переговоры съ прибывшими къ нему «великими послами» и требовалъ отъ нихъ 1) чтобы они побудили жителей Смоленска сдаться ему, 2) чтобы они вернулись обратно въ Москву и ратовали тамъ въ пользу его избранія на престолъ и подчиненія всего государства его волѣ [1]). Своей безцеремонной дипломатіей, угрозами и обѣщаніями Сигизмундъ произвелъ расколъ среди пословъ: нѣкоторые поддались его увѣщаніямъ, другіе, въ особенности князь Голицынъ, Филаретъ и дьякъ Томила Луговскій, упорно и мужественно отстаивали договоръ 17-го августа и поплатились за это: король, въ концѣ концовъ, не постѣснился отправить ихъ какъ плѣнниковъ въ Польшу.

В. Положеніе московскихъ бояръ.

Еще менѣе стѣснялся Сигизмундъ съ московскими боярами. Жолкѣвскій недолго оставался въ Москвѣ: сознавая всю безразсудность притязаній Сигизмунда и не желая участвовать въ нарушеніи договора 17-го августа, гетманъ поспѣшилъ удалиться въ Польшу, увозя съ собою изъ Москвы, въ качествѣ плѣнниковъ, Василія Ивановича Шуйскаго и его братьевъ. При замѣстителѣ Жолкѣвскаго—Гонсѣвскомъ бояре оказались «все равно, что въ плѣну». Москва наводнялась русскими «измѣнниками»—приспѣшниками Сигизмунда, многіе изъ которыхъ были настоящими проходимцами. Эти люди (напр., Салтыковъ, торговецъ Федоръ Андроновъ и др.) получали отъ короля щедрыя пожалованія, назначались на высшія должности, вмѣшивались въ дѣла боярской думы и, опираясь на польскій гарнизонъ, такъ помыкали боярами, что послѣдніе «только сидѣли да смотрѣли», а нѣкоторые попали даже въ заточеніе. Да и все московское насе-

[1]) Возвращеніе пословъ въ Москву нужно было Сигизмунду для того, чтобы они, соединившись съ московскими боярами и духовенствомъ, могли возстановить въ полномъ видѣ земскій соборъ, который, какъ надѣялся Сигизмундъ, изберетъ его на царство вмѣсто Владислава.

леніе изнывало подъ бдительнымъ надзоромъ и гнетомъ поляковъ, введшихъ въ столицѣ чисто военное положеніе.

Итакъ, попытка возстановить порядокъ въ Московскомъ государствѣ посредствомъ избранія польскаго королевича и установленія уніи съ Польшей оканчивалась трагически: она оканчивалась глумленіемъ Сигизмунда надъ «великими послами», безудержнымъ своеволіемъ польскаго военачальника и королевскихъ клевретовъ въ Москвѣ, окончательнымъ униженіемъ московскаго боярства и угнетеніемъ русской народности. Однако наряду съ такимъ трагическимъ результатомъ сталъ выясняться и другой результатъ — свѣтлый и положительный. Страхъ передъ иноземнымъ и иновѣрнымъ владычествомъ долженъ былъ отрезвляющимъ образомъ подѣйствовать на русскихъ людей, способствовать ихъ нравственному возрожденію, подъему патріотическаго и національнаго чувства.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Національное движеніе и возстановленіе порядка.

§ 1. Развитіе національнаго чувства и дѣятельность Гермогена.

Съ осени 1610 года въ исторіи смуты замѣчается переломъ: появляются первые признаки національнаго движенія, имѣющаго цѣлью возстановить порядокъ и отстоять русскую народность и православіе отъ чужеземныхъ покушеній. Вдохновителемъ этого движенія былъ «крѣпкостоятельный пастырь», сильный волей патріархъ Гермогенъ, а дѣятелями его—средніе служилые и тяглые люди.

А. Внутренняя связь предшествующихъ событій.

Изложенныя выше событія разыгрались съ роковою неизбѣжностью. Сверженіе Шуйскаго, какъ сказано, совершилось при дѣятельномъ участіи двухъ враждебныхъ ему кружковъ: однако ни одному изъ нихъ не удалось вполнѣ осуществить своей программы (одинъ кружокъ, какъ извѣстно, хотѣлъ возвести на престолъ кн. В. В. Голицына, другой стремился привести въ исполненіе договоръ 4 февраля). Тогда руководители этихъ кружковъ соединились вмѣстѣ, составивъ семибоярщину, въ которую входили лица, близкія какъ Голицыну (князья Мстиславскій, Воротынскій, Трубецкой, А. П. Голицынъ), такъ и Филарету (Ив. И. Романовъ, Ф. И. Шереметевъ, кн. Лыковъ); они пришли къ соглашенію между собою, каковымъ является договоръ 17 августа. Основа его—проектъ тушинской знати, составленный, какъ мы знаемъ, при участіи Филарета. Однако въ угоду княжатамъ изъ него выкинуты были нѣкоторыя новшества, напр., статьи о свободѣ выѣзда русскихъ заграницу, о повышеніи людей «меньшаго сана» (т. е. сословія) и, напротивъ, под-

черкнуто обязательство «московскихъ княжецкихъ и боярскихъ родовъ... не тѣснить и не понижать»[1]). Такое соглашеніе объясняется не столько принципіальными, сколько практическими соображеніями: 1) непрочность положенія Бориса Годунова и Шуйскаго побуждала многихъ русскихъ людей отказаться отъ попытки избранія на престолъ кого-нибудь изъ бояръ; 2) близость къ Москвѣ двухъ недруговъ—Вора и Жолкѣвскаго—заставляла временное правительство сдѣлать выборъ между ними, а польскій гетманъ представлялся семибоярщинѣ менѣе страшнымъ, чѣмъ козацкій «царикъ»; 3) избраніе Владислава казалось неизбѣжнымъ, такъ какъ Жолкѣвскій властно требовалъ признанія договора 4 февраля. Поэтому бояре и поторопились начать съ нимъ переговоры до завоеванія имъ Москвы, чтобы воспользоваться правами договаривающейся, а не побѣжденной стороны. Опасаясь упрека въ превышеніи власти, они пытались созвать въ Москвѣ «совѣтъ всея земли», но неблагопріятныя обстоятельства и спѣшка побудили ихъ ограничиться такимъ составомъ земскаго собора, какой считался обычнымъ въ XVI вѣкѣ. Получивъ его одобреніе, они заключили договоръ съ Жолкѣвскимъ, при чемъ особенно настаивали на переходѣ въ православіе Владислава и на неприкосновенности устоевъ Московскаго государства. Вмѣстѣ съ тѣмъ бояре сочли нужнымъ для подкрѣпленія своего авторитета призвать Жолкѣвскаго съ войскомъ въ Москву. Этимъ они сдѣлали громадную ошибку. Правда, гетманъ отличался необыкновеннымъ тактомъ и всегда умѣлъ сочетать приверженность къ польскимъ интересамъ съ уваженіемъ къ русскимъ; поляковъ, оскорблявшихъ національное чувство москвичей, онъ безпощадно каралъ, а Сигизмунду горячо доказывалъ неправильность его дѣйствій и не остановился даже передъ выходомъ въ отставку, когда увидѣлъ безполезность своихъ увѣщаній (въ упрекъ лично Жолкѣвскому можно поставить только то, что онъ увезъ съ собою Шуйскаго, выдавая его какъ бы за своего царственнаго плѣнника). Однако, впуская польскія войска въ столицу, бояре облегчали Сигизмунду его лукавую политику: король, не добившись возвращенія всѣхъ пословъ въ Москву и избранія своего на царство, могъ, опираясь на отрядъ Гонсѣвскаго, самовольно распоряжаться въ русской столицѣ и считать себя ея фактическимъ властителемъ. Бояре, какъ извѣстно, были жестоко наказаны за свою оплошность: лишившись всякаго значенія и власти, припертые къ стѣнѣ Сигизмундовой кликой, они пали и нравственно, такъ какъ въ концѣ концовъ готовы были признать московскимъ царемъ творца Брестской церковной уніи. Такимъ образомъ событія привели къ тому, что опытъ возстановленія государственнаго порядка подъ

[1]) Замѣтимъ также, что, по условіямъ этого договора, «судъ и установленіе новыхъ податей предоставлялись боярской думѣ, а законодательство — земскому собору».

властью инороднаго государя (Владислава) сталъ, по словамъ историка (Платонова), «послѣднимъ политическимъ актомъ въ исторіи московскаго боярства». На смѣну его вышли другіе общественные слои. Громадное большинство русскаго народа не могло мириться съ польскимъ владычествомъ. Передъ страхомъ утратить національную и религіозную независимость должны были смолкнуть личные счеты, партійная вражда, сословная рознь, однимъ словомъ все, что питало Смуту.

Б. Характеристика Гермогена.

Всколыхнувшееся національное движеніе должно было вознести наверхъ именно патріарха Гермогена, который и по своему положенію и по убѣжденіямъ подходилъ къ роли руководителя борцовъ за народное дѣло. При отсутствіи царя, при полномъ развалѣ боярской думы патріархъ былъ естественно единственнымъ «начальнымъ человѣкомъ», т. е. представителемъ власти. Значитъ, онъ не могъ уклониться отъ правительственной дѣятельности. Давнишняя традиція русскаго духовенства указывала ему и направленіе ея, вмѣняя въ обязанность блюсти православіе и русскіе устои жизни и противодѣйствовать иноземнымъ вліяніямъ. Гермогенъ съ тѣмъ большимъ успѣхомъ могъ направить свою дѣятельность именно по этому пути, что всей предшествующей своей жизнью онъ доказалъ горячую приверженность къ старинѣ и непріязнь къ новшествамъ. Онъ происходилъ изъ простого народа, но получилъ хорошее богословское образованіе. Дѣятельность свою онъ началъ въ Казани сперва священникомъ, затѣмъ архимандритомъ и, наконецъ, въ 1589 году былъ поставленъ митрополитомъ казанскимъ. Семнадцать лѣтъ онъ занималъ этотъ санъ и много потрудился надъ распространеніемъ и укрѣпленіемъ христіанства среди иноплеменнаго населенія своей епархіи. Въ царствованіе Лжедимитрія Гермогенъ былъ однимъ изъ самыхъ горячихъ и неустрашимыхъ его обличителей, а вскорѣ послѣ воцаренія Шуйскаго возведенъ былъ въ патріаршество, но не игралъ сначала особенно замѣтной роли. Не любя Шуйскаго и отличаясь, несмотря на природную доброту и незлобивость, видимою суровостью характера и даже нѣкоторою грубостью, патріархъ часто ссорился и спорилъ съ царемъ, однако считалъ его главнымъ оплотомъ порядка, вѣрно служилъ ему и самоотверженно поддерживалъ его въ трудныя минуты: писалъ грамоты противъ Болотникова, обличалъ «перелетовъ», отстаивалъ царя во время московскихъ мятежей, подвергаясь за это даже жестокимъ оскорбленіямъ и побоямъ, противился низложенію Шуйскаго, не признавалъ его постриженія въ монахи. Въ оцѣнкѣ происходившихъ событій Гермогенъ выказалъ большую прозорливость: онъ сразу понялъ «воровской» характеръ болотниковскаго движенія, побуждалъ Шуйскаго къ энергичнымъ дѣйствіямъ противъ Вора; противился вмѣшательству иноземцевъ въ русскія дѣла; очень неохотно соглашался на избраніе Владислава,

стремясь возвести на престолъ М. Ѳ. Романова; наконецъ, всѣми силами противодѣйствовалъ введенію польскаго отряда въ Москву и съ трудомъ мирился съ Жолкѣвскимъ. Легко забывая личныя обиды, щедро благотворя всѣмъ нуждающимся, охотно прощая кающихся, первосвятитель былъ непреклоненъ по отношенію къ врагамъ родины и отличался рѣдкою стойкостью въ своихъ убѣжденіяхъ.

В. Дѣятельность Гермогена.

Издавна извѣстный какъ страстный ревнитель православія и русской народности и горячій противникъ вмѣшательства иноземцевъ въ русскія дѣла, Гермогенъ долго чувствовалъ себя одинокимъ; онъ могъ перейти отъ слова къ дѣлу только тогда, когда это вмѣшательство вызвало національное противодѣйствіе, когда и оставшіеся вѣрными долгу «великіе послы» и нѣкоторые изъ москвичей стали разъяснять народу въ своихъ тайныхъ грамотахъ замыслы Сигизмунда. Чѣмъ глубже распространялось національное движеніе, тѣмъ болѣе росло значеніе патріарха: въ немъ готовы были видѣть пророка, его называли «новымъ Златоустомъ». Почувствовавъ нравственную опору, Гермогенъ смѣло и самоотверженно принялся дѣйствовать. Уже въ началѣ декабря 1610 года онъ, несмотря на угрозы передавшихся Сигизмунду бояръ, запретилъ присягать королю, а вскорѣ затѣмъ сталъ разсылать по разнымъ городамъ грамоты, призывая русскихъ людей къ вооруженной борьбѣ съ поляками.

Успѣху этихъ грамотъ способствовали два обстоятельства: 1) штурмъ Смоленска и плѣненіе «великихъ пословъ», которыхъ король отправилъ въ Польшу, 2) убіеніе Вора (10 декабря) однимъ изъ его приближенныхъ. Первое обстоятельство явно обнаруживало въ Сигизмундѣ врага, второе—освобождало русскихъ отъ другого врага и этимъ облегчало ихъ дѣйствія противъ поляковъ. Рѣшительная дѣятельность Гермогена скоро дала важные результаты: патріаршьи грамоты поддержали національное движеніе и побудили многихъ къ участію въ немъ. Это движеніе выразилось въ образованіи двухъ «земскихъ» ополченій, выступившихъ одно послѣ другого на освобожденіе Москвы.

§ 2. Первое земское ополченіе.

А. Дѣятельность Ляпунова.

Первое ополченіе собиралось уже въ самомъ началѣ 1611 года. Цѣлый рядъ городовъ (прежде всего Рязань, Нижній-Новгородъ и Ярославль) сталъ посылать своихъ служилыхъ и тяглыхъ людей на выручку Москвы. Главнымъ устроителемъ и руководителемъ сбиравшихся ратей сдѣлался извѣстный думный дворянинъ Прокопій Ляпуновъ, принимавшій замѣтное участіе во всѣхъ предшествующихъ событіяхъ смуты и послѣ своего ухода отъ Болотникова назначенный на вліятельную должность Рязанскаго воеводы. Ляпуновъ стоялъ во

главѣ тѣхъ людей, которые при Шуйскомъ боролись съ Тушинскимъ Воромъ. Однако онъ вознамѣрился теперь привлечь къ національному дѣлу и приверженцевъ недавно погибшаго «царика». Къ этому побуждало его нѣсколько соображеній: во-первыхъ, онъ опасался, что «воровскія шайки» станутъ вредить земскому ополченію, если не будутъ приняты въ его составъ; во-вторыхъ,—надѣялся борьбой съ поляками отвратить ихъ отъ привычныхъ разбоевъ; въ-третьихъ, стремился просто къ увеличенію своей рати. Поэтому Ляпуновъ не только охотно принялъ въ свой станъ добровольно пришедшихъ къ нему прежнихъ тушинскихъ бояръ и служилыхъ людей подъ предводительствомъ князя Димитрія Трубецкого, но сталъ призывать къ себѣ на службу и «старыхъ» (т. е. давно ушедшихъ въ козачество) козаковъ, обѣщая имъ «волю, жалованье и помѣстья». На зовъ его явились многочисленные козацкіе отряды подъ начальствомъ Ивана Заруцкаго и Просовецкаго. Такимъ образомъ создалось огромное (около 100 тысячъ человѣкъ), но разношерстное и поэтому недостаточно сплоченное ополченіе. Во второй половинѣ марта 1611 года оно подошло къ столицѣ.

Б. Положеніе дѣлъ въ Москвѣ.

Къ этому времени отношенія между московскимъ населеніемъ и польскимъ войскомъ сдѣлались явно враждебными: Гонсѣвскій ежеминутно ожидалъ открытаго возмущенія. И дѣйствительно очень скоро (19 марта) оно вспыхнуло. Возставшимъ москвичамъ помогъ передовой отрядъ приближавшагося къ Москвѣ ополченія, при чемъ предводитель этого отряда кн. Димитрій Мих. Пожарскій былъ раненъ въ стычкѣ съ поляками. Вытѣснить поляковъ изъ столицы однако не удалось: они перебили многихъ москвичей, сожгли почти всю Москву, а сами вмѣстѣ съ боярами заперлись въ ея внутреннихъ укрѣпленіяхъ: Кремлѣ и Китай-городѣ. Земское ополченіе, расположившись на развалинахъ обгорѣлой столицы, не рѣшалось брать этихъ укрѣпленій приступомъ и стало осаждать ихъ, надѣясь взять измором слабый по численности (около 3 тыс. человѣкъ) и плохо снабженный припасами польскій отрядъ.

В. Несогласія въ ополченіи и организація его.

Успѣшной дѣятельности ополченія препятствовало нѣсколько обстоятельствъ: во-первыхъ, во всей странѣ царило безначаліе, такъ какъ, очевидно, никто не хотѣлъ признавать ни прежняго временнаго правительства, оказавшагося теперь въ осадѣ, ни враждебнаго Сигизмунда; во-вторыхъ, не было порядка и въ самомъ ополченіи изъ-за самоуправства и несогласій воеводъ; въ-третьихъ, козаки продолжали свои безчинства и грабежи. Ополченіе, считавшее себя выразителемъ воли всего русскаго народа, стремилось прекратить эти безпорядки и для этого сдѣлало нѣсколько постановленій, наиболѣе обстоятельнымъ изъ которыхъ является приговоръ 30 іюня, имѣвшій цѣлью организовать управленіе какъ всей страною, такъ и войскомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ обуздать козачество.

По смыслу этого приговора, верховная власть предоставлялась «совѣту всей земли», состоявшему изъ представителей разныхъ частей ополченія; этотъ совѣтъ контролировалъ избранныхъ для управленія ратными людьми и всей землею «троеначальниковъ»: Трубецкого, Ляпунова и Заруцкаго, которымъ подчинены были всѣ другіе воеводы. Завѣдываніе различными отраслями управленія и хозяйства поручалось нѣсколькимъ приказамъ. Всѣ служащіе въ ополченіи обезпечивались такими окладами помѣстій, какіе считались законными въ до-смутное время. Поэтому рѣшено было подвергнуть конфискаціи какъ помѣстья, пожалованныя сверхъ нормы Тушинскимъ Воромъ и Сигизмундомъ, такъ, равнымъ образомъ, земли всѣхъ вообще неучаствующихъ въ ополченіи (исключеніе дѣлалось только для земель церковныхъ и принадлежащихъ тѣмъ людямъ, которые прославили себя заслугами передъ родиной, какъ, напр., ополченцы Скопина или плѣненные участники «великаго посольства»). Старымъ козакамъ также было предоставлено право «верстаться помѣстьями» или получать денежное жалованье. Однако они не могли занимать никакихъ должностей. Что же касается новыхъ козаковъ, т. е. недавно выбѣжавшихъ «боярскихъ крестьянъ и людей», то ихъ рѣшено было «отдавать назадъ» (въ неволю) старымъ помѣщикамъ.

Хотя приговоръ 30 іюня ставилъ во главѣ управленія трехъ лицъ (бывшихъ руководителями ополченія съ самаго его прихода подъ Москву): кн. Дм. Трубецкого, Прокопія Ляпунова и Заруцкаго, однако преобладающее значеніе въ немъ получилъ только Ляпуновъ, являвшійся представителемъ вліятельнаго провинціальнаго дворянства. Интересамъ этого класса соотвѣтствовали и всѣ постановленія приговора, имѣвшія цѣлью воскресить до-смутный московскій служилый и земельный распорядокъ, принижавшія козачество и грозившія неволей значительной массѣ его. Очевидно, при такихъ условіяхъ съ особенною силою должна была возгорѣться та сословная вражда, которая разстроила въ свое время союзъ Ляпунова съ Болотниковымъ.

Г. Смерть Ляпунова и распаденіе ополченія.

Жертвою этой вражды и сдѣлался Прокопій: двое другихъ вождей злобились на него, какъ на счастливаго соперника, а козаки видѣли въ немъ вліятельнѣйшаго руководителя ненавистнаго имъ дворянства и творца невыгодныхъ для нихъ постановленій. Они стали держать себя такъ враждебно по отношенію къ Ляпунову, что послѣдній хотѣлъ даже бѣжать въ Рязань, но не успѣлъ: въ іюлѣ 1611 года козаки завали его на свою сходку и послѣ бурныхъ пререканій прикончили съ нимъ.

Такъ погибъ умный и даровитый, но непослѣдовательный Ляпуновъ: дѣятельность свою онъ началъ службой самозванцу и часто мѣнялъ свои симпатіи; убѣжденный приверженецъ сословныхъ дворянскихъ интересовъ, онъ дважды вступалъ въ союзъ со своими общественными врагами и оба раза неудачно: въ первый разъ ему

пришлось перейти на сторону княжескаго правительства Шуйскаго, одинаково непріязненнаго и къ дворянамъ и къ козакамъ; во второй разъ, увлекшись національнымъ порывомъ, онъ призвалъ къ народному дѣлу козаковъ, какъ товарищей, но не сумѣлъ преодолѣть старозавѣтныхъ взглядовъ, старался поставить своихъ союзниковъ въ подчиненное положеніе и палъ жертвою ихъ гнѣва.

Ополченіе распалось вскорѣ послѣ гибели своего главнаго руководителя: растерявшіеся и запуганные козачествомъ служилые люди стали разъѣзжаться изъ-подъ Москвы, и здѣсь остались лишь козацкіе вожди, продолжавшіе считать себя правительствомъ, да мятежныя скопища козаковъ, потерявшихъ всякую узду и занимавшихся не столько осадою Москвы, сколько грабежомъ ея окрестностей. Къ тому же они опять возобновляли самозванщину: именно, Заруцкій, сблизившійся въ послѣднее время съ Мариной, хотѣлъ возвести на престолъ ея малолѣтняго сына Ивана, котораго москвичи прозвали Воренкомъ. Въ нѣкоторыхъ городахъ, напр. во Псковѣ, появились новые проходимцы-самозванцы, трепавшіе имя Димитрія. Однимъ словомъ, козаки принимались за старое, и земское ополченіе своимъ недолгимъ существованіемъ только лишній разъ обнаружило невозможность для служилыхъ людей дѣйствовать сообща съ козачествомъ при томъ сословномъ строѣ, который установился въ Московскомъ государствѣ.

§ 3. Лихолѣтье.

А. Успѣхи враговъ. Послѣ распаденія земской рати Московская Русь оказалась въ самомъ ужасномъ, почти безнадежномъ положеніи; защитниковъ не стало, а между тѣмъ внѣшніе враги усилились: еще до смерти Ляпунова Сигизмундъ взялъ, наконецъ, (3 іюня) истомленный осадой Смоленскъ; около этого же времени шведы, начавшіе враждебныя дѣйствія противъ русскихъ послѣ избранія на московскій престолъ Владислава [1]), завладѣли юго-восточнымъ побережьемъ Финскаго залива, захватили (16 іюля) Новгородъ и образовали изъ него особое государство въ уніи со Швеціей, и подъ властью шведскаго принца (Карла-Филиппа).

Б. Настроеніе народа. Страшны были успѣхи иноплеменниковъ, не менѣе страшно чувство отчаянія, охватившее большую часть русскаго народа въ это «лихолѣтье» (т. е. лютый, «лихой» годъ). По мнѣнію современниковъ, «тогда на Русской землѣ была такая бѣда, какой не бывало отъ начала міра». Одни смотрѣли на будущее безнадежно, ожидая, что право-

[1]) Какъ въ свое время союзный договоръ Шуйскаго со Швеціей побудилъ Сигизмунда къ открытой враждѣ съ Московскимъ государствомъ, такъ теперь къ такой же враждѣ побуждалъ шведовъ договоръ, заключенный московскими боярами съ Жолкѣвскимъ.

славный народъ погибнетъ весь безъ остатка. Другіе, охваченные религіознымъ экстазомъ, вѣщали о чудесныхъ видѣніяхъ, являвшихся имъ, призывавшихъ къ покаянію и сулившихъ помощь свыше.

В. Дѣятельность духовенства.

Въ эту пору подъема религіознаго чувства на долю Русской Церкви выпала огромная, исключительная роль: распавшуюся государственную власть замѣнила церковная. Духовенство не только нравственно ободряло отчаявшуюся паству, не только щедро благотворило ей, но и давало практическія указанія, старалось руководить дѣйствіями народныхъ массъ. Въ качествѣ такихъ совѣтчиковъ особенно прославились самоотверженный, томившійся теперь въ неволѣ подъ надзоромъ поляковъ, Гермогенъ и братія Троицко-Сергіевскаго монастыря, во главѣ которой стояли архимандритъ Діонисій и келарь (т. е. завѣдывающій хозяйственными дѣлами монастыря) Авраамій Палицынъ.

За свою славную дѣятельность Гермогенъ мученически пострадалъ еще во время сбора Ляпуновскаго ополченія: когда Гонсѣвскій и покорные ему московскіе бояре узнали о воззваніяхъ патріарха, они подвергли его тяжкому заточенію въ Чудовомъ монастырѣ. Лишенный писцовъ и слугъ, томившійся «какъ птица въ клѣткѣ», оскорбляемый боярами, Гермогенъ тѣмъ не менѣе продолжалъ поддерживать живыя связи съ народомъ черезъ тѣхъ безстрашныхъ людей», которые проникали въ его заключеніе, пользовался всякимъ случаемъ, чтобы послать свою грамоту съ благословеніемъ на защитниковъ родины, съ проклятіемъ на ея враговъ, съ практическими совѣтами. Съ удивительной стойкостью онъ несъ свой тяжелый крестъ до самой кончины своей въ февралѣ 1612 года. По однимъ извѣстіямъ, онъ былъ заморенъ голодомъ, по другимъ — задушенъ поляками.

Великія заслуги передъ родиной выказалъ также знаменитый Троицко-Сергіевскій монастырь. Освободившись отъ долговременной осады, во время которой иноки, какъ извѣстно, проявили изумительную твердость и раздѣляли съ ратными людьми всѣ труды обороны, обитель приступила къ самой широкой благотворительной дѣятельности. Душою ея сдѣлался обаятельный по своимъ нравственнымъ качествамъ архимандритъ Діонисій. Онъ во множествѣ устраивалъ больницы, странноприимные дома, принималъ, лечилъ и прокармливалъ бѣглецовъ изъ сожженной Москвы, заботился о погребеніи умершихъ, трупы которыхъ валялись по всѣмъ дорогамъ. Какіе страдальцы попадали въ гостепріимную обитель, видно изъ словъ очевидца: «нѣкоторые были всѣ испечены огнемъ; у иныхъ вырваны на головѣ волосы, множество калѣкъ валялось по дорогамъ; у иныхъ были вырѣзаны полосы кожи на спинѣ, у другихъ отсѣчены руки и ноги, у кого были слѣды ожоговъ на тѣлѣ отъ раскаленныхъ камней». Это были живыя жертвы смуты. Еще болѣе было мертвыхъ.

Очевидецъ разсказываетъ, что въ одинъ день и въ одномъ мѣстѣ инокамъ пришлось похоронить 860 человѣкъ, и что иногда по 10—15 труповъ зарывали въ одну могилу. Не довольствуясь помощью жертвамъ смуты, Діонисій хотѣлъ руководить и тѣми, кто еще могъ бороться съ нею, и приступилъ къ составленію грамотъ. Въ этомъ дѣлѣ онъ нашелъ себѣ хорошаго сотрудника въ лицѣ Авраамія Палицына. Это былъ отличный писатель (впослѣдствіи онъ составилъ цѣнный историческій трудъ по Смутѣ, такъ назыв. «исторію въ память предыдущимъ родомъ») и очень даровитый, патріотически-настроенный человѣкъ, не всегда, впрочемъ, разборчивый въ средствахъ. (Имѣются, напр., указанія, что онъ находился въ перепискѣ съ Сапѣгой; загадочно также его поведеніе въ качествѣ участника «великаго посольства»: онъ оказался въ числѣ первыхъ вернувшихся въ Москву по настоянію Сигизмунда).

И Гермогенъ и Діонисій съ Палицынымъ стремились ко благу Русской земли и видѣли его въ очищеніи ея отъ поляковъ; однако для достиженія этой цѣли они рекомендовали совершенно различныя, несовмѣстимыя средства. Гермогенъ придерживался старо-московскихъ взглядовъ, которые побуждали считать врагами родины не только поляковъ, но и козачество. Въ своихъ воззваніяхъ, напр., въ грамотѣ, обращенной къ нижегородцамъ, онъ жестоко обличаетъ козачье «воровство», клеймитъ «проклятаго Маринкина сына Воренка» и призываетъ русскіе города къ дружной борьбѣ прежде всего съ козаками. Совершенно иначе смотрѣла на козачество монастырская братія. Находясь невдалекѣ отъ Москвы, у которой, послѣ распада земскаго ополченія, остались только козацкіе «таборы» (т. е. стоянки), монастырь волей-неволей видѣлъ въ козакахъ единственныхъ защитниковъ, обладающихъ въ данное время силою и правительственнымъ значеніемъ. Поэтому троицкія грамоты усвоили ту точку зрѣнія, на которую всталъ когда-то Ляпуновъ при сборѣ своего ополченія, и звали всѣхъ русскихъ людей на соединеніе съ подмосковными козачьими таборами для единодушной и совмѣстной національной борьбы съ поляками.

Такимъ образомъ, съ одинаковою горячностью и съ одинаковымъ желаніемъ блага родинѣ предлагались русскимъ людямъ два различныхъ способа дѣйствій. Неудача Ляпуновскаго ополченія и «воровское» поведеніе подмосковныхъ козачьихъ таборовъ побуждали отдать предпочтеніе совѣтамъ Гермогена. Его идеи восторжествовали во второмъ ополченіи, мысль о которомъ зародилась въ средѣ тяглыхъ посадскихъ людей Нижняго Новгорода, и которое постепенно получило общеземскій характеръ, но не слилось съ козачествомъ.

§ 4. Второе ополченіе и освобожденіе Москвы отъ поляковъ.

А. Дѣятельность Минина и нижегородцевъ.

Душою національнаго движенія, всколыхнувшагося въ Нижнемъ Новгородѣ осенью 1611 года, былъ Козьма Мининъ, скотопромышленникъ по занятіямъ и земскій староста (т. е. выборный представитель для завѣдыванія дѣлами городской тяглой общины) по должности. Возбужденный грамотой Гермогена, обличавшаго «воровство» козаковъ, Мининъ проникся горячимъ желаніемъ помочь родинѣ и отдалъ всѣ силы, всю свою исключительную энергію и блестящія практическія способности служенію охватившей его идеѣ. Горячими увѣщаніями онъ побудилъ тяглыхъ людей начать сборъ пожертвованій на ополченіе и первый сдѣлалъ свой взносъ. Благодаря содѣйствію вліятельнаго соборнаго протопопа Саввы Ефимьева, близкаго къ высшимъ классамъ мѣстнаго общества, дѣло тяглыхъ людей скоро обратилось въ обще-нижегородское. Все населеніе города, воодушевленное рѣчами Саввы и Минина, а также присланною въ октябрѣ троицкою грамотою, было призвано къ пожертвованіямъ.

Городскія власти устанавливали, кромѣ того, нѣсколько разъ чрезвычайные сборы на ополченіе (брали то пятую, то третью часть годового дохода; нѣкоторые отдали все свое имущество). Взиманіе ихъ поручено было Минину, который производилъ его съ настойчивостью и даже суровостью. Однихъ денежныхъ средствъ было недостаточно: необходимо было еще набрать ратныхъ людей, выбрать воеводу, призвать на соединеніе другіе города, опредѣлить планъ дѣйствій и отношенія къ врагамъ и, наконецъ, создать такую власть, которая пользовалась бы авторитетомъ въ безгосударственное время.

Собственныя нижегородскія ратныя силы пополнялись служилыми людьми, ушедшими изъ завоеванной Сигизмундомъ Смоленской области и ея окрестностей. Къ нимъ скоро примкнули и жители многихъ приволжскихъ и прокскихъ городовъ. Главнымъ воеводою ополченія, по совѣту Минина и по выбору нижегородцевъ, приглашенъ былъ князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій, потомокъ знатнаго рода, много пострадавшаго отъ опричнины и отъ правленія Годунова, прославившій себя вѣрною и доблестною службою Шуйскому и виднымъ участіемъ въ Ляпуновской рати. Извѣстная всѣмъ стойкость убѣжденій Пожарскаго и его крупные воинскіе таланты и вознесли его на высоту положенія перваго земскаго воеводы. По просьбѣ Пожарскаго, завѣдываніе денежною частью ополченія предоставлено было Минину; кромѣ того, въ ополченіи образованъ былъ особый «земскій совѣтъ» изъ выборныхъ представителей разныхъ городовъ.

Б. Воззванія Пожарскаго.

Собравъ въ Нижнемъ Новгородѣ достаточныя силы, первый воевода въ февралѣ 1612 года обратился съ воззваніемъ къ другимъ городамъ, приглашая ихъ къ очищенію Москвы отъ поляковъ и къ борьбѣ съ козачествомъ. Такимъ образомъ онъ принималъ программу Гермогена, а не троицкой братіи. Это весьма понятно: козацкіе вожди, считая себя правительствомъ, съ самаго начала враждебно относились къ собиравшемуся безъ ихъ вѣдома земскому ополченію и, чтобы помѣшать соединиться съ нимъ Поморскимъ городамъ, пытались, но неудачно, завладѣть Ярославлемъ. Къ тому же козаки вскорѣ еще разъ проявили свое «воровство», присягнувъ (въ началѣ марта) псковскому самозванцу, а впослѣдствіи они покушались даже на убійство князя Пожарскаго.

Итакъ, козаки были первыми врагами, съ которыми пришлось считаться ополченію. Другіе враги не представляли въ данное время непосредственной опасности: шведы, удовольствовавшись своими завоеваніями, прекратили наступленіе, и Пожарскій надѣялся дѣйствовать противъ нихъ не оружіемъ, а переговорами; польскій же отрядъ, занимавшій Москву, былъ слишкомъ слабъ и не получалъ подкрѣпленій, такъ какъ Сигизмундъ послѣ взятія Смоленска вернулся въ Польшу праздновать свои успѣхи и съ чванливымъ легкомысліемъ торжествовалъ свою побѣду надъ Шуйскимъ какъ разъ въ то время, когда создалось нижегородское ополченіе [1]).

В. Земскій соборъ въ Ярославлѣ.

Вслѣдствіе этого Пожарскій не считалъ нужнымъ спѣшить къ Москвѣ, а пошелъ въ Ярославль и пробылъ тамъ отъ начала апрѣля до августа 1612 года. Этимъ временемъ онъ воспользовался для того, чтобы выбить козаковъ изъ занимаемыхъ ими окрестныхъ городовъ, а также, чтобы создать въ Ярославлѣ такое правительство, которое пользовалось бы авторитетомъ среди русскихъ людей и заставило бы преклониться передъ собою подмосковные козацкіе таборы. Съ этою цѣлью Пожарскій, воюя съ козаками и перечисляя въ своихъ грамотахъ ихъ преступленія и мятежи, вмѣстѣ съ тѣмъ обращался къ городамъ съ приглашеніемъ прислать въ Ярославль «изо всякихъ чиновъ людей человѣка по два», снабдивъ ихъ соотвѣтствующими желаніямъ городовъ порученіями.

[1]) В. И. Шуйскій былъ привезенъ Жолкѣвскимъ къ королю подъ Смоленскъ, а послѣ взятія его отправленъ въ Варшаву. Здѣсь ему пришлось присутствовать на торжественномъ празднованіи Сигизмундомъ своей «побѣды» надъ Московскимъ государствомъ. Во время этого торжества Жолкѣвскій произнесъ высокопарную рѣчь, въ которой прославлялъ успѣхи Сигизмунда и свои и просилъ о милосердіи къ Шуйскому. Василій Ивановичъ, въ царскомъ нарядѣ, долженъ былъ отвѣшивать поклоны Сигизмунду и выслушивать горькіе упреки присутствовавшаго здѣсь же Юрія Мнишка. Затѣмъ Шуйскаго заключили въ Гостынскомъ замкѣ, гдѣ черезъ годъ онъ скончался. Въ 1635 году, по просьбѣ царя Михаила Ѳеодоровича, польское правительство согласилось на перевезеніе его праха въ Москву, гдѣ онъ былъ погребенъ въ Архангельскомъ соборѣ—обычной усыпальницѣ московскихъ царей.

Эти выборные люди вмѣстѣ съ находившимся при ополченіи духовенствомъ (среди котораго первенствовалъ бывшій ростовскій митрополитъ Кириллъ, считавшійся какъ бы замѣстителемъ покойнаго Гермогена) и нѣсколькими боярами и образовали, по словамъ историка (проф. Платонова), «прочное временное правительство», которое «въ совокупности своей представляло собою земскій соборъ обычной московской конструкціи». Земскій соборъ долженъ былъ здѣсь же въ Ярославлѣ избрать государя, но не могъ сдѣлать этого, такъ какъ пришли вѣсти о посылкѣ Сигизмундомъ гетмана Хоткѣвича на помощь польскому отряду, сидѣвшему въ Кремлѣ. Это заставило ополченіе двинуться къ столицѣ, чтобы не допустить къ ней Хоткѣвича.

Г. Приближеніе ополченія къ столицѣ и ея освобожденіе.

Приближеніе ополченія вызвало расколъ среди подмосковнаго козачества: Заруцкій съ Мариною и значительною частью козаковъ ушелъ къ Рязани, а оттуда направился на Донъ. Трубецкой же съ остальными козаками завелъ переговоры съ Пожарскимъ и звалъ его въ свой таборъ. Однако Пожарскій избѣгалъ сношеній съ нимъ и расположилъ земскую рать подъ Москвою отдѣльно отъ козачьей. Соглашенія между ними не наступило и тогда, когда въ двадцатыхъ числахъ августа пришлось биться съ Хоткѣвичемъ. Но, поддавшись увѣщаніямъ Авраамія Палицына, козаки все же помогли ополченію прогнать гетмана. Распри продолжались и послѣ этого; только къ началу октября Пожарскій и Трубецкой примирились, соединивъ свои рати и дѣйствовавшія въ ополченіи и таборахъ правительственныя учрежденія—приказы. Такое соединеніе было въ сущности подчиненіемъ козачества земскому ополченію.

Общія силы были направлены теперь на осаду запершихся въ Китай-Городѣ и Кремлѣ поляковъ, которые, не успѣвъ получить никакой помощи отъ Хоткѣвича, очутились въ отчаянномъ положеніи. Лишенные всякаго провіанта, они питались собаками, кошками, всякой падалью, мясомъ умершихъ сотоварищей, трупами, вырытыми изъ могилъ. Испытывая чудовищныя лишенія, они однако ни за что не хотѣли сдаваться. 22 октября 1612 года русскія рати взяли штурмомъ Китай-Городъ и замкнули поляковъ въ Кремлѣ. Только послѣ этого начальникъ польскаго отряда (Струсь, смѣнившій Гонсѣвскаго) вступилъ въ переговоры о сдачѣ, которая и состоялась 26-го октября. Пожарскому и его соратникамъ стоило не малыхъ усилій удержать козаковъ отъ избіенія польскихъ плѣнниковъ и находившихся въ Кремлѣ бояръ. Обузданіе козаковъ и очищеніе столицы отъ иноземцевъ, два года державшихъ въ своихъ рукахъ ея твердыни, являлось рѣшеніемъ первой задачи ополченія. На очередь выступила вторая важная задача—избраніе царя.

§ 5. Избраніе на царство Михаила Ѳеодоровича Романова.

Въ серединѣ ноября 1612 года кн. Трубецкой, Пожарскій и Мининъ, представлявшіе собою временное правительство, послали въ города грамоты, приглашая выбрать въ каждомъ городѣ по 10 «лучшихъ, крѣпкихъ и разумныхъ людей» и прислать ихъ въ Москву на земскій соборъ для избранія царя и для «строенія» (т. е. приведенія въ порядокъ) государства. Еще до съѣзда выборныхъ людей Москва подверглась (въ концѣ ноября) большой опасности: Сигизмундъ снова двинулся въ походъ на Русскую землю и отправилъ къ москвичамъ двухъ пословъ (князя Мезецкаго и дьяка Грамотина) требовать теперь признанія царемъ Владислава. Однако король потерпѣлъ неудачу и ушелъ обратно, убѣдившись, что нѣтъ никакой надежды на воцареніе его сына. Дѣйствительно, въ Москвѣ господствовало враждебное отношеніе къ Владиславу: послѣ очищенія ея отъ поляковъ нѣкоторые изъ приспѣшниковъ Сигизмунда (напр., Андроновъ) были казнены, а передавшіеся ему бояре «кн. Мстиславскій съ товарищи» устранены отъ дѣлъ и даже временно высланы изъ Москвы.

Поэтому, когда въ январѣ 1613 года открылись засѣданія земскаго собора, бояре лишены были возможности дѣйствовать въ пользу желаннаго для нихъ избранія Владислава, и соборъ, повидимому безъ особенныхъ споровъ, пришелъ къ рѣшенію не выбирать на царство никого изъ иностранцевъ (кромѣ Владислава, иностранными претендентами были шведскій принцъ, признанный новгородцами, и сынъ императора Рудольфа, съ которымъ Пожарскій велъ переговоры, вѣроятно, только изъ дипломатическихъ соображеній). Равнымъ образомъ скоро было принято и другое рѣшеніе «не хотѣть на царство Маринки и ея сына», о воцареніи котораго хлопотала часть козачества. Устранивъ иностраннаго и «воровского» кандидатовъ, соборъ пришелъ къ мысли избрать царя изъ своихъ «великихъ родовъ», но долго не могъ остановиться на опредѣленномъ лицѣ.

Причины затрудненій собора и тѣхъ горячихъ преній, которыя происходили на немъ, были слѣдующія. Во-первыхъ, «великіе роды» были разсѣяны смутой: виднѣйшіе представители княжатъ—Шуйскіе и Голицынъ сидѣли въ польскомъ плѣну, здѣсь же находился и руководитель Романовскаго кружка — Филаретъ; «князь Мстиславскій съ товарищи» настолько уронили себя преданностью Сигизмунду, что ихъ даже удалили изъ Москвы на время соборныхъ преній; изъ княжатъ одинъ только Воротынскій прославился, какъ противникъ поляковъ, но онъ былъ не настолько извѣстенъ, чтобы увлечь собою соборъ. Во-вторыхъ, тѣ бояре, которые такъ или иначе могли дѣйствовать въ пользу своего избранія, ослабляли другъ-друга взаимнымъ соперничествомъ: по словамъ лѣтописца, «многіе же отъ вельможъ, желающи царемъ быти, подкупахуся, многимъ и дающи

и обѣщающи многіе дары». (Любопытно, что домогательства престола и подкупы приписываются, вѣроятно неосновательно, и князю Пожарскому; вѣрнѣе думать, что онъ былъ сторонникомъ избранія на престолъ князя В. В. Голицына). Въ-третьихъ, если земскій соборъ могъ не поддаваться воздѣйствію униженныхъ и разрозненныхъ бояръ, то, напротивъ, ему необходимо было прислушиваться къ голосу козачества: послѣ отъѣзда изъ освобожденной Москвы многихъ ополченцевъ Пожарскаго, оставшіеся здѣсь козаки численно преобладали надъ служилыми людьми и представляли собою весьма внушительную силу, съ которою считалось и временное правительство и земскій соборъ. Конечно, послѣдній не могъ сговориться съ тѣми козаками, которые хотѣли воцарить сына Марины, но долженъ былъ стараться найти кандидата, одинаково желаннаго и для служилыхъ и тяглыхъ людей, и для козачества.

Желаннаго кандидата нашли, наконецъ, въ лицѣ юнаго сына Филарета—Михаила Ѳеодоровича Романова. Происходя изъ самой популярной боярской фамиліи, родственной прежней династіи, онъ уже въ 1610 году имѣлъ многочисленныхъ приверженцевъ, предпочитавшихъ его Владиславу; въ 1613 году его избраніе являлось наиболѣе естественнымъ: угодный среднимъ служилымъ и тяглымъ людямъ, онъ не менѣе былъ угоденъ и козачеству, симпатіями котораго пользовался его отецъ—Филаретъ—во время своего плѣна въ Тушинѣ. 7 февраля соборъ пришелъ къ мысли избрать Михаила Ѳеодоровича и разослалъ уполномоченныхъ во всѣ русскіе города, кромѣ дальнихъ, чтобы ознакомиться съ отношеніемъ ихъ жителей къ намѣченному кандидату. Встрѣтивъ полное сочувствіе населенія, соборъ совмѣстно съ возвращенными въ Москву кн. Мстиславскимъ съ товарищи торжественно провозгласилъ Михаила избраннымъ на царство единогласно. Совершилось это 21 февраля. Тогда же была принесена присяга. По мнѣнію русскихъ людей, избраніе Михаила было «всенароднымъ».

Дѣйствительно, соборъ 1613 года хорошо выражалъ народную волю, такъ какъ на немъ было больше выборныхъ представителей народа, чѣмъ на всѣхъ предшествующихъ соборахъ; иными словами, онъ являлся самымъ полнымъ по своему составу: кромѣ московскихъ людей, на немъ участвовали выборные отъ 50 русскихъ городовъ, разбросанныхъ на огромномъ пространствѣ, бывшіе притомъ представителями всѣхъ классовъ общества, за исключеніемъ владѣльческихъ крестьянъ и холоповъ [1]). Далѣе, какъ сказано, само избраніе

[1]) О составѣ Собора 1613 года можно судить по сохранившейся избирательной грамотѣ, подписанной участниками его. Впрочемъ, подписались на ней далеко не всѣ, такъ какъ, во-первыхъ, подписи собирались нѣсколько времени спустя послѣ избранія, а во-вторыхъ, по принятому тогда обычаю, одинъ могъ расписываться за нѣсколькихъ. Поэтому на грамотѣ имѣется только 277 подписей, между тѣмъ какъ однихъ провинціаловъ на Соборѣ было, вѣроятно, не менѣе 500; къ этому числу слѣдуетъ еще прибавить до 200 москвичей.

было какъ бы утверждено обращеніемъ къ народу и, наконецъ, оно соотвѣтствовало и желаніямъ козачества.

Въ то время, когда происходили соборныя засѣданія, самъ Михаилъ Ѳеодоровичъ со своей матерью инокинею Маѳою жилъ далеко отъ столицы. Послѣ очищенія ея отъ поляковъ онъ изъ Кремля (гдѣ вмѣстѣ съ другими боярами находился во время осады) уѣхалъ въ свои костромскія вотчины; здѣсь онъ едва не сдѣлался жертвой одного бродячаго польскаго отряда, но былъ спасенъ благодаря самоотверженному поступку крестьянина Ивана Сусанина, который, вызвавшись быть проводникомъ поляковъ, завелъ ихъ нарочно въ непроходимыя лѣсныя дебри и погибъ вмѣстѣ съ ними. Узнавъ о грозившей ему опасности, Михаилъ Ѳеодоровичъ переѣхалъ въ Ипатьевскій монастырь близъ Костромы. Здѣсь и нашло его посольство, снаряженное земскимъ соборомъ, чтобы просить новоизбраннаго государя принять царство. Михаилъ долго не соглашался; инокиня Маѳа также отказывалась отпустить сына на Московскій престолъ, ссылаясь на то, что русскіе люди «измалодушествовались» за время смуты, привыкли измѣнять своимъ государямъ, а также на то, что государство совершенно разорено, и у царя не будетъ силъ и средствъ бороться съ врагами. Только послѣ долгихъ и горячихъ увѣщаній пословъ Михаилъ Ѳеодоровичъ 14 марта изъявилъ согласіе принять избраніе. На пути въ Москву онъ уже вступилъ въ дѣловыя сношенія съ земскимъ соборомъ и съ боярской думой. Въ этихъ сношеніяхъ Михаилъ Ѳеодоровичъ держалъ себя очень властно, не разъ напоминалъ, что онъ учинился на царство «не своимъ хотѣньемъ», и грозилъ отказаться отъ престола [1]). Воцареніемъ Михаила Ѳеодоровича, начавшаго собою новую династію, смутное время закончилось. Прекращеніе смуты, едва не приведшей Русское государство подъ власть иноземцевъ, явилось, какъ показано, подвигомъ, главнымъ образомъ, нижегородскихъ посадскихъ людей, которые выступили на историческую сцену тогда, когда высшіе классы общества — бояре и дворяне во главѣ съ Ляпуновымъ — потерпѣли неудачу въ своихъ попыткахъ возстановленія порядка. Смута закончилась, оставивъ, однако, замѣтные слѣды въ русской жизни.

[1]) Обстановка избранія Михаила Ѳеодоровича и его воцаренія, а также тотъ властный тонъ, который былъ принятъ имъ въ сношеніяхъ съ Соборомъ и Думой, убѣждаютъ въ несправедливости извѣстій, будто при избраніи власть новаго царя была ограничена въ пользу бояръ. Извѣстій этихъ нѣсколько. Первое принадлежитъ неизвѣстному современнику-- простолюдину-псковичу, написавшему сказаніе «о бѣдѣхъ и скорбѣхъ и напастѣхъ». Сказаніе это, явно тенденціозное, дышащее слѣпою, безразсудною ненавистью къ боярамъ, утверждаетъ, будто бояре взяли съ царя клятвенное обѣщаніе ни за какое преступленіе не казнить ихъ смертью. Второе извѣстіе содержится въ сочиненіи Григорія Котошихина, жившаго при сынѣ Михаила—царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Котошихинъ пишетъ, что послѣ смерти Іоанна Грознаго всѣ цари были выборными и всѣ давали ограничительныя записи, и что Михаилъ, хотя и титуловался самодержцемъ, однако «безъ боярскаго совѣта ничего

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Слѣдствія смуты.

§ 1. Общественныя слѣдствія смуты.

А. Упадокъ боярства.

Смута имѣла важныя общественныя, политическія, экономическія и культурныя послѣдствія. Бурныя событія Смутнаго времени окончательно разрушили правительственное значеніе боярства, какъ титулованнаго, такъ и стариннаго нетитулованнаго. Многіе знатные роды вымерли, другіе захудали, и къ концу XVII вѣка боярство сдѣлалось, по мѣткому выраженію современника, «зяблымъ деревомъ». Такимъ образомъ Смута довершила тотъ процессъ упадка родовой знати, который намѣчался еще при Іоаннѣ III, былъ обостренъ и ускоренъ опричниной Грознаго и продолженъ Годуновымъ. На мѣсто вельможъ, составлявшихъ правительственный кружокъ въ силу своего происхожденія, у кормила правленія становились люди, которыхъ выдвинула впередъ близость къ царю и царская милость. Эти новые люди заимствовали, однако, у старыхъ обычай мѣстничества, но изъ двухъ принциповъ, лежавшихъ въ основѣ его: «родового отечества» и службы получилъ преобладаніе второй, т. е. служба; поэтому все чаще и чаще при мѣстническихъ спорахъ принималось въ руководство правило: «великъ и малъ живетъ государевымъ жалованьемъ» (т. е. пожало-

не могъ дѣлать». Неопредѣленность выраженій Котошихина (который не дѣлаетъ, напр., никакихъ различій между крестоцѣловальною записью Шуйскаго и условіями избранія Владислава) парализуетъ достовѣрность его свидѣтельства. Наконецъ, объ ограниченіяхъ власти Михаила сообщаетъ нѣсколько писателей XVIII вѣка (особенно подробно перечисляетъ ихъ шведъ Страленбергъ, жившій при Петрѣ Великомъ). Однако и къ этимъ сообщеніямъ нужно относиться очень осторожно: въ XVIII вѣкѣ, какъ увидимъ ниже, часть русскаго общества стремилась къ ограниченію самодержавной власти извѣстными условіями, и какъ разъ эти-то самыя условія, по свидѣтельству нѣкоторыхъ писателей, и составляютъ сущность ограниченій Михаила; возможно поэтому, что эти писатели (Страленбергъ и др.) просто перенесли въ прошлое, т. е. XVII в., то, что составляло предметъ пожеланій нѣкоторой части русскаго общества XVIII вѣка. Итакъ, извѣстія объ ограниченіяхъ Михаила Ѳеодоровича возбуждаютъ сомнѣнія или вслѣдствіе своей общности, или вслѣдствіе тенденціозности. Обстановка воцаренія его говоритъ прямо противъ нихъ: какъ извѣстно, при избраніи его бояре не играли почти никакой роли и едва ли могли даже возбудить вопросъ объ ограниченіяхъ въ свою пользу. Равнымъ образомъ нѣтъ основаній думать, что и земскій соборъ формально ограничилъ власть царя. Однако можно все-таки предположительно указать ту почву, которая создала слухи объ ограниченіяхъ Михаила Ѳеодоровича. Такою почвою является та важная, небывалая прежде роль, которую играли при немъ земскіе соборы. Зная объ этой роли и не умѣя правильно разобраться во взаимныхъ отношеніяхъ царя и соборовъ, люди XVIII вѣка могли придти къ невѣрному выводу, что Михаилъ Ѳеодоровичъ не пользовался полнотою власти своихъ предшественниковъ.

ваніемъ). При послѣдовательномъ примѣненіи, это правило, конечно, отрицало самую сущность мѣстническихъ отношеній и, какъ увидимъ, въ концѣ XVII вѣка мѣстничество было уничтожено.

Б. Возвышеніе среднихъ классовъ.

По мѣрѣ упадка боярства, росло значеніе среднихъ классовъ: дворянъ и посадскихъ людей, которые въ смутное время особенно потрудились надъ возстановленіемъ порядка. Именно, изъ дворянской среды выходили новые выслужившіеся люди, занимавшіе опустѣлыя мѣста бояръ. Приблизившись къ правительству, дворяне (а отчасти и посадскіе) старались направить его дѣятельность въ своихъ интересахъ. Интересы дворянъ, какъ уже указывалось, во многомъ стояли въ противорѣчіи съ крестьянскими. Послѣ смуты это противорѣчіе углубляется, и въ XVII вѣкѣ завершается процессъ прикрѣпленія крестьянъ, устанавливается крѣпостное право.

В. Ослабленіе козачества.

Протестомъ противъ этого прикрѣпленія съ самаго начала его являлось козачество. Въ смутные годы оно не разъ покушалось произвести общественный переворотъ, но терпѣло неудачи и вышло изъ смуты ослабленнымъ: часть его должна была вполнѣ подчиниться невыгоднымъ для него порядкамъ, другая часть, поселясь на окраинахъ государства, сохранила своеобразный укладъ жизни со своими выборными властями, мало зависѣвшими отъ правительства. Это окраинное степное козачество и въ послѣдующее время не утратило вкуса къ общественнымъ переворотамъ, и въ XVII, а также и въ XVIII в.в. не разъ вспыхивали козацкіе бунты. Они имѣли однако лишь временный характеръ и не могли значительно потрясти окрѣпшаго государства.

§ 2. Политическія, экономическія и культурныя слѣдствія Смуты.

А. Измѣненіе состава и значенія земскихъ соборовъ.

Въ дѣлѣ укрѣпленія расшатаннаго смутою государства огромную роль сыграли земскіе соборы, расцвѣтъ дѣятельности которыхъ падаетъ на первую половину XVII вѣка. Развитіе земскихъ соборовъ, измѣненіе ихъ состава и характера должны считаться важнѣйшимъ политическимъ слѣдствіемъ смуты. Въ XVI вѣкѣ, какъ извѣстно, на соборахъ присутствовали преимущественно должностныя лица, которыя обсуждали вопросы, поставленные имъ правительствомъ. Такимъ образомъ, соборы XVI вѣка не имѣли ни независимаго (отъ правительства) состава, ни иниціативы (т. е. почина) возбужденія тѣхъ или иныхъ вопросовъ. Смута измѣнила это: ея быстро смѣнявшіяся событія, часто приводившія къ неожиданнымъ результатамъ, по-неволѣ научили русскій народъ самостоятельно мыслить и дѣйствовать.

Приходилось задумываться надъ такими сложными вопросами, какъ избраніе и смѣна государей, критически относиться къ происходящему, различать такія нераздѣлимыя прежде понятія, какъ «государь, государство и народъ», отдавать себѣ отчетъ въ сословныхъ и національныхъ интересахъ. Все это развило народное самосознаніе. Наряду съ этимъ развивалась и самодѣятельность, такъ какъ смута не разъ приводила къ трагическимъ, почти безнадежнымъ положеніямъ, изъ которыхъ, при слабости или даже полномъ отсутствіи правительственной власти, народъ долженъ былъ самъ искать себѣ выхода. Общественное самосознаніе и самодѣятельность проявлялись на городскихъ совѣщаніяхъ (напр., въ сѣверныхъ городахъ и посадахъ передъ походомъ Скопина-Шуйскаго или въ Нижнемъ-Новгородѣ при созданіи второго ополченія), напоминавшихъ древнія вѣча, въ разсылкѣ грамотъ изъ города въ городъ, въ единодушныхъ дѣйствіяхъ цѣлыхъ областей. Но такихъ частныхъ проявленій было недостаточно, и въ народѣ крѣпла мысль о необходимости «совѣта всей земли», «общаго всенароднаго собранія» для рѣшенія общегосударственныхъ дѣлъ. Само правительство въ смутное время считается съ народной волей и видитъ въ народѣ не безгласныхъ зрителей, а активныхъ дѣятелей разыгрывающихся событій. Московская толпа призывается къ различнымъ выступленіямъ уже въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича (напр., при сведеніи счетовъ между Борисомъ и его соперниками); на избирательномъ соборѣ 1598 года замѣтно уже участіе выборныхъ людей; Лжедимитрій I, притязая на престолъ, отдаетъ свое дѣло на судъ народа и для обличенія Шуйскаго созываетъ какой-то соборъ; Василій Шуйскій, выкрикнутый случайной толпой, тѣмъ не менѣе обращается со своими и съ патріаршими увѣщаніями ко всему народу, а во время мятежа 17 іюля 1610 года выражаетъ готовность оставить царство, если «вся земля постановитъ приговоръ» объ этомъ. Семибоярщина, избирая Владислава, спѣшитъ прикрыться авторитетомъ земскаго собора и шлетъ къ Сигизмунду пословъ отъ него; «совѣты всей земли» существовали въ ополченіяхъ Ляпунова и Пожарскаго.

Смутные годы 1) возвысили значеніе земскихъ соборовъ, какъ выразителей народной воли, 2) естественно привлекли къ участію въ нихъ выборныхъ «отъ всякихъ чиновъ и городовъ» людей, которые по своей численности стали преобладать надъ должностнымъ ихъ элементомъ—Боярской Думой и Освященнымъ Соборомъ, и 3) поставили важные и широкіе вопросы на самостоятельное рѣшеніе соборовъ. Наиболѣе полный по составу Земскій Соборъ 1613 года можетъ быть признанъ «первымъ достовѣрнымъ опытомъ дѣйствительнаго народнаго представительства», такъ какъ въ немъ участвовали выборные отъ всѣхъ свободныхъ классовъ общества, въ томъ числѣ отъ провинціальныхъ торгово-промышленныхъ обывателей и невладѣльческихъ крестьянъ. Нужда въ земскихъ соборахъ не прекратилась и послѣ Смуты: избранный царь нашелъ въ соборѣ не ограниченіе своей

власти, а единственно-твердую опору ея. «Царь и земскій соборъ составляли, по словамъ историка (проф. Платонова), единое и вполнѣ согласное правительство, главною заботою котораго было поддержать и укрѣпить возстановленный государственный порядокъ». Поэтому Михаилъ Ѳеодоровичъ въ первые 10 лѣтъ царствованія правилъ при постоянномъ содѣйствіи земскаго собора, составъ котораго нѣсколько разъ обновлялся (соборы періодически созывались Михаиломъ и въ послѣдующее время царствованія), и совмѣстно съ нимъ рѣшалъ всѣ крупныя дѣла внутренней и внѣшней политики.

Б. Разореніе государства.

Самымъ больнымъ вопросомъ внутренней политики было чудовищное запустѣніе и разореніе государства послѣ смуты. О размѣрахъ ихъ можно судить по нѣсколькимъ даннымъ. Иностранцы, посѣщавшіе Русскую землю въ первые годы царствованія Михаила Ѳеодоровича, разсказываютъ, что они встрѣчали на своемъ пути цѣлый рядъ опустѣвшихъ селъ и деревень, избы которыхъ были наполнены разлагающимися трупами. Въ большинствѣ областей населеніе сократилось вдвое, а въ Москвѣ даже на двѣ трети. Упадокъ сельскаго хозяйства, вызванный побѣгами крестьянъ и земельной политикой опричнины, еще болѣе усилился въ эпоху смуты: въ одной мѣстности Рязанскаго уѣзда въ 1616 году помѣстныя земли настолько пустовали, что запущенной земли было въ 22 раза больше, чѣмъ пашни. Крестьянская запашка непомѣрно сокращалась и росло число бобылей.

В. Осложненіе внѣшней политики.

А между тѣмъ правительство нуждалось въ деньгахъ и ратныхъ силахъ для борьбы съ козачьими и польскими отрядами, еще бродившими по Руси, а также для войны съ тѣми иноземцами (шведами и поляками), которые усилились въ смутное время за счетъ Московскаго государства, завладѣвъ чуть не всей западной частью его (именно, Новгородомъ, юго-восточнымъ побережьемъ Финскаго залива и Смоленскомъ). Находясь въ тяжеломъ положеніи, правительство новой династіи старалось въ широкихъ размѣрахъ использовать тѣ же средства, которыя были въ употребленіи еще въ XVI вѣкѣ. Именно, съ одной стороны оно заботилось о прикрѣпленіи всѣхъ классовъ общества къ ихъ обязанностямъ: дворянъ къ службѣ, посадскихъ и черносошныхъ крестьянъ къ тяглу, владѣльческихъ крестьянъ къ тяглу и къ ихъ владѣльцамъ; съ другой стороны, оно привлекало иностранцевъ и для развитія русской промышленности и для усовершенствованія русскаго войска.

Г. Необходимость иноземныхъ заимствованій.

Такимъ образомъ, какъ одно изъ послѣдствій смуты, выдвигался и культурный вопросъ—о необходимости иностранныхъ заимствованій. Отношеніе правительства къ этому вопросу, а также и другія его мѣропріятія вызвали различную оцѣнку со стороны народа. Вообще народъ, пріученный смутой къ самодѣятельности,

участвовавшій въ лицѣ земскихъ соборовъ не только въ законодательствѣ, но и въ дѣлахъ правленія, сталъ глубже, чѣмъ раньше, вдумываться въ происходившее и рѣзче, чѣмъ въ XVI вѣкѣ, выражалъ свое недовольство по поводу злоупотребленій должностныхъ лицъ. Усиленіе этихъ злоупотребленій являлось также однимъ изъ слѣдствій смуты—результатомъ нравственной «разрухи» и шатости этой печальной эпохи. Наибольшими злоупотребленіями занятнали себя «приказные» люди (т. е. служащіе московскихъ приказовъ).

Д. Общій выводъ.

Изъ изложеннаго видно, что смута не привила Московскому государству какихъ-либо новыхъ началъ, но тѣмъ не менѣе значительно видоизмѣнила его жизнь, осложнивъ ее и ускоривъ развитіе тѣхъ процессовъ, которые намѣчались уже ранѣе.

Съ послѣдствіями смуты прежде всего пришлось считаться родоначальнику новой династіи царю Михаилу Ѳеодоровичу, правившему отъ 1613 до 1645 г.

ЧАСТЬ III.

Возстановленіе государственнаго порядка при первыхъ царяхъ изъ дома Романовыхъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Царствованіе Михаила Ѳеодоровича.

(1613—1645 г.г.).

§ 1. Сотрудники государя.

А. Правительственный кружокъ.

Вступивъ на престолъ въ трудное время, молодой (17-лѣтній) неопытный еще Михаилъ Ѳеодоровичъ нуждался въ руководителяхъ и сотрудникахъ. Большое вліяніе на него имѣла его мать—властная, энергичная и честолюбивая инокиня Марѳа. Не безъ ея участія создалась и правительственная среда, т. е. кругъ лицъ, пользовавшихся значеніемъ и властью. Въ составъ его вошли нѣкоторые дѣятели временнаго правительства 1612—13 г.г. (напр., кн. Трубецкой и Пожарскій [1]), но и по численности и по вліянію въ немъ преобла-

[1]) При вѣнчаніи Михаила Ѳеодоровича на царство лѣтомъ 1613 года князь Пожарскій, носившій до этого времени чинъ стольника, былъ пожалованъ въ бояре. Однако онъ не пользовался, повидимому, особымъ расположеніемъ новаго правительства и въ одномъ своемъ мѣстническомъ спорѣ былъ даже «выданъ головою» Салтыкову. Трудно объяснить, чѣмъ обусловливалась холодность къ Пожарскому: тѣмъ ли, что онъ, какъ можно догадываться, не былъ ревностнымъ сторонникомъ

дали царскіе родственники и свойственники (напр., Салтыковы, И. Н. Романовъ, Ф. И. Шереметевъ, князья Лыковъ-Оболенскій, Черкасскій, Троекуровъ, Катыревъ и Лобановъ-Ростовскій), потянувшіе за собою и свою родню. Среди послѣдней было не мало прежнихъ представителей такъ называемой «тушинской знати». Должности дьяковъ также замѣщались тушинскими дѣльцами [1]). Не всѣ они освободились отъ привычекъ, усвоенныхъ въ Смутное время; многіе изъ нихъ и теперь прибѣгали къ прежнимъ хищническимъ пріемамъ управленія и этимъ возбуждали недовольство народа [2]).

Б. Земскій соборъ.

Лучшую помощь государю оказывалъ земскій соборъ, постоянно дѣйствовавшій (съ обновляемымъ составомъ) въ теченіе первыхъ десяти лѣтъ царствованія Михаила. Нисколько не ограничивая власть государя, земскій соборъ однако какъ бы соучаствовалъ съ нимъ въ управленіи страною, разсылая свои грамоты и своихъ уполномоченныхъ вмѣстѣ съ царскими указами и должностными лицами. Главную заботу правительства составляла борьба съ врагами государства какъ внутренними — козаками, такъ и внѣшними—шведами и поляками. Нуждаясь въ средствахъ для веденія ея, правительство устанавливало новые денежные сборы, и добровольные и принудительные (особенно щедрыми жертвователями оказались въ это время богачи Строгановы).

воцаренія Михаила, тѣмъ ли, что онъ самъ не искалъ милостей, страдая «черным недугомъ», т. е. меланхоліей. Далекій отъ политическаго вліянія, Пожарскій исполнялъ однако при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ отвѣтственныя военныя порученія. Скончался онъ около 1641 года. Гораздо раньше, именно въ 1616 году, умеръ Мининъ, награжденный за свои заслуги званіемъ думнаго дворянина. Весьма печальна была судьба лучшаго по своимъ нравственнымъ качествамъ дѣятеля Смутной эпохи—архимандрита Діонисія. Вслѣдствіе интригъ завистниковъ онъ былъ обвиненъ въ ереси, наказанъ кнутомъ и протомился нѣсколько времени въ темницѣ.

[1]) Проникновеніе тушинцевъ въ новую правительственную среду объясняется нѣсколькими причинами: 1) многіе изъ людей, примыкавшихъ когда-то къ боярскому кружку, во главѣ котораго стояли Романовы, отъѣхали въ Тушино изъ-за ненависти къ Шуйскому, поднали тамъ подъ вліяніе Филарета и остались вѣрными его семьѣ послѣ Смуты; 2) тушинцы вошли въ составъ московскихъ «приказныхъ людей» изъ тѣхъ козацкихъ приказовъ, которые, соединясь осенью 1612 года съ учрежденіями, дѣйствовавшими въ ополченіи Пожарскаго, образовали московскіе приказы; 3) возвышенію тушинцевъ способствовало также и то, что послѣ освобожденія Москвы отъ поляковъ козачество, какъ извѣстно, въ теченіе нѣкотораго времени пользовалось въ ней большимъ вліяніемъ.

[2]) Нѣкоторые изъ бояръ запятнали себя злоупотребленіями и въ придворной жизни. Особенно возмутителенъ случай расправы родственниковъ инокини Марфы—Салтыковыхъ—съ первой невѣстой царя, Хлоповой, и ея родней. Салтыковы, опасаясь усиленія вліянія Хлоповыхъ, оговорили ихъ въ томъ, будто они скрываютъ серьезную болѣзнь царской невѣсты и хотятъ обмануть царя. Вслѣдствіе этого оговора, Хлоновы были сосланы въ Тобольскъ и возвращены оттуда только черезъ три года. Михаилъ не переставалъ горячо любить свою невѣсту, но мать его все же не разрѣшила этого брака, и царь женился только 24 лѣтъ на Долгорукой, а послѣ ея скорой смерти на Евдокіи Стрѣшневой.

§ 2. Усмиреніе козаковъ.

Изъ внутреннихъ враговъ наибольшую опасность представлялъ «Ивашка» Заруцкій, державшій при себѣ Марину съ ея сыномъ и замышлявшій объединить подъ покровительствомъ персидскаго шаха всѣхъ козаковъ, жившихъ по Волгѣ, Дону и Тереку. Однако побѣда надъ Заруцкимъ досталась довольно легко: разбитый на Дону (кн. Одоевскимъ), онъ бѣжалъ въ Астрахань, но былъ изгнанъ ея населеніемъ и укрылся на Яикѣ, т. е. Уралѣ. На одномъ изъ яицкихъ острововъ онъ былъ осажденъ стрѣльцами и выданъ имъ своими же козаками. Заруцкаго и четырехлѣтняго сына Марины казнили (въ 1614 году), а ее продержали до самой смерти въ тюрьмѣ.

Ослабленные Смутою козаки, остались глухими къ смѣлымъ призывамъ Заруцкаго и не поднялись за него всею массою, но отдѣльныя козацкія шайки, несмотря на увѣщанія правительства, продолжали «воровать» въ разныхъ мѣстахъ государства, подходя иной разъ къ самой Москвѣ (особенною удалью отличалась разбойничья ватага атамана Баловня). Отсутствіе единодушія между козаками помогло московскимъ воеводамъ одолѣть ихъ. Труднѣе было справиться съ польскими отрядами Лисовскаго и «черкасами» (т. е. днѣпровскими козаками).

§ 3. Борьба со Швеціей и Польшей.

Не легки также были войны со шведами и поляками, являвшіяся послѣдствіемъ Смутнаго времени. Къ счастью для Московскаго государства, Швеція и Польша не обладали достаточными денежными средствами для продолжительныхъ военныхъ дѣйствій. Поэтому они смѣнялись переговорами, посредниками въ которыхъ выступали: англійскіе и голландскіе уполномоченные—въ шведской войнѣ (которая затрагивала торговые интересы Англіи и Голландіи), и императорскій посолъ (Ганзеліусъ)—въ польской [1]). Долгое время эти переговоры оставались безплодными. Надежда на заключеніе мира засвѣтилась только тогда, когда шведскій король Густавъ-Адольфъ (считавшійся лучшимъ полководцемъ своего времени), несмотря на всѣ свои успѣхи, не смогъ взять осажденнаго имъ Пскова, а королевичъ Владиславъ, предпринявшій смѣлый походъ на Русь (которую онъ,

[1]) Любопытно отмѣтить, что, ведя переговоры, московскіе дипломаты старались скрыть отъ польскаго правительства фактъ избранія Михаила на царство: они боялись, что поляки, оскорбленные окончательнымъ отклоненіемъ кандидатуры Владислава, не согласятся на миръ и будутъ притѣснять плѣннаго Филарета. Поэтому въ дипломатическихъ грамотахъ подпись Михаила стояла среди боярскихъ подписей.

основываясь на договорѣ 1610 года, продолжалъ считать своимъ достояніемъ) потерпѣлъ неудачи и при попыткѣ овладѣть Можайскомъ, и при штурмѣ Москвы, и при осадѣ Троицко-Сергіевскаго монастыря.

Со шведами былъ заключенъ въ 1617 году миръ въ Столбовѣ (близъ Ладоги). По условіямъ Столбовскаго мира, Швеція уступала обратно Новгородъ съ окрестностями, но получала денежное вознагражденіе и удерживала за собою юго-восточное побережье Финскаго залива съ городами: Ямомъ, Ивангородомъ, Копорьемъ, Орѣшкомъ и Корѣлой. (Эти спорные города, какъ извѣстно, утеряны были Грознымъ, возвращены Борисомъ, а затѣмъ уступлены Василіемъ Шуйскимъ, по договору его съ Карломъ IX). Миръ, какъ видно, былъ невыгоденъ для русскихъ, потому что, по справедливому замѣчанію Густава-Адольфа, совершенно заграждалъ имъ доступъ къ морю.

Невыгодно было и перемиріе на $14^1/_2$ лѣтъ, заключенное съ поляками въ 1618 году въ деревнѣ Деулинѣ (около Троицко-Сергіевскаго монастыря), такъ какъ, по условіямъ его, Смоленскъ и Сѣверскіе города оставались во владѣніи короля. Владиславъ не хотѣлъ отказаться отъ своихъ притязаній на Московскій престолъ, и такимъ образомъ временно-примирившіяся стороны оказались въ такомъ же положеніи, въ какомъ были до войны. Единственнымъ осязательнымъ результатомъ перемирія былъ обмѣнъ плѣнныхъ, давшій возможность вернуться на родину отцу царя, Филарету, умному, опытному, истинно-государственному человѣку, всегда добивавшемуся власти и издавна привыкшему быть, если не явнымъ, то, по крайней мѣрѣ, тайнымъ руководителемъ важнѣйшихъ политическихъ событій.

§ 4. Двоевластіе.

Сынъ Никиты Романовича, рѣзко выдѣлявшагося своими высокими нравственными достоинствами на мрачномъ фонѣ царствованія Грознаго, Ѳеодоръ Никитичъ славился въ молодости привѣтливостью, радушіемъ, изысканнымъ щегольствомъ и свѣтскимъ образованіемъ (онъ зналъ, напр., латинскій языкъ). Выступивъ, какъ извѣстно, самымъ сильнымъ соперникомъ Годунова при избраніи на царство, онъ и впослѣдствіи не забывалъ своихъ притязаній на власть. За это онъ претерпѣлъ и гоненія, и вынужденную разлуку съ родными и, наконецъ, подневольное постриженіе въ монахи. Однако, и подъ иноческими его одеждами тлѣлъ огонь властолюбія, и изъ Филарета вышелъ тонкій, искусный политикъ, съ большою осторожностью, но въ то же время съ непреклонною энергіей преслѣдовавшій свои цѣли. Очень часто цѣли его были партійными и даже личными, но, будучи «великимъ посломъ», онъ сумѣлъ оказать громадную услугу родинѣ,

не поддаваясь увѣщаніямъ Сигизмунда. Его стойкость, за которую онъ поплатился 8-ми лѣтнимъ плѣномъ въ Польшѣ (отъ 1611 до 1619 гг.), стяжала ему славу достойнаго соратника Гермогена. Филаретъ вернулся изъ плѣна, умудренный опытомъ, съ закаленной волей, съ суровымъ, непреклоннымъ, деспотическимъ характеромъ.

Тотчасъ по пріѣздѣ въ Москву въ 1619 году Филаретъ былъ возведенъ въ патріаршій санъ, который въ ожиданіи его возвращенія оставался незамѣщеннымъ съ самой кончины Гермогена. Съ этого времени до своей смерти въ 1633 году Филаретъ правилъ не только Церковью, но и государствомъ. Онъ руководилъ царемъ, заслонялъ собою весь правительственный кружокъ и направлялъ дѣятельность земскихъ соборовъ (послѣ перваго десятилѣтія царствованія Михаила они дѣйствовали не постоянно, а созывались по мѣрѣ надобности). Поэтому время патріаршества Филарета носитъ названіе двоевластія, т. е. правленія двухъ лицъ: царя и патріарха. Хотя политическое значеніе Филарета обусловливалось не носимымъ имъ патріаршимъ званіемъ, а только его родственными отношеніями съ царемъ, именно тѣмъ, что онъ былъ отцомъ, и притомъ отцомъ властнымъ, а царь — покорнымъ и податливымъ его вліянію сыномъ, однако это политическое значеніе было оффиціально признано и оформлено. Филаретъ такъ же, какъ и Михаилъ, именовался титуломъ «великаго государя» и этимъ ставился наравнѣ съ царемъ (по словамъ Михаила Ѳеодоровича, «каковъ онъ государь, таковъ и отецъ его государевъ—великій государь, святѣйшій патріархъ, и ихъ государское величество нераздѣльно»). Всѣ распоряженія исходили отъ обоихъ государей, всѣ дѣла докладывались имъ обоимъ: къ нимъ обоимъ являлись иностранные послы. Хотя имя Михаила писалось первымъ, однако на дѣлѣ патріархъ имѣлъ большее вліяніе, чѣмъ царь, и игралъ на Руси такую же видную роль, какъ его современникъ Ришелье—во Франціи.

§ 5. Дѣятельность Филарета.

Въ своей правительственной дѣятельности Филаретъ руководствовался не новыми идеями: цѣлью его было возстановить государственный порядокъ, существовавшій при Борисѣ, насколько это было возможно при тѣхъ новшествахъ, которыя являлись естественными слѣдствіями Смуты. Онъ не внесъ даже чего-либо новаго по существу въ систему управленія Михаила Ѳеодоровича: и до него, и при немъ, и послѣ него правительство было озабочено слѣдующими вопросами: 1) искорененіемъ злоупотребленій, 2) улучшеніемъ денежныхъ средствъ, 3) устройствомъ служилаго класса соотвѣтственно военнымъ потребностямъ. Даже правительственная среда, лишь отчасти измѣнившись (подверглись опалѣ Салтыковы, уличенные въ пре-

ступленіи противъ первой невѣсты царя, Хлоповой, сосланъ на воеводство въ Тобольскъ кн. Дм. Трубецкой, сосланъ подъ опалой кн. Пв. Вас. Голицынъ, братъ скончавшагося въ польскомъ плѣну Вас. Вас., поплатились нѣкоторые дьяки), въ общемъ осталась прежней. Новымъ, что принесъ съ собою Филаретъ, была его исключительная энергія и огромный правительственный опытъ.

А. Борьба со злоупотребленіями.

Уже черезъ самое короткое время послѣ возвращенія въ Москву патріархъ указалъ царю главнѣйшія нестроенія московской жизни (напр., злоупотребленія писцовъ и дозорщиковъ [1]), производившихъ податную оцѣнку имущества, насилія и обиды должностныхъ лицъ, развитіе закладничества и т. д.) и поставилъ на обсужденіе земскаго собора 1619 года вопросъ о томъ, «какъ бы то исправить и землю устроить?» Мнѣнія этого и послѣдующихъ земскихъ соборовъ, а также челобитныя различныхъ классовъ общества, исчислявшихъ свои нужды, легли въ основу дальнѣйшей правительственной дѣятельности Михаила Ѳеодоровича и его отца. Для обузданія недобросовѣстныхъ должностныхъ лицъ правительство, не ограничиваясь одними опалами на виновныхъ и изданіемъ указовъ, запрещавшихъ брать и давать взятки, учредило новый «Сыскной приказъ», чтобы «про сильныхъ людей во всякихъ обидахъ сыскивати». Кромѣ этого приказа, учреждаемы были по мѣрѣ надобности и другіе.

Б. Устройство мѣстнаго управленія.

Мѣстное областное управленіе, въ которомъ особенно чувствовались «насильства и убытки», доставляло много заботъ правительству. Первоначально оно надѣялось искоренить зло возстановленіемъ мѣстнаго самоуправленія, которое, какъ мы знаемъ, вводилось съ царствованія Іоанна IV, но затѣмъ заглохло въ Смуту (въ Смутное время военныя потребности побуждали правительство сосредоточивать власть въ рукахъ воеводъ, вѣдавшихъ и ратныя, и всякія другія дѣла). Однако во многихъ областяхъ не находилось лицъ, пригодныхъ для занятія отвѣтственныхъ должностей по выбору (такъ какъ лучшіе мѣстные люди были привлечены къ военной службѣ), и правительству пришлось такъ же, какъ и въ Смутное время, назначать воеводъ областными начальниками. Воевода (отличавшійся отъ прежняго намѣстника тѣмъ, что не получалъ установленныхъ кормовъ) стоялъ во главѣ цѣлаго уѣзда (пограничные уѣзды объединялись иногда въ болѣе крупныя территоріальныя единицы — такъ наз. «раз-

[1]) И «перепись» и «дозоръ» предпринимались для податной оцѣнки имуществъ; разница между ними заключалась въ томъ, что при «дозорѣ» считались, а при переписи не считались, съ обстоятельствами, могущими дать льготы по уплатѣ податей (напр., съ пожарами, непріятельскимъ разореніемъ и т. д.). Злоупотребляя своими полномочіями, писцы въ одномъ случаѣ прибѣгали къ дозору, а въ другомъ такомъ же—къ переписи. Вслѣдствіе этого получалось неравномѣрное и несправедливое податное обложеніе.

ряды»—прообразы будущихъ губерній); его власть распространялась на все уѣздное населеніе по всѣмъ дѣламъ: и военнымъ, и полицейскимъ, и судебнымъ, и финансовымъ. Однимъ словомъ, въ рукахъ его сосредоточилось то, что̀ прежде вѣдалось нѣсколькими разъединенными самоуправляющимися земскими мірками. Поручая областное управленіе воеводамъ, правительство Михаила Ѳеодоровича вступало на путь централизаціи (т. е. управленія посредствомъ назначенныхъ, а не выборныхъ лицъ): на долю выборныхъ отъ населенія, вполнѣ притомъ подчиненныхъ воеводамъ, оставалось только завѣдываніе мѣстными хозяйственными и финансовыми дѣлами, т. е. преимущественно раскладка и сборъ податей.

В. Податное обложеніе и финансы.

Взиманіе податей и устройство финансовъ было больнымъ вопросомъ для московскаго правительства: общая перепись, произведенная послѣ собора 1619 года, обнаружила прямо отчаянное экономическое состояніе страны. Правительство стремилось искоренить податныя злоупотребленія, борясь и съ закладничествомъ, и со своеволіемъ писцовъ, стараясь назначать послѣднихъ изъ «надежныхъ» людей и требуя отъ нихъ клятвы не брать взятокъ и работать «вправду»; оно увеличивало и безъ того уже до крайности обременительные налоги [1]), прибѣгало къ чрезвычайнымъ поборамъ, устанавливая, напр., нѣсколько разъ 20% налогъ съ годового дохода. Однако и въ области финансовъ такъ же, какъ и въ другихъ отрасляхъ государственной жизни, недостаточно было отдѣльныхъ мѣропріятій, а необходимы были коренныя преобразованія. Важнѣйшее изъ нихъ было выработано только къ самому концу царствованія Михаила и заключалось въ переходѣ отъ поземельнаго обложенія къ подворному [2]) (именно, подати стали брать не по количеству обрабатываемой земли, а по числу дворовъ тяглыхъ людей данной мѣстности). Введеніе подворной подати

---

[1]) Важнѣйшими косвенными налогами были таможенные сборы, взимавшіеся при провозѣ и при продажѣ товаровъ, и кабацкіе сборы, получавшіеся при продажѣ спиртныхъ напитковъ. Основнымъ прямымъ налогомъ были такъ называемыя деньги данныя, а главнѣйшими спеціальными: деньги ямскія (на содержаніе ямщиковъ и почтовыхъ станцій), полоняничныя (на выкупъ плѣнныхъ у турокъ и татаръ) и стрѣлецкія (на содержаніе стрѣльцовъ).

[2]) Переходъ этотъ совершенъ былъ не сразу, а черезъ промежуточную ступень. Именно, облагаться стала такъ называемая «живущая (т. е. обработанная) четверть», болѣе мелкая, чѣмъ соха, земельная единица, при этомъ устанавливалось наибольшее число дворовъ крестьянъ, могущихъ работать на данной четверти. Такимъ образомъ во вниманіе принимались два начала: и количество земли и количество дворовъ. Такая двойственность приводила къ злоупотребленіямъ и неясностямъ, и на земскомъ соборѣ 1642 года дворяне просили правительство ввести подворное обложеніе. Вслѣдствіе этого въ 1646 году была предпринята подворная перепись. Результаты ея внесены въ такъ называемыя «переписныя» книги, отличающіяся отъ писцовыхъ тѣмъ, что послѣднія приспособлялись къ нуждамъ поземельнаго обложенія. Поземельное обложеніе было окончательно вытѣснено подворнымъ лишь въ исходѣ XVII вѣка.

вызвано было стремленіемъ найти новыхъ плательщиковъ, напр. бобылей (впрочемъ, бобыльскій окладъ приравнивался обыкновенно половинѣ крестьянскаго), и не допустить, чтобы крестьяне (какъ это дѣлалось при поземельномъ обложеніи), желая меньше платить, умышленно сокращали запашку. Иногда для увеличенія своихъ доходовъ казна пріобрѣтала по установленной цѣнѣ выгодные товары у русскихъ купцовъ и съ прибылью перепродавала ихъ иностранцамъ.

Г. Отношеніе къ иностранцамъ.

Это вызывало нареканія со стороны разореннаго Смутой торгово-промышленнаго класса. Сильно негодовалъ онъ и на то, что правительство, стремясь добыть иностранные товары и иностранную серебряную монету, которая перечеканивалась затѣмъ въ русскую, предоставляло англійскимъ и голландскимъ купцамъ щедрыя торговыя льготы: первые торговали совсѣмъ безпошлинно, вторые—съ половинной пошлиной. Льготы иноземцамъ наносили ущербъ русскимъ купцамъ. Однако страна несомнѣнно выигрывала отъ привлеченія на русскую службу иностранцевъ для разработки природныхъ богатствъ, напр., для отыскиванія руды, для устройства различныхъ, преимущественно ружейныхъ, заводовъ (особенно извѣстенъ былъ заводъ, устроенный въ Тулѣ голландцемъ Виніусомъ). Вообще при Михаилѣ такъ же, какъ при Борисѣ, замѣчалось сближеніе съ иностранцами: на русскую службу приглашались не только промышленники, но и доктора и ученые (напр., гольштинецъ Олеарій, составившій интересное описаніе «Московіи»). Изъ поселеній иноземцевъ выросла около Москвы многолюдная Нѣмецкая слобода. Русское правительство поддерживало оживленныя дипломатическія сношенія съ иностранными государями, и Михаилъ Ѳеодоровичъ, подобно Борису, захотѣлъ даже породниться съ однимъ изъ нихъ, выбравъ въ женихи своей дочери датскаго принца (Вальдемара, который, однако, не согласился принять православіе и относился очень непріязненно къ московскимъ обычаямъ, вслѣдствіе чего бракъ разстроился). Наконецъ, иностранцы усиленно призывались на Русь въ качествѣ учителей западно-европейскаго военнаго искусства, и значительная часть русской рати была преобразована при Михаилѣ въ такъ называемые «полки иноземнаго строя»: солдатскіе (пѣшіе), рейтарскіе (конные) и драгунскіе (смѣшанные конно-пѣшіе), отданные подъ команду иностранцевъ-офицеровъ, получавшихъ огромное жалованье.

Д. Забота о служиломъ классѣ и отношеніе къ крестьянамъ.

Улучшеніе войска составляло главную, основную заботу царствованія Михаила Ѳеодоровича. Правительство настоятельно нуждалось въ ратныхъ людяхъ, а между тѣмъ дворяне были настолько разорены Смутой, что многіе изъ нихъ «шли въ холопство», чтобы только освободиться отъ непосильнаго бремени службы. Необходимо было обезпечить служилый классъ жалованьемъ, помѣстьями и рабочими руками. Правительство усердно

заботилось объ этомъ, приспособляя всѣ свои финансовыя и сословныя мѣропріятія къ военнымъ потребностямъ. Упорядоченію помѣстнаго землевладѣнія посвящено было нѣсколько указовъ, изъ которыхъ затѣмъ составилось цѣлое «помѣстное уложеніе» (1636 г.). Дворяне были распредѣлены по «статьямъ», въ зависимости отъ своей служебной годности; установлено было, что можно требовать несенія службы только отъ такого помѣщика, на землѣ котораго работаетъ не менѣе опредѣленнаго количества крестьянъ (наименьшимъ числомъ первоначально было признано 15). Въ отвѣтъ на настоятельныя просьбы дворянъ о продленіи и даже о совершенной отмѣнѣ «урочныхъ лѣтъ» (т. е. о предоставленіи помѣщикамъ права искать бѣжавшихъ отъ нихъ крестьянъ въ теченіе болѣе долгаго срока, чѣмъ пятилѣтній—установленный въ 1597 г.,—или даже безсрочно), правительство установило десятилѣтнюю давность для исковъ о бѣглыхъ крестьянахъ и пятнадцатилѣтнюю для исковъ о вывезенныхъ насильно другими помѣщиками.

§ 6. Внѣшняя политика второй половины царствованія Михаила Ѳеодоровича.

А. Вторая война съ Польшей.

Приведя въ извѣстный порядокъ свои ратныя силы, правительство обратилось къ очередной задачѣ внѣшней политики — къ добыванію Смоленска, воспользовавшись тѣмъ, что въ 1632 г. умеръ Сигизмундъ III, и въ Рѣчи Посполитой передъ избраніемъ новаго короля начались обычныя нестроенія. Къ этому же времени истекло и деулинское перемиріе, заключенное, какъ извѣстно, на 14½ лѣтъ. Несмотря на всѣ старанія, Московскому государству не удалось найти союзниковъ въ Западной Европѣ и пришлось ограничиться собственными силами. Московское войско въ числѣ 32 тысячъ человѣкъ (въ это число входило около 13 тыс. русскихъ солдатъ «иноземнаго строя») подъ начальствомъ Шеина (героя Смоленской обороны) взяло нѣсколько пограничныхъ городовъ и осадило Смоленскъ. Осаду Шеинъ велъ не столь успѣшно, какъ въ свое время оборону. Онъ надолго задержался подъ стѣнами крѣпкаго города; рать его таяла вслѣдствіе того, что служилые люди изъ южныхъ окраинъ самовольно разъѣзжались по домамъ защищать свои помѣстья отъ набѣговъ крымскихъ татаръ, дѣйствовавшихъ по соглашенію съ поляками. Между тѣмъ подъ Смоленскъ явился съ войскомъ Владиславъ, избранный на польскій престолъ. Окруживъ московскія рати, онъ вынудилъ Шеина начать переговоры. Въ результатѣ ихъ послѣдній долженъ былъ оставить весь свой обозъ и артиллерію и отступить, преклонивъ знамена передъ королемъ. Это отступленіе несправедливо приписали измѣнѣ главныхъ воеводъ, и Шеинъ вмѣстѣ со своимъ помощникомъ (Измайловымъ) былъ преданъ суду

и казненъ. Продолженіе войны не дало существенныхъ успѣховъ ни той, ни другой сторонѣ, и въ 1634 году (на берегу рѣки Поляновки) былъ заключенъ миръ, по условіямъ котораго Владиславъ отказывался отъ правъ на московскій престолъ, признавъ царемъ московскимъ Михаила Ѳеодоровича, однако удерживалъ за собою Смоленскъ и Сѣверскую землю. Главная причина неудачи этой войны заключалась въ отсутствіи у русскихъ, несмотря на всѣ принятыя правительствомъ мѣры, достаточнаго количества ратныхъ людей и денежныхъ средствъ. Та же причина удержала Московское государство и отъ войны съ Турціей и татарами, поводъ къ которой данъ былъ захватомъ Азова донскими козаками.

Б. Азовскій вопросъ и земскій соборъ 1642 года.

Уже издавна, какъ извѣстно, донскіе козаки дѣлали такіе же набѣги на турецкія владѣнія, какъ крымцы на русскія, вызывая этимъ частыя дипломатическія недоразумѣнія между турецкимъ и московскимъ правительствами. Послѣ Смуты, когда козаки лишились возможности своевольничать внутри Московскаго государства, они обратили всю свою удаль противъ турокъ, и въ 1637 году взяли турецкую крѣпость Азовъ, заграждавшую выходъ изъ Дона. Продержавшись здѣсь нѣсколько лѣтъ и отбивъ приступы многотысячной турецкой рати, козаки сознали однако недостаточность своихъ силъ для продолжительной борьбы съ турками и обратились за помощью къ царю Михаилу Ѳеодоровичу, прося его взять Азовъ «подъ свою высокую руку». Занятіе Азова было очень заманчиво, такъ какъ, помимо представляемыхъ имъ торговыхъ выгодъ, онъ могъ бы стать сильнымъ оплотомъ противъ Крыма. Но страшна была неизбѣжная война съ Турціей. Поэтому московское правительство не хотѣло рѣшать азовскаго вопроса безъ содѣйствія земскаго собора. Созванный въ началѣ января 1642 года соборъ высказался за принятіе Азова, но при обсужденіи средствъ, необходимыхъ для удержанія его, участники собора такъ ярко описали страшное разореніе всѣхъ классовъ русскаго общества и недостатокъ силъ для предстоящей войны, что правительство вынуждено было отказаться отъ нея. Поэтому Михаилъ Ѳеодоровичъ, признавъ захватъ Азова самовольнымъ поступкомъ козаковъ, отказалъ имъ въ помощи и приказалъ покинуть эту крѣпость. Развалины ея снова перешли къ туркамъ. Въ тѣхъ мнѣніяхъ, которыя подавали царю представители различныхъ сословій на соборѣ 1642 года (мнѣнія представлялись письменно, по сословіямъ) разореніе населенія объясняется не только тягостью службы и налоговъ, но больше всего—злоупотребленіями должностныхъ лицъ, обогащавшихся мздоимствомъ, «московскою волокитою», неправдами и неправыми судами, которые страшнѣе «турецкихъ и крымскихъ бусурмановъ». Эти горькія жалобы въ значительной степени справедливы; несмотря на всѣ принимаемыя правительствомъ мѣры строгости, злоупотребленія не искоренялись, а

увеличивались, вызывая не только жалобы, но и вспышки народныхъ волненій. Народныя волненія особенно ярко проявились послѣ смерти Михаила Ѳеодоровича; первые годы царствованія его преемника получили даже названіе «бунташнаго времени».

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Царствованіе Алексѣя Михайловича.

(1645—1676 г.г.).

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Внутренняя политика.

Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ скончался лѣтомъ 1645 года. Хотя при избраніи его на престолъ народъ присягалъ не только ему, но и его будущимъ дѣтямъ, и поэтому не могло возникнуть никакихъ сомнѣній относительно престолонаслѣдія, однако, по словамъ современника, послѣ смерти Михаила созванъ былъ земскій соборъ, который и избралъ на царство его старшаго сына, 16-ти-лѣтняго Алексѣя Михайловича.

§ 1. Характеристика царя Алексѣя Михайловича.

Современники отзывались очень сочувственно объ Алексѣѣ Михайловичѣ. По словамъ одного иностранца, онъ «такой государь, какого желаютъ имѣть всѣ христіанскіе народы, но немногіе имѣютъ». Другой утверждаетъ, что «царь — одаренъ необыкновенными талантами, имѣетъ прекрасныя качества и украшенъ рѣдкими добродѣтелями». Дѣйствительно, личность Алексѣя Михайловича — очень привлекательна и интересна: историкъ (Ключевскій) считаетъ его «лучшимъ человѣкомъ древней Руси». Будучи естественнымъ порожденіемъ половины XVII вѣка, царь Алексѣй значительно опередилъ, однако, большинство своихъ современниковъ не только высокими нравственными качествами, но и тѣмъ, что своимъ духовнымъ взоромъ онъ заглядывалъ впередъ, являясь предшественникомъ преобразовательной дѣятельности Петра Великаго. Глубокая натура Алексѣя Михайловича гармонично претворяла въ себѣ различныя, часто противорѣчивыя, черты и сложилась постепенно въ цѣльный, живой, облагороженный характеръ москвича XVII вѣка, чующаго настроенія XVIII. Царственную осанку и величавую степенность онъ соединялъ съ живостью ума, разносторонностью интересовъ, порывистою отзывчивостью на все, достойное вниманія. Природная вспыльчивость, доводившая его

часто до большихъ рѣзкостей (иногда даже въ церкви онъ не могъ сдержать своего гнѣва и брани), совмѣщалась съ отходчивостью, незлобивостью, добродушіемъ и рѣдкой кротостью. По словамъ иностранца-современника, «его взглядъ никогда не возбуждалъ страха, но всякаго ободрялъ и обнадеживалъ». Русскіе люди называли царя за кротость «гораздо тихимъ», «тишайшимъ». Доброта Алексѣя Михайловича не походила на показное нищелюбіе Бориса Годунова или на внѣшнюю ласковость и привѣтливость людей, домогающихся популярности: она была глубокой, искренней, задушевной. Онъ не могъ чувствовать себя счастливымъ, если зналъ, что кто-нибудь изъ окружающихъ подавленъ горемъ, не могъ быть спокойнымъ, если находился съ кѣмъ-нибудь въ ссорѣ, и спѣшилъ мириться даже со своими недругами; онъ щедро благотворилъ и дѣлалъ это вполнѣ по-христіански, безъ всякаго подчеркиванія; особенно симпатичнымъ бывалъ онъ тогда, когда ему приходилось утѣшать кого-нибудь въ горѣ. Утѣшалъ онъ не только по обязанности, не только въ силу того, что считалъ своимъ царственнымъ долгомъ «безпомощнымъ помогать и разсуждать людей вправду», но отъ чистаго сердца: изъ самой души лились у него трогательныя слова утѣшенія, соотвѣтствовавшія всегда настроенію того, къ кому они обращались. За такими словами онъ обращался всегда къ религіи, такъ какъ былъ глубоко-религіознымъ человѣкомъ. Какъ истый москвичъ, онъ ревностно придерживался обряда: превосходно зналъ богослуженіе, подолгу простаивалъ въ церкви, клалъ по тысячѣ поклоновъ, въ иные постные дни вовсе лишалъ себя пищи. Но обрядность не засушила его, не убила въ немъ религіознаго духа и не связалась у него со слѣпой приверженностью къ старинѣ: въ дѣтствѣ онъ одѣвался въ «нѣмецкое» платье и забавлялся «нѣмецкими» игрушками; сдѣлавшись царемъ, разъѣзжалъ въ «нѣмецкой» каретѣ, посѣщалъ «комедійныя дѣйства» (т. е. театральныя представленія, устраивавшіяся при его дворѣ) и былъ сторонникомъ новшествъ, т. е. западно-европейскихъ заимствованій. Считая главной цѣлью человѣка—заботу о спасеніи души, онъ, однако, горячо любилъ жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ, отъ души любовался природой, не отказывалъ себѣ въ удовольствіяхъ (онъ былъ, напр., страстнымъ охотникомъ). Эстетикъ уживался въ немъ съ философомъ-моралистомъ. Духомъ морали проникнуты его многочисленныя писанія. Какъ литераторъ, онъ уступаетъ Іоанну IV: въ немъ нѣтъ того темперамента, той колкости словъ, той ѣдкой и выразительной желчи, которыя характеризуютъ произведенія Грознаго. Писанія Алексѣя Михайловича спокойны, пожалуй, растянуты, но все же очень живы: основательное богословское схоластическое образованіе, полученное имъ (по словамъ современниковъ, онъ былъ «навыченъ многимъ философскимъ наукамъ»), не изсушило его ума, не заразило его риторикой, не лишило оригинальности. Спокойно, своеобразно и не спѣша справился онъ съ важными за-

дачами, выдвинувшимися въ его царствованіе: съ составленіемъ свода законовъ — такъ называемаго Соборнаго Уложенія, съ крупными общественными преобразованіями, съ исправленіемъ богослужебныхъ книгъ и съ вопросомъ о взаимныхъ отношеніяхъ свѣтской и духовной власти, подавилъ новое выступленіе козачества, рѣшилъ вопросъ о присоединеніи Малороссіи и, наконецъ, осторожно подготовилъ почву для воспріятія Московскимъ государствомъ западно-европейской культуры. Царствованіе Алексѣя Михайловича вообще было полно глубокаго смысла и своей разносторонностью какъ бы соотвѣтствовало разносторонней натурѣ царя. Однако, при всѣхъ достоинствахъ, Алексѣю Михайловичу не чужды были и серьезные недостатки. Однимъ изъ самыхъ существенныхъ было отсутствіе у него твердости характера и силы воли. Живо поддаваясь разнообразнымъ впечатлѣніямъ, онъ поддавался и вліянію окружающихъ людей и, вслѣдствіе своей мягкости, не всегда могъ освободиться отъ него, хотя бы даже тяготился имъ. Онъ терпѣлъ около себя иногда негодныхъ людей не потому, что не имѣлъ достаточно чутья, чтобы распознать ихъ, но потому, что у него не хватало характера отстранить ихъ отъ себя. Этимъ онъ часто вызывалъ недовольство и нареканія народа; такъ случалось съ нимъ порой и въ зрѣлые годы, особенно же въ молодости.

§ 2. Народныя волненія въ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича.

А. Правленіе Морозова и «плещеевщина».

Въ первые годы царствованія Алексѣя Михайловича его руководителемъ и дѣйствительнымъ правителемъ государства былъ бояринъ Морозовъ. Царя соединяла съ нимъ крѣпкая связь: Морозовъ въ качествѣ дядьки воспитывалъ его съ раннихъ лѣтъ, а затѣмъ породнился съ нимъ, женившись на сестрѣ государевой жены—боярышнѣ Милославской. Способный, образованный человѣкъ, благоговѣвшій передъ западно-европейской культурой и умѣвшій привить вкусъ къ ней и своему питомцу, Морозовъ былъ далеко не безупреченъ, какъ правитель, и не блисталъ честностью. Подъ его крыломъ пышно процвѣтали самоуправство, лихоимство и другія злоупотребленія, съ которыми, какъ мы знаемъ, тщетно боролось правительство Михаила Ѳеодоровича. Кромѣ самого Морозова, особенно запятнали себя злоупотребленіями царскій тесть Милославскій, начальникъ одного приказа—Траханіотовъ и судья Земскаго приказа—Плещеевъ. Эта компанія, вмѣстѣ со своими родственниками и приспѣшниками, составляла кружокъ «сильныхъ людей» или «временниковъ», которые всячески «тѣснили и изобижали» беззащитныхъ: просителей, не дававшихъ взятокъ, «выбивали взашей» изъ приказовъ, а челобит-

ныя ихъ раздирали; расхищали городскія земли, творили всякія насилія, а Плещеевъ изобрѣлъ еще оригинальный способъ для своего обогащенія: онъ побуждалъ разныхъ негодяевъ къ доносамъ на невинныхъ лицъ и затѣмъ обиралъ оговоренныхъ. Не даромъ имя этого чиновника создало особый терминъ «плещеевщина», которымъ москвичи обозначали хищническое и безстыдное управленіе.

Народъ негодовалъ на эти злоупотребленія. Кромѣ того, большое раздраженіе вызвало увеличеніе, по мысли дьяка Чистаго, пошлины на соль, которою рѣшили замѣнить важнѣйшіе прямые налоги (вмѣсто 5 коп. съ пуда стали взимать 20; вслѣдствіе этого, по разсчету историка Ключевскаго, казенная пошлина вшестеро превышала нынѣшнюю рыночную цѣну фунта соли). Эта пошлина озлобила народъ и не дала прибыли казнѣ, такъ какъ соль, вслѣдствіе своей дороговизны, покупалась въ меньшемъ количествѣ. Большія нареканія возбуждало также и то, что правительство торговало табакомъ, на который русскіе люди смотрѣли, какъ на «богоненавистное и богомерзкое зелье».

Б. Мятежъ 1648 г.

Все это вмѣстѣ взятое вызвало лѣтомъ 1648 г. сильный народный бунтъ въ Москвѣ, когда, по словамъ современника, чернь «всколыбалася на бояръ», начала грабежъ и требовала отъ царя казни ненавистныхъ «сильныхъ людей». Плещеевъ, Чистый и нѣкоторые другіе были умерщвлены, а Морозова царь спасъ въ монастырѣ. Алексѣй Михайловичъ скорбѣлъ о злоупотребленіяхъ и обѣщалъ удовлетворить народныя желанія: соляная пошлина и продажа табаку были отмѣнены, а Морозовъ, не лишившись дружбы царя, утратилъ однако навсегда свое вліяніе на дѣла правленія. Московскій мятежъ 1648 г. (а также волненія, происшедшія и въ нѣсколькихъ другихъ городахъ) былъ одной изъ причинъ, побудившихъ государя пригласить выборныхъ отъ населенія, т. е. земскій соборъ, къ участію въ составленіи новаго свода законовъ, настоятельную необходимость котораго московское правительство чувствовало уже давно.

§ 3. Соборное уложеніе 1649 года.

Судебникъ Іоанна IV, составленный сто лѣтъ тому назадъ, въ 1550 году, давно уже устарѣлъ: за бурный періодъ, пережитый Московскимъ государствомъ съ этого времени до царствованія Алексѣя Михайловича, появилось не мало новыхъ законовъ. Поводомъ къ изданію ихъ служили, главнымъ образомъ, запросы различныхъ московскихъ приказовъ: какой-нибудь приказъ, встрѣтившись въ своей практикѣ со случаемъ, не предусмотрѣннымъ прежними законами, обращался за разъясненіемъ къ боярской думѣ, и бояре, по указу государя, составляли свой «приговоръ». Такимъ способомъ и

возникали новые законы. Они не приводились въ систему, а записывались только въ книгахъ тѣхъ приказовъ, вѣдомства которыхъ касались. Эти книги назывались «указными» и служили для приказовъ продолженіями Судебника. Случалось, что одинъ приказъ не зналъ законовъ, внесенныхъ въ указныя книги другого, или что въ разныхъ указныхъ книгахъ содержались противорѣчія. Если и приказные люди часто путались въ законахъ и вертѣли ими, какъ угодно, то простой народъ, конечно, совершенно не зналъ ихъ. Такой порядокъ, очевидно, открывалъ широкій просторъ для злоупотребленій, невольныхъ и вольныхъ, отвѣтомъ на которыя и былъ мятежъ 1648 года.

Вскорѣ послѣ него, въ іюлѣ 1648 года, царь, по совѣщанію съ боярами и освященнымъ соборомъ (т. е. патріархомъ и его совѣтомъ), рѣшилъ напечатать и издать во всеобщее свѣдѣніе новую Уложенную книгу, которая содержала бы систематическій сводъ дѣйствующихъ законовъ, пересмотрѣнныхъ, исправленныхъ и дополненныхъ новыми статьями, почерпнутыми изъ авторитетныхъ источниковъ. Для составленія ея былъ выработанъ слѣдующій порядокъ. I. Написать проектъ такого Уложенія поручено было комиссіи изъ трехъ думныхъ чиновъ (бояръ: кн. Одоевскаго, кн. Прозоровскаго и окольничаго—кн. Волконскаго) и двухъ дьяковъ (Грибоѣдова и Леонтьева). Эта комиссія пользовалась слѣдующими источниками: 1) прежними Судебниками, 2) указными книгами и справками изъ приказовъ, 3) Кормчей (т. е. переводомъ Номоканона, содержавшаго византійскіе законы), 4) отчасти Литовскимъ Статутомъ (т. е. составленнымъ въ XVI вѣкѣ сводомъ литовско-русскаго права; Статутомъ пользовались, впрочемъ, не столько, какъ источникомъ, сколько какъ пособіемъ, заимствуя оттуда не самый матеріалъ, а способы распредѣленія его). II. Составленныя комиссіей статьи прочитывались, пересматривались, редактировались и утверждались государемъ и боярской думой. III. Затѣмъ онѣ, такъ сказать, закрѣплялись «общимъ совѣтомъ» всей земли, т. е. земскимъ соборомъ, созваннымъ къ осени 1648 г. и состоявшимъ изъ выборныхъ отъ служилыхъ и торгово-промышленныхъ посадскихъ людей (представителей отъ сельскихъ обывателей на этомъ соборѣ не было). Формально, земскому собору отводилась, въ сущности, скромная роль: выборные должны были выслушать статьи составленнаго и утвержденнаго государемъ свода и подписать его, чтобы поручиться своими подписями въ томъ, что «все Уложеніе впредь будетъ прочно и неподвижно», т. е. будетъ исполняться ихъ избирателями. Однако на самомъ дѣлѣ роль выборныхъ оказалась гораздо замѣтнѣе: комиссія при составленіи статей совѣщалась съ ними, они въ свою очередь выражали комиссіи свои законодательныя пожеланія, которыя въ видѣ челобитій поступали затѣмъ въ боярскую думу и удовлетворялись тамъ соотвѣтствующими приговорами. Было нѣсколько случаевъ, когда самъ государь съ боярами являлся на засѣданія собора, совмѣстно съ нимъ обсу-

ждалъ какой-нибудь вопросъ и устанавливалъ по поводу него новый законъ. Изъ изложеннаго видно, что Уложеніе, законченное въ началѣ 1649 года, можетъ быть названо Соборнымъ (какъ зовется оно оффиціально) не только потому, что оно подписано участниками земскаго собора, но и потому, что послѣдніе принимали дѣйствительное участіе въ его составленіи: ихъ челобитья являлись однимъ изъ его источниковъ (назовемъ его пятымъ).

Огромное уложеніе, содержащее 25 главъ или 967 статей, составлено было въ очень короткое время — не много больше полугода. Спѣшность неблагопріятно отразилась на распредѣленіи и редакціи статей, и Соборное Уложеніе не лишено техническихъ недочетовъ, свойственныхъ прежнимъ Судебникамъ. Но по содержанію оно несравненно шире ихъ, такъ какъ заключаетъ въ себѣ далеко не одно законодательство о судѣ, а все дѣйствовавшее тогда русское право.

Уложеніе пополнялось впослѣдствіи дополнительными, такъ называемыми «новоуказными» статьями (за время отъ 1649 г. до 1675 г. ихъ было издано свыше 600). По Уложенію и этимъ статьямъ можно составить довольно ясное представленіе не только о судѣ, но и объ общественномъ и экономическомъ строѣ этого времени.

Что касается суда, то Уложеніе обѣщаетъ «всякихъ чиновъ людемъ отъ бо̀льшаго и до меньшаго чину судъ и расправу во всякихъ дѣлахъ всѣмъ равную», однимъ словомъ, провозглашаетъ равенство всѣхъ передъ судомъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ оно устанавливаетъ крайне жестокія наказанія за преступленія: пытки, кнутъ, сожженіе, заливаніе горла расплавленнымъ металломъ, закапываніе живымъ въ землю и т. д. Судебныя привилегіи духовенства ограничиваются, и оно дѣлается подсуднымъ особому учрежденію — Монастырскому Приказу. Вмѣстѣ съ тѣмъ духовнымъ лицамъ и учрежденіямъ запрещается пріобрѣтать вотчины (это запрещеніе сдѣлано было, какъ извѣстно, уже давно, но духовенство умѣло обходить его). Такимъ образомъ, интересы духовенства принесены были въ жертву государству. Такихъ же жертвъ потребовало Уложеніе и отъ остального населенія. Однако, насколько было возможно, оно стремилось сочетать государственные интересы съ интересами тѣхъ двухъ классовъ общества, которые имѣли своихъ представителей на соборѣ 1649 года—именно, посадскихъ и дворянъ.

§ 4. Общественный строй Московской Руси во второй половинѣ XVII вѣка.

А. Прикрѣпленіе посадскихъ людей.

Посадскіе люди получили характеръ обособленнаго, замкнутаго сословія и были прикрѣплены къ посаду (прикрѣпленіе было столь строгимъ, что одинъ изъ указовъ, изданныхъ послѣ Уложенія, грозилъ

смертной казнью за переходъ изъ одного посада въ другой). Такое прикрѣпленіе обезпечивало государству исправное поступленіе тягла, а съ другой стороны оно было выгодно и самой посадской общинѣ, которой приходилось платить подати за «избылыхъ», т. е. ушедшихъ, членовъ. Обращеніе посадскихъ въ особое сословіе было удобно и потому, что избавляло ихъ отъ конкуренціи тѣхъ лицъ, которыя, не участвуя въ тяглѣ, занимались торговлей и промыслами и селились даже на общественныхъ посадскихъ земляхъ. Такихъ конкурентовъ было не мало: и стрѣльцы, и пригородные крестьяне, и духовенство и, въ особенности, закладчики изощрялись въ торгово-промышленной дѣятельности въ ущербъ посадскимъ. Уложеніе энергично встало на защиту послѣднихъ: 1) оно строго запретило закладничество и вернуло закладчиковъ въ тягло, 2) предписало «поворотить въ тягло», т. е. приписать къ тяглымъ посадскимъ общинамъ, городскіе и пригородные дворы и торгово-промышленныя заведенія, перешедшія въ нетяглыя руки и 3) предоставило посадскимъ исключительное право занятія городскимъ торгомъ и промысломъ. Въ ихъ интересахъ были ограничены также льготы иностранныхъ купцовъ, которымъ разрѣшено было торговать только въ Архангельскѣ и притомъ лишь оптомъ. Нѣсколько новоуказныхъ статей, изданныхъ послѣ Уложенія, имѣли цѣлью объединить, для удобства русскихъ купцовъ, многочисленныя таможенныя пошлины однимъ сборомъ, размѣръ котораго опредѣлялся продажною цѣною товаровъ (по 5 копѣекъ съ рубля). Такимъ образомъ, прикрѣпляя посадскихъ къ тяглу и посаду, московское законодательство выказывало также заботу объ ихъ интересахъ.

Б. Дворянство и крестьянство.

Не забывало оно и объ интересахъ дворянъ. Прикрѣпивъ ихъ наслѣдственно къ обязательной ратной службѣ, Уложеніе позаботилось не только о томъ, чтобы ихъ земли не переходили въ руки духовенства, но и о томъ, чтобы съ нихъ не уходили крестьяне: I. «Урочныя лѣта» были отмѣнены, и землевладѣлецъ получалъ право безсрочно искать бѣжавшаго отъ него крестьянина[1]). II. Крестьяне вмѣстѣ со своими родственниками и потомствомъ укрѣплялись за господами, на земляхъ которыхъ они были записаны въ писцовой или переписной книгѣ (общая подворная перепись, укрѣпившая крестьянъ за владѣльцами потомственно и безъ урочныхъ лѣтъ, была произведена еще до изданія Уложенія, а именно въ 1646 году). III. Господамъ были предоставлены значительныя права распоряженія какъ личностью крестьянъ, такъ и ихъ имуществомъ (крестьянскіе «животы», т. е. имущество, по смыслу Уложенія, были какъ бы собственностью землевладѣльцевъ и находились только въ

[1]) Впрочемъ, московское правительство, не отличавшееся послѣдовательностью въ крестьянскомъ вопросѣ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ и послѣ Уложенія назначало предѣльные сроки для исковъ о бѣглыхъ крестьянахъ.

пользованіи крестьянъ); подтверждалась обязанность господъ судить своихъ крестьянъ за всѣ преступленія, кромѣ важнѣйшихъ, и быть ихъ представителями или отвѣтчиками за нихъ, въ случаѣ ихъ судебныхъ столкновеній съ посторонними лицами; вмѣстѣ съ тѣмъ на землевладѣльцевъ падала и отвѣтственность за исправное поступленіе тягла съ крестьянъ.

В. Крѣпостное право.

Всѣ эти постановленія утвердили законодательнымъ порядкомъ отношенія, выработанныя самой жизнью. Такимъ образомъ Соборное Уложеніе узаконило крѣпостное право (т. е. право владѣнія) господъ на крестьянъ (иными словами крѣпостную неволю или крѣпостное состояніе крестьянъ) и сблизило послѣднихъ по фактическому ихъ положенію съ кабальными холопами. По образцу служилой кабалы, т. е. акта, укрѣплявшаго кабальнаго холопа за заимодавцемъ, создалась и самая крѣпость или «вѣчность» крестьянская (т. е. тотъ актъ, который, будучи соотвѣтствующимъ образомъ оформленъ [1]), укрѣплялъ крестьянина за землевладѣльцемъ и заключался въ обязательствѣ, вносимомъ въ порядную или ссудную запись: «за государемъ своимъ, т. е. за господиномъ, жить во крестьянехъ по свой животъ безвыходно» [2]). Различіе крестьянъ и холоповъ состояло въ слѣдующемъ: 1) крестьяне были тяглыми людьми, каковыми не были холопы; поэтому помѣщикъ долженъ былъ не обезземеливать и не разорять своего крестьянина; 2) крестьянская «крѣпость» была потомственной, а кабальная—личной [3]).

Г. Условія, создавшія его.

Какъ уже упоминалось, Уложеніе, подобно прежнему московскому законодательству по крестьянскому вопросу, только подтверждало отношенія, установившіяся на практикѣ. Дѣйствительно, какъ извѣстно, уже къ концу XVI вѣка право выхода, не отмѣненное оффиціально, сводилось въ сущности на нѣтъ: землевладѣльцы, хватаясь за рабочія руки, закрѣпляли крестьянъ экономически посредствомъ ссуды, а правительство, въ финансовыхъ интересахъ и для обезпеченія помѣщиковъ, прикрѣпляло крестьянъ-домохозяевъ къ ихъ тяглому со-

---

[1]) Оформленіе производилось обыкновенно слѣдующимъ образомъ: порядныя писались особыми «площадными дьяками» въ присутствіи послуховъ, т. е. свидѣтелей, а затѣмъ представлялись въ городахъ въ приказныя или губныя избы для внесенія ихъ въ «крѣпостныя книги крестьянскихъ порядныхъ, житейскихъ или ссудныхъ записей» или въ «записныя книги служилымъ кабаламъ и крестьянскимъ записямъ». Въ концѣ XVII вѣка записи утверждались въ приказѣ «холопья суда».

[2]) Древнѣйшимъ крѣпостнымъ состояніемъ, т. е. зависимостью по крѣпости, было полное холопство, ведущее свое начало съ первыхъ вѣковъ русской исторіи и упоминаемое въ Русской Правдѣ. Кабальное холопство, какъ извѣстно, появилось позже и имѣло своимъ источникомъ заемъ, обезпеченный личнымъ закладомъ.

[3]) По мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, крѣпость распространялась, однако, и на дѣтей кабальнаго, записанныхъ въ его кабалѣ или родившихся во время его холопства.

стоянію и къ землѣ посредствомъ записи въ писцовыхъ книгахъ; вмѣстѣ съ тѣмъ оно предоставляло помѣщикамъ право искать бѣглыхъ въ теченіе «урочныхъ лѣтъ». Уже этихъ двухъ условій: задолженности и государственнаго прикрѣпленія было достаточно для происхожденія крестьянской неволи. А между тѣмъ смутное время создало обстановку, въ высшей степени благопріятствовавшую развитію ея. Экономическія послѣдствія смуты выразились, какъ мы знаемъ, въ полномъ разореніи какъ помѣщичьяго хозяйства, такъ и государственной казны. Естественно, что послѣ смуты увеличилась по сравненію съ прежнимъ и погоня землевладѣльцевъ за рабочими руками и погоня правительства за плательщиками податей. Это отразилось на бытѣ крестьянъ: помѣщики стали еще прочнѣе закрѣпощать ихъ, а правительство, многимъ обязанное дворянству, еще снисходительнѣе смотрѣло на это и въ болѣе широкихъ размѣрахъ практиковало перепись съ цѣлью прикрѣпленія. Очень удобнымъ для землевладѣльцевъ видомъ зависимости отъ нихъ было кабальное холопство: кабальный холопъ по закону 1597 года служилъ своему господину, какъ извѣстно, пожизненно, не имѣя права прекратить своей службы. Понятно, что помѣщики старались сблизить холоповъ и крестьянъ. Сдѣлать это было тѣмъ легче, что между ними существовало сходство: кабальный холопъ отрабатывалъ господину «ростъ», т. е. проценты за заемъ, крестьянинъ отрабатывалъ ссуду. Различіе въ ихъ занятіяхъ, сказывавшееся въ томъ, что крестьянинъ трудился на земельномъ участкѣ, а холопъ — на господскомъ дворѣ, стало съ теченіемъ времени стираться, такъ какъ за недостаткомъ крестьянъ землевладѣльцы «сажали холоповъ въ крестьяне», т. е. на пашню, и изъ такихъ холоповъ - земледѣльцевъ образовался особый классъ «задворныхъ людей», съ которыми, какъ и съ крестьянами, господа заключали ссудную запись. Фактическая близость холоповъ и крестьянъ привела къ тому, что послѣдніе, подъ давленіемъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ (въ частности вслѣдствіе острой нужды въ ссудѣ), стали включать въ свою порядную или ссудную запись условіе о невыходѣ, которое и сдѣлалось пожизненною крестьянскою крѣпостью. Перепись 1646 года, а затѣмъ Соборное Уложеніе, превративъ эту крѣпость въ потомственную, не внесли ничего существенно новаго, такъ какъ фактически и прежде сынъ-наслѣдникъ крестьянина безъ всякаго новаго договора былъ крѣпокъ владѣльцу. Распространеніе же прикрѣпленія на всѣхъ родственниковъ крестьянъ - домохозяевъ соотвѣтствовало давнишней тенденціи московскаго правительства прикрѣплять всѣхъ своихъ подданныхъ къ опредѣленному классу и, по возможности, искоренять «вольныхъ, гулящихъ людей». Все остальное, что отягощало крестьянскую неволю, являлось естественнымъ слѣдствіемъ условій прикрѣпленія: помѣщикъ широко распоряжался не только крестьянскимъ трудомъ, но и крестьянскими животами потому, что въ большинствѣ

случаевъ крестьяне обзаводились всѣмъ имуществомъ на ссуду, полученную отъ него. Поэтому-то по Уложенію долги несостоятельныхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ «правились» (т. е. взыскивались) на ихъ крестьянахъ и холопахъ; поэтому имущество крестьянина, женившагося на бѣглой крестьянкѣ, удерживалось за его владѣльцемъ, тогда какъ самъ онъ вмѣстѣ съ женою отдавался ея господину; поэтому также крестьянинъ могъ завѣщать свои «животы» наслѣдникамъ или давать ихъ въ приданое за дочерью только съ согласія господина и т. д. Уложеніе также разрѣшало землевладѣльцамъ различныя сдѣлки, касавшіяся самой личности крестьянъ: напр., мѣну ихъ, отчужденіе ихъ безъ земли, переводъ ихъ отъ одного помѣщика къ другому и т. д. Частности крестьянскаго быта не затрагивали интересовъ правительства, и оно не принимало мѣръ противъ низведенія крестьянъ въ фактическое положеніе холоповъ [1]). Оно было заинтересовано только въ томъ, чтобы крестьяне не перестали быть тяглыми. Вслѣдствіе этого оно возложило на землевладѣльцевъ отвѣтственность за тяглоспособность крестьянъ и за ихъ податную исправность. Вслѣдствіе этого также Уложеніе запрещало господамъ обращать крестьянъ въ настоящихъ кабальныхъ холоповъ (т. к. послѣдніе не несли тягла) и отпускать на волю помѣстныхъ крестьянъ (освобожденіе вотчинныхъ крестьянъ разрѣшалось, такъ какъ вотчины считались полною собственностью, а помѣстья—какъ бы государственными землями, отданными въ условное владѣніе).

§ 5. Упадокъ земскихъ соборовъ и развитіе «приказнаго» управленія.

А. Сословная рознь.

Соборное Уложеніе упорядочило московское законодательство, но не прекратило этимъ злоупотребленій «сильныхъ людей» и не предотвратило народныхъ бунтовъ, а своими постановленіями, касавшимися общественнаго строя, т. е. прикрѣпленіемъ сословій, оно способствовало въ значительной степени упадку и разрушенію земскихъ соборовъ. Дѣйствительно, на ихъ составѣ и дѣятельности должно было гибельно отразиться какъ крѣпостное право, такъ и обособленіе свободныхъ сословій другъ отъ друга: первое лишало представительства крестьянъ, т. е. огромное большинство населенія (владѣльческіе крестьяне, составлявшіе до 85% населенія, вовсе не имѣли представителей; послѣ собора 1613 года перестали призываться также выборные отъ уѣздныхъ людей—свободныхъ сельскихъ жителей), второе препятствовало единодушію соборовъ и превращало ихъ изъ выразителей народной

[1]) Ихъ сближеніе видно изъ того, что впослѣдствіи (въ концѣ XVII в.) запись въ крестьяне утверждалась въ томъ же приказѣ холопьяго суда, какъ и запись въ холопы. Это показываетъ, насколько крестьяне «охолопились», а холопы «окрестьянились».

воли и общегосударственныхъ нуждъ въ орудіе борьбы классовыхъ интересовъ и сословныхъ притязаній. Участники собора не всегда умѣли хорошо отстаивать даже мѣстныя нужды, такъ какъ подъ тяжестью воеводской власти глохло мѣстное самоуправленіе, и областные міры утрачивали способность къ самодѣятельности, проявлявшейся, между прочимъ, въ выборѣ достойныхъ представителей на соборъ.

Б. Соперничество собора и приказныхъ.

Единственно въ чемъ, по большей части, единодушно сходились всѣ выборные члены собора это въ своихъ справедливыхъ нападкахъ на беззаконія и неправды московскихъ «приказныхъ», т. е. должностныхъ людей. Понятно поэтому, что чиновныя и вліятельныя лица стали смотрѣть на земскихъ представителей, какъ на докучныхъ критиковъ, чуть не мятежниковъ, и подвели подкопы подъ самое существованіе соборовъ. Въ соперничествѣ «приказнаго», «бюрократическаго» начала съ соборнымъ, земскимъ одолѣло первое. Причина его побѣды понятна: земскіе соборы, вызванные къ кипучей дѣятельности бурными событіями смутнаго времени, привыкшіе при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ работать рука-объ-руку съ верховною властью и видѣвшіе въ этомъ сотрудничествѣ съ нею главное свое назначеніе, не успѣли или не сумѣли, за время своего процвѣтанія, создать себѣ прочную внѣшнюю организацію и обезпечить независимое положеніе; поэтому они начали быстро разлагаться, когда окрѣпшая къ половинѣ XVII вѣка власть перестала нуждаться въ ихъ опорѣ и когда въ нихъ самихъ проявилась сословная рознь.

В. Недостатки внѣшней организаціи соборовъ и ихъ упадокъ.

О внѣшней организаціи земскаго собора нужно сказать слѣдующее: I. Выборы отъ различныхъ классовъ общества, представленныхъ на немъ, происходили неодинаково: 1) столичные служилые и высшіе торговые чины (стольники, стряпчіе, дворяне московскіе и жильцы; гости и сотни, т. е. гильдіи, гостинная и суконная) выбирали своихъ представителей по чинамъ, т. е. отъ каждаго чина посылались уполномоченные, 2) провинціальные дворяне и дѣти боярскія—по уѣздамъ, для чего съѣзжались на уѣздное дворянское собраніе, 3) низшіе служилые люди—по полкамъ (какъ, напр., стрѣльцы) или слободамъ (пушкари и поверстанные на службу козаки); посадскіе люди—по слободамъ и чернымъ сотнямъ (нѣчто въ родѣ гильдій). II. Опредѣленіе числа уполномоченныхъ, подлежащихъ выбору отъ разныхъ группъ, всецѣло зависѣло отъ государя, который своимъ царскимъ указомъ созывалъ соборъ. На нѣкоторыхъ соборахъ тѣ или иныя группы вовсе отсутствовали: напр., на соборѣ 1634 года, собравшемся на слѣдующій день послѣ указа о его созывѣ, почти не было провинціаловъ, а на соборѣ 1648 года, напротивъ, почти не принимали участія московскіе служилые чины (ихъ было 8 изъ 290 участниковъ собора); на нѣкоторыхъ соборахъ отсутствовали

посадскіе. «Вообще, по словамъ историка (Ключевскаго), составъ собора былъ очень измѣнчивъ, лишенъ твердой, устойчивой организаціи, и трудно подобрать два собора, похожіе другъ на друга».

III. Засѣданія происходили въ Грановитой палатѣ и открывались рѣчью государя, произносимой имъ лично или читаемой въ его присутствіи дьякомъ; въ ней излагалась цѣль созыва собора. Представители отдѣльныхъ группъ—«чиновъ» допрашивались порознь и письменно подавали мнѣнія—«челобитья»,—«памяти» или «сказки» (допускались особыя мнѣнія лицъ, не согласившихся съ большинствомъ своихъ товарищей по «чину»). «Общій соборный приговоръ всѣхъ чиновъ» составлялся тогда, когда въ совѣщаніяхъ выборныхъ принимала участіе боярская дума съ государемъ. Въ этомъ случаѣ соборъ получалъ законодательный характеръ, такъ какъ соучаствовалъ въ законодательной дѣятельности государя и бояръ. Таковы были преимущественно соборы Михаилова царствованія до 1642 года. На соборѣ же 1642 года и слѣдующихъ дѣятельность выборныхъ имѣла только совѣщательный характеръ и ограничивалась подачей мнѣній государю и боярской думѣ, которая, не участвуя въ соборныхъ засѣданіяхъ, принимала, въ качествѣ правительства, тѣ или иныя рѣшенія, не представлявшія собою общаго соборнаго приговора. Итакъ, земскій соборъ (точнѣе: его выборный элементъ) не имѣлъ ни опредѣленной внѣшней организаціи, ни неизмѣнныхъ отношеній къ думѣ: онъ работалъ то вмѣстѣ съ нею, то для нея, получая въ зависимости отъ этого или законодательный, или совѣщательный характеръ. При такихъ условіяхъ, очевидно, не могло быть незыблемости правъ собора. Да московскіе люди XVII вѣка и не стремились вовсе къ обезпеченію этихъ правъ: идея правильно-организованнаго народнаго представительства, а тѣмъ болѣе конституціонныхъ гарантій, была совершенно чужда политическому міровоззрѣнію патріархальнаго русскаго общества того времени, и не эта идея направляла исторію земскихъ соборовъ. Въ XVI вѣкѣ, какъ мы знаемъ, они были послушнымъ орудіемъ власти; въ смутные годы сама жизнь, пробудившая самодѣятельность, призвала ихъ замѣнить отсутствующую власть; въ царствованіе Михаила они стали необходимой его опорой, а въ царствованіе Алексѣя снова попадали въ то служебное положеніе, изъ котораго вышли, такъ какъ не только власть окрѣпла, но и самодѣятельность притупилась, и сословныя вожделѣнія опять стали заволакивать ясный земскій взоръ благодаря которому потрясенное Московское государство вышло изъ дебрей смуты. Любопытно отмѣтить, что проблески общеземскаго сознанія дольше всего сохранились у представителей торгово-промышленнаго класса, какъ это видно изъ мнѣній ихъ соборныхъ представителей. Что касается служилыхъ людей, то одной изъ главныхъ причинъ ослабленія ихъ общеземскаго чувства было крѣпостное право ихъ на крестьянъ.

Въ общемъ причины упадка земскихъ соборовъ во второй половинѣ XVII вѣка сводятся къ слѣдующему: 1) укрѣпленіе верховной власти и развитіе централизаціи въ связи съ ослабленіемъ мѣстнаго самоуправленія, 2) сословное обособленіе и происходящая отъ этого классовая рознь, 3) отсутствіе прочной внѣшней организаціи соборовъ, 4) равнодушіе общества къ идеѣ народнаго представительства. Послѣ 1648—9 г. до конца царствованія Алексѣя Михайловича земскіе соборы созывались только три раза (да и то не въ полномъ составѣ): именно, въ 1650, 1651 и 1653 г.г. (Соборъ 1650 года былъ созванъ по поводу жестокаго мятежа во Псковѣ, отразившагося также и въ Новгородѣ; онъ былъ вызванъ отчасти обычными злоупотребленіями должностныхъ лицъ, отчасти недовольствомъ мѣстнаго населенія изъ-за того, что, по одному изъ договоровъ со Швеціей, московское правительство вывозило въ нее черезъ Новгородъ и Псковъ хлѣбные запасы и деньги. Соборы 1651 и 1653 г.г. обсуждали, какъ увидимъ, важный вопросъ о присоединеніи Малороссіи къ Московскому государству). Послѣ 1653 года правительство предпочитало вовсе обходиться безъ соборовъ, а въ тѣхъ затруднительныхъ случаяхъ, когда оно не полагалось на однѣ свои «приказныя» силы, оно обращалось къ содѣйствію особыхъ совѣщаній, составленныхъ изъ представителей только той общественной группы (или сословія), которая считалась наиболѣе свѣдущей въ данномъ вопросѣ. Такимъ образомъ «совѣты всей земли» подмѣнились односословными комиссіями свѣдущихъ людей, спеціалистовъ по интересующему правительство дѣлу. Такъ какъ эти дѣла, по большей части, были финансоваго характера, то къ совѣщаніямъ чаще всего приглашались торгово-промышленные люди.

Г. Переустройство боярской думы и приказовъ.

Одновременно съ упадкомъ земскихъ соборовъ происходили важныя измѣненія въ устройствѣ боярской думы. По словамъ историка (проф. Платонова), на пространствѣ XVII вѣка изъ неоформленнаго совѣта «бояръ всѣхъ» при государѣ она (т. е. дума) обнаружила тенденцію обратиться въ рядъ присутствій, дѣйствовавшихъ каждое по своей спеціальности постоянно и независимо отъ того, бывалъ ли въ нихъ лично государь или нѣтъ». Особыя думскія присутствія или боярскія комиссіи существовали и раньше, еще задолго до Алексѣя Михайловича, и предназначались для различныхъ цѣлей (напр., для дипломатическихъ переговоровъ съ иностранными послами, или для того, чтобы «вѣдать Москву» въ то время, когда государь вмѣстѣ съ большинствомъ бояръ отлучался изъ нея на продолжительный срокъ; боярской комиссіи поручался также въ извѣстныхъ случаяхъ судъ; наконецъ, московскіе государи издавна обсуждали нѣкоторыя секретныя дѣла не со всѣми думцами, а только съ «ближней, тайной думой»). Однако до Алексѣя Михайловича всѣ такія боярскія комиссіи имѣли, какъ и сама дума, очень измѣнчивый, неустойчи-

вый составъ и случайный характеръ. Лишь со второй половины XVII вѣка нѣкоторыя изъ нихъ, какъ сказано выше, получили видъ опредѣленныхъ присутствій или департаментовъ; именно, «Судъ бояръ» (т. е. судебная комиссія) превратился въ постоянную Расправную или Золотую палату, разсматривавшую спорныя дѣла, «которыхъ въ приказахъ вершити будетъ не мощно». Начало этой палаты положено было Соборнымъ уложеніемъ, а окончательную организацію она получила въ концѣ правленія Алексѣя Михайловича и при его преемникѣ Ѳеодорѣ. Она представляла собою, по словамъ историка (проф. Платонова), «правильную коллегію, которая имѣла постоянное мѣсто засѣданій и опредѣленный порядокъ слушанія дѣлъ». «Ближняя дума» при Алексѣѣ Михайловичѣ сдѣлалась также «постояннымъ высшимъ совѣтомъ», получившимъ названіе палаты или «комнаты» (ея члены именовались «комнатными»); значеніе же прежней «ближней думы» перешло на «тайную думу», состоявшую изъ ближайшихъ любимцевъ царя. Образованіе 1) Расправной палаты, имѣвшей судебно-административный характеръ, 2) «комнаты», представлявшей собою учрежденіе законосовѣщательное (государевъ указъ и боярскій приговоръ «комнатныхъ» имѣли силу закона), и 3) «тайной думы», являвшейся интимнымъ совѣтомъ государя, дѣлало, очевидно, излишнимъ частыя собранія «всѣхъ бояръ», т. е. общей государевой думы. Переустройствомъ думы вполнѣ опредѣлилось ея значеніе и ея отношеніе къ государю. Необходимо было также опредѣлить отношеніе приказовъ къ царской власти. Вмѣстѣ съ упадкомъ земскихъ соборовъ развивалось, какъ сказано, приказное начало: число приказовъ увеличивалось (въ XVII вѣкѣ оно дошло до 50)[1]), и въ первое десятилѣтіе царствованія Алексѣя Михайловича нѣкоторые приказы чувствовали себя весьма самостоятельными и допускали, какъ мы знаемъ, своеволія и злоупотребленія. Для борьбы съ такими злоупотребленіями, для обращенія приказовъ въ исполнительныя учрежденія, непосредственно руководимыя царемъ, и для сосредоточенія всего управленія въ своихъ рукахъ Алексѣй Михайловичъ изобрѣлъ дѣйствительное средство, создавъ въ 1655 году своеобразный «Приказъ великаго государя тайныхъ дѣлъ» или «Тайный приказъ».

Д. Тайный приказъ.

Этотъ приказъ, развившійся изъ личной канцеляріи Алексѣя Михайловича, вѣдавшей съ первыхъ лѣтъ его правленія обширную царскую переписку, находился въ непосредственномъ вѣдѣніи царя и со-

[1]) Какъ извѣстно приказы вѣдали или всѣ дѣла данной мѣстности, напр.: «Четь Нижегородская», «Казанскій дворецъ» (вѣдавшій Поволжье), Малороссійскій и др., или опредѣленныя дѣла во всемъ государствѣ, напр., Разрядный, Посольскій, Разбойный, или опредѣленный кругъ лицъ, напр., Холопій, Стрѣлецкій. Вѣдомство нѣкоторыхъ приказовъ, напр., Аптекарскаго, было ничтожно. Иногда нѣсколько мелкихъ приказовъ подчинялись одному крупному.

стоялъ изъ «тайнаго дьяка» и нѣсколько подъячихъ. Нѣкоторыя стороны его разнообразной дѣятельности не представляютъ особаго интереса: такъ, онъ завѣдывалъ различными отраслями государева хозяйства (напр., личной кассой царя, его имѣньями, его промышленными заведеніями и запасами), причастными къ нимъ лицами, а также царскою благотворительностью и имѣлъ въ своемъ спеціальномъ вѣдѣніи нѣкоторыя интересующія царя учрежденія и предпріятія, а именно 1) Гранатный дворъ, 2) одинъ изъ любимыхъ царскихъ монастырей и 3) рудознатцевъ, т. е. искателей руды. Однако Тайный приказъ получилъ огромное значеніе, такъ какъ въ немъ сосредоточивались всевозможныя дѣла, которыя предназначались для личнаго разсмотрѣнія царя, или которыми самъ царь хотѣлъ непосредственно руководить. Поэтому въ него стекались челобитья лицъ, неудовлетворенныхъ обычными московскими учрежденіями, въ него подавались заявленія и извѣты (т. е. доносы), по которымъ назначались затѣмъ разслѣдованія злоупотребленій; наконецъ, что особенно важно, изъ Тайнаго приказа исходили личныя распоряженія царя; здѣсь же велось производство всѣхъ дѣлъ, которымъ Алексѣй Михайловичъ придавалъ особенную важность. По словамъ историка (Гурлянда), Тайный приказъ, представлявшій собою «для населенія органъ высшей справедливости, для должностныхъ лицъ—органъ надзора, для всѣхъ—органъ личнаго царскаго управленія, къ 60-мъ годамъ простеръ свое вліяніе на все». Такимъ образомъ наряду съ общимъ порядкомъ управленія посредствомъ обычныхъ старыхъ учрежденій, устанавливался исключительный порядокъ непосредственнаго царскаго руководительства дѣлами при помощи Тайнаго приказа. Оба эти порядка не исключали другъ друга и могли идти параллельно, но введеніе второго доставляло возможность хорошо-освѣдомленному черезъ Тайный приказъ царю давать желательное направленіе обычному теченію дѣлъ и вполнѣ подчинять своей волѣ всѣ московскія учрежденія. Тайный приказъ былъ органомъ общаго надзора. Надзоръ же за финансовой частью порученъ былъ Приказу Счетныхъ дѣлъ, существовавшему еще въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича.

§ 6. Денежная реформа и ея неудача.

Изъ финансовыхъ мѣропріятій, предпринятыхъ въ правленіе Алексѣя Михайловича, заслуживаетъ упоминанія смѣлая денежная реформа 1656 года, окончившаяся, къ сожалѣнію, очень неудачно.

Сущность этой реформы и ея послѣдствій сводятся къ слѣдующему. Въ 50-хъ годахъ XVII вѣка обычное послѣ смуты безденежье Московскаго государства особенно обострилось, 1) вслѣдствіе ведшейся въ это время войны съ Польшей, 2) вслѣдствіе общаго разстройства эконо-

мической жизни, вызваннаго свирѣпствовавшей тогда «моровой язвой», 3) въ особенности же, вслѣдствіе сокращенія торговыхъ оборотовъ съ иностранными купцами, обусловленнаго, какъ извѣстно, тѣми ограниченіями, которыя поставило имъ московское законодательство. Дѣло въ томъ, что въ Московской Руси ходячей монетой была мелкая серебряная (копѣйки, деньги = 1/2 коп. и полушки = 1/4 коп.; крупныя единицы, напр., рубли, не имѣли соотвѣтствующихъ монетъ и служили только для обозначенія совокупности мелкихъ), которая чеканилась изъ привозныхъ иностранныхъ денегъ [1]). Ослабленіе внѣшней торговли повело къ сокращенію привознаго серебра: запасъ его сталъ изсякать, и количество денегъ, столь необходимыхъ государству, уменьшилось.

На помощь правительству пришелъ тогда одинъ бояринъ (Ртищевъ) со смѣлымъ проектомъ новаго денежнаго обращенія. Именно, онъ предложилъ чеканить мѣдныя монеты вмѣсто серебряныхъ съ тѣмъ однако, чтобы онѣ ходили по одинаковой цѣнѣ съ серебряными. Проектъ этотъ, какъ видно, основывался на кредитѣ, т. е. на довѣріи народа къ правительству, на увѣренности въ томъ, что оно можетъ обмѣнять пущенныя въ оборотъ, не имѣющія абсолютной цѣнности (какъ сдѣланныя изъ безцѣннаго металла) мѣдныя деньги на серебряныя, представляющія такую цѣнность. (На подобномъ же кредитѣ основано обращеніе нынѣшнихъ «кредитныхъ» бумажныхъ денегъ). И, дѣйствительно, пока это довѣріе существовало, денежная реформа, произведенная въ 1656 году согласно указанному проекту, давала хорошіе результаты: мѣдныя деньги принимались наравнѣ съ оставшимися еще въ обращеніи серебряными.

Но скоро правительство отчасти неосторожностью, а еще больше злоупотребленіями подорвало кредитъ: 1) оно стало неумѣренно выпускать мѣдныя деньги, 2) количество ихъ увеличилось еще болѣе отъ того, что должностныя лица, завѣдывавшія денежнымъ дѣломъ (въ томъ числѣ и царскій тесть Милославскій), плутовали безсовѣстнымъ образомъ, чеканя монету изъ своей собственной мѣди. Вслѣдствіе этого мѣдныя деньги стали быстро падать въ цѣнѣ по сравненію съ серебряными: при обмѣнѣ за 100 серебряныхъ копѣекъ требовали мѣдныхъ гораздо больше: въ 1670 г.—150—200, а въ 1662 г.—1200 и даже 1500, такъ что мѣдная копѣйка равнялась 1/15 серебряной; за товары—мѣдью брали втридорога, а нѣкоторые купцы вовсе отказывались производить расчеты на мѣдь. Само правительство,

[1]) Обыкновенно изъ нѣмецкихъ іохимсталеровъ или ефимковъ. При перечеканкѣ ихъ московское правительство прибѣгало къ оригинальному пріему, стремясь искусственно повысить ихъ цѣнность: именно, оно или вычеканивало изъ ефимка мелкихъ монетъ на большую сумму, чѣмъ онъ стоилъ въ цѣломъ видѣ (цѣльнымъ онъ ходилъ по 40—42 коп., а переливался въ 64 коп.) или же, не дробя его, просто ставило на немъ особый штемпель и пускало его тогда въ обращеніе по повышенной цѣнѣ (въ 64 коп. вмѣсто 40).

виновное въ неудачѣ реформы, подавало этому примѣръ, взимая платежи съ населенія серебромъ, а выплачивая ему мѣдными деньгами по ихъ номинальной, т. е. обозначенной, а не ходячей цѣнѣ; этимъ оно ставило въ отчаянное положеніе и служилыхъ людей, получавшихъ жалованье, и купцовъ, поставлявшихъ казнѣ товары. Однако въ 1662 году, видя полное разстройство денежнаго обращенія, оно призвало себѣ на помощь совѣщаніе изъ представителей московскаго купечества. Подвергнувъ рѣзкой критикѣ злоупотребленія и беззаконія приказныхъ людей, это совѣщаніе убѣждало правительство созвать земскій соборъ. Онъ не былъ, однако, созванъ, и въ Москвѣ вспыхнулъ большой мятежъ, при подавленіи котораго погибло нѣсколько тысячъ человѣкъ, въ томъ числѣ много невинныхъ. Въ 1663 году мѣдное обращеніе было запрещено и замѣнено прежнимъ серебрянымъ. Имѣвшимъ мѣдныя деньги предоставлено было обмѣнять ихъ у казны на серебро, получая $^1/_{20}$ часть ихъ номинальной стоимости. Такимъ образомъ, денежная реформа завершилась полной неудачей и разореніемъ населенія, что должно было еще больше обострить общественное недовольство.

§ 7. Бунтъ Стеньки Разина.

Проявленія народнаго недовольства не ограничились перечисленными выше мѣстными волненіями, вспыхивавшими въ отдѣльныхъ городахъ и вызванными или злоупотребленіями должностныхъ лицъ, или нѣкоторыми правительственными мѣропріятіями (какъ, напр., налогомъ на соль, отпускомъ хлѣба шведамъ, денежной реформой); послѣднее десятилѣтіе царствованія Алексѣя Михайловича ознаменовалось огромнымъ мятежомъ, который охватилъ весь Приволжскій край и являлся протестомъ противъ всего общественнаго и политическаго строя. Своимъ разрушительнымъ анархическимъ характеромъ этотъ мятежъ напоминалъ козацкія движенія смутнаго времени (въ частности, движеніе Болотникова) съ ихъ призывомъ къ истребленію «бояръ и лучшихъ людей» и къ установленію общаго равенства, съ ихъ возмущеніемъ подчиненныхъ противъ начальствующихъ, наконецъ, съ ихъ самозванщиной. Главнымъ вождемъ этого мятежа былъ Стенька (Степанъ Тимофеевичъ) Разинъ, взбунтовавшій прежде всего бѣднѣйшую часть донского козачества—такъ называемую «голытьбу» или «голутвенныхъ» козаковъ.

Послѣдніе значительно отличались отъ «старыхъ» козаковъ, издавна поселившихся на Дону, исподволь приручаемыхъ московскимъ правительствомъ для сторожевой службы противъ татаръ и турокъ. Послѣ смуты «старые» козаки присмирѣли и предпочитали не нарушать мира съ Москвою, довольствуясь тѣмъ, что она время отъ времени

посылала имъ жалованье и предоставляла имъ широкое самоуправленіе (органами котораго были «кругъ», т. е. общая сходка, «старшина», т. е. совѣтъ старѣйшихъ козаковъ, и выборные атаманы). Занявшись промыслами и торговлей, они обзавелись кое-какимъ имуществомъ, стали «домовитыми», осѣдлыми. Въ совершенно иномъ положеніи находилась «голытьба», пополнявшаяся недавними бѣглецами изъ Московскаго государства: она не допускалась къ участію въ самоуправленіи, а средства къ жизни добывала, главнымъ образомъ, грабежомъ. Не имѣя прохода въ Азовское и Черное моря, вслѣдствіе постройки въ устьѣ Дона Азова, голытьба совершала грабежи преимущественно по Волгѣ и по Каспійскому морю.

Во главѣ такой буйной шайки въ концѣ 60-хъ годовъ оказался Стенька Разинъ, умѣвшій воодушевлять своихъ сотоварищей беззавѣтною удалью, безпечнымъ презрѣніемъ къ опасностямъ, ласковостью и щедростью къ своимъ, безсердечною жестокостью къ «сильнымъ» и сопутствуемый неизмѣннымъ счастьемъ, которое замѣняло ему умѣніе и создало ему славу чародѣя, «заговореннаго» отъ пуль. Разграбивъ московскія суда на Волгѣ, проскользнувъ мимо Астрахани и утвердившись при устьѣ Яика (Урала), Стенька въ 1668 году предпринялъ разбойничій набѣгъ на персидскія владѣнія по побережью Каспійскаго моря, сопровождавшійся такимъ успѣхомъ, что и персидскій шахъ и московское правительство вступили съ нимъ въ переговоры. Когда онъ на обратномъ пути остановился въ Астрахани, мѣстные воеводы отнеслись къ нему не какъ къ разбойнику, а какъ къ договаривающейся сторонѣ и удовольствовались тѣмъ, что онъ заявилъ о своей покорности Москвѣ. Такое заявленіе не помѣшало ему, однако, держать себя побѣдоносно въ Астрахани: онъ бражничалъ и веселился здѣсь, щедро швырялъ богатой награбленной добычей, братался съ простонародьемъ, свысока смотрѣлъ на властей. По отзывамъ видѣвшихъ его здѣсь иностранцевъ, онъ обладалъ способностью «возбуждать къ себѣ страхъ и заставлять любить себя». Во время возвращенія на Донъ онъ не стѣснялся выказывать чисто-козацкое дикое самоуправство, а на Дону, опираясь на свою «голытьбу», прижалъ домовитыхъ козаковъ и сосредоточилъ всю власть въ своихъ рукахъ.

Удача, сопровождавшая первыя разбойничьи предпріятія атамана Разина, окрылила его, окружила его въ глазахъ приверженцевъ какимъ-то легендарнымъ ореоломъ и привлекла къ нему множество народа, жаждавшаго добычи, убѣгавшаго отъ тяжелыхъ условій московской жизни. Пылкому воображенію Стеньки мерещился общественный переворотъ и торжество козачества: предводительствуя нѣсколькими тысячами удальцовъ, онъ разсчитывалъ на поддержку всѣхъ недовольныхъ московскими порядками и очень удачно приспособлялъ свои воззванія къ ихъ настроенію. Въ этихъ воззваніяхъ приверженность къ царю сочеталась съ пламенною ненавистью къ московскому при-

казному строю и крѣпостному праву. Разинъ писалъ, что онъ идетъ «за царя противъ бояръ», что онъ стремится къ тому, чтобы всѣ были вольными и чтобы «всякъ всякому былъ равенъ», и утверждалъ, будто въ его станѣ находится царевичъ Алексѣй Алексѣевичъ (на самомъ дѣлѣ этого царевича, сына Алексѣя Михайловича, уже не было въ живыхъ). Начавшійся въ 1670 году бунтъ принялъ удачный для Стеньки оборотъ: Царицынъ сдался безъ боя; значительная часть астраханскаго населенія выражала ему свое сочувствіе; дѣйствія московскихъ воеводъ, высылаемыхъ противъ него, были неудачны, такъ какъ ихъ стрѣльцы зачастую переходили на сторону смѣлаго атамана, привлекавшаго ихъ своею щедростью. Успѣхъ вскружилъ голову Стеньки, а козацкая закваска взяла верхъ надъ широкими замыслами: удалой, но недальновидный бунтарь не спѣшилъ воспользоваться смятеніемъ московскаго правительства, не успѣвшаго собраться съ силами, и увлекся грабежомъ богатой Астрахани, въ которой годъ тому назадъ, послѣ перваго своего разбойничьяго набѣга на персидскій берегъ Каспійскаго моря, онъ такъ щедро расточалъ захваченную добычу. Теперь Стенька совершалъ въ Астрахани неистовыя звѣрства надъ должностными лицами, духовенствомъ и «лучшими людьми», купаясь прямо въ ихъ крови, и заводилъ здѣсь козацкіе порядки съ подобіемъ вѣча и выборными властями. Пресытившись убійствами и грабежомъ, Разинъ поплылъ вверхъ по Волгѣ и овладѣлъ Саратовомъ и Самарой, продѣлывая здѣсь то же, что и въ Астрахани. Между тѣмъ мятежъ разростался, охватывалъ широкое пространство по нижней и средней Волгѣ, превращался въ возстаніе бѣдныхъ и безправныхъ противъ богатыхъ и сильныхъ: въ Разинскомъ бунтѣ принимали участіе теперь не только козаки, а также холопы, крѣпостные крестьяне, приволжскіе инородцы, низшіе слои городского населенія, однимъ словомъ всѣ, искавшіе воли и достатка. Зараза волненій проникала и въ глубь государства. Повторились какъ бы времена Василія Шуйскаго. Но государственная власть оказалась крѣпче, чѣмъ тогда, и отчаянное движеніе противъ нея держалось лишь энергіей Разина и вѣрой въ его слѣпое счастье. Это счастье отвернулось, наконецъ, отъ него. Его полчища, надолго задержанныя подъ Симбирскомъ мужественнымъ сопротивленіемъ стрѣлецкаго отряда воеводы Милославскаго, потерпѣли здѣсь пораженіе отъ подоспѣвшихъ полковъ иноземнаго строя, которыми начальствовалъ князь Барятинскій. Раненый и лишившійся ореола непобѣдимости и неуязвимости, Стенька съ отрядомъ козаковъ тайкомъ бѣжалъ съ поля сраженія, оставивъ своихъ многочисленныхъ союзниковъ на произволъ судьбы и на жестокое истребленіе. Вслѣдствіе такого предательскаго поступка его слава мгновенно померкла настолько, что ни въ Самарѣ, ни въ Саратовѣ онъ не нашелъ уже пріюта и долженъ былъ спасаться на Дону. Однако и здѣсь значительная часть козачества (именно «старые», «домовитые», состоятель-

ные козаки, не сочувствовавшіе крайностямъ «голытьбы») отшатнулась отъ него и выдала его московскому правительству, которое подвергло его самой мучительной казни въ 1671 году. Послѣ казни Разина усмиреніе возстанія не представляло уже большого труда. Лишь въ Астрахани продолжали нѣкоторое время буйствовать Стенькины приспѣшники, избивая тѣхъ, съ кѣмъ не успѣлъ еще покончить онъ, и не постыдившись звѣрски умертвить послѣ страшныхъ пытокъ астраханскаго архіепископа (Іосифа). И возставшіе и усмирявшіе возстаніе не знали мѣры своей жестокости!

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Малороссійскій вопросъ.

§ 1. Отношеніе малороссійскаго козачества къ Польшѣ въ началѣ XVII вѣка.

За много лѣтъ до того времени, какъ донскіе козаки, подъ предводительствомъ Стеньки Разина, поднялись противъ московскаго правительства, ихъ днѣпровскіе собратья—малороссійскіе козаки начали рядъ возстаній противъ Польши, имѣвшихъ своимъ результатомъ, какъ увидимъ, присоединеніе Украйны, т. е. Малороссіи, къ Московскому государству. Борьба послѣдняго съ Польшей за обладаніе Малороссіей носитъ названіе «малороссійскаго вопроса», составлявшаго важнѣйшую задачу внѣшней политики Алексѣя Михайловича. Чтобы понять возникновеніе малороссійскаго вопроса, необходимо прослѣдить отношенія украинскаго козачества къ Польшѣ.

Уже въ концѣ XVI вѣка эти отношенія, какъ извѣстно, были враждебными и выражались съ одной стороны—въ стремленіи польскаго правительства подчинить своей власти козаковъ, съ другой стороны—въ возстаніяхъ послѣднихъ и уходѣ ихъ въ вѣчно-безпокойное Запорожье. Московская смута втянула, какъ мы знаемъ, днѣпровскихъ козаковъ въ свой бурный водоворотъ и на время отвлекла ихъ отъ дерзкихъ набѣговъ на Турцію и отъ сведенія счетовъ съ поляками за поруганное православіе и стѣсняемыя вольности. Но послѣ смуты повторилась старая исторія: козацкіе челны показывались у самаго Константинополя, козацкимъ опустошеніямъ подвергались малоазіатскія владѣнія Турціи. Послѣдняя не ограничивалась энергичными дипломатическими протестами, но грозила даже войной Польшѣ за разбои ея дерзкихъ подданныхъ—козаковъ. Польское правительство, съ своей стороны, прилагало не мало усилій для ихъ обузданія, но не рѣшалось особенно раздражать ихъ, такъ какъ настоятельно нуждалось въ ихъ военныхъ услугахъ.

Къ тому же глава украинскаго козачества этого времени, талантливый полководецъ и умный дипломатъ—гетманъ Сагайдачный,—велъ очень ловкую игру: онъ выражалъ видимое согласіе на всѣ польскія требованія, клонившіяся къ сокращенію численности козаковъ, но не приводилъ ихъ въ исполненіе. Пенять на Сагайдачнаго поляки не могли: только помощь его двадцатитысячной рати поддержала въ критическую минуту королевича Владислава, отправившагося, какъ мы знаемъ, въ 1618 г. добывать московскій престолъ; только блестящая побѣда гетмана при Хотинѣ, стоившая притомъ ему жизни (Сагайдачный скончался отъ ранъ, полученныхъ въ Хотинской битвѣ), спасла Польшу отъ страшнаго разгрома.

§ 2. Возстановленіе православной кіевской митрополіи и дѣятельность Петра Могилы.

Сагайдачный прославился не только какъ посредникъ между польскимъ правительствомъ и козаками, не только какъ горячій защитникъ интересовъ послѣднихъ, но и какъ ревнитель православія: по его просьбѣ, іерусалимскій патріархъ Ѳеофанъ, проѣзжавшій черезъ Малороссію въ Москву, поставилъ православнаго митрополита и епископовъ на тѣ каѳедры, которыя послѣ Брестской уніи замѣщены были уніатами. Однако польское правительство только послѣ многихъ лѣтъ согласилось признать законными іерархами ставленниковъ Ѳеофана и (при сынѣ Сигизмундѣ III—Владиславѣ IV) подѣлило между ними и уніатскими епископами епархіи и церковныя имущества.

Подъ охраной козачества православная іерархія успѣшно развилась. Знаменитѣйшимъ ея представителемъ былъ кіевскій митрополитъ, аристократъ по происхожденію (родственникъ властителей Молдавіи) и западно-европеецъ по образованію, Петръ Могила. Онъ создалъ себѣ неувядаемую славу своей просвѣтительной дѣятельностью: Могила отлично понималъ, что, лишь внутренно возродившись и овладѣвъ тѣми знаніями, которыми располагало католическое духовенство, православіе сможетъ дать должный отпоръ стремленію іезуитовъ окатоличить всю Юго-Западную Русь.

Замѣтивъ ошибки, погрѣшности и разночтенія въ богослужебныхъ книгахъ юго-западной Руси и отсутствіе единообразія въ церковныхъ чинахъ и обрядахъ, Могила сталъ исправлять и согласовывать ихъ на основаніи греческихъ и старыхъ славянскихъ служебниковъ. Онъ не гнушался дѣлать обрядовыя заимствованія и изъ Латинской (Католической) Церкви, такъ какъ считалъ, что сущность религіи заключается не столько въ обрядахъ, сколько въ вѣроученіи, и что поэтому православные могутъ невозбранно пользоваться тѣми католическими обрядами, которые не противорѣчатъ духу православія.

Могила не избѣжалъ упрековъ въ приверженности къ «латинству», въ томъ, что онъ «по повелѣнію папы римскаго и въ угоду королю и панамъ попираетъ православіе, выводитъ русскія книги и превращаетъ христіанскія церкви въ костелы». Но эти упреки, шедшіе со стороны близорукихъ приверженцевъ обрядности и буквы, не могли существенно повредить реформѣ, такъ какъ умный и высокообразованный митрополитъ принялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы она была правильно понята: издавъ новый «Служебникъ» и «Требникъ», Могила объяснялъ въ нихъ истинное значеніе обрядовъ; въ своемъ знаменитомъ «Катехизисѣ», утвержденномъ восточными патріархами, онъ далъ полную и цѣльную систему христіанскаго православнаго вѣроученія, а спорные вопросы обсуждалъ на церковныхъ соборахъ, куда привлекалъ и свѣдущихъ мірянъ, и гдѣ позволялъ каждому свободно высказывать свои мнѣнія. Однимъ словомъ, всѣ старанія Могилы направлялись къ тому, чтобы его паства, усвоивъ истинный духъ православія, уразумѣла дѣйствительное значеніе обрядовъ, чтобы она судила о нихъ по вѣроученію, а не наоборотъ, и чтобы сознательно принимала обрядовыя измѣненія, не противорѣчащія смыслу выражаемаго ими ученія. Лучшимъ средствомъ для достиженія всего этого было поднятіе просвѣщенія.

Заслуги Могилы въ этой области огромны: онъ подготовлялъ просвѣщенныхъ священниковъ, устраивалъ школы, а школу кіевскаго братства превратилъ въ знаменитую Кіевскую Академію, сдѣлавшуюся разсадникомъ просвѣщенія не для одной юго-западной, но, какъ увидимъ, и для Московской Руси. Считая недостаточными тѣ науки, которыми исчерпывалась застывшая духовная культура Византіи, онъ ввелъ преподаваніе латинскаго языка и схоластическихъ наукъ [1]), преподававшихся въ іезуитскихъ коллегіяхъ. По образцу послѣднихъ и была устроена Кіевская Академія. Схоластика наложила на нее свой непріятный отпечатокъ, но избѣжать этого было трудно, такъ какъ для борьбы съ католиками, по мнѣнію Могилы, необходимо было ихъ же оружіе — схоластическое образованіе, приспособленное къ нуждамъ православія.

Отдавъ всю свою жизнь интересамъ православія и просвѣщенія, великій митрополитъ хотѣлъ служить имъ и послѣ смерти: въ своемъ завѣщаніи онъ писалъ: «видя, что упадокъ вѣры и благочестія въ

[1]) Терминъ «схоластика» имѣетъ два смысла: въ широкомъ смыслѣ подъ схоластикой разумѣются семь наукъ, преподававшихся въ средневѣковыхъ школахъ и раздѣлявшихся на два курса: 1) троепутіе, къ которому относились грамматика, риторика и діалектика, 2) четверопутіе—ариѳметика, геометрія, астрономія и музыка; въ узкомъ смыслѣ слова подъ схоластикой нужно понимать средневѣковую философію, которая имѣла своею цѣлью пояснять и подтверждать доводами разума истины, открытыя въ Св. Писаніи, и которая являлась такимъ образомъ «служанкой богословія». Въ Кіевской Академіи преподавались и схоластическія науки и схоластическая философія.

русскомъ народѣ происходитъ не отъ чего иного, какъ отъ совершеннаго недостатка у него просвѣщенія и школъ, я далъ обѣтъ Богу—все мое имущество обращать частью на возстановленіе разрушенныхъ храмовъ Божіихъ, частью на основаніе школъ въ Кіевѣ и утвержденіе правъ и вольностей народа русскаго».

§ 3. Козацкія волненія 2-й четверти XVII вѣка.

Въ то время, какъ Могила старался утвердить «вольности народа русскаго» культурными средствами, козаки добивались того же самаго съ оружіемъ въ рукахъ. Послѣ смерти Сагайдачнаго отношенія между ними и правительствомъ снова обострились. Главнымъ усмирителемъ козачества сдѣлался коронный гетманъ Конецпольскій. Онъ принудилъ своихъ непокорныхъ противниковъ согласиться на очень невыгодныя для нихъ условія. Именно (по Куруковскому договору 1625 года) «вольности» (т. е. право самоуправленія, собственный судъ, свобода промысловъ и торговли) были признаны лишь за шестью тысячами «реестровыхъ» козаковъ. Остальные,—свыше сорока тысячъ,—должны были возвратиться въ прежнее состояніе, изъ котораго они вышли, т. е. въ мѣщанство или панскихъ подданныхъ—«хлоповъ». Эти условія оказались, однако, невыполнимыми на практикѣ: съ одной стороны польское правительство по прежнему нуждалось въ помощи многочисленнаго козацкаго войска (напр., во время войны съ Московскимъ государствомъ, окончившейся Поляновскимъ миромъ); съ другой стороны козаки, не внесенные въ реестръ и не желавшіе вернуться въ подневольное положеніе, продолжали отстаивать свои права бунтами.

Во главѣ возставшихъ козаковъ въ началѣ тридцатыхъ годовъ появился Тарасъ Федоровичъ, вышедшій изъ Запорожья. Конецпольскій, справившись съ поднятымъ мятежомъ, рѣшился на энергичную мѣру для обузданія Сѣчи: выше днѣпровскихъ пороговъ построена была сильная крѣпость Кодакъ. Она отрѣзывала Украйну отъ Запорожья, стѣсняла подвозъ туда съѣстныхъ припасовъ, не допускала проникновенія туда новыхъ пришельцевъ. Конецпольскому удалось достигнуть и другого результата: онъ сумѣлъ разъединить еще болѣе, чѣмъ это было прежде, интересы «реестровыхъ» и «вольныхъ» козаковъ и внесъ въ ихъ среду такую же острую рознь, какая, какъ мы знаемъ, замѣчалась на Дону между домовитыми и голутвенными козаками. Эта рознь проявилась въ томъ, что нѣкоторые вожди возстаній вольнаго козачества, напр., Сулима и Павлюкъ, надѣлавшіе не мало хлопотъ Польшѣ, были выданы ея правительству реестровыми козаками. Но волненія не унимались: казненнаго Павлюка смѣнилъ Остранинъ, бѣжавшаго Остранина—Гуня.

Однако въ 1638 году козацкая вольность была какъ будто задушена: реестровые козаки, въ качествѣ пограничной стражи, были

совершенно подчинены польскому коронному гетману и назначенной имъ старшинѣ (вмѣсто козацкаго гетмана назначался правительственный комиссаръ) и поселены въ предѣлахъ опредѣленной территоріи; не внесенные въ реестръ обращены въ мѣщанъ или «хлоповъ»; Запорожье, обособленное Кодакомъ и угрожаемое польскимъ войскомъ, затихло. Этимъ временемъ замиренія шляхта воспользовалась для развитія на Украйнѣ своего землевладѣнія и неразрывно связаннаго съ нимъ «хлопства»; вмѣстѣ съ тѣмъ Украйна стала заселяться евреями, эксплуатировавшими мѣстное населеніе. И землевладѣльческая шляхта и евреи возбуждали непріязнь козачества. Притихшее на время, оно съ небывалой еще силой поднялось въ 1648 году, какъ только нашло себѣ достойнаго вождя.

§ 4. Возстаніе Богдана Хмельницкаго.

Такимъ вождемъ сталъ Богданъ Хмельницкій. Отлично образованный, участвовавшій въ козацкихъ подвигахъ еще при Сагайдачномъ, побывавшій въ плѣну въ Константинополѣ, не разъ принимавшій участіе въ переговорахъ козачества съ правительствомъ, Богданъ дослужился до отвѣтственной должности сотника и сдѣлался степеннымъ козакомъ. Изъ равновѣсія вывела его жестокая личная обида, нанесенная ему однимъ польскимъ должностнымъ лицомъ.

А. Поводъ къ возстанію и успѣхи Богдана.

Подстароста Чаплинскій разрушилъ его семейное счастье и благосостояніе (увезъ насильно его жену, убилъ сына и разорилъ его хозяйство); Богданъ не могъ найти управы на него ни у властей, ни у самого короля. Впрочемъ, преданіе разсказываетъ, что король Владиславъ IV (прежній претендентъ на Московскій престолъ), весьма благоволившій къ козакамъ, въ которыхъ онъ видѣлъ главную силу для затѣваемой имъ войны съ турками, отнесся къ Богдану сочувственно и намекнулъ, что козакъ своею саблею можетъ отомстить за обиду. Не получивъ удовлетворенія, Хмельницкій рѣшился на вооруженную борьбу.

Его намѣренія встрѣтили горячій откликъ среди запорожцевъ; на зовъ его поднялись и крымскіе татары: цѣлая орда двинулась къ границамъ Украйны. Укрѣпившись на «Днѣпровскомъ островѣ» (или Буцкѣ), Богданъ посылалъ въ Украйну свои воззванія и готовился начать военныя дѣйствія. Польское правительство приняло всѣ мѣры для предупрежденія возстанія, но слишкомъ легкомысленно отнеслось къ силамъ Богдана: гетманъ Потоцкій, не подозрѣвавшій о союзѣ Хмельницкаго съ татарами, отправилъ въ степи навстрѣчу ему два отряда, которые, столкнувшись при устьѣ р. Тясмины (около мѣстечка Желтыя Воды) съ врагами, вынуждены были сложить оружіе, и частью были уничтожены, частью же захвачены въ плѣнъ. Вскорѣ за-

тѣмъ, при Корсуни (на р. Роси), потерпѣли страшное пораженіе и главныя силы Потоцкаго. Самъ онъ и его помощникъ—Калиновскій—попались въ плѣнъ. Успѣху Богдана не мало способствовало то, что на его сторону переходили реестровые козаки и многіе русскіе уроженцы, бывшіе въ польскомъ станѣ. Сильное впечатлѣніе на Украйну произвела смерть Владислава IV, приписываемая польской шляхтѣ, изведшей будто бы короля за его симпатіи къ козачеству.

Б. «Очищеніе» Украйны.

Послѣ одержанныхъ побѣдъ Хмельницкій остановился у Бѣлой Церкви, призывая къ себѣ всѣхъ русскихъ людей, способныхъ носить оружіе. Украйна встрепенулась на его зовъ; хлопы вспомнили былую козацкую вольность, и въ то время, какъ одни изъ нихъ массами стекались въ станъ Богдана, другіе занимались «очищеніемъ» Украйны отъ шляхты и евреевъ. Это «очищеніе» сопровождалось неистовыми звѣрствами; озлобленные долголѣтнимъ рабствомъ «хлопы» и приниженные русскіе мѣщане сжигали теперь своихъ враговъ живьемъ. Но и поляки отвѣчали тѣмъ же: одинъ изъ военачальниковъ, Іеремія Вишневецкій, старался усмирить возстаніе также путемъ нечеловѣческихъ жестокостей. Движеніе все разросталось, распространяясь на Волынь и другія сосѣднія области. Когда татары однимъ своимъ видомъ обратили въ бѣгство вновь набранное польское войско, состоявшее подъ командою трехъ малоопытныхъ военачальниковъ, Хмельницкій вступилъ въ предѣлы самой Польши; противопольское движеніе всколыхнулось и въ Галицкой землѣ и въ Бѣлоруссіи, увлекло въ нѣсколькихъ мѣстностяхъ даже мелкую русскую шляхту, дѣйствовавшую заодно съ хлопами. Огромная территорія представляла собою какъ бы одно страшное пожарище и груды развалинъ, среди которыхъ погибали поляки и евреи.

Грозные размѣры мятежа, сулившаго полное торжество хлопству, тревожили, быть можетъ, и самого Богдана: имѣя возможность совершенно уничтожить Польшу, лишенную въ данное время и короля, и войска, переживавшую тяжелую пору смутъ, обычныхъ при «междукоролевствѣ», Хмельницкій предпочелъ теперь вступить въ переговоры, выказывая притомъ большую умѣренность. Онъ добивался отмѣны уніи, возвращенія прежнихъ козацкихъ вольностей, прощенія всѣхъ возставшихъ. Не мечтая не только объ уничтоженіи Польши, но даже объ отторженіи отъ нея Малороссіи, Богданъ настаивалъ на скорѣйшемъ избраніи короля, выдвигая кандидатуру Владиславова брата, Яна-Казимира; добившись его избранія, онъ отступилъ изъ польскихъ предѣловъ на Украйну. Слава Хмельницкаго гремѣла повсюду: въ Кіевѣ, куда торжественно въѣхалъ онъ послѣ своихъ блестящихъ побѣдъ, онъ чувствовалъ себя настоящимъ государемъ: народъ боготворилъ его, какъ героя, духовенство (въ томъ числѣ и проѣзжавшій черезъ Малороссію іерусалимскій патріархъ Паисій) благословляло его, какъ защитника православія, сосѣдніе монархи привѣтствовали его черезъ

своихъ пословъ почти какъ своего младшаго собрата. Упоенный славой и успѣхомъ, искушаемый возможностью провозгласить полную самостоятельность Украйны, Богданъ продолжалъ проявлять большую осторожность и, одержавъ новую побѣду надъ польскимъ «посполитымъ рушеніемъ», т. е. поголовнымъ ополченіемъ шляхты, предводительствуемой самимъ королемъ, заключилъ съ поляками мирный договоръ въ Зборовѣ въ 1649 г.

В. Зборовскій договоръ 1649 г. и причины его неисполнимости.

Сущность Зборовскаго договора заключалась въ слѣдующемъ: 1) для поселенія козачества отводились воеводства: Кіевское, Черниговское и Брацлавское; сюда вовсе не допускались евреи, іезуиты же допускались лишь въ тѣ города, гдѣ не было русскихъ школъ: однако шляхтичи-землевладѣльцы могли вернуться въ здѣшнія свои имѣнія; 2) всѣ должности въ этихъ воеводствахъ должны были замѣщаться только православными людьми; козакамъ же, поселеннымъ здѣсь, предоставлялось полное самоуправленіе подъ властью выборнаго гетмана, подчиненнаго непосредственно королю; 3) число реестровыхъ козаковъ доведено было до 40 тысячъ человѣкъ, которые могли набираться изъ жителей какъ здѣшнихъ королевскихъ земель, объявленныхъ теперь собственностью козачества, такъ и частновладѣльческихъ; невошедшіе же въ реестръ обращались въ прежнее званіе; 4) въ Волыни и Подоліи, также принявшихъ участіе въ движеніи Хмельницкаго, возстанавливался прежній порядокъ и «польское право».

Зборовскій договоръ оказался мертвою буквой: онъ не могъ быть исполненъ ни одной изъ договаривавшихся сторонъ, потому что онъ пытался совмѣстить несовмѣстимое; именно, вольности козачества, «правой рукой» котораго было хлопство, и шляхетское землевладѣніе, основанное на порабощеніи хлоповъ.

Невнесенные въ реестръ многочисленные участники движенія, живо помнившіе, какъ они «очищали» Украйну, не могли, конечно, безропотно подчиниться прежнему хлопскому ярму, какъ этого требовали вернувшіеся на развалины своихъ украинскихъ имѣній шляхтичи. Поэтому положеніе послѣднихъ было незавиднымъ: трепеща за свою жизнь, они на первыхъ порахъ должны были довольствоваться лишь тѣми повинностями, которыя добровольно принимали на себя ихъ «подданные». Хмельницкій, какъ глава Украйны, старался, насколько могъ, защитить землевладѣльцевъ отъ насилій, но не могъ гнать на барщину своихъ прежнихъ союзниковъ-хлоповъ, тѣмъ болѣе, что они были раздражены невнесеніемъ ихъ въ реестръ и страдали отъ страшнаго голода, наступившаго послѣ возстанія. Еще хуже было положеніе дѣла въ Волыни и Подоліи, недоступныхъ вмѣшательству Богдана, гдѣ вернувшаяся шляхта, подъ прикрытіемъ польскаго войска, вымещала на своихъ хлопахъ недавнее «очищеніе» и этимъ разжигала незатихшія еще страсти. Само польское правительство не могло при-

мириться со Зборовскимъ договоромъ, видя въ немъ позорную уступку козачеству; правда, духовенство старалось успокоить самолюбіе польскихъ воителей указаніемъ на то, что пораженіе, нанесенное имъ презрѣннымъ хлопствомъ-козачествомъ, нисколько не умаляетъ ихъ чести; однако вернувшіеся изъ плѣна гетманы — Потоцкій и Калиновскій — только и думали о реваншѣ.

Хмельницкій, убѣдившись въ неисполнимости Зборовскаго трактата и предвидя вспышку новой войны, искалъ союзниковъ. Прежде всего онъ обратился, какъ и слѣдовало ожидать, къ московскому правительству, которое однако выказало въ данномъ случаѣ чрезмѣрную и даже неосновательную осторожность: на просьбу о покровительствѣ Малороссіи оно отвѣтило лишь ласковыми словами, а не дѣйствительною помощью. Тогда Богданъ сталъ добиваться покровительства у турецкаго султана. Оно нужно было Хмельницкому потому, что, сдѣлавшись вассаломъ Турціи, онъ разсчитывалъ обезпечить себѣ неизмѣнную помощь другого ея вассала—крымскаго хана, котораго переманивали на свою сторону поляки [1]). Старанія Богдана какъ будто увѣнчались успѣхомъ: султанъ принялъ его подъ свою «протекцію» и послалъ хану «крѣпкій и строгій указъ, чтобы онъ никогда своихъ очей и ушей не обращалъ въ польскую сторону». Однако, какъ увидимъ, дѣйствительность не оправдала Богдановыхъ надеждъ.

Г. Второе возстаніе Богдана.

Война съ Польшей, въ которой опять было объявлено «посполитое рушеніе», возобновилась въ 1651 году, и сразу приняла неудачный для козаковъ оборотъ. Главныя силы сошлись подъ Берестечкомъ. Здѣсь въ самый разгаръ сраженія съ поля битвы исчезли и союзные татары и самъ Богданъ. (По однимъ извѣстіямъ онъ былъ насильно увезенъ измѣнниками крымцами, по другимъ —самъ погнался за ними, чтобы привести ихъ обратно). Козацкія полчища, оставшіяся безъ союзниковъ и предводителя, были частью разбиты, частью затонули въ болотѣ вслѣдствіе собственной неосторожности, частью спаслись бѣгствомъ. Исчезновеніе Богдана на многихъ произвело столь же неблагопріятное впечатлѣніе, какъ бѣгство Стеньки Разина изъ-подъ Симбирска. Хотя Хмельницкій скоро вернулся и успѣлъ собрать вокругъ себя внушительныя силы, однако онъ не рѣшился бороться съ поляками и литовцами, проникшими уже въ сердце Малороссіи и завладѣвшими Кіевомъ, а вступилъ въ переговоры.

Бѣлоцерковскій договоръ, заключенный въ 1651 году, являлся какъ бы насмѣшкой надъ Зборовскимъ: реестровое козачество, въ числѣ лишь 20 тысячъ человѣкъ, втиснуто было въ одно Кіев-

---

[1]) Богданъ искалъ также союза съ другимъ вассаломъ Турціи—молдавскимъ господаремъ, сосватавъ дочь его за своего сына Тимоша. Но Тимошъ вскорѣ былъ убитъ, и родство съ молдавскимъ домомъ не принесло помощи Богдану.

ское воеводство, куда вновь получили доступъ евреи, Черниговское и Брацлавское переведены были на польское право); козацкое самоуправленіе—ограничено; козацкій гетманъ поставленъ въ зависимость отъ польскаго короннаго гетмана. Понятно, что этотъ договоръ былъ еще менѣе исполнимымъ, чѣмъ Зборовскій. Осужденные на возвращеніе въ хлопство, козаки частью переселились въ предѣлы Московскаго государства, частью волновались противъ поляковъ и самого Хмельницкаго.

Д. Вмѣшательство Московскаго государства.

Хмельницкій, прикинувшись вѣрноподданнымъ короля, сумѣлъ однако отомстить полякамъ за свой Бѣлоцерковскій позоръ: онъ снова разгромилъ ихъ войско (близъ г. Ладыжина) и возобновилъ «очищеніе» Украйны. Поляки отвѣтили на это такимъ опустошеніемъ ея, которое, по словамъ историка (Ефименки) представляло «сплошной ужасъ, болѣе похожій на дикій, горячечный бредъ, чѣмъ на дѣйствительность», но вынуждены были въ 1653 году согласиться на новый Жванецкій договоръ, возобновлявшій условія Зборовскаго. Какъ разъ въ это время въ дѣла Украйны вмѣшалась Москва: «малороссійскій вопросъ» созрѣлъ наконецъ для нея[1]). Въ октябрѣ 1653 г. земскій соборъ (состоявшій, впрочемъ, только изъ служилыхъ людей и считающійся послѣднимъ земскимъ соборомъ) высказался за присоединеніе Малороссіи къ Московскому государству, а 8 января 1654 г. собравшаяся въ Переяславлѣ рада (т. е. собраніе козаковъ) объявила о желаніи украинскаго народа отдаться подъ власть «царя московскаго, православнаго» и принесла ему присягу. Соединеніе разрозненныхъ въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ двухъ вѣтвей русской народности—малороссійской и великороссійской—совершилось на слѣдующихъ условіяхъ: Малороссія въ составѣ трехъ воеводствъ—Кіевскаго, Черниговскаго и Брацлавскаго—присоединялась къ Московскому государству; чис-

[1]) До этого времени Московское государство не рѣшалось начинать войны съ Польшей изъ-за Малороссіи, надѣясь присоединить ее мирнымъ путемъ, когда поляки, разбитые козаками, добровольно откажутся отъ владѣнія ею. Поэтому, какъ ни молилъ Богданъ о помощи, какъ ни грозилъ онъ въ минуты раздраженія двинуться съ крымскими татарами на Москву, если она не поможетъ ему, московское правительство на все это уклончиво отвѣчало, что «если король гетмана и все войско Запорожское освободитъ, то государь велитъ ихъ принять подъ свою высокую руку», или же предлагало всѣмъ козакамъ переселиться въ московскіе предѣлы. Самое присоединеніе Малороссіи къ Московскому государству не одинаково понималось украинскими и московскими дипломатами: первые хотѣли придать ему характеръ взаимнаго договора, вторые истолковывали его въ смыслѣ милостиваго принятія Украйны въ подданство; первые стремились придать Малороссіи видъ самоуправлявшагося вассальнаго государства, вторые не могли удержаться отъ намѣренія ввести въ ней московскіе порядки. Острота малороссійскаго вопроса и заключалась въ томъ, что къ внѣшнимъ затрудненіямъ присоединялись взаимныя недоразумѣнія и плохое пониманіе другъ друга.

ленность козаковъ доводилась до 60.000 человѣкъ; за ними признавались всѣ козацкія «права и вольности»; выборный гетманъ пользовался значительною долей самостоятельности и могъ вступать въ дипломатическія сношенія съ иноземными государями; однако сношенія его съ польскимъ королемъ и султаномъ подлежали контролю московскаго правительства.

§ 5. Борьба Московскаго государства за обладаніе Малороссіей.

А. Первая война съ Польшей и вмѣшательство Швеціи.

Для удержанія за собой Малороссіи Московскому государству пришлось начать войну съ Польшей. Первая война, ведшаяся отъ 1654 до 1656 года при личномъ участіи Алексѣя Михайловича, была чрезвычайно успѣшна для русскихъ: московскія рати въ короткое время завоевали Бѣлоруссію и Литву, а Хмельницкій побѣдоносно вступилъ на польскую территорію.

Такая блестящая удача объясняется въ значительной степени тѣмъ, что въ одно время съ русскими на Польшу обрушились шведы и завладѣли всѣми ея областями, не занятыми еще московскимъ войскомъ. Чтобы спастись отъ неминуемой гибели, польское правительство должно было во что бы то ни стало перессорить своихъ враговъ и добилось этого, давъ обѣщаніе Алексѣю Михайловичу избрать его со временемъ на польскій престолъ. Смотря на Польшу какъ на будущее свое владѣніе, московскій царь поспѣшилъ заключить съ поляками въ 1656 г. мирный договоръ въ Вильнѣ, по условіямъ котораго удерживалъ за собою Малороссію и Бѣлоруссію. Затѣмъ онъ направилъ свои силы на шведовъ. Къ войнѣ со шведами побуждало Алексѣя Михайловича не только желаніе избавиться отъ ихъ соперничества въ польскихъ дѣлахъ, но также стремленіе овладѣть балтійскимъ побережьемъ. Эта война, закончившаяся въ 1661 году Кардисскимъ миромъ, не дала Москвѣ никакихъ пріобрѣтеній, а только усложнила «малороссійскій вопросъ». Богданъ Хмельницкій, какъ и многіе другіе малороссы, негодовалъ на Виленскій договоръ, прервавшій столь удачно начатую борьбу съ Польшей, и тайкомъ отъ Алексѣя Михайловича сталъ строить новые планы о будущей судьбѣ своей родины, вступая въ переговоры и со шведами, и съ седмиградскимъ княземъ (Ракочи), и съ польскимъ правительствомъ. Правда, онъ умеръ еще задолго до Кардисскаго мира (именно въ 1657 году), не дождавшись никакихъ результатовъ своей сложной политики, но уже самыя колебанія этого героя Украйны сѣяли сѣмена раздора въ неустойчивую ея почву.

Послѣ смерти Хмельницкаго въ Украйнѣ начался какой-то хаосъ: борьба нѣсколькихъ претендентовъ на гетманство, раздоры многочисленныхъ партій, изъ которыхъ однѣ тяготѣли къ Московскому государ-

ству, другія—къ Польшѣ, третьи—къ Турціи, рознь между козацкой «старшиной» и рядовымъ козачествомъ, ожесточенныя междоусобія, нашествія татаръ, кровопролитныя битвы, кратковременные миры... Сущность этихъ безпорядочныхъ событій сводится къ слѣдующему:

Б. Московская и польская партіи въ Малороссіи.

Московское и польское государства, вскорѣ послѣ Виленскаго договора и смерти Хмельницкаго, возобновили соперничество изъ-за Малороссіи, начавъ вторую войну, затянувшуюся на долгое время. Это соперничество встрѣчало неодинаковый откликъ въ украинскомъ населеніи: жители лѣвобережной Украйны (т. е. расположенной на лѣвомъ берегу Днѣпра), прилегающей къ московскимъ границамъ, держали преимущественно сторону Московскаго государства, жители правобережной — въ большинствѣ случаевъ предпочитали искать соглашеній съ Польшей. Однако и въ предѣлахъ каждой изъ этихъ двухъ частей Украйны шла борьба между польской и московской партіями: къ первой принадлежала, главнымъ образомъ, козацкая «старшина», т. е. вліятельные и богатые козаки, невольно соблазняемые заманчивымъ положеніемъ польской шляхты и тянувшіеся за ней; ко второй — рядовое козачество, жившее надеждой на то, что Московская власть не дастъ установиться на Украйнѣ шляхетскому сословному строю. Дѣйствительно, московская и польская политика по отношенію къ Украйнѣ была неодинаковой: Московское государство старалось удержать ее своей твердой властью и введеніемъ въ ней московскихъ порядковъ; Польша пыталась вернуть ее себѣ обѣщаніями всевозможныхъ вольностей. Такъ, напр., польское правительство заключило въ 1658 году съ ближайшимъ преемникомъ Хмельницкаго—Выговскимъ—договоръ (извѣстный подъ названіемъ «гадяцкія статьи»), по которому козаки присоединялись къ полякамъ «какъ вольные къ вольнымъ и равные къ равнымъ» (Малороссія въ качествѣ союзнаго съ Польшей «княжества русскаго» получала полную внутреннюю самостоятельность и самоуправленіе—съ сеймомъ, судебнымъ трибуналомъ, должностными лицами изъ мѣстныхъ уроженцевъ, съ полной свободой православія, народнаго образованія и т. д.). Заключивъ такой выгодный договоръ и заручившись помощью татаръ, Выговскій нанесъ московскимъ войскамъ страшное пораженіе при Конотопѣ (въ 1659 г.), но вслѣдъ затѣмъ долженъ былъ спасаться отъ ярости приверженцевъ Москвы, отвергшихъ всѣ польскія предложенія. Избранный на мѣсто его Юрій Хмельницкій (сынъ Богдана) измѣнилъ Москвѣ въ самый разгаръ ея борьбы съ Польшей. Потерпѣвъ вслѣдствіе этого тяжкій уронъ (въ битвѣ подъ Чудновымъ), московскія войска не въ силахъ были удержать за собою правобережную Украйну, которая и получила особаго гетмана.

На лѣвомъ берегу Днѣпра Московское владычество, благодаря стараніямъ лѣвобережнаго гетмана Брюховецкаго, пустило глубокіе корни.

Однако злоупотребленія московскихъ воеводъ, пренебреженіе къ козацкимъ вольностямъ, перепись населенія съ податною цѣлью и желаніе подчинить малороссійскую церковь Московскому патріарху вызывали и здѣсь немалое недовольство, питаемое къ тому же вѣчно-безпокойнымъ Запорожьемъ.

Фактическое раздѣленіе Украйны на двѣ части закрѣплено было и формально Андрусовскимъ перемиріемъ 1667 г., которымъ закончилась долголѣтняя, тягостная вторая война Московской Руси съ Польшей. По условіямъ этого перемирія, Московское государство пріобрѣтало Сѣверскую область, Смоленскъ, лѣвобережную Украйну (за ней съ этого времени и утвердилось названіе «Малороссія») и городъ Кіевъ на правомъ берегу Днѣпра (Кіевъ былъ отданъ Москвѣ только на два года, но удержанъ былъ ею навсегда). Правобережная Украйна осталась за Польшей.

В. Дорошенко и турецкій протекторатъ.

Съ разрывомъ Украйны на двѣ части не могли примириться многіе ея патріоты. Во главѣ ихъ всталъ умный и честолюбивый правобережный гетманъ Дорошенко. Разочаровавшись въ способности Московскаго государства объединить украинскій народъ, онъ вернулся къ тому, съ чего началъ Богданъ, — къ мысли объ обращеніи къ турецко-татарской помощи. Подъ покровительствомъ Турціи онъ надѣялся создать изъ Украйны вассальное княжество на подобіе Молдавіи или Валахіи. Своими планами онъ увлекъ и лѣвобережныхъ гетмановъ (Брюховецкаго, извѣстнаго раньше своею угодливостью по отношенію къ Москвѣ, и его преемника Многогрѣшнаго, горячаго украинскаго патріота). Дорошенко достигъ своей цѣли жестокой цѣной: въ 1672 г. султанъ Магометъ IV совершилъ грозное нашествіе на совсѣмъ неподготовленную къ войнѣ Польшу; турки и слѣдовавшіе за ними татары опустошили, выжгли до-тла и залили кровью огромныя пространства.

Цѣною такихъ ужасовъ былъ купленъ турецкій протекторатъ надъ правобережной Украйной. Но она представляла собою «руину», т. е. картину полнаго запустѣнія: страшась турокъ, ея жители массами перебѣгали на лѣвый берегъ Днѣпра, гдѣ при гетманѣ Самойловичѣ наступило относительное спокойствіе; никакія увѣщанія и угрозы не могли остановить повальнаго бѣгства. Самъ Дорошенко въ концѣ концовъ отказался отъ управленія пустыней и присягнулъ московскому царю.

Г. Борьба Московскаго государства съ Турціей.

Стремясь подчинить своей власти правобережную Украйну, Московское государство должно было принять на себя и борьбу съ Турціей за обладаніе ею. Эта борьба началась уже послѣ кончины царя Алексѣя Михайловича при его сынѣ и преемникѣ, Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ. Первые походы, предпринятые въ 1677 и 1678 г.г. (они называются Чигиринскими, по имени правительственнаго центра

правобережной Украйны—Чигирина), были неудачны. Не желая тратить много силъ на завоеваніе опустошенной страны, московское правительство склонялось къ заключенію мира, хотя и Самойловичъ и все козачество настойчиво добивались возсоединенія обѣихъ частей своей родины. Миръ былъ заключенъ въ 1681 году въ Бахчисараѣ. Правобережная Украйна осталась за турками и вскорѣ передана была ими молдавскому господарю. Она обратилась въ совершенную пустыню. Одинъ изслѣдователь (Ефименко) даетъ такое описаніе ея: «Роскошныя нивы заросли бурьяномъ, нигдѣ жилья человѣческаго, ни признака стадъ, которыми еще такъ недавно славилась Украйна; одичавшія собаки вели ожесточенную борьбу за существованіе съ волками, начали снова появляться даже дикіе кони, расплодились дикія козы, лоси, медвѣди». Выселившіеся отсюда жители колонизовали прежнее московское «дикое поле»; изъ поселковъ здѣсь выростали города.

Рѣшеніе «малороссійскаго вопроса» вернуло, такимъ образомъ, Московскому государству часть тѣхъ земель, которыя были колыбелью русскаго народа, и способствовало заселенію его южныхъ окраинъ. Но такимъ территоріальнымъ расширеніемъ не ограничивается значеніе этого вопроса: Малороссія, какъ увидимъ, явилась для Москвы и очагомъ новой культуры. Еще до того времени, какъ эта страна была присоединена къ Московской Руси, кіевскіе ученые—питомцы Академіи, основанной Петромъ Могилою,—приглашены были въ Москву для подготовленія церковной реформы, задуманной царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Сущность этой реформы заключалась въ точномъ согласованіи русскихъ богослужебныхъ книгъ и церковныхъ обрядовъ съ греческими для установленія полнаго единенія между Русскою Церковью и Греческою. Эта реформа, сходная по существу съ произведенной Петромъ Могилою, получила однако, какъ увидимъ, въ Московской Руси своеобразный характеръ, придающій ей глубокій интересъ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Церковная реформа.

§ 1. Подготовленіе церковной реформы.

А. Церковныя нестроенія. Одновременно съ приведеніемъ въ порядокъ разстроеннаго смутою Московскаго государства правительство принимало также мѣры для упорядоченія религіозно-нравственной и церковной жизни, такъ какъ тѣ нестроенія, противъ которыхъ вооружался Стоглавый Соборъ, продолжали существовать и въ XVII вѣкѣ, вызывая жестокія обличенія со сто-

роны благочестивыхъ людей. Многіе изъ нихъ, еще въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича обращались къ государю и духовнымъ властямъ съ челобитьями, въ которыхъ горько сѣтовали на безнравственную жизнь народа, преисполненную грубыхъ обычаевъ, суевѣрій и пережитковъ язычества, на недостойное поведеніе духовенства, на небреженіе къ своимъ обязанностямъ высшихъ пастырей, на церковные непорядки, на недостатокъ чинности, вразумительности и благолѣпія богослуженія.

Однимъ изъ самыхъ разительныхъ богослужебныхъ непорядковъ было такъ называемое многогласіе. Состояло оно въ слѣдующемъ: чтобы прочитать и пропѣть все, положенное для данной службы, и вмѣстѣ съ тѣмъ сократить время совершенія ея, въ приходскихъ церквахъ нѣсколько лицъ одновременно читали и пѣли каждый свою часть; очевидно, такая служба, совершаемая сразу пятью-шестью-семью голосами, была совсѣмъ непонятна для прихожанъ, пріучала ихъ неосмысленно относиться къ богослуженію и предпочитать тѣ изъ церквей, гдѣ оно было самымъ краткимъ. Хотя уже Стоглавый Соборъ запретилъ многогласіе, «какъ великое безчиніе и грѣхъ», хотя съ нимъ энергично боролся патріархъ Гермогенъ, однако оно сохранилось въ приходскихъ церквахъ (въ монастыряхъ служба была единогласной), какъ увидимъ, до половины XVII вѣка.

Б. Дѣятельность Филарета.

Сѣтованія на религіозно-нравственныя нестроенія не оставались тщетными. Уже первый патріархъ послѣ-смутнаго времени — Филаретъ — занялся церковною реформой и, главное, указалъ путь для дальнѣйшаго проведенія ея. Именно, въ отличіе отъ большинства своихъ современниковъ, Филаретъ Никитичъ былъ не хулителемъ, а приверженцемъ Греческой Церкви и выказывалъ большое расположеніе къ православному Востоку. Поставленный на патріаршество іерусалимскимъ патріархомъ Ѳеофаномъ, Филаретъ принималъ во вниманіе его совѣты при исправленіи нѣкоторыхъ русскихъ церковныхъ обрядовъ, сближалъ ихъ съ греческими, окружалъ себя греческими іерархами, задумалъ устроить въ Москвѣ греческую школу, поручалъ переводить греческія книги. Вообще Филаретъ, по словамъ историка (Каптерева), «много содѣйствовалъ развитію и укрѣпленію у насъ идеи о необходимости тѣснаго постояннаго единенія между Русскою Церковью и тогдашнею Греческою»[1]). Однако Филаретъ и по недо-

[1]) Несмотря на обособленность съ половины XV вѣка Русской Церкви отъ Греческой, связи между ними, какъ мы знаемъ, не совсѣмъ прервались: съ одной стороны восточные іерархи часто наѣзжали въ Московскую Русь за щедрой милостыней, съ другой стороны само московское правительство обращалось къ авторитету Восточныхъ Церквей въ такихъ исключительныхъ случаяхъ, какъ принятіе царскаго титула Іоанномъ IV или учрежденіе патріаршества. Наконецъ, среди рус-

статку богословскаго образованія, и по самому своему характеру былъ гораздо больше государственнымъ, чѣмъ церковнымъ дѣятелемъ и удѣлялъ поэтому особое вниманіе только церковному управленію, главнымъ образомъ, организаціи патріаршей епархіи, въ которой онъ завелъ приказы наподобіе государственныхъ. Сущность религіозно-нравственной и церковной жизни оставалась для него въ тѣни.

В. Отношеніе царя Алексѣя Михайловича къ церковнымъ вопросамъ и грекофильскій кружокъ.

Алексѣй Михайловичъ, унаслѣдовавъ отъ своего дѣда грекофильство, т. е. любовь къ грекамъ и расположеніе къ ихъ церковнымъ обрядамъ, пошелъ гораздо дальше его. Глубокое благочестіе, отличная богословская подготовка и сознательный взглядъ на себя, какъ на единственнаго въ цѣломъ мірѣ охранителя вселенскаго православія, побуждали царя Алексѣя Михайловича считать одной изъ важнѣйшихъ своихъ задачъ — исправленіе московской церковной жизни; грекофильство же и надежда собрать подъ своею властью православныхъ христіанъ, изнывающихъ подъ турецкимъ игомъ, а, можетъ быть, завладѣть и самимъ Константинополемъ—внушали ему мысль производить эти исправленія въ духѣ полнаго согласованія Русской Церкви съ Греческою и другими православными Церквами. Въ соотвѣтствующемъ направленіи дѣйствовали на царя и близкія ему лица: Морозовъ, Ѳ. М. Ртищевъ, сестра послѣдняго Анна и, въ особенности, царскій духовникъ протопопъ Стефанъ Вонифатьевъ, одинъ изъ лучшихъ, наиболѣе уважаемыхъ и любимыхъ и наиболѣе просвѣщенныхъ людей этого времени. Вмѣстѣ со своимъ духовникомъ царь и задался цѣлью: 1) насадить на Руси благочестіе, 2) произвести церковную реформу въ грекофильскомъ духѣ. Въ глазахъ Алексѣя Михайловича, Стефана и ихъ единомышленниковъ эти двѣ цѣли неразрывно связывались одна съ другой. Но не всѣ, какъ увидимъ, думали такъ.

Для осуществленія первой цѣли вліятельный Стефанъ Вонифатьевъ

скаго духовенства встрѣчались лица, которыя не считали греческаго православія померкшимъ вслѣдствіе временнаго признанія отвергнутой затѣмъ Флорентійской уніи и не одобряли прекращенія зависимости отъ константинопольскаго патріарха. Таковы были, напр., нестяжатели. Такихъ взглядовъ придерживался впослѣдствіи и знаменитый архимандритъ Діонисій, бывшій «справщикомъ» (т. е. исправителемъ) богослужебныхъ книгъ въ началѣ царствованія Михаила. За свою приверженность къ греческимъ чтеніямъ и за соотвѣтствующія исправленія русскихъ книгъ онъ навлекъ на себя обвиненіе въ ереси и былъ подвергнутъ тяжкому наказанію; отъ преслѣдованій освободилъ его вернувшійся на Русь Филаретъ, вслѣдствіе вмѣшательства въ это дѣло патріарха іерусалимскаго Ѳеофана, горячо вступившагося за Діонисія и оказавшаго ему самые лестные знаки вниманія. Недовѣріе къ православію грековъ, ослабѣвавшее, какъ извѣстно, съ конца XVI вѣка при царскомъ, а со времени Филарета и при патріаршемъ дворѣ, было однако еще очень сильно распространено, особенно въ провинціи.

выдвигалъ на отвѣтственныя протоіерейскія мѣста, какъ въ провинціи, такъ и въ Москвѣ, выдающихся священниковъ, славившихся своимъ благочестіемъ. Изъ провинціальныхъ ревнителей благочестія особенно извѣстны слѣдующіе протопопы: юрьевецкій—Аввакумъ, костромской—Даніилъ, муромскій—Логгинъ, романо-борисоглѣбскій—Лазарь, нижегородскій—Іоаннъ Нероновъ. Послѣдній былъ впослѣдствіи переведенъ въ Москву и сдѣланъ протопопомъ Казанскаго собора. Въ столицѣ было также не мало безупречныхъ священниковъ. Всѣ эти ревнители благочестія, лично извѣстные Стефану, а черезъ него и царю, отличались начитанностью, высокими нравственными качествами и преданностью своему дѣлу; всѣ они одинаково желали исправленія церковныхъ нестроеній, но далеко не одинаково представляли себѣ способы, средства и цѣли его. Одни воспитаны были въ старозавѣтныхъ московскихъ преданіяхъ, учившихъ смотрѣть на московское православіе какъ на «высшее христіанство», а на греческое какъ на «померкшее», «испроказившееся», предпочитать русское греческому, «умирать за едину букву азъ» въ своихъ книгахъ; исправленіе послѣднихъ они допускали лишь тѣми способами, какіе указаны Стоглавымъ Соборомъ, а отнюдь не на основаніи греческихъ книгъ и тѣмъ паче не при посредствѣ иноземныхъ греческихъ и южнорусскихъ ученыхъ—«ересей вводителей»; да и не въ книжныхъ погрѣшностяхъ видѣли они корень зла, а въ небреженіи духовенства и недостаткѣ благочестія у народа. Такихъ взглядовъ придерживались преимущественно провинціальные ревнители благочестія. Столичные же, находившіеся подъ непосредственнымъ вліяніемъ Стефана, усвоили его грекофильство, т. е. предпочтеніе греческаго русскому.

Но первоначально различіе въ воззрѣніяхъ не нарушало сердечной близости всего кружка ревнителей и, опираясь на мощную поддержку царскаго духовника, онъ представлялъ собою внушительную силу: обличалъ церковные непорядки, требовалъ и отчасти добился возстановленія вышедшей на Руси изъ обычая церковной проповѣди, вообще руководилъ церковными дѣлами и назначеніями, вызывая этимъ большое неудовольствіе высшихъ духовныхъ лицъ, особенно же патріарха Іосифа (одного изъ преемниковъ Филарета), который считалъ обличенія ревнителей произвольнымъ вмѣшательствомъ въ патріаршія дѣла. Обиженный патріархъ, на сторонѣ котораго были почти всѣ архіереи и большинство приходскаго духовенства, пытался открыто бороться съ ревнителями, когда тѣ потребовали отмѣны многогласія, но они нашли поддержку въ царѣ: по царскому повелѣнію, Іосифъ долженъ былъ обратиться за разрѣшеніемъ спорнаго вопроса къ константинопольскому патріарху, который, конечно, высказался въ духѣ царя и ревнителей, т. е. за единогласіе (состоявшее въ томъ, что одновременно читалось или пѣлось что-нибудь одно), и Іосифу

пришлось самому оффиціально отмѣнять многогласіе, за которое онъ такъ ратовалъ прежде [1]).

Г. Приглашеніе иноземныхъ справщиковъ книгъ.

Возстановленіе церковной проповѣди и введеніе единогласія казались нѣкоторымъ приверженцамъ старины недопустимыми и опасными новшествами. Провинціальные же ревнители благочестія, отстаивая и одобряя проведенныя мѣры, были убѣждены однако, что церковная реформа ограничится этими или подобными имъ измѣненіями. А между тѣмъ царь и Стефанъ думали идти гораздо дальше и съ 1648 г. послѣдовательно подготовляли почву для тѣснаго единенія Русской Церкви съ современною Греческою. Именно они 1) всячески старались возвысить въ глазахъ народа авторитетъ Греческой и другихъ восточныхъ Церквей, 2) приглашали для исправленія русскихъ богослужебныхъ книгъ южно-русскихъ ученыхъ, главнымъ образомъ, питомцевъ Кіевской Академіи.

---

[1]) Іосифъ защищалъ многогласіе изъ опасенія, что его отмѣна поведетъ къ непосильному для прихожанъ удлиненію службы, вызоветъ ихъ недовольство и побудитъ ихъ, пожалуй, вовсе отказаться отъ посѣщенія богослуженій. Его опасенія отчасти сбылись: въ нѣкоторыхъ приходахъ удлиненіе службы вызвало прямо дикія безчинства со стороны мірянъ, кричавшихъ, что имъ «недосугъ» долго стоять въ церкви; Аввакумъ и Нероновъ были даже жестоко избиты въ самомъ храмѣ за введеніе единогласія; по словамъ Аввакума, его «въ церкви бьютъ да волочатъ, а иные и въ ризахъ не щадятъ»: на Неронова за его благочиніе накинулись сами иноки того монастыря, гдѣ онъ служилъ, и «за волосы волочили его по трапезѣ»; въ Сибири одно должностное лицо «за единогласное церковное пѣніе» избило до «полусмерти» не только священника, но и его жену. Единогласіемъ возмущались не одни дикіе прихожане, но и нѣкоторые священники, лишавшіеся доходовъ отъ сокращенія числа молящихся и вынужденные съ бо́льшимъ благочиніемъ совершать долгія службы и еще произносить поученія. На удлиненіе службъ роптали даже одинъ изъ пріѣзжихъ грековъ: «мы, писалъ онъ, выходили изъ церкви не иначе, какъ разбитые ногами и съ болью въ спинѣ, словно насъ распинали; мы не въ состояніи были придти въ себя отъ усталости». Прославляя русскихъ за выносливость, которою «они превзошли подвижниковъ въ пустынѣ», этотъ грекъ всячески добивался возможности поскорѣе уѣхать изъ Москвы, чтобы «избавиться отъ бдѣній, трудовъ и стояній страстной седмицы». Нѣкоторые чудаки возмущались тѣмъ, что изъза продолжительности богослуженій «свѣчамъ большой расходъ». Къ практическимъ соображеніямъ, побуждавшимъ невѣждъ протестовать противъ единогласія, присоединились и принципіальныя: многогласіе было настолько установившимся обычаемъ, что отмѣна его, а также введеніе церковной проповѣди, отъ которой успѣли совершенно отвыкнуть, казались многимъ непозволительнымъ «новшествомъ», едва ли не ересью. Такъ, напр., одинъ священникъ упрекалъ ревнителя благочестія: «заводите вы, ханжи, ересь новую — единогласное пѣніе и людей въ церкви учите, а мы людей прежде сего не учивали, а учивали ихъ въ тайнѣ; бѣса вы въ себѣ имате»...

Все это, вмѣстѣ взятое, объясняетъ, почему Іосифъ, хорошо знакомый со слабостью пастырей и паствы, высказался противъ единогласія и почему созванный имъ въ 1649 г. церковный соборъ узаконилъ многогласіе. Однако соборное постановленіе не только не было утверждено царемъ, но и перерѣшено въ 1651 г. соборомъ же въ обратномъ смыслѣ послѣ вышеупомянутаго отвѣта константинопольскаго патріарха.

Послѣдніе были ревностными приверженцами грековъ, такъ какъ Кіевская Церковь, какъ мы знаемъ, подверглась при Петрѣ Могилѣ церковной реформѣ, сблизившей южно-русскіе церковные обряды съ греческими. Изъ кіевлянъ-справщиковъ особенно извѣстны: Епифаній Славинецкій, Арсеній Сатановскій и Дамаскинъ Птицкій. Встрѣчая разночтенія въ московскихъ и греческихъ книгахъ, они отдавали предпочтеніе послѣднимъ. Для точнаго «описанія греческихъ церковныхъ чиновъ» царь послалъ на православный востокъ русскаго инока Арсенія Суханова.

Чтобы поднять авторитетъ грековъ, Алексѣй Михайловичъ и Стефанъ 1) издавали сочиненія южно-русскаго происхожденія, въ которыхъ утверждалось, что «Греческая Церковь, и въ неволѣ пребывая, свѣтится правою, вѣрою», и запрещались нападки на нее; 2) обращались къ восточнымъ патріархамъ (константинопольскому и іерусалимскому) за разрѣшеніемъ спорныхъ вопросовъ, напр., о многогласіи; 3) приглашали восточныхъ іерарховъ (напр., митрополита назаретскаго Гавріила) для поученія и обличенія русскаго духовенства и мірянъ; 4) хлопотали объ учрежденіи въ Москвѣ греческой школы; 5) въ 1652 году царь повелѣлъ поминать въ церквахъ вмѣстѣ съ московскимъ патріархомъ также восточныхъ. Насколько царь покровительствовалъ грекамъ, настолько близкій ему Ѳ. М. Ртищевъ заботился о насажденіи въ Москвѣ южно-русской образованности и съ этою цѣлью основалъ особый монастырь (Андреевскій), который заселилъ монахами изъ Кіево-Печерской лавры и другихъ южно-русскихъ монастырей.

Итакъ, церковная реформа была предрѣшена и подготовлена. Оставалось провести ее. Проведеніе ея было, конечно, дѣломъ патріарха. Но Іосифъ вовсе не былъ способенъ къ преобразовательной дѣятельности. Пока онъ вѣрилъ въ свою силу, онъ, какъ видно изъ спора о единогласіи, только противодѣйствовалъ реформѣ; послѣ же своей неудачи, онъ долженъ былъ поневолѣ примириться съ тѣмъ, что всякое вліяніе на церковныя дѣла выскользнуло изъ его рукъ и перешло къ ревнителямъ благочестія, которые перестали вовсе считаться съ патріархомъ, едва его терпѣли и не стѣснялись даже открыто оскорблять его. Очевидно, что не Іосифъ, а его преемникъ предназначался къ отвѣтственной роли реформатора. Стефанъ Вонифатьевъ не мечталъ о патріаршествѣ для себя, но помогъ царю подготовить желанное лицо для возведенія въ патріаршій санъ послѣ кончины Іосифа. Такимъ лицомъ былъ новгородскій митрополитъ Никонъ, съ которымъ царь близко сошелся въ бытность его еще новоспасскимъ архимандритомъ въ Москвѣ и который былъ въ тѣсной дружбѣ со всѣми ревнителями благочестія.

§ 2. Вступленіе Никона на патріаршую каѳедру.

А. Жизнеописаніе Никона и его характеристика.

Никонъ (въ міру называвшійся Никитою и родившійся въ 1605 г.) происходилъ изъ нижегородской крестьянской семьи, испыталъ въ дѣтствѣ и нужду и крайне жестокое обращеніе со стороны своей мачихи, началъ дѣятельность свою сельскимъ священникомъ, затѣмъ постригся въ монахи въ одномъ изъ монастырей на Бѣломъ морѣ (въ Анзерскомъ скитѣ), былъ игуменомъ Кожеозерской обители, наѣзжалъ по ея дѣламъ въ Москву, гдѣ видался съ царемъ, и, сумѣвъ овладѣть его расположеніемъ, сдѣланъ былъ архимандритомъ Новоспасскаго монастыря, въ которомъ покоились предки Романовыхъ и куда часто заглядывалъ царь, все болѣе и болѣе привязывавшійся къ Никону. Величественная внѣшность Никона, его умъ, способность увлекаться прекраснымъ, умѣнье торжественно и учительно отправлять богослуженія и произносить проповѣди дѣйствовали на эстетическую натуру царя, передъ которымъ Никонъ выступалъ къ тому же въ красивой роли благотворителя и ходатая за невинно-пострадавшихъ. Обладая исключительною властностью и силой воли, Никонъ сталъ постепенно подчинять себѣ податливаго чужимъ вліяніямъ Алексѣя Михайловича. Очарованный достоинствами своего любимца и друга, царь не видѣлъ его крупныхъ недостатковъ: гордыни, суровости и даже черствости, самомнѣнія, нетерпимости къ чужимъ взглядамъ; не замѣчалъ онъ и того, что образованіе Никона не было глубокимъ, что благочестіе его, какъ и большинства москвичей, носило обрядовый характеръ, и что крутость его нрава могла обострить нежелательнымъ образомъ проведеніе церковной реформы. Напротивъ, и царю, и его духовнику Никонъ казался наиболѣе подходящимъ лицомъ для роли преобразователя, и они сдѣлали все, чтобы преодолѣть присущее первоначально Никону нерасположеніе къ грекамъ и малороссамъ и обратить его въ грекофильство. Въ этомъ они успѣли: подъ вліяніемъ бесѣдъ съ царемъ, Стефаномъ и пріѣзжими восточными іерархами, а также вслѣдствіе собственныхъ размышленій и изученія соотвѣтствующей литературы, Никонъ оставилъ охранительную точку зрѣнія провинціальныхъ ревнителей, не порвавъ однако дружескихъ связей съ ними, и сдѣлался убѣжденнымъ приверженцемъ греческаго благочестія.

Уже обращенный въ такое грекофильское настроеніе, Никонъ поставленъ былъ митрополитомъ въ Новгородѣ и прославился здѣсь не только какъ ревностный пастырь и щедрый благотворитель, но и какъ отличный администраторъ: новгородскій мятежъ 1650 года былъ быстро подавленъ, главнымъ образомъ, благодаря находчивости и самоотверженной энергіи митрополита, не побоявшагося даже жесто-

кихъ побоевъ разсвирѣпѣвшей толпы. Царь питалъ къ Никону уже безграничную дружбу, называлъ его въ своихъ письмахъ «великимъ солнцемъ сіяющимъ», «наставникомъ душъ и тѣлесъ», «избраннымъ крѣпкостоятельнымъ пастыремъ». Такое отношеніе окрылило Никона, и онъ началъ постепенно проводить свою любимую, завѣтную идею о томъ, «что священство выше царства», что духовная власть не только не зависитъ отъ свѣтской, но даже превышаетъ ее. Для перваго примѣненія этой теократической идеи новгородскій митрополитъ рѣшилъ воспользоваться религіознымъ торжествомъ: онъ внушилъ царю мысль о необходимости перенести въ Москву мощи святителя митрополита Филиппа, покоившіяся въ Соловецкомъ монастырѣ, и побудилъ царя написать покаянное посланіе, въ которомъ Алексѣй Михайловичъ замаливалъ грѣхи и неправды своего предка Іоанна Грознаго передъ страдальцемъ Филиппомъ и «преклонялъ передъ его мощами честь своего царства и всю свою власть». Это посланіе должно было, по мысли Никона, служить краснорѣчивымъ показателемъ отвѣтственности свѣтской власти передъ духовной и первенства послѣдней.

Б. Избраніе Никона на патріаршество; идеи Никона.

Какъ разъ въ то время, когда Никонъ въ 1652 году совершалъ перенесеніе мощей Филиппа изъ Соловковъ, скончался патріархъ Іосифъ. Избраніе Никона было обезпечено: этого хотѣлъ царь, его духовникъ и весь кружокъ ревнителей, надѣявшихся сохранить при Никонѣ свое прежнее преобладающее вліяніе на церковныя дѣла, тѣмъ болѣе, что, вернувшись изъ Соловецкаго монастыря, онъ всячески подчеркивалъ свою дружбу къ нимъ. Въ іюлѣ 1652 г. Никонъ былъ избранъ, но сталъ отказываться отъ избранія и принялъ его только тогда, когда въ Успенскомъ соборѣ самъ царь съ огромной толпой народа сталъ колѣнопреклоненно молить его объ этомъ и вмѣстѣ съ другими далъ клятву «слушаться его во всемъ, какъ начальника и пастыря и отца краснѣйшаго». Только послѣ такой клятвы Никонъ согласился принять патріаршую власть. Онъ несъ съ собою на патріаршій престолъ двѣ непривычныя для Московскаго государства идеи: 1) о преимуществѣ греческаго благочестія передъ русскимъ, 2) о независимости Церкви отъ государства и о главенствѣ духовной власти надъ свѣтской. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ несъ съ собою и свой властный, непреклонный характеръ, стремленіе къ полной самостоятельности и свободѣ дѣйствій, которое крѣпло въ немъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше раздумывалъ онъ о печальномъ положеніи своего слабовольнаго предшественника. Съ полной вѣрой въ правоту своихъ убѣжденій и съ большой поспѣшностью началъ Никонъ церковную реформу.

§ 3. Обрядовая реформа Никона.

А. Отличія русскихъ книгъ и обрядовъ отъ греческихъ.

Сличеніе русскихъ церковныхъ обрядовъ и чиновъ съ современными греческими, произведенное какъ до Никона, такъ въ особенности при немъ, выяснило нѣкоторыя различія между ними, напр., такія: у русскихъ было двоеперстное крестное знаменіе, у грековъ — троеперстное; различалось также перстосложеніе при архіерейскомъ благословеніи; русскіе «двоили» аллилуію (т. е. пѣли дважды), а не «троили», почитали только осьмиконечный крестъ, имѣли обычай оставлять царскія врата отверстыми отъ начала литургіи до великаго выхода, для совершенія обѣдни употребляли 5, а не 7 просфоръ, полагали антиминсъ (притомъ только бѣлый безъ изображеній и надписей) подъ покровомъ вмѣсто того, чтобы полагать его на престолѣ открыто и на немъ совершать Св. Евхаристію, при совершеніи ея вынимали четыре частицы, а не девять, имѣли нѣсколько отличный отъ грековъ чинъ или порядокъ нѣкоторыхъ службъ и т. д.

Кромѣ обрядовыхъ различій, встрѣчались и разночтенія въ богослужебныхъ книгахъ, т. е. несогласія русскихъ переводовъ съ греческимъ текстомъ. Такъ, напр., въ VIII членѣ Символа Вѣры русскіе вставляли лишнее слово—«истиннаго» (и въ Духа Св. Бога «истиннаго» и животворящаго); читали «Его же царствію «нѣсть» (вм. «не будетъ») конца»; измѣняли нѣкоторыя молитвы, напр. «Богородице Дѣво, радуйся, «обрадованная» Марія, или «честнѣйшую херувимъ и славнѣйшую «воистину» серафимъ, искажали вставками отпусты на праздники и т. д. Имя Христа русскіе писали и произносили «Исусъ», а не Іисусъ.

Б. Отношеніе Никона и его противниковъ къ обрядовымъ различіямъ.

Узнавъ объ этихъ различіяхъ, но не изслѣдовавъ ихъ происхожденія, Никонъ придалъ имъ огромную важность, такъ какъ по распространенному тогда на Руси мнѣнію, котораго придерживался и онъ, несогласія въ обрядахъ приравнивались къ несогласіямъ въ вѣроученіи. Истиннымъ вѣроученіемъ онъ, какъ ревностный грекофилъ, считалъ современное ему греческое, такъ какъ искренно вѣрилъ, что Греческая Церковь ни въ малѣйшей части не отступила ни отъ своихъ древнихъ уставовъ, ни отъ обрядовъ. Естественно поэтому, что несогласные съ греческими русскіе обряды Никонъ счелъ «неправыми и нововводными» и рѣшилъ во всемъ согласовать Русскую Церковь съ Греческой, а для этого онъ вознамѣрился 1) исправить разночтенія книгъ (частичное исправленіе ихъ, какъ мы знаемъ, производилось уже издавна), 2) сравнять во всемъ обряды, 3) заим-

ствовать даже греческую церковную внѣшность, т. е. иконы, облаченія, напѣвы и т. д.

Такія намѣренія патріарха вызвали легко-объяснимый упорный протестъ: огромное большинство его современниковъ, не менѣе его ревновавшихъ объ обрядѣ, но чуждыхъ грекофильскаго настроенія (прививавшагося, какъ извѣстно, только въ нѣкоторыхъ столичныхъ кругахъ), приходило къ совершенно противоположному выводу, чѣмъ онъ,—именно, къ признанію истинности и древности русскихъ обрядовъ, не допуская даже мысли объ измѣненіи ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, русскіе люди не соглашались считать свои обряды «неправыми», такъ какъ были издавна убѣждены, что въ Московскомъ государствѣ—«Новомъ Израилѣ» и «третьемъ Римѣ»—процвѣтаетъ истинное православіе, «высшее въ цѣломъ мірѣ христіанство» и «совершенное благочестіе»; они не могли никакъ считать ихъ «нововводными», такъ какъ всѣ усилія Русской Церкви прилагались какъ разъ къ тому, чтобы сохранить ихъ неизмѣнными. Съ русской точки зрѣнія, чуждой грекофильства, «неправыми» и «нововводными» были именно греческіе обряды, искаженные «латинскими новшествами» какъ вслѣдствіе Флорентійской уніи, такъ и вслѣдствіе другихъ причинъ. Вводить ихъ—это значило, по мнѣнію приверженцевъ старины, «замутить и разорить русское благочестіе, развратить православную вѣру», такъ какъ въ отличіяхъ Русской Церкви отъ Греческой многіе склонны были видѣть особенные признаки правовѣрія первой.

Итакъ, самая идея Никоновской реформы способна была вызвать большую смуту въ умахъ. Еще болѣе усилили ее способы проведенія задуманныхъ преобразованій, крутые и рѣшительные. Затѣвая то же самое дѣло, которое за нѣсколько лѣтъ до него совершилъ въ юго-западной Руси Петръ Могила, Никонъ прибѣгъ, какъ увидимъ, совсѣмъ къ инымъ средствамъ и пришелъ къ инымъ результатамъ. Это весьма понятно: Никону были чужды просвѣщенные взгляды высокообразованнаго кіевскаго митрополита на обряды, ему была недоступна и мягкая терпимость. Главное средство для проведенія реформы онъ видѣлъ не въ поднятіи образованія народа, а въ полнотѣ своей патріаршей власти.

В. Начало реформаторской дѣятельности Никона.

Едва сдѣлавшись патріархомъ, Никонъ, безъ совѣта съ соборомъ и со своими друзьями, прямо отъ своего лица разослалъ распоряженіе, устанавливающее новыя правила относительно поклоновъ во время церковныхъ службъ и повелѣвающее креститься тремя, а не двумя перстами. Это приказаніе вызвало большое недоумѣніе какъ своимъ содержаніемъ, такъ и формой. Современники Никона отлично знали, что издавна всѣ русскіе люди знаменовали себя двоеперстіемъ, и что оно торжественно утверждено Стоглавомъ. Какъ же сочетать повелѣніе новаго патріарха съ постановленіемъ Стоглава, грозившаго проклятіемъ каждому, кто «не зна-

менуется двумя перстами»? Провинціальные ревнители благочестія—друзья Никона—возмутились не только сущностью распоряженія, но и его формой: способствуя избранію Никона, они надѣялись играть при немъ руководящую роль, а онъ началъ свою дѣятельность тѣмъ, что единолично, безъ ихъ совѣта и безъ объясненія причинъ, сломилъ вѣковой, утвержденный и наиболѣе употребительный русскій обрядъ. У ревнителей благочестія, по словамъ Аввакума, «сердце озябло и ноги задрожали». Сговорившись между собою, они рѣшились на упорную борьбу со своимъ прежнимъ другомъ и стали засыпать царя жалобами на Никона. Но ихъ челобитныя не имѣли успѣха, такъ какъ и Алексѣй Михайловичъ и его духовникъ встали на сторону патріарха; поэтому послѣдній быстро раздѣлался съ врагами: Нероновъ былъ сосланъ въ отдаленный монастырь, Аввакумъ—въ Сибирь, Даніилъ — въ Астрахань.

Противодѣйствіе ревнителей побудило однако Никона проводить дальнѣйшія преобразованія, опираясь на авторитетъ церковныхъ соборовъ и восточныхъ патріарховъ. Соборы созывались трижды: въ 1654 г., 1655 г. и 1656 г. Первый изъ нихъ, разсматривавшій лишь незначительныя обрядовыя различія, постановилъ исправлять ихъ на основаніи старыхъ рукописныхъ славянскихъ и греческихъ книгъ (такому исправленію не могли противиться сами приверженцы старины, возстававшіе только противъ современныхъ печатныхъ греческихъ книгъ). Но одинъ изъ участниковъ собора—епископъ Коломенскій Павелъ отважился все-таки спорить съ Никономъ. За это онъ подвергся лишенію сана, «лютому біенію» и ссылкѣ. Слѣдующіе соборы уже безпрекословно одобряли всѣ мѣры Никона. Однако, постановленія соборовъ не успокаивали все растущаго недовольства, такъ какъ господствовало убѣжденіе, что ихъ участники, устрашенные судьбою Павла Коломенскаго и подавленные властной волей патріарха, дѣйствуютъ вопреки совѣсти и разумѣнію. Въ глазахъ противниковъ Никона, эти зависимые отъ него соборы были просто «сонмищемъ іудейскимъ», а самъ патріархъ казался «измѣнникомъ православію», «хулителемъ русской церкви», вполнѣ подпавшимъ подъ вліяніе пріѣзжихъ «гречанъ-милостынесобирателей». Такіе нападки и хулы на патріарха все усиливались, тѣмъ болѣе, что онъ 1) открыто исповѣдывалъ свои грекофильскія мнѣнія, заявивъ на соборѣ 1655 года, что «хотя я и русскій и сынъ русскаго, но вѣра моя и убѣжденія—греческія», и 2) слишкомъ полагался на авторитетъ пребывавшаго въ это время въ Москвѣ антіохійскаго патріарха Макарія: приглашалъ его къ совершенію всякихъ службъ и просилъ его не оставлять безъ указанія ни одного отступленія Русской Церкви отъ Восточныхъ.

Г. Дѣятельность Макарія и проклятіе на двоеперстниковъ.

Угождая Никону, Макарій всячески поощрялъ его къ преобразованіямъ, вовсе не щадя національнаго самолюбія русскихъ. Такъ, Макарій сначала публично заявилъ, что троеперстіе — единственно истинное и древнее крестное знаменіе, а двоеперстіе — армянскій обычай, а затѣмъ въ 1656 г. на торжественномъ богослуженіи въ Успенскомъ соборѣ, въ присутствіи царя и патріарха, произнесъ (совмѣстно съ двумя другими пріѣзжими іерархами — сербскимъ патріархомъ Гавріиломъ и никейскимъ митрополитомъ Григоріемъ) проклятіе на двоеперстниковъ какъ еретиковъ; по просьбѣ Никона, онъ облекъ это проклятіе и отлученіе отъ Церкви въ форму письменнаго постановленія восточныхъ іерарховъ, которое было потомъ напечатано. Ревнители русскаго благочестія были прямо ошеломлены этимъ проклятіемъ, такъ какъ усмотрѣли въ немъ всенародную хулу не только на всѣхъ современниковъ-двоеперстниковъ, но и на почившихъ русскихъ угодниковъ, крестившихся также двумя перстами. Такое впечатлѣніе еще усилилось послѣ того, какъ въ томъ же году созванный Никономъ русскій церковный соборъ покорно повторилъ это проклятіе, произнесенное пришлыми чужеземцами.

Д. Грамота константинопольскаго патріарха.

Увлеченный реформой, искренно вѣря въ ея насущную необходимость и вполнѣ полагаясь на авторитетъ Макарія, Никонъ усмотрѣлъ поощреніе своей дѣятельности и въ томъ соборномъ постановленіи Константинопольской Церкви, которое онъ получилъ въ 1655 г. отъ патріарха Паисія въ отвѣтъ на свой запросъ, хотя это постановленіе отличалось гораздо большей сдержанностью, чѣмъ совѣты Макарія. Правда, Паисій восхвалялъ Никона за пастырскую ревность, за его опасенія впасть хотя бы въ малыя погрѣшности и призывалъ Русскую Церковь къ полному единенію съ Греческой («да будемъ, писалъ, онъ всегда заодно какъ въ единой вѣрѣ и единомъ крещеніи, такъ и въ единомъ исповѣданіи, одно и то же говоря всегда одними устами и единымъ сердцемъ, чтобы не разногласить другъ съ другомъ ни въ чемъ»); однако вмѣстѣ съ тѣмъ онъ утверждалъ, что «не слѣдуетъ намъ думать, будто извращается наша православная вѣра, если кто-нибудь имѣетъ чинопослѣдованіе (т. е. порядокъ совершенія службъ), нѣсколько отличающееся въ вещахъ, которыя не принадлежатъ къ числу существенныхъ или членовъ вѣры: лишь бы соглашался въ важныхъ и главныхъ съ каѳолическою (т. е. вселенскою, православною) Церковію». Вообще Паисій, рекомендуя «стараться» согласоваться съ греческимъ чиномъ, высказывалъ весьма терпимый взглядъ на различіе въ «порядкахъ неважныхъ и несущественныхъ», находя, что оно «не должно производить никакого раздѣленія, если только сохраняется неизмѣнно одна и та же вѣра».

«Церковь наша, писалъ Паисій, не съ самаго начала получила

тотъ уставъ чинопослѣдованій, который содержитъ въ настоящее время, а мало-по-малу». Въ подтвержденіе этой общей мысли онъ привелъ изъ исторіи восточныхъ Церквей нѣсколько примѣровъ замѣны устарѣвшихъ церковныхъ обычаевъ новыми и существованія обрядовыхъ различій помѣстныхъ Церквей, которыя «не могли служить основаніемъ признавать ихъ еретическими или схизматическими». Вмѣстѣ съ тѣмъ константинопольскій патріархъ высказалъ мысль о безразличіи перстосложенія для архіерейскаго или іерейскаго благословенія, лишь бы перстами были выражены буквы имени Іисуса Христа.

О перстосложеніи при крестномъ знаменіи Паисій ограничился замѣчаніемъ, что всѣ восточные христіане имѣютъ древнее обыкновеніе, принятое по преданію, креститься тремя перстами, и разъяснилъ смыслъ троеперстія, не сказавъ однако ничего о неправильности и недопустимости русскаго двоеперстія. Вообще, при всей своей обстоятельности и поучительности, отвѣтъ Паисія не содержалъ (да едва ли и могъ содержать) опредѣленной оцѣнки многихъ русскихъ обрядовъ и не объяснялъ, почему стали они отличаться отъ установившихся у грековъ.

Е. Взглядъ современной исторической науки на причины обрядовыхъ различій Русской и Греческой Церквей.

Такое объясненіе въ настоящее время дано богословской и исторической наукой. Книжныя разночтенія, по мнѣнію ученыхъ, происходили обыкновенно отъ ошибокъ и погрѣшностей русскихъ при переводѣ и перепискѣ. Возможности ихъ не отрицали и ревнители русскаго благочестія и, какъ извѣстно, не противились начавшемуся издавна исправленію русскихъ богослужебныхъ книгъ по старинным славянскимъ рукописямъ и даже древнимъ греческимъ книгамъ, появившимся до Флорентійской уніи.

Иначе, по мнѣнію историка (Каптерева), обстояло дѣло съ обрядами. Греческая Церковь, вырабатывавшая издревле и постепенно православные обряды, не смотрѣла на нихъ какъ на нѣчто неподвижное и навсегда непреложное, видоизмѣняла ихъ въ зависимости отъ разныхъ причинъ и всегда допускала нѣкоторое разнообразіе въ церковныхъ службахъ, чинахъ и обрядахъ, лишь бы въ нихъ выражалась одна и та же мысль, исповѣдывалось ими одно и то же вѣроученіе; поэтому нѣкоторые обряды, признанные греками устарѣвшими или дающими поводъ къ неправильному толкованію, были съ теченіемъ времени замѣнены новыми, болѣе соотвѣтствующими выражаемой въ нихъ мысли. Такъ, напр., древнѣйшее единоперстное крестное знаменіе замѣнено было въ IX вѣкѣ, съ цѣлью противодѣйствія ереси монофизитовъ, двоеперстіемъ, которое, установившись у грековъ, перешло и на Русь. Однако, вслѣдствіе попытокъ приверженцевъ несторіанской ереси воспользоваться двоеперстіемъ для подтвержденія своего еретическаго ученія, православные

греки съ конца XII и съ XIII в. стали устанавливать у себя троеперстіе, которое и сдѣлалось наконецъ господствующимъ, какъ совершеннѣе всего выражающее догматъ Св. Троицы. На примѣрѣ крестнаго знаменія видно, что въ силу церковно-историческихъ условій греки допускали измѣненіе благочестивыхъ обрядовъ, при условіи соотвѣтствія ихъ смыслу православнаго ученія. Вслѣдствіе этого позднѣйшіе греческіе обряды и сдѣлались несходными съ болѣе ранними, перенесенными въ свое время на Русь и оставшимися здѣсь безъ измѣненій. Неизмѣняемость ихъ на Руси объясняется тѣмъ, что у русскихъ преобладалъ иной, чѣмъ у грековъ, взглядъ на обряды. Русскіе не вырабатывали ихъ, а вмѣстѣ съ христіанской вѣрой получили уже законченную готовую систему обрядовъ, приписывали имъ поэтому божественное происхожденіе, чтили ихъ наравнѣ съ вѣроученіемъ, требовали ихъ безусловнаго единообразія и неизмѣнности, и имѣющихъ другіе обряды признавали почти что иновѣрцами.

Никонъ, какъ сынъ своего народа, вполнѣ раздѣлялъ такую русскую точку зрѣнія на обрядъ и въ этомъ исходномъ пунктѣ совершенно сходился со своими противниками, такъ же, какъ они, въ измѣненіи обряда видѣлъ измѣненіе вѣры. Но дальше, какъ сказано выше, между ними начинались непримиримыя разногласія. Противники Никона считали московское православіе ни въ чемъ неизмѣненнымъ съ самаго начала и потому истиннымъ, грековъ же, напротивъ, подозрѣвали во многихъ новшествахъ, а значитъ, съ русской точки зрѣнія, и въ отступленіи отъ истины. Многія основанія питали эти подозрѣнія: русскіе знали о томъ, что Византійская имперія была одно время подъ властью латинянъ (крестоносцевъ), придавали преувеличенное значеніе уніи, вѣрили въ легенду, будто бы послѣ турецкаго завоеванія латиняне сожгли греческія древнія книги и вмѣсто нихъ выпустили новыя, испорченныя ересями; сами пріѣзжіе въ Москву греки жаловались, что, не имѣя собственной типографіи, они должны печатать книги на чужбинѣ—въ Венеціи, и выражали сомнѣнія въ добросовѣстности печатниковъ; сами греки до начала Никоновской реформы восхваляли святость московскаго православія и неприкосновенность ихъ спасительныхъ обрядовъ. Все это побуждало противниковъ Никона видѣть въ его преобразованіяхъ «разореніе истинной вѣры», введеніе ереси. Никонъ, какъ мы знаемъ, разсуждалъ какъ разъ наоборотъ. Греческую Церковь онъ считалъ истинной и именно поэтому ни въ чемъ неизмѣнной, сохранившей древнѣйшіе обряды. Съ ихъ исторіей онъ не былъ знакомъ, да и не могъ ознакомиться съ нею при современныхъ ему условіяхъ московскаго просвѣщенія, о развитіи котораго онъ, впрочемъ, не позаботился и тогда, когда сталъ патріархомъ и всемогущимъ царскимъ любимцемъ. Греческую точку зрѣнія на обрядъ онъ могъ бы усвоить изъ посланія Паисія, но, во-первыхъ, оно пришло уже тогда, когда реформа была въ полномъ ходу, во-вторыхъ, его содержаніе было все же таково,

что допускало толкованія и въ желательномъ для Никона смыслѣ, въ-третьихъ, авторитетный въ его глазахъ Макарій всѣми силами поощрялъ его, принимая какъ бы на себя всю отвѣтственность за реформу. Поэтому-то Никонъ и производилъ свои преобразованія не съ греческой точки зрѣнія, а какъ русскій ревнитель обрядоваго благочестія, но въ то же время страстный грекофилъ. Согласуя Русскую Церковь съ современной ему Греческой и не подозрѣвая, что послѣдняя кое-въ-чемъ измѣнила древніе обряды, онъ во все время своего патріаршества свято вѣрилъ, что своими преобразованіями онъ искореняетъ въ Русской Церкви важныя, недопустимыя погрѣшности, «неправые и нововводные» обряды (бывшіе на самомъ дѣлѣ именно древними) и возвращаетъ ее къ древнему истинному благочестію.

Ж. Исправленіе богослужебныхъ книгъ.

Одновременно съ церковно-обрядовою реформою производился также пересмотръ русскихъ богослужебныхъ книгъ. Не зная греческаго языка, Никонъ не могъ принять непосредственнаго участія въ такомъ пересмотрѣ и долженъ былъ ограничиться только общимъ руководствомъ этимъ дѣломъ. Онъ требовалъ, чтобы русскія книги исправлялись на основаніи древнихъ рукописей славянскихъ и греческихъ, привезенныхъ Арсеніемъ Сухановымъ съ Православнаго Востока. Но справщики не въ состояніи были исполнить этого требованія, такъ какъ сличеніе рукописныхъ списковъ, составлявшихся въ такое время, когда общіе чины церковныхъ службъ еще не установились окончательно, обнаружило ихъ несходство другъ съ другомъ; предпочтеніе же какого-нибудь одного древняго списка другимъ вело къ значительнымъ уклоненіямъ отъ современной греческой церковной практики, вырабатывавшейся постепенно цѣлыми вѣками, а не основанной на какомъ-нибудь одномъ спискѣ. Поэтому волей-неволей справщики должны были руководствоваться позднѣйшимъ печатнымъ изданіемъ греческаго служебника, лишь провѣряя его по своему усмотрѣнію рукописными списками. Слухи о томъ, что за образецъ для русскихъ книгъ приняты поздніе греческія, напечатанныя въ иновѣрной Венеціи, вызывали большую тревогу. Не малыя подозрѣнія возбуждала также личность одного изъ главныхъ справщиковъ,—Арсенія, по прозванію Грека, питомца греческой іезуитской коллегіи въ Римѣ, весьма плохо аттестованнаго іерусалимскимъ патріархомъ и отбывавшаго на Руси наказаніе въ Соловецкомъ монастырѣ. Справщики-малороссіяне, кичившіеся своею ученостью и подчасъ слишкомъ уже усердствовавшіе въ исправленіи книгъ, служили также мишенью злобныхъ нападковъ: ихъ считали «папежниками», орудіями папы, вносившими въ русскія книги латинскія ереси. Однако патріархъ вовсе не принималъ въ соображеніе недовѣрія москвичей къ чужеземцамъ-справщикамъ.

§ 4. Отношеніе современниковъ къ Никону.

Новое побужденіе къ настойчивому проведенію реформы Никонъ усмотрѣлъ въ томъ, что изданная имъ книга «Скрижаль», осуждавшая несходные съ греческими русскіе обряды, была одобрена четырьмя восточными патріархами. Это дало ему поводъ считать своихъ противниковъ ослушниками Вселенской Церкви. Авторитетъ ея поколебалъ сопротивленіе лишь нѣкоторыхъ недовольныхъ; такъ, напр., ихъ первый глава Иванъ Нероновъ (принявшій въ монашествѣ имя старца Григорія) убоялся быть въ «раздорѣ» со вселенскими патріархами и, затаивъ глубокую вражду противъ Никона, просилъ о сложеніи съ него того проклятія, которому предалъ его соборъ 1656 г.; онъ примирился съ Церковью, добившись однако для себя разрѣшенія совершать богослуженіе по старымъ требникамъ. Но Нероновъ представлялъ собою исключеніе среди ревнителей русскаго благочестія: будучи когда-то очень близокъ къ грекофилу архимандриту Діонисію (прославившемуся въ Смутное время) и къ Филарету и проникшись ихъ взглядами, онъ не отрицалъ православія грековъ и возмущался поэтому не столько существомъ Никоновской реформы, сколько первоначальнымъ способомъ проведенія ея. Другіе провинціальные ревнители не послѣдовали примѣру Неронова, хотя высоко чтили его за подвиги благочестія и благотворительности, и не прекратили своей ожесточенной борьбы съ Никономъ. Гонимые и безпощадно преслѣдуемые имъ, они заслужили въ глазахъ значительной части народа ореолъ мучениковъ и разносили во всѣ концы Русской земли непріязнь къ патріарху, котораго они не стѣснялись называть «злымъ еретикомъ», «слугой антихриста».

А. Иванъ Нероновъ.

Особенно неистовствовалъ противъ Никона фанатичный, нетерпимый протопопъ Аввакумъ, сдѣлавшійся пламеннымъ вдохновителемъ всѣхъ приверженцевъ «старой вѣры».

Б. Аввакумъ.

Аввакумъ—одна изъ интереснѣйшихъ личностей второй половины XVII вѣка. Въ молодости онъ прославился какъ великій подвижникъ и ревнитель благочестія, доведшій пастырскую строгость до того, что прихожане его церквей не разъ поднимали противъ него открытый бунтъ. Затѣмъ онъ стяжалъ себѣ въ глазахъ приверженцевъ ореолъ святого мученика своимъ десятилѣтнимъ пребываніемъ въ Сибири, куда онъ посланъ былъ Никономъ и гдѣ съ поразительною стойкостью переносилъ безчисленныя преслѣдованія и страданія. Стойкость Аввакума объясняется его непоколебимой вѣрой въ то, что онъ—избранникъ Божій, призванный свыше на борьбу за правую вѣру, что Богъ непрестанно подкрѣпляетъ его къ дальнѣйшимъ подвигамъ чудесными знаменіями и видѣніями. Самомнѣніе Аввакума

было огромное: онъ искренно считалъ себя святымъ угодникомъ и чудотворцемъ, утверждалъ, что черезъ него глаголетъ Св. Духъ, что «Сынъ Божій покорилъ ему за темничное сидѣніе небо и землю». Въ своихъ многочисленныхъ посланіяхъ къ Алексѣю Михайловичу, то кроткихъ и примирительныхъ, то грозныхъ, исполненныхъ вражды, Аввакумъ или покровительственно называлъ царя «миленькій», «Алексѣюшко», «Михайловичъ» и т. п., или предвѣщалъ ему всякія бѣдствія и кары. Убѣжденіе въ святости связывалось у Аввакума съ безудержной, безпредѣльной ненавистью къ Никону, котораго онъ почти не зналъ лично, и къ никоніанамъ. Какихъ только злобныхъ ругательствъ и проклятій не изрекалъ онъ на нихъ. Онъ не останавливался даже передъ пожеланіемъ, чтобы турки и татары стерли съ земли всѣхъ никоніанъ. Нетерпимость протопопа не знала границъ. Къ этому присоединялась большая узость: его міровоззрѣніе исчерпывалось, въ сущности, слѣдующими словами: «мучься за сложеніе перстъ, не разсуждай много. До насъ положено: лежи оно такъ во вѣки вѣкомъ; кто хотя малое перемѣнитъ, да будетъ проклятъ». Считая единственнымъ источникомъ истины старопечатныя, до-никоновскія книги, онъ, вслѣдствіе скудости образованія, не всегда правильно понималъ ихъ и дѣлалъ подчасъ ошибки въ толкованіи важнѣйшихъ догматовъ христіанства. Точно кичась отсутствіемъ научныхъ познаній, протопопъ при всякомъ удобномъ случаѣ съ озлобленіемъ нападалъ на науку, выставлялъ себя ея заклятымъ врагомъ. Указанные крупные недостатки Аввакума едва ли могутъ быть вполнѣ искуплены многими его несомнѣнными достоинствами: нравственной безупречностью, глубокой честностью, безпредѣльною стойкостью убѣжденій и неподкупностью, готовностью на самопожертвованіе и на мученическую смерть за идею, и едва ли не правъ одинъ новѣйшій историкъ, который, не отрицая нравственныхъ достоинствъ Аввакума, называетъ его однако «колоссомъ на глиняныхъ ногахъ».

В. Отношеніе къ Никону духовенства и мірянъ.

Не одни ревнители «старой вѣры» въ родѣ Аввакума, открыто и сознательно шедшіе на разрывъ съ управляемою Никономъ Церковью, возстали противъ исправленія обрядовъ и богослужебныхъ книгъ: никоновской реформой возмущались также многіе представители духовенства, отнюдь не думавшіе порывать связей съ Церковью. Нѣкоторые малообразованные русскіе священники тяготились ново-исправленными книгами просто потому, что изъ-за нихъ приходилось заново переучивать богослуженіе, другіе видѣли въ нихъ многія «погрѣшности и превраты», а въ самой реформѣ, подобно ревнителямъ «старой вѣры», усматривали обидное униженіе прославленнаго прошлаго Русской Церкви. Сдѣлавъ своими врагами приверженцевъ старины, Никонъ оттолкнулъ отъ себя и немногочисленныхъ предтечей будущаго культурнаго сближенія Россіи

съ Западомъ, встрѣчавшихся уже въ то время въ Москвѣ, такъ какъ, насколько патріархъ чтилъ грековъ, настолько же ненавидѣлъ «латинянъ» и въ своемъ гоненіи на все «латинское» доходилъ до крайности. Такъ, напр., однажды онъ приказалъ собрать отовсюду иконы-картины «франкскаго письма» (т. е. нарисованныя по заграничнымъ образцамъ) и на глазахъ народа въ церкви сталъ разбивать ихъ, грозя анаѳемой каждому, кто будетъ писать или держать ихъ у себя.

Пока Никонъ былъ всемогущимъ царскимъ любимцемъ, онъ справлялся съ недовольствомъ своихъ противниковъ, но оно шумно вылилось наружу, когда, какъ увидимъ, положеніе патріарха пошатнулось.

Причина паденія Никона лежала не въ его церковной реформѣ, которой, какъ извѣстно, всецѣло сочувствовалъ царь, а въ его властолюбіи, заносчивости и жестокости, которыми онъ возстановилъ противъ себя огромное большинство современниковъ, а также въ его теократическихъ стремленіяхъ, которыми онъ задѣлъ самого Алексѣя Михайловича.

Какъ архипастырь, Никонъ создалъ себѣ репутацію высокомѣрнаго, нетерпимаго, строптиваго, безпощаднаго и эгоистичнаго человѣка. Считая санъ патріарха неизмѣримо болѣе высокимъ, чѣмъ епископскій, онъ относился свысока къ русскимъ архіереямъ, требовалъ отъ нихъ рабской покорности, очень пренебрежительно отзывался о нихъ, подвергалъ ихъ всевозможнымъ униженіямъ и строгимъ взысканіямъ (онъ не постѣснялся накричать даже на пріѣзжаго сербскаго патріарха Гавріила и сильно выбранилъ его). Рядовое духовенство было въ его глазахъ полнѣйшимъ ничтожествомъ. Онъ сомнѣвался даже въ законности полномочія священниковъ отпускать грѣхи. Усвоивъ презрительный взглядъ на низшее духовенство, не считая нужнымъ даже думать объ его интересахъ, онъ не сдѣлалъ ничего для обузданія вопіющихъ злоупотребленій своихъ патріаршихъ должностныхъ лицъ изъ мірянъ и для улучшенія безправнаго, отчаяннаго положенія сельскихъ священниковъ, а только жестоко каралъ ихъ за малѣйшія провинности: монахи и священники подвергались, по его повелѣнію, палочнымъ ударамъ, пыткамъ, осуждались иногда чуть не на голодную смерть. По словамъ Неронова, онъ былъ страшилищемъ для всего духовенства, и его называли «звѣремъ лютымъ, львомъ, медвѣдемъ или волкомъ». Пріѣзжій, расположенный къ Никону грекъ также не скрываетъ, что патріарха считали «тираномъ». Естественно, что духовенство искало защиты отъ патріарха у царя и засыпало его челобитьями. Прилагая всѣ усилія къ тому, чтобы возвеличить свою власть, Никонъ окружилъ себя роскошью и блескомъ: онъ выстроилъ три великолѣпныхъ новыхъ монастыря: Воскресенскій («Новый Іерусалимъ»), Иверскій и Крестовый, приписалъ къ нимъ четырнадцать старыхъ съ обширными землями (все это со-

ставляло какъ бы личную собственность его), пріобрѣталъ, вопреки Соборному Уложенію, новыя вотчины, завелъ для себя столь пышное и столь унизанное драгоцѣнными каменьями облаченіе, что едва могъ выносить его тяжесть, блисталъ богатствомъ своего домашняго обихода, любилъ, по выраженію современника, «стоять высоко, ѣздить широко». Несмотря на колоссальныя средства, онъ не стѣснялся для пріумноженія ихъ выпрашивать новыя пожертвованія, жалуясь въ письмахъ къ царю на свою нужду и оскудѣніе, на недостатокъ денегъ и хлѣба, грозящій ему «голодною смертью».

§ 5. Теократическія стремленія Никона.

Безраздѣльно и неограниченно властвуя въ области церковнаго управленія, сдѣлавъ изъ своей епархіи какъ бы самостоятельный удѣлъ (Монастырскій приказъ былъ безсиленъ надъ нимъ) и добившись независимости Церкви отъ государства, Никонъ поставилъ себѣ цѣлью стать наравнѣ съ царемъ и даже подчинить свѣтскую власть духовной, установить свой верховный надзоръ надъ всѣми государственными дѣлами. Свое убѣжденіе въ томъ, что «священство выше царства», что «царь имать быти менѣе архіерея», Никонъ доказывалъ тѣми же теократическими теоріями, которыми пользовались средневѣковые папы (напр., уподобленіе архіерейской власти солнцу и душѣ, а царской — лунѣ и тѣлу; теорія двухъ мечей-символовъ духовной и свѣтской власти; легенда о дарѣ императора Константина папѣ Сильвестру; въ качествѣ аргумента Никонъ приводилъ и то, что «не отъ царей начальство священства пріемлется, но отъ священства на царство помазуются» и т. д.). Теократическія притязанія патріарха долгое время не встрѣчали никакого отпора со стороны царя. Даже напротивъ, юный царь, вполнѣ поддавшійся вліянію властной и умной натуры своего любимца и ослѣпленный безграничнымъ расположеніемъ къ нему, видѣлъ въ немъ идеалъ не только архипастыря, но и государственнаго мужа, намѣренно подчеркивалъ свое смиреніе передъ нимъ, выдвигалъ Никона на первый планъ и привлекалъ его къ рѣшенію правительственныхъ дѣлъ.

Когда нѣкоторыя обращавшіяся къ патріарху лица, желая польстить ему, стали величать его титуломъ «великій государь», присвоеннымъ только царю, Алексѣй Михайловичъ въ своихъ посланіяхъ къ Никону также началъ называть его «великимъ государемъ». Патріархъ ухватился за новый титулъ, чтобы обосновать теорію «двоевластія»: въ предисловіи къ служебнику 1655 года онъ объявлялъ, что «Богъ избралъ въ начальство людямъ своимъ сію премудрую двоицу: великаго государя царя Алексѣя Михаиловича и великаго государя святѣйшаго Никона патріарха», и указывалъ далѣе,

что «подъ единымъ ихъ государскимъ повелѣніемъ находится православный народъ».

Двухлѣтнее отсутствіе царя, отправившагося на войну съ Польшей (1654—56), дало возможность Никону примѣнить свою теорію на практикѣ: въ качествѣ «великаго государя» онъ, по порученію царя, сдѣлался на это время неограниченнымъ правителемъ всего государства и широко пользовался своею властью: сосредоточивъ въ своихъ рукахъ все внутреннее управленіе, онъ живо интересовался и военными дѣлами: давалъ совѣты царю, дѣлалъ указанія воеводамъ, снаряжалъ на свои средства войска. Проявляя крупныя административныя способности, Никонъ вооружилъ однако противъ себя всѣхъ московскихъ вельможъ своимъ безудержнымъ высокомѣріемъ; онъ заставлялъ ихъ подолгу на стужѣ у крыльца дожидаться пріема, требовалъ отъ нихъ земныхъ поклоновъ, наводилъ на нихъ трепетъ своимъ обращеніемъ. Вставъ рядомъ съ царемъ, Никонъ едва ли не заслонилъ его собою: въ пылу раздраженія онъ не стѣснялся рѣзко отзываться о царѣ, со злобой говорилъ о Соборномъ Уложеніи (а между тѣмъ эту «проклятую книгу съ законами Антихриста», какъ онъ называлъ Уложеніе, онъ самъ подписалъ въ бытность свою новоспасскимъ архимандритомъ). По утвержденію одного пріѣзжаго грека, вельможи боялись патріарха больше, чѣмъ царя. Это подтверждается и словами Неронова: «Дивлюся, говорилъ онъ Никону, государевы царевы власти уже не слышать; отъ тебя всѣмъ страхъ, и твои посланники паче царевыхъ всѣмъ страшны»...

Изъ изложеннаго видно, что Никонъ, стремился какъ бы воскресить то двоевластіе, которое было когда-то при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и Филаретѣ. Исключительное положеніе Филарета обусловливалось, какъ мы знаемъ, не его патріаршимъ саномъ, а лишь родствомъ съ царемъ. Равнымъ образомъ, исключительное положеніе Никона зависѣло только отъ дружбы и милости царя. Однако Никонъ думалъ иначе: свое возвышеніе и вліяніе онъ считалъ не случайнымъ результатомъ царской милости, а неотъемлемой принадлежностью званія патріарха; дарованныя ему, какъ царскому любимцу, преимущества онъ хотѣлъ превратить въ законныя патріаршія права [1]).

---

[1]) Воззрѣнія Никона не были вполнѣ новыми, небывалыми на Руси. Провозвѣстникомъ его идей, «Никономъ въ миніатюрѣ» можетъ считаться новгородскій митрополитъ Кипріанъ (на новгородской каѳедрѣ онъ былъ между 1627 и 1633 г.г.). Подобно Никону, Кипріанъ стремился къ полной независимости отъ свѣтской власти протестовалъ противъ ея вмѣшательства въ дѣла своей епархіи, чувствовалъ себя въ ней какимъ-то удѣльнымъ князькомъ, величалъ себя государемъ-митрополитомъ, отличался большою гордостью и строптивостью и даже вводилъ у себя церковныя новшества—«свой чинъ богослуженія». Не желая считаться съ правительственною властью, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ также противникомъ полнаго подчиненія епископовъ патріарху и пренебрежительно относился къ повелѣніямъ Филарета. Поэтому Кипріана можно считать предшественникомъ не только Никона, но и русскихъ «свободныхъ архіереевъ» Павла и Илларіона, о дѣятельности которыхъ будетъ сказано ниже.

Теократическіе взгляды Никона раздѣлялись нѣкоторыми русскими архіереями, но были совершенно чужды большинству русскаго народа. Къ тому же Никонъ проводилъ ихъ не только безъ всякой постепенности и осторожности, но даже съ большимъ задоромъ, задѣвшимъ сперва бояръ, а затѣмъ и самого царя. Въ глазахъ бояръ патріархъ уже давно былъ надменнымъ временщикомъ, злоупотреблявшимъ случайно доставшейся ему властью. Царю также въ концѣ концовъ Никонъ могъ показаться слишкомъ зазнавшимся другомъ.

§ 6. Ссора Никона съ царемъ.

А. Причины охлажденія между ними.

Послѣ польскаго похода Алексѣй Михайловичъ, быть можетъ подъ вліяніемъ навѣтовъ бояръ, а быть можетъ просто сдѣлавшись съ годами болѣе самостоятельнымъ и пристальнѣе вглядѣвшись въ Никона, сталъ тяготиться его опекой и охладѣвать къ нему. Исключительное господство патріарха въ церковныхъ дѣлахъ могло казаться теперь Алексѣю Михайловичу несоотвѣтствующимъ исконному московскому порядку, пріучившему московскихъ царей заботиться о дѣлахъ вѣры и благочестія. Вмѣшательство Никона въ свѣтскія дѣла и его титулованіе «великимъ государемъ» стали представляться теперь царю превышеніемъ власти. Если бы Никонъ, уловивъ перемѣну въ настроеніи царя, сумѣлъ спуститься съ пьедестала «великаго государя» на обычное мѣсто московскаго патріарха, то, конечно, царь сохранилъ бы къ нему сердечную дружбу. Но по свойствамъ своей натуры, глубоко проникнутой теократическими убѣжденіями, Никонъ неспособенъ былъ отступать. Къ тому же, переоцѣнивая по старой привычкѣ свое вліяніе на Алексѣя Михайловича, онъ былъ увѣренъ, что не ему нужно приспособляться къ царю, а, напротивъ, царю къ нему. Поэтому, въ отвѣтъ на охлажденіе царя онъ только озлобился и сталъ непомѣрно раздувать малѣйшіе признаки царской немилости или невниманія. Лѣтомъ 1658 года онъ поднялъ бурю изъ-за того, что во время чествованія пріѣхавшаго въ Москву грузинскаго царевича (Теймураза) одинъ изъ патріаршихъ служилыхъ людей кн. Мещерскій былъ избитъ въ толпѣ окольничимъ Хитрово, и что послѣдній не понесъ за это наказанія.

Б. Оставленіе Никономъ патріаршества и разрывъ его съ царемъ.

Увидѣвъ, что его негодованіе не произвело желаннаго впечатлѣнія, Никонъ рѣшился на смѣлый вызовъ: 10 іюля 1658 года послѣ службы въ Успенскомъ соборѣ, на которую, вопреки его ожиданіямъ, не явился царь, онъ торжественно объявилъ народу, что «не достоинъ быть патріархомъ и болѣе не будетъ имъ». Никонъ, очевидно, ждалъ, что царь ни

въ коемъ случаѣ не допуститъ его отреченія и будетъ умолять его остаться патріархомъ. Но Алексѣй Михайловичъ, узнавъ о случившемся, не пошелъ самъ къ Никону, а послалъ одного изъ знатнѣйшихъ бояръ, кн. Трубецкого, чтобы уговорить Никона не покидать патріаршества. Никонъ счелъ это недостаточнымъ и черезъ сутки уѣхалъ въ свой Воскресенскій монастырь.

Съ этого и пошла долголѣтняя томительная ссора Алексѣя Михайловича съ Никономъ, во время которой послѣдній выказалъ крайнюю непослѣдовательность, страшную раздражительность и полное неумѣніе владѣть собою. Всецѣло отдавшись гнѣву изъ-за уязвленнаго личнаго самолюбія и тратя всѣ силы на доказательство правоты своихъ теократическихъ притязаній, Никонъ обнаружилъ теперь полное равнодушіе къ другой своей идеѣ—къ сближенію Русской Церкви съ Греческой, ради котораго онъ прежде такъ ревностно проводилъ церковную реформу. Этимъ, конечно, воспользовались многочисленные противники ея. Они воспрянули духомъ: повсюду раздавалась ихъ проповѣдь съ пламенными призывами къ древнему благочестію, появилась обширная противо-никоновская литература, отличавшаяся, впрочемъ, не столько глубокомысліемъ, сколько страстностью; каждый священникъ, по своему усмотрѣнію, служилъ или по старымъ или по ново-исправленнымъ книгамъ. Поддержаніе реформы пало всею тяжестью на плечи царя, такъ какъ, въ виду непослѣдовательнаго поведенія Никона, постоянно переходившаго отъ обостренія ссоры къ попыткамъ примиренія и, несмотря на свое отреченіе, продолжавшаго считать себя патріархомъ, Алексѣй Михайловичъ не рѣшался избирать ему преемника.

Никонъ, дѣйствительно, проявилъ крайнюю непослѣдовательность и въ объясненіи причинъ своего отреченія, и въ своихъ отношеніяхъ къ царю, и въ вопросѣ о назначеніи новаго патріарха. Свое отреченіе отъ патріаршества онъ объяснялъ то болѣзнью, то случаемъ съ Мещерскимъ, то обидами царя, который будто бы захватилъ все церковное управленіе и предалъ поруганію патріаршій санъ, то тѣмъ, что и царь, и дворъ, и весь народъ «небрегутъ церковный чинъ и творятъ многія беззаконія», то просто желаніемъ, чтобы царю было безъ него «просторнѣе». Тонъ посланій Никона къ царю—въ высшей степени невыдержанный: то онъ вспоминаетъ прежнюю дружбу и проситъ царя перестать гнѣваться, то упрекаетъ его въ «дерзновеніи» (за то, что, по царскому повелѣнію, былъ сдѣланъ обыскъ въ московскихъ патріаршихъ хоромахъ), въ хулѣ на Духа Святого и даже ставитъ ему въ примѣръ ордынскихъ царей: они, по словамъ Никона, не вступались ни во что церковное, а Монастырскій приказъ осмѣливается судить принадлежащихъ Никону крестьянъ. Проигравъ земельную тяжбу съ сосѣдомъ по Воскресенскому монастырю Боборыкинымъ, Никонъ произнесъ въ церкви такое проклятіе, которое при извѣстномъ толкованіи могло быть отнесено и къ царю. Во

время рѣзкихъ препирательствъ съ допрашивавшими его боярами (Стрешневымъ и другими) онъ также пригрозилъ, что «оточтетъ» (т. е. отлучитъ) царя отъ христіанства. Столь же невыдержаннымъ было отношеніе Никона къ вопросу объ избраніи преемника. Первоначально онъ какъ бы окончательно отказался отъ патріаршества, заявивъ, что, «если похочу быть патріархомъ, проклятъ буду и анаѳема», давъ согласіе на поставленіе блюстителя патріаршаго престола и называя себя «бывшимъ патріархомъ». Но впослѣдствіи онъ началъ колебаться: онъ грозно обрушился на блюстителя, когда тотъ сталъ исполнять патріаршія обязанности; далѣе, онъ утверждалъ, что, хотя онъ не зовется московскимъ патріархомъ и не будетъ зваться, тѣмъ не менѣе благодать остается на немъ и патріаршества онъ не оставилъ, и что только ему принадлежитъ право поставленія новаго патріарха; наконецъ, Никонъ сталъ говорить, будто онъ покинулъ патріаршество лишь на время, и будто царь пытками вынудилъ свидѣтельскія показанія объ его отреченіи. Однимъ словомъ, Никонъ всячески затруднялъ выборы новаго патріарха и запутывалъ дѣло.

В. Отношеніе русскаго духовенства и восточныхъ іерарховъ къ дѣлу Никона.

За разрѣшеніемъ затрудненій Алексѣй Михайловичъ обратился прежде всего къ многолюдному собору русскаго духовенства, созванному въ 1660 году. Послѣдній высказался за поставленіе новаго патріарха, но не пришелъ къ единогласному заключенію относительно дальнѣйшей судьбы Никона (одни изъ членовъ собора стояли за лишеніе его только патріаршаго сана, другіе хотѣли лишить его также архіерейства). На помощь русскому духовенству привлечено было трое заѣзжихъ греческихъ архіереевъ. Сперва они высказались въ томъ смыслѣ, что рѣшеніе участи Никона зависитъ лишь отъ государя, и даже ходатайствовали за него передъ Алексѣемъ Михайловичемъ, но, убѣдившись, что звѣзда Никона безвозвратно закатилась, они рѣзко перемѣнили фронтъ и подыскали церковное правило, на основаніи котораго Никонъ подлежалъ лишенію не только архіерейства, но и священства. Однако ученый справщикъ книгъ — Славинецкій—доказалъ подложность этого правила и старался увѣрить государя, что патріархъ не подлежитъ заочному суду помѣстнаго (не вселенскаго) собора. Подобное же мнѣніе представилъ и одинъ почтенный архимандритъ (Іевлевичъ). При такихъ условіяхъ Алексѣй Михайловичъ не отважился исполнить соборнаго постановленія объ избраніи новаго патріарха, и дѣло снова затянулось.

Въ началѣ 1662 года въ Москву явился беззастѣнчивый и безпринципный авантюристъ — грекъ Паисій Лигаридъ, отличавшійся ученымъ крючкотворствомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ — весьма темнымъ прошлымъ: по слухамъ, онъ былъ воспитанникомъ іезуитовъ и измѣнялъ даже православію; за самовольное оставленіе газской митрополіи онъ былъ лишенъ сана іерусалимскимъ патріархомъ и вообще

пользовался самою печальною славою на православномъ Востокѣ. Этотъ бродячій іерархъ, пріѣхавшій въ Москву на ловлю счастья и денегъ, вслѣдствіе своей изворотливости и вкрадчивости сумѣлъ прикинуться святошей и столпомъ православія, овладѣлъ расположеніемъ довѣрчиваго царя и оказался мастеромъ на всѣ руки: онъ выманивалъ у Алексѣя Михайловича огромныя суммы, якобы на нужды своей газской паствы, занимался торговлей, спекуляціями съ мѣдными деньгами, а также и очень некрасивыми продѣлками. Все это сходило ему съ рукъ подъ шумокъ той видной роли, которую онъ игралъ въ дѣлѣ Никона. Послѣдній сразу попался впросакъ: не разузнавъ какъ слѣдуетъ Лигарида, Никонъ надѣялся найти въ немъ, какъ въ грекѣ, своего защитника и обратился къ нему съ посланіемъ, содержащимъ рядъ самыхъ рѣзкихъ и несправедливыхъ нападокъ на царя. Лигаридъ же воспользовался этимъ посланіемъ для того, чтобы окончательно погубить Никона: раздувая всѣми силами проступки бывшаго патріарха, Лигаридъ вполнѣ убѣдилъ царя въ его безусловной виновности, составилъ противъ него обширный обвинительный актъ (въ отвѣтъ на вопросы о виновности Никона, поставленные, по порученію царя, боярином Стрешневымъ), одобрилъ постановленіе собора 1660 года и посовѣтовалъ Алексѣю Михайловичу обратиться къ восточнымъ патріархамъ съ запросомъ о Никонѣ и съ просьбой пріѣхать судить его.

Патріаршіе отвѣты пришли только весною 1664 года. Вопросъ объ отношеніи свѣтской власти къ духовной разрѣшался въ нихъ самымъ невыгоднымъ для Никона образомъ: по смыслу этихъ отвѣтовъ, патріархъ не только не имѣлъ права вмѣшиваться въ мірскія дѣла, но долженъ былъ еще состоять въ полномъ повиновеніи у царя. («Царь, писалось въ патріаршей грамотѣ,— совершенный господинъ и единый законодавецъ всѣхъ дѣлъ гражданскихъ; патріархъ же — послушливъ царю, ниже коимъ обычаемъ можетъ господствовати въ дѣлѣхъ гражданскихъ»... Царь — намѣстникъ Бога на землѣ; слово царя — законъ; патріархъ подлежитъ суду царскому и обязанъ повиноваться не только царю, но и его семьѣ). Однако къ самому Никону не всѣ восточные патріархи отнеслись сурово: и Нектарій іерусалимскій и Діонисій константинопольскій предлагали даже вернуть его на патріаршій престолъ или отдать его на судъ собора русскаго духовенства. Находившіеся въ Москвѣ греки также далеко не всѣ были согласны съ Лигаридомъ: такъ напр., митрополитъ иконійскій Аѳанасій горячо защищалъ Никона и увѣрялъ, что патріаршія подписи на присланной грамотѣ подложны. Доказать этого ему не удалось, но зато онъ доказалъ подложность того указа, на основаніи котораго Лигаридъ выдавалъ себя за экзарха, т. е. намѣстника, константинопольскаго патріарха: послѣдній, какъ оказалось, не только не давалъ Лигариду никакихъ полномочій, но даже считалъ его «папежникомъ», а не православнымъ. Вообще изъ-за дѣла Никона между греческими

іерархами началась страшная смута, сопровождавшаяся взаимными навѣтами и обвиненіями. Не зная, кому вѣрить, мучимый сомнѣніями, желая во что бы то ни стало добиться правды, Алексѣй Михайловичъ рѣшился на крайнюю мѣру—вторично послать восточнымъ патріархамъ приглашенія лично явиться въ Москву для разбора его распри съ бывшимъ патріархомъ.

Никонъ, въ свою очередь, сдѣлалъ отчаянную попытку распутать Гордіевъ узелъ: получивъ отъ одного изъ своихъ друзей (боярина Никиты Зюзина) свѣдѣнія о недоумѣніяхъ царя и разсчитывая на его мягкость, Никонъ неожиданно для всѣхъ явился 18 декабря 1664 года въ московскій Успенскій соборъ, занялъ тамъ патріаршее мѣсто и доложилъ государю о своемъ возвращеніи на патріаршество. Однако онъ встрѣтилъ жестокій отпоръ: по настоянію приближенныхъ и въ особенности Лигарида, негодовавшаго на то, что Никонъ до разбора дѣла вселенскими патріархами «наскочилъ какъ разбойникъ и хищникъ на патріаршій престолъ», царь приказалъ ему вернуться въ Воскресенскій монастырь. Гордое заявленіе Никона, что онъ «сошелъ съ патріаршества никѣмъ не гонимый и пришелъ никѣмъ не званный, а только по «явленію» (подъ явленіемъ» онъ разумѣлъ сонъ, истолкованный имъ въ смыслѣ необходимости возвращенія на патріаршество), не произвело впечатлѣнія и, «отрясая прахъ отъ ногъ своихъ», онъ долженъ былъ вернуться во-свояси. Но слухи о готовящемся прибытіи восточныхъ патріарховъ и желаніе избѣжать ихъ суда, который заранѣе представлялся ему лицепріятнымъ, побудили Никона сдѣлать еще новую попытку примиренія съ царемъ: въ началѣ 1665 года онъ заявилъ о своемъ окончательномъ согласіи на избраніе новаго патріарха, поставивъ однако множество условій: такъ, напр., Никонъ требовалъ сохраненія за нимъ патріаршаго титула, исключительнаго почета, всѣхъ принадлежащихъ ему монастырей и земель, предоставленія ему полной независимости отъ власти преемника и т. д. Соборъ русскаго духовенства, разсматривавшій эти условія, согласился только на первое изъ нихъ (сохраненіе титула), отвергнувъ или ограничивъ всѣ остальныя. Но рѣшеніе это не имѣло никакого значенія, такъ какъ оно подлежало пересмотру на предстоящемъ соборѣ.

§ 7. Осужденіе Никона, утвержденіе его реформы и начало «раскола».

А. Пріѣздъ на соборъ 1666—1667 г. Макарія антіохійскаго и Паисія александрійскаго.

Для окончательнаго разбора чрезмѣрно затянувшагося дѣла Никона и для обсужденія его церковной реформы въ 1666 г. созванъ былъ церковный соборъ, на который, кромѣ русскаго духовенства и думныхъ чиновъ, приглашены были также восточные патріархи. Впрочемъ, не всѣ патріархи отвѣтили согласіемъ на приглашеніе Алексѣя Михайловича: константинопольскій и іерусалимскій наотрѣзъ отказались ѣхать судить грекофила Никона. Пришлось поэтому удовольствоваться присутствіемъ Макарія антіохійскаго и Паисія александрійскаго да еще нѣсколькихъ второстепенныхъ восточныхъ іерарховъ. Встрѣченные съ большимъ почетомъ, Паисій и Макарій, едва въѣхавъ въ Московское государство, стали держать себя очень властно: творили судъ и расправу надъ русскимъ духовенствомъ, возвратили изъ ссылки нѣсколькихъ сосланныхъ правительствомъ лицъ, однимъ словомъ, вели себя по-хозяйски.

По пріѣздѣ ихъ въ Москву, къ нимъ былъ приставленъ злѣйшій врагъ Никона—бывшій газскій митрополитъ, весьма малопочтенный грекъ, Паисій Лигаридъ. Ему поручено было ознакомить пріѣзжихъ патріарховъ съ дѣломъ Никона, и съ этой цѣлью онъ составилъ записку, въ которой всячески стремился очернить послѣдняго (Лигаридъ обвинялъ, напр., Никона въ томъ, что онъ «терзалъ, подобно ехиднѣ, родную мать свою—Церковь», имѣлъ замыселъ именоваться «папою», «хотѣлъ подчинить себѣ антіохійскій престолъ», «поколебалъ уставъ и древнее церковное преданіе», незаконно рукоположенъ и т. д.).

Б. Судъ надъ Никономъ.

Патріархи сдѣлали распоряженіе о призваніи Никона на соборный судъ. Считая себя ставленникомъ константинопольскаго патріарха, Никонъ очень неохотно призналъ за Паисіемъ и Макаріемъ право судить его, тѣмъ болѣе, что не считалъ ихъ законными патріархами, такъ какъ первый изъ нихъ не жилъ въ Александріи, а второй перенесъ свой престолъ изъ Антіохіи въ Дамаскъ. Однако отъ пріѣзда на соборъ Никонъ не отказался. Но еще до его прибытія судьба его была уже рѣшена; ознакомившись съ дѣломъ, патріархи признали, что «онъ виновенъ въ безпричинномъ и произвольномъ оставленіи патріаршей каѳедры и имѣетъ быть отлученъ отъ патріаршества». Послѣ такого заочнаго приговора судъ (происходившій 1-го, 3-го и 5-го декабря 1666 года) становился уже формальностью, только унижавшею Никона. Правда, царь, выступившій его обвинителемъ, обнаружилъ большую мягкость и чрезвычайную скромность, но зато по-

добострастные прежде милостынесобиратели Паисій и Макарій не стѣснялись выказывать теперь свою власть надъ подсудимымъ, принимая всѣ мѣры къ тому, чтобы онъ держался «смиреннымъ образомъ», и даже оскорбляя его: такъ, напр., Макарій на глазахъ у всѣхъ благословилъ окольничаго Хитрово, обидѣвшаго въ свое время кн. Мещерскаго. Въ вину Никону вмѣнялось не только оставленіе патріаршества, но и многіе проступки, совершенные какъ въ бытность его патріархомъ (напр., произвольная расправа съ Павломъ Коломенскимъ), такъ и въ послѣдующее время. Особенно обильный матеріалъ для обвиненій дало письмо Никона къ константинопольскому патріарху, посланное незадолго до созыва собора и перехваченное московскимъ правительствомъ. Въ этомъ посланіи Никонъ, оправдывая свое поведеніе, рѣзко и дерзко отзывался объ Алексѣѣ Михайловичѣ, его распоряженіяхъ и законахъ, о русскихъ архіереяхъ и о всей Русской Церкви, называя ее «латинствующею». Не прошло для него безнаказанно и то, что, теряя самообладаніе во время суда, онъ непочтительно относился къ своимъ судьямъ и заявлялъ, что «греческіе церковныя правила (составленныя послѣ вселенскихъ соборовъ)—«враки», и «печатали тѣ правила еретики». (Какъ странно звучали эти слова въ устахъ грекофила Никона!).

12 декабря 1666 года всѣ обвиненія были приведены въ систему и послѣдовалъ приговоръ: Никонъ лишенъ былъ всякаго священнаго сана и сдѣланъ простымъ монахомъ, подлежащимъ ссылкѣ въ монастырь. Во время церемоніи лишенія сана раздраженный Никонъ язвительно предложилъ своимъ судьямъ подѣлиться между собою жемчугомъ снятаго съ него облаченія, а будучи сосланъ въ Бѣлозерскій Ѳерапонтовъ монастырь [1]), не переставалъ злобиться на царя и осыпать его укоризнами. Впослѣдствіи Никона подозрѣвали даже въ сношеніяхъ со Стенькой Разинымъ.

[1]) Во время своего долгаго заточенія въ Ѳерапонтовомъ монастырѣ Никонъ также проявлялъ свойственную ему несдержанность: жалобы смѣнялись угрозами. Живя въ полномъ достаткѣ и пользуясь даже почетомъ со стороны монастырской братіи, онъ жаловался на нищету, на то, что онъ «боленъ, нагъ и босъ, страдаетъ отъ нужды цынгою». На примирительныя посланія царя онъ отвѣчалъ уклончиво, а когда Алексѣй Михайловичъ скончался, онъ не далъ письменнаго разрѣшенія его грѣховъ. Алексѣй Михайловичъ, напротивъ, передъ смертью не только простилъ Никона, но и выражалъ желаніе, чтобы ему было исходатайствовано разрѣшеніе отъ соборнаго осужденія и былъ бы возвращенъ патріаршій санъ. Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, исполняя волю отца, приказалъ вернуть Никона въ Воскресенскій монастырь (хотя этому всячески противился тогдашній московскій патріархъ Іоакимъ) и хлопоталъ передъ восточными патріархами о снятіи съ Никона соборнаго осужденія, обѣщая имъ за это богатые дары. Но Никону не удалось дожить до своей реабилитаціи: онъ скончался въ 1681 г. невдалекѣ отъ Ярославля, на пути въ свой прежній любимый монастырь, а послѣ его кончины пришла грамота восточныхъ патріарховъ, возстанавливавшая его въ патріаршемъ достоинствѣ. Интересно отмѣтить, что, когда дряхлый Никонъ возвращался изъ заточенія, народъ восторженно привѣтствовалъ его, недоброжелателей же онъ встрѣчалъ въ средѣ высшаго духовенства, особенно въ лицѣ патріарха Іоакима.

Итакъ, Никонъ, увлеченный теократической идеей о полной независимости Церкви отъ государства и о преимуществѣ духовной власти передъ свѣтской, но проводившій эту идею исключительно для личнаго своего возвышенія, а не для блага всей Церкви, былъ жестоко униженъ тѣми самыми восточными патріархами, которымъ онъ слѣпо довѣрялъ въ прежнее время. Однако идея Никона не умерла вмѣстѣ съ его паденіемъ и послужила причиной горячихъ преній о власти царской и патріаршей, происходившихъ на соборѣ уже послѣ суда надъ Никономъ въ январѣ 1667 года.

В. Пренія объ отношеніяхъ свѣтской и духовной власти.

Поводъ къ такимъ преніямъ дали два русскихъ іерарха: митрополитъ крутицкій Павелъ и архіепископъ рязанскій Иларіонъ. Протестуя противъ деспотическаго отношенія Никона къ русскимъ архіереямъ и способствуя его низложенію, они въ то же время усвоили его взглядъ, что «священство выше царства», и стремились сдѣлать епископовъ «свободными», независимыми не только отъ чрезмѣрнаго давленія патріаршей власти, но и отъ вмѣшательства государства въ управленіе ихъ епархій. Поэтому они отказались подписать постановленіе объ осужденіи Никона, находя, что въ основу этого постановленія положенъ принципъ полнаго подчиненія архіереевъ свѣтской правительственной власти. Въ возникшихъ изъ-за этого жаркихъ преніяхъ особенно видное участіе принялъ Паисій Лигаридъ, выступившій ревностнымъ защитникомъ преимуществъ царской власти.

Лигаридъ при всей своей учености, не совсѣмъ удачно справился съ этой задачей. Доказательства онъ черпалъ безъ разбору изъ произведеній какъ Отцовъ Церкви, такъ и языческихъ писателей, изъ византійской исторіи и изъ жизни древнихъ народовъ. Такъ напр., для подтвержденія мысли, что «царь не подлежитъ законамъ», онъ ссылался на многоженство Соломона, на самовластныя распоряженія царя Дарія Персидскаго, на преслѣдованія Евдоксіей Іоанна Златоуста. Вмѣсто аргументаціи онъ прибѣгалъ иногда просто къ игрѣ словами, но чаще всего съ принципіальной точки зрѣнія переходилъ на личную: превознося всячески достоинства Алексѣя Михайловича и его богословское образованіе, называя его архіереемъ и царемъ, уподобляя его Самуилу, защищалъ его право вмѣшиваться въ дѣла недостойныхъ архіереевъ, и тутъ же добавлялъ, что у египтянъ и римлянъ царь былъ въ то же время и священникомъ. Опасенія Павла и Иларіона, что преемники Алексѣя Михайловича могутъ злоупотребить своимъ церковнымъ вліяніемъ, Лигаридъ старался усыпить увѣреніями, что у добраго царя сынъ будетъ еще добрѣе, будетъ царь и вмѣстѣ архіерей, какъ Константинъ Равноапостольный.

Хотя Павелъ и Иларіонъ остались въ меньшинствѣ, хотя имъ пришлось выдержать не мало нареканій со стороны восточныхъ патріарховъ и даже подвергнуться церковному наказанію, однако все

же соборъ долженъ былъ изложить свое постановленіе не въ смыслѣ признанія полнаго преобладанія свѣтской власти надъ духовною (такой именно точки зрѣнія придерживались восточные патріархи въ той грамотѣ, которую они по просьбѣ Алексѣя Михайловича прислали въ 1664 г.), а въ смыслѣ независимости той и другой. Именно, было признано, что «царь самостоятеленъ и независимъ въ дѣлахъ гражданскихъ, а патріархъ—въ дѣлахъ церковныхъ, и что ни одинъ изъ нихъ не долженъ вмѣшиваться въ область вѣдѣнія другого». Практическимъ слѣдствіемъ такого постановленія было: 1) уничтоженіе Монастырскаго Приказа, 2) уничтоженіе установившагося съ конца XVI вѣка обычая, въ силу котораго правительство назначало свѣтскихъ должностныхъ лицъ для завѣдыванія хозяйственными, канцелярскими и отчасти судебными дѣлами епископскихъ и даже патріаршей епархій, при чемъ эти должностныя лица являлись какъ бы правительственными контролерами епархіальнаго управленія.

Г. Отношенія восточныхъ патріарховъ къ церковной реформѣ Никона.

Восточные патріархи были призваны, какъ извѣстно, не только для осужденія Никона, но и для обсужденія его церковной реформы, хотя она была уже разсмотрѣна соборомъ русскаго духовенства, открывшимъ свои засѣданія въ 1666 году еще до прибытія Макарія и Паисія. Этотъ соборъ, признавъ правильными всѣ исправленія Никона, выказалъ вмѣстѣ съ тѣмъ весьма терпимое отношеніе къ «старообрядцамъ» или «старовѣрамъ», т. е. приверженцамъ старины: считая старые обряды отжившими и подлежащими со временемъ полной отмѣнѣ, русскій соборъ 1666 года не рѣшился однако отрицать, что они — православны такъ же, какъ и новые, и поэтому не налагалъ ни проклятія, ни отлученія отъ Церкви за одну лишь приверженность къ до-никоновскому благочестію. Проклятію и наказанію подверглись только хулители никоновскихъ исправленій, и именно за такія хулы (а не за убѣжденія) поплатились нѣкоторые руководители старообрядцевъ (напр., Аввакумъ, Лазарь, Ѳеодоръ). Такимъ образомъ русскій соборъ 1666 года проявилъ значительную для того времени терпимость. Восточные патріархи, отъ которыхъ зависѣло утвержденіе постановленія этого собора, оказались гораздо нетерпимѣе. Паисій александрійскій и Макарій антіохійскій не дали себѣ труда вникнуть въ обрядовые споры русскихъ людей и положились вполнѣ на мнѣнія своихъ единомышленниковъ: Паисія Лигарида и архимандрита Діонисія (выходца съ Аѳона), уже долгое время пребывавшаго на Руси. Эти два грека высказались крайне враждебно о старообрядцахъ и о древнемъ русскомъ благочестіи.

Лигаридъ видѣлъ въ нихъ заклятыхъ враговъ грековъ, грубыхъ невѣждъ и еретиковъ, а Діонисій въ своемъ пространномъ сочиненіи постарался доказать патріархамъ, что со времени обособленія Русской Церкви отъ Греческой (послѣ Флорентійской уніи) русское пра-

вославіе «замутилось» и «самъ діаволъ» «насѣялъ» разныя «новшества» въ Русскую Церковь, вслѣдствіе чего ея старые обряды совершенно нетерпимы. Усвоивъ такую точку зрѣнія (какъ видно, совершенно противоположную той, на которой стояли русскіе), восточные патріархи отнеслись безпощадно къ русской церковной старинѣ: они рѣзко и обидно осудили Стоглавый Соборъ (заявивъ, что это «соборъ не въ соборъ» и его «клятва (т. е. проклятіе всѣхъ недвоеперстниковъ) не въ клятву», и что его предсѣдатель, митрополитъ Макарій, «мудрствовалъ невѣжествомъ своимъ безразсудно»), подвергли критикѣ многія древнія русскія сказанія, напали на русскіе обряды, даже незатронутые Никономъ, усматривая въ нихъ «суемудріе, безчиніе и расколъ». Будучи греками по происхожденію, они оказались совершенно чуждыми греческаго терпимаго взгляда на обрядовыя различія и, стремясь къ поднятію своего авторитета и возвеличенію всего греческаго, не стѣснялись осуждать все русское въ присутствіи русскаго духовенства, которое, какъ упомянуто, оказалось теперь много терпимѣе грековъ.

Присутствовавшіе на соборѣ русскіе архіереи и другія духовныя лица, во главѣ съ преемникомъ Никона новопоставленнымъ патріархомъ Іоасафомъ не рѣшились выступить на защиту русской церковной старины и покорно подписали выработанное восточными патріархами Паисіемъ и Макаріемъ новое постановленіе о старообрядцахъ, существенно измѣняющее мнѣніе русскаго собора 1666 года. Именно, по смыслу патріаршаго постановленія, старообрядцы признавались еретиками, подлежащими отлученію отъ Церкви, проклятію и всевозможнымъ «градскимъ казнямъ» (т. е. наказаніямъ, налагаемымъ правительственною властью) лишь за то, что они придерживаются старыхъ обрядовъ (а не только за хулу новыхъ). Торжественное и грозное проклятіе старообрядцевъ, «какъ еретиковъ и непокорниковъ», состоялось 13 мая 1667 года. Этимъ проклятіемъ они были какъ бы отколоты отъ Церкви и превратились въ «раскольниковъ».

Д. Начало раскола.

Значитъ, начало раскола слѣдуетъ относить къ 1667 году. Изъ изложеннаго видно, что Соборъ 1666—1667 г., унизившій лично Никона, далъ торжество его идеямъ: онъ долженъ былъ, какъ сказано выше, считаться съ теократическими идеями Никона и утвердилъ его церковную реформу, проклявъ ея противниковъ и установивъ полное согласованіе Русской Церкви съ Греческой. Послѣднее достигнуто было однако дорогой цѣной: значительная часть русскаго народа ушла въ расколъ, отдалившись такимъ образомъ отъ Православной Церкви и до извѣстной степени отъ государства, которое въ теченіе долгаго времени жестоко преслѣдовало раскольниковъ и не признавало за ними гражданскихъ правъ.

Старообрядцы, среди которыхъ было не мало и представителей московской знати, не могли считать правильнымъ постановленіе со-

бора 1666—7 г. и не признали себя отколовшимися отъ Церкви. Напротивъ, по ихъ мнѣнію, Никоніанская Церковь откололась отъ истины, пала въ религіозномъ отношеніи такъ же, какъ въ свое время пали Римская, Греческая и Малороссійская Церкви. Истина, думали они, сохранилась только въ томъ «древнемъ» благочестіи, котораго держались они. Въ соблюденіи этого благочестія неизмѣннымъ до скончанія вѣковъ они видѣли главную свою задачу. Но при этомъ они наталкивались на цѣлый рядъ непреодолимыхъ трудностей и тревожныхъ вопросовъ, которые не всѣми старообрядцами разрѣшались одинаково, вслѣдствіе чего въ старообрядчествѣ возникло нѣсколько направленій или «толковъ», при чемъ приверженцы нѣкоторыхъ изъ нихъ, думая отстаивать старину, роковымъ образомъ допускали массу «новизны». Однимъ изъ главныхъ затрудненій раскольниковъ было отсутствіе у нихъ правильной церковной іерархіи, такъ какъ ни одинъ епископъ не перешелъ въ расколъ. Часть старообрядцевъ разрѣшила это затрудненіе тѣмъ, что впредь до пріисканія себѣ епископа (котораго удалось найти только въ XIX вѣкѣ) довольствовалась одними священниками [1]). Это—такъ называемая «поповщина». Другая часть вовсе отвергла іерархію. Такъ создалась безпоповщина. На этомъ дѣленіе старообрядцевъ не окончилось, такъ какъ у нихъ возникали еще различныя обрядовыя несогласія и спорные вопросы, касавшіеся отношеній раскольниковъ къ свѣтской власти, признавшей никоновскія исправленія, ко всѣмъ вообще никоніанамъ (т. е. православнымъ) и къ тѣмъ культурнымъ измѣненіямъ, которыя происходили въ бытѣ послѣднихъ.

§ 8. Расколъ и его толки.

А. Исходныя точки зрѣнія раскольниковъ.

Отношеніе раскольниковъ къ никоніанству обусловливалось прежде всего ихъ взглядомъ на соборъ 1666 -7 г. Передъ постановленіемъ его они не могли склониться. Хранителями истины они считали только себя и были твердо увѣрены, что рано или поздно они должны восторжествовать. Оставалось, значитъ, по ихъ мнѣнію, одно: прочитавъ отходную надъ временно побѣдившей Никоніанской Церковью, добиваться этого торжества. И дѣйствительно, раскольники первоначально дѣлали отчаянныя попытки переубѣдить правительство, склонившееся передъ соборнымъ постановленіемъ 1667 года. Талантливѣйшій ихъ представитель, своимъ фанатизмомъ напоминающій Са-

[1]) Это не было однако полнымъ разрѣшеніемъ вопроса, такъ какъ, когда умерли всѣ священники, перешедшіе въ расколъ при самомъ его началѣ, новыхъ приходилось переманивать изъ Православной Церкви, при чемъ не всѣ старообрядцы одинаково смотрѣли на то, какимъ способомъ можно «очистить» этихъ «бѣглыхъ» поповъ отъ «никоніанства».

ванародлу, протопопъ Аввакумъ шлетъ одно за другимъ свои посланія царю Алексѣю Михайловичу. Въ нихъ слышится одинъ неизмѣнный, страстный призывъ къ старому благочестію. За дерзкое посланіе къ царю Ѳеодору Алексѣевичу, сыну Алексѣя Михайловича, Аввакумъ былъ сожженъ въ 1681 году. Не довольствуясь словомъ, раскольники переходятъ и къ дѣлу: Соловецкій монастырь въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ выдерживалъ осаду царскихъ войскъ и выказывалъ отчаянное сопротивленіе введенію новоисправленныхъ обрядовъ.

Однако, всѣ попытки воздѣйствовать на правительство оставались всегда безуспѣшными. Никоніанство торжествовало. Какъ же объяснить это съ раскольничьей точки зрѣнія? Многимъ невольно навязывался одинъ отвѣтъ: если унижена истинная вѣра, если ея ревнители подвергаются преслѣдованіямъ, значитъ, наступаетъ кончина міра, потому что только при скончаніи вѣковъ можетъ погибнуть древнее православіе. Остается, такимъ образомъ, одинъ исходъ—читать отходную надъ всѣмъ міромъ и готовиться къ предстательству на страшномъ судѣ. И, дѣйствительно, значительная часть раскольниковъ была охвачена такимъ предчувствіемъ кончины міра. Книжная мысль напряженно работала надъ вычисленіемъ наступленія страшнаго года, когда раздастся трубный гласъ Ангела, и звѣзды спадутъ съ неба. Книжники вычисляли, а простые умомъ и сердцемъ готовились. Бросали всѣ мірскія заботы, не занимались своими дѣлами, оставляли даже жилища, каялись другъ другу въ грѣхахъ, а въ полночь въ бѣлыхъ одеждахъ ложились въ выдолбленные изъ цѣльнаго дерева гробы и трепетно ждали.

Многимъ и это казалось недостаточнымъ: мало ждать кончины міра, нужно достойно очиститься передъ ней и какъ бы идти ей навстрѣчу. Лучшее очищеніе дается водою и огнемъ, а потому благоразумнѣе всего: «побросаться въ воду и погрязти на дно» или же «сгорѣть всѣмъ со старцами и съ младенцами». Добровольное самосожженіе находило страстныхъ проповѣдниковъ и многихъ послѣдователей. Оно не проповѣдывалось какъ исключительный подвигъ; напротивъ, необходимость его доказывалась самыми простыми доводами благоразумія. Оно вѣдь все равно неизбѣжно: «при кончинѣ міра протечетъ рѣка огненная и поглотитъ все». А между тѣмъ предупредить появленіе этой рѣки весьма разумно: во-первыхъ, не принимаешь «печати Антихриста», во-вторыхъ, избавляешь себя отъ «соблазновъ міра» и, въ-третьихъ, облегчаешь необходимое покаяніе передъ кончиной міра: «если въ огонь, тутъ и все покаяніе: ни трудись, ни постись, разомъ въ рай вселись; всѣ-то грѣхи очиститъ огонь».

Б. Поповщина и безпоповщина.

Изъ изложеннаго мы видимъ, что при самомъ возникновеніи раскола настроеніе у старовѣровъ было неодинаково. Одни приняли за фактъ только духовное паденіе господствующей Церкви, но признали, что истина сохранилась въ ихъ средѣ, и что на нихъ

падаетъ великая миссія сберечь ее свято и нерушимо до скончанія вѣка. Однако религіозная истина требуетъ и извѣстной формы для своего воплощенія, требуетъ опредѣленнаго церковнаго строя, какъ это было въ древней Русской Церкви, хранителями завѣтовъ которой раскольники считали себя. Слѣдовательно, нужно было позаботиться о церковномъ устройствѣ.

Другіе, какъ мы видѣли, поставили крестъ не только надъ господствующей Церковью, но и надъ всѣмъ міромъ. Они сочли необходимымъ примириться со страшной мыслью, что торжество истиннаго православія вообще совсѣмъ померкло на землѣ, что хотя они сами и хранятъ его вѣроученіе, но имъ уже не восторжествовать, такъ какъ близится кончина міра. Слѣдовательно, нечего заботиться о церковномъ строѣ, о правильной организаціи да и вообще о нормальномъ состояніи религіозной жизни; передъ свѣтопреставленіемъ истинная Церковь не можетъ существовать, и нужно думать не о ней, а о спасеніи своихъ душъ и объ удаленіи отъ ослѣпленнаго въ своемъ невѣдѣніи міра. Этими-то господствующими настроеніями и объясняется раннее раздѣленіе раскола на два главныхъ направленія: на поповщину и безпоповщину.

Первоначальными центрами поповщины были Соловецкій монастырь и Керженецкіе скиты Нижегородской области, затѣмъ мѣстечко Вѣтка за польской границей (въ нынѣшней Могилевской губ.); позже въ XVIII вѣкѣ поповцы появились на Иргизѣ (въ нынѣшней Самарской губ.), въ Бѣлой Криницѣ [1]) (въ Буковинѣ, за австрійской границей) и даже въ самой Москвѣ. Безпоповцы сосредоточивались первоначально въ Поморьѣ, гдѣ ученіе ихъ могло легко распространиться, такъ какъ они теоретически обосновывали то, что здѣсь всегда существовало на практикѣ: жители русскаго сѣвера были почти всегда безпоповцами, потому что рѣдко удавалось найти священниковъ для пустынныхъ сѣверныхъ мѣстъ.

Самымъ тревожнымъ вопросомъ для поповцевъ, какъ уже упоминалось, было добываніе священниковъ: на первыхъ порахъ они признавали только «старорукоположенцевъ» (т. е. рукоположенныхъ до Никона), затѣмъ «старокрещенцевъ» (т. е крещенныхъ до него) и, наконецъ, должны были принимать «бѣглыхъ поповъ-никоніанъ», совершая однако «очищеніе» ихъ отъ «ереси». Одни считали необходимымъ для такого очищенія «перекрещиваніе», другіе—«перемазываніе» (т. е. повтореніе таинства миропомазанія), третьи довольствовались только торжественнымъ отреченіемъ отъ никоніанства. Въ общемъ, поповщина съ теченіемъ времени, въ силу своего стремленія сохранить церковную іерархію, постепенно приближалась къ господствующей Православной Церкви.

[1]) Для этого мѣстечка и удалось найти архіерея изъ греческихъ безъепархныхъ епископовъ, который согласился перейти въ расколъ и въ половинѣ XIX вѣка установилъ церковную іерархію, поставивъ для поповцевъ нѣсколько архіереевъ.

Иначе обстояло дѣло съ «безпоповщиной». Отрицая священство, безпоповцы лишены были возможности совершать таинства. Поэтому нѣкоторые изъ безпоповцевъ вовсе отрицали ихъ, другіе сохранили только тѣ изъ нихъ, совершеніе которыхъ разрѣшается въ крайности мірянамъ: именно, крещеніе, покаяніе и причащеніе (до-никоновскими Св. Дарами, т. е. освященными до Никоновской реформы); вопросъ о таинствѣ брака послужилъ предметомъ горячихъ споровъ. Теряясь въ массѣ затрудненій, вступая для разрѣшенія ихъ на путь религіознаго творчества, безпоповщина въ лицѣ своихъ крайнихъ толковъ приближалась уже къ сектантству (измѣняющему не только обряды, но и догматы Христіанской Церкви) и все болѣе отдалялась какъ отъ господствующей Церкви, такъ и отъ «древняго» благочестія. Не могла она остаться вѣрной и своему первоначальному идеалу.

Первоначальнымъ идеаломъ безпоповщины, какъ мы знаемъ, было самосожженіе. Однако массовыя самосожженія возможны были лишь при господствѣ крайняго фанатизма, въ предчувствованіи скорой кончины міра. Но она не наступала; тогда появились предположенія о «духовномъ», а не о «чувственномъ» царствѣ Антихриста, и самосожженія сдѣлались болѣе рѣдкими случаями и даже были осуждены умѣренной партіей, какъ грѣхъ.

На мѣсто прежняго идеала былъ поставленъ новый—удаленіе отъ грѣшнаго міра.

Разорвавъ всякую связь съ господствующей Церковью, крайніе безпоповцы прониклись враждебнымъ отношеніемъ и къ свѣтской власти, покровительствовавшей Никоновской реформѣ. Это произошло не безъ извѣстной борьбы. Раскольникамъ сперва представлялось, что правительство безсознательно оказало поддержку никоніанамъ, что оно «только прельстилось ихъ ученіемъ», что на него можно еще воздѣйствовать угрозой страшнаго суда или горячимъ призывомъ. И, только убѣдившись въ безплодности такого воздѣйствія, нѣкоторые крайніе толки рѣшили прекратить «моленіе за царя».

В. Отношеніе свѣтской власти къ раскольникамъ.

Преслѣдованія, воздвигнутыя правительствомъ противъ всѣхъ вообще раскольниковъ, еще больше обостряли ихъ вражду. Свои гоненія правительство объясняло не одними религіозными соображеніями: оно считало раскольниковъ не только изувѣрами, но и людьми опасными для государственнаго порядка. Такое обвиненіе далеко не всегда было заслуженнымъ. Правда, извѣстны случаи вооруженнаго сопротивленія раскольниковъ, но они, по большей части, имѣли характеръ самозащиты или (какъ, напр., въ упомянутомъ бунтѣ Соловецкаго монастыря) возникали первоначально на религіозной почвѣ и уже потомъ пріобрѣтали политическій оттѣнокъ. Правда, можно указать и на нападенія вооруженныхъ шаекъ раскольниковъ, но эти нападенія почти всегда совер-

шались ради религіозныхъ цѣлей: раскольники старались, напр., утвердить въ новомъ храмѣ торжество древняго благочестія или хотѣли вызвать гоненіе, чтобы затѣмъ воспріять мученическій вѣнецъ. Конечно, нельзя отрицать виднаго участія старообрядцевъ въ противоправительственныхъ возстаніяхъ, напр., въ бунтѣ Стеньки Разина и въ волненіяхъ послѣдующаго времени. Но неосторожно дѣлать слишкомъ смѣлые выводы изъ этого факта: жестокіе мятежи случались, какъ мы знаемъ, и въ самомъ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича, когда о коренномъ исправленіи книгъ вовсе не думали; патріархъ Никонъ былъ избитъ новгородскими бунтовщиками и «лежалъ въ концѣ живота» (т. е. при смерти) задолго до того, какъ возникла самая мысль о возможности раскола; а въ Разинскомъ движеніи, какъ мы знаемъ, винили не однихъ раскольниковъ, но и Никона. Безпристрастное изученіе раскола приводитъ историческую науку къ слѣдующему выводу относительно его политической роли: несомнѣнно, что расколъ давалъ извѣстный стимулъ общественному недовольству, внушалъ легковѣрнымъ людямъ мысль, что правительство своей церковной реформой «хочетъ отнять у народа послѣднее утѣшеніе — религію и заградить ему путь къ вѣчному спасенію»; во главѣ общественныхъ движеній могли, безспорно, выступать старообрядцы, но не столько какъ раскольники, сколько какъ наиболѣе тѣснимые и закаленные преслѣдованіями русскіе люди. Самая же идея активной борьбы съ государствомъ едва ли вязалась съ раскольничьимъ міровоззрѣніемъ: вѣдь поповцы первоначально были заняты главнымъ образомъ вопросами, касавшимися іерархіи, а крайнее направленіе старообрядчества—«безпоповщина»—готовилось къ кончинѣ міра и было поглощено заботами о спасеніи душъ. Поэтому было бы большимъ преувеличеніемъ считать раскольниковъ какими-то бунтовщиками по спеціальности. Они стремились не столько къ борьбѣ съ государствомъ, сколько къ удаленію отъ него, да и то далеко не всегда соблюдали это, такъ какъ въ то время, какъ теорія раскола побуждала къ полному обособленію отъ никоніанскаго міра, практика жизни, напротивъ, невольно влекла къ сближенію съ нимъ.

Справедливость требуетъ сказать, что правительство не только боролось съ раскольниками, но и поручало православному духовенству дѣйствовать противъ нихъ убѣжденіемъ. Однако долгое время такія увѣщеванія, и литературныя и устныя, оставались безплодными какъ вслѣдствіе взаимной нетерпимости сторонъ, каждая изъ которыхъ видѣла въ своихъ противникахъ злѣйшихъ еретиковъ, такъ и вслѣдствіе того, что на излюбленный защитительный аргументъ старообрядцевъ: «если мы прокляты, то вмѣстѣ съ нами должны подлежать проклятію и всѣ россійскіе чудотворцы и всѣ прежніе цари (также придерживавшіеся старой вѣры)», нѣкоторые борцы съ расколомъ не находили возраженія и обращались къ правительственному содѣйствію, къ «градскимъ казнямъ», выражавшимся въ огра-

ниченіи правъ раскольниковъ, всяческомъ гоненіи на нихъ. Это вызывало новыя проявленія недовольства, а послѣднее усиливало преслѣдованія... Получался какой-то заколдованный кругъ!

Г. Раскольничій бытъ.

Отвергнутые Церковью, преслѣдуемые въ теченіе долгаго времени государствомъ и обособленные отъ «никоніанскаго міра», раскольники жили своеобразнымъ бытомъ. Ихъ бытовыя черты неодинаково оцѣниваются исторической наукой. Въ то время, какъ одни изслѣдователи видятъ въ раскольничьей жизни сохраненіе древнихъ русскихъ устоевъ, другіе находятъ въ ней много невольнаго, своеобразнаго новаторства. Такъ напр., одинъ изъ историковъ быта (Костомаровъ) утверждаетъ, что «раскольникъ не похожъ на стариннаго русскаго человѣка: въ старинной Руси знаніе грамоты было рѣдкостью, — раскольникъ читалъ и пытался создать себѣ ученіе; въ старинной Руси господствовали отсутствіе мысли и невозмутимое подчиненіе авторитету властвующихъ,—раскольникъ любилъ мыслить, спорить; раскольникъ не успокоилъ себя мыслью, что, если приказано сверху такъ-то вѣрить, такъ-то молиться, то, стало быть, такъ и слѣдуетъ; расколъ расшевелилъ спавшій мозгъ русскаго человѣка». Нѣкоторые изслѣдователи указываютъ также, что въ нравственномъ отношеніи раскольники стояли высоко: они отличались трудолюбіемъ, уваженіемъ къ семейной жизни, трезвостью, предпріимчивостью и безупречной честностью (которая вмѣстѣ со свойственной имъ смышленостью много помогала имъ въ тѣхъ громадныхъ торговыхъ оборотахъ, какіе вели ихъ богачи). Однако слѣдуетъ признать преувеличеннымъ мнѣніе историка (Костомарова), «что расколъ былъ крупнымъ явленіемъ народнаго умственнаго «прогресса»: какъ мы видѣли, раскольничья мысль работала напряженно и оригинально, но не глубоко, обширная и страстная противониконовская литература не отличалась научностью, недюжинное умѣнье спорить объяснялось не столько остротою мысли, сколько начетничествомъ.

Изъ изложеннаго видно, что старообрядцы, задавшись цѣлью неизмѣнно хранить древнее благочестіе и старинныя формы быта, силою вещей придали имъ своеобразное развитіе. Но это развитіе пошло совсѣмъ по иному культурному пути, чѣмъ тотъ, который былъ, какъ увидимъ, проторенъ никоновской церковной реформой.

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Культурная реформа второй половины XVII вѣка.

§ 1. Пріобщеніе Московскаго государства къ западно-европейской культурѣ.

А. Связь церковной реформы съ культурной.

Смыслъ церковной реформы Никона оказался гораздо болѣе широкимъ, чѣмъ онъ предполагалъ и желалъ: ея значеніе не исчерпалось обрядовымъ переустройствомъ, а отразилось на всей русской культурѣ. Произошло это потому, что утвержденіе реформы означало, какъ выражается одинъ историкъ (Каптеревъ), «отреченіе отъ прошлаго съ его особыми своеобразными идеалами, цѣлями и стремленіями, означало признаніе самимъ русскимъ обществомъ несостоятельности его прежней жизни, необходимости перестройки ея на новыхъ началахъ». Дѣйствительно, крутая церковная реформа Никона какъ бы прорубила окно къ грекамъ, которое въ теченіе двухъ вѣковъ со времени Флорентійской уніи оставалось почти наглухо заколоченнымъ; цѣною тяжкаго раскола удалось преодолѣть религіозный застой Московской Руси, расшатать ея окаменѣвшее въ своихъ первоначальныхъ формахъ «древнее» благочестіе и поколебать религіозное самомнѣніе. А такъ какъ оно являлось главнымъ устоемъ вообще національнаго самомнѣнія, побуждавшаго къ національной обособленности, то и послѣднему тѣмъ самымъ былъ нанесенъ тяжкій ударъ. Рубиконъ, отдѣлявшій Московскую Русь отъ болѣе образованныхъ европейскихъ народовъ, былъ перейденъ, и неизбѣжнымъ спутникомъ церковной реформы являлось постепенное пріобщеніе Руси къ ихъ духовной культурѣ. Такимъ образомъ Никонъ, увѣренный въ томъ, что онъ возвращаетъ свою родину назадъ къ старинѣ, невольно двинулъ ее на новый путь впередъ. Усвоеніе русскими иноземной духовной культуры было особенно болѣзненно именно потому, что оно началось реформой самаго дорогого и самаго чувствительнаго для нихъ устоя—древняго обрядового благочестія. Логически такое начало представлялось неизбѣжнымъ, такъ какъ все міросозерцаніе московскихъ людей строилось на религіозной основѣ, и безъ внесенія измѣненій въ область послѣдней невозможно было пересоздать и первое. Но, конечно, болѣзненность ломки старины могла и должна была быть облегчена установленіемъ болѣе терпимаго взгляда на обрядовыя различія, необходимымъ условіемъ котораго являлось распространеніе просвѣщенія. Къ этому и нужно было приступить.

Одновременно съ введеніемъ Русской Церкви въ общее русло Православныхъ Восточныхъ Церквей происходилъ и другой болѣе

медленный и постепенный культурный процессъ, сущность котораго заключалась въ пріобщеніи русскихъ къ духовной культурѣ ихъ болѣе образованныхъ сосѣдей, въ усвоеніи иноземныхъ заимствованій, въ развитіи просвѣщенія.

Б. Техническія заимствованія.

Техническія заимствованія изъ Западной Европы начались, какъ извѣстно, очень давно: уже Іоаннъ III выписывалъ иноземныхъ мастеровъ, при Іоаннѣ IV подъ Москвою образовалась небольшая нѣмецкая слобода; сознательный поклонникъ Запада — Борисъ и его политическій противникъ, старозавѣтный москвичъ Василій Ивановичъ Шуйскій одинаково пользовались иноземными военными отрядами; послѣ смуты, московское правительство, сознавая свою отсталость въ ратномъ дѣлѣ, приглашало иностранныхъ офицеровъ и подъ ихъ руководствомъ ревностно преобразовывало прежнія ополченія въ «полки иноземнаго строя». Его старанія привели къ обязательнымъ результатамъ; за вторую половину царствованія Михаила Ѳеодоровича и за время Алексѣя Михайловича численность войска увеличилась въ 2 раза (въ 1631 году было около 70 тысячъ человѣкъ, въ 1681 году — 164 т.), и большая часть его состояла изъ полковъ иноземнаго строя — рейтарскихъ и солдатскихъ. Съ увеличеніемъ войска росли и расходы на него (въ 1631 г. казна тратила на содержаніе его 3 мил. руб. на наши деньги, въ 1680 г.—уже 10 мил.). Для сокращенія ихъ правительство прибѣгло къ устройству собственныхъ оружейныхъ заводовъ, чтобы не выписывать изъ-за границы дорого-стоющаго оружія. При устройствѣ заводовъ, при разработкѣ и выдѣлкѣ металловъ русскіе не могли обойтись безъ помощи иностранныхъ промышленниковъ; послѣдніе во множествѣ привлекались въ Москву, получали отъ правительства ссуды, заводили предпріятія, передавая ихъ затѣмъ въ казну, обучали своимъ искусствамъ русскихъ людей и надолго поселялись въ возстановленной послѣ смутнаго времени Нѣмецкой слободѣ, соблазняя москвичей западно-европейскимъ образомъ жизни и комфортомъ. Съ иностранцами же московское правительство вело переговоры о постройкѣ флота и объ арендѣ для него гаваней на Балтійскомъ морѣ; но судостроеніе окончилось печально: построенный голландскими мастерами корабль «Орелъ» вскорѣ послѣ спуска на Каспійское море былъ уничтоженъ Разинымъ.

В. Необходимость просвѣщенія.

Всѣ указанныя заимствованія западно-европейской матеріальной культуры предназначались, какъ видно, для удовлетворенія военныхъ потребностей и были вызваны прежде всего инстинктомъ національнаго самосохраненія, исканіемъ обороны отъ болѣе могущественныхъ и богатыхъ западно-европейскихъ сосѣдей, а не стремленіемъ пріобщиться къ ихъ духовной жизни. Такое стремленіе стало нарождаться только съ половины XVII вѣка, и однимъ изъ главнѣйшихъ побужденій къ нему была, конечно, церковная реформа Ни-

кона, поколебавшая религіозное, а вмѣстѣ съ тѣмъ и національное самомнѣніе русскихъ, сдѣлавшая иностранцевъ судьями въ самомъ важномъ вопросѣ духовной культуры — въ области религіи. Правда, эти иностранцы были греками, прежними учителями вѣры. Но русскіе люди давно, какъ извѣстно, привыкли считать себя переросшими своихъ учителей. Никонъ снова усадилъ ихъ какъ бы на ученическую скамью и заставилъ выслушать отъ грековъ не только урокъ, но и суровое наставленіе. Та часть русскаго народа, которая смирилась съ этимъ и не ушла въ расколъ, естественно должна была рано или поздно придти къ заключенію, что и въ другихъ областяхъ духовной культуры ей придется кое-чему поучиться у своихъ сосѣдей, придется смотрѣть на Западную Европу не только какъ на поставщицу офицеровъ, рудознатцевъ и промышленниковъ, а какъ на школу. Помимо такого теоретическаго значенія церковной реформы, необходимо отмѣтить, что оба процесса — и чисто-церковный и обще-культурный — были и практически тѣсно связаны другъ съ другомъ. Вѣдь къ исправленію книгъ привлекались, какъ мы знаемъ, иноземные авторитеты, преимущественно малороссійскіе монахи; они, какъ увидимъ, и были первыми проводниками новыхъ культурныхъ вѣяній, первыми основательно-образованными учителями; ихъ просвѣтительная дѣятельность была необходима и для успѣха ихъ главнаго дѣла, такъ какъ сопротивленіе церковной реформѣ приписывалось преимущественно невѣжеству русскихъ людей, закоснѣвшихъ въ старыхъ формахъ быта. Самое проклятіе раскола являлось косвеннымъ осужденіемъ всего стараго уклада русской жизни, несовершенства котораго давно давали себя знать.

§ 2. Старозавѣтный московскій бытъ и его недостатки.

Старозавѣтный московскій бытъ, сложившійся въ главныхъ своихъ чертахъ въ XVI вѣкѣ и нашедшій свое литературное изображеніе въ памятникѣ этого времени «Домостроѣ», не чуждъ былъ многихъ крупныхъ недостатковъ. Значительная часть ихъ можетъ быть объяснена пережитками отдаленной языческой эпохи, примѣромъ многовѣковой грубой «татарщины» и, отчасти, неправильно усвоеннымъ вліяніемъ Византіи, передававшимся главнымъ образомъ черезъ посредство письменности. Суровый аскетизмъ церковныхъ поученій древней Византіи слишкомъ грубо и поверхностно воспринимался молодымъ русскимъ народомъ и плохо вязался съ земными стремленіями, свойственными его здоровой натурѣ. Сложное византійское право пустило глубокіе корни въ области церковнаго управленія и суда и сдѣлалось однимъ изъ основныхъ источниковъ русскаго законодательства, но въ повседневномъ житейскомъ обиходѣ оно давало себя знать преимущественно тѣми мучительными наказаніями, которыя оно устанавливало для преступниковъ. Такимъ образомъ, въ области судопроизвод-

ства византійское право до извѣстной степени освящало ту жестокость, которой русскіе научились у татаръ. Мораль средневѣковыхъ византійцевъ, прославившихся своими кознями, лукавствомъ и плутовствомъ, проникавшая на Русь несмотря на всю ея обособленность, не могла, конечно, благотворно дѣйствовать на ея обитателей. Западноевропейское (нѣмецкое) вліяніе до второй половины XVII вѣка ограничивалось, какъ сказано, лишь областью техническихъ усовершенствованій и было самымъ тонкимъ наноснымъ пластомъ, не проникавшимъ вглубь народной жизни, не искоренявшимъ ея грубыхъ чертъ. Пережитки язычества, дикая «татарщина» и плохо-усвояемая византійская культура вмѣстѣ съ большою примѣсью національнаго московскаго самомнѣнія наложили свой отпечатокъ на старорусскій бытъ, получившій характеръ какого-то калейдоскопа, въ которомъ причудливымъ образомъ сочетались самыя противоположныя черты: высокія и низкія, положительныя и отрицательныя.

Русскій человѣкъ XVI—XVII вѣка, горячо приверженный къ религіи, начинавшій всякое дѣло молитвой, не пропускавшій ни одной церковной службы, изнурявшій себя постомъ, готовый, какъ мы знаемъ, умереть за единую букву своей богослужебной книги, видѣвшій во всѣхъ иновѣрцахъ злѣйшихъ еретиковъ, мывшій руки, если ему приходилось прикоснуться къ нѣмцу, и открещивавшійся (въ буквальномъ смыслѣ слова) отъ всякаго иноземца, нерѣдко таилъ въ себѣ духъ истаго язычника. Самое его обрядовое благочестіе иной разъ не очень далеко отстояло отъ идолопоклонства; его христіанскія вѣрованія перемѣшивались съ клубкомъ языческихъ повѣрій. О распространенности послѣднихъ говоритъ та масса волхвованій, заклинаній и заговоровъ, къ которымъ на каждомъ шагу прибѣгалъ православный москвичъ XVI—XVII вв., и то множество чародѣевъ, чаровницъ, кудесниковъ, сновидцевъ, звѣздочетовъ, облако-прогонниковъ, облакохранителей, вѣдуновъ и «лихихъ бабъ», которые были постоянными спутниками его жизни и отвѣчали на всѣ его запросы своими заклинаньями и моленьями надъ корешками, зельями, водою, камнями, огнемъ, зеркаломъ, приворотными травами, напитками и т. д. Невозможно прямо перечислить всѣхъ суевѣрій, окутывавшихъ сознаніе человѣка того времени, искренно убѣжденнаго притомъ въ своей глубокой религіозности. Такія же крайности замѣчаются и въ удовольствіяхъ той эпохи. Единственнымъ безгрѣшнымъ развлеченіемъ признавалось лишь церковное пѣніе; музыка строжайше запрещалась, всякія представленія считались «позорами бѣсовскими», а танцы — «безчестіемъ Іоанну Предтечѣ»; танцующихъ дѣвицъ называли «невѣстами сатанинными». А между тѣмъ любимою забавою русскихъ людей были неприличныя, грубыя, носящія явные слѣды язычества, потѣхи пьяныхъ, ряженыхъ и скомороховъ. Правда, Церковь всѣми силами боролась съ ними, называя ихъ «бѣсами, преображенными въ людей», а правительство издавало противъ нихъ строгіе указы. Однако жизнь

брала свое, и даже самый набожный царь Ѳеодоръ Іоанновичъ забавлялся шутами, карлпками и травлей медвѣдей. Едва терпѣлась охота (исключеніе дѣлалось, кажется, только для соколиной—это было любимое развлеченіе Алексѣя Михайловича), а между тѣмъ очень распространены были дикіе кулачные бои. Куреніе табаку считалось «бѣсовскимъ дѣломъ» («сѣмена табачныя добыты бѣсомъ изъ глубины ада и посѣяны на могилѣ блудницы»); курильщикамъ не позволялось входить въ церковь, ѣсть и мыться съ другими людьми, а на пьянство смотрѣли сквозь пальцы, преслѣдуя лишь пьяныхъ буяновъ. И дѣйствительно, пьянство (даже среди женщинъ) достигало невѣроятныхъ размѣровъ: нѣкоторые пропивали рѣшительно все, даже одежду, и замерзали на улицѣ; пропившіеся дворяне и дѣти боярскія составляли цѣлыя шайки, питавшіяся подаяніемъ; тотъ считался плохимъ хозяиномъ, кто не напоилъ до-пьяна всѣхъ своихъ гостей. Также распространено было и обжорство: у богатыхъ людей подавалось за обѣдомъ до 50 блюдъ; неумѣренно развивалось и щегольство: иная знатная москвичка привѣтствовала каждаго гостя въ новомъ платьѣ.

Однако тѣ самые люди, которые занимались пьянствомъ, и обжорствомъ, щеголяли роскошью и ничегонедѣланіемъ, заискивали передъ высшими, мѣстничались съ равными и чванились передъ низшими, развлекались напыщеннымъ, какимъ-то византійскимъ этикетомъ, сводили другъ съ другомъ счеты доносами и ябедничествомъ (особенно излюбленной формой доноса было объявленіе «слова и дѣла», т. е. обвиненіе кого-нибудь въ преступленіи противъ государя), оскверняли себя всяческими ругательствами, тѣ самые люди въ трудныя минуты жизни обнаруживали прямо геропческія черты: стойкость и терпѣніе русскихъ во время осады, ихъ способность безропотно переносить всякія лишенія и находиться въ самыхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ прямо поражали иностранцевъ.

Противорѣчій исполнена не только общественная, но и домашняя жизнь москвичей XVI—XVII вѣковъ, опредѣленная строгими правилами «Домостроя». Характерной чертой ея является крайняя замкнутость. Дворъ богатаго москвича представлялъ собою какой-то замкнутый мірокъ, какое-то маленькое государство въ государствѣ съ не то монастырскими, не то тюремными порядками, безпрекословно подчиненное суровой волѣ хозяина, входившаго во всѣ мелочи домоправительства. Въ этомъ дворѣ изнывалъ отъ праздности и скуки цѣлый штатъ (превышавшій иногда нѣсколько сотъ человѣкъ) плохо одѣтыхъ и полуголодныхъ слугъ, дѣлившихся на нѣсколько «статей» и подвѣдомственныхъ двумъ какъ бы министрамъ: дворецкому и ключнику; тамъ, гдѣ хозяйство было особенно большимъ, устраивались даже «приказы» наподобіе государственныхъ, а всѣ хозяйственныя потребности удовлетворялись своими же мастеровыми. Неограниченный властелинъ всей челяди, домохозяинъ былъ полнымъ де-

спотомъ своей семьи. Авторитетъ свой онъ долженъ былъ поддерживать не любовью, а страхомъ. Ласкать дѣтей и даже смѣяться въ ихъ присутствіи считалось недопустимымъ; въ качествѣ педагогическихъ пріемовъ предписывалось «учить дѣтей розгами и сокрушать имъ ребра жезломъ». Цѣль воспитанія усматривалась не столько въ обученіи, ограничивавшемся лишь долбежкой Псалтыри и Часослова, сколько въ подавленіи самостоятельности и воли ребенка, во внушеніи ему страха, смиренія и безпрекословной покорности старшимъ. Проводимая при помощи самыхъ грубыхъ и унизительныхъ пріемовъ, эта система давала весьма плохіе результаты: забитый ребенокъ утрачивалъ стыдъ и увѣренность въ себѣ, раболѣпствовалъ передъ старшими, пока чувствовалъ себя безсильнымъ, а выросши, вымещалъ накипѣвшую злобу на всѣхъ, на комъ только могъ, не исключая и своихъ престарѣлыхъ родителей, вознаграждая себя за тѣ долгіе годы, когда ему предписывалось молчать, повиноваться и «стыдѣніемъ украшаться». Особенно тягостнымъ въ семьѣ было положеніе дочери. Обычай рекомендовалъ родителямъ почаще бить ее до замужества. Когда она подрастала, ее выдавали за человѣка, котораго она не должна была не только знать, но даже видѣть до самаго брака, и выборъ котораго зависѣлъ исключительно отъ воли ея родителей. Празднованіе свадьбы сопровождалось грубыми, унижавшими самолюбіе невѣсты обрядами (въ знакъ своей покорности она должна была разувать сапоги мужу, а онъ ударялъ ее плеткой; царевны въ большинствѣ случаевъ вовсе не выходили замужъ, такъ какъ бракъ съ подданнымъ не допускался этикетомъ, а бракъ съ иновѣрнымъ принцемъ—Церковью). Вступивъ въ домъ мужа, жена на всю жизнь становилась его полной рабой: подъ вліяніемъ аскетическихъ византійскихъ и грубыхъ татарскихъ воззрѣній, русскіе стали смотрѣть на женщину, какъ на существо низменное и до-нельзя грѣховное, съ которымъ не слѣдуетъ даже разговаривать, и которое нужно учить плеткой, такъ какъ это, по Домострою, «разумно и больно, страшно и здорово». Окруженная слугами-шпіонами, устраненная въ зажиточныхъ домахъ отъ воспитанія дѣтей (отдаваемыхъ на попеченіе нянекъ) и отъ веденія хозяйства, женщина составляла полную собственность грубаго мужа, который могъ заложить ее въ обезпеченіе своихъ долговъ или принудить постричься въ монастырь, и который не всегда допускалъ ее даже ѣсть за общимъ столомъ съ нимъ; она весь вѣкъ жила теремной затворницей и появлялась въ общество только для того, чтобы подчивать виномъ гостей своего мужа, которые по его приглашенію цѣловали ее. Обязанная подставлять свое лицо для этихъ пьяныхъ поцѣлуевъ, женщина не могла идти даже въ церковь безъ разрѣшенія мужа, не могла допустить къ себѣ доктора, когда заболѣвала, и должна была довольствоваться его заочными совѣтами. Рабская покорность въ большинствѣ случаевъ убивала въ ней чувство человѣческаго достоинства и въ побояхъ

мужа она привыкала видѣть признаки любви; иногда же въ ней поднимался глухой протестъ измученной рабыни, и она отдѣлывалась отъ мужа при помощи отравы, рискуя подвергнуться за это страшному наказанію: мужеубійцъ зарывали живыми въ землю. Домостроевская строгость не достигала, конечно, своей цѣли и въ смыслѣ чистоты нравовъ: показная патріархальность часто прикрывала самые грубые пороки.

§ 3. Осужденіе московскаго быта современниками.

А. Кн. Хворостининъ.

Недостатки русской жизни встрѣчали рѣзкое осужденіе не только съ точки зрѣнія церковной морали, на которой стояли, напр., ревнители русскаго благочестія, но и съ чисто свѣтской. Однимъ изъ самыхъ раннихъ и яркихъ критиковъ русской дѣйствительности былъ писатель XVII вѣка кн. Хворостининъ (скончавшійся въ 1625 г.). Увлеченіе латинскимъ языкомъ и католицизмомъ смѣшивалось у него съ намѣреннымъ, задорнымъ и наивнымъ пренебреженіемъ къ православію и къ русскому народу. По его словамъ, «въ Москвѣ людей нѣтъ, все—людъ глупый, жить не съ кѣмъ». Хворостининъ собирался даже бѣжать въ Литву или въ Римъ, но попалъ на послушаніе въ монастырь и долженъ былъ смириться. Рѣзко осуждая своихъ соотечественниковъ, онъ не сумѣлъ, однако, ничему научить ихъ.

Б. Котошихинъ.

Болѣе спокойное и безпристрастное описаніе русскаго быта даетъ подъячій Котошихинъ, бѣжавшій (въ 1664 году) изъ Русской земли и поселившійся въ Швеціи. Его сочиненіе служитъ отличнымъ источникомъ для ознакомленія со всѣмъ строемъ Московскаго государства и его недостатками. Котошихинъ ѣдко нападаетъ на русскихъ людей за ихъ «спесивость, непривычку къ работѣ, безстыдство и неправды», язвительно замѣчаетъ, «что они для науки въ иныя государства дѣтей своихъ не посылаютъ, страшась того, что дѣти, побывавъ за границей, не захотятъ вернуться на родину», издѣвается надъ неразумiемъ бояръ, засѣдающихъ въ думѣ, и т. д. Однако и Котошихинъ, подобно Хворостинину, не даетъ никакой положительной программы.

В. Крижаничъ.

Такая программа содержится въ произведеніяхъ Юрія Крижанича, пріѣзжаго хорвата, ученаго католика по воспитанію, патера по должности и страстнаго панслависта (т. е. сторонника объединенія всѣхъ славянскихъ народностей) по убѣжденіямъ. Отпросившись изъ Италіи въ Московію якобы для распространенія въ послѣдней католицизма, онъ явился ко двору Алексѣя Михайловича въ надеждѣ на осуществленіе своихъ панславистскихъ мечтаній: изъ Московскаго государства онъ хотѣлъ сдѣлать центръ объединеннаго славянства; въ москов-

скомъ царѣ онъ видѣлъ единственнаго «промышленника» о всемъ народѣ славянскомъ. Но судьба не сулила ему политической роли: его отправили въ Сибирь, и онъ прожилъ здѣсь въ теченіе 15 лѣтъ, занимаясь литературнымъ трудомъ: онъ работалъ надъ созданіемъ обще-славянскаго языка и надъ политическими трактатами, въ которыхъ развивалъ свои смѣлые планы. Какъ страстный славянскій патріотъ, онъ болѣзненно ненавидѣлъ нѣмцевъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не скрывалъ, что они во многомъ опередили его сородичей, и что послѣднимъ необходимо учиться у нихъ, чтобы ихъ же средствами вести съ ними культурную борьбу. Возлагая всѣ свои упованія на Россію, указывая ей великую миссію — объединить вокругъ себя всѣхъ славянъ и сдѣлаться посредницей между восточными и западными народами,—онъ не скрывалъ всѣхъ темныхъ сторонъ русской жизни: косности русскихъ умовъ, лѣни, пьянства, неопрятности и неряшливости внѣшняго облика русскихъ людей, ихъ жилищъ и одежды; жаловался, что у нихъ нѣтъ чувства личнаго достоинства и самодѣятельности; не стѣснялся ставить въ примѣръ москвичамъ не только западно-европейцевъ, но даже турокъ и татаръ. Средствомъ для исцѣленія всѣхъ недостатковъ и поднятія народнаго благосостоянія онъ признавалъ распространеніе просвѣщенія и, главнымъ образомъ, западно-европейскихъ техническихъ знаній. По его мнѣнію, правительство должно принудительно насаждать образованіе и заботиться о культурномъ развитіи страны, не подавляя, однако, чрезмѣрною опекою общественнаго самоуправленія, не злоупотребляя своей крутою властью, не допуская «людодерства», т. е. слишкомъ жестокихъ мѣръ, предоставляя подданнымъ «умѣренныя слободины» (т. е. свободы). Въ общихъ чертахъ идеалъ Крижанича сводится къ слѣдующему: нравственное и политическое возрожденіе славянства посредствомъ просвѣщенія и національной переработки западно-европейской культуры.

§ 4. Измѣненіе московской жизни во второй половинѣ XVII вѣка и усвоеніе западной культуры.

Въ то время, какъ Крижаничъ теоретически доказывалъ необходимость просвѣщенія и усвоенія западно-европейской культуры для пользы государства и для борьбы съ врагами славянъ, нѣкоторые представители московскаго общества начали практически воспринимать эту культуру для собственныхъ выгодъ. Процессъ пріобщенія къ ней совершался двоякимъ путемъ: съ одной стороны московская знать понемногу стала усваивать западно-европейскій комфортъ, привычки и развлеченія, которыя она могла наблюдать въ бойкой жизни Нѣмецкой слободы и Польши; съ другой стороны проявлялась также научная любознательность, вызываемая и удовлетворяемая преиму-

щественно оригинальными и переводными произведеніями западно-русскихъ ученыхъ и побуждавшая къ устройству школъ.

А. Измѣненіе домашняго быта.

Домашній бытъ московской знати измѣнялся: и болѣе изящная обстановка и одежда и менѣе грубыя удовольствія свидѣтельствовали о большей утонченности вкусовъ и о польскомъ вліяніи. Отъ непристойнаго скоморошества переходили къ «комедійнымъ дѣйствамъ», т. е. театральнымъ представленіямъ. Послѣдними увлекался самъ царь Алексѣй Михайловичъ: для него одинъ изъ пасторовъ Нѣмецкой слободы ставилъ пьесы на сюжеты изъ ветхозавѣтной исторіи. Въ селѣ Преображенскомъ построена была «комедійная хоромина»; набрана была труппа актеровъ; нарождался даже балетъ, которымъ не гнушалась забавляться царская семья. Однимъ изъ главныхъ устроителей театра былъ близкій къ царю боярин Матвѣевъ, большой поклонникъ Запада, покровитель нѣмцевъ, ревностно подражавшій иностранцамъ въ своемъ домашнемъ обиходѣ. Такимъ же европеизмомъ отличался дядя царя Ник. Ив. Романовъ. Увлекаясь внѣшними формами западной культуры, эти передовые москвичи стремились также къ усвоенію ея внутренняго содержанія. Въ этомъ отношеніи особенно много сдѣлалъ другъ царя, извѣстный грекофилъ Ртищевъ. Онъ сумѣлъ сочетать въ себѣ высокія нравственныя качества, дѣлающія его похожимъ на подвижника-аскета, съ живымъ интересомъ къ современности и съ пламеннымъ стремленіемъ къ просвѣщенію. Его усиліями около Москвы учреждено было подобіе Академіи наукъ: такой характеръ имѣлъ построенный имъ монастырь, гдѣ жили пріѣзжіе кіевскіе ученые монахи, приглашаемые для перевода книгъ и для обученія всѣхъ желающихъ.

Б. Просвѣтительная дѣятельность западно-русскихъ ученыхъ.

«Западно-русскій православный монахъ, выученный въ школѣ латинской или въ русской, устроенной по ея образцу, и былъ, по словамъ историка (Ключевскаго), первымъ проводникомъ западной науки, призваннымъ въ Москву». Дѣятельность такихъ лицъ, какъ Славинецкій, Сатановскій, Птицкій и другіе, не ограничивалась участіемъ въ исправленіи богослужебныхъ книгъ. Они вмѣстѣ съ другимъ извѣстнымъ западно-русскимъ ученымъ Симеономъ Полоцкимъ были и переводчиками всевозможныхъ иностранныхъ сочиненій и учителями.

Во второй половинѣ XVII вѣка въ Москвѣ замѣчался уже большой спросъ на книги, преимущественно энциклопедическаго характера (такъ, напр., особенно извѣстно было сочиненіе «о градѣ царскомъ», представлявшее собою какъ бы хрестоматію, составленную изъ отрывковъ разныхъ писателей по самымъ разнороднымъ вопросамъ). Конечно, свѣдѣнія, сообщаемыя ими по естествознанію, космографіи, философіи и исторіи, были очень малонаучны, такъ какъ

черпались изъ устарѣвшихъ схоластическихъ источниковъ и перемѣшивались съ фантастическими вымыслами въ родѣ «высшей философской алхимеи». Руководства по краснорѣчію, составленныя питомцами Кіевской Академіи, отличались вычурностью и безжизненнымъ паѳосомъ и предлагали въ качествѣ образцовъ для проповѣдей неудобопонятныя словесныя хитросплетенія. Однако, кромѣ такихъ сочиненій, разсчитанныхъ на вкусъ любителей всякихъ «премудростей» или предназначенныхъ для подготовки доморощенныхъ ораторовъ, издавались и учебныя книги, приспособленныя къ нуждамъ первоначальнаго образованія. Большимъ распространеніемъ пользовался, напр., «краткій катихизисъ» Могилы, грамматика Смотрицкаго, Синопсисъ (учебникъ исторіи) Гизеля, греко-славянскій лексиконъ Славинецкаго. Появленіе учебниковъ стояло въ связи съ зарожденіемъ школъ.

Первоначально онѣ не имѣли ни опредѣленной организаціи, ни постояннаго состава учениковъ, а представляли собою какъ бы случайныя группы приказныхъ людей, прикомандированныхъ правительствомъ къ какому-нибудь свѣдущему лицу для изученія иностранныхъ языковъ. По своему внѣшнему характеру, такія школы еще сильно напоминали обычный и прежде въ Московской Руси способъ преподаванія, заключавшійся въ томъ, что учителя изъ духовныхъ лицъ время отъ времени набирали къ себѣ «малыхъ ребятокъ» для обученія ихъ грамотѣ и чтенію псалтыри. Однако во второй половинѣ XVII вѣка проявляется, повидимому, потребность въ школѣ иного типа: это видно изъ того, что прихожане одной изъ московскихъ церквей хлопотали объ устройствѣ такого «гимнасіона», въ которомъ преподавалась бы «грамматическая хитрость, языки славянскій, греческій и латинскій и прочія свободныя ученія». Богатые москвичи возмѣщали недостатокъ школъ организаціей приличнаго домашняго образованія. Сыновья нѣкоторыхъ вельможъ владѣли польскимъ и латинскимъ языками и способны были произносить на этихъ языкахъ даже «орацiи», т. е. рѣчи. Польскому и латинскому языку обучались также дѣти царя Алексѣя Михайловича, занятіями которыхъ руководилъ просвѣщенный и талантливый наставникъ Симеонъ Полоцкій.

В. Соперничество латинской и византійской культуры.

Какъ видно изъ изложеннаго, во второй половинѣ XVII вѣка извѣстная часть московскаго общества была захвачена культурнымъ движеніемъ. Правда, она была очень немногочисленной: значительная часть народа укрылась, какъ извѣстно, отъ всѣхъ новшествъ подъ знаменемъ раскола, да и не ушедшая въ расколъ масса населенія коснѣла по прежнему въ невѣжествѣ; наконецъ, сами передовые москвичи еще опасливо относились къ своему увлеченію иноземнымъ и не совсѣмъ отвыкли смотрѣть на него какъ на запретный плодъ. Многіе изъ нихъ колебались между греческимъ и латинскимъ просвѣщеніемъ. Если, по

мнѣнію однихъ, даже «въ греческой грамотѣ еретичество есть», то несравненно болѣе, по мнѣнію другихъ, было его въ латинской: «кто по-латыни учился, тотъ съ праваго пути совратился»—такъ разсуждали въ Москвѣ въ то время не одни невѣжды. Латинская иновѣрная культура представлялась большинству недопустимой, и въ исходѣ XVII вѣка восторжествовало мнѣніе приверженцевъ греческаго просвѣщенія. Это видно изъ того, что, когда въ восьмидесятыхъ годахъ XVII вѣка обсуждали вопросъ объ учрежденіи на Руси высшаго учебнаго и ученаго учрежденія «славяно-греко-латинской академіи», то въ основу ея преподаванія рѣшено было положить греческія науки, а ея уставъ вмѣнялъ ей въ обязанность бороться съ латинскимъ вліяніемъ во всемъ Московскомъ государствѣ.

Однако, несмотря на подозрительное отношеніе къ «латинству», подъ которымъ разумѣли всю западно-европейскую культуру, среди москвичей все же встрѣчались западники. Изъ ихъ небольшого кружка выходили люди, стремившіеся направить свою родину на путь широкихъ реформъ, предвидѣвшіе будущее культурное развитіе Россіи. Самымъ замѣтнымъ провозвѣстникомъ будущаго былъ талантливѣйшій сподвижникъ Алексѣя Михайловича дипломатъ Ординъ-Нащокинъ.

Г. Ординъ-Нащокинъ и его планы.

Неродовитый по происхожденію, Ординъ занялъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ государствѣ (онъ управлялъ Посольскимъ приказомъ) благодаря своему отличному образованію (онъ владѣлъ латинскимъ, нѣмецкимъ и польскимъ языками), безупречной честности и огромнымъ, прямо исключительнымъ способностямъ. Онъ превосходно выполнялъ и военныя, и административныя порученія, но той сферой дѣятельности, въ которой онъ не имѣлъ равнаго среди современниковъ, была дипломатія. Своими дипломатическими талантами онъ не только снискалъ искреннее уваженіе иноземныхъ дипломатовъ, но часто ставилъ ихъ даже втупикъ поразительной находчивостью, умѣньемъ воспользоваться всякой оплошностью своихъ соперниковъ. Притомъ, какъ дипломатъ, Ординъ никогда не прибѣгалъ къ нечестнымъ пріемамъ. Какъ администраторъ, онъ былъ всегда одушевленъ стремленіемъ къ благу государства. Дипломатическія способности онъ блестяще проявилъ при заключеніи Андрусовскаго мира, административныя—въ бытность свою псковскимъ воеводою. Но у Ордина было нѣчто большее, чѣмъ способности: ему присуща была геніальность, выразившаяся въ томъ, что задолго до Петра Великаго онъ начерталъ программу реформъ, которая затѣмъ въ значительной степени была осуществлена Великимъ Преобразователемъ.

Планъ преобразованій, составленный Ординымъ, довольно ясно характеризуетъ его міровоззрѣніе. 1) Ординъ является убѣжденнымъ сторонникомъ подражанія Западу, но подражанія не мелочнаго и

внѣшняго, а разумнаго, существеннаго; 2) подобно Крижаничу, онъ мечтаетъ о союзѣ всѣхъ славянскихъ народовъ; однако эти мечты не расплываются у него въ туманныхъ очертаніяхъ, а принимаютъ вполнѣ конкретную форму: необходимымъ условіемъ процвѣтанія славянства онъ считаетъ союзъ Московскаго государства съ Польшей, а, если возможно, то объединеніе ихъ подъ властью Московской династіи; 3) русско-польскій союзъ необходимъ, по его мнѣнію, и для осуществленія ближайшей цѣли внѣшней политики Россіи; а эту цѣль онъ видитъ въ завоеваніи Ливоніи,—въ утвержденіи на берегахъ Балтійскаго моря, отъ котораго Россія отрѣзана шведскими владѣніями; борьба со Швеціей представляется Ордину столь настоятельно необходимой, что для привлеченія на русскую сторону поляковъ онъ готовъ отказаться отъ Малороссіи; 4) въ области внутренней политики Ординъ на первый планъ ставитъ заботы о народномъ благосостояніи, считая непремѣннымъ условіемъ его не только развитіе торговыхъ сношеній съ азіатскими странами, но и предоставленіе торгово-промышленному классу значительной доли самоуправленія; 5) Ординъ стремится и къ преобразованію порядка управленія государствомъ, настаиваетъ на предоставленіи должностнымъ лицамъ извѣстной самодѣятельности и горько сѣтуетъ на косность ума москвичей, на отсутствіе у нихъ «промысла», т. е. сообразительности, на ихъ приверженность къ рутинѣ.

Д. Князь В. В. Голицынъ.

Ординъ-Нащокинъ былъ не одинокъ: младшій его современникъ, выступившій на поприще дѣятельности значительно позже его—уже при преемникахъ Алексѣя Михайловича — кн. В. В. Голицынъ развилъ и дополнилъ его идеи. Блестяще-образованный, истый европеецъ по своимъ привычкамъ, кн. Голицынъ много разсуждалъ о распространеніи просвѣщенія, о тѣсномъ культурномъ сближеніи съ Западомъ, о вѣротерпимости, о коренномъ преобразованіи московскихъ военныхъ силъ и даже объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной неволи и объ обращеніи ихъ только въ плательщиковъ государственныхъ налоговъ. И среди ближайшихъ своихъ современниковъ Ординъ также встрѣчалъ единомышленниковъ.

§ 5. Царствованіе Ѳеодора Алексѣевича.

(1676—1682 г.г.).

А. Борьба за вліяніе.

Къ западникамъ можетъ быть причисленъ и преемникъ царя Алексѣя Михайловича, его сынъ Ѳеодоръ Алексѣевичъ. Ѳеодоръ III вступилъ на престолъ въ 1676 году, имѣя всего четырнадцать лѣтъ отъ роду. Онъ былъ питомцемъ Симеона Полоцкаго, «великимъ любителемъ наукъ», поклонникомъ польской культуры (его первая супруга происходила изъ польской фамиліи Грушецкихъ). Но его шестилѣтнее правленіе

(1676 — 1682 г.г.) не ознаменовалось важными событіями, такъ какъ царь вслѣдствіе крайней болѣзненности и отсутствія энергіи, не былъ способенъ ни къ самостоятельному управленію, ни къ самостоятельному выбору руководителей. При дворѣ шла борьба за вліяніе, напоминавшая нѣсколько время Ѳеодора I-го, но лица, подобнаго Борису Годунову, теперь не нашлось. Борьба велась между родственниками покойной жены Алексѣя Михайловича—Милославскими—съ одной стороны, и родней и близкими вдовствующей царицы, второй супруги Алексѣя, рожденной Нарышкиной—съ другой стороны. Руководителемъ партіи Нарышкиныхъ былъ извѣстный западникъ Матвѣевъ. Вмѣстѣ съ Нарышкиными онъ подвергся гоненію, когда одолѣли Милославскіе, но и послѣдніе скоро были оттѣснены любимцами царя: Языковымъ, Лихачевымъ и кн. Голицынымъ.

Б. Отмѣна мѣстничества.

Послѣдній былъ назначенъ предсѣдателемъ двухъ комиссій, собранныхъ въ 1681 году: первая, состоявшая изъ выборныхъ отъ служилыхъ людей, обсуждала «устроеніе и управленіе ратнаго дѣла», т. е. преобразованіе войска, второй—поручено было выработать новую систему податного обложенія. Дѣятельность второй комиссіи направлена была къ возможному объединенію налоговъ. Первая же составила проектъ преобразованія всего русскаго войска по иноземному образцу (т. е. обращенія его въ регулярную армію) и раздѣленія его, по примѣру польскаго, на роты, подчиненныя поручикамъ и ротмистрамъ. Когда приступлено было къ составленію примѣрнаго списка ротмистровъ, то возникло опасеніе, что лица многихъ именитыхъ фамилій не захотятъ служить ротмистрами и начнутъ мѣстничаться другъ съ другомъ. Вслѣдствіе такихъ опасеній, участники комиссіи били челомъ государю объ отмѣнѣ мѣстничества. По этому поводу государь въ январѣ 1682 года пригласилъ на совѣщаніе патріарха съ «освященнымъ соборомъ», думныхъ людей и выборныхъ отъ придворныхъ чиновъ. Кн. Голицынъ доложилъ присутствующимъ о челобитьѣ комиссіи; царь и патріархъ говорили о вредѣ мѣстничества: прочіе участники совѣщанія также признали его источникомъ «великихъ пакостей, нестроеній, разрушеній, непріятелямъ радованія, и между служилыми людьми богопротивнаго дѣла—великой продолжительной вражды». Въ заключеніе составленъ былъ приговоръ (такъ называемое «Соборное дѣяніе») объ отмѣнѣ мѣстничества, о сожженіи мѣстническихъ дѣлъ и о томъ, чтобы впредь всѣмъ служилымъ людямъ «быть безъ мѣстъ».

Причины уничтоженія вѣкового, нѣкогда столь дорогого русскому сердцу обычая, заключаются въ слѣдующемъ:

1) Вредъ мѣстничества уже давно былъ признанъ и правительствомъ и благомыслящимъ обществомъ, въ XVII же вѣкѣ правительство энергичнѣе, чѣмъ прежде, боролось съ нимъ, чаще объявляя «безмѣстіе» и строже взыскивая съ неправильно мѣстничавшихся лицъ.

2) Правительственныя мѣропріятія, направленныя къ ограниченію мѣстничества, встрѣчали поддержку со стороны многочисленныхъ «худородныхъ» людей, не блиставшихъ «отечествомъ»; послѣдніе въ XVII вѣкѣ дослуживались, какъ извѣстно, до высокихъ чиновъ и были заинтересованы не столько сохраненіемъ своей мѣстнической чести отъ «порухи», сколько сохраненіемъ своего виднаго служебнаго положенія. Нечиновные же служилые люди мечтали о превращеніи московскаго служилаго класса въ привилегированное сословіе наподобіе польской шляхты, т. е. въ такое сословіе, члены котораго, высоко поднимаясь надъ неслужилыми классами, обладали бы наслѣдственными, не зависящими отъ службы предковъ привилегіями и правами на занятіе высокихъ мѣстъ. Для образованія такого сословія, очевидно, необходима была отмѣна мѣстничества, представлявшаго собою какъ бы пропасть, которая отдѣляла худородныхъ людей отъ немногихъ уцѣлѣвшихъ обломковъ древнихъ аристократическихъ родовъ.

3) Лишь послѣдніе, т. е. представители знатныхъ фамилій, были заинтересованы въ сохраненіи мѣстничества, но ихъ не много уцѣлѣло ко времени Ѳеодора Алексѣевича, да и уцѣлѣвшіе были, какъ извѣстно, настолько обезсилены бурями смутнаго времени, что, по словамъ одного дьяка конца XVII вѣка, стали «зяблымъ деревомъ». Таковы были главныя причины уничтоженія мѣстничества.

Какъ бы идя навстрѣчу желаніямъ служилыхъ людей, мечтавшихъ объ образованіи однороднаго шляхетскаго или дворянскаго сословія, Ѳеодоръ Алексѣевичъ объявилъ ихъ выборнымъ, что онъ прикажетъ составить особую Родословную книгу и вписать въ нее фамиліи служилыхъ людей: эта книга (появившаяся нѣсколько лѣтъ спустя и извѣстная подъ названіемъ Бархатной) положила какъ бы основаніе организаціи однороднаго дворянства, замѣнившаго собою прежній служилый классъ, который разбивался, какъ извѣстно, на нѣсколько разрядовъ и статей, объединенныхъ между собою только одинаковымъ прикрѣпленіемъ къ службѣ.

В. Проектъ намѣстничествъ.

Итакъ, отмѣна мѣстничества шла навстрѣчу желаніямъ «худородныхъ». Люди же «высокой породы», пострадавшіе отъ нея, сдѣлали смѣлую попытку вознаградить себя за утрату своихъ мѣстническихъ правъ. Они составили планъ раздѣленія Московскаго государства на крупныя области, во главѣ которыхъ должны были стать пожизненные намѣстники изъ московской титулованной знати. Этотъ планъ, какъ бы воскрешавшій удѣльную систему, не былъ, однако, приведенъ въ исполненіе, такъ какъ встрѣтилъ осужденіе со стороны патріарха.

Г. Другія мѣропріятія Ѳеодора Алексѣевича.

Уничтоженіе мѣстничества было важнѣйшимъ внутреннимъ мѣропріятіемъ Ѳеодора Алексѣевича.

Изъ другихъ мѣръ его царствованія слѣдуетъ упомянуть:

1) Устройство, по совѣту Ртищева, богадѣленъ и

домовъ призрѣнія для нищихъ и убогихъ, а также цѣлаго ряда церковно-благотворительныхъ учрежденій.

2) Составленіе устава Славяно-Греко-Латинской Академіи, которая была открыта уже послѣ кончины Ѳеодора. Просвѣщенный царь не успѣлъ осуществить и многихъ другихъ своихъ намѣреній, клонившихся къ поднятію народнаго образованія.

Въ области внѣшней политики при Ѳеодорѣ сдѣлано было также немного: при немъ Московскому государству, какъ сказано выше, пришлось воевать съ Турціей изъ-за Малороссіи, но правительство поспѣшило закончить эту войну Бахчисарайскимъ миромъ, отказавшись отъ Западной Украйны.

Итакъ, царствованіе Ѳеодора небогато выдающимися событіями. Однако, необходимо отмѣтить, что и этотъ слабый и болѣзненный юноша-царь велъ свое государство по тому же пути культурнаго развитія, на который осторожно вступилъ его отецъ, и подготовлялъ его къ реформѣ.

Заключеніе.

Какъ видно изъ всего вышеизложеннаго, первые цари изъ дома Романовыхъ, стремясь возстановить дѣйствовавшій до смуты московскій порядокъ, внесли въ него, однако, много новаго, и Московская Русь за время ихъ правленія значительно преобразилась:

I. Верховная власть, освободившись отъ послѣднихъ признаковъ удѣльной старины и получивъ національно-демократическій характеръ, сдѣлалась вполнѣ неограниченной: разбитое смутой боярство должно было отказаться отъ политическихъ притязаній; земскіе соборы, сотрудничавшіе съ царемъ въ первой половинѣ XVII вѣка, во второй половинѣ его перестали созываться; теократическая попытка Никона окончилась неудачей. Единственнымъ общепризнаннымъ носителемъ всей полноты власти законодательной, судебной и исполнительной былъ царь, считавшійся также верховнымъ покровителемъ Церкви.

Установившееся самодержавіе приводило къ централизаціи управленія, т. е. къ управленію посредствомъ назначенныхъ верховной властью (а не избранныхъ населеніемъ) должностныхъ лицъ и вполнѣ зависимыхъ отъ нея учрежденій.

II. Московскія учрежденія, отличавшіяся прежде неоформленнымъ, расплывчатымъ характеромъ, со второй половины XVII вѣка стали постепенно получать опредѣленную организацію, какъ внѣшнюю, такъ и внутреннюю.

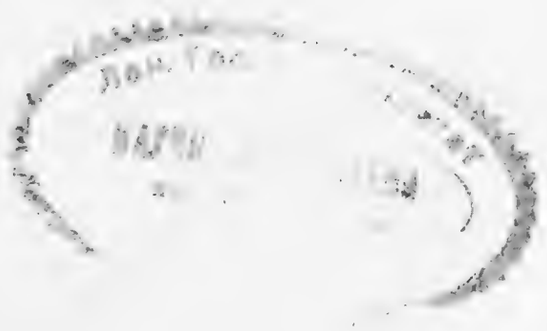
III. Московскія сословія выкристаллизовались, обособились другъ отъ друга и сложились въ три главныя группы: а) служилую—дворянскую, б) торгово-промышленную—посадскую, в) крѣпостную—крестьянскую.

IV. Внутренній застой московской жизни былъ побѣжденъ церковной реформой и цѣлымъ рядомъ сознательныхъ подражаній Западной Европѣ.

V. Въ нѣкоторой части Московскаго общества крѣпла вѣра въ могущество западной науки и зрѣли планы широкихъ преобразованій.

Послѣднее показываетъ, что «русскій народъ», какъ говоритъ историкъ (Соловьевъ), «собрался въ дорогу и ждалъ вождя».

Такимъ вождемъ сталъ младшій сынъ Алексѣя Михайловича—Петръ Великій.



ТОГО-ЖЕ АВТОРА:

Учебная книга по русской исторіи (руководство для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній) часть I. До Петра Великаго. (Ученымъ Комитетомъ М. Н. Пр. допущена въ качествѣ учебнаго руководства для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній). СПБ. 1912 г. Ц. 1 р.

Цѣна 2 р. 50 к.